

ФРАГМЕНТЫ ДОИСТОРИИ

Первый топорик в ашеле Кавказа

Необычная стоянка среднего палеолита в Израиле

Восточноевропейские степи и позднепалеолитические люди

История одного конфликта

Чужие письма: переписка В. А. Городцова и Д. Н. Льва

Вооруженное насилие в палеолите

Редколлегия номера:

Леонид Б. Вишняцкий (ответственный редактор),

Сергей И. Коваленко (зам. отв. редактора)

E-ISSN: 1857-3533

Category B

Stratum plus. Nr. 1.
Archaeology and Cultural Anthropology

Fragments of Prehistory

First *hachereau* in the Acheulean of the Caucasus
Unusual Middle Palaeolithic site in Israel
East European steppes and the Late Palaeolithic humans
The history of a conflict
Opening letters: correspondence between V.A. Gorodtsov and D.N. Lev
Armed violence in the Palaeolithic

Volume Editorial Board: Leonid B. Vishnyatsky (Editor-in-Charge),
Serghei I. Covalenco (Associate Editor)

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.

2014

Stratum plus. Nr. 1.
Arheologie și antropologie culturală

Fragmente ale preistoriei

Primul toporaș din acheuleanul Caucazului
Un sit inedit din paleoliticul mijlociu din Israel
Stepele est-europene și oamenii din paleoliticul târziu
Istoria unui conflict
Scrisori străine: corespondența dintre V.A. Gorodțov și D.N. Lev
Violența armată în paleolitic

Colegiul de redacție a volumului: Leonid B. Vishnyatsky (redactor responsabil),
Serghei I. Covalenco (redactor adjunct)

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.

2014

Editor-in-Chief — doctor of history **Mark E. Tkachuk**
Coordinating Editor — doctor of history **Roman A. Rabinovici**
Responsible Secretary — doctor of history **Leonid A. Mosionjnic**
Management and promotion — **Alexander N. Burean**

Founder — **Alexei S. Tulbure**

Editorial Advisory Board:

M. B. Shchukin. *Through the Decision of the Senate of the High Anthropological School and Stratum plus editorial board, the name of Mark B. Shchukin shall be recorded forever in the list of editors of this journal in memory of his outstanding merits.*

- G. Atanasov** — doctor of historical sciences (Regional History Museum, Silistra, Bulgaria).
M. Babeş — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania).
S. Beletsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
Yu. Berezkin — professor, doctor of historical sciences (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (the Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia).
V. Borshevich — doctor habilitat of physical-mathematical sciences (Moldovan Branch of the UN International Academy of Informatization, Kishinev, Moldova).
I. Bruyako — doctor of historical sciences (Odessa Archaeological Museum of Ukraine National Academy of Sciences, Odessa, Ukraine).
V. Cavruc — doctor of history (Eastern Carpathians National Museum, Sfântu Gheorghe, Romania).
S. Covalenco — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
V. Dergacev — doctor habilitat of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
A. Dobrolyubsky — doctor of historical sciences (South Ukraine Pedagogical University, Odessa, Ukraine).
E. Girya — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
B. Govedarica — professor, doctor habilitat (Free University of Berlin, Berlin, Germany).
S. Hansen — professor, doctor habilitat (German Archaeological Institute, Eurasia Department, Berlin, Germany).
M. Kazansky — doctor of historical sciences (CNRS — French National Center for Scientific Research, Center for Studies in History and Civilization of Byzantium, Paris, France).
V. Kirilko — candidate of historical sciences (Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine, Simferopol, Ukraine).
A. Kovalev — member correspondent of the German Archaeological Institute, leader of Central Asian International Archaeological Expedition (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia).
I. Manzura — doctor of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
K. Marchenko — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
S. Monachov — doctor of historical sciences (Institute of Archeology and Cultural Heritage of the N.G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia).
V. Myts — candidate of historical sciences (The State Hermitage Muzeum, Saint Petersburg, Russia).
E. Nicolae — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania).
L. Nikolova — PhD, professor (International Institute of Anthropology, Salt Lake City, USA).
K. Randsborg — professor in archaeology (University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark).
N. Russev — doctor habilitat of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
O. Sharov — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
P. Shuvalov — candidate of historical sciences (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia).
O. Shcheglova — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
N. Telnov — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
L. Vishnyatsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
V. Zuev — candidate of historical sciences (Saint Petersburg, Russia).

Redactor șef — doctor în istorie **Mark E. Tkachuk**

Redactor coordonator — doctor în istorie **Roman A. Rabinovici**

Secretar responsabil — doctor în istorie **Leonid A. Mosionjnic**

Administrare și promovare — **Alexander N. Burean**

Fondator — **Alexei S. Tulbure**

Colegiul redacțional:

M. B. Shchukin. *Prin Decizia Senatului Universității „Școala Antropologică Superioară” și a redacției revistei „Stratum plus”, în memoria meritelor savantului de seamă Mark B. Shchukin, numele său a fost înscris pe veci în componența colegiului redacțional.*

G. Atanasov — doctor în științe istorice (Muzeul regional de istorie, Silistra, Bulgaria).

M. Babeș — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, București, România).

S. Beletsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

Yu. Berezkin — profesor, doctor în științe istorice (Muzeul de antropologie și etnografie „Petru cel Mare” al Academiei de Științe a Rusiei (Kunstkamera), Sankt Petersburg, Rusia).

V. Borșevici — doctor habilitat în fizică și matematică (Filiala Republicii Moldova al Academiei internaționale de informatizare pe lângă ONU, Chișinău, Moldova).

I. Bruyako — doctor în științe istorice (Muzeul de arheologie din Odesa, Academia Națională de Științe a Ucrainei, Odesa, Ucraina).

V. Cavruc — doctor în istorie (Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe, România).

S. Covalenco — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

V. Dergacev — doctor habilitat în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

A. Dobrolyubsky — doctor în științe istorice (Universitatea pedagogică din Ucraina de Sud, Odesa, Ucraina).

E. Girya — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

B. Govedarica — profesor universitar, doctor habilitat, (Universitatea Liberă din Berlin, Germania).

S. Hansen — profesor universitar, doctor habilitat (Institutul German de Arheologie, Departamentul de Eurazie, Berlin, Germania).

M. Kazanski — doctor în științe istorice (Centrul Național pentru Cercetări Științifice din Franța, Centrul pentru Studii în Istorie și Civilizație Bizantină, Paris, Franța).

V. Kirilko — candidat în științe istorice (Institutul de arheologie, filiala Crimeea, al Academiei Naționale de Științe din Ucraina, Simferopol, Ucraina).

A. Kovalev — membru corespondent al Institutului German de Arheologie, conducător al Expediției arheologice internaționale în Azia Centrală (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).

I. Manzura — doctor în istorie (Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, Chișinău, Moldova).

K. Marchenko — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

S. Monachov — doctor în științe istorice (Institutul de arheologie și patrimoniul cultural, Universitatea de Stat din Saratov „N. G. Cernișevskii”, Saratov, Rusia).

V. Myts — candidat în științe istorice (Muzeul de Stat Hermitage, Sankt Petersburg, Rusia).

E. Nicolae — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, București, România).

L. Nikolova — doctor, profesor (Institutul Internațional de Antropologie, Salt Lake City, SUA).

K. Randsborg — profesor în arheologie (Universitatea din Copenhaga, Copenhaga, Danemarca).

N. Russev — doctor habilitat în istorie (Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, Chișinău, Moldova).

O. Sharov — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

P. Shuvalov — candidat în științe istorice (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).

O. Shcheglova — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

N. Telnov — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

L. Vishnyatsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

V. Zuev — candidat în științe istorice (Sankt Petersburg, Rusia).

Adresa: str. Zimbrului 10a, Chișinău, MD-2024, Moldova
Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, revista „Stratum plus”.

Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Главный редактор — доктор истории **Марк Е. Ткачук**

Редактор-координатор — доктор истории **Роман А. Рабинович**

Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжик**

Управление и продвижение — **Александр Н. Бурян**

Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

М. Б. Щукин. *Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала «Stratum plus» имя Марка Борисовича Щукина в память о его выдающихся заслугах навсегда вписано в состав редколлегии этого издания.*

Г. Г. Атанасов — доктор исторических наук (Региональный исторический музей, Силистра, Болгария).

М. Бабеш — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).

С. В. Белецкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Ю. Е. Березкин — профессор, доктор исторических наук (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия).

В. И. Боршевич — доктор хабилитат физико-математических наук (Молдавское отделение Международной Академии информатизации при ООН, Кишинёв, Молдова).

И. В. Бруяко — доктор исторических наук (Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины, Одесса, Украина).

Л. Б. Вишняцкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Е. Ю. Гирия — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Б. Говедарица — профессор, доктор хабилитат (Свободный университет Берлина, Берлин, Германия).

В. А. Дергачев — доктор хабилитат истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).

А. О. Добролюбский — доктор исторических наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина).

В. Ю. Зуев — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия).

В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния).

М. Казанский — доктор исторических наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция).

В. П. Кирилко — кандидат исторических наук (Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины, Симферополь, Украина).

А. А. Ковалев — член-корреспондент Немецкого Археологического института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).

С. И. Коваленко — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).

И. В. Манзура — доктор истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).

К. К. Марченко — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

С. Ю. Монахов — доктор исторических наук (Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия).

В. Л. Мыц — кандидат исторических наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия).

Л. Николова — доктор, профессор (Международный Институт антропологии, Солт-Лейк-Сити, США).

Е. Николае — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).

К. Рандсборг — профессор археологии (Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания).

Н. Д. Руссев — доктор хабилитат истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).

Н. П. Тельнов — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).

С. Ханзен — профессор, доктор хабилитат (Немецкий археологический институт, Евразийское отделение, Берлин, Германия).

О. В. Шаров — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

П. В. Шувалов — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).

О. А. Щеглова — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: ул. Зимбрулуй 10а, Кишинев, MD-2024, Республика Молдова

Университет «Высшая антропологическая школа», журнал «Stratum plus».

Тел./факс: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Издан при поддержке
Ольги Витальевны Свиридовой,
Олега Алексеевича Тюренкова
и Алексея Александровича Рыбалко

Stratum plus. Археология и культурная антропология (сокращенно *Stratum plus*) — международный рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Издаётся университетом «Высшая антропологическая школа» с 1999 года. Выходит на русском языке.

Тематика публикаций журнала не ограничена ни регионально, ни хронологически. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии, принимаются к публикации материалы по истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Журнал выходит шесть раз в год в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается отдельной исторической эпохе. Последний, 6-й номер годового цикла включает статьи по нумизматике и эпиграфике разных периодов, а также статьи по культурной антропологии, этнологии, истории позднего средневековья и начала нового времени. Каждый вышедший номер имеет свое собственное уникальное название, характеризующее содержание номера.

Электронная версия журнала (e-ISSN 1857-3533) доступна на сайте www.e-anthropology.com. Здесь же можно ознакомиться с полным архивом журнала.

Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (abridged as *Stratum plus*) is an international peer-reviewed academic journal covering topical issues of archaeology and cultural anthropology, published by the High Anthropological School University since 1999. The journal comes out in the Russian language. All papers are supplemented by abstracts in English, Russian and Moldovan languages.

Subjects are not limited either regionally or chronologically. They include results of analytical research, interpretations or a high-quality publication of new sources. Contributions on history, ethnology, numismatics, epigraphics and other auxiliary historical disciplines are accepted along with papers on archaeology and cultural anthropology.

The Journal comes out six times a year in subject-oriented volumes dedicated to a specific historical age. The last, the sixth issue includes papers on numismatics and epigraphics of different periods, as well as papers on cultural anthropology, ethnology, history of late Middle Ages and early New Time. Each volume has its own unique title relevant to its content.

Online journal (e-ISSN 1857-3533) and **full archive** are available on www.e-anthropology.com.

Все права защищены.

© Университет «Высшая антропологическая школа», Р.Р. «Stratum plus», журнал «Stratum plus. Археология и культурная антропология»

© Обложка: Д. А. Топал

Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина
Перевод на государственный язык Республики Молдова: С. Церна
Технический координатор: Ж.Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжниц, Г. В. Засыпкина
Редактор карт: Л. А. Мосионжник
Корректор: Г. В. Засыпкина

Статьи этого журнала доступны учреждениям-подписчикам базы данных EBSCOhost.com

Содержание номеров журнала доступно также и в научной базе данных Elibrary.ru

Article level content of this publication is available to subscribing institutions via EBSCOhost.com databases

Article level content of this publication is also available via Elibrary.ru scientific databases

СОДЕРЖАНИЕ

**НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ:
ОТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ДО МОЛДОВЫ**

- С. А. Кулаков** (*Санкт-Петербург, Россия*), **А. А. Зейналов** (*Баку, Азербайджан*). **Первый топорик (*hachereau sur éclat, flake cleaver*) в ашеле Кавказа** 17
- Й. Зайднер** (*Иерусалим, Израиль*). **Нешер Рамла — новая стоянка среднего палеолита в Израиле** 29
- Н. К. Анисюткин** (*Санкт-Петербург, Россия*), **В. А. Бурлаку** (*Кишинёв, Молдова*), **В. А. Марарескул** (*Тирасполь, Молдова*), **А. К. Очередной, К. Н. Степанова, А. Р. Баснер** (*Санкт-Петербург, Россия*). **Местонахождение Грушка** 45
- А. Л. Чепалыга** (*Москва, Россия*), **Д. В. Киосак** (*Одесса, Украина*). **Малоизвестные местонахождения каменного века и следы эпохи экстремальных затоплений в Буджаке** 59

**ЧЕЛОВЕК И ЖИВОТНЫЕ
В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

- И. В. Сапожников** (*Ильичевск, Украина*). **Степная природно-хозяйственная область Восточной Европы в позднем палеолите** 69
- М. Н. Желтова, Н. Д. Бутова** (*Санкт-Петербург, Россия*). **Сопоставление жилых комплексов Костёнок 4 на основе изучения остеологических коллекций** 111

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**

- В. И. Ташак** (*Улан-Удэ, Россия*). **Становление раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам Нижнего комплекса стоянки Подзвонкая)** 149
- Е. И. Демонтерова, А. В. Иванов, Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин** (*Иркутск, Россия*). **К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена** 165

МЕЗОЛИТ

- С. Н. Савченко** (*Екатеринбург, Россия*). **Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья** . . . 181

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТА

- Е. В. Детлова** (*Красноярск, Россия*), **А. М. Буровский** (*Санкт-Петербург, Россия*), **С. В. Кузьминых** (*Москва, Россия*). **Конфликт В. А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки 211**
- С. В. Кузьминых, И. В. Белозёрова** (*Москва, Россия*). **Переписка В. А. Городцова и Д. Н. Льва (1933—1941 гг.) 229**

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Е. Ю. Гиря** (*Санкт-Петербург, Россия*), **В. В. Цыбрий, А. В. Цыбрий** (*Ростов-на-Дону, Россия*). **Опыт организации и проведения экспериментально-трасологических школ-семинаров на базе этно-археологического парка 297**

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

- Л. Б. Вишняцкий** (*Санкт-Петербург, Россия*). **Вооруженное насилие в палеолите 311**

НОМО ARMATUS: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

- П. В. Пучков** (*Киев, Украина*), **А. М. Буровский** (*Санкт-Петербург, Россия*). **Sapienti sat... (Ответ на «Ex ungue leonem» В. В. Питулько) 335**
- Список сокращений. 343**
- Авторам «Stratum plus» 347**

CONTENTS

NEW DISCOVERIES:
FROM THE NEAR EAST TO MOLDOVA

- S.A. Kulakov** (*Saint Petersburg, Russia*), **A.A. Zeynalov** (*Baku, Azerbaijan*).
**The First Flake Cleaver (*hachereau sur éclat*) in the Acheulean of the
Caucasus 17**
- Y. Zaidner** (*Jerusalem, Israel*). **A New Open-Air Middle Palaeolithic Site at
Nesher Ramla, Israel. 29**
- N.K. Anisyutkin** (*Saint Petersburg, Russia*), **V.A. Burlacu** (*Kishinev, Moldova*),
V.A. Marareskul (*Tiraspol, Moldova*), **A.K. Otcherednoy**, **K.N. Stepanova**,
A.R. Basner (*Saint Petersburg, Russia*). **Grushka Site 45**
- A.L. Chepalyga** (*Moscow, Russia*), **D.V. Kiosak** (*Odessa, Ukraine*). **Little Known
Stone Age Sites and Traces of the Extreme Inundations Epoch
in Budzhak 59**

MAN AND ANIMALS
IN THE LATE PALAEOOLITHIC OF EASTERN EUROPE

- I.V. Sapozhnikov** (*Illichivsk, Ukraine*). **Steppe Natural-Economic Area of East
Europe in the Upper Palaeolithic 69**
- M.N. Zheltova**, **N.D. Burova** (*Saint Petersburg, Russia*). **Comparison of
Dwelling Complexes of Kostenky 4 Based of the Study of Osteological
Collections 111**

PROBLEMS IN THE STUDY
OF THE PALAEOOLITHIC OF EASTERN SIBERIA

- V.I. Tashak** (*Ulan-Ude, Russia*). **Formation of the Early Upper Palaeolithic in
Western Transbaikal (with particular reference to the Lower Complex
of the Podzvonkaya site) 149**
- E.I. Demonterova**, **A.V. Ivanov**, **E.M. Ineshin**, **A.V. Tetenkin** (*Irkutsk, Russia*).
**On the Mobility of Ancient Population in the North of Baikal Siberia
at the End of the Pleistocene. 165**

MESOLITHIC

- S.N. Savchenko** (*Ekaterinburg, Russia*). **Continuity and Innovations in the
Development of the Mesolithic Bone Industry in the Forest Zone of
Eastern Urals 181**

FROM THE HISTORY OF PALEOLITHIC ARCHAEOLOGY

- E. V. Detlova** (*Krasnoyarsk, Russia*), **A. M. Burovsky** (*Saint Petersburg, Russia*), **S. V. Kuzminykh** (*Moscow, Russia*). **Conflict of V.A. Gorodtsov and Gero v. Merhart in the Context of the History of Science** 211
- S. V. Kuzminykh, I. V. Belozerova** (*Moscow, Russia*). **Correspondence between V.A. Gorodtsov and D.N. Lev (1933—1941)** 229

ARCHAEOLOGICAL EDUCATION

- E. Yu. Girya** (*Saint Petersburg, Russia*), **A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy** (*Rostov-on-Don, Russia*). **Experience of Organizing and Conducting Experimental-Traceological Schools-Seminars in Ethno-Archaeological Parks** 297

SOCIAL RECONSTRUCTIONS

- L. B. Vishnyatsky** (*Saint Petersburg, Russia*). **Armed Violence in the Palaeolithic** 311

HOMO ARMATUS: A CONTINUATION OF THE DISCUSSION

- P. V. Putshkov** (*Kiev, Ukraine*), **A. M. Burovsky** (*Saint Petersburg, Russia*). **Sapienti sat... (Answer to “Ex ungue leonem” by V. V. Pitulko)** 335
- List of Abbreviations** 343
- Submissions** 352

CUPRINS

**NOI DESCOPERIRI:
DE LA ORIENTUL APROPIAT LA MOLDOVA**

- S.A. Kulakov** (*Sankt Petersburg, Rusia*), **A.A. Zeynalov** (*Baku, Azerbaidjan*).
Primul toporaş (*hachereau sur éclat, flake cleaver*) din acheuleanul
Caucazului 17
- Y. Zaidner** (*Jerusalim, Israel*). Un nou sit sub aer liber din paleoliticul mijlociu
de lângă Nesher Ramla, Israel. 29
- N.K. Anisyutkin** (*Sankt Petersburg, Rusia*), **V.A. Burlacu** (*Chişinău, Moldova*),
V.A. Marareskul (*Tiraspol, Moldova*), **A.K. Otcherednoy**, **K.N. Stepanova**,
A.R. Basner (*Sankt Petersburg, Rusia*). Situl de lângă satul Hruşca. 45
- A.L. Chepalyga** (*Moscova, Russia*), **D.V. Kiosak** (*Odesa, Ucraina*). Situri inedite
din epoca pietrei şi urme ale epocii inundaţiilor extreme în Bugeac 59

**OMUL ŞI ANIMALELE
ÎN PALEOLITICUL TÂRZIU AL EUROPEI DE EST**

- I.V. Sapozhnikov** (*Illicivsk, Ucraina*). Regiunea natural-economică de stepă din
Europa de Est în paleoliticul superior 69
- M.N. Zheltova**, **N.D. Burova** (*Sankt Petersburg, Rusia*). Analiza comparativă
a complexelor de locuire din Kostenki 4 în baza studiului colecţiilor
osteologice. 111

**PROBLEMELE CERCETĂRII
PALEOLITICULUI SIBERIEI DE EST**

- V.I. Tashak** (*Ulan-Ude, Rusia*). Formarea paleoliticului superior timpuriu în
Transbaicalul de vest (în baza materialelor din complexul inferior al
sitului Podzvonkaia) 149
- E.I. Demonerova**, **A.V. Ivanov**, **E.M. Ineshin**, **A.V. Tetenkin** (*Irkutsk, Rusia*).
Despre mobilitatea vechilor populaţii din nordul Siberiei Baikalice de la
sfârşitul pleistocenului 165

MEZOLITIC

- S.N. Savchenko** (*Ekaterinburg, Russia*). Continuitate şi inovaţii în evoluţia
industrii osoase din mezoliticul zonei de pădure a Uralului de Est 181

DIN ISTORICUL ARHEOLOGIEI PALEOLITICULUI

- E. V. Detlova** (*Krasnoiarsk, Rusia*), **A. M. Burovsky** (*Sankt Petersburg, Rusia*),
S. V. Kuzminykh (*Moscova, Russia*). **Conflictul dintre V. A. Gorodțov**
și Gero v. Merhart în contextul istoriei științei. 211
- S. V. Kuzminykh, I. V. Belozerova** (*Moscova, Rusia*). **Corespondența dintre**
V. A. Gorodțov și D. N. Lev (1933—1941). 229

EDUCAȚIA ARHEOLOGICĂ

- E. Yu. Girya** (*Sankt Petersburg, Rusia*), **A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy** (*Rostov-on-Don,*
Russia). **Despre o tentativă de organizare și realizare a școlilor de vară**
experimental-traseologice în baza unui parc etno-arheologic. 297

RECONSTRUCȚII SOCIALE

- L. B. Vishnyatsky** (*Sankt Petersburg, Rusia*). **Conflicte armate în paleolitic**. . . . 311

HOMO ARMATUS: CONTINUAREA DISCUȚIEI

- P. V. Putshkov** (*Kiev, Ucraina*), **A. M. Burovsky** (*Sankt Petersburg, Rusia*).
Sapienti sat... (răspuns la articolul „Ex ungue leonem” al lui
V. V. Pitulko) 335
- Listă de abrevieri**. 343
- Submissions**. 352

Новые открытия: от Ближнего Востока до Молдовы

New Discoveries: From the Near East to Moldova
Noi descoperiri: de la Orientul Apropiat la Moldova

С. А. Кулаков, А. А. Зейналов

Первый топорик (hachereau sur éclat, flake cleaver) в ашеле Кавказа

Keywords: Caucasus, Acheulean, Garadzha, flake cleavers, problems of typology.

Cuvinte cheie: Caucaz, acheulean, Garadzha, toporașe, probleme de tipologie.

Ключевые слова: Кавказ, ашель, Гараджа, топорики, проблемы типологии.

S. A. Kulakov, A. A. Zeynalov

The First Flake Cleaver (hachereau sur éclat) in the Acheulean of the Caucasus

The Acheulean site of Garadzha was discovered in 2013 on the southern shore of the Minghechaur water reservoir in the west of Azerbaijan. Stone artefacts and faunal remains were collected in 7 localities confined to an ancient terrace. The localities of Garadzha, Garadzha 1, 2, 3, and 5, which yielded Acheulean artifacts, seem to be the most important ones. All the artefacts are made of local raw material (pebbles). Their geomorphological position, state of preservation, and morphology permit to consider the industry of Garadzha homogeneous one. Of particular interest among the stone tools is a cleaver (hachereau) from Garadzha 1. It possesses all the characters typical of this tool category, and has indisputable analogies in the Acheulean of Africa.

S. A. Kulakov, A. A. Zeynalov

Primul toporaș (hachereau sur éclat, flake cleaver) din acheuleanul Caucazului

Situl acheulean de la Garadzha a fost descoperit în 2013 pe malul sudic al lacului de acumulare Mingheciaur din Azerbaijanul de vest. Pe platforma unei terase au fost descoperite artefacte din piatră și resturi faunistice, fiind evidențiate 7 puncte de concentrare a materialului. Cele mai interesante sunt punctele Garadzha, Garadzha 1, 2, 3, și 5 cu inventar acheulean. Toate artefactele sunt executate din materie primă locală (piatră de râu). Condițiile de descoperire, starea de conservare și morfologia artefactelor permit să considerăm industria sitului Garadzha ca fiind una omogenă. Printre inventarul litic, de un interes deosebit este o piesă din punctul Garadzha 1, care posedă toate trăsăturile tipice unui toporaș (hachereau) cu analogii ferme în acheuleanul african.

С. А. Кулаков, А. А. Зейналов

Первый топорик (hachereau sur éclat, flake cleaver) в ашеле Кавказа

Осенью 2013 г. на западе Азербайджана, на южном берегу Мингечаурского водохранилища был открыт новый ашельский памятник — стоянка Гараджа. Каменные изделия и фаунистические остатки были обнаружены на террасовой площадке, где выявлено 7 пунктов залегания материала. Наибольший интерес представляют пункты Гараджа, Гараджа 1, 2, 3, 5, давшие ашельский инвентарь. Все предметы изготовлены из местного галечного сырья. Условия обнаружения, а также сохранность и морфологии артефактов позволяют считать индустрию местонахождения Гараджа гомогенной. Среди каменных изделий выделяется топорик (колун) с пункта Гараджа 1. Он обладает всеми признаками, характерными для вещей этой категории, и имеет несомненные аналогии в африканском ашеле.

В 2012 г. Гянджа-Газахский отряд палеолитической археологической экспедиции Института археологии и этнографии НАНА произвёл археологические разведки на западе Азербайджана. Основной задачей работ был осмотр эоплейстоценовых и ранних неоплейстоценовых отложений (акчагыл-апшерон-баку) в местах их обнажения в западной части Куро-Араксинской низменности, в особенности в тех районах, где ранее были обнаруже-

ны костеносные линзы с остатками плейстоценовой фауны (Ализаде 1973; Саблин 1990; Кузьмина, Саблин 1991; Сотникова, Саблин 1993). Одним из маршрутов разведок стал осмотр южного берега Мингечаурского водохранилища на р. Кура (рис. 1). Здесь, недалеко от плотины Мингечаурской ГЭС, на хребте Боздаг, в районе горы Гараджа было зафиксировано новое местонахождение плейстоценовой фауны (зубы слона), рядом с которым

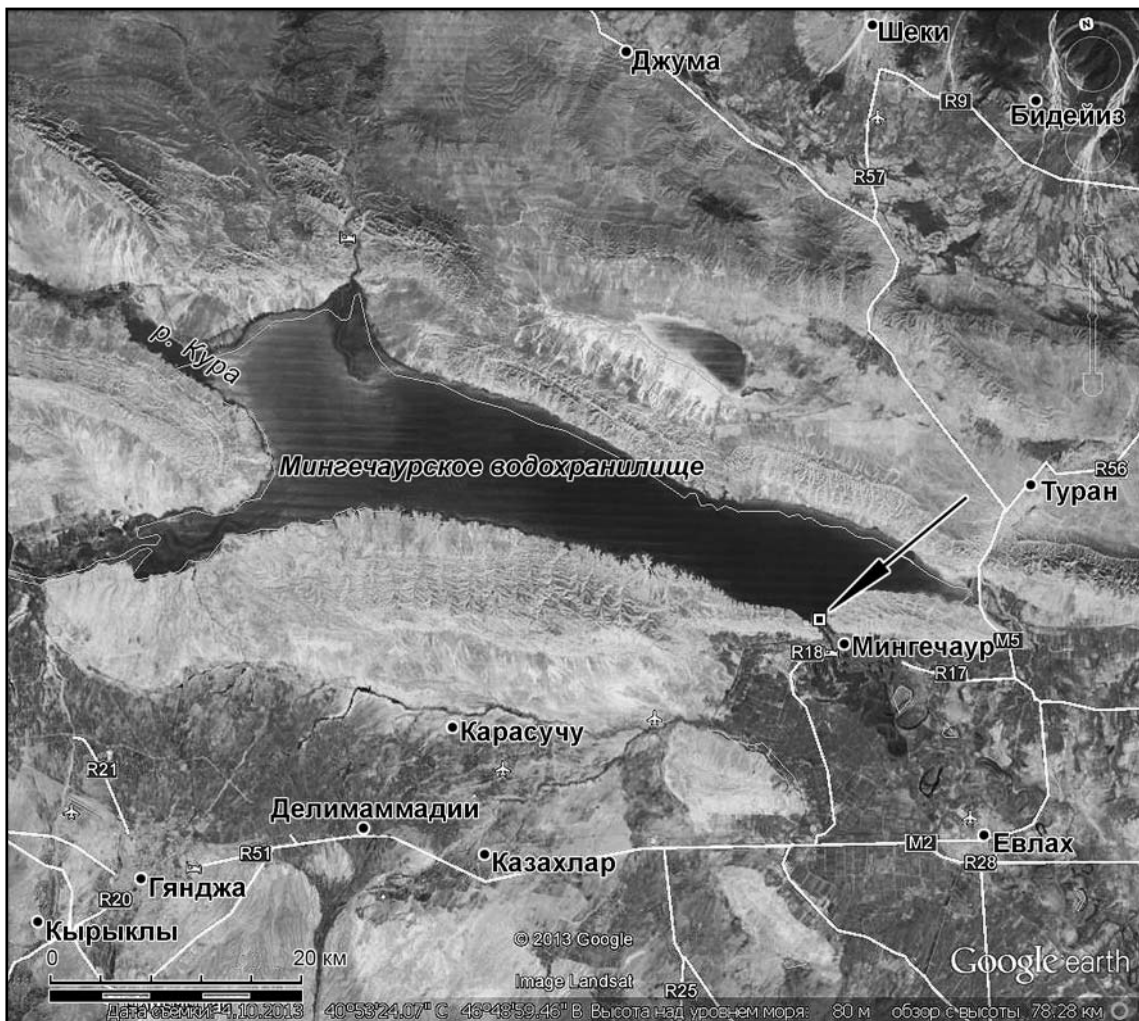

Рис. 1. Запад Азербайджана. Река Кура, Мингечаурское водохранилище. Место работ 2012—2013 гг. показано стрелкой.

Fig. 1. Western Azerbaijan, the Kura river, Minghechaur water reservoir. The area explored in 2012—2013 is shown by the arrow.

были собраны каменные артефакты (сколы, оббитые гальки). Памятник получил название Гараджа.

В сентябре 2013 г. Гянджа-Газахский азербайджано-русский отряд палеолитической археологической экспедиции Института археологии и этнографии НАН Азербайджана целенаправленно произвел тщательное обследование местонахождения Гараджа, в результате которого полностью подтвердились ранее высказанные предположения. Так был открыт новый раннепалеолитический памятник — ашельская стоянка Гараджа.

Памятник приурочен к северному крылу хребта Боздаг, который сложен терригенными породами (глина, песок, гравий), дислоцированными под углами 60—70°. В ходе избирательной эрозии поверхность хребта приобрела интенсивно расчлененный рельеф. Бронирующие пачки сцементированного гравия и песка образуют поверхности многочис-

ленных, но небольших по размерам куэстообразных холмов. Слабоустойчивые пачки глины размыты, и по ним развиты понижения рельефа, кроме того, весь хребет рассечен системой сухих долин, заложенных от осевой части хребта к периферии. На берегу водохранилища эти долины переходят в небольшие бухты с песчаными пляжами (Геология Азербайджана 1998).

Непосредственно район исследований, по наблюдениям И. А. Идрисова, представлен активным клифом (высотой уступа на отдельных участках до 15 м), выработанным вдоль южного берега Мингечаурского водохранилища. Севернее клифа образовалась террасовая площадка, размеры которой (в первую очередь ширина) зависят от уровня воды в водохранилище, достигающего максимума весной и минимума осенью-зимой. Достаточно низкий уровень воды позволил в сентябре 2013 г. выявить 7 пунктов залегания артефак-

Рис. 2. Местонахождение Гараджа, пункты сборов артефактов и фауны. Г — Гараджа; Г1—Г6 — Гараджа 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Fig. 2. Site of Garadzha and localities, where artefacts and faunal remains were collected. Г — Garadzha; Г1—Г6 — Garadzha 1, 2, 3, 4, 5, 6.

тов и фауны на протяжении около 1 км вдоль берега водохранилища с юго-запада, от плотины ГЭС, на северо-восток. Они были обозначены как Гараджа и Гараджа 1—6 (рис. 2). Наибольший интерес представляют пункты Гараджа, Гараджа 1, 2, 3, 5, давшие не только ашельский инвентарь (табл. 1), но и возможность проведения комплексных естественно-научных исследований для получения геологических, геоморфологических, биостратиграфических и др. данных.

Во время работ 2013 г. наиболее полно были обследованы пункты Гараджа и Гараджа 1. Для этих участков характерно чередование терригенных пород — серо-жёлтых цементированных песков и жёлтых глин с прослоями и линзами галечников. К этим галечным прослойкам и были приурочены находки артефактов, которые локализовались в двух полосах сборов: 1 — южный (нижний) уровень и 2 — северный (верхний) уровень (рис. 3).

Таблица 1.

Местонахождение Гараджа. Коллекция ашельских артефактов по пунктам сборов 2013 г.

	Гараджа	Гараджа 1	Гараджа 2	Гараджа 3	Гараджа 5	Итого
Ручные рубила		7	2	1	3	13
Чопперы	5	24		3	5	37
Колуны		1				1
Скребла	1	4			1	6
Ядрища	1	1	1		3	6
Сколы	2	12		1		15
Всего	9	49	3	5	12	78

Рис. 3. Пункты Гараджа и Гараджа 1. 1, 2 — уровни сборов ашельских артефактов.

Fig. 3. Localities of Garadzha and Garadzha 1. Levels of occurrence of the Acheulean artefacts.

Для участка Гараджа и Гараджа 1 И. А. Идрисовым были составлены предварительные стратиграфические схемы (рис. 4). Почти 100-метровая толща отложений на пункте Гараджа показывает огромные перспективы дальнейших исследований. Подстилает толщу слой пепла (взят на анализ), на котором залегают переслаивающиеся многочисленные горизонты глин и песков. В последних много прослоев и линз с фауной моллюсков (отобраны на определение). В мощном слое глины выше пепла залегают нижний горизонт с костями крупной наземной фауны (найден череп слона). Вышележащий слой сильно цементированного, ожелезнённого серого песка, включающий многочисленные находки окаменевшей растительности (обломки стволов, веток и листьев деревьев), подстилает нижний уровень залегания артефактов в слое глины с прослоями галечников. Верхний уровень залегания артефактов также приурочен к слою глины с прослоями галечников, который перекрывается мощным, сильно цементированным слоем серого песка (в нем был обнаружен череп носорога). Уровни обнаружения артефактов на пунктах Гараджа и Гараджа 1 залегают в одних и тех же слоях глины, которые прослеживаются на всём их простираении (рис. 3).

О возрасте этой пачки слоев с находками можно говорить пока только очень предположительно, в широком диапазоне от верхнего апшерона до баку (от 1 млн. — 800 тыс. л. н. до 500 тыс. л. н.).

Собранная коллекция артефактов (табл. 1), несмотря на их пока ещё небольшое коли-

чество, весьма показательна и оригинальна. Все предметы изготовлены из местного галечного сырья, которое в изобилии встречается в галечных линзах и прослоях на всём обследованном протяжении берега. Гальки разнообразны по размерам, форме, качеству и цвету, но большинство использованных камней представлено в серой и серо-жёлтой гамме. Сохранность поверхности изделий весьма различна: от практически свежей до сильно оглаженной и окатанной. Несмотря на немногочисленность гараджинской индустрии, при её изучении сразу становится ясным, что древние мастера понимали толк в местном галечном сырье. Для изготовления ручных рубил, скрёбел и получения сколов предпочитались тонкозернистые породы камня, а при получении чопперов учитывалась, как представляется, в первую очередь форма гальки, и только затем — качество сырья. Сходные предпочтения в выборе качества и формы для изготовления тех или иных орудий были отмечены и для ашельских индустрий пещерной стоянки Кударо I (Любин, Беляева 2006: 49). Эти факты, на наш взгляд, вполне очевидно говорят о достаточном высоком уровне мастерства по изготовлению каменных орудий в ашельский период.

Условия обнаружения артефактов, а также их сохранность и морфология позволяют считать индустрию местонахождения Гараджа гомогенной и одновременной в рамках ашельского периода эпохи раннего палеолита. Ручные рубила коллекции разнообразны по морфологии и степени сохранности, но, на наш взгляд, уже сейчас можно выделить

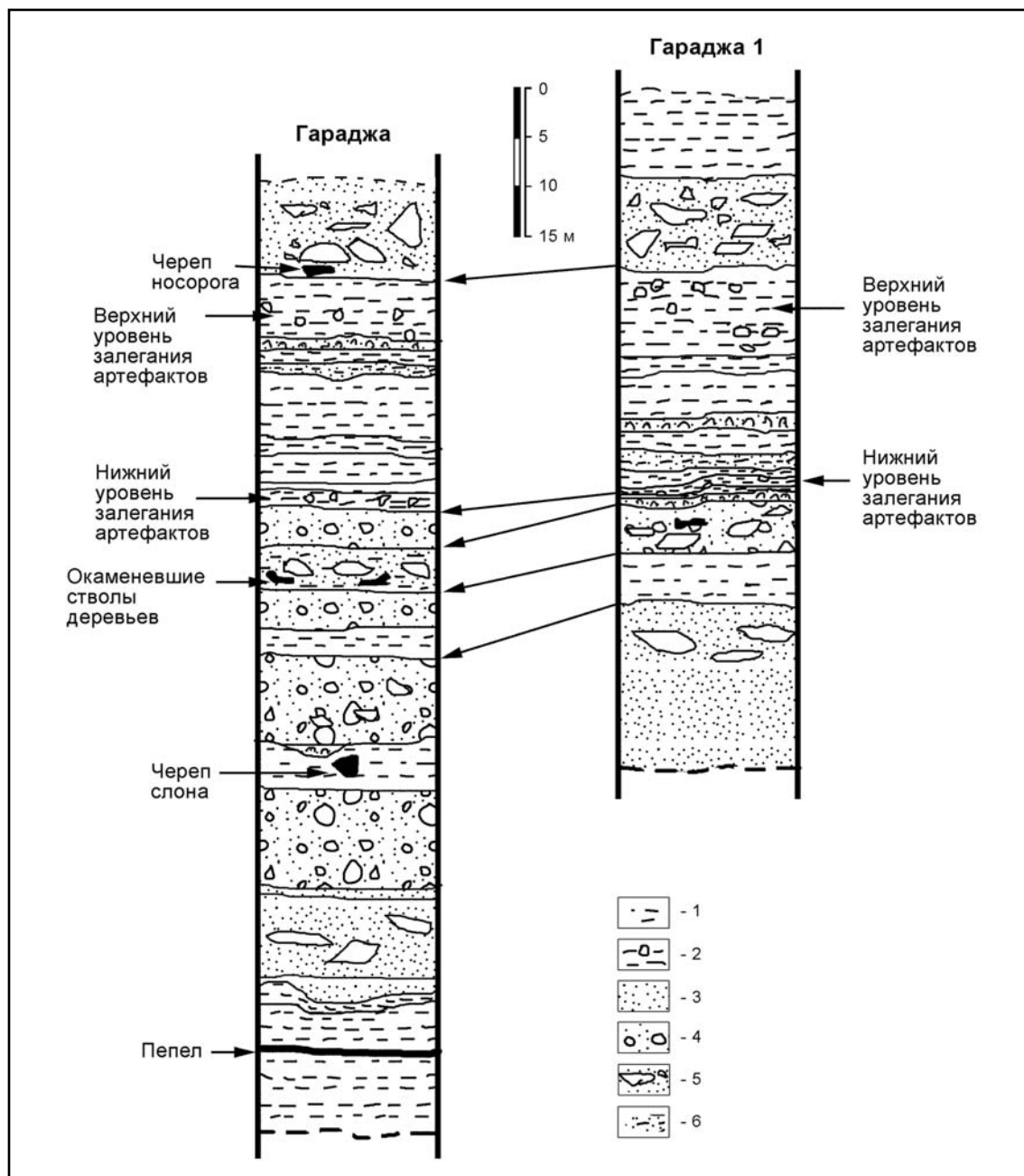

Рис. 4. Пункты Гараджа и Гараджа 1. Предварительная стратиграфическая схема по И.А. Идрисову (Институт геологии Дагестанского научного центра РАН). 1 — глина; 2 — глина с линзами гальки; 3 — песок; 4 — песок с галькой; 5 — песок с линзами гальки и глины; 6 — глинистый песок (опесчаненная глина).

Fig. 4. Localities of Garadzha and Garadzha 1. Tentative stratigraphic scheme by I.A. Idrisov (Institute of Geology of the Dagestan Science Center of the Russian Academy of Sciences). 1 — clay; 2 — clay with lenses of pebbles; 3 — sand; 4 — sand with pebbles; 5 — sand with lenses of pebbles and clay; 6 — clay sand.

среди них группу обушковых форм, которые, возможно, определяют культурную специфику индустрии.

Наиболее богата в коллекции категория груборубящих орудий, в которой, наряду с субкатегорией разнообразных чопперов, выделяется особая субкатегория орудий, условно называемых «ударниками». Это, как правило, крупные, округлой формы гальки, разбитые практически пополам; полученный таким

образом искусственный край затем тщательно оббивался сколами и ретушью по всему периметру.

Среди чопперов гараджинской индустрии выделяется одно орудие — это очень крупный, весом около 4 кг, двусторонний чоппер, изготовленный из очень большой гальки. Для ашеля Азербайджана подобная орудийная форма, впервые была выделена М.М. Гусейновым в нижних VII—X слоях пещерной стоянки

Азых и названа «гигантолитом». Серия таких изделий, выделенная в нижних слоях азыхской пещеры, послужила одним из критериев для выделения куручайской культуры раннего палеолита (Гусейнов 1979). Впервые похожее орудие было найдено за пределами пещеры Азых на местонахождении Гараджа.

Особого внимания в гараджинской коллекции заслуживает изделие, которое можно обозначить как «топорик» или, по терминологии Г. П. Григорьева, «колун» (Григорьев 1977: 48, 96). Мы предпочитаем первый термин. Во франкоязычной литературе такие вещи называют *hachereau sur éclat* — топорик на отщепе (Brézillon 1968: 249—250), в англоязычной — *flake cleaver* (Васильев и др. 2007: 144).

Французский термин «*hachereau*» — «топорик», согласно справочнику М. Н. Брезийона, был введён А. Брейлем в 1930 г. для описания африканских ашельских орудийных форм — бифасов с поперечным лезвием (Brézillon 1968: 249). П. Биберсон в 1954 г., рассматривая артефакты из Марокко, пишет об *hachereau* как об орудиях «унифасиальных» или «бифасиальных» с поперечным рабочим краем. Среди них он выделяет «топорик классический» (*hachereau classique*) — бифас со скошенным рабочим краем, полученным «снятием треугольного скола по ширине изделия», и впервые вводит термин «топорик на отщепе» (*hachereau sur éclat*) — скол, имеющий в «терминальной части изделия» естественное скошенное лезвие, образованное поверхностью скальвания (вентралом) и естественной поверхностью исходной отдельности сырья (Biberson 1954: 42, 44).

Ж. Тиксье в 1957 г., основываясь также на материалах Северной Африки, дал чёткое определение этого ашельского орудия. Топорик (*hachereau, cleaver*) — «орудие на отщепе с поперечным лезвием, последнее всегда естественное, свободное от намеренной ретуши и получается на стыке плоскости скальвания и плоскости верхней». Автор настаивал на том, что термин *hachereau* должен применяться именно к этим орудиям на сколах, таким образом, термин *hachereau sur éclat*, по его мнению, становится плеоназмом (Tixier 1956: 916). Далее Ж. Тиксье предлагает классификацию топориков, основанную на морфологии скола заготовки и степени обработки его краёв и поверхности (Tixier 1956: fig. 1.). Самым спорным, на первый взгляд, может показаться тип 5 этой классификации, имеющий двустороннюю оббивку (Tixier 1956: 921). На самом деле автор не отступает от изложенного им принципа: топорик — это орудие с попе-

речным, естественно образованным лезвием, у которого сплошная обработка обоих краёв и обеих сторон вполне допустима. Примечательно, что, по мнению Ж. Тиксье, эта классификация отражает не только морфологические особенности «топориков», но и хронологию развития этих форм (Tixier 1956; Balout, Biberson, Tixier 1967).

Ф. Борд в своём классическом труде по типологии раннего и среднего палеолита, вышедшем из печати в 1961 г., разделяет топорики (*hachereaux*) и топорики на отщепе (*hachereaux sur éclats*). Топорики — это бифасы с поперечным скошенным лезвием (Bordes 1979: 77), а топорики на отщепе — это орудия на крупном сколе с необработанным лезвием, противопоставляемым базальной части, и с обработанными одним или двумя боковыми краями (Bordes 1979: 78). Таким образом, он не поддержал определение, предложенное Ж. Тиксье, и типологически не определённая категория *hachereaux*, объединяющая морфологически различные категории орудий — топорики и бифасы, продолжает, с легкой руки Ф. Борда, существовать до сих пор, особенно в зарубежном палеолитоведении. Вместе с этим, высказывание исследователя о том, что топорики — не только специфическая африканская ашельская форма изделий (Bordes 1979: 78), полностью оправдалось в дальнейшем. Согласно Ф. Борду, уже на тот момент топорики были обнаружены на юге Западной Европы и в Индии. Представляется, что хотя не все орудия, изображенные в таблицах к «Типологии», можно бесспорно отнести к кливерам или топорикам, некоторые изображенные формы являются таковыми (Bordes 1979: Pl. 71: 2; 72: 1; 75: 1; 76; 77; 78; 79; 80; 81; 82: 1, 4; 83: 6). Примечательно, что большая часть этих топориков датируется автором средним палеолитом (мустье). На наш взгляд, это может объясняться очень поздним проникновением этих ашельских форм в Западную Европу и, возможно, не с юга, не из Африки.

Итак, к настоящему времени в зарубежном палеолитоведении сложилось представление о том, что категория *hachereau (cleaver)* включает в себя как бифасы с поперечным скошенным лезвием, так и орудия на крупных сколах с естественным поперечным лезвием — топорики. Нас интересуют больше топорики, которые появляются в Африке в раннем ашеле и распространяются практически по всему континенту (Bordes 1968; Григорьев 1977; Любин, Беляева 2004: 32). В африканском среднем, а особенно в позднем ашеле топорики становятся хорошо выраженными морфологически и многочислен-

ными, правда, не во всех районах Африки. Отличается в этом отношении Магриб, где топорики в это время составляют значительные части коллекций артефактов. В среднем ашеле, по всей видимости, начинается расселение носителей этой традиции по Евразии, в основном по её югу, и к настоящему времени наибольшее количество топориков обнаружено на ашельских памятниках Ближнего Востока и Индостана (Bordes 1968; Gilead 1973; Goren-Inbar, Saragusti 1996; Борисковский 1971). Примечательно, что и здесь топорики начинают фиксироваться в среднем ашеле, а особенно много их в позднем ашеле, в отличие от кливеров (cleavers), которые, как истинные ручные рубила — бифасы с поперечным скошенным лезвием, появляются с самого начала ашеля и существуют до среднего палеолита (Bordes 1968; Борисковский 1971; Gilead 1973; Григорьев 1977; Коробков 1978; Bosinski 1996; Любин, Беляева 2004).

На Кавказе, как, впрочем, и везде, изучение ашельского периода началось с обнаружения и сборов ручных рубил в 30-е годы XX в. на черноморских террасах в Абхазии и Сочи-Адлерском Причерноморье (Замятнин 1961). Настоящим прорывом в изучении эпохи раннего палеолита стало открытие местонахождений с большим количеством ручных рубил на Южном Кавказе, в первую очередь в Армении (Паничкина 1950). Это послужило толчком к целенаправленным поискам, обнаружению и многолетнему комплексному изучению ашельских памятников (в том числе и стратифицированных) во всех районах Кавказской горной страны, включая и Предкавказье (Любин 1981; 1998; Любин, Беляева 2006; Голованова, Дороничев 2003; Щелинский 2005; Щелинский 2007; Дороничев и др. 2007; Гусейнов 2010).

Накопленные к 80-м гг. XX в. многочисленные материалы по ашельскому периоду на Кавказе требовали осмысления и обобщения. Это было сделано, в частности, в работах В.П. Любина. В 1981 г., можно сказать, в программной статье, он выдвигает ряд важных постулатов: о разновременности ашельских индустрий Кавказа, но преобладании среди них «верхнеашельских»; о находках «повсеместно» на Кавказе кливеров; о том, что «ашельские индустрии с бифасами представляют главную сущность нижнего палеолита Кавказа» (Любин 1981: 15—16). В дальнейшем В.П. Любин полностью придерживался этих положений, лишь уточняя их. «Кавказ (и в первую очередь Закавказье) является районом распространения ашеля *sensu strictu*, то есть ашельских индустрий с бифаса-

ми», ручные рубила в коллекциях, при этом, весьма разнообразны как хронологически, так и морфологически. Выделяются и специфические кавказские формы — «бифасы с плечиками, с выступами, выделенными анкошами, предметы, переходные к скреблам с двусторонней ретушью, и др.» (Любин 1998: 172). Впоследствии к этому добавляется наличие в индустриях «нуклеидных скребков» и чрезвычайно специфической орудийной формы, представляющей собой «разновидность крупных рубящих орудий с продольным лезвием и противолежащим ему обушком («цалди», или род мачете)» (Любин, Беляева 2006: 49). Что касается топориков и кливеров, то в одной из последних по времени выхода обобщающих работ В.П. Любин пишет, что «в ашельских индустриях Кавказа представлены как кливеры (топорики по терминологии авторов настоящей статьи — С.К., А.З.), так и рубила с поперечным лезвием». С высказанным далее выводом о том, что «Кавказ, таким образом, вписывается в ареал распространения приафриканских средне/позднеашельских индустрий с рубилами и кливерами» (Любин, Беляева 2004: 33), авторы данной статьи полностью согласны, с одной лишь оговоркой: «и с топориками».

Импонирует авторам настоящей статьи и позиция В.П. Любина в его дискуссии с Г.П. Григорьевым о специфике ашеля Кавказа. Г.П. Григорьев, вслед за французскими исследователями (Bordes 1968; Tavoso 1975), стал подразделять ашельские памятники Европы и Африки на памятники «южного» — «африканского ашеля», «на обычный, или нормальный, европейский ашель, иначе “северный ашель”» и «ашель с чопперами» (Григорьев 1985; 1990). Согласно Г.П. Григорьеву, кавказский ашель (в 1990 г. исследователем вводится существенная поправка, что это касается только памятников стратифицированных — пещерных) больше тяготеет к «ашелю северному» с рубилами, но лишён «чопперов и колунов — признаков т.н. южного... ашеля» (Григорьев 1990: 99). Следовательно, истоки ашеля Кавказа надо искать на севере и востоке, то есть, в Северной и Центральной Евразии, а вот юг — Передняя Азия, традиционно рассматриваемая как естественная прародина кавказского раннего палеолита, таковой не является (Григорьев 1985: 120). Мы согласны с тем, что «отнесение кавказского ашеля к ашелю северному или южному иллюзорно, так как ручные рубила, кливеры и чопперы представлены почти во всех стратифицированных ашельских индустриях Кавказа и в индустриях ряда местонахождений

открытого типа» (Любин 1998: 172). Но опять с одной лишь поправкой, что под кливерами, в данном случае, подразумеваются топорики. Действительно, ведь ещё Ф. Борд отмечал и для Франко-Кантабрии, и для Африки, и для Азии чересполосное нахождение памятников ашеля различных разновидностей, не противопоставляя их друг другу, и, уж тем более, не разграничивая территории и ареалы «демаркационными линиями» (Bordes 1968). Это, на наш взгляд, справедливо, так как до сих пор ещё недостаточно данных для хронологического, технологического, а уж тем более культурного разделения и определения ашельских индустрий. Такой поиск необходим, работы в мировом палеолитоведении в этом направлении активно ведутся, и при скрупулёзном анализе индустрий получают интересные результаты.

В российском палеолитоведении, так же, как и в мировом, нет единого чёткого определения категории топориков. Как правило, в одну категорию под названием «ашеро-кливеры» помещают как бифасы с поперечным скошенным лезвием, так и подлинные топорики на сколах (Коробков 1978; Любин 1998). Попытки некоторых исследователей (Григорьев 1977; Кикодзе 1986; Ранов 2001) разделить эти формы не получили пока должной оценки и поддержки среди российских специалистов по раннему палеолиту.

Г. П. Григорьев, обособляя от бифасов «колуны» (cleavers), считал их главной «особенностью африканского ашеля» (Григорьев 1977: 48), но, к сожалению, нигде не изложил систематически своё понимание этих орудий.

З. К. Кикодзе высказал, как представляется, перспективную идею ещё более дифференцировать аморфную категорию *hachereau* на три части: собственно ашери (колун, в нашем понимании — топорик), бифас со скошенным концом и бифас-колун, *biface-hachereau* (Кикодзе 1986: 58—59). Последняя форма, вслед за французскими палеолитооведами (Brézillon 1968: 160), рассматривается исследователем как крупный, массивный бифас со скошенным поперечным краем, который получается «различными способами» (Кикодзе 1986: 59). Как и в случае с топориком, для бифаса-ашери, по всей видимости, очень важна была форма исходной отдельности сырья, которая тщательно подбиралась для того, чтобы приложить минимум усилий при дальнейшей обработке. З. К. Кикодзе были проанализированы всего два изделия, происходящие из разных районов Южного Кавказа, но яркое морфологическое тождество позволило

автору выделить «их в кавказский подтип» бифасов-колунов (Кикодзе 1986: 58). Весьма актуально для нашей работы послесловие к статье З. К. Кикодзе, в котором описывается находка в Чикиани (Грузия) орудия, которое «кажется типологически близким к африканским колунам с расходящимися лезвиями» (Кикодзе 1986: 62; рис. 3).

Чёткое определение топориков дал В. А. Ранов: называя их кливерами, он приводит довольно жесткие критерии «принципа сделанности» орудия. Это, на наш взгляд, наиболее емкое и работоспособное выделение. Формат тезисов, к сожалению, не позволил автору более детально обосновать свои позиции (Ранов 2001).

Топорик (колун) из местонахождения Гараджа 1 (рис. 5; 6) полностью соответствует критериям выделения данной формы. Это — орудие, изготовленное на крупном (21,0×9,9×3,9 см) сколе с продолговатой гальки мелкозернистой породы, коричневатосерого, полосчатого цвета. Его дорсальная поверхность полностью покрыта корочной поверхностью гальки. Дистальный край скола — лезвие колуна — естественная острая кромка, образованная стыком дорсальной и вентральной поверхностей, оставлена не обработанной и несет лишь мелкие выщербинки (следы утилизации?). Проксимальный край этого изделия на дорсале несёт остатки подготовленной крупными и средними сколами ударной площадки для снятия самого скола-заготовки. Впоследствии с этой же ударной площадки было произведено уточнение ударного бугорка мелкими сколами и разновеликой многорядной ретушью. Боковые края скола на вентральной поверхности тщательно обработаны для придания им прямых, субпараллельных очертаний. В зависимости от морфологии краёв, они подверглись различной обработке, судя по всему, древний мастер стремился максимально извлечь выгоду из весьма удачного галечного скола при минимальных затратах на обработку орудия. Правый край скола, наиболее прямой, оббит в меньшей степени, но тщательно отретуширован. Левый край, более массивный, почти весь оббит крупными и мелкими сколами и подретуширован, а для его спрямления мастеру пришлось пустить два скола на дорсальную, галечную поверхность (рис. 6).

Итак, впервые для ашеля Кавказа в Азербайджане на местонахождении Гараджа 1 найден настоящий топорик — орудие, которое имеет бесспорные корни в африканском ашеле и по классификации Ж. Тиксье может

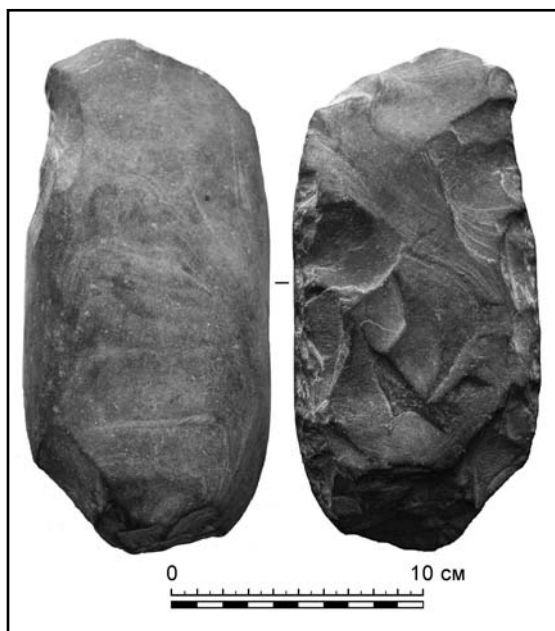

Рис. 5. Гараджа 1. Топорик, фотография.

Fig. 5. Garadzha 1. Hachereau. Photograph.

идентифицироваться с «типом 0» — протоашеро на галечном сколе (Tixier 1956: 916; fig. 1). Хронологическая позиция этого изделия пока не ясна, но само его наличие ещё

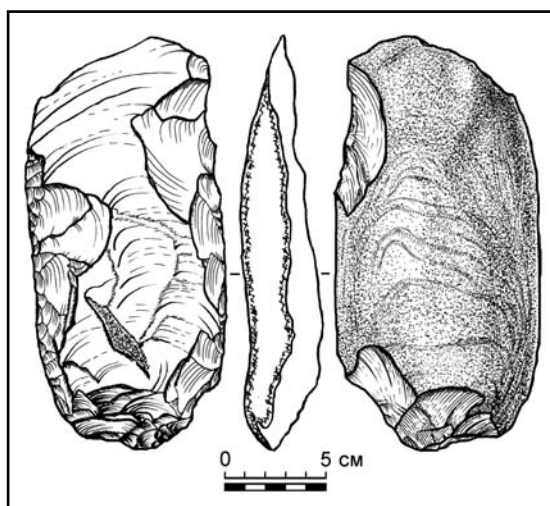

Рис. 6. Гараджа 1. Топорик, прорисовка.

Fig. 6. Garadzha 1. Hachereau. Drawing.

раз показывает разновременность и сложную структуру ашеля Кавказа. Нам представляется, что Кавказ в ашельский период, подобно Испании и югу Франции, представлял собой одну из зон контактов и скрещиваний на пути проникновения в Северную Евразию различных по времени и генезису ашельских и более ранних индустрий.

Литература

- Ализаде А.А. 1973. *Апшерон Азербайджана*. Москва: Недра.
- Борисковский П.И. 1971. *Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии*. Ленинград: Наука.
- Васильев и др. 2007: Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гирия Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. 2007. *Четырёхязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Геология Азербайджана 1998: Ализаде А.А. (гл. ред.). 1998. *Геология Азербайджана*. Т. 2. *Литоология*. Баку: Nafta-Press.
- Голованова Л.В., Дорони́чев В.Б. 2003. Палеолит Северо-Западного Кавказа. *Материалы и исследования по археологии Кубани* 3, 3—44.
- Григорьев Г.П. 1977. Палеолит Африки. В: Борисковский П.И. (отв. ред.). *Палеолит мира. Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки*. Ленинград: Наука, 45—193.
- Григорьев Г.П. 1985. Северный ашель, южный ашель, кавказский ашель. В: Шилов В.П., Халилов Дж. А. (отв. ред.). *Всероссийская археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»*. Тезисы докладов. Баку, 118—120.
- Григорьев Г.П. 1990. О возможности выделения кавказского палеолита. В: Тушабрамишвили Д.М. (ред.). *Палеолит Кавказа и сопредельных территорий*. Тбилиси: Мецниереба, 98—102.
- Гусейнов М.М. 1979. Ранние стадии заселения человека в пещере Азых. *Ученые записки АГУ им. С.М. Кирова. Серия истории и философии* 4, 70—72.
- Гусейнов М.М. 2010. *Древний палеолит Азербайджана*. Баку: ТекНур.
- Дорони́чев и др. 2007: Дорони́чев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А.Б., Гарутт Н.Е., Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф. 2007. *Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Островитянин.
- Замятнин С.Н. 1961. *Очерки по палеолиту. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Кикодзе З.К. 1986. Бифас-колун в ашеле Кавказа. *Вестник Государственного музея Грузии XXXVIII-V*, 55—63.
- Коробков И.И. 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья. В: Борисковский П.И. (отв. ред.). *Палеолит мира. Палеолит Ближнего и Среднего Востока*. Ленинград: Наука, 9—185.
- Кузьмина И.Е., Саблин М.В. 1991. О новой находке ископаемых остатков *Equus stenonis coschi* в Закавказье. Палеотериологические исследования фауны СССР. *Труды Зоологического института АН СССР* 238, 61—67.
- Любин В.П. 1981. Нижний палеолит Кавказа (история исследования, опорные памятники, местные

- особенности). В: Дьяконов И. М. (отв. ред.). *Древний Восток и мировая культура*. Москва: Наука, 12—16.
- Любин В. П. 1998. *Ашельская эпоха на Кавказе*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Любин В. П., Беляева Е. В. 2004. *Стоянка Homo erectus в пещере Кударо I (Центральный Кавказ)*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Любин В. П., Беляева Е. В. 2006. *Ранняя преистория Кавказа*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Паничкина М. З. 1950. *Палеолит Армении*. Ленинград: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Ранов В. С. 2001. К типологии кливеров. В: Деревянко А. П., Медведев Г. И. (отв. ред.). *Современные проблемы Евразийского палеолитоведения*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 322—323.
- Саблин М. В. 1990. Остатки хищных и копытных из нижнеапшеронских отложений Азербайджана. Исследования по зоологии позвоночных. *Труды Зоологического института АН СССР* 213, 138—142.
- Сотникова М. В., Саблин М. В. 1993. Поздневиллафранкская ассоциация хищных млекопитающих из местонахождения Палан-Тюкан (Восточное Закавказье, Республика Азербайджан). *Материалы по мезозойской и кайнозойской истории наземных позвоночных. Труды Зоологического института РАН* 249, 134—145.
- Щелинский В. Е. 2005. Древнейшие раннепалеолитические местонахождения Кубани. *Материалы и исследования по археологии Кубани* (5), 415—429.
- Щелинский В. Е. 2007. *Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа)*. Санкт-Петербург: Европейский дом.
- Balout L., Biberson P., Tixier J. 1967. L'Acheuléen de Ternifine (Algérie), gisement de l'atlanthrope. *L'Anthropologie* 71, 217—238.
- Biberson P. 1954. Le hachereau dans l'Acheuléen du Maroc Atlantique. *Libyca* II, 39—61.
- Bosinski G. 1996. *Les origines de l'homme en Europe et en Asie. Atlas des sites du Paléolithique inférieur*. Paris.
- Brézillon M. N. 1968. *La dénomination des objets de pierre taillée*. Paris.
- Bordes F. 1968. *Le Paléolithique dans le monde*. Paris.
- Bordes F. 1979. *Typologie du paléolithique ancien et moyen. Cahiers du Quaternaire I*. Paris.
- Gilead D. 1973. Cleavers in Early paleolithic industries in Israel. *Paléorient* 1, 73—86.
- Goren-Inbar N., Saragusti I. 1996. An Acheulian Biface Assemblage from Gesher Benot Ya'akov, Israel: Indications of African Affinities. *Journal of Field Archaeology* 23, 15—30.
- Tavoso A. 1975. Les Hachereaux sur Éclats de l'Acheuléen Montalbanais. *Quartär* 26, 13—30.
- Tixer J. 1956 (1957). Le Hachereau dans l'Acheuléen nord-africain. Notes typologiques. *Congrès préhistorique de France* 15, 914—923.

References

- Alizade, A. A. 1973. *Apsheron Azerbaidzhana (Absheron peninsula in Azerbaijan)*. Moscow: Nedra (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1971. *Drevnii kamennyi vek Iuzhnoi i Iugo-Vostochnoi Azii (Early Stone Age of Southern and South-eastern Asia)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Vasiliev, S. A., Bozinski, G., Bradley, B. A., Vishnyatsky, L. B., Giryа, E. Yu., Gribchenko, Yu. N., Zheltova, M. N., Tikhonov, A. N. 2007. *Chetyrekhiazychnyi (russko-anglo-franko-nemetski) slovar'-spravochnik po arkheologii paleolita (Glossary of the Paleolithic Archaeology. Russian/English/French/German)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Geologia Azerbaidzhana (Geology of Azerbaijan)*. 1998. Vol. 2. *Litologiya (Lithology)*. Baku: Nafta-Press (in Russian).
- Golovanova, L. V., Doronichev, V. B. 2003. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and researches on the archaeology of Kuban)* 3, 3—44 (in Russian).
- Grigoriev, G. P. 1977. In *Paleolit mira. Vozniknovenie chelovecheskogo obshchestva. Paleolit Afriki (World Paleolithic. Origin of human society. Paleolithic of Africa)*. Leningrad: Nauka, 45—193 (in Russian).
- Grigoriev, G. P. 1985. In *Vsesoiuznaia arkheologicheskaja konferentsiia «Dostizheniia sovetskoi arkheologii v XI piatiletke» (All-Union archaeological conference "Advances of Soviet archaeology during the 11th five-year plan")*. Baku, 118—120 (in Russian).
- Grigoriev, G. P. 1990. In *Paleolit Kavkaza i sopredel'nykh territorii (Paleolithic of Caucasus and adjacent territories)*. Tbilisi: Metsniereba, 98—102 (in Russian).
- Guseynov, M. M. 1979. In *Uchenye zapiski Azerbaidzhanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. M. Kirova. Seriya istorii i filosofii (Scientific writings of the Azerbaijan State Kirov University. History and philosophy series)* 4, 70—72 (in Russian).
- Guseynov, M. M. 2010. *Drevnii paleolit Azerbaidzhana (Oldest Paleolithic of Azerbaijan)*. Baku: TekNur (in Russian).
- Doronichev, V. B., Golovanova, L. V., Baryshnikov, G. F., Blackwell, B. A. B., Garutt, N. E., Levkovskaya, G. M., Molodkov, A. N., Nesmeyanov, S. A., Pospelova, G. A., Hoffeker, D. F. 2007. *Treugol'naia peshchera. Rannii paleolit Kavkaza i Vostochnoi Evropy (Treugol'naia cave. Early Paleolithic of Caucasus and Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Ostrovitianin (in Russian).
- Zamyatin, S. N. 1961. *Ocherki po paleolitu. Paleoliticheskie mestonakhozhdeniia vostochnogo poberezh'ia Chernogo moria (Essays on Paleolithic. Paleolithic sites of the Black Sea eastern shore)*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR (in Russian).
- Kikodze, Z. K. 1986. In *Vestnik Gosudarstvennogo muzeia Gruzii (Bulletin of the State Museum of Georgia)* XXXVIII-B, 55—63 (in Russian).
- Korobkov, I. I. 1978. In *Paleolit mira. Paleolit Blizhnego i Srednego Vostoka (World Paleolithic. Paleolithic of Near and Middle East)*. Leningrad: Nauka, 9—185 (in Russian).
- Kuzmina, I. E., Sablin M. V. 1991. In *Trudy Zoologicheskogo instituta Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences)* 238, 61—67 (in Russian).
- Lioubin, V. P. 1981. In *Drevnii Vostok i mirovaia kul'tura (Ancient East and world culture)*. Moscow: Nauka, 12—16 (in Russian).
- Lioubin, V. P. 1998. *Ashel'skaia epokha na Kavkaze (Acheulean epoch in Caucasus)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Lioubin, V. P., Beliaeva, E. V. 2004. *Stoianka Homo erectus v peshchere Kudaro I (Tsentral'nyi Kavkaz) (A Homo erectus site in the cave Kudaro I (Central Caucasus))*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Lioubin, V. P., Beliaeva, E. V. 2006. *Ranniia preistoriia Kavkaza (Early prehistory of Caucasus)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Panichkina, M. Z. 1950. *Paleolit Armenii (Paleolithic of Armenia)*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Ranov, V. S. 2001. In *Sovremennye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniia (Actual problems of Eurasian Paleolithic*

№1. 2014

- research). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 322—323 (in Russian).
- Sablin, M. V. 1990. In *Trudy Zoologicheskogo instituta Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences)* 213, 138—142 (in Russian).
- Sotnikova, M. V., Sablin, M. V. 1993. In *Materialy po mezozoiskoi i kainozoiskoi istorii nazemnykh pozvonochnykh (Materials on the Mesozoic and Cenozoic history of the terrestrial vertebrates)*. *Trudy Zoologicheskogo instituta Rossiiskoi Akademii nauk* 249, 134—145 (in Russian).
- Shchelinsky, V. E. 2005. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and researches on the archaeology of Kuban)* (5), 415—429 (in Russian).
- Shchelinsky, V. E. 2007. *Paleolit Chernomorskogo poberezh'ia Severo-Zapadnogo Kavkaza (pamiatniki otkrytogo tipa) (Paleolithic of the Black Sea shore of the North-Western Caucasus (open-type sites))*. Saint Petersburg: Evropeiskii dom (in Russian).
- Balout, L., Biberson, P., Tixier, J. 1967. L'Acheuléen de Ternifine (Algérie), gisement de l'atlanthrope. *L'Anthropologie* 71, 217—238.
- Biberson, P. 1954. Le hachereau dans l'Acheuléen du Maroc Atlantique. *Libyca* II, 39—61.
- Bosinski, G. 1996. *Les origines de l'homme en Europe et en Asie. Atlas des sites du Paléolithique inférieur*. Paris.
- Brézillon, M.N. 1968. *La dénomination des objets de pierre taillée*. Paris.
- Bordes, F. 1968. *Le Paléolithique dans le monde*. Paris.
- Bordes, F. 1979. *Typologie du paléolithique ancien et moyen. Cahiers du Quaternaire I*. Paris.
- Gilead, D. 1973. Cleavers in Early palaeolithic industries in Israel. *Paléorient* 1, 73—86.
- Goren-Inbar, N., Saragusti I. 1996. An Acheulian Biface Assemblage from Gesher Benot Ya'akov, Israel: Indications of African Affinities. *Journal of Field Archaeology* 23, 15—30.
- Tavoso, A. 1975. Les Hachereaux sur Éclats de l'Acheuléen Montalbanais. *Quartär* 26, 13—30.
- Tixier, J. 1956 (1957). Le Hachereau dans l'Acheuléen nord-africain. Notes typologiques. *Congrès préhistorique de France* 15, 914—923.

Статья поступила в номер 14 ноября 2013 г.

Sergei Kulakov (Saint Petersburg, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Sergei Kulakov (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Кулаков Сергей Александрович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: kazvolg@yandex.ru

Azad Zeynalov (Baku, Azerbaijan). Institute of Archaeology and Ethnography of Azerbaijan National Academy of Sciences².

Azad Zeynalov (Baku, Azerbaidjan). Institutul de arheologie și etnografie al Academiei Naționale de Științe din Azerbaidjan.

Зейналов Азад Асад-оглы (Баку, Азербайджан). Институт археологии и этнографии Академии наук Азербайджана.

E-mail: azad2007@mail.ru

Addresses: ¹ Dvortsovaya Nab. 18, Saint Petersburg, 191186, Russia; ² H. Javid Pr., 31, Baku, AZ 1043, Azerbaijan

Й. Зайднер

Нешер Рамла — новая стоянка среднего палеолита в Израиле

Keywords: Levant, Middle Palaeolithic, Levantine Mousterian, Neshet Ramla, karst depression, site formation processes.

Cuvinte cheie: Levant, paleolitic mijlociu, musterianul levantin, Neshet Ramla, depresiune carstică, procesul de formare a sitului.

Ключевые слова: Левант, средний палеолит, левантийское мустье, Нешер Рамла, карстовая впадина, процессы формирования памятника.

Y. Zaidner

A New Open-Air Middle Palaeolithic Site at Neshet Ramla, Israel

This paper describes unique formation processes at open-air Middle Palaeolithic site of Neshet Ramla, Israel, and presents results of the preliminary studies of the lithic assemblages of the site. The site is located in the karst depression formed by gravitational deformation and sagging into the underground voids. The depression was used by hominins during the middle part of the Levantine Middle Palaeolithic (OSL dates: 167 ± 11 — 78 ± 6 ka). At the beginning of hominin occupation, the depression was already formed and the site formation was primarily shaped by cycled mechanism of deposition of eroded soils, waterlogging, pedogenesis and human occupation. Such formation mechanism is profoundly different from Levantine Middle Palaeolithic cave and open-air sites. Lithic technology at Neshet Ramla shows Levantine Mousterian affinities. However, the preliminary evidence suggests that Neshet Ramla lithic assemblage differs from lithic assemblages of both Levantine Mousterian cave and open-air sites. The main differences are in highly standardized tool-kit with intensively retouched side-scrapers and evidence for sidescrapers' resharpening that was not recorded in other Levantine Mousterian sites.

Y. Zaidner

Un nou sit sub aer liber din paleoliticul mijlociu de lângă Neshet Ramla, Israel

Articolul descrie procesele unice de formare a sitului sub aer liber de la Neshet Ramla, Israel, datat cu paleoliticul mijlociu. Sunt prezentate rezultatele studiului preliminar al inventarului litic. Situl este amplasat într-o depresiune carstică, formată în rezultatul deformărilor gravitaționale și sedimentării rocii în spațiile goale carstice. Depresiunea a fost utilizată de către hominini la jumătatea paleoliticului mijlociu levantin (datări OSL: 167 ± 11 — 78 ± 6 ka). La începutul populației de către hominini, depresiunea era deja prezentă, iar formarea sitului avea loc în urma acțiunii proceselor ciclice de depunere a solurilor erozionale, inundare, pedogenează și activitate umană. Un astfel de mecanism diferă cardinal de procesele ce caracterizează alte situri de sub aerul liber sau din cavernele Levantine din paleoliticul mijlociu. Tehnologia litică de la Neshet Ramla prezintă mai multe afinități clare cu musterianul levantin. Cu toate acestea se observă și diferențe dintre inventarul litic de la Neshet Ramla și complexele altor situri din caverne sau de sub aerul liber din aceeași perioadă, principalele dintre acestea fiind: prezența unui complex de unelte puternic standardizat cu ponderea masivă a racloarelor laterale intensiv rețușate, și ascuțirea racloarelor prin intermediul extracției unei așchii lungi de pe latura rețușată.

Й. Зайднер

Нешер Рамла — новая стоянка среднего палеолита в Израиле

В статье описываются уникальные процессы формирования среднепалеолитического памятника открытого типа Нешер Рамла, а также представлены результаты предварительного анализа каменного инвентаря. Памятник находится в карстовой впадине, образовавшейся в результате гравитационной деформации и оседания породы в пустотные карстовые пространства. Впадина использовалась человеком в течение средней фазы среднего палеолита Леванта, известного также как левантийское мустье (датировка OSL 167 ± 11 — 78 ± 6 тыс. л.н.). В период накопления археологического материала процесс формирования памятника представлял собой циклическую систему депозиции эрозивных почв, затопления, педогенеза и человеческой деятельности. Подобный механизм формирования кардинально отличается от тех, что характерны для пещерных и открытых стоянок среднего палеолита региона. Технология производства каменной индустрии Нешер Рамла характеризуется, подобно другим левантийским памятникам, как леваллуазское мустье. При этом Нешер Рамла отличается от других памятников левантийского мустье высоко стандартизированным ансамблем ретушированных орудий, включающий в себя большое количество интенсивно ретушированных скребел, а также свидетельства заострения скребел посредством снятия длинного скола с ретушированного края.

Введение

Расселение человека на территории Леванта в эпоху среднего палеолита известно из двух основных археологических контекстов: пещер и стоянок открытого типа, расположенных у берегов рек, озер и родников. Пещерные стоянки Леванта, как правило, содержат многометровые культурные слои, накопленные на протяжении десятков тысяч лет. Эти памятники обычно интерпретируются как стоянки длительного пользования (Garrod, Bate 1937; Jelinek 1977; 1982; Hovers 2001; 2009; Speth 2004; 2006; Speth, Clark 2006; Stiner 2005; Meignen et al. 2006; Bar-Yosef, Meignen 2007; Yeshurun et al. 2007). Культурные отложения в пещерах свидетельствуют о высокой интенсивности человеческой деятельности и о широком использовании огня (напр.: Albert et al. 1999; Karkanis et al. 2000; 2007; Goldberg, Sherwood 2006; Bar-Yosef, Meignen 2007; Shahak-Gross et al. 2008; Goldberg, Berna 2010; Weinstein-Evron et al. 2012). Археологические находки со стоянок открытого типа, как правило, указывают на непродолжительность их использования — эти стоянки интерпретируются как места кратковременного обитания (ephemeral occupations) или как специализированные стоянки для охоты или разделки добычи (Gilead 1980; Gilead, Grigson 1984; Hovers 1986; Davis et al. 1988; Goren-Inbar 1990; Rabinovich 1990; Sharon et al. 2010). Отложения таких стоянок обычно содержат минимальные свидетельства человеческой деятельности и не содержат свидетельств использования огня (напр.: Goldberg, Sherwood 2006; Friesem et al. in press).

Недавно открытый среднепалеолитический памятник Нешер Рамла находится в ранее неизвестном геоморфологическом контексте, кардинально отличающемся от упомянутых выше. Это памятник открытого типа, расположенный в глубокой карстовой впадине, которая служила бассейном для осадко-накопления (depositional basin) в период человеческой деятельности. В данной статье описываются геоморфологические и депозиционные процессы, приведшие к формированию памятника. Представлены также результаты предварительного анализа каменной индустрии стоянки.

Стоянка Нешер Рамла

Среднепалеолитическая стоянка открытого типа Нешер Рамла находится на западных склонах Иудейских гор, граничащих со средиземноморской береговой лини-

Рис. 1. Расположение стоянки Нешер Рамла.

Fig. 1. Location of the site Nesher Ramla.

ей Израиля (рис. 1). Памятник был открыт в карьере по добыче известняка. Во время зачистки меловой породы от поверхностных почв и глинозёма в ней была выявлена глубокая впадина. После удаления 12 метров глинозёма (от 120 до 108 м над уровнем моря) тяжелой техникой были обнаружены каменные артефакты и кости животных, после чего разработка карьера была остановлена, и в 2010—2011 гг. были проведены спасательные раскопки.

Впадина Нешер Рамла имеет воронкообразную форму и 34 м в глубину (120—86 м над уровнем моря), при этом ширина верхней части впадины составляет 40—50 м. В верхней части впадина имеет покатые склоны (35—55°), в нижней же части угол наклона резко увеличивается до 70—90°. Диаметр впадины в месте залегания археологических отложений составляет приблизительно 20 м (рис. 2). В общей сложности во время спасательных работ было раскопано более 450 м³ отложений. Культурные слои залегали на высоте 107,5—99,5 м над уровнем моря между слоями, не содержащими артефактов. Концентрация артефактов была обнаружена в центральной части впадины, в то время как у её стенок они практически отсутствовали. В связи с этим раскоп был заложен в центральной части впадины и ограничился площадью в 50—60 м² (рис. 2).

Датировка памятника был произведена с помощью метода оптически стимулирован-

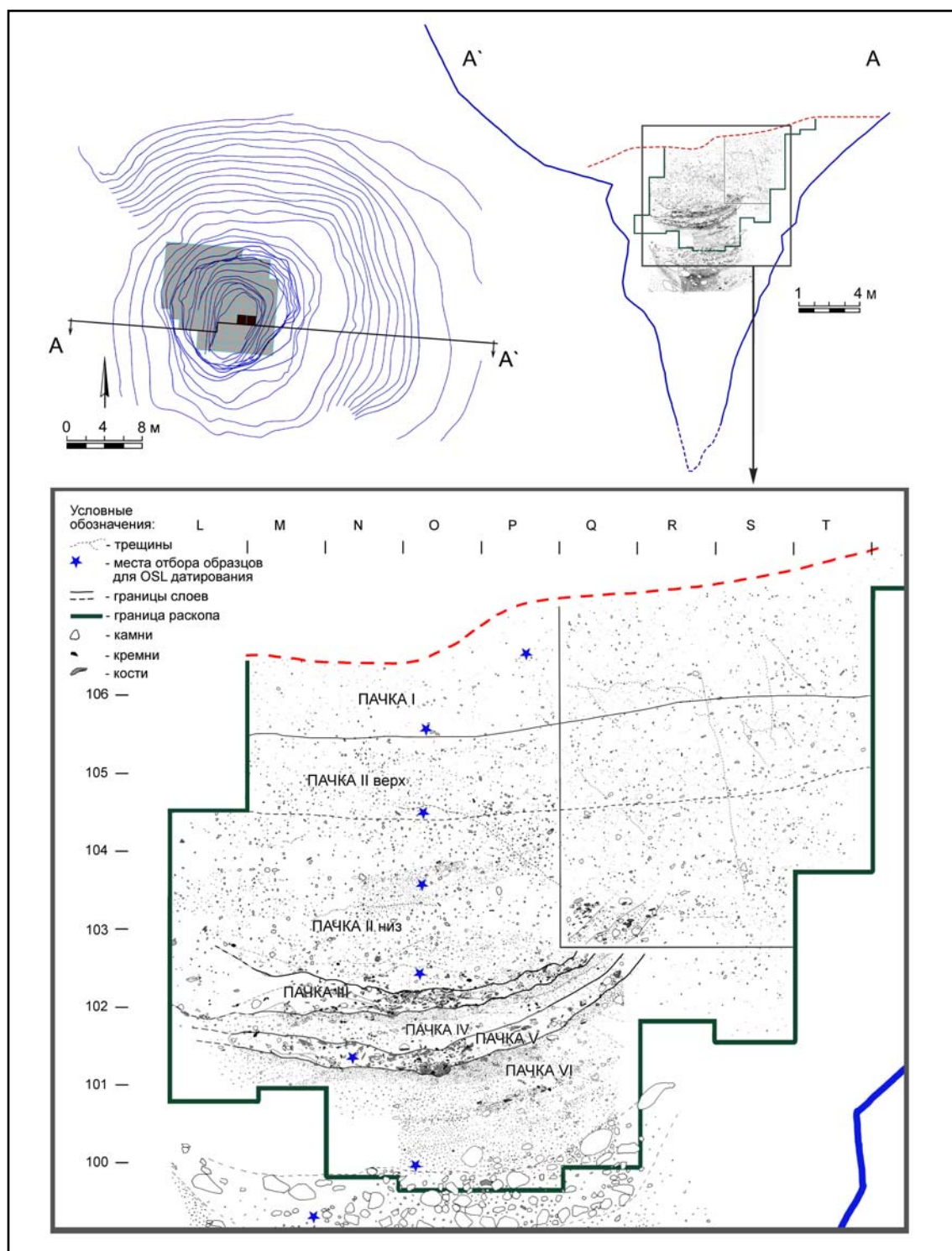

Рис. 2. Нешер Рамла: план и сводный разрез памятника (южная стенка, квадраты L–P/17, Q–T/16).

Fig. 2. Neshet Ramla: plan and composite stratigraphic section (southern wall, squares L–P/17, Q–T/16).

ной люминесценции (ОСЛ). До настоящего времени были получены результаты шести проб, по которым весь разрез датируется между 167 ± 11 и 78 ± 6 тыс. л. н. Таким образом, заселение стоянки мустьерским человеком приходилось на кислородно-изотопные стадии (КИС) 6 и 5 (Zaidner et al. 2014: 8–10).

Стратиграфия и осадконакопление

Восьмиметровая толща археологического разреза состоит из однородного коричневого глинозёма, богатого гравием, который можно ориентировочно поделить на верхний и ниж-

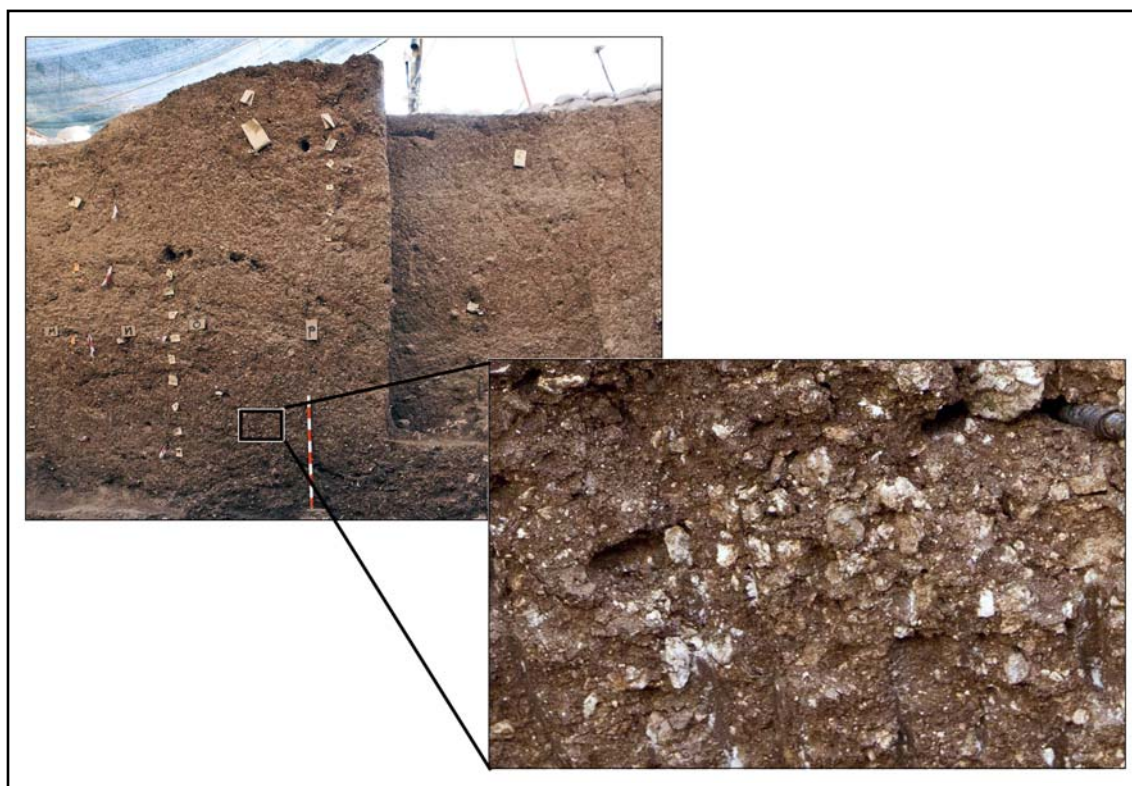

Рис. 3. Стратиграфия по южной стенке, квадраты L–P/17, Q–T/16.

Fig. 3. The section (southern wall, squares L–P/17, Q–T/16) and the sediments.

ний разрез. В верхних 5,5 м осадконакопительной (верхняя часть разреза) отсутствует четкая макро- и микростратиграфия (рис. 3). Гравий, состоящий из нари¹, составляет 30–40% от объёма отложений. Мелкозернистый материал состоит из педоседелментов, т.е. почв, нанесенных эрозией с окружающих впадину склонов (Tsatskin, Zaidner in press). Верхний разрез был разделён на две пачки, или «блока» (units): I и II (рис. 2) (Tsatskin, Zaidner in press, Zaidner et al. 2014: 4–6). Вдобавок, примерно на высоте 104,5 м над уровнем моря было обнаружено резкое повышение плотности залегания костей, артефактов и манупортов (известняковые и кремнистые валуны и галька), что позволило подразделить пачку II на верхнюю (блок II верхний; 105,5–104,5) и нижнюю (блок II нижний; 104,5–102,7 м) части.

Нижняя граница пачки II обозначена сериями тонких прерывистых линз тёмного или красного материала мощностью 1 см, которые, видимо, представляют нарушение последовательности залегания слоёв. Нижние три метра накоплений под этим нарушением в залегании (нижний разрез)

также состоят из коричневого гравийного глинозёма с хорошо выраженной слоистостью, содержащего два плотных слоя, богатых артефактами, костями, манупортами и продуктами горения (пачки III и V; рис. 2), разделённых между собой менее богатой артефактами пачкой IV. Пачки III и V — это два тонких (мощностью примерно 20–30 см) антропогенных горизонта, раскинувшихся на площади 50–60 кв. м, с несколькими ярко выраженными концентрациями артефактов, костей, манупортов и следов горения. До настоящего момента на стоянке было выделено два типа следов горения: первый — это очаги, а второй определяется кучками золы/пепла, которые являются следствием расчистки очагов древними людьми (Friesem et al. in press). В пачке VI количество артефактов и костей резко уменьшается.

История формирования и заполнения впадины Нешер Рамла

История процессов формирования и заполнения впадины изображена на рис. 4. Эта впадина карстового происхождения расположена в карбонатных породах позднемелового периода. Стоянка была обнаружена в ме-

¹ Нары (Nari) — кальцикритовая кора, образующаяся на меловой породе в районе расположения стоянки.

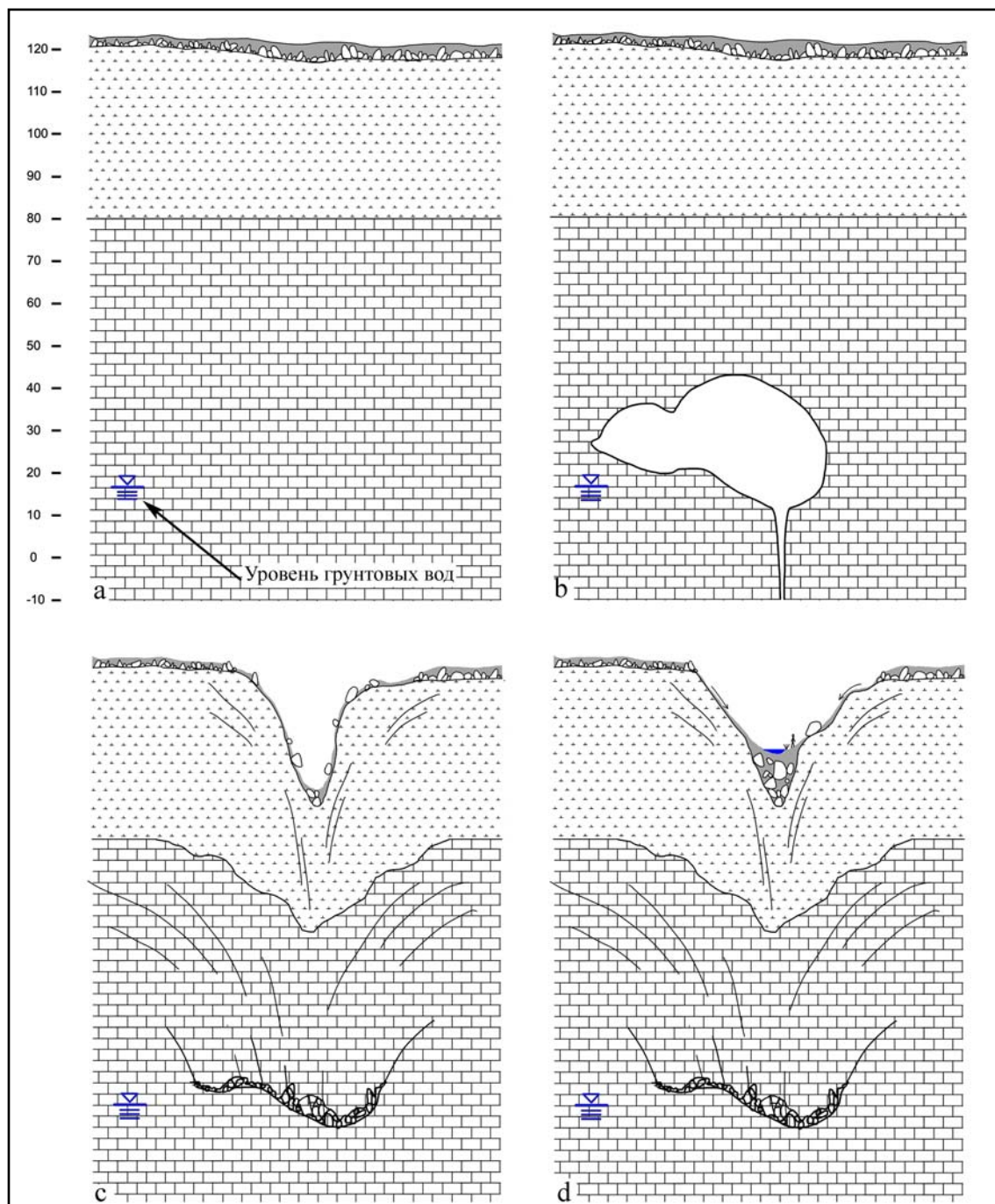

Рис. 4. Формирование памятника Нешер Рамла: а — геологический разрез до начала карстовых процессов; б — формирование пещеры под воздействием поднимающейся гидротермальной воды; в — оседание и деформация породы и формирование поверхностной впадины; г — впадина к началу человеческой деятельности на стадии интенсивного осадконакопления.

Fig. 4. The formation of the Nesh'er Ramla site: а — the stratigraphic section of the area prior to the beginning of the karstic processes; б — dissolution and formation of the cave by slow-moving rising hydrothermal water; в — sagging and deformation of the bedrock and formation of surface depression; г — at the beginning of hominin occupation the depression had its present-day form and served as depositional basin.

ловых породах сенонского периода, относящихся к формации Эйн Зетим ('En Zetim). Мощность сенонских пород составляет примерно 40 м. Под ними находятся туронские известняковые породы формации Бина (B'ina), мощностью около 100 м. Поверхность мело-

вых отложений в районе памятника обычно покрыта нари (отвердевшая корка кальцикрита) (рис. 5). Как было показано ранее (Yaalon, Singer 1974; Wieder et al. 1994: 43), нари обычно состоит из отвердевшего тонкого верхнего слоя, переходящего в более пористую про-

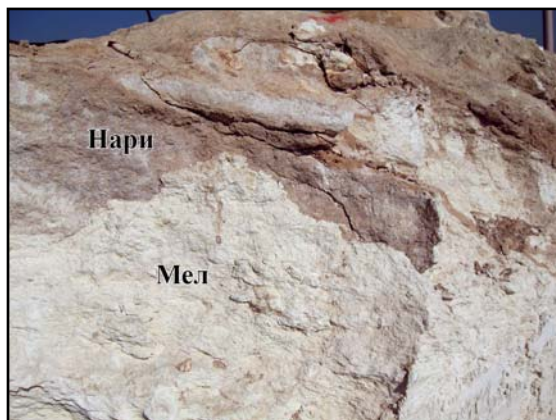

Рис. 5. Мел и нари на территории карьера.

Fig. 5. Chalk and Nari near the site.

слойку. В районе исследований цвет нари варьирует от белого и бежевого до темно-серого. Среди почв в районе стоянки доминирует коричневая рендзина (Singer 2007). Рендзина, образующаяся на нари, отличается высокой концентрацией извести, гумуса и глинозёма (Dan, Koyumdjiski 1979).

Район исследований находится в западном бассейне Горного Аквифера, известного как аквифер Яркон-Таниним (Frumkin, Gvirtzman 2006: 316). На протяжении XX века уровень воды в аквифере колебался между 10—20 м над уровнем моря. В данном районе аквифера известны сотни карстовых пещер, простирающихся от нижней части формации Бина до примерно 60 м над уровнем моря в середине формации (рис. 4: б). Различаются несколько видов пещер, включающих в себя вертикальные проходы или туннели, горизонтальные проходы и пустоты большого диаметра (до 40 м). Образование пещер связано с растворением породы в условиях заполненности медленно движущимися гидротермальными водами, типичными для артезианской карстовой системы. Эти пустоты не имеют естественного входа и генетически не связаны с поверхностью земли (Frumkin, Gvirtzman 2006: 324).

Пустоты крупного размера формации Бина подвержены обрушениям кровли и деформациям. Доказательства гравитационной деформации, оседания и обрушения породы в находящиеся внизу карстовые пустоты были зафиксированы на некоторых участках формации Бина (Frumkin, Gvirtzman 2006: 325; Frumkin et al. 2009: fig. 7). Катастрофическое обрушение, произошедшее в 1979 году в соседней деревне Азария, было, по всей видимости, тоже связано с существованием таких пустот. Это событие привело к формированию глубокой впадины на поверхности. Во время

работ на территории карьера было обнаружено несколько таких впадин (Frumkin et al. 2009: 162; Zaidner et al. 2014: 3; рис. 6). Диаметр впадин варьирует от 20 до 200 м. Впадины, скорее всего, формировались над карстовыми пустотами крупного диаметра (рис. 4: в; Zaidner et al. 2014: 3). Состояние отложений свидетельствует либо о постепенном оседании, в результате которого могли сформироваться относительно неглубокие и широкие впадины, либо о быстром обрушении, приводящем к формированию впадин с вертикальными стенками, диаметром менее 50 м. Впадины, найденные на территории карьера, были полностью заполнены отложениями и обнаружены только во время подготовки участка к разработке.

Минимальный возраст двух впадин на территории карьера был определен с помощью датирования осадконакоплений методом ОСЛ. Впадина, содержащая стоянку Нешер Рамла, заполнялась на протяжении среднего и нижнего плейстоцена (ОСЛ даты средней части осадконакоплений — 170—80 ka). Единственная ОСЛ дата с соседней впадины указывает на верхний плейстоцен (Frumkin et al., submitted). Происшествие в деревне Азария свидетельствует о том, что подобные процессы происходят до сегодняшнего дня.

Впадины представляют собой закрытые бассейны, которые во время и после формирования служат депозиционной ловушкой (depositional basins), накапливающей седименты с окружающих склонов (рис. 4: с). Начальные стадии осадконакопления во впадине Нешер Рамла могут быть приурочены к оседанию коренной породы и началу формирования впадины. Процесс седиментации, видимо, был нестабильным и включал частые обрушения склонов. В нижней части (от 85—99,5 м над уровнем моря) рыхлые отложения содержат большое количество крупных блоков нари (размером до 100 см; рис. 7а), свидетельствующих о таких обрушениях. У восточной стенки седименты содержат крупные блоки нари до высоты 103 м над уровнем моря (рис. 7: б). Эти массивные обрушения склонов заметны только в нижней части наноса, ниже культурных слоёв, а археологические седименты не содержат свидетельств о подобных происшествиях. Нижние стратиграфические пачки III—V отличаются хорошо выраженной слоистостью, залегая в виде непрерывных линзообразных горизонтов, без следов сдвигов или перетолжений. Можно предположить, что деформации, связанные с оседаниями и обрушениями, не повредили центральную часть памятника, поскольку основные элементы карстовой впа-

Рис. 6. Формы поверхностных впадин, находящиеся в окрестностях памятника.

Fig. 6. Different types of surface depressions found in the site area.

дины сформировались до человеческого заселения. Вместе с тем, вполне возможно, что в процессе осадконакопления мягкая меловая порода смывалась с краёв впадины, тем самым расширяя её в верхней части.

В периоды накопления археологических слоёв процесс формирования памятника включал циклы осадконакопления, затопления, педогенеза и человеческой деятельности (рис. 4: д). Впадина была заполнена почвами, смытыми с близлежащих склонов вместе с мелом и нари (рис. 4: д). Педоседименты указывают на то, что почвенный покров был схож с современным и состоял из рендзины и вертисолей (Tsatskin, Zaidner in press).

Процессы педогенеза были зарегистрированы на всём протяжении верхнего разреза. Видимо, педогенез был коротким явлением, в результате чего почвенные профили не развились полностью (горизонты А, В, С не выделяются). Отсутствие микростратиграфии в верхнем разрезе, видимо, является следствием разрушения слоистости отложений педогенезом. В нижнем разрезе, в пачках III—V, следов педогенеза зарегистрировано не было.

Признаки затопления определяются наличием множества точечных отложений Fe/Mn и следами процессов сжатия и вздутия почвы

(Tsatskin, Zaidner in press). Свидетельства затопления были обнаружены на всём протяжении залегания пачек I и II, в особенности в пачке I и в пачке II верхней.

Периодичность депозиционного механизма и процессов формирования в Нешер Рамла была постоянной на протяжении всего времени накопления верхней части отложений, отсутствие же признаков педогенеза в нижней его части, возможно, означает пока не выясненные изменения на стыке пачек II и III. Скорость осадконакопления, а также частота и интенсивность, с которой действовали разные факторы системы формирования памятника, видимо, постоянно менялись. Геоархеологические и археологические показатели из верхнего разреза свидетельствуют об эпизодах слабого осадконакопления, во время которых интенсивность накопления педоседиментов и нари значительно уменьшалась. Геоархеологические показатели заключаются в колебаниях размеров гравия, магнитной восприимчивости и микростратиграфии. Такие колебания возможны, только если процессы формирования памятника были неоднородны (Tsatskin, Zaidner in press). Завалуненность на протяжении всего стратиграфического разреза колеблется меж-

Рис. 7. Крупные камни в нижней части (а) и у краёв впадины (б), указывающие на обвалы в период начальных этапов формирования памятника.

Fig. 7. Large stones at the bottom (a) and edges (b) of the depression indicating collapses during the initial stages of the site formation.

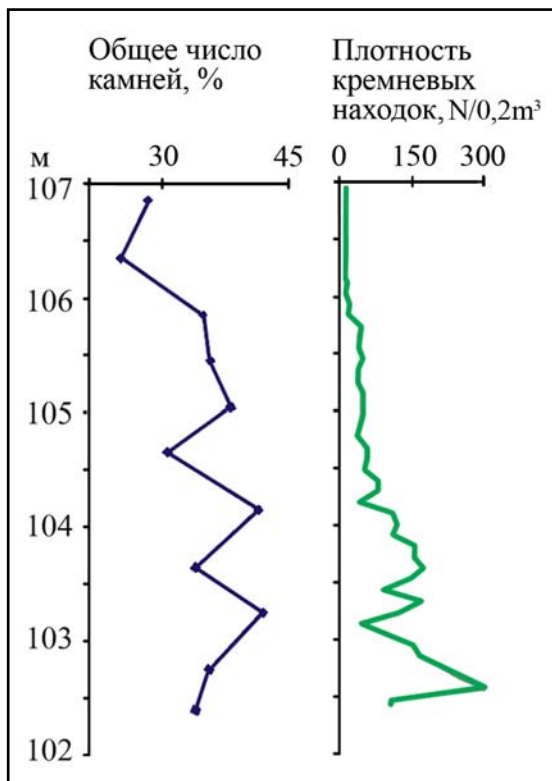

Рис. 8. Кривые общей завалуненности почвы и плотности залегания каменных артефактов. Плотность артефактов указывает на обратную связь с количеством гравия.

Fig. 8. Total stoniness and lithic density curves. Density of artefacts shows opposite correlation with frequency of gravel.

ду 25—45% от объёма седиментов. Этот показатель находится в обратной связи с плотностью залегания артефактов, т.е. когда количество гравия понижается, то повышается плотность залегания артефактов, и наоборот. К примеру, на глубине 106—105 м в верхней части пачки II общая завалуненность состав-

ляет около 40%, а на высоте 104,8 м завалуненность падает до 30%. Примерно в этом месте количество мустьерских артефактов возрастает вдвое (рис. 8). Похожая обратная взаимосвязь была зафиксирована на высоте 103,6—80 м и около 102,5 м над уровнем моря. Понижения объёма гравия могут свидетельствовать о менее интенсивном осадконакоплении, результатом которого стала высокая плотность залегания артефактов. Кроме того, процессы педогенеза, зафиксированные в верхней части разреза, также свидетельствуют об устойчивых эпизодах с низкой интенсивностью осадконакопления, по крайней мере, в центральной части впадины.

Использование огня в период формирования верхней части разреза

В отличие от пачек III и V, в которых были обнаружены хорошо сохранившиеся следы горения, в верхней части разреза таких следов обнаружено не было. Отсутствие очагов и золы — частое явление на стоянках открытого типа (Friesem et al. in press). П. Гольдберг и С. Шервуд (Goldberg, Sherwood 2006) предположили, что в естественной среде этого типа памятников микростратиграфические антропогенные элементы подвергаются массивному выветриванию и педогенезу и поэтому не сохраняются. В связи с этим преобладающим сейчас объяснением отсутствия следов горения на стоянках открытого типа является их разрушение разнообразными постдепозиционными процессами (Friesem et al. in press). С другой стороны, в пачках III и V Нешер Рамла наблюдается хорошая сохранность золы, угля и горизонтально рассеянных следов горения, часть из ко-

Таблица 1.

Каменный инвентарь стоянки Нешер Рамла

	Пачка I		Пачка II верх		Пачка II низ		Пачка III	
	Кол-во	Процент	Кол-во	Процент	Кол-во	Процент	Кол-во	Процент
Леваллуазские отщепы (Levallois flakes)	52	8,8%	49	6,6%	182	9,9%	115	10,9%
Леваллуазские острия (Levallois points)	2	0,3%	9	1,2%	18	1,0%	1	0,1%
Целые отщепы (Complete flakes)	108	18,3%	139	18,7%	394	21,5%	236	22,3%
Целые отщепы с корной (Complete cortical flakes) (> 25% cortex)	54	9,2%	88	11,8%	256	14,0%	133	12,6%
Обломки отщепов (Broken flakes)	206	35,0%	275	36,9%	436	23,8%	217	20,5%
Обоженные отщепы (Burnt flakes)	64	10,9%	40	5,4%	76	4,2%	116	11,0%
Технические сколы (STE)	12	2,0%	15	2,0%	36	2,0%	34	3,2%
Скребля на краевых сколах (Side-scraper rejuvenation flakes)	2	0,3%	1	0,1%	6	0,3%	7	0,7%
Орудия на сколах (Flake tools)	53	9,0%	96	12,9%	351	19,2%	166	15,7%
Леваллуазские нуклеусы (Levallois cores)	4	0,7%	7	0,9%	35	1,9%	9	0,8%
Нуклеусы с предварительно подготовленной поверхностью (Preferential surface cores)	1	0,2%	4	0,5%	9	0,5%	10	0,9%
Ядрища на сколах (Cores-on-flake)	3	0,5%	7	0,9%	13	0,7%	5	0,5%
Дискоидальные нуклеусы (Discoidal-like cores)			1	0,1%	3	0,2%	3	0,3%
Шаровидные нуклеусы (Globular cores)	2	0,3%	3	0,4%	5	0,3%	2	0,2%
Нуклеусы с 1—3 сколами (Cores with 1—3 removals)	1	0,2%	1	0,1%	4	0,2%	4	0,4%
Фрагменты нуклеусов (Core fragments)	1	0,2%	1	0,1%	2	0,1%	1	0,1%
Обломки камня (Chunks)	24	4,1%	9	1,2%	5	0,3%		
Итого (Total)	589	100,0%	745	100,0%	1831	100,0%	1059	100,0%

торых является следами очагов мощностью в 1—2 см. Это объясняется быстрыми темпами осадконакопления и защитой этих элементов от воздействия ветра и иных разрушительных факторов стенками впадины (Friesem et al. in press). К тому же в пачках III и V не было обнаружено следов педогенеза.

Несмотря на то, что в верхней части разреза Нешер Рамла не было обнаружено следов горения, некоторые археологические и геоархеологические данные свидетель-

ствуют о возможном использовании огня. К примеру, обоженные отщепы встречаются на всём протяжении пачек I—III (табл. 1). В дополнение к этому, небольшие фрагменты обоженных костей были обнаружены в микроморфологических образцах (Tsatskin, Zaidner in press). Скорее всего, именно постдепозиционные процессы, и в особенности педогенез, являются причиной разрушения очагов и других следов горения в верхней части разреза.

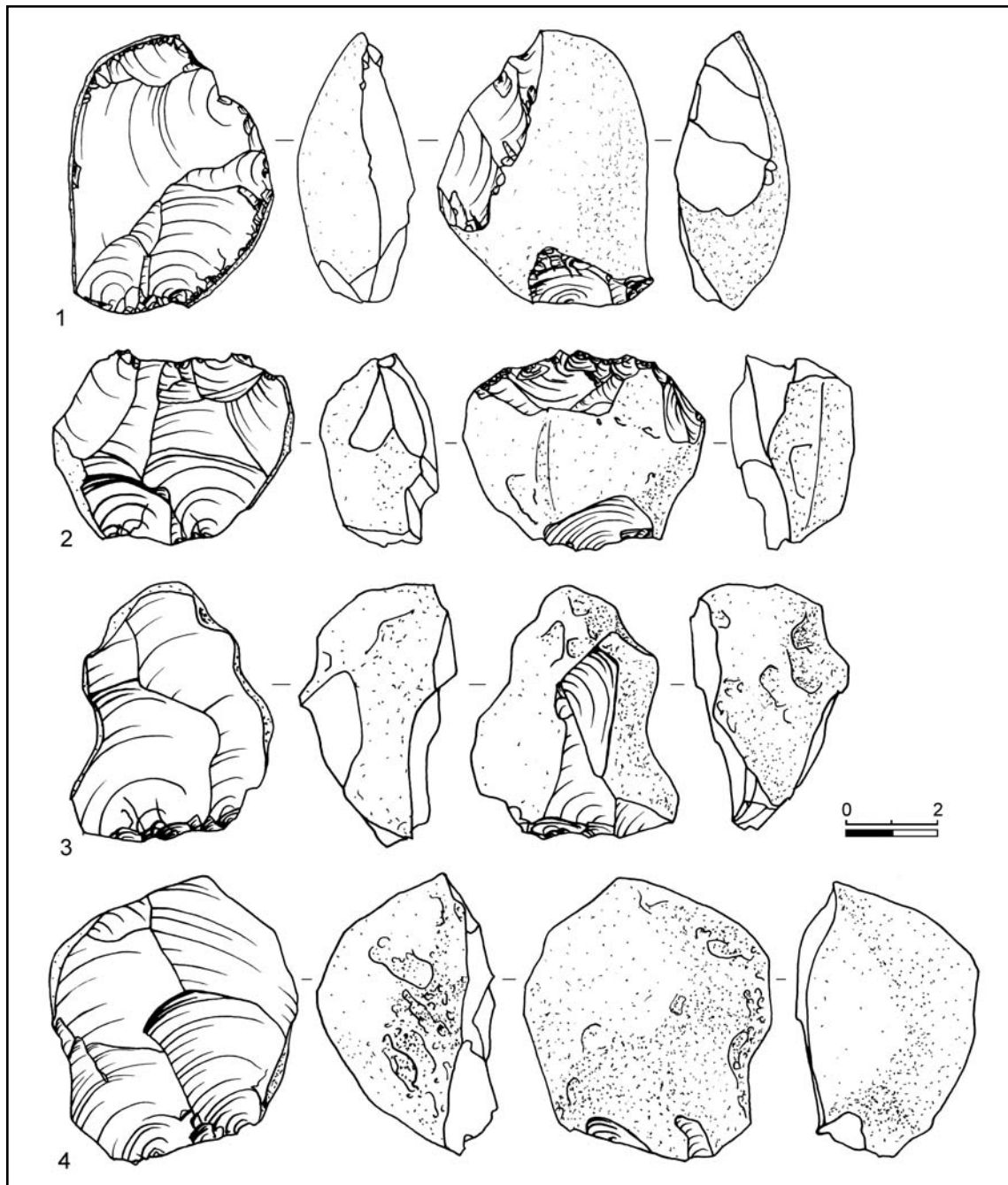

Рис. 9. Нешер Рамла. Каменный инвентарь. 1, 3, 4 — нуклеусы с предварительно подготовленной поверхностью; 2 — леваллуазский нуклеус.

Fig. 9. Neshet Ramla. Lithic artefacts: 1, 3, 4 — preferential surface cores; 2 — levallois core.

Характеристика каменного инвентаря

Археологический разрез Нешер Рамла относится к средней фазе левантийского мустье. В каменной индустрии Нешер Рамла отсутствуют настоящие пластинчатые и удлиненные леваллуазские заготовки, характерные для ранней фазы левантийского мустье, и доминируют короткие и широкие от-

щепы. Датировки, полученные методом ОСЛ для самых ранних культурных слоёв Нешер Рамла (примерно 170 тыс. л. н.) согласуются с самыми ранними ТЛ датами мустье пещеры Табун (Tabun C) и пещеры Хайоним (слой E Верхний) (Mercier, Valladas 2003; Mercier et al. 2007). В то же время, несмотря на явные левантийско-мустьерские технологические характеристики, каменный инвентарь Нешер Рамла отличается от большинства левантий-

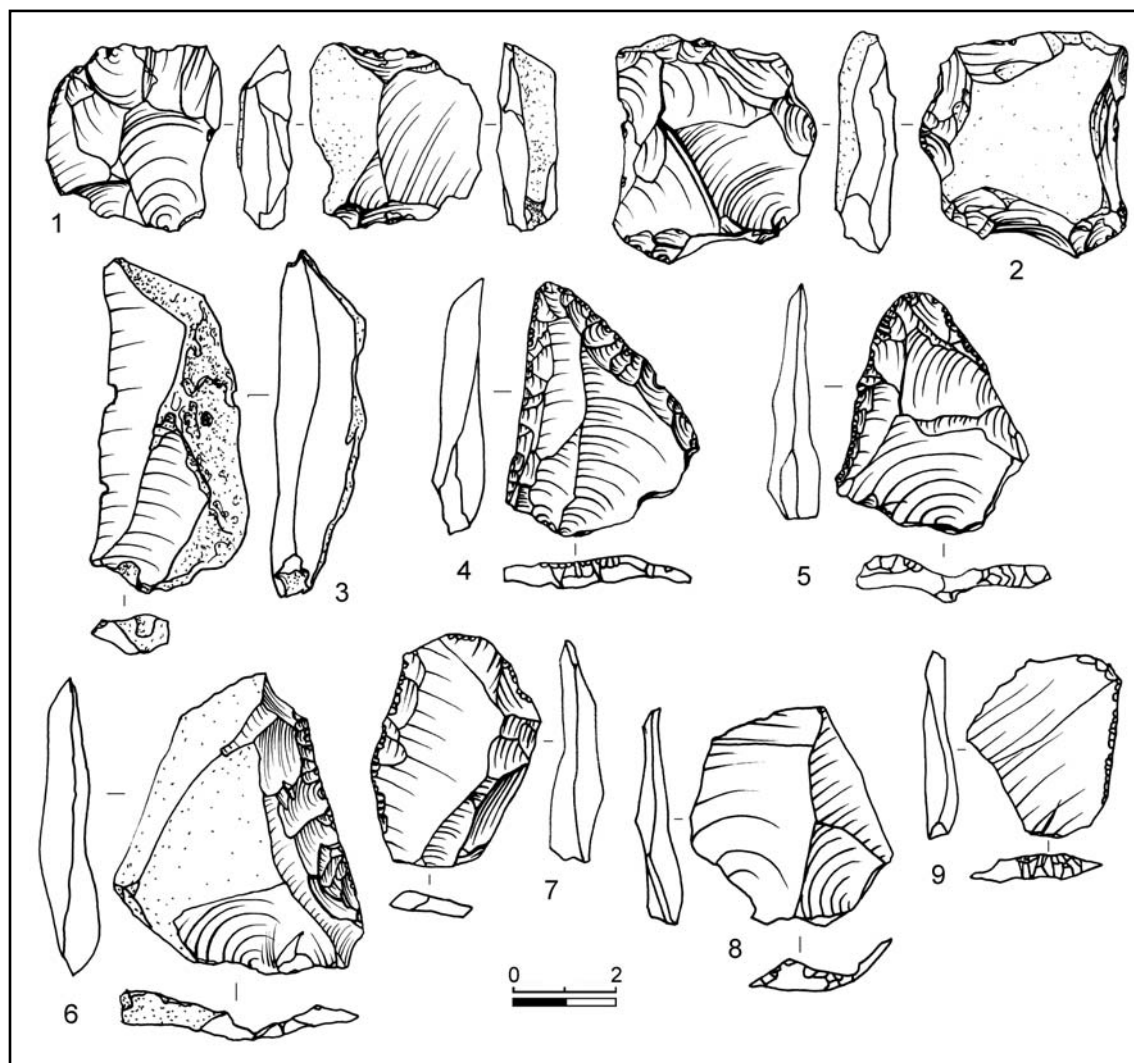

Рис. 10. Нешер Рамла. Каменный инвентарь. 1 — нуклеус на сколе; 2 — леваллуазский нуклеус; 3 — скол с естественным обушком; 4, 5 — ретушированные остроконечники; 6, 7 — скребла; 8 — леваллуазский отщеп; 9 — скреблышко.

Fig. 10. Neshar Ramla. Lithic artefacts: 1 — core-on-flake; 2 — levallois core; 3 — naturally backed flake; 4, 5 — retouched points; 6, 7 — sidescrapers; 8 — levallois flake; 9 — raclette.

ских комплексов по процентному содержанию продуктов леваллуа (IL) и леваллуазских заготовок среди орудий (ILty), а также высокой стандартизацией ретушированных орудий, в особенности скребел (Zaidner et al. 2014: 13—14).

Изученные комплексы представлены в таблице 1 (4224 артефакта из шурфа III, см. рис. 2). Если не считать несколько крупных известняковых валунов, с которых было снято небольшое количество отщепов, то кремь — это единственный тип сырья, бывший в употреблении. Наиболее часто встречающийся тип кремья — это относительно высококачественный прозрачный кремь формации Мешаш. Вдобавок, небольшое количество артефактов было изготовлено из матового

светло-коричневого кремья неизвестного происхождения.

Расщепление большинства нуклеусов производилось в соответствии с объемной концепцией леваллуа. В основном леваллуазские нуклеусы служили для снятия отщепов, при этом использовался как рекуррентный, так и преференциальный метод. Наблюдаются малые размеры и низкий уровень подготовки и стандартизации леваллуазских нуклеусов (рис. 9: 2; 10: 2). Подготовка выпуклостей поверхности скальвания производилась небольшими сколами, ударная площадка в основном корковая или имеет минимальную подготовку. Также редки технические сколы, снятые в процессе подготовки леваллуазских нуклеусов. Как результат такой подготовки, левал-

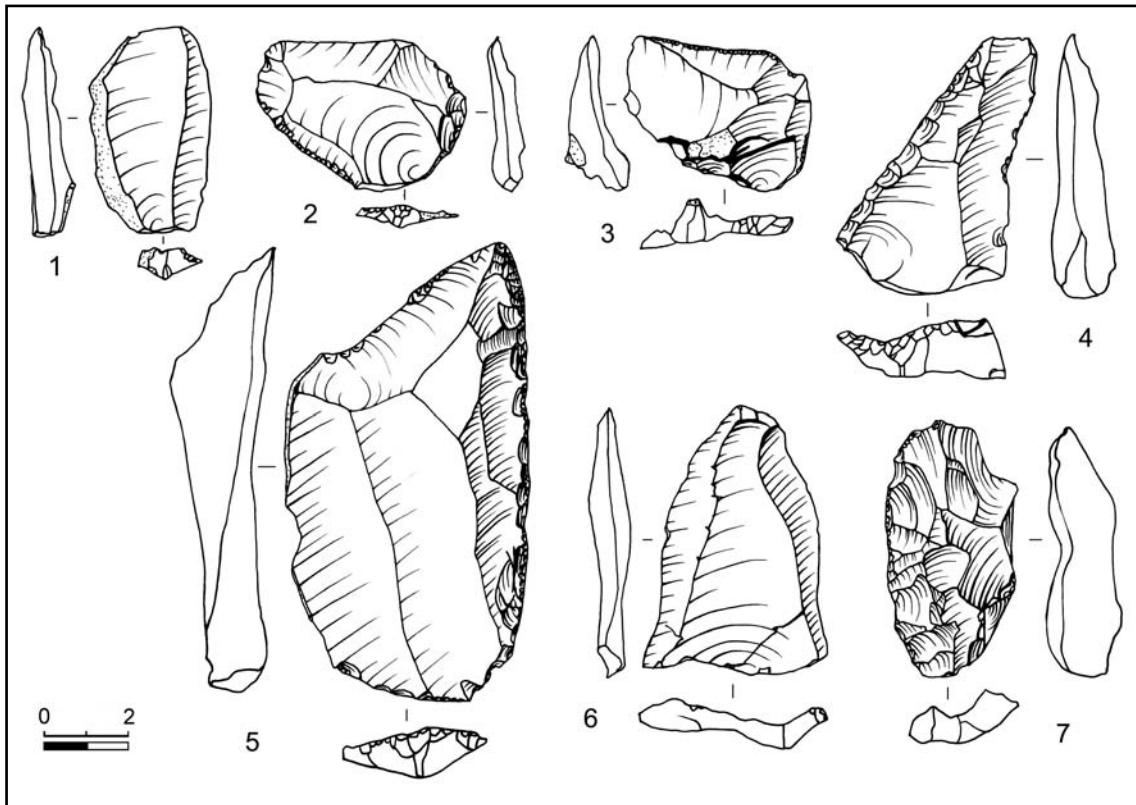

Рис. 11. Нешер Рамла. Каменный инвентарь. 1 — скол с естественным обушком; 2, 3 — скреблышки; 4, 5, 7 — скребла; 6 — леваллуазский остроконечник.

Fig. 11. Neshet Ramla. Lithic artefacts: 1 — naturally backed flake; 2, 3 — raclette; 4, 5, 7 — sidescrapers; 6 — levallois point.

луазские отщепы несут следы всего нескольких негативов на поверхности скальвания и характеризуются грубыми и нерегулярными формами. Не исключено, что низкий индекс леваллуа в Нешер Рамла является результатом минимального уровня подготовки нуклеусов и возникшими вследствие этого трудностями в идентификации отщепов, сделанных леваллуазским методом. Вместе с этим, ретушированные орудия выполнены на хорошо подготовленных, крупных стандартных заготовках леваллуа (рис. 10: 4, 5; 11: 4, 5).

Большая группа нуклеусов была предварительно названа «нуклеусами с преференциальной поверхностью» (рис. 9: 1, 3, 4). Для них характерен объемный принцип эксплуатации с двумя иерархически организованными поверхностями, одна из которых использовалась для скальвания, а другая — как ударная площадка. Отсутствие следов, направленных на получение predetermined формы будущего скола и подготовки поверхности скальвания у «нуклеусов с преференциальной поверхностью» является основным их отклонением от леваллуазской техники. Скальвание было однонаправленным, встречным или разнонаправленным. В большинстве случаев по-

верхность скальвания полностью покрыта негативами крупных сколов. Для ударной площадки нуклеусов характерна минимальная подготовка. При снятии отщепов обычно скальвали боковые, покрытые коркой края нуклеусов. Скальвание отщепов с центральной поверхности расщепления производилось крайне редко. Ножи с естественным обушком, являющиеся одной из самых частых форм изделий в коллекции, получали, видимо, с помощью именно такого метода скальвания (рис. 10: 3, 11: 1).

Большинство нуклеусов на сколах использовалось следуя концепции леваллуа. Выпуклая вентральная поверхность служила как поверхность скальвания с минимальной подготовкой, дорсальная поверхность формировалась под ударную площадку (рис. 10: 1). Других организованных стратегий скальвания в Нешер Рамла не было обнаружено. В орудийном наборе доминируют скребла, особенно однолезвийные, и скреблышки (*racettes*) (рис. 10: 6, 7, 9; 11: 2, 3, 4, 5, 7; 12). Скребла часто обновлялись посредством снятия длинного скола с ретушированного края (Zaidner et al. 2014: 14). Верхнепалеолитические типы орудий в Нешер Рамла крайне редки.

№1. 2014

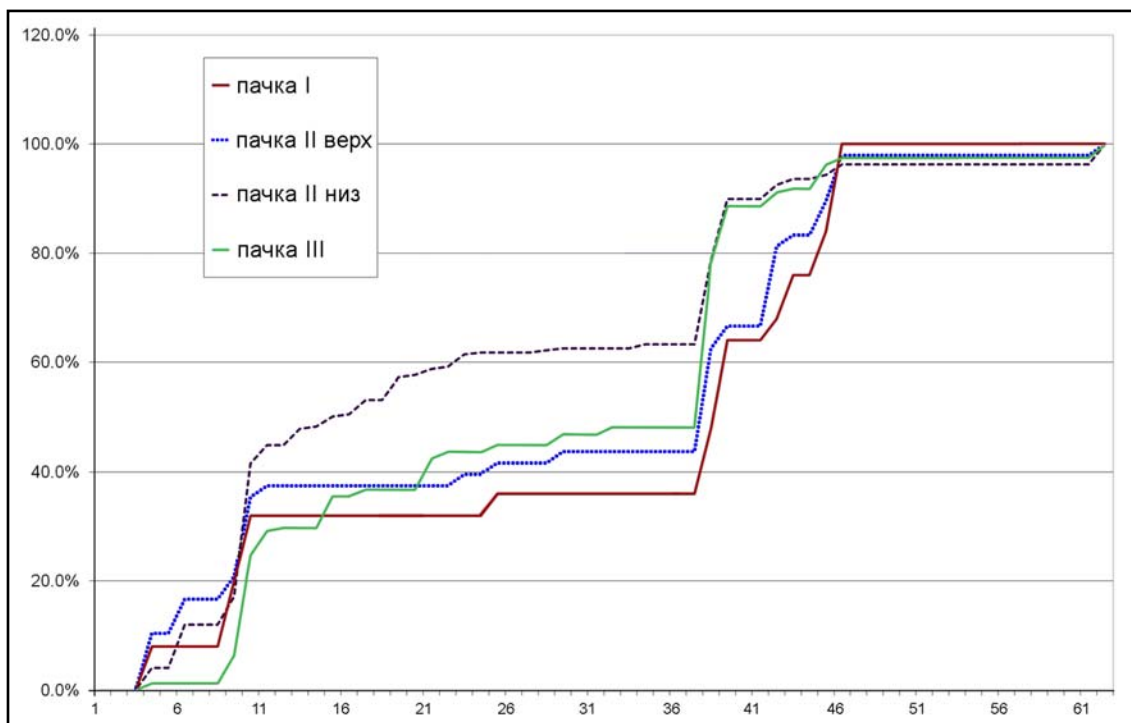

Рис. 12. Кумулятивный типологический график по Ф. Борду. В пачке I и верхней части пачки II доминируют простые скребла, скреблышки, ножи с естественным обушком и типы 42—46. В нижней части пачки II и в пачке III доминируют скребла и ножи с естественным обушком. Верхняя часть пачки II отличается высоким процентным соотношением ретушированных остроконечников, в то время как пачка III содержит всего несколько таких остроконечников.

Fig. 12. F. Bordes' cumulative typological graph. Units I and II upper are dominated by simple sidescrapers, raclettes, naturally backed knives and types 42—46. Unit II lower and III are dominated by sidescrapers and naturally backed knives. Unit II upper shows high frequency of retouched points, while in Unit III retouched points are very few.

Стратиграфические колебания

Анализ материала стоянки Нешер Рамла свидетельствует об увеличении плотности залегания артефактов по мере углубления, а также об ощутимых изменениях в составе каменного инвентаря на протяжении заселения впадины мустьерским человеком (рис. 8; 13). В верхних 1,5 м разреза плотность залегания составляет 10—20 артефактов на 0,1 м³. На переходе между стратиграфическими пачками I и II количество артефактов удваивается до 30—40 на 0,1 м³. На переходе между верхней частью пачки II и нижней частью этой же пачки II число артефактов продолжает расти и достигает 50—70 на 0,1 м³, а на высоте 103,85 м резко возрастает до 100—150 на 0,1 м³. В пачке III наблюдается ещё один резкий скачок, и количество артефактов достигает 200—250 на 0,1 м³ (рис. 8). Как было показано ранее, некоторые из этих скачков в плотности залегания соответствуют снижению в интенсивности осадконакопления. Из этого следует, что повышения в плотности залегания артефактов в данных случаях являются следствием меньшей

интенсивности осадконакопления, а не свидетельством о более интенсивной человеческой деятельности.

Вместе с тем, ощутимые изменения в составе каменного инвентаря дают основание полагать, что использование стоянки не было однообразным. Например, количество продуктов леваллуа варьирует между 11—25% от состава каменного инвентаря в разных стратиграфических отрезках. Особенно значительные колебания заметны в нижней части пачки II и в пачке III. Продукты леваллуа составляют 10—17% от состава коллекций на глубине 104,45—103,55 м, и 17—25% на глубине 103,55—102,65 м (рис. 13). В пачке III количество продуктов леваллуа снова уменьшается.

Количество и состав коллекций ретушированных орудий в Нешер Рамла также значительно колеблется. Число ретушированных орудий растёт с 10% от состава каменного инвентаря в пачке I до 19% в пачке II. В нижней части пачки II (103,55—102,65) число ретушированных орудий достигает 30% от состава коллекций (рис. 13). В основном орудийный набор ограничен нескольки-

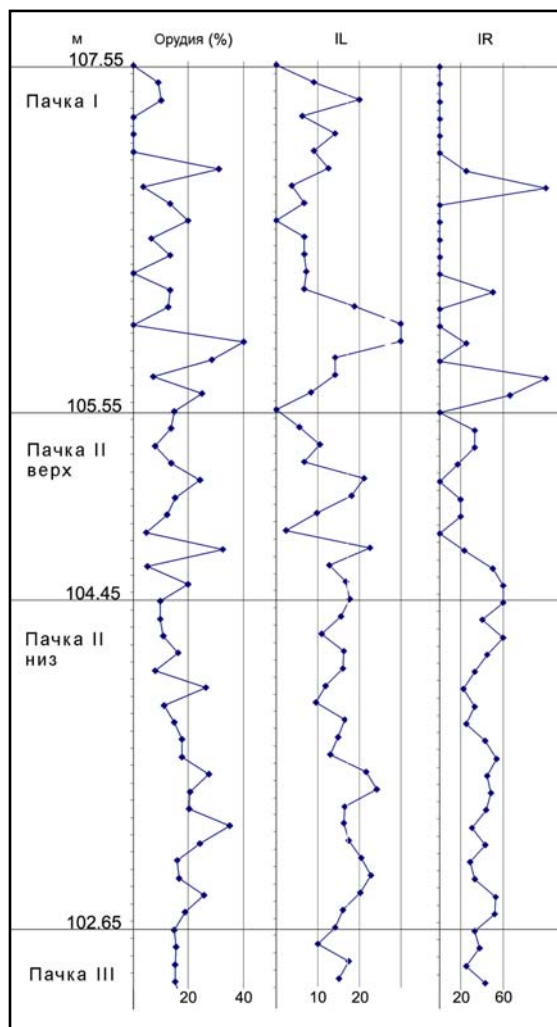

Рис. 13. Процентное соотношение ретушированных орудий, IL (технологический индекс леваллуа) и IR (индекс скребел) в пачках I—III Нешер Рамла. В то время как в пачке I и верхней части пачки II высокий разброс связан с маленькими размерами изученной коллекции, в нижней части пачки II и в пачке III размер коллекций достаточен и разброс свидетельствует о реальном изменении в период функционирования памятника.

Fig. 13. Frequency of retouched tools, IL (technological Levallois index) and IR (Sidescraper index) in units I-III in Nesher Ramla. While in units I and II upper the high variation is due to low sample size, in units II lower and III the sample sizes are sufficient and the variation indicates a real change in mode of size use.

ми доминирующими типами, но их процентное соотношение варьирует на протяжении разреза (рис. 12). Скребла являются доминирующей группой орудий в Нешер Рамла. Их число растёт от 30% в составе коллекции ретушированных орудий пачки I и верхней части пачки II до 50% в нижних отложениях. Однолезвийные скребла доминируют в комплексах всех четырёх отрезков (рис. 12). Процентное соотношение скребел в пач-

Рис. 14. Манупорты в нижних слоях, указывающие на интенсивную человеческую деятельность. Большой камень на иллюстрации 14: 2 — это рудистовый известняк весом 16 кг. Рудистовый известняк в окрестностях стоянки не обнаружен.

Fig. 14. Manuports in lower units of Nesher Ramla indicating high intensity of occupation and high investment in transportation of manuports. The large stone in figure 14: 2 is a block of rudistic limestone weighing 16 kg. Rudistic limestone is unknown from the vicinity of the site.

ках II и III колеблется между 20 и 60 процентами от числа ретушированных орудий. В пачке I и верхней части пачки II доминируют типы 42—46 типологического списка Борда. Пачка III характеризуется полным отсутствием остроконечников и высоким процентным соотношением ножей с естественным обушком.

В дополнение к изменениям в процентном соотношении разных технологических и типологических групп, в нижней части отложений наблюдается резкое повышение количества крупных и тяжелых манупортов (рис. 14), а также и значительно увеличившаяся плотность залегания фаунистических остатков (Zaidner et al. 2014: 10).

Заключение

Среднепалеолитическая стоянка открытого типа Нешер Рамла находится в карстовой впадине, сформировавшейся ещё до заселения её человеком и служившей закрытым (де-

№1. 2014

позиционным) комплексом. В период накопления археологического материала процесс формирования памятника определялся действием четырёх основных факторов: отложения эрозийных почв, затопления, педогенеза и человеческой деятельности. Скорость осадконакопления, а также частота и интенсивность действия перечисленных факторов, видимо, постоянно менялись. Подобная система кардинально отличается от процессов формирования памятников в пещерных и флювиальных контекстах. Уникальное геоморфологическое расположение и история формирования несомненно предопределили причины и характер использования впадины человеком.

Каменный инвентарь Нешер Рамла, как представляется на данном этапе его изучения, отличается от пещерных стоянок и стоянок открытого типа левантийского мустье. Хотя технология Нешер Рамла тоже характеризуется как мустье-леваллуа, высоко стандартизированный комплекс орудий, включающий в себя большое количество интенсивно рету-

шированных скребел, а также свидетельства краевой подправки скребел посредством снятия длинного скола с ретушированного края, отличают Нешер Рамла от других памятников левантийского мустье. На данный момент вопрос о том, как использовалась впадина Нешер Рамла древним человеком, и чем отличалась функция этого уникального памятника от других среднепалеолитических стоянок Леванта, остается нерешённым. Ответ на него будет возможен при условии продолжения исследований каменного инвентаря и фаунистических остатков стоянки.

Благодарности

Я выражаю глубокую признательность М. Краковской за неоценимую помощь, оказанную во время перевода статьи на русский язык а также Е. Максимовой за рисунки каменного инвентаря. Раскопки были проведены при финансовой помощи Цементного Завода Нешер (Nesher Israel Cement Enterprises Ltd.)

Литература / References

- Albert et al. 1999: Albert R.M., Lavi O., Estroff L., Weiner S., Tsatskin A., Ronen A., Lev-Yadun S. 1999. Mode of occupation of Tabun Cave, Mount Carmel, Israel during the Later Mousterian: a study of sediments and phytoliths. *Journal of Archaeological Science* 26, 1249—1260.
- Bar-Yosef O., Meignen L. 2007. *Kebara Cave, Mt. Carmel, Israel. The Middle and Upper Palaeolithic Archaeology*. Part 1. Cambridge, MA: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology.
- Dan J., Koyumdjiski H. (eds). 1979. *The Classification of Israel Soils*. Special Publication No. 137. The Volcani Center, Bet Dagan, Israel.
- Davis S.J.M., Rabinovich R. Goren-Inbar N. 1988. Quaternary extinctions and population increase in Western Asia: the animal remains from Biq'at Quneitra. *Paléorient* 14, 95—105.
- Friesem et al. in press: Friesem D.E., Zaidner, Y., Shahack-Gross R. Formation processes and combustion features at the lower layers of the Middle Palaeolithic open-air site of Neshet Ramla, Israel. *Quaternary International* XXX, in press.
- Frumkin A., Gvirtzman H. 2006. Cross-formational rising groundwater at an artesian karstic basin: the Ayalon Saline Anomaly. *Israel Journal of Hydrology* 318, 216—333.
- Frumkin et al. 2009: Frumkin A., Karkanis P., Bar-Matthews M., Barkai R., Gopher A., Shahack-Gross R., Vaks A. 2009. Gravitational deformations and fillings of aging caves: the example of Qesem karst system, Israel. *Geomorphology* 106, 154—164.
- Frumkin et al. submitted: Frumkin A., Zaidner Y., Na'aman I., Tsatskin A., Porat N., Vulfson L. Karst depressions over hypogenic hydrothermal karst in a Mediterranean carbonate terrain. Submitted to *Geomorphology*, in press.
- Garrod D.A.E., Bate D.M.A. 1937. *The Stone Age of Mount Carmel*. Vol. I. *Excavations at the Wadi Mughara*. Clarendon Press, Oxford.
- Gilead I. 1980. A Middle Palaeolithic open-air site near Tell Far'ah, Western Negev: preliminary report. *Israel Exploration Journal* 30, 52—62.
- Gilead I., Grigson C. 1984. Farah II: a Middle Paleolithic open-air site in the Northern Negev, Israel. *Proceedings of the Prehistoric Society* 50, 71—97.
- Goldberg P., Berna F. 2010. Micromorphology and context. *Quaternary International* 214, 56—62.
- Goldberg P., Sherwood S.C. 2006. Deciphering Human Prehistory Through the Geoarchaeological Study of Cave Sediments. *Evolutionary Anthropology* 15, 20—36.
- Goren-Inbar N. 1990. *Quneitra: A Mousterian Site on the Golan Heights*. Qedem 31. Jerusalem: Institute of Archaeology.
- Hovers E. 1986. The application of geographical models in prehistoric research: a case study from Biq'at Quneitra. *Journal of Israel Prehistoric Society* 19, 30—42.
- Hovers E. 2001. Territorial behavior in the Middle Palaeolithic of the Southern Levant. In: Conrad, N.J. (ed.), *Settlement Dynamics of the Middle Palaeolithic and the Middle Stone Age*. Tubingen: Kerns Verlag, 123—152.
- Hovers E. 2009. *The Lithic Assemblages of Qafzeh Cave*. Oxford: Oxford University Press.
- Itkin D., Geva-Kleinberger A., Yaalon D.H., Shaanan U., Goldfus H., 2012. Nari in the Levant: Historical and etymological aspects of a specific calcare formation. *Earth Sciences History* 31 (2), 210—228.
- Jelinek A. 1977. A preliminary study of flakes from the Tabun Cave, Mt. Carmel. In: Arensburg B., Bar-Yosef O. (eds.). *Eretz-Israel* 13. Jerusalem: Israel Exploration Society, 87—96.
- Jelinek A. 1982. The Middle Paleolithic in the Southern Le-

- vant, with comments on the appearance of modern Homo sapiens. In: Ronen A. (ed.), *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. BAR International Series 151. Oxford, 57—104.
- Karkanas et al. 2000: Karkanas P., Bar-Yosef O., Goldberg P., Weiner S. 2000. Diagenesis in prehistoric caves: the use of minerals that form in situ to assess the completeness of the archaeological Record. *Journal of Archaeological Science* 27, 915—929.
- Karkanas et al. 2007: Karkanas P., Shahack-Gross R., Ayalon A., Bar-Matthews M., Barkai R., Frumkin A., Gopher A., Stiner M., 2007. Evidence for habitual use of fire at the end of the Lower Paleolithic: site formation processes at Qesem Cave, Israel. *Journal of Human Evolution* 53, 197—212.
- Meignen et al. 2006: Meignen L., Bar-Yosef O., Speth J.D., Stiner M.C. 2006. Middle Paleolithic settlement patterns in the Levant. In: Hovers, E., Kuhn, S.L. (eds.), *Transitions before the Transition: Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age*. New York: Springer, 149—169.
- Mercier N., Valladas H. 2003. Reassessment of TL age estimates of burnt flints from the Paleolithic site of Tabun Cave, Israel. *Journal of Human Evolution* 45, 401—409.
- Mercier et al. 2007: Mercier N., Valladas H., Froget L., Joron J.-L., Reyss J.-L., Weiner S., Goldberg P., Meignen L., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Chech M., Kuhn S.L., Stiner M.C., Tillier A.-M., Arensburg B., Vandermeersch B. 2007. Hayonim Cave: a TL-based chronology for the Levantine Mousterian Sequence. *Journal of Archaeological Science* 34, 1064—1077.
- Rabinovich R., 1990. Taphonomic research of the faunal assemblages from the Quneitra site. In: Goren-Inbar N. (ed.). *Quneitra: A Mousterian Site on the Golan Heights*. Qedem 31. Jerusalem: Institute of Archaeology, 189—219.
- Shahack-Gross et al. 2008: Shahack-Gross R., Ayalon A., Goldberg P., Goren Y., Ofek B., Rabinovich R., Hovers E. 2008. Formation Processes of Cemented Features in Karstic Cave Sites Revealed Using Stable Oxygen and Carbon Isotopic Analyses: a Case Study at Middle Paleolithic Amud Cave, Israel. *Geoarchaeology* 23, 43—62.
- Sharon et al. 2010: Sharon G., Grosman L., Fluck H., Melamed Y., Rak Y., Rabinovich R. 2010. The first two excavation seasons at NMO: a Mousterian site at the bank of the Jordan River. *Eurasian Prehistory* 7, 135—157.
- Singer A. 2007. *The Soils of Israel*. Berlin; New York: Springer-Verlag.
- Speth J.D. 2004. Hunting pressure, subsistence intensification and demographic change in the Levantine Late Middle Palaeolithic. In: Goren-Inbar N., Speth J.D. (eds.). *Human Palaeoecology in the Levantine Corridor*. Oxford: Oxbow Press, 149—166.
- Speth J.D. 2006. Housekeeping, Neandertal-style: hearth placement and midden formation in Kebara Cave (Israel). In: Hovers E., Kuhn S.L. (eds.). *Transitions before the Transition: Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age*. New York: Springer, 171—188.
- Speth J.D., Clark J. 2006. Hunting and overhunting in the Levantine Late Middle Palaeolithic. *Before Farming* 3, 1—42.
- Stiner M.C. 2005. *The Faunas of Hayonim Cave (Israel): A 200,000-Year Record of Paleolithic Diet, Demography and Society*. Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology.
- Tsatskin A., Zaidner Y. in press. Geoarchaeological context of the later phases of Mousterian occupation (80—115 ka) at Neshar Ramla, Israel: Soil erosion, deposition and pedogenic processes. *Quaternary International* XXX, in press.
- Weinstein-Evron et al. 2012: Weinstein-Evron M., Tsatskin A., Weiner S., Shahack-Gross R., Frumkin A., Yeshurun R., Zaidner Y. 2012. A Window into Early Middle Paleolithic Human Occupational Layers: Misliya Cave, Mount Carmel, Israel. *PaleoAnthropology* 2012, 202—228.
- Wieder M., Sharabani M., Singer A. 1994. Micromorphological study of the calcrete (Nari) formation in Israel. In: Ringrose-Voase A.J., Humphreys G.S. (eds). *Soil Micromorphology: Studies in Management and Genesis, Developments in Soil Science* 22. Elsevier, 37—49.
- Yaalon D.H., Singer S., 1974. Vertical Variation in Strength and Porosity of Calcrete (Nari) on Chalk, Shefela, Israel and Interpretation of its Origin. *Journal of Sedimentary Research* 44, 1016—1023.
- Yeshurun R., Bar-Oz G., Weinstein-Evron M. 2007. Modern hunting behavior in the early Middle Paleolithic: faunal remains from Misliya Cave, Mount Carmel, Israel. *Journal of Human Evolution* 53, 656—677.
- Zaidner et al. 2014: Zaidner Y., Frumkin A., Porat N., Tsatskin A., Yeshurun R., Weissbrod L. 2014. A series of Mousterian occupations in a new type of site: The Neshar Ramle karst depression, Israel. *Journal of Human Evolution* 66, 1—17.

Статья поступила в номер 16 декабря 2013 г.

Yossi Zaidner (Jerusalem, Israel). Ph.D. Institute of Archaeology, The Hebrew University of Jerusalem¹; Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa².

Yossi Zaidner (Jerusalem, Israel). Ph.D. Institutul de arheologie, Universitatea Ebraică din Ierusalim; Institutul de arheologie Zinman, Universitatea din Haifa.

Зайднер Йосси (Иерусалим, Израиль). Ph.D. Институт археологии, Еврейский университет Иерусалима; Институт археологии Цинмана, Университет Хайфы.

E-mail: yzaidner@research.haifa.ac.il

Addresses: ¹ Mount Scopus, Jerusalem, 91905, Israel; ² Mount Carmel, Haifa, 31905, Israel

**Н. К. Анисюткин, В. А. Бурлаку, В. А. Марарескул,
А. К. Очередной, К. Н. Степанова, А. Р. Баснер**

Местонахождение Грушка

Keywords: Dniester region, Grushka, Early Upper Palaeolithic, surface finds, bifacial tools.

Cuvinte cheie: regiunea Nistrului, Hrușca, paleoliticul superior timpuriu, descoperiri de suprafață, piese bifaciale.

Ключевые слова: Приднестровье, Грушка, ранний верхний палеолит, подъемный материал, двусторонне обработанные изделия.

N. K. Anisyutkin, V. A. Burlacu, V. A. Marareskul, A. K. Otcherednoy, K. N. Stepanova, A. R. Basner

Grushka Site

The paper presents the materials obtained as a result of recent fieldwork at the surface site of Grushka in the Middle Dniester river valley, near the village of Grushka in Camenca district. The site was first discovered in 2005 by S. Covalenco. The reported work was carried out in 2011 by the Dniester Archaeological Expedition of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and Transnistria State University. In 2011, 6 areas of localization of surface finds were delineated, and 4 test pits were made in one of them (area 2). The collection includes 471 artefacts made from local flint. The main part of the collection consists of flakes, cores and pre-cores. The retouched tools are mainly represented by various end scrapers, supplemented with some side scrapers and artefacts with intermittent retouch. Of special interest is a series of unfinished bifacial forms, which find analogies in some Upper Palaeolithic assemblages of Moldova and make it possible to tentatively date the material of Grushka to the Early Upper Palaeolithic.

N. K. Anisyutkin, V. A. Burlacu, V. A. Marareskul, A. K. Otcherednoy, K. N. Stepanova, A. R. Basner

Situl de lângă satul Hrușca

Articolul introduce în circuitul științific materialele sitului paleolitic din împrejurimile satului Hrușca, aflat în raionul Camenca în valea Nistrului. Situl a fost descoperit în 2005 de către S. Covalenco, în 2011 fiind cercetat de către un detașament al Expediției arheologice transnistrene a Institutului de cercetare a culturii materiale din cadrul Academiei de Științe a Rusiei și Universității de Stat din Transnistria. Pe suprafața sitului au fost depistate șase zone de concentrare a materialului arheologic și au fost efectuate patru sondaje pentru identificarea straturilor de cultură. De pe suprafața arabilă au fost colectate 471 piese. În baza colecției stau piesele din silex local, printre care se evidențiază o serie importantă de așchii, nuclee și piese cu aspect de nuclee. Printre piesele finite poate fi remarcată prezența gratoarelor de diverse tipuri. Seria pieselor prelucrate bifacial este reprezentată prin forme nefinite, care totuși permit datarea preliminară a materialului cu paleoliticul superior timpuriu.

N. K. Anisyutkin, V. A. Burlacu, V. A. Marareskul, A. K. Oчередной, К. Н. Степанова, А. Р. Баснер

Местонахождение Грушка

В статье представлены материалы палеолитического местонахождения Грушка, находящегося вблизи одноименного села в Каменском районе в долине Днестра. Местонахождение, обнаруженное в 2005 году С. И. Коваленко, исследовалось отрядом Приднестровской археологической экспедиции ИИМК РАН и Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко в 2011 году. На памятнике были выделены 6 участков локализации подъемного материала, заложены 4 шурфа для поиска культуросодержащих отложений, собрана коллекция из 471 изделия, обнаруженных на поверхности современного пахотного слоя. Основу коллекции составляют изделия из местного кремня, среди которых выделяется значительная серия сколов, нуклеусы и нуклеидные изделия. Среди орудий можно выделить разнообразные скребки. Серия двусторонне обработанных изделий представлена незавершенными формами, которые, однако, позволяют предварительно датировать обнаруженный материал эпохой раннего верхнего палеолита.

Supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 11-06-00380-a, and Russian Foundation for Humanities, project 12-01-00345 ■ Studiul apare cu suportul Fundației ruse pentru cercetări fundamentale, proiectul 11-06-00380-a, și Fundației ruse pentru studii umanitare, proiectul 12-01-00345 ■ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант №11-06-00380-а, и Российского гуманитарного научного фонда, грант №12-01-00345.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© Н. К. Анисюткин, В. А. Бурлаку, В. А. Марарескул, А. К. Очередной, К. Н. Степанова, А. Р. Баснер, 2014.

Рис. 1. Мыс на северной окраине села Грушка и выявленная площадь местонахождения.

Fig. 1. Promontory on the northern border of the village of Grushka and the area where surface finds were collected.

Палеолитические памятники с полностью или частично разрушенным культурным слоем хорошо известны в Пруто-Днестровском междуречье. На таких разновременных памятниках, как Мерсына, Бобулешты V, Бобулешты VI, Володяны II, Брынзены 2 и Буздужаны 2 на реках Реут и Раковец, Климауцы 1 на Днестре инвентарь практически полностью представлен только подъемным материалом (Кетрару, Анисюткин 1967; Кетрару 1983; Chetragu 1995; Борзияк 1981; 1982). Причины такой плохой сохранности культуросодержащих отложений, конечно, специфичны для каждого из разрушенных памятников. Эти материалы хорошо дополняют стратифицированные комплексы.

Географическое положение и геоморфологическая характеристика памятника

Местонахождение Грушка было открыто в 2005 году С.И. Коваленко на левом берегу Днестра в 1,3 км к северо-западу и западу от одноименного села, расположенного на северной границе Каменского района ПМР (Коваленко и др. 2006: 31—32). От северной границы села к местонахождению нужно подниматься по проселочной дороге, которая выходит на шоссе, ведущее к городу Ямполь (Украина). Местонахождение

расположено на правом склоне водораздельной части крупного мыса, ориентированного на юго-восток. Мыс образован с востока крупной балкой, проходящей через село, и с юго-запада руслом Днестра. Балка сформирована мелким левым притоком Днестра речкой Вия. Борты мыса неодинаковы — восточный борт пологий и прорезан мелкими оврагами, а юго-западный борт является фактически стенкой каньона на участке высокого левого коренного берега Днестра. На разных участках мыса сконцентрированы разновременные археологические памятники от палеолита до средневековья (Коваленко и др. 2006: 31—32), среди которых местонахождение Грушка занимает наиболее высокое положение и самую обширную площадь (периметр всей зоны фиксации подъемного материала составляет примерно 1,5 км, а площадь равна 0,12 км² или 12,5 гектар) (рис. 1). Координаты местонахождения: широта 48°07'23.52"С и долгота 28°32'25.62"В.

С.И. Коваленко выделил два участка местонахождения Грушка — это Грушка 1 с находками материалов верхнепалеолитического облика и Грушка 2, которая была определена как стоянка-мастерская со среднепалеолитическим и верхнепалеолитическим инвентарем (Коваленко и др. 2006: 31—32). Оба участка, выделенные С.И. Коваленко, расположены на краю водораздельного плато, которое ак-

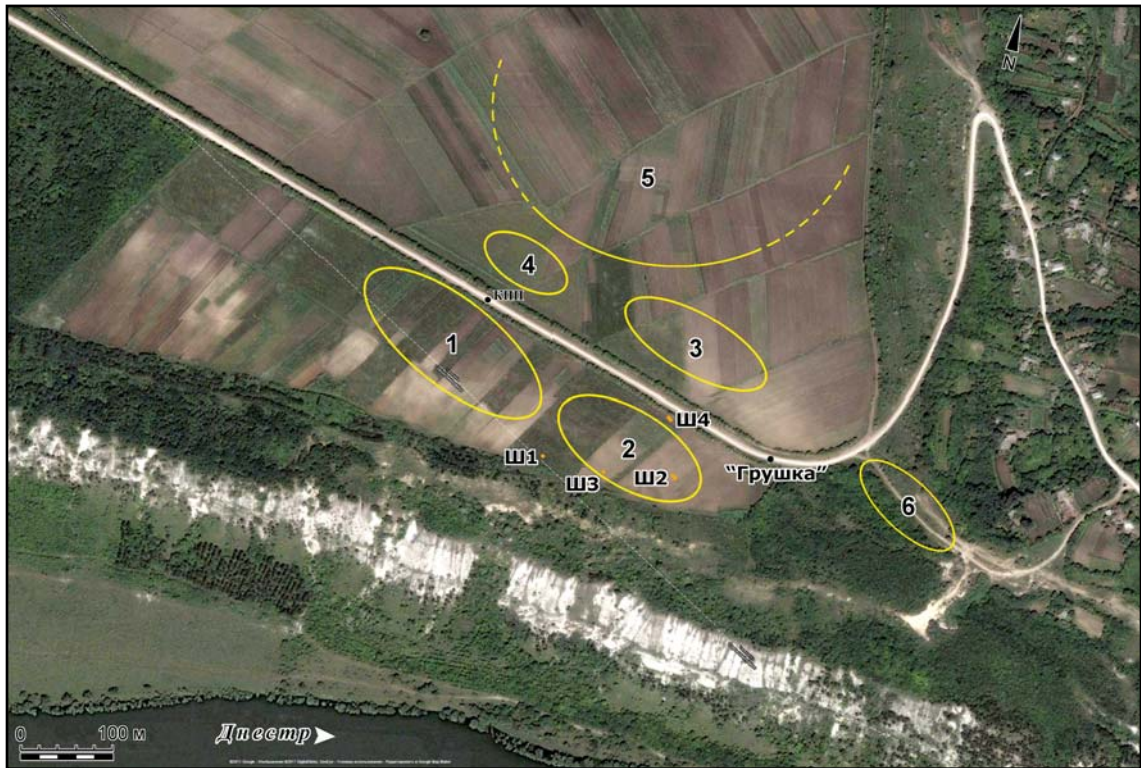

Рис. 2. Местонахождение Грушка. Расположение разных участков и шурфов.

Fig. 2. Grushka. Location of different site areas and test-pits.

тивно распаивается десятки лет под кукурузу и виноградники.

В течение полевого сезона 2011 года работы на местонахождении Грушка проводились в течение 5 дней отдельным отрядом Приднестровской археологической экспедиции ИИМК РАН и Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, которая под руководством Н.К. Аниюткина проводит исследования нижнепалеолитических памятников в районе г. Дубоссары. Сотрудники отряда выявили 6 участков распространения материалов местонахождения (рис. 2), на одном из них (участок 2) были поставлены шурфы.

Сырье и степень сохранности изделий

Сырьем для изготовления всех обнаруженных предметов является серый и серовато-коричневый кремль в основном весьма низкого качества с большим количеством каверн и внутренних трещин. С.И. Коваленко отмечает, что кремль может происходить из аллювия одной из древних террас Днестра (Коваленко и др. 2006: 31—32). Кремневые изделия на Грушке встречаются вместе с массовым материалом в виде мелких и средних осколков и обломков отдельных кремневых га-

лечной формы, которые составляют основную массу находок на всех участках. Все обнаруженные предметы и изделия покрыты интенсивной, глубокой молочно-белой патиной. Сохранность изделий в целом очень плохая — основная масса материала сильно эродирована, причиной чего является интенсивное поверхностное выветривание и сезонное температурное воздействие. Кроме того, по краям многих изделий фиксируются повреждения (выбоины и выкрошенность), которые могут быть связаны с воздействием сельскохозяйственной техники. Основным фактором, негативно повлиявшим на сохранность материалов местонахождения, скорее всего, является активная многолетняя сельскохозяйственная деятельность.

Шурфы и информация о стратиграфии покровных отложений

Абсолютное большинство изделий было найдено на поверхности пахотного слоя (442 экз.), и лишь 29 изделий были обнаружены в четырех шурфах, заложенных на участке 2 и в непосредственной близости от этого участка. Шурф №1 был заложен между участком 1 и участком 2 на юго-западном краю поля, шурф №3 расположен на том же

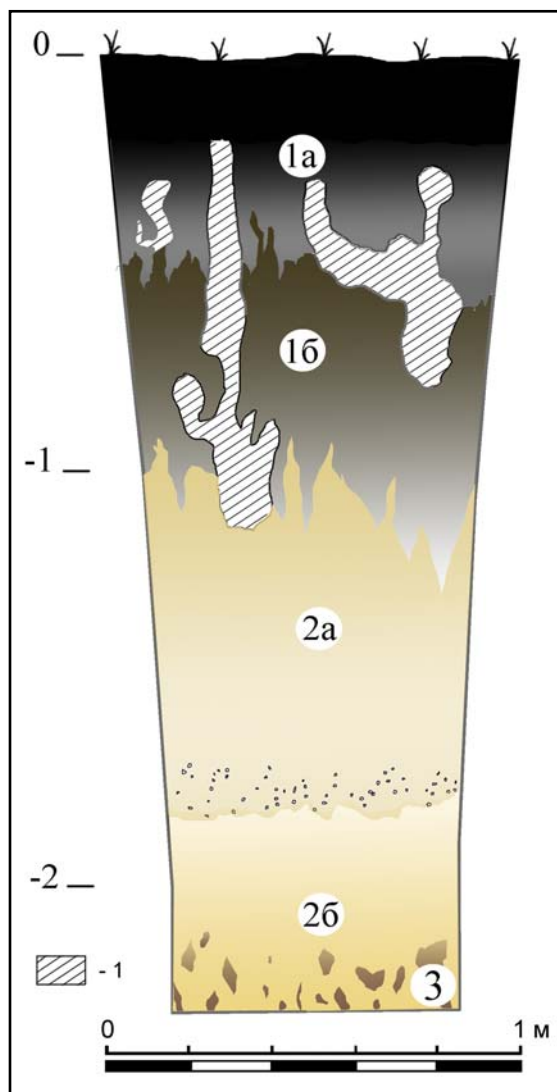

Рис. 3. Местонахождение Грушка. Шурф №4, северная стенка. 1 — кротовины; 1а — современная почва с находками изделий из кремня; 1б — горизонт ВС современной почвы; 2а — суглинок палевый светло-бежевый; 2б — суглинок светло-палевый лёссовидный; 3 — тяжелый красновато-коричневый суглинок.

Fig. 3. Grushka, the northern wall of test-pit 4. 1 — molehills; 1a — modern soil with artefacts; 1б — BC horizon of the modern soil; 2a — pale-yellow loam; 2б — light pale-yellow loess loam; 3 — red-brown clay loam.

уровне в 30 м к востоку. Шурф №2 был заложен в 30 м к востоку от шурфа №3, ближе к центру второго участка, чтобы выявить культурный слой непосредственно на площади распространения материала. Наконец, шурф №4 заложен в 40 м к северо-западу от шурфа №2, в 7 м от обочины дороги на Ямполь (рис. 2).

Такое расположение шурфов было обусловлено причинами, к сожалению, исключительно технического характера: во-первых, второй участок был единственным свободным

от насаждений (фото на рис. 2 сделано до сезона 2011 года). Во-вторых, сотрудникам отряда не было разрешено производить какие-либо земляные работы в непосредственной близости от контрольно-пропускного пункта, расположенного у границы с Украиной. По этой причине были заложены шурфы на участке 2 вместо участка 1, где была выявлена наиболее значительная концентрация находок.

Таким образом, шурфы были заложены на участке между дорогой и обрывистым берегом Днестра. Под верхним пахотным слоем в шурфе №4 (расположенном у дороги) и в шурфах №1 и №3 (расположенных у склона) (рис. 2) выявлена разная последовательность отложений. Разница в том, что колонка в шурфах №4 и №2, располагающихся выше остальных, представлена в более полном варианте. Приведем описание северной стенки шурфа №4 (рис. 3).

1а — современный чернозём, мощностью около 0,50 м, его нижняя граница языковатая, четко фиксируется по цвету. Слой интенсивно проработан кротовинами и корнеходами. Уровень вспашки составляет около 0,20 м. В этом слое найдены отдельные предметы из кремня, аналогичные изделиям с поверхности пашни.

1б — горизонт ВС современной почвы, его нижняя языковатая граница фиксируется четко по цвету. Мощность слоя составляет около 0,30—0,40 м. Наблюдаются вкрапления карбонатов (псевдомицелий).

2а — суглинок палевый светло-бежевый, мелкокомковатой структуры, его верхняя граница фиксируется четко по цвету и механическому составу, нижняя граница прослеживается нечетко. Мощность слоя составляет около 0,80 м.

2б — суглинок светло-палевый лёссовидный, с плотными карбонатными включениями. Видимая мощность слоя составляет около 0,60 м.

3 — в нижней части стратиграфической колонки северной стенки зафиксированы отдельные вкрапления тяжелого красновато-коричневого суглинка (нижележащая ископаемая почва?).

Если в шурфах №4 и №2 под пахотным слоем следует горизонт ВС современной почвы и подстилающая ее толща палевого суглинка, то в шурфе №3, заложенном на юго-западном краю поля, под пахотным слоем следуют верхи толщи красно-коричневого тяжелого суглинка, который можно рассматривать как раннеплейстоценовую ископаемую почву. Отложения горизонта ВС современной почвы и слоев 2а и 2б, выделяемых в толще

№1. 2014

палевого лессовидного суглинка, здесь отсутствуют (рис. 4). Несколько изделий, найденные в шурфе №3, так же, как и в верхних шурфах у дороги, залежали в современном пахотном слое.

Покровные отложения мыса были вскрыты в шурфах на разную глубину — от 1 м (шурфы 1, 2 и 3) до 2,40 м (шурф 4). Во всех шурфах дальнейшее углубление было прекращено в красно-коричневом суглинке из-за отсутствия находок в его кровле (то есть фактически в отложениях, подстилающих современный пахотный слой). Исключением является шурф №4, который был углублен до кровли тяжело-красно-коричневого суглинка.

Распределение находок из шурфов приведено в таблице 1. Больше всего находок обнаружено в шурфе №1 (17 экз.). Среди них можно выделить мелкие и средние отщепы (6 экз.), два краевых обушковых отщепа и два первичных отщепа, а также единственный мелкий пластинчатый скол. В остальных шурфах находки были единичны. Можно отметить лишь крупный пластинчатый скол и леваллуазский отщеп из шурфа №2 и скребок на отщепе из шурфа №4 (табл. 1).

Незначительное количество находок из всех четырех шурфов, а также то, что все они были обнаружены в современном пахотном слое, свидетельствуют в пользу того, что:

1) Ни один из вскрытых в результате шурфовки литологических горизонтов не является слоем, содержащим культурные остатки.

Рис. 4. Местонахождение Грушка. Шурф №3. Вид с юго-востока.

Fig. 4. Grushka, test-pit №3, view from the South-East.

2) Изделия попали в пахотный слой после разрушения (неизвестно — полного или частичного) культурного слоя, приуроченного либо к одному из литологических слоев, подстилающих слой 1 (речь идет в первую очередь о слоях 2а или 2б), либо какому-либо другому литологическому слою, не обнаруженному в шурфах 2011 года. Не исключено, что при продолжении изучения стратиграфии покровных отложений на местонахождении будут обнаружены литологические слои, не только связанные с археологическим материалом, но и не затронутые сельскохозяйственной деятельностью. Также нельзя исключить, что

Таблица 1.
Изделия, обнаруженные в современном пахотном слое в шурфах №1—4

Типы изделий		Шурфы				Всего
		1	2	3	4	
Всего		17 экз.	6 экз.	3 экз.	3 экз.	29 экз.
Отщепы	Отщепы крупные > 6 см	—	—	1	—	1
	Отщепы средние — 6×6 см	2	—	2	2	5
	Отщепы мелкие < 6 см	4	2	—	—	6
	Отщепы леваллуа	—	1	—	—	1
	Отщепы СФО*	—	1	—	—	1
	Отщепы краевые-обушковые	2	—	1	1	4
	Отщепы первичные	2	—	—	—	2
	Проксимальные фрагменты отщепов	1	—	—	—	1
	Дистальные фрагменты отщепов	6	1	—	1	8
Пластинчатые сколы	Пластинчатые сколы крупные	—	1	—	—	1
	Пластинчатые сколы мелкие	1	—	—	—	1
	Пластинчатые сколы краевые	1	—	—	—	1
Неопределимые изделия (осколки/обломки — divers)		4	1	—	—	5
Скребок на отщепе		—	—	—	1	1

* СФО — скол формирования орудия (скол вторичной обработки).

Рис. 5. Местонахождение Грушка. Участок 1. Положение подъемного материала на поверхности пахотного слоя.

Fig. 5. Grushka, area 1. Surface finds occurrence in the ploughed layer.

подобные результаты могут быть получены при подробном изучении стратиграфии памятника на участке 1 (рис. 2: 1).

3) Разрушение культурного слоя связано не с естественными постдепозиционными нарушениями на этом участке мыса (например, с какими-либо видами эрозии), а с сельскохозяйственной деятельностью в историческое время. В противном случае изделия не были бы четко приурочены только к слою современной пахоты во всех четырех шур-

Таблица 2.
Распределение обнаруженных изделий по участкам местонахождения Грушка

Участок	Количество находок
1	223
2	22
3	50
4	30
5	92
6	25

фах. Однако этот факт также необходимо проверить закладкой дополнительных шурфов на участках 1, 3 и 4.

4. Разрушение слоя, скорее всего, произошло довольно давно, так как материал рассеян по значительной площади и в основном сильно поврежден (в первую очередь к факторам негативного влияния следует отнести интенсивное химическое выветривание, зафиксированное на многих изделиях, и повреждения от сельскохозяйственной техники).

Особенности пространственного распределения изделий

Уже в начале сбора подъемного материала были выявлены 6 областей его концентрации, расположенные по обе стороны от дороги. Эти участки не равнозначны по степени насыщенности материалом (табл. 2).

Так, например, насыщенность находками участка 5 ниже прочих, но из-за его большой площади общее число находок довольно велико (92 экз.). Самое большое количество находок было обнаружено на участке 1. На всех участках изделия залегают непосредственно на поверхности пахотного слоя — кремневые изделия светло-серого и молочного цвета хорошо видны при сборе материала (рис. 5). Необходимо отметить, что границы участков выделены условно и отражают не зоны локализации материала, а площади, на которых было сделано большее количество находок. То есть, например, на участке 1 материал встречается чаще, чем на участке 5, но это не значит, что на участке 1 мы можем говорить о концентрациях материала, которые могли бы быть связаны с каким-либо участком разрушенного культуросодержащего слоя. При этом участки 1 и 2 фактически составляют единое пространство с максимальным количеством обнаруженных изделий. Оба эти участка расположены на частных полях меж-

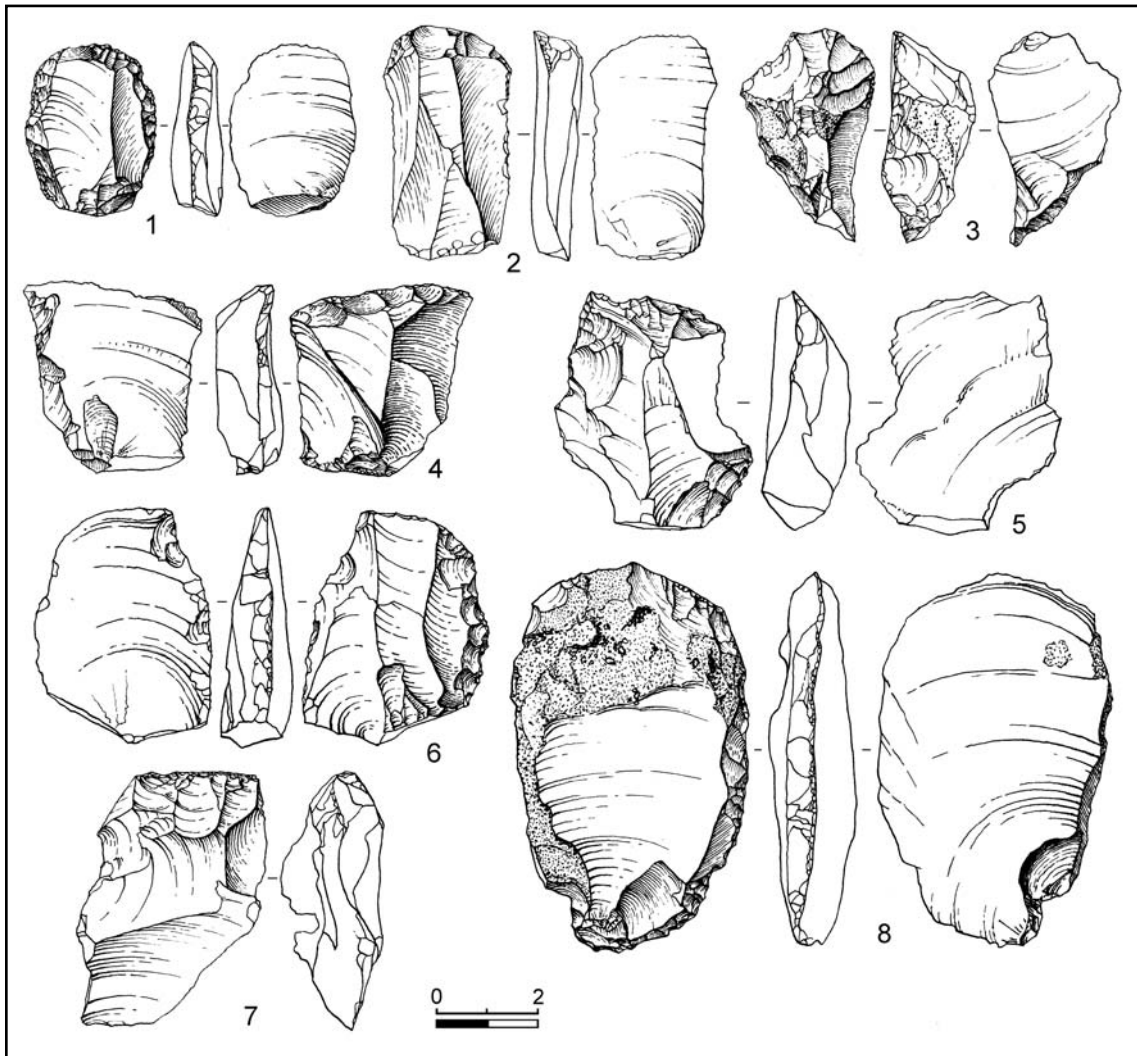

Рис. 6. Местонахождение Грушка. Скребки: 1—5, 7 (2—5, 7 — участок 1; 1 — участок 5); скребла: 6, 8 (6 — участок 1; 8 — участок 5) (рисунки А.К. Очередного).

Fig. 6. Grushka. End scrapers: 1—5, 7 (2—5, 7 — area 1; 1 — area 5). Side scrapers: 6, 8 (6 — area 1; 8 — area 5) (drawings by A. Otcherednoy).

ду проселочной дорогой и обрывом к Днестру (рис. 2).

Характеристика кремневого инвентаря

Выделенные участки фактически не отличаются друг от друга по составу обнаруженного инвентаря. Наиболее разнообразные изделия были найдены на участке 1. Здесь было обнаружено вдвое больше нуклеусов и нуклеидных изделий, чем, например, на самом большом по площади участке 5 (табл. 3). Кроме того, нуклеусы на участке 1 отличаются некоторым разнообразием — здесь найдены и обычные односторонние плоскостные формы, и крайне невыразительные подпризматические формы, и элементарные формы торцовых нуклеусов, представляющие собой

фрагменты плитчатых отдельностей кремня с несколькими негативами торцовых снятий. Наиболее выразительный нуклеус (рис. 7: 4), который, вместе с ранее найденными нуклеусами (Коваленко и др. 2006: 31—32), отражает особенности первичного расщепления Грушки, был обнаружен на участке 4. Это плоскостной нуклеус полусного (параллельно-встречного) приема скальвания с не до конца использованной (уплощенной в процессе скальвания) и остающейся частично выпуклой поверхностью расщепления. Этот участок нуклеуса наиболее интересен, так как на нем видна серия небольших перекрывающихся друг друга пластинчатых негативов, формирующих равномерно выпуклую поверхность. Следы предшествующих этапов расщепления в виде нескольких параллельных диагональных негативов хорошо видны

Таблица 3.

**Распределение нуклеусов и нуклевидных изделий
по участкам местонахождения Грушка**

Типы изделий		Участки						Всего							
		1	2	3	4	5	6								
Нуклевидные изделия и нуклеусы	Нуклеусы плоскостные	16	4	3	5	8	3	6	39	18					
	Нуклеусы подпризматические							3		—	2	—	1	—	6
	Нуклеусы торцовые							1		—	—	1	—	—	2
	Нуклевидные изделия							—		1	—	—	—	—	1
	Пробные нуклеусы							—		—	—	—	1	1	2
	Нуклевидные осколки и обломки							7		1	—	1	1	1	11

Таблица 4.

**Распределение отбойников
по участкам местонахождения Грушка**

Типы изделий		Участки						Всего
		1	2	3	4	5	6	
Отбойники	На нуклеусах	—	—	—	2	1	—	3
	На гальках	1	—	—	—	—	—	1

на противоположной (тыльной) поверхности нуклеуса. Основная ударная площадка, сформированная серией конвергентно ориентированных негативов, сохранилась лучше — противоположная площадка занимает не только более узкую площадь тыльной поверхности, но и частично ликвидирована крупным сколом, размеры негатива которого вполне сопоставимы с негативами сколов с основной поверхности расщепления.

Кроме нуклеусов и нуклевидных изделий, на участках 1, 4 и 5 найден отбойник на кварцевой гальке (участок 1) и три нуклеуса со следами их использования в качестве отбойников (участки 4 и 5) (табл. 4).

Среди общего количества целых сколов-заготовок, найденных в 2011 году (277 экз.), доля пластинчатых (исключая краевые и первичные) сколов составляет не более 25% (68 экз.). Кроме ординарных пластинчатых сколов, в коллекции можно выделить лишь два первичных и 11 краевых пластинчатых сколов. Отщепы Грушки менее однообразны: среди них можно выделить серии краевых обушковых (участки 1, 3, 5), незначительное количество реберчато-обушковых (участки 1 и 5), серию первичных отщепов, которых, однако, тоже немного (всего 13 экз., распределенных на участках 1—5), кроме того, на участках 1 и 3 обнаружено 6 бивентральных отщепов. На участках 1, 3, 5 и 6 были най-

дены 4 скола оживления ударных площадок (*tablettes*) и 11 реберчатых сколов (табл. 5). Количество леваллуазских отщепов невелико — всего 6 экз., они были найдены на участках 1, 3, 4 и 5.

К изделиям с вторичной обработкой можно отнести 20 предметов (4,5% от общего количества находок), которые в основном были найдены на участках 1, 4 и 5 (табл. 6). Среди них в первую очередь выделяются скребки, группа которых не столь многочисленна (всего 6 экз.), но, тем не менее, разнообразна, и двусторонне обработанные изделия. Остальные изделия представлены двумя невыразительными продольными скребками с однорядной ретушью по продольному краю (участки 1 и 5) (рис. 6: 6, 8), четырьмя отщепами с ретушью (участки 1, 3 и 5) и двумя пластинчатыми сколами с ретушью (участки 1 и 5).

Скрепки изготовлены на отщепе, пластинчатых сколах-заготовках (участки 1 и 5) и на мелком, но массивном краевом сколе (участок 1). Последний предмет привлекает особое внимание, так как является выразительным скребком высокой формы (рис. 6: 3). Остальные скребки различаются формами лезвийных кромок, которые могут быть как выпуклыми (рис. 6: 1, 2), так и прямыми (рис. 6: 4, 5). На одном из скребков с прямой лезвийной кромкой зафиксирована серия мелких негативов утончающих сколов на вентральной поверхности (рис. 6: 4).

Самой выразительной категорией инвентаря Грушки, безусловно, являются двусторонне обработанные изделия. Всего обнаружено 6 экземпляров. Двусторонняя обработка проявляется на них в разной степени — от полного формирования обеих поверхностей до частичной двусторонней обработки. Поверхности большинства обнаруженных двусторонне обработанных изделий сильно эродированы — с большим количеством каверн, зон выкрошенности и негативов тер-

Таблица 5.

**Распределение сколов и сколов-заготовок
по участкам местонахождения Грушка**

Типы изделий		Участки						Всего			
		1	2	3	4	5	6				
Отщепы	Отщепы крупные > 6 см	17	1	6	1	1	1	209	27		
	Отщепы средние — 6×6 см	24	3	12	9	16	3		67		
	Отщепы мелкие < 6 см	51	7	9	4	36	8		115		
	Пластинчатые сколы	Отщепы Levallois	1	—	1	2	2	—	167	6	
		Отщепы СФО*	3	—	—	—	—	—		3	
		Отщепы бивентральные	3	—	3	—	—	—		6	
		Отщепы краевые-обушковые	30	4	10	4	15	—		63	
		Отщепы реберчато-обушковые	3	—	—	—	2	—		5	
		Отщепы первичные	2	1	2	1	7	—		13	
		Проксимальные фр-ты отщепов	5	3	3	2	6	1		20	
	Чешуйки	Дистальные фр-ты отщепов	22	—	6	—	20	3	51		
		Сколы tablettes	Пластинчатые сколы крупные	6	1	2	1	1	1	68	12
Пластинчатые сколы средние			10	3	3	2	7	5	30		
Пластинчатые сколы мелкие			15	1	2	3	5	—	26		
Реберчатые сколы (любые)			Пластинчатые сколы краевые	5	—	1	1	4	—	64	11
			Проксимальные фр-ты пластинчатых сколов	11	4	2	2	—	3		22
			Пластинчатые сколы первичные	2	—	—	—	—	—		2
	Дистальные фр-ты пластинчатых сколов		19	—	3	4	3	—	29		
Сколы tablettes	4	—	1	—	8	—	13				
Сколы tablettes	3	—	1	—	—	—	4				
Реберчатые сколы (любые)	2	—	3	—	3	3	11				
Медиальные фрагменты	33	—	1	3	4	1	42				
Неопределимые изделия (осколки/обломки — divers)	2	—	—	1	3	—	6				

*СФО — скол формирования орудия (скол вторичной обработки).

Таблица 6.

**Распределение изделий с вторичной обработкой
по участкам местонахождения Грушка**

Типы изделий		Участки						Всего	
		1	2	3	4	5	6		
Орудия	Скребла продольные выпуклые	1	—	—	—	1	—	2	
	Скребки	концевые на пластинчатых сколах	1	—	—	—	1	—	2
		на отщепах	2	—	—	—	1	—	3
		высокой формы на краевых сколах	1	—	—	—	—	—	1
	Отщепы с ретушью	1	—	2	—	1	—	4	
	Пластинчатые сколы с ретушью	1	—	—	—	1	—	2	
	Двусторонне обработанные изделия	2	—	1	—	—	—	3	
	Заготовки двусторонне обработанных изделий	1	1	1	—	—	—	3	
Всего		10	1	4	—	5	—	20	

мических сколов (рис. 7: 1—3). Однако некоторые изделия сохранились исключительно хорошо (рис. 8: 1, 2). Поверхности изделий сформированы сериями продольных и поперечных сколов утончения.

Особенности формы некоторых экземпляров прослеживаются вполне определенно. Так, необходимо выделить два изделия

с совершенно разными базальными частями (рис. 8). На одном из них базальная часть дугообразная (рис. 8: 1), на другом она прямая и представляет собой ударную площадку для продольного утончения одной из поверхностей (рис. 8: 2). На основании сохранившихся и вполне пригодных для дальнейшего использования ударных площадок, отсутствия

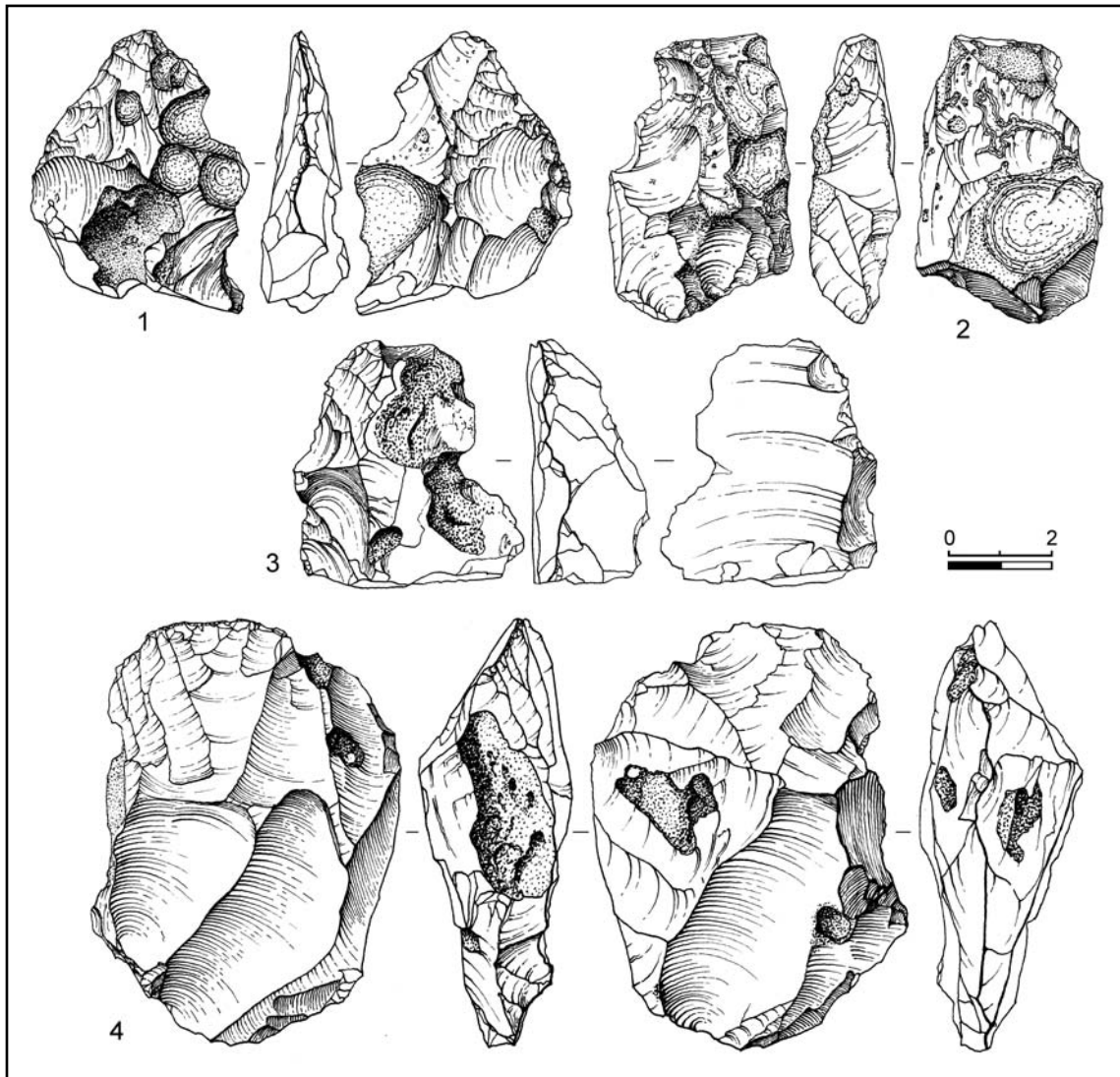

Рис. 7. Местонахождение Грушка. 1—3 — двусторонне обработанные изделия (1 — участок 1; 2 — участок 2; 3 — участок 3); 4 — нуклеус (участок 4) (рисунки А.К. Очередного).

Fig. 7. Grushka. 1—3 — bifacial tools (1 — area 1; 2 — area 2; 3 — area 3); 4 — core (area 4) (drawings by A. Otcherednoy).

любых видов вторичной обработки, оформляющих и края, и кромки краев изделий (на обоих изделиях отсутствуют лезвийные кромки), следует заключить, что оба изделия не завершены. Тем не менее, форма одного из них позволяет предложить вариант типологического определения данного изделия. Это незавершенный подтреугольный удлиненный двусторонне обработанный остроконечник без дистального конца. Прямая базальная часть этого изделия (рис. 8: 2), которая в данном случае является площадкой для продольного утончения поверхности β , после дополнительного утончения и выравнивания кромки может иметь характеристики вогнутого основания орудия.

Ближайшей аналогией этого двусторонне обработанного изделия является фор-

ма из четвертого литологического слоя грота Тринка III (Анисюткин, Борзияк, Кетрару 1986: 90) (рис. 8: 3). Изделия очень близки по форме, но отличаются друг от друга по толщине, по причине разной степени тщательности утончения и ретуширования кромок краев. Изделие из Грушки значительно массивнее и производит впечатление незавершенной формы. К сожалению, надежные аналитические данные, которые можно было бы использовать для датирования четвертого слоя Тринки III, отсутствуют. Единственная радиоуглеродная дата — 19700 ± 250 (JE-9735), полученная в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН по фрагменту рога северного оленя, найденному в этом слое в 2011 году, скорее всего, является значительно омоложенной.

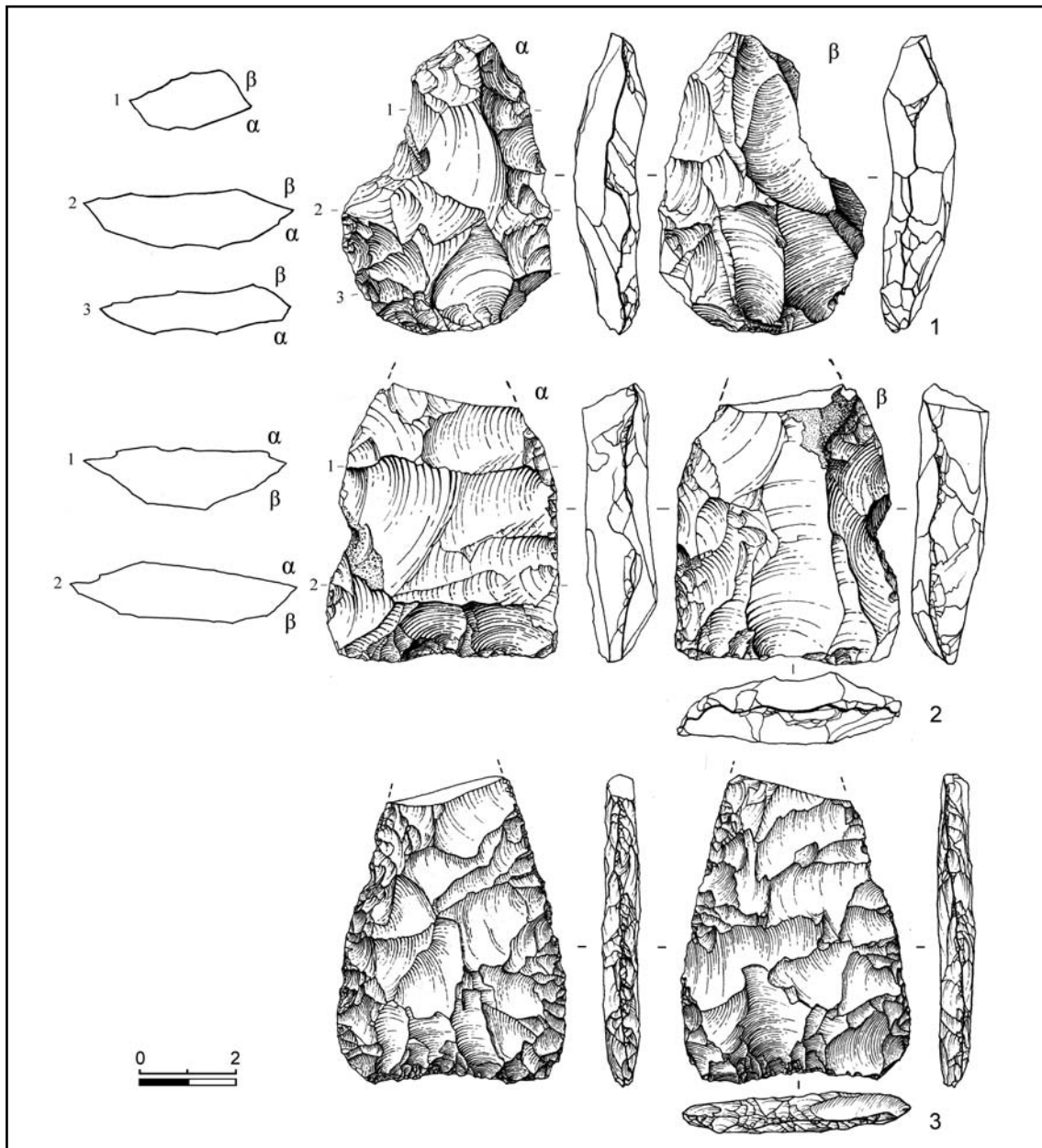

Рис. 8. Двусторонне обработанные изделия из Грушки (1 — участок 1; 2 — участок 3) и Тринки III (3) (рисунки А.К. Очередного).

Fig. 8. Bifacial tools from Grushka (1 — area 1; 2 — area 3) and Trinca III (3) (drawings by A. Otcherednoy).

Заключение

Безусловно, вероятность того, что инвентарь Грушки является разновременным, достаточно высока — особенно на фоне отсутствия находок, относящихся к какому-либо из литологических горизонтов, вскрытых в шурфах. Отдельные находки, сделанные в шурфах только в современном пахотном слое, лишь повышают вероятность того, что культурные слои (или горизонты) этого памятника были давно разрушены активной сельскохозяйственной деятельностью. При

этом остается предположить, что изделия были разнесены по пашне на значительное расстояние и таким образом оказались рассеяны по всей правой части мыса. Конечно, такое заключение может служить весомым аргументом в пользу неомогенности инвентаря Грушки.

Однако орудийный набор памятника имеет аналогии среди известных в регионе индустрий раннего верхнего палеолита. При определении культурной принадлежности инвентаря Грушки следует иметь в виду, что для Пруто-Днестровского междуречья И.А. Борзьяком в свое время была предложе-

на классификация памятников, содержащих аналогичные категории изделий, представленных двусторонне обработанными формами, непластинчатым левалдуазским расщеплением и верхнепалеолитическими категориями орудий (разнообразными скребками и двугранными резцами) (Borziac, Chirica, Văleanu 2006). Эти памятники были объединены И. А. Борзьяком в хронологическую группу ранней поры верхнего палеолита Пруто-Днестровского междуречья, включающую брынзенскую, стинковскую и прутскую культуры.

К брынзенской культуре И. А. Борзьяком были отнесены такие стратифицированные памятники, как грот Брынзены (нижний слой) и Миток-Валя Изворулуй (нижний слой), а также подъемный материал местонахождений Бобулешты VI и Климауцы I. Для брынзенской культуры им был определен следующий набор категорий, типов и морфологических особенностей инвентаря: наличие типичных скребков и двугранных резцов, выразительной «ориньякской» ретуши и двусторонне обработанных орудий селетского облика. По И. А. Борзьяку, брынзенская и стинковская культуры могут быть синхронны, но отличаются друг от друга по процентному соотношению присутствующего в обеих общностях левалдуазского расщепления и фасетирования площадок, по количеству дисковидных и подпризматических нуклеусов, а также по пропорциям, форме и технологиям изготовления двусторонне обработанных орудий (Chirica, Borziac, Chetaru 1996: 83—84; Wanli, Borziac 2001: 61—74; Borziac, Chirica, Văleanu 2006: 248—252).

Иная точка зрения на стинковскую культуру представлена в работах Н. К. Анисюткина, который относит к среднему палеолиту лишь нижний слой Стинки I, в то время как верхний считает верхнепалеолитическим, соответствующим ранней поре верхнего палеолита (Анисюткин 2001; 2005). Верхний и нижний слои, разделенные стерильной прослойкой, находятся в разных литологических слоях, из которых верхний связан с интерстадиальными отложениями, а нижний с лессовидным суглинком. Это подтверждают и палинологические данные, согласно которым растительность в окрестностях стоянки была абсолютно разной. Это указывает на то, что нижний слой существовал в суровых климатических условиях раннеюрмского стадиала, сопоставимого с кислородно-изотопной стадией 4, в то время как верхний связан с межстадиальными условиями первой половины OIS 3.

Основная ценность материала местонахождения Грушка заключается в том, что эта каменная индустрия соответствует селетоидному технокомплексу с выразительными листовидными двусторонне обработанными изделиями, включая треугольные. Общий набор технико-морфологических признаков данной индустрии позволяет, основываясь на совокупности региональных материалов, предположить, что она может соответствовать границе ранней и средней поры верхнего палеолита. Наличие же треугольного двусторонне обработанного изделия, сопоставимого с бифасом из нижнего слоя Тринки III, указывает на более значительный территориально-хронологический интервал существования подобных форм в пределах Восточной Европы.

Литература

- Анисюткин Н. К., Борзьяк И. А., Кетрару Н. А. 1986. *Первобытный человек в гротах Тринка I—III*. Кишинев: Штиинца.
- Анисюткин Н. К. 2001. *Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины*. Санкт-Петербург: Европейский Дом.
- Анисюткин Н. К. 2005. Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблемы перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы. *Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции 2*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Борзьяк И. А. 1981. Верхнепалеолитическая стоянка Климауцы 1 на Среднем Днестре. *АИМ (1974—1976)*, 3—24.
- Борзьяк И. А. 1982. Верхнепалеолитическая стоянка Буздужаны 2 (Единецкий р-н). *АИМ (1977—1978)*, 72—84.
- Кетрару Н. А., Анисюткин Н. К. 1967. *Мерсына. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Кетрару Н. А. 1983. Палеолитическая стоянка Бобулешты V. В: Кетрару Н. А. (отв. ред.). *Первобытные древности Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 3—32.
- Коваленко и др. 2006: Коваленко С. И., Синика В. С., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П., Фидельский С. А., Четвериков И. А., Щербакова Т. И. 2006. *Свод археологических памятников Каменского района Приднестровской Молдавской Республики*. Тирасполь.
- Borziac I., Chirica V., Văleanu M.-C. 2006. *Culture et sociétés pendant le paléolithique supérieur à travers l'espace Carpato-Dniestréen*. BAM VI.
- Chetaru N. 1995. Contribuții la cunoașterea paleoliticului inferior în Moldova. In: Răileanu N. (ed.). *Anuarul Muzeului Național de Istorie a Moldovei II*. Chișinău, 93—139.
- Chirica V., Borziac I., Chetaru N. 1996. *Gisements du paléolithique supérieur ancien entre le Dnestre et le Tissa*. BAI V.
- Wanli M., Borziac I. 2001. *Cultura Stânca ori Preaurignacian? Tyrageția X*, 61—74.

References

- Anisutkin, N. K., Borziac, I. A., Chetaru, N. A. 1986. *Pervobytnyi chelovek v grotakh Trinka I—III (The Early Man in the Trinca I—III rockshelters)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Anisutkin, N. K. 2001. *Must'erskaia epokha na iugo-zapade Russkoi ravniny (Mousterian epoch in the Southwest of the Russian plain)*. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom (in Russian).
- Anisutkin, N. K. 2005. In *Trudy Kostenkovsko-Borshchevskoi arkeologicheskoi ekspeditsii (Works of the Kostenki-Borschiv archaeological expedition) 2*. Saint Petersburg: ИМК РАН (in Russian).
- Borziac, I. A. 1981. In *Arkeologicheskie issledovaniia v Moldavii (1974—1976) (Archaeological researches in Moldavia (1974—1976))*, 3—24 (in Russian).
- Borziac, I. A. 1982. In *Arkeologicheskie issledovaniia v Moldavii (1977—1978) (Archaeological researches in Moldavia (1977—1978))*, 72—84 (in Russian).
- Chetaru, N. A., Anisutkin, N. K. 1967. *Mersyna. Nove nizhnepaleoliticheskoe mestonakhozhdenie v Moldavii (Mersyna. A new Lower Paleolithic site in Moldavia)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Chetaru, N. A. 1983. In *Pervobytnye drevnosti Moldavii (Primitive Antiquities in Moldavia)*. Kishinev: Shtiintsa, 3—32 (in Russian).
- Covalenco, S. I., Sinika, V. S., Taschi, E. F., Telnov, N. P., Fidelskii, S. A., Chetverikov, I. A., Scherbakova, T. I. 2006. *Svod arkeologicheskikh pamiatnikov Kamenskogo raiona Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki (Corpus of the archaeological sites of the Camenca district of the Pridnestrovian Moldavian Republic)*. Tiraspol (in Russian).
- Borziac, I., Chirica, V., Văleanu, M.-C. 2006. *Culture et sociétés pendant le paléolithique supérieur à travers l'espace Carpato-Dniestréen*. BAM VI.
- Chetaru, N. 1995. Contribuții la cunoașterea paleoliticului inferior în Moldova. In: Răileanu, N. (ed.). *Anuarul Muzeului Național de Istorie a Moldovei II*. Chișinău, 93—139.
- Chirica, V., Borziac, I., Chetaru, N. 1996. *Gisements du paléolithique supérieur ancien entre le Dnestre et le Tissa*. BAI V.
- Wanli, M., Borziac, I. 2001. Cultura Stâncă ori Preaurignacian? *Tyragetia X*, 61—74.

Статья поступила в номер 10 декабря 2013 г.

Nikolai Anisutkin (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Nikolai Anisutkin (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Анисюткин Николай Кузьмич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com

Vitalie Burlacu (Kishinev, Moldova). Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova².

Vitalie Burlacu (Chișinău, Moldova). Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei.

Бурлаку Виталий Анатольевич (Кишинёв, Молдова). Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы.

E-mail: burlacu_vitale@mail.ru

Vladislav Marareskul (Tiraspol, Moldova). The State Service of Geology and Subsoil of Transnistria³.

Vladislav Marareskul (Tiraspol, Moldova). Serviciul de Stat pentru geologie și resurse subterane a Republicii Moldova. Nistrene.

Марарескул Владислав Анатольевич (Тирасполь, Молдова). Государственная служба геологии и недропользования Приднестровской Молдавской Республики.

E-mail: marareskulvlad@gmail.com

Aleksander Otcherednoy (Saint Petersburg, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences⁴.

Aleksander Otcherednoy (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Очередной Александр Константинович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: mr_next@rambler.ru

Kseniya Stepanova (Saint Petersburg, Russia). Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences⁵.

Kseniya Stepanova (Sankt Petersburg, Rusia). Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Степанова Ксения Николаевна (Санкт-Петербург, Россия). Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: ksstepan@gmail.com

Ayslu Basner (Saint Petersburg, Russia).

Ayslu Basner (Sankt Petersburg, Rusia).

Баснер Айслу Расимовна (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: lusha.basner@gmail.com

Addresses: ^{1,4,5} Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russia; ² Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova;

³ Yunosti St., 58/3, Tiraspol, MD-3300, Moldova

А. Л. Чепалыга, Д. В. Киосак

Малоизвестные местонахождения каменного века и следы эпохи экстремальных затоплений в Буджаке

Keywords: Budzhak, Final Palaeolithic, abrupt climatic events, Dryas III.

Cuvinte cheie: Bugeac, paleolithic final, evenimente climatice extreme, Dryas III.

Ключевые слова: Буджак, финальный палеолит, экстремальные климатические события, дриас III.

A. L. Chepalyga, D. V. Kiosak

Little Known Stone Age Sites and Traces of the Extreme Inundations Epoch in Budzhak

The paper is devoted to two Stone Age sites recently studied in the valleys of Sarata and Kogylnyk rivers. Their assemblages are not numerous but come from stratified sequences. Complex analysis of geomorphology, stratigraphy and fossil pollen spectra permit us to attribute both sites to the end of Pleistocene. Both sequences contain data on Extreme Inundations Epoch — a series of rapid climatic events that profoundly influenced the climate and landscape of the region.

A. L. Chepalyga, D. V. Kiosak

Situri inedite din epoca pietrei și urme ale epocii inundațiilor extreme în Bugeac

Articolul prezintă materialele de pe două situri din epoca pietrei, cercetate recent în văile râurilor Sarata și Cogîlnic. Inventarul recuperat nu este unul numeros, dar provine din depuneri stratificate. Analiza complexă a geomorfologiei, stratigrafiei și spectrelor palinologice permite datarea siturilor cu sfârșitul pleistocenului. Ambele secvențe conțin urme ale epocii inundațiilor extreme – unor evenimente climatice rapide care au influențat considerabil clima și relieful regiunii.

A. Л. Чепалыга, Д. В. Киосак

Малоизвестные местонахождения каменного века и следы эпохи экстремальных затоплений в Буджаке

Статья посвящена материалам двух памятников каменного века, недавно исследованных в долинах рек Сарата и Когильник. Коллекции их малочисленны, но происходят из стратифицированных отложений. Комплексный анализ геоморфологии, стратиграфии и споро-пыльцевых спектров стоянок позволил датировать их концом плейстоцена. Оба разреза фиксируют следы эпохи экстремальных затоплений — ряда стремительных климатических событий, значительно повлиявших на климат и рельеф региона.

До недавнего времени в Буджаке было известно сравнительно немного памятников каменного века. Так, в сводке В. И. Красковского упомянуто три палеолитических пункта и 15 мезолитических памятников (Красковский 1978: 11—12). В близкой по времени сводной работе Н. А. Кетрару в северной части региона (на территории Молдовы) отмечено лишь две мезолитических стоянки (Кетрару 1973: 141). На 2011 г. И. В. Сапожников отметил 19 палеолитических пунктов, 15 мезолитических и 4 неолитических памятника (Сапожников, Сапожникова 2011). Легко заметить, что на-

ходки концентрируются в долине Днестра, на его правом берегу (Сапожников 1994; Сапожников, Сапожникова 2011). Тут представлены и стратифицированные памятники с богатыми коллекциями (Борзияк, Коваленко 1987; Сапожников 2003—2004). В то же время на широком пространстве собственно степной части региона — вплоть до Дуная и Прута, по-прежнему известны лишь единичные пункты, среди которых только стоянки Белолесье и Мирное исследовались стационарно и дали интересные стратиграфические последовательности (Станко 1982; 1985).

В этой небольшой статье авторы публикуют материалы двух расположенных неподалеку друг от друга местонахождений каменного века. Их кремневый инвентарь немногочислен. Тем не менее, он частично происходит из стратифицированных отложений, что, возможно, позволит определить место памятников на хронологической шкале каменного века региона.

Стоянка Чилигидер

Стоянка Чилигидер расположена на юго-восточной окраине с. Новоселовка (Гура-Чилигидер) Саратовского района Одесской области на высоком коренном берегу р. Когильник (рис. 1: 1; 2: 1). Тут между современным скотным двором (кошарой) и большой фермой расположен крупный карьер-глинице. Карьер заброшен и превращен в свалку бытовых отходов. При этом отдельные непромышленные выборки глины происходят и сейчас. Над карьером, между ним и железной дорогой Сарата-Арциз за проселочной дорогой собрано несколько расщепленных кремней и мелкие обломки стенок лепной посуды (рис. 2: 1а). В юго-восточной части карьера высится невыбранный останец-«остров» размерами 20 × 4 м. В его стенках и под ними была найдена основная масса кремневых изделий — более 20 предметов (рис. 2: 1б). Немного кремневых артефактов выявлено и на следующем к востоку мысе, отделенном от описанного глубоком оврагом, тянущимся к тоннелю под железнодорожным полотном (рис. 2: 1с).

По-видимому, именно этот памятник был открыт в 1974 г. разведкой Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова под руководством А.В. Гудковой (Гудкова 1974). Он располагался тогда в конце улицы Мичурина, перпендикулярно реке, на обрыве над глинищем, и занимал площадь 100 × 160 м. Всего было собрано 110 расщепленных кремней, среди которых выделялись средние части микропластинок с притупленным краем и с выемкой, а также одноплощадочные призматические нуклеусы для коротких пластинок несколько неправильных очертаний.

В стенке останца открывалась следующая последовательность отложений. Под голоценовой почвой с двумя выраженными горизонтами залегали буровато-палевая почва, желтый лессовидный суглинок, буджакский почвенный комплекс, лессовидный суглинок. Геоморфологически стоянка располагалась на одной из молодых плейстоценовых террас р. Когильник.

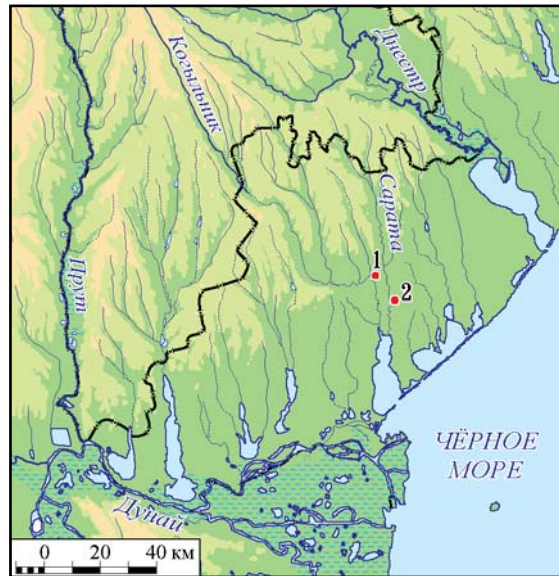

Рис. 1. Карта расположения археологических памятников. 1 — Чилигидер; 2 — Белолесье-Остров.

Fig. 1. Location of archaeological sites described in the text. 1 — Chiligider; 2 — Bilolissja-Ostriv.

Наши сборы включают 23 расщепленных кремня (рис. 3: 1—6, 10) и несколько костей животных, происходящих из останца близ юго-восточной стенки карьера. Кости и несколько расщепленных кремней (8 экз.) залегали на глубине 60—80 см от поверхности в слое желтого суглинка с многочисленными карбонатами — очевидно, горизонта С почвенного профиля. Кремневые изделия покрыты глубокой белой и бело-желтой патиной, а нижние поверхности — известковой коркой. Проксимальные части пластинок и пластин несут следы старательной подготовки перед снятием, которая включала редуцирование карниза, «скругление» угла между ударной площадкой и рабочей поверхностью, интенсивную абразию (рис. 3: 3). Сравнительно большие углы снятия и крупный размер площадок позволяют, скорее, исключить роговой отбойник в качестве инструмента для производства таких пластинок. Речь должна, вероятно, идти об ударной технике при использовании мягкого каменного отбойника. Подобный вывод, безусловно, должен рассматриваться как предварительный, учитывая незначительный размер выборки. Тем не менее, технология расщепления явственно носит позднелеолитический характер (Гиря 1997; Pelegrin 2000). Единственное ядрище — остаточный, предельно сработанный, двуплощадочный нуклеус для снятия коротких нерегулярных пластинок.

№1. 2014

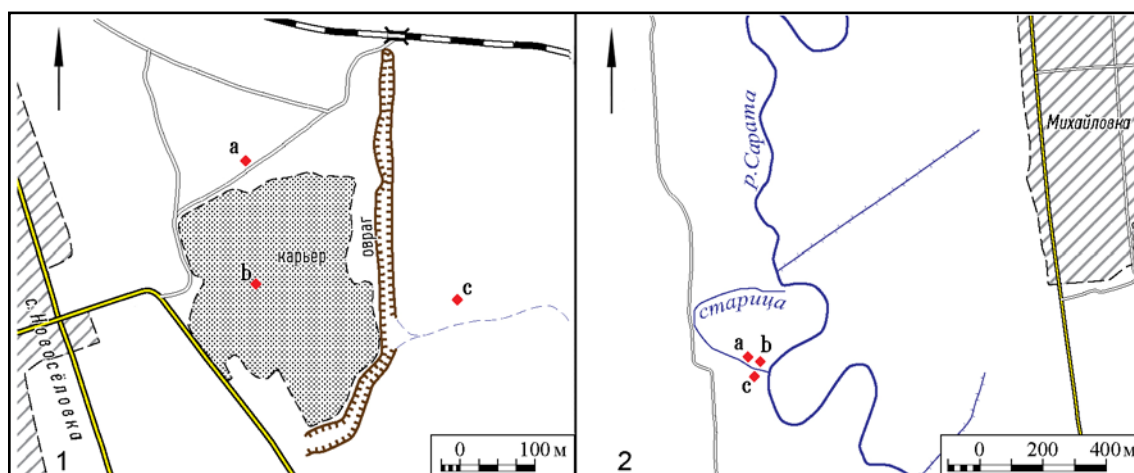

Рис. 2. Место нахождения памятников (по GoogleEarth). 1 — Чилигидер; 2 — Белолесье-Остров. Ромбами отмечены места находок.

Fig. 2. Location of sites (after GoogleEarth). 1 — Chiligider; 2 — Bilolissja-Ostriv. Rhombs mark places of findings.

Набор изделий с вторичной обработкой включает боковой и концевой скребки на отщепках, плоский резец на сколе обновления, а также несколько пластинок и отщепов с ретушью (рис. 3: 4—6). Одна из медиальных частей микропластинки имеет две ретушированные выемки, расположенные по диагонали скола, непосредственно у сломов (рис. 3: 2). Концевой скребок несет несколько резцовых снятий с конца, противоположного скребковому лезвию. Состав изделий с вторичной обработкой вряд ли позволяет уточнить предложенную выше атрибуцию комплекса, но, в то же время, он ей не противоречит. Время формирования отложений, в которых обнаружены кремневые изделия, соотносится с заключительным периодом плейстоцена (дриас III), менее вероятен их более поздний возраст.

Местонахождение Белолесье-Остров

Местонахождение Белолесье-Остров выявлено на левом (северном) берегу безымянной старицы, впадающей в основное русло р. Сарата против южной околицы с. Михайловка (рис. 1: 1; 2: 2). Площадка, на которой расположен памятник, поднимается на 1,5—2 м над дном старицы (сухой большую часть года) и на 3—4 м над урезом воды в р. Сарата в августе. Старица далее к северо-западу поворачивает к течению реки и смыкается с ней в 280 м к северу от памятника, который таким образом лежит на своеобразном «острове».

Белолесье-Остров было обнаружено нами как скопление обработанных кремней в гео-

логической зачистке в 2011 году (рис. 2: 2a) (Чепальга и др. 2012). Хотя, скорее всего, впервые археологические материалы на этом памятнике были выявлены намного раньше. Отдельные находки на поверхности «острова» были собраны еще в 1965, 1967 и 1977 годах сотрудниками экспедиции, производившей раскопки расположенной неподалеку известной стоянки Белолесье (Михайловка) (Дворянинов 1977). Нуклеус и несколько сколов найдены на «острове» В.Н. Станко, П. Бьяджи и одним из авторов в 2005 г. (рис. 2: 2b) (Stanko, Kiosak 2007).

На противоположном берегу старицы, в 30 м от юго-восточных находок на местонахождении, находятся раскопы стоянки Белолесье (рис. 2: 2c). Учитывая, что В.Н. Станко неоднократно подчеркивал, что скопления кремневых артефактов и палеозоологических остатков Белолесской стоянки вытянуты вдоль старицы, следует предполагать, что старица уже существовала во время функционирования последней, по крайней мере, ее основного комплекса (Станко 1985: 35—36; Stanko, Kiosak 2007). Соответственно, Белолесье-Остров представляет собой отдельный памятник.

Комплексные стратиграфические и геоморфологические исследования позволяют со значительной долей вероятности утверждать, что площадка, на которой расположено местонахождение, представляет собой останец так называемой протеррасы. Протерраса — это особого рода геоморфологическое образование, представляющее собой свидетельство бурных климатических событий эпохи экстремальных затоплений.

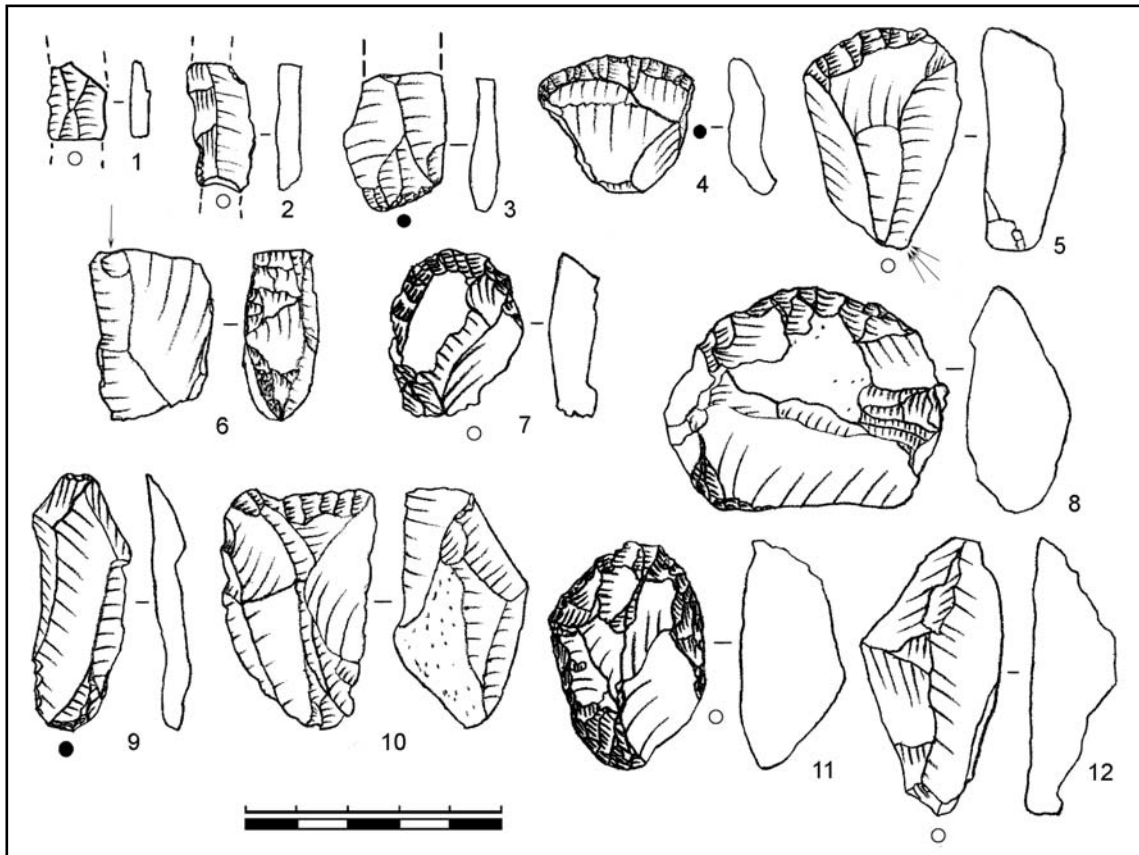

Рис. 3. Кремневый инвентарь. 1—6, 10 — Чилигидер; 7—9, 11—12 — Белолесье-Остров.

Fig. 3. Flint inventory. 1—6, 10 — Chiligidier; 7—9, 11—12 — Bilolissja-Ostriv.

К примеру, в строении долины Днестра она занимает промежуточное положение между пойменной террасой и первой надпойменной террасой. Геоморфологическая природа противоположного берега старицы, на котором находится стоянка Белолесье, в свое время стала предметом обсуждения. Так, В. Ф. Петрунь писал, что, вопреки «естественному» представлению, что стоянка Белолесье лежит в пойме, на самом деле место ее расположения соответствует достаточно высоким террасам побережья озера Сасык (первой террасы у с. Траповка) и первой надпойменной террасе Дуная. Кажущееся «низкое» расположение памятника объяснялось современными изменениями гидрологического режима р. Сарата и тектоническими движениями участка суши, к которому приурочены эта река и восточное побережье озера Сасык (Петрунь 1971: 112—113). Выделение протеррасы позволяет снять это противоречие и предположить, что как Белолесье-Остров, так и Белолесье расположены на протеррасе, прорезанной руслом старицы.

В настоящее время в долине Днестра выделено три разновозрастных уровня протеррас.

Возле с. Михайловка, вероятнее всего, исследован самый нижний уровень протеррас, высотой 3—4 м (Чепалыга и др. 2013: 218).

В зачистке левого борта старицы на местонахождении Белолесье-Остров была выявлена следующая последовательность отложений: 1 — почвенный горизонт (чернозем); 2 — плотный серый и темно-серый горизонт, с включениями карбонатных стяжений; 3 — карбонатный горизонт; 4 — зеленовато-палевые суглинки; 5 — алевриты и суглинки желтовато-зеленоватые с пятнами ожелезнения (прослежены до глубины 283 см).

Нижние стратиграфические горизонты относятся к генетическому типу криосуспензитов. Такие отложения формируются при таянии вечной мерзлоты на склонах и в бортах речных долин. Они сложены из суглинков, супесей, песков и алевритов без грубообломочного материала и известны в долине Днестра в аллювии нулевой (0) или терновской террасы. Весьма вероятно, что в долине р. Сарата криосуспензиты образовались вследствие событий эпохи экстремальных затоплений, датируемой 16—14 тыс. л. н. (Чепалыга 2007; 2011).

В зачистке были отобраны пробы для палинологического анализа. Он был проведен Г.Н. Шиловой. Всего исследовано 15 образцов для глубины 0—2,3 м. По итогам исследования могут быть выделены 4 споро-пыльцевых комплекса.

СПК-1: 0—0,6 м, разнотравно-злаковая степь с польнями и злаковыми.

СПК-2: 0,6—1,3 м, разнотравно-злаковые и сухие степи с маревыми, польнями, эфедрой. Здесь же обнаружена пыльца кустарниковой березы *Betula humilis*.

СПК-3: 1,3—2,0 м, хвойно-широколиственные леса и редколесья.

СПК-4: 2,0—2,3 м, сухие степи с маревыми, эфедрой и с перелесками сосны, ели, граба, липы, и вереска, плаунами *Saginella*.

Находки расщепленных кремней и обломков костей связаны с верхами отложений, сохранивших СПК-2. Последний, по наличию пыльцы кустарниковой березы, может гипотетически быть отнесен к похолоданию дриас III. СПК-1 относится к голоцену, а СПК-3 и 4 соответственно, предположительно, — к аллереду и дриасу II (Чепалыга и др. 2013: 219).

Палинологическая колонка, полученная Г.А. Пашкевич, на стоянке Белолесье, с противоположного берега старицы, несколько отличается. Так, литологически и по глубинам СПК-2 будут соответствовать две фазы развития растительности по Г.А. Пашкевич — дерновинно-злаковых степей (рубеж плейстоцена и голоцена) и разнотравно-злаковых степей (предбореального и бореального времени) (Пашкевич 1981; 1982). Пыльца березы (иных видов — *Betula pubescens* и *Betula verrucosa*) встречена в образцах обеих фаз. Окончательное решение по корреляции отложений разрезов стоянок Белолесье-Остров и Белолесье может быть достигнуто с помощью построения стратиграфического профиля через долину старицы. Построением такого профиля в настоящее время занимаются геологи Одесского национального университета им. И.И. Мечникова под руководством С.В. Кадурина.

Горизонт археологических материалов каменного века прослежен в плотном сером суглинке с многочисленными карбонатными стяжениями. Из зачистки происходят 18 расщепленных кремней (рис. 3: 7—9, 11, 12) и несколько мелких обломков обожженных костей. Кремни покрыты густой белой патиной. Пластинки — неправильно призматические, с подготовкой скальвания, включавшей редуцирование карниза и тщательную абразивную обработку. Характер техники расщеп-

ления позволяет исключить отжим как способ скальвания этих пластинок. Они, очевидно, были получены в ударной технике скола. Технические сколы представлены: резцовым отщепком и снятием обновления площадки нуклеуса, который был предназначен для получения широких пластин. На поверхности найден небольшой подпризматический нуклеус с негативами снятия коротких пластинок и отщепов. Изделия с вторичной обработкой включают пластинку с краевой ретушью, концевой скребок на отщепе и подокруглый скребок с высокой ретушью. По технике расщепления и общему облику описанные материалы близки к кремневым изделиям основного комплекса стоянки Белолесье.

Интерпретация

1. Эпоха экстремальных затоплений — период затопления значительных территорий суши водой, освободившейся в ходе дегляциации — не только отступления ледников, но и таяния вечной мерзлоты. Она имела место 16—14 тыс. л.н. Общая площадь затопленных территорий от Атлантического океана до Енисея могла превышать 10 млн. кв. км. В частности, был затоплен прикаспийский регион (площадью более 1 млн. кв. км), а участки суши вокруг каскада евразийских бассейнов (от Аральского до Эгейского морей, более 1,5 млн. кв. км) стали сценой для многочисленных и разнообразных явлений затопления и связанных с ними геоморфологических изменений (Чепалыга 2007; 2011).

В Северо-Западном Причерноморье эпоха экстремальных затоплений также имела значительные последствия. Уровень Черного моря поднялся, и вода покрыла значительную часть северо-западного участка шельфа. В долинах рек также происходили затопления, вследствие аномально высокого стока талых вод в море. Сброс Днестра, по реконструкциям, возрос в то время в 4—5 раз по сравнению с современным показателем, а мелких рек (таких, как Когильник и Сарата) — в 6—8 раз (Чепалыга 2011: 68). Именно тогда долины рек Буджака приобретают ширину, не соответствующую их современной мощности, и характерную «корытообразную» форму.

Эпоха экстремальных затоплений значительно повлияла на рельеф Буджака. Следы ее многочисленны. Кроме мисфитных долин — это реликтовый криогенный микрорельеф, эрозионные цирки, макромандры и др. К таким свидетельствам следует отнести и присутствие криосуспензитов в низах стратигра-

фии, изученной в разрезе Белолесье-Остров. По-видимому, криосуспензиты сыграли свою роль в формировании особых аккумулятивных протеррас в долинах рек Северного Причерноморья в целом.

Открытие эпохи экстремальных затоплений должно иметь ряд важных археологических импликаций. Уже предполагалась ее роль в эволюции древних языковых семей (Чепалыга 2011: 69). Адаптация человека к периодически повторявшимся экстремальным климатическим событиям — затоплениям, будь-то затопление шельфа, формирование мерзлотных озер или речные половодья — должна была обладать своей спецификой. К сожалению, археологические материалы Буджака «молчаливы» касательно этого периода времени. При этом, возможно, частичная «невидимость» этого периода в регионе связана со значительными изменениями в рельефе, вызванными эпохой экстремальных затоплений.

2. Адаптация человека после эпохи экстремальных затоплений может быть изучена лучше. Уже в заключительном периоде плейстоцена (дриасе III) он использует новообразовавшиеся формы рельефа, заселяя протеррасу, что засвидетельствовано местонахождением Белолесье-Остров.

К датированным методами точных наук памятникам каменного века Буджака добавилось два новых местонахождения. Оба памятника по стратиграфическим основаниям, вероятнее всего, относятся к дриасу III и к финальному палеолиту. Немногочисленный археологический материал соответствует этому предположению. Оба памятника содержат сравнительно хорошо сохранившиеся горизонты находок, возможно, представляющие собой собственно культурные слои. Дальнейшее их изучение путем стационарных раскопок выглядит перспективным, а в случае активно разрушающейся добычей глины стоянки Чилигидер такое изучение является острой необходимостью.

Комплексное изучение стратиграфических последовательностей обоих памятников может повлиять и на интерпретацию уже известных стоянок Буджака. Так, сравнительно «высокое» положение отложений дриаса III, их включенность в почвенные процессы, частичная гумусированность и на молодой плейстоценовой террасе (Чилигидер), и на протеррасе (Белолесье-Остров) могут рассматриваться как косвенные аргументы в пользу датировки основного комплекса известной стоянки Белолесье этим временем. Отметим, что В. Ф. Петрунь полагал, что культурный слой последней залегают в позднеледниковых седиментах (Петрунь 1971). Ее финальнопалеолитическая атрибуция активно отстаивалась рядом исследователей (Яневич 1990; Залізник 1995; 1998; 2005; Сапожников 2004; Сапожников, Сапожникова 2011). И. В. Сапожников выделил в материалах памятника три слоя, относя нижний к эпиграветту, а верхние — к шан-кобинской культуре (Сапожников 2004; Сапожников, Сапожникова 2011). Автор раскопок придерживался иной точки зрения — допуская датировку памятника дриасом III (Бибикив и др. 1994: 185), он все же был склонен относить его по содержательным археологическим критериям к следующей эпохе — мезолиту (Станко 1980; Станко и др. 1999; Станко, Киосак 2007). Полную ясность в вопрос о корреляции отложений, содержащих археологические материалы, могут принести лишь дальнейшие исследования стоянки Чилигидер и местонахождения Белолесье-Остров.

Благодарности

Авторы глубоко признательны доктору исторических наук А. В. Гудковой за разрешение использовать неопубликованные материалы разведок, проведенных под ее руководством в Саратовском районе Одесской области, а также всем участникам наших буджакских рекогносцировок.

Литература

- Бибикив и др. 1994: Бибикив С. Н., Станко В. Н., Коэн В. Ю. 1994. *Финальный палеолит и мезолит горного Крыма*. Одесса: Весть.
- Борзняк И. А., Коваленко С. И. 1987. Новые данные о позднем палеолите Нижнего Поднестровья. В: Борзняк И. А. (ред.). *Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху*. Кишинев: Штиинца, 16—41.
- Гиря Е. Ю. 1997. *Технологический анализ каменных индустрий*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Гудкова А. В. 1974. *Отчет о разведках в Саратовском не Одесской области и раскопках на поселении черняховского типа у с. Фурмановки Килийского р-на*. Архив ИА НАНУ. 1974/69.
- Дворянинов С. А. 1977. *Дневник палеолитического отряда Дунай-Днестровской новоостроечной экспедиции ИА АН УССР 1977 г.* Архив ОАМ НАНУ. № 19.
- Залізник Л. Л. 1995. Фінальний палеоліт України. *Археологія* (1), 3—12.
- Залізник Л. Л. 1998. *Передісторія України X—V тис. до н. е.* Київ: Бібліотека українця.
- Залізник Л. Л. 2005. *Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та пе-*

№1. 2014

- рідодизація. Київ: Шлях.
- Кетрару Н. А. 1973. *Памятники эпох палеолита и мезолита*. Кишинев: Штиинца.
- Красковский В. И. 1978. *Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья (археологическая карта)*. Киев: Наукова думка.
- Пашкевич Г. А. 1981. Динамика растительного покрова Северо-Западного Причерноморья в голоцене, его изменения под влиянием человека. В: Динесман Л. Г. (ред.). *Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем*. Москва: Наука, 74—86.
- Пашкевич Г. А. 1982. Палеоботаническая характеристика поселения Мирного. В: Станко В. Н. *Мирное. Проблема мезолита Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 132—138.
- Петрунь В. Ф. 1971. О геологической позиции и обработанном кремне мезолитической стоянки Белолесье. *Материалы по археологии Северного Причерноморья* 7, 110—117.
- Сапожников И. В. 1994. *Палеолит степей Нижнего Поднестровья*. Одесса: б/и.
- Сапожников И. В. 2003—2004. Стоянка Чобручи и пещеродизация заключительного этапа позднего палеолита причерноморских степей. *Stratum plus* (1), 334—357.
- Сапожников И. В. 2004. Многослойная стоянка Михайловка (Белолесье): проблемы стратиграфии и датировки. *Старожитності Північного Причорномор'я і Криму* XI, 299—313.
- Сапожников И. В., Сапожникова Г. В. 2011. Каменный век Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus* (1), 15—149.
- Станко В. Н. 1980. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья. *Первобытная археология — поиски и находки*. Киев: Наукова думка, 90—109.
- Станко В. Н. 1982. *Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Станко В. Н. 1985. К проблеме западных связей мезолита Северного Причерноморья (по материалам поселения Белолесье). В: Станко В. Н. (ред.). *Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка 31—45.
- Станко и др. 1999: Станко В. Н., Долуханов П. М., Сефериадес М., Смынгына Е. В., Пилипенко Г. П., Голобородова Е. 1999. Мезолит южной Бессарабии. *Записки історичного факультету (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова)* 8, 8—67.
- Станко В. Н., Киосак Д. В. 2007. Белолесье и его место в изучение мезолита Юго-Восточной Европы. В: Пригарин А. А. (ред.). *Человек в истории и культуре: сборник научных работ*. Одесса; Терновка, 147—153.
- Чепалыга и др. 2012: Чепалыга А. Л., Кадурич С. В., Киосак Д. В., Лосев И. А. 2012. Новые материалы к геоморфологии и стратиграфии центрального Буджака. В: Пригарин А. А. (ред.). *Человек в истории и культуре 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко*. Одесса: СМІЛІ, 218—222.
- Чепалыга и др. 2013: Чепалыга А., Герасименко Н., Гладьревская М., Киосак Д., Пирогов А., Чепалыга Р. 2013. Стратиграфия финального плейстоцена и палеолита долины Днестра (верхи разреза Роксоланы) и Буджака. В: Богущкий А. (ред.). *Лесовий покрив Північного Причорномор'я. Збірник наукових праць (до XVIII-го українсько-польського семінару, Роксолани, 8—13 вересня 2013 р.)*. Львів: Kartpol, 210—220.
- Яневич А. А. 1990. К проблеме западных генетических связей раннего мезолита горного Крыма. В: Оленковский Н. П. (ред.). *Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (К столетию основания Херсонского музея древностей)*. Тезисы докладов юбилейной конференции (04.01.1990). Херсон: ЛПК, 27—28.
- Chepalyga A. L. 2007. The late glacial great flood in the Ponto-Caspian basin. In: Yanko-Hombach V. (ed.). *The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate and Human Settlement XXXVIII*, 149—189.
- Chepalyga A. L. 2011. The influence of extreme environmental events on human and language evolution in the Ponto-Caspian region. In: Yanko-Hombach V. (ed.). *Caspian-Black Sea — Mediterranean Corridor during last 30 ky: sea level change and human adaptative strategies. Abstract Volume. INQUA 501 Seventh Plenary Meeting and Field trip*. Odessa: Astroprint, 68—70.
- Pelegrin J. 2000. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions. *L'Europe Centrale et Septentrionale au Tardiglaciaire: confrontation des modèles régionaux de peuplement. Table ronde de Nemours 13—16 mai, 1997. Mémoires du Musée de Préhistoire d'Île de France* 7. Nemours, 73—86.
- Stanko V. N., Kiosak D. V. 2007. The Mesolithic Settlement of the Lower Danube-Prut-Dniester-South Bug interfluvials: The Early Mesolithic Assemblages. *Atti Società Preistoria e Protostoria, Friuli-Venezia-Giulia* XVI, 13—28.

References

- Bibikov, S. N., Stanko, V. N., Koen, V. Yu. 1994. *Final'nyi paleolit i mezolit gornogo Kryma (Final Paleolithic and Mesolithic of the mountain Crimea)*. Odessa: Vest' (in Russian).
- Borziac, I. A., Covalenco, S. I. 1987. In *Moldavskoe Podnestrov'e v pervobytnuiu epokhu (Moldavian Dniester region in prehistory)*. Kishinev: Shtiintsa, 16—41 (in Russian).
- Girya, Ev. Ju. 1997. *Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii (Technological analysis of stone industries)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Gudkova, A. V. 1974. *Otchet o razvedkakh v Saratskom r-ne Odesskoi oblasti i raskopkakh na poselenii cherniak-hovskogo tipa u s. Furmanovki Kiliiskogo r-na (Report on fieldwalking in Saratskii district of Odessa region and excavations on the Cherniakhov settlement near the village of Furmanovka of Kilia district)*. Arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Archive of the Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine). 1974/69 (in Russian).
- Dvoryaninov, S. A. 1977. *Dnevnik paleoliticheskogo otriada Dunai-Dnestrovskoi novostrochnoi ekspeditsii IA AN USSR 1977 g. (Journal of the Paleolithic team of the Danube-Dniester rescue expedition of IA AN USSR in 1977)*. Arkhiv Odesskogo arkhologicheskogo muzeia Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Archive of the Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine) 19 (in Russian).
- Zaliznyak, L. L. 1995. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 1, 3—12 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L. 1998. *Peredistoriya Ukrainy X—V tys. do n. e. (The*

- prehistory of Ukraine in the 10th—5th millennia BC). Kiev: Biblioteka ukrainskyia (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L. 2005. *Final'nyj paleolit i mezolit kontynental'noi Ukrainy. Kul'turnyj podil ta periodyzatsiya (Final Paleolithic and Mesolithic of the continental Ukraine. Cultural division and periodization)*. Kiev: Shlyakh (in Ukrainian).
- Chestraru, N. A. 1973. *Pamiatniki epokh paleolita i mezolita (Paleolithic and Mesolithic sites)*. Kishinev: Știința (in Russian).
- Kraskovskiy, V.I. 1978. *Pamiatniki paleolita i mezolita Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (arkheologicheskaia karta) (Paleolithic and Mesolithic sites of North-West Pontic region (an archaeological map))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Pashkevich, G. A. 1981. In *Antropogennye faktory v istorii razvitiia sovremennykh ekosistem (Antropogene factors in the history of evolution of modern ecological systems)*. Moscow: Nauka, 74—86 (in Russian).
- Pashkevich, G. A. 1982. In Stanko, V. N. *Mirnoe. Problema mezolita Severnogo Prichernomor'ia (Mirnoe. The problem of the Mesolithic of the steppes of the Northern Pontic area)*. Kiev: Naukova dumka, 132—138 (in Russian).
- Petrougne, V. F. 1971. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 7, 110—117 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1994. *Paleolit stepei Nizhnego Podnestrov'ia (Paleolithic of the steppes of Lower Dniester region)*. Odessa: s.e. (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 2003—2004. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (1), 334—357 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 2004. In *Starozhytnosti Pivnichnogo Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea)*XI, 299—313 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnikova, G. V. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 1, 15—149 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1980. In *Pervobytnaia arkheologiia — poiski i nakhodki (Archaeology of prehistory — searches and discoveries)*. Kiev: Naukova dumka, 90—109 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1982. *Mirnoe. Problema mezolita stepei Severnogo Prichernomor'ia (Mirnoe. The problem of the Mesolithic of the steppes of the Northern Pontic area)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Stanko, V. N. 1985. In *Novye materialy po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (New materials on the archaeology of North-western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka 31—45 (in Russian).
- Stanko, V. N., Dolukhanov, P. M., Seferiades, M., Smyntyna, E. V., Pilipenko, G. P., Goloborodova, E. 1999. In *Zapysky istorychnoho fakul'tetu (Odes'kyj natsional'nyj universytet imeni I. I. Mechnykova) (Works of the Historical department ("I. I. Mechnikov" Odessa National University))* 8, 8—67 (in Russian).
- Stanko, V. N., Kiosak, D. V. 2007. In *Chelovek v istorii i kul'ture: sbornik nauchnykh rabot (Man in history and culture: a compilation of scientific studies)*. Odessa; Ternovka, 147—153 (in Russian).
- Chepalyga, A. L., Kadurin, S. V., Kiosak, D., Losev, I. A. 2012. In *Chelovek v istorii i kul'ture (Man in history and culture) 2. Memorial'nyi sbornik materialov i issledovaniia v pamiat' laureata Gosudarstvennoi premii Ukrainy, akademika RAEN, professora Vladimira Nikiforovicha Stanko (Memorial collection of materials to the memory of the Professor Vladimir Nikiforovich Stanko)*. Odessa: SMIL, 218—222 (in Russian).
- Chepalyga, A., Gerasimenko, N., Gladirevskaya, M., Kiosak, D., Pirogov, A., Chepalyga, R. 2013. In *Lesovyy pokryv Pivnichnogo Prychornomor'ya. Zbirnyk naukovykh prats' (do XVIII-ho ukrains'ko-pol's'koho seminaru, Roksolany, 8—13 veresnya 2013 r.) (Forest cover of Northern Pontic region. A compilation of scientific studies (XVIIIth Ukrainian-Polish workshop, Roksolany, 8—13 September 2013))*. Lublin: Kartpol, 210—220 (in Russian).
- Yanevich, A. A. 1990. In *Problemy pervobytnoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (K stoletiiu osnovaniia Khersonskogo muzeia drevnosti) (Problems of prehistoric archaeology in Northern Pontic region (to the anniversary of 100 years from the foundation of Kherson museum of antiquities))*. Kherson: LPK, 27—28 (in Russian).
- Chepalyga A. L. 2007. The late glacial great flood in the Ponto-Caspian basin. In: Yanko-Hombach V. (ed.). *The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate and Human Settlement XXXVIII*, 149—189.
- Chepalyga A. L. 2011. The influence of extreme environmental events on human and language evolution in the Ponto-Caspian region. In: Yanko-Hombach V. (ed.). *Caspian-Black Sea — Mediterranean Corridor during last 30 ky: sea level change and human adaptive strategies. Abstract Volume. INQUA 501 Seventh Plenary Meeting and Field trip*. Odessa: Astroprint, 68—70.
- Pelegrin J. 2000. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions. *L'Europe Centrale et Septentrionale au Tardiglaciaire: confrontation des modèles régionaux de peuplement. Table ronde de Nemours 13—16 mai, 1997. Mémoires du Musée de Préhistoire d'Île de France* 7. Nemours, 73—86.
- Stanko V.N., Kiosak D.V. 2007. The Mesolithic Settlement of the Lower Danube-Prut-Dniester-South Bug interfluvials: The Early Mesolithic Assemblages. *Atti Società Preistoria e Protostoria, Friuli-Venezia-Giulia* XVI, 13—28.

Статья поступила в номер 1 января 2014 г.

Andrey Chepalyga (Moscow, Russia). Doctor of Geographical Sciences. Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences¹.

Andrey Chepalyga (Moscow, Russia). Doctor în științe geografice. Institutul de geografie al Academiei de Științe a Rusiei.

Чепалыга Андрей Леонидович (Москва, Россия). Доктор географических наук. Институт географии Российской Академии наук.

E-mail: tchepalyga@mail.ru

Dmytro Kiosak (Odessa, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. I. I. Mechnikov Odessa National University².

Dmytro Kiosak (Odesa, Ucraina). Candidat în științe istorice. Universitatea Națională din Odesa „I. I. Mechnikov”.

Кюсак Дмитрий Владимирович (Одесса, Украина). Кандидат исторических наук. Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова.

E-mail: dkiosak@ukr.net

Человек и животные в позднем палеолите Восточной Европы

Man and Animals in the Late Palaeolithic of Eastern Europe
Omul și animalele în paleoliticul târziu al Europei de Est

И. В. Сапожников

Степная природно-хозяйственная область Восточной Европы в позднем палеолите

Keywords: East Europe, Upper Palaeolithic, steppe natural-economic area, hunting, specialization, economic cycle, ethnographic parallels.

Cuvinte cheie: Europa de Est, paleolitic superior, regiune natural-economică de stepă, vânat, specializare, ciclul economic, paralele etnografice.

Ключевые слова: Восточная Европа, верхний палеолит, степная природно-хозяйственная область, охота, специализация, хозяйственный цикл, этнографические параллели.

I. V. Sapozhnikov

Steppe Natural-Economic Area of East Europe in the Upper Palaeolithic

This article is devoted to the problems associated with the study of the steppe natural-economic area (SNEA) of the Upper Palaeolithic of East Europe. The author starts with a detailed historiographical review. After that and on the basis of the evidence obtained at the principal sites of the area (Amvrosievka, Anetovka II, Bolshaya Akkarzha, Kamennaya Balka I—III, Muralovka, Zolotovka I and others), he builds a scheme of the annual economic cycle of the SNEA. It is supposed that the cycle had a well pronounced seasonal character, caused by animal migrations. Different types of seasonal camps can be distinguished, namely: spring-summer; fall-winter and winter ones. During the main period of the SNEA existence (about 22—13 kya), collective seasonal bison drive hunting was the main strategy in the spring-summer season, when the ancient collectives consolidated. In fall and winter both bisons and other animals (horse, caribou, etc.) were mainly procured by individual hunters. These conclusions are illustrated by ethnographical parallels with the way of life and subsistence strategies of American Indians from the Southern and Central Great Plains. At the final stage of the Upper Palaeolithic SNEA existence (about 13—10 kya) its mammalian fauna underwent substantial changes. While the bison did not disappear completely, it was the horse that became now the main object of hunting.

I. V. Sapozhnikov

Regiunea natural-economică de stepă din Europa de Est în paleoliticul superior

Articolul vizează problemele, legate de cercetarea regiunii natural-economice de stepă (RNES) din paleoliticul superior al Europei de Est. Studiul începe cu un sumar istoriografic amplu. Urmează analiza: în baza datelor siturilor principale din regiune (Amvrosievka, Anetovka II, Bolshaya Akkarzha, Kamennaya Balka I—III, Muralovka, Zolotovka I și altele), autorul elaborează o schemă a ciclului economic anual din RNES, cu un caracter sezonier pronunțat, determinat de migrațiile animalelor. În cadrul acestui ciclu, pot fi evidențiate diferite tipuri de tabere sezoniere: de primăvară-vară, de toamnă-iarnă și de iarnă. Pe durata perioadei principale de existență a RNES (în jur de 22—13 mii ani în urmă), vânatul colectiv sezonier de bizon reprezenta principala strategie în timpul sezonului primăvară-vară, care ducea la consolidarea comunităților preistorice. În toamnă și iarnă, atât bizonii, cât și alte animale (cai, karibu) erau vânați individual. Aceste concluzii sunt ilustrate și de paralelele etnografice cu modul de viață și strategiile economice ale indienilor americani din sudul și centrul Marilor Câmpii. În stadiul final al RNES (13—10 mii ani în urmă), fauna din regiune a suferit unele modificări substanțiale. Cu toate că bizonii nu au dispărut complet, principalul obiect al vânătorii a devenit calul.

И. В. Сапожников

Степная природно-хозяйственная область Восточной Европы в позднем палеолите

Статья посвящена проблемам изучения степной природно-хозяйственной области (ПХО) верхнего палеолита. Приведен их подробный историографический обзор. На основе данных по опорным археологическим памятникам юга Восточной Европы (Амвросиевка, Большая Аккаржа, Анетовка II, Каменная Балка I—III, Мураловка, Золотовка I и др.) разработана схема годового хозяйственного цикла, который имел выраженный сезонный характер, обусловленный миграциями животных. В нем были представлены различные типы сезонных лагерей: весенне-летние, осенне-зимние и зимние. Во время основного периода существования степной ПХО (около 22—13 тыс. лет назад) охота велась преимущественно на бизонов на протяжении весны и лета, когда древние коллективы консолидировались. В осенне-зимний период охота на бизонов была более индивидуальной, тогда же добывались и другие животные: дикие лошади, северные олени и др. Эти выводы проиллюстрированы этнографическими параллелями с образом жизни и годовым экономическим циклом американских индейцев южной и центральной частей Великих равнин Северной Америки. На заключительном этапе существования степной ПХО (около 13—10 тыс. лет назад) ее фауна претерпела существенные изменения. Хотя бизоны не исчезли полностью, основным объектом охоты стала лошадь.

*Посвящается светлой памяти
выдающегося ученого и моего друга
Михаила Васильевича Аниковича.*

Вводные замечания

Основной концепцией, на основе которой чаще всего характеризуется специфика хозяйства юга Восточной Европы в позднем палеолите, является положение о степной природно-хозяйственной области (далее — ПХО), разработанное П. П. Ефименко и П. И. Борисковским в начале 1960-х годов. Оно неразрывно связано с концепцией степной или южной историко-культурной области (далее — ИКО), которая имеет более глубокие историографические корни. Начиная с 1980-х годов многие авторы (П. И. Борисковский, М. В. Аникович, А. А. Кротова, автор этих строк и др.) неоднократно писали о том, что на протяжении значительной части позднего палеолита границы степной ПХО и южной ИКО совпадали. В данной статье будут рассмотрены основные аспекты и проблемы выделения и атрибуции степной ПХО, но сначала обратимся к ее историографии.

1. Историография степной природно-хозяйственной области

Обычно историю концепции степной ПХО начинают с двух работ — П. П. Ефименко (Ефименко 1960) и П. И. Борисковского (Борисковский 1964), но на самом деле ученые обратили внимание на хозяйственную специфику степных памятников раньше. Так, П. П. Ефименко, характеризуя культурные остатки поселения Дубовая Балка в Днепровском Надпорожье (четко ограниченные пятна культурного слоя с очагами или кострищами в центре), заметил, что они являются следами «каких-то легких сооружений», использовавшихся небольшими группами людей в летнее время. Он объяснил эту особенность не региональными, а стадийными причинами, характерными для «азильского времени» на всей территории СССР (Ефименко 1938: 599, 620). Кроме этого, уже в 1920—1930-х годах ученый не раз подчеркивал, что для средиземноморской области, в состав которой он включал Крым и Закавказье, на протяжении почти всего верхнего палеолита был характерен особый тип хозяйства, обусловленный отличным от более северных районов составом фауны и флоры, наличием кратковременных сезонных поселений и значительно большей ролью собира-

тельства растительных продуктов и моллюсков (Ефименко 1933: 91—92).

Близкие взгляды высказывал и П. И. Борисковский, который в конце 1930-х годов видел основные этапы развития верхнепалеолитического хозяйства и образа жизни на территории Украины такими: «С исчезновением мамонтов сначала охотились на северных оленей, а с их перекочевкой на север — происходит смена образа жизни. Исчезают оседлые лагеря охотников на мамонтов, их место занимают сезонные стойбища, размещенные возле самой воды. В них отсутствуют остатки постоянных жилищ, они заменены легкими наземными шалашами... Люди перекочевывали сюда лишь в определенное время года для того, чтобы заняться охотой на мелких животных». Об Амвросиевском комплексе он сказал тогда, что «охота на зубров требовала больших облав с использованием горящих факелов, копий и дротиков» (Борисковский 1940: 97).

В 1950-х годах свои более ранние заключения на эту тему подтвердил П. П. Ефименко. Говоря о ставшей широко известной к тому времени Амвросиевке, он заключил, что «сюда, на водораздельную возвышенность, в верховья оврагов, связанных с долиной реки, палеолитические люди периодически приходили для облавной охоты на зубров, оставаясь здесь известное время для заготовки продуктов охоты в виде мяса, сала и шкур убитых животных» (Ефименко 1953: 550, см. также 603—605, 617—620 и др.).

Уже в начале 1950-х годов в первой научной монографии по палеолиту Украины П. И. Борисковский подчеркнул, что «особый характер развития материальной культуры в южных, далеких от границ максимального распространения ледников районах был в значительной степени обусловлен природными условиями, сильно отличавшимися от сурового климата приледниковой зоны» (Борисковский 1953: 412). Описывая памятники Надпорожья, он в целом согласился с их интерпретацией П. П. Ефименко, отметив выраженный сезонный характер этих поселений, а также сделав вывод о том, что в Амвросиевке «люди, вероятно, жили под открытым небом или же в каких-то легких шалашах, но стоянка, судя по обилию расколотого кремня и кости, судя по большому количеству орудий, найденных при раскопках, существовала достаточно долгое время» (Борисковский 1953: 362, 412).

В то же время, после выхода работы С.Н. Замятнина (1951), в СССР была узаконена концепция А. Брейля о существовании двух областей в верхнем палеолите Европы, которые автор назвал средиземноморско-африканской и европейской приледниковой провинциями. Однако сам С.Н. Замятнин не видел хозяйственных особенностей этих провинций и отнес время появления выраженной региональной экономической специфики уже к третьему (Кампиньи) этапу мезолита (Замятнин 1951: 146—149, рис. 10; ср.: Замятнин 1960: 96—100). Тогда же на русском языке была опубликована книга Г. Кларка, который также использовал идею о двух экологических зонах (северной и южной) в позднем палеолите Европы (Кларк 1953: 43—44).

Заметный вклад в определение специфики охоты зоны степей на основе данных палеонтологии внесли в эти годы И.Г. Пидопличко (1938; 1948; 1953; 1956), В.И. Громов (1935; 1948), В.И. Бибикина (Зубарева 1948; Бибикина 1950) и многие другие.

Как видим, к середине 1950-х гг. П.П. Ефименко и П.И. Борисковский имели почти все необходимые условия для создания концепции степной области, но им не доставало фактической базы, так как круг известных к тому времени памятников степной зоны северопричерноморского региона был очень узок. Ситуация изменилась после раскопок стоянки Большая Аккаржа под Одессой. Материалы памятника, охарактеризованные П.И. Борисковским в докладе об итогах полевых работ 1959 года, сделанном на заседании сектора палеолита и неолита ЛОИА СССР 6 января 1960 г., так заинтересовали П.П. Ефименко, что он использовал их в своей статье, вышедшей уже в текущем году.

В ней содержался вывод о том, что «особый тип культуры степных охотников» сложился в степях Северного Причерноморья и Приазовья в позднее ледниковое время на базе специализированной охоты на зубров. Анализируя культурные слои Большой Аккаржи и Амвросиевки, где остатки жизнедеятельности залегали рассеянно, отсутствовали следы не только жилых сооружений, но и очагов или постоянных кострищ, и не прослеживался «пол» жилого пространства, П.П. Ефименко заключил: «такой характер культурного слоя может говорить лишь о кратковременном обитании, причем, однако, последнее много раз возобновлялось на протяжении какого-то длительного периода времени» (Ефименко 1960: 23—24).

П.И. Борисковский согласился с такой интерпретацией, добавил к двум стоянкам

Каменные Балки I и II и допустил сопоставление с ними ряда поселений Надпорожья (Кайстровые Балки, Дубовую Балку и Осокоровку I). Все они были объединены в особую «степную область развития позднепалеолитической культуры», население которой занималось главным образом специализированной охотой на зубров (Борисковский 1964).

Подчеркнем, что П.П. Ефименко был первым, кто увидел прямую аналогию хозяйству степной ПХО в образе жизни индейцев прерий Северной Америки: «Известно, что это были бродячие охотники, проводившие всю свою жизнь в преследовании стад названных животных (бизонов — И.С.), перекочевывавших в зависимости от времени года то на юг (точнее, на север, см. ниже — И.С.), в области, более облесенные и обеспеченные кормом в зимние месяцы, то обратно, на травянистые равнины. И быт, и весь строй существования этих индейских племен были полностью подчинены такому образу жизни... У нас имеются все основания думать, что постоянная охота на европейского бизона-зубра, как основной источник существования, должна была оказать в продолжение многих тысячелетий глубокое влияние на образ жизни степных позднепалеолитических племен, населявших в конце ледникового периода равнины Северного Причерноморья. Конечно, при этом должна быть учтена далеко не одинаковая степень развития, на которой стояли неолитические племена индейцев Северной Америки и позднепалеолитические обитатели наших степей» (Ефименко 1960: 22). Как видим, П.П. Ефименко не только поставил проблему, но и указал одно из направлений ее решения путем использования этнографических материалов.

Уже после фактического ухода П.П. Ефименко с научной арены положение о степной области было поставлено под сомнение М.Д. Гвоздовер и Г.В. Григорьевой в целом ряде работ (Гвоздовер 1967; Григорьева 1968; и др.). Показательно, что П.И. Борисковский не обращал внимания на лавину критических замечаний в течение 20 лет, лишь в 1984 году высказавшись по этому поводу, но так и не вступив в дискуссию, которая приобрела односторонний характер и, по сути, не достигла целей, поставленных ее инициаторами (Миньков 1991: 5—6; Аникович 1992: 39; 2001: 10; Сапожников 1992: 43; 2003; 2003а; Сапожникова и др. 1995: 9—10; Krasnokutsky 1996: 5—9; Абрамова 2001—2002; и др.).

Сначала М.Д. Гвоздовер отметила, что в Каменной Балке II и Мураловке, кроме ко-

стей зубра, найдены останки и других видов животных, причем кости лошади в первой из них не намного уступают костям зубров (Гвоздовер 1967: 98). Г.В. Григорьева, в свою очередь, подчеркнула, что в Сагайдаке I, помимо зубра, также выявлены кости лошади (Григорьева 1968: 15). Кроме этого, М.Д. Гвоздовер доказала, что целый ряд деталей позволяет говорить о наличии остатков жилищ в Каменной Балке II и Мураловке, которые, по ее мнению, в зоне степей могли иметь иную конструкцию, чем в более северных районах. Она настаивала и на том, что, судя по степени насыщенности слоев культурными остатками и их мощности, Большая Аккаржа и Амвросиевка не являлись кратковременными сезонными стоянками. Более того, отсутствие в них кострищ, ям, других сооружений и какой-либо планировки остатков свидетельствует о значительной степени разрушения культурных слоев Большой Аккаржи и Амвросиевки в результате активной деятельности землероющих животных (Гвоздовер 1967: 99—100). Г.В. Григорьева добавила, что в Большой Аккарже характер стоянки остается неясным, так как ее культурный слой подвергался разрушению, а в Сагайдаке I большая часть находок была сосредоточена вокруг очагов, причем участки с повышенной концентрацией культурных остатков были невелики по своим размерам (Григорьева 1968: 15).

Нетрудно заметить, что большая часть замечаний обеих исследовательниц изначально была направлена мимо цели, так как П.И. Борисковский не отрицал наличие очагов на Каменной Балке II, а П.П. Ефименко подчеркивал, что культурные слои степных памятников сформировались в результате многократного наложения друг на друга сезонных мест обитания. Более того, оба ученых допускали возможность существования легких наземных жилищ на степных стоянках с монобизоньей фауной. Единственным существенным замечанием М.Д. Гвоздовер и Г.В. Григорьевой, имевшим прямое отношение к хозяйству, является указание на присутствие на стоянках степной области, помимо костей бизонов, остатков иных промысловых животных — преимущественно дикой лошади и др., причем некоторых из них (в частности, северного оленя) трудно назвать собственно степными.

В 1970-х гг. С.В. Смирнов попытался сгладить ситуацию. Проанализировав материалы известных к тому времени памятников зоны степей, он согласился с выделением степной области как зоны хозяйственных

отличий, вызванных специализацией охоты на бизонов. При этом автор отметил возможность наличия взаимосвязи такой специализации с преобладанием в орудийных наборах стоянок степной области микроинвентаря в виде различных микроострий и микропластин с притупленным краем (Смирнов 1977: 149—157).

В то же время появились работы, в которых хозяйственная специфика степной области объяснялась с точки зрения концепции хозяйственно-культурных типов (далее — ХКТ). Напомним, что с середины 1950-х гг. ряд этнографов (Н.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров, Б.В. Андрианов и др.) начали широко разрабатывать проблемы существования, определения и дифференциации многочисленных ХКТ, и к началу 1970-х гг. концепция ХКТ в целом сложилась как более или менее законченная и стройная научная теория.

Заметим, что первые попытки такого рода были сделаны гораздо раньше. Так, еще в 1910—1920-х гг. К. Уисслер при описании североамериканских индейцев выделил «культурные ареалы» охотников на бизонов, рыболовов лосося, возделывателей маиса и др. (Wissler 1922). Позднее этнографы согласились с К. Уисслером, оценив его ареал охотников на бизонов как «бесспорный ХКТ», а из других интересующих нас ХКТ назвали «охотников и собирателей степей и полупустынь» (Левин, Чебоксаров 1955: 4). В 1930-х гг. М.Я. Рудинский использовал термин «культурно-бытовой тип» по отношению к финальному палеолиту и мезолиту Европы и Северной Африки (Рудинский 1931: 152—153). Тогда же А.В. Шмидт поставил вопрос о подразделении культур от неолита до эпохи бронзы по принципу особенностей их экономической базы на типы: 1) охоты и рыболовства; 2) рыболовства и собирания моллюсков; 3) земледелия; 4) скотоводства и т.д. (Шмидт 1932).

По первому определению, «под хозяйственно-культурными типами следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне социально-экономического развития» (Левин, Чебоксаров 1955: 4; ср.: Чебоксаров, Чебоксарова 1986: 177). Более четкое определение ХКТ гласит: «это исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся примерно на одинаковом

уровне социально-экономического развития» (Андрианов 1985: 18).

Тогда же В.П. Степанов предложил понятие «зона охотничьего хозяйства». Для «первого хронологического среза» позднего палеолита Евразии (24—14 тыс. лет назад — далее ТЛ) он определил три такие зоны: 1) приледниковых охотников на мамонтов и других стадных животных; 2) бродячих горных охотников Кавказа; 3) степных бродячих охотников на копытных животных Средней Азии. Для «второго среза» (14—10 ТЛ) в Восточной Европе были выделены зоны: 1) кочевых охотников на северного оленя; 2) охотников на мамонтов; 3) степных бродячих охотников Причерноморья; 4) горных охотников (Степанов 1973).

Эта работа В.П. Степанова вызвала справедливую критику, но не археологов или этнографов, а палеогеографа Г.М. Левковской, заявившей: «нельзя говорить об однородности охотничьего хозяйства даже для одного хронологического среза, так как в зависимости от природной зональности существовали различные зоны охотничьего хозяйства» (Левковская 1974: 204).

Через три года ученый пересмотрел свою концепцию, учтя не только это замечание, но аргументы о степени оседлости, высказанные в ходе дискуссии между Ю.И. Семеновым (Семенов 1973) и А.М. Хазановым (Хазанов 1973), а также в других статьях (Андрианов, Чебоксаров 1972; и др.). Что касается Б.В. Андрианова и Н.Н. Чебоксарова, то они определили для верхнего палеолита «приледниковой степной области Европы и Северной Америки» ХКТ «полуседлых охотников на крупных животных» (Андрианов, Чебоксаров 1972: 3—16), но не привели его даже самой общей характеристики.

В.П. Степанов заменил «охотничьи зоны» на «хозяйственные зоны» и уточнил даты временных срезов. В первом из них (24—16 ТЛ) он выделил зоны: 1) оседлых охотников на плейстоценовую мегафауну Русской равнины и Сибири; 2) охотников горных лесов Крыма и Кавказа; 3) бродячих охотников на копытных животных среднеазиатских предгорий. Во втором (16—10 ТЛ) на Русской равнине отмечены зоны: 1) оседлых охотников на мамонтов; 2) кочевых лучных охотников на северного оленя (на запад от Днепра); 3) бродячих охотников на бизонов в приазовских степях (Степанов 1976: 320). Заметим, что хозяйственная зона охотников на бизонов существовала только в период позднеледниковья и только в Приазовье. Этот факт вызывает удивление, так как автор не раз упомянул

Большую Аккаржу, сопоставил концентрацию находок на ней и на Амвросиевке и сделал вывод о том, что это «показатель большей плотности населения» (Степанов 1976: 317).

Идеи В.П. Степанова поддержали этнографы — В.Р. Кабо, заменивший термин ХКТ понятием «хозяйственно-экологическая зона» (Кабо 1986: 228—229), и Л.А. Файнберг, который не высказался и против степной ПХО, очевидно, не видя между ними разницы (Файнберг 1986: 145—146). Сам В.П. Степанов вскоре ввел в науку новое понятие «экологический комплекс культуры — любые проявления в культуре, опосредствованные спецификой природного окружения и несущие в своих элементах отпечатки конкретных связей со средой» (Степанов 1982: 272, 273), но не пояснил, как оно соотносится с его же хозяйственными зонами.

В 1975 году М.И. Гладких предложил выделение единого ХКТ «охотников и собирателей позднего палеолита Восточной Европы». В рамках этого типа он назвал три связанных с ним подтипа: 1) охотников на северного оленя Прикарпатья; 2) охотников на мамонтов Среднего Приднепровья; 3) охотников на зубров степной зоны (Гладких 1975). В расширенной статье М.И. Гладких подтвердил свой вывод, подчеркнув, что ХКТ «позднепалеолитических охотников-собирателей» был распространен на протяжении только поздневалдайского времени, когда в большей части Восточной Европы сложились «гиперзональные» природные условия. Вместе с тем, автор подчеркнул, что выделенный им ХКТ и его подтипы следует отличать от тех ХКТ, которые сложились в бывшей приледниковой зоне в период 14—10 ТЛ в связи с дифференциацией палеогеографической ситуации в разных районах региона накануне перехода к голоцену (Гладких 1977: 115).

Выделение одного «позднепалеолитического хозяйственного типа» в Восточной Европе без разделения на подтипы поддержали П.М. Долуханов и Г.А. Пашкевич, хотя они и подчеркнули специализацию охоты в степях (бизон и тур) и в Полесье (мамонт) (Долуханов, Пашкевич 1977: 138—139).

В 1975 году С.А. Дворянинов и автор этой статьи попытались развить один из тезисов концепции степной области, связанный с сезонным характером охоты. На основе различного геоморфологического расположения памятников позднего палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья (на плато и на террасах долин) мы пришли к выводу, что поселения региона можно разделить на весенне-летние и зимние (Дворянинов, Са-

пожников 1975). Позже он не раз подтвердился материалами других территорий (Soffer 1985: 344; Залізняк 1989; Кротова 1994а: 156; Нужний 1997; Горелик 2001: 281; и др.). Правда, много лет спустя П. М. Долуханов, не приведя ни одного факта, написал, что от 15 до 10 ТЛ в Восточной Европе «наиболее крупные стоябища возникали в зимнее время на высоких, но в то же время защищенных от холодных ветров участках рельефа. В летнее время значительно меньшие по размеру стоянки устраивались поблизости от водотоков» (Долуханов 2000: 86).

В те же годы В. М. Массон использовал термин «культурно-хозяйственный тип» (КХТ), рассматривая их не столько в природно-региональном, сколько в эволюционно-стадиальном аспекте. Он отнес обитателей ашельских стоянок Амбронна и Торральба к КХТ бродячих охотников и собирателей лесов и саванн, а все позднепалеолитическое население Восточной Европы — к охотникам тайги и тундры, и одним из наиболее ярких памятников второго КХТ назвал почему-то Амвросиевское костеище (Массон 1976: 24—33).

В то же время Б. В. Андрианов пришел к выводу: «На всей территории первобытной ойкумены вплоть до периода неолитической революции (начавшейся 12—10 тыс. лет назад) медленно развивался один КХТ, или, вернее, группа близкородственных типов: 1) арктические охотники; 2) тундровые и таежные охотники; 3) горные охотники; 4) степные охотники; 5) охотники степей, саванн и лесов; 6) охотники степей и нагорий; 7) охотники и собиратели пустынь; 8) охотники и собиратели тропических и субтропических лесов и влажных саванн» (Андрианов 1981: 256). На это последовала резкая критика: В. П. Алексеев заметил, что если на протяжении всего палеолита существовал всего лишь один КХТ, то тогда это понятие в целом «сливается с понятием хозяйственной деятельности человечества на ее ранних этапах. В чем же тогда его эвристическая ценность?» (Алексеев 1984: 353).

Еще далее в этом направлении пошел Г. Е. Марков, выделивший единый КХТ «развитого присваивающего хозяйства», существующий до настоящего времени. В рамках этого типа он назвал пять основных подтипов, которые представляют: а) обитатели тропиков с комплексным хозяйством: охотой, рыболовством и собирательством; б) пешие и конные охотники умеренной зоны; таежные охотники северной зоны; в) прибрежные рыболовы; г) арктические охотники на морского зве-

ря; д) охотники и собиратели с примитивным земледелием как вспомогательным занятием. Кроме этого, один из не существующих в настоящее время «подтипов охотников» включал североамериканских индейцев степей, которые добывали «главным образом бизонов» (Марков 1979: 162, 172; 1979а).

На этом историографическом фундаменте дальнейшая разработка проблемы региональных хозяйственных отличий в палеолите пошла по двум основным направлениям. Одни исследователи, вслед за П. М. Долухановым (1984) и П. И. Борисковским (1984; 1984а), начали использовать такую категорию, как «природно-хозяйственная область», а другие продолжали широко применять концепцию КХТ, но никто из них не задал себе простой по своей сути вопрос: а в чем, собственно, между ними разница?

Причины этому, на мой взгляд, заключаются в эволюции самой концепции КХТ. Пока в 1950-х — начале 1970-х годов этнографы шли по пути определения и описания отдельных КХТ, в той или иной мере признавая их соподчинение с более крупными ИКО или ИЭО (Левин, Чебоксаров 1955), особых проблем не возникало. Когда же они попытались объединить выделенные ими КХТ в категории более высокого ранга по периодизационному или экономическому принципам, выяснилось, что КХТ группироваться не хотят. Так, одни архаические КХТ (таежные охотники, морские охотники и др.) благополучно дожили до нашего времени, а другие, более развитые и возникшие позднее КХТ давно исчезли.

Кроме того, ученые столкнулись с тем, что все кажущееся разнообразие КХТ, которые можно выявить и описать методами этнографии, отнюдь не отражает типов хозяйства, существовавших в древности. Было замечено также, что в случае, когда в КХТ большее значение придается не хозяйственному, а культурному компоненту, они «дробятся, теряют четкость границ и имеют тенденцию сливаться с этническими традициями» (Марков 1979а: 151; Чеснов 1982: 109 и сл.; Алексеев 1984: 348—353). И наконец, сами этнографы пришли к выводу, что КХТ в большей степени является именно типом, а следовательно — моделью хозяйства и быта того или иного общества, а не отражением самого общества.

Автор концепции антропогеоценозов В. П. Алексеев подчеркнул: «антропогеоценоз — реально существующее явление в составе КХТ, гораздо реальнее, чем сам КХТ» (Алексеев 1984: 383). Ю. В. Бромлей заключил, что в этнографии «системообразующую роль» могут играть и определенные типы тра-

диционного хозяйства, которые он предложил назвать «хозяйственно-культурными ареалами». Ученый согласился сохранять и понятие ХКТ, но только тогда, когда «каждый хозяйственно-культурный ареал представляет конкретное выражение того или иного ХКТ» (Бромлей 1981: 50; ср.: Бромлей 1973: 33—34). С этим можно согласиться, уточнив, что характерные особенности того или иного хозяйственно-культурного ареала (ПХО или иного территориального образования) могут быть охарактеризованы через соответствующий ХКТ. Совсем не случайно В.Р. Кабо предложил понятие «хозяйственно-экологической зоны» (Кабо 1986: 228—229) — подчеркнем, именно зоны, а не типа.

Исходя из сказанного, нам трудно разделить мнение С.А. Балакина: «ХКТ являются не просто типами экономики (хозяйства)..., а экономическими районами древности», тем более, что он сам тут же признал, что для того, чтобы они стали таковыми окончательно, их лучше было бы переименовать в «хозяйственно-культурные области» (Балакин 1985: 104).

И действительно, археология не изучает ХКТ — это считается делом этнографии¹. Археологи раскапывают в поле не типы или подтипы хозяйства и культуры, а конкретные памятники, расположенные в определенной местности. Более того, при обобщении полученных данных они применяют результаты исследований других наук и дисциплин. Авторы последних тем более не изучают ХКТ, и даже не потому, что, как правило, мало что знают о данной концепции, а потому, что также занимаются конкретными материалами, хотя и под другим углом зрения. Другими словами, даже на уровне обобщения археологи все равно имеют дело с данными об объектах, расположенных на определенной территории, которые существовали в определенных природных условиях и датированы более или менее точно определенным отрезком времени, а вот место и период бытования того или иного ХКТ не имеют для них большого значения (Зализняк 1998: 61). Очевидно, что такие территории надо как-то называть, но понятие ХКТ подходит для этого менее всего.

Из всего многообразия названий, предложенных для таких «данных нам в ощущениях» реальных явлений (хозяйственно-культурные ареалы и области, палеоэкологические регионы, культурно-хозяйственные зоны, хозяйственные зоны, хозяйственно-адаптивные уклады и мн. др.), наиболее удачным, на мой взгляд, оказался термин «природно-хозяйственная область», введенный в археологическую и палеогеографическую литературу П.М. Долухановым. По его определению, «природно-хозяйственная область — это территория, обладающая примерно одинаковыми естественными условиями производства на определенном уровне развития производительных сил» (Долуханов 1984: 13). Заметим, что по своей сути аналогичным ПХО является термин В.Р. Кабо «хозяйственно-экологическая зона», но понятие ПХО уже достаточно прочно прижилось в археологии.

Примечательно, что П.М. Долуханов для периода от 23 до 14 ТЛ объединил «все заселенные территории» Восточной Европы и Передней Азии в одну ПХО, но никак ее не назвал. В ней он выделил четыре подзоны: «1) средневысокие горы и литораль Передней Азии — преимущественно пещерные поселения, охота на лесную лань, косулю, джейрана, лошадь; 2) Балканские горы, Молдавская, Вольно-Подольская возвышенность — пещерные и открытые поселения в долинах рек, охота на мамонта, северного оленя, лошадь, собирательство; 3) Причерноморская низменность — временные стоянки открытого типа в долинах рек и лиманов, охота на бизона, зубра, тура; 4) Бассейны Среднего Днестра и Среднего Дона — крупные поселения постоянного типа, специализация охоты на мамонта, собирательство. Ученый ничего не сообщил о ПХО и подзонах других периодов, кроме того, что «в позднеледниковье происходит распад устойчивых экосоциальных систем», в том числе и «степной подзоны» (Долуханов 1984: 37—38).

На наш взгляд, объединение в одну ПХО территории от Киева до Израиля лишено смысла, так как с точки зрения географии она включает в себя разные природные области. Абсолютно ясно, что каждая из названных подзон имеет право называться отдельной ПХО, что сразу же заметил П.И. Борисковский.

Он сформулировал более «археологическое» определение ПХО (зонам) — это регионы, «где сходные природные условия создавали предпосылки для возникновения своеобразного хозяйственного уклада, отличающегося от хозяйственного уклада, пред-

¹ Парадокс в том, что этнографы изучают не типы хозяйства, а этносы. Так, в «Своде этнографических понятий» нет термина ХКТ (Свод... 1986), не говоря уже об археологических изданиях такого рода (Колпаков и др. 1990). Выход из ситуации нашел Л.Л. Зализняк, который предложил археологам не ждать, пока этнографы создадут модель необходимого ХКТ, а сделать это самим (Зализняк 1991: 62; 1998: 61).

ставленного в соседних областях. Такое сходство природных условий и форм хозяйства сказывалось и на сходстве материальной культуры. Каждая из природно-хозяйственных областей могла включать несколько культур. Но общность этих культур объясняется уже не единством их происхождения и не существованием между ними историко-культурных связей, а сходством окружающей среды, образа жизни и хозяйства носителей данных культур» (Борисковский 1984: 11—12)². По П.И. Борисковскому, примером подобной ПХО и ИКО одновременно является степная область, которую объединяют такие черты, как сходные формы хозяйства и сходный в некоторых общих чертах характер каменных орудий (Борисковский 1984а: 349—350).

Чтобы не возвращаться к этому вопросу, скажу, что, по моему убеждению, понятие ПХО не может заменить понятия ХКТ (и наоборот). Это категории разные и связанные только в том случае, когда для исторической реконструкции ученый-археолог применяет модель того или иного ХКТ (часто собирательную по данным из разных территорий) к материалам конкретной ПХО. Здесь уместно привести слова С. А. Васильева: «этнографическая реальность дает такое многообразие связей, которое археологу трудно даже представить» (1985: 49). Как видим, понятие ХКТ и его эквиваленты в принципе вообще могут не применяться в археологии. Кроме всего прочего, его использование связано и со степенью ущербности источниковой базы, так как замечена любопытная зависимость: чем меньше в распоряжении исследователя археологических материалов для реконструкции хозяйства и образа жизни населения, тем меньше проблем возникает у него при их интерпретации с применением модели того или иного ХКТ.

Исходя из определений П. М. Долуханова и П. И. Борисковского, под ПХО следует понимать абсолютно конкретное явление (точнее, совокупность явлений), которое может быть реконструировано по археологическим источникам и материалам смежных наук и дисциплин (палеонтологии, палинологии, геологии, палеогеографии, трасологии, экспериментального моделирования и др.).

ХКТ — это обобщенная (более абстрактная) модель хозяйства того или иного общества, построенная на основе данных этногра-

фии. Её элементы могут добавлять более яркие и конкретные черты характеристикам ПХО, но не могут их заменить, так как последние основаны, точнее сказать — должны быть основаны на реальных фактах (Сапожников, Сапожникова 2001: 25). В этом смысле понятия, которые описывают какую-либо модель (схему) образа жизни и хозяйства (например, модель адаптации), являются синонимами ХКТ и при необходимости также могут использоваться в археологии.

Концепция степной ПХО в той или иной степени была поддержана рядом археологов — И. Г. Шовкоплясом (1966), Н. Д. Прасловым (1989) и другими, но далее мы будем останавливаться только на тех работах, в которых проблемы ее выделения рассматривались специально и аргументированно в позитивном либо в негативном плане.

На такой историографической базе в 1983 г. под руководством П. И. Борисковского разработками проблем степной ПХО занялся автор этих строк. Наша позиция по этому вопросу изложена в целом ряде работ и сводится к следующему. В степной ПХО в период около 22 до 10 ТЛ существовало сезонное хозяйство *степных специализированных охотников на бизонов и других стадных животных*. На основании целого ряда показателей — особенностях сезонных миграций бизонов, северных оленей, лошадей, сайгаков и наличии или преобладании фаунистических остатков этих видов на тех или иных памятниках, присутствии или отсутствии пушной охоты, процентном соотношении основных групп изделий со вторичной обработкой (скребки, резцы и микроинвентарь), а также наличии таких конструктивных элементов поселений, жилищ и хозяйственно-бытовых комплексов (далее ХБК), которые можно трактовать как относительно долговременные или зимние (о чем свидетельствуют углубление жилищ, наличие вымосток, заслонов) и ряда других, поселения степной ПХО была разделена на две группы. К первой из них мы отнесли Амвросиевку, Большую Аккаржу, Анетовку II, Золотовку I, Миньевской Яр с монобизоньей фауной, сезон функционирования которых был определен как весенне-летний. Во вторую группу были включены Анетовка I, Сагайдак I, Кайстровая Балка II, Ямбург, Осокоровка I, Каменная Балка II, Мураловка и часть стоянок Рогаликско-Передельского района. Сезон функционирования этих поселений был определен как летне-зимний или осенне-зимний.

В качестве наиболее близкой этнографической аналогии степной ПХО была использована модель хозяйства и образа жизни индей-

² Позднее это определение было приведено в терминологическом словаре по археологии, но не для ПХО, а для «культурно-хозяйственной зоны» (Колпаков и др. 1990: 94).

цев юга и центра Великих равнин Северной Америки или собственно прерий, как это делают другие исследователи. При этом подчеркивалось, что полной аналогии между ними нет, да и быть не может, уже хотя бы потому, что в американских прериях отсутствовали дикие лошади и сайгаки, а северный олень карибу туда не заходит (Дворянинов, Сапожников 1975; Сапожников 1987: 12—14; 1989а; 1992; 1995: 158—172; 2003; 2003а; Сапожников, Сапожникова 1990; 2001; 2002; 2011: 124—126 и др.; Sapozhnikov 1989; Сапожников, Секерская 2001; и др.).

В то же время изучением проблем хозяйства степной ПХО на основе применения трасологического анализа занялись Г.Ф. Коробкова и Г.В. Сапожникова. Ими были исследованы коллекции каменных изделий ряда памятников юго-запада Украины: Анетовки I и II, Ивашково VI, Срединного Горба, Михайловки и Царинки. Позднее Г.Ф. Коробкова изучила изделия стоянки Каменка, а Г.В. Сапожникова — каменный инвентарь Большой Аккаржи и частично Амвросиевского костыща (Коробкова 1989; 1989а; 1998; Коробкова и др. 1982; Сапожникова 1986; 2005; 2007; и др.).

Из результатов этих работ отметим разделение памятников Северо-Западного Причерноморья (по соотношению различных функциональных групп орудий в комплексах) на весенне-летние (Срединный Горб, Царинка и др.) и осенне-зимние (Анетовка I, Ивашково VI, Каменка). Правда, сначала эти группы трактовались как охотничьи лагеря и базовые стоянки (Сапожникова 1986; Сапожникова и др. 1995: 145—147; Korobkova 1993; Коробкова 1998; Сапожников, Сапожникова 1990; 2011: 108—119, 123—124; Sapozhnikova, Sapozhnikov 2005; и др.). Кроме этого, в инвентаре Большой Аккаржи, Каменки и Ивашково VI были определены ножи для срезания дикорастущих злаков (Sapozhnikova 2005; Сапожникова 2007; Сапожников, Сапожникова 2011: 111—119).

Как видим, фактор сезонности охоты и вообще хозяйственной деятельности пронизывал всю жизнь населения степной ПХО, что прослеживается не только по данным археозоологии (Сапожников, Секерська 2001) и палинологии (Медяник, Сапожников 2003—2004; Medjanik, Sapozhnikov 2006), но и планиграфии, а также на основании анализа кремневого инвентаря, в частности, методами трасологического анализа. В настоящее время он не отрицается никем из серьезных исследователей, а различные проявления сезонности плодотворно изучаются на материалах позд-

него палеолита и мезолита не только зоны степей, но и других регионов (Васильев 1985: 50—51; Soffer 1985: 328—350; Соффер 1993; Леонова 1989; 1993; 2000; Leonova 1993; 1994; Сергин 1992; Нужный 1997; Беляева 2002).

Исследованию проблем хозяйства степной ПХО посвящено несколько работ А.А. Кротовой. Сначала исследовательница согласилась с точкой зрения П.И. Борисковского, написав о совпадении границ степной ИКО и ХКТ «охотников на степные виды животных». При этом А.А. Кротова не использовала понятия ПХО, а просто переименовала его в ХКТ. Уже в первых работах на эту тему автор интерпретировала стоянки с мезолитом фауной (Амвросиевку, Большую Аккаржу, Золотовку I) как «остатки стоябищ возле мест традиционной охоты в период миграций», а другие поселения (Мураловку, Каменные Балки, Анетовку II) — как «остатки основных мест обитания общин». Кроме этого, она допустила, что некоторые памятники бассейна Северского Донца являются сезонными, однако даже не привела их перечня (Кротова 1985: 15—16; 1986: 72).

В следующей статье А.А. Кротова уточнила свою типологию степных поселений. В ней стоянки первой группы связывались «с крупными сезонными охотами на бизонов», поселения второй группы рассматривались как места «более или менее долговременного обитания общины или группы общин», и была четко определена третья группа памятников (Янисоль, Ямы, Говоруха, Миньевской Яр, Кайстровые Балки I—III), которые рассматривались как «следы временного обитания небольшой группы или одной семьи в малообеспеченное продовольственными ресурсами время года, когда общины временно рассеивались». И на этот раз конкретные сезоны функционирования поселений трех групп не были названы, но был сделан вывод о том, что для образа жизни населения степей были характерны «сезонные перекочевки и консолидация и рассеивание общин». Из этой работы можно заключить, что А.А. Кротова не видит никакой разницы между ПХО и ХКТ, уверена, что именно ХКТ охотников на степные виды животных существовал в наших степях, а аналогию ему она нашла на Высоких равнинах США и Канады (Кротова 1988).

Позднее А.А. Кротова разделила поселения позднего палеолита бассейна Северского Донца на две группы: 1) памятники со сложной, но достаточно четкой структурой (Ямы, Говоруха, Миньевской Яр), интерпретированные как базовые, но недолговременные стоянки, отдельные сезонные семейные ХБК;

2) памятники с простой структурой (Демино-Александровка XII), сопоставимые с кремнеобрабатывающими мастерскими (Кротова 1992; ср.: Кротова 2002).

В начале 1990-х годов А. А. Кротова значительно видоизменила свою позицию, используя идею о хронологических срезах В. П. Степанова, а также замечание М. И. Гладких о необходимости учета неоднократных изменений природной среды на территории Восточной Европы. На основании своей периодизации памятников зоны степей, связанной с природно-климатическими этапами, А. А. Кротова разработала схему развития хозяйства и образа жизни населения степной зоны в позднем палеолите. По ее мнению, во время формирования дофинновского лесового горизонта (около 30—21 ТЛ) в современной зоне степей преобладала лесостепная растительность, промысловых животных было недостаточно, и это заставляло коллективы часто менять места своих базовых лагерей и вести подвижный образ жизни. Для более холодного периода (21—16 ТЛ) в условиях сухих перигляциальных степей с обилием промысловых животных их население в ходе коллективных загонных охот могло создавать большие запасы пищи и долго оставаться на одном месте. В это время охотники специализировались на добыче бизонов, и их поселения имели выраженный сезонный характер. В позднеледниковье численность крупных копытных животных снова уменьшается, что якобы привело к появлению неспециализированной охоты, исчезновению крупных базовых лагерей, преобладанию временных стоянок и к более подвижному образу жизни населения (Кротова 1994: 22—23).

В этой же работе А. А. Кротова попыталась определить сезоны существования ряда памятников на основе критериев западных исследователей, описанных в известной монографии О. Соффер (Soffer 1985: 328—350). Так, для Мураловки, Сагайдака, Ям и Говорухи было определено время обитания в мае-октябре, для Лесков, Золотовки, Анетовки I, горизонта IV-б Осокоровки — в ноябре-апреле, а для Амвросиевки, Анетовки II, Каменной Балки II допускалось неоднократное заселение в альтернативные (как в холодные, так и в теплые) сезоны (Кротова 1994: табл. 1).

Приведем еще одну типологию степных поселений того же автора: 1) крупные базовые лагеря — места пребывания нескольких семей или общин на протяжении сезона (Анетовка II, Амвросиевка, Каменные Балки I и II, Золотовка, Большая Аккаржа, Федоров-

ка); 2) небольшие базовые лагеря — места проживания 1—2 семей, возможно, на протяжении 1—2 месяцев; 3) местонахождения целевого назначения: охотничьи лагеря (Лески), стоянки охотничье-сырьевых экспедиций (Югино II), места массовых охот и переработки добычи (костица Амвросиевки и Анетовки II), места охоты на одиночных животных (Куйбышево VI). Очевидно, что данная типология вступила в противоречие с более ранним вариантом. Теперь почти все памятники рассматриваются как базовые, а определение Анетовки II как костица (места забоя животных) (Кротова 1994: 26) настолько оригинально, что не разделяется никем из исследователей. Правда, А. А. Кротова заметила и некоторые противоречия своей схемы — «среди памятников третьего периода известно несколько достаточно крупных базовых стоянок — Каменные Балки и Федоровка», а также факт преобладания бизонов над лошадьми в основном слое Каменной Балки II. Ища им объяснение, она подчеркнула, что эта схема «имеет как очень общий, так и в определенной мере гипотетический характер» (Кротова 1994а: 153—154), с чем трудно не согласиться.

Проблемы сезонности конкретных памятников региона будут рассмотрены ниже, а здесь скажем несколько слов о функциональной типологии степных поселений. Очевидно, что подразделение стоянок на базовые и охотничьи, которые использует не только А. А. Кротова, но и ряд других ученых, малопродуктивно уже потому, что для этого нет надежных критериев, даже при использовании данных полного трасологического анализа кремневого инвентаря.

Если же исходить из факта, что основной структурной единицей степных поселений были семейные сезонные жилища (ХБК) (Сапожников, Сапожникова 2002), то гораздо важнее было бы как можно точнее определить конкретные сезоны их функционирования, а также попытаться вычислить количество их наложений друг на друга (если они имели место). При этом сезонность памятников следует определять на основании существующего набора археологических фактов (Monks 1981: 5—6), а не исходя из характеристики годового цикла модели ХКТ, разработанной на материалах неверных или сомнительных этнографических параллелей, описанных в несопоставимых природных зонах.

Более перспективным представляется использование разработок этнографа В. Мюллера-Вилле, который разделил места обитания людей по одному признаку — дли-

тельности использования. Им выделены: эфемерные (несколько дней); временные (несколько недель); сезонные (несколько месяцев); полупостоянные (несколько лет) и постоянные (несколько поколений) стоянки (Muller-Wille 1954). Эту идею развили Ю.И. Семенов (1973: 56—57) и Б.В. Андрианов (1985: 44—49), но они, к сожалению, не выработали единой концепции форм подвижности первобытных коллективов. Ю.И. Семенов полагал, что для охотников Восточной Европы в позднем палеолите характерна сезонная или переменная оседлость с использованием сезонных сельбищ, хотя не исключалось и наличие стойбищ (Семенов 1973: 58). По В. Мюллер-Вилле, это временные или сезонные поселения, которые являются местами обитания одной или нескольких семей, а так называемые эфемерные поселения также могли существовать, но в степной зоне такие стоянки пока не известны.

А теперь рассмотрим разработки Л.Л. Зализняка, который применяет концепцию ХКТ с начала 1980-х гг. Как синоним ХКТ он иногда использует понятие «модель адаптации», а вместо термина ПХО — «природно-климатическая» или «природно-ландшафтная зона». Всего на территории Украины для позднего палеолита и мезолита он выделил восемь ХКТ, а в азово-причерноморских степях в позднем палеолите — ХКТ «степных охотников на бизонов» (Зализняк 1988: 14), хотя позднее назвал его ХКТ «степных охотников плейстоцена». В ряде работ автор дал описание этого ХКТ (Зализняк 1996; и др.), но наиболее детально и системно он охарактеризован в монографии «Передісторія України» (Зализняк 1998: 78—84).

Итак, Л.Л. Зализняк пришел к выводу, что охотничья специализация сложилась в азово-причерноморских степях около 20 ТЛ. Он подчеркнул, что сезонные миграции копытных животных «жестко регламентировали как сезонность поселенческой структуры, так и годовой хозяйственный цикл степных охотников». Ученый также подразделил поселения степной зоны на зимние и весенне-летние. Первые состояли, по его мнению, из места забоя животных, площадки для разделки туш и собственно поселения-стойбища, хотя ученый склоняется к интерпретации Амвросиевских стоянки и костыща как весенне-летних объектов. Л.Л. Зализняк считает ХБК Большой Аккаржи и других памятников региона семейными и допускает, что общины степных охотников состояли в среднем из 5—7 семей общей численностью около 30 человек, которые летом распада-

лись на меньшие охотничьи группы (1—3 семьи). Последние промышляли бизонов индивидуально на летних водораздельных пастбищах. Кроме этого, Л.Л. Зализняк полагает, что данная модель адаптации (ХКТ) прошла три этапа (формы) своего развития, обусловленные изменениями природной обстановки. С 20 до 13 ТЛ она существовала в форме специализированных охотников на бизонов. С 13 до 10 ТЛ место бизонов занимает дикая лошадь, которая становится в это время основным промысловым видом, а третий этап, датированный мезолитом, отражает кризис степного ХКТ (Зализняк 1998: 78—84).

В конце 1980-х годов под прямым влиянием западных ученых (Л. Бинфорда, К. Бутцера и др.) в СССР начали использовать термин «адаптация» с уточнениями: «культурная адаптация», «социальная адаптация», «модель адаптации», в частности, «степная модель адаптации» (Сапожников 1989а) и др. Заметим, что одним из инициаторов этого стал В.М. Массон (1989), которому удалось тогда даже провести советско-американский симпозиум на эту тему. В принципе, такой подход не отличается от концепции ХКТ. Однако, в исследованиях позднего палеолита Восточной Европы он не прижился, хотя некоторые авторы, в том числе и автор этих строк, не смогли противостоять веяниям времени и личному авторитету Вадима Михайловича.

Тогда же П.М. Долуханов начал не просто использовать модную терминологию, но и пересмотрел свои взгляды. Согласно его новой концепции, около 23—16 ТЛ в Европе сложились две модели адаптации. В приатлантической Европе и на большей части средиземноморского бассейна была выделена «средиземноморская модель», основанная на эксплуатации ресурсов ландшафтов горнолесного типа. Вторая, «перигляциальная модель», по его мнению, охватывала «большую часть Центральной и Восточной Европы. Эта модель основывалась на эксплуатации ресурсов ландшафтов перигляциально-степного типа. Схема расселения определялась освоением высоких террас и окраин водоразделов в районах озеровидных расширенных долин рек. Прослеживается иерархическая система поселений с выделением крупных центров» (Долуханов 1989: 18; Dolukhanov 1993).

Позднее В.М. Массон попытался методологически обосновать иной — «адаптивный» подход. Все процессы, связанные с приспособлением первобытного человека к условиям природной среды и обратным влиянием человека на природу, он называет социокуль-

турной адаптацией. По его мнению, ее можно подразделить на более узкие (но не более конкретные) понятия: хозяйственную адаптацию (стратегию), бытовую адаптацию и социальную адаптацию, которые, в свою очередь, проявлялись в разных регионах в виде различных моделей или хозяйственных стратегий. К сожалению, эту концепцию можно считать лишь общей теоретической схемой, так как ее автор не привел перечня хозяйственных стратегий даже для позднего палеолита Восточной Европы. Примечательно, что, говоря о степных охотниках, он использовал термин «степная зона». Ее аналогом В. М. Массон назвал «культурно-хозяйственный тип палеоиндейских культур юго-запада США» (Массон 1996: 15—21), что в принципе является верной, но не расшифрованной параллелью.

В. Н. Станко уклонился от однозначной оценки концепции П. П. Ефименко и П. И. Борисовского о степной области, ограничившись на этот счет лишь отрывочными замечаниями. Но в 1990 году он высказал сомнения по поводу правильности нашей схемы сезонности степных памятников, не приведя никаких контраргументов, а также заметив, что А. А. Кротова и автор этих строк «не учитывают динамики изменения природного окружения и демографической ситуации» (Станко 1990: 13). Напомним, что о необходимости этого задолго до него говорили Г. М. Левковская (1974), В. П. Степанов (1976), М. И. Гладких (1977) и др.

Особое внимание В. Н. Станко уделил эволюции охоты на бизонов, подчеркнув, что на протяжении всего плейстоцена бизон был объектом охоты на всей территории Украины, а о специализированном хозяйстве охотников на бизонов можно уверенно говорить лишь со времени максимума вюрмского оледенения. Исчезновение бизона в степях он объясняет в первую очередь его истреблением человеком, а также изменениями природной обстановки на границе плейстоцена и голоцена. При этом отмечается нерациональный (хищнический) характер охоты на бизонов в Амвросиевке и Анетовке II. Что касается конкретных памятников, то Амвросиевка интерпретировалась как базовый лагерь с ритуально-промысловым комплексом, Большая Аккаржа и Каменная Балка II — как охотничьи лагеря многоразового использования, а Анетовка II — как единственный (долговременный и многолетний) ритуально-производственный центр, использовавшийся обитателями нескольких поселений, расположенных по соседству (Станко 1996; 1997; 1999).

В этой позиции наибольшие сомнения вызывает интерпретация Анетовки II, так как не раскрыт процесс использования так называемого «ритуально-производственного центра» (в котором найдены все категории кремневого и костяного инвентаря, многочисленные кости убитых и утилизированных животных) обитателями соседних поселений (другие стоянки времени Анетовки II в ее окрестностях отсутствуют) (Смолянинова 1989; 1990). В целом же вся логика предложенной В. Н. Станко схемы эволюции природно-экологической обстановки в зоне степей на протяжении позднего палеолита и мезолита сводится к одному — стремлению любой ценой доказать «постепенное нарастание кризисной палеоэкологической ситуации в степном Причерноморье» (Станко 1989: 29).

Концепция кризиса охотничьего хозяйства косвенно связана с положением о степной ПХО, и потому ее нельзя обойти вниманием. Напомним, что еще в начале 1920-х годов В. А. Городцов написал о том, что хищнические способы ведения охоты и рост населения, наряду с рядом географических факторов, привели к кризису, выход из которого был найден в новых формах хозяйства — рыболовстве и приручении животных (Городцов 1923: 256—257, 311—312). Сейчас в обобщенном виде ее суть заключается в том, что в конце плейстоцена или в начале голоцена под влиянием изменений природных условий и в результате массовых загонных охот (пример — Амвросиевка) была подорвана пищевая база, что привело к необходимости поиска новых форм охоты и хозяйства и, в конечном итоге, к возникновению производящей экономики (Румянцев 1985: 26—29). Иногда говорят о двух кризисах (Гладилин 1974) или даже целой их цепи (Зализняк 1984: 4—5).

Поскольку подробный анализ кризиса охотничьего хозяйства не входит в круг наших задач, рассмотрим один из примеров его интерпретации, основанный на материалах зоны степей. Речь идет о работе В. Н. Гладиллина, который отметил хищнический характер охоты в позднем палеолите, поскольку «число убитых зубров в Амвросиевке превзошло возможности рационального использования их древними охотниками». Далее следует любопытный по логике пассаж: «Не удивительно, что число этих животных стало сокращаться. Успешная охота все более и более становится делом случая. Кости зубров, найденные на такой финальнопалеолитической стоянке, как Большая Аккаржа под Одессой, оказались мелко раздробленными с целью извлечения костного мозга, что свидетельствует о стремлении па-

леолитических охотников получить из убитых животных все возможное для питания» (Гладилин 1974: 76—77). Сомнительность этой схемы очевидна даже не потому, что Амвросиевка и Большая Аккаржа одновременны, а потому, что на Амвросиевской стоянке (в отличие от костыща) кости бизонов были раздроблены в еще большей степени. То есть, автор сравнил между собой два объекта разного функционального назначения.

Особое отношение к концепции степной ПХО у сторонников степной ИКО. Так, М. В. Аникович признавал южную (степную) ИКО охотников на бизонов; юго-западную (Днестровско-Прутскую) ИКО охотников на северных оленей и юго-восточную (Днепродонскую) ИКО охотников на мамонтов (Аникович 1992; 1998; 2001). Таким образом, ученый допускал прямую зависимость или, по крайней мере, взаимосвязь между природно-хозяйственными характеристиками территории названных ИКО и особенностями типологии каменных индустрий различных АК, которые в них выделяются.

В нескольких работах рассматриваемых проблем коснулся Н. П. Оленковский. В одной из них он заявил, что концепция ХКТ вообще не имеет право на использование в археологии, так как «не может заменить такие традиционные понятия, как культурная область, хозяйственная зона и другие». По его мнению, «хозяйственная специфика степной зоны Северного Причерноморья наиболее емко может быть выражена термином «особый природно-хозяйственный уклад жизни» (Оленковский 1989: 14; 1995; 95), но не уточнил, в чем суть данного понятия. Что же касается «традиционности» терминов, то легко заметить, что как раз названные почти никем не использовались, а традиционными, вернее, наиболее употребимыми, являются такие понятия, как ИКО и ПХО (редко — «зона»).

В 1980-х гг. изучением степной ПХО занялся Е. В. Миньков. Хотя он и не создал модель «охотничьего хозяйства южнорусских степей», но использовал методику исследований, которая позволила сделать интересные выводы. В основе его методов определения сезонности поселений лежат наблюдения этноархеологов на Аляске и материалы многочисленных *kill sites* Высоких равнин США и Канады. Автор утверждает, что осенью охотники используют практически все части туш убитых животных, а весной — только отдельные, наиболее вкусные и калорийные. Е. В. Миньков пришел к заключению, что охота на Анетовке II происходила главным образом весной, хотя в целом люди жили

на ней в течение «значительной части года». О Мураловке, Золотовке I и горизонтах II—III Осокоровки I сказано, что они «представляют собой какие-то виды базовых лагерей с простой структурой культурного слоя». На Каменной Балке II отмечено использование поселения в течение двух «альтернативных сезонов», причем объем охотничьей добычи «не превышал допустимого уровня и не создавал угрозы перепромысла». Кстати, последний вывод распространяется на Амвросиевку и Анетовку II. В итоге Е. В. Миньков заключил: «структура охотничье-собирающего хозяйства и направленность культурно-исторических процессов позднего палеолита южнорусских степей имели общий со всей Восточной Европой характер» (Миньков 1993: 51, 52). В общем, позицию автора (Миньков 1990; 1991: 9—10, 12—13, 16—18; Leņova, Min'kov 1988) следует рассматривать как выражение отношения московской школы М. Д. Гвоздовер и Н. Б. Леоновой к концепции степной ПХО³.

Такой подход нуждается в комментариях. Дело в том, что ряд конкретных заключений Е. В. Минькова (в отличие от выводов, которые из них не вытекают) не только не противоречит позиции автора статьи, но часто на ней основывается. Однако, возможно, под давлением своих более «авторитетных коллег», он почему-то подверг резкой критике не те моменты, по которым у нас есть разногласия, а в целом «украинских археологов», которые так или иначе касались этой темы. С его легкой руки в одну команду вместе со мной попали Л. Л. Зализняк, А. А. Кротова и В. Н. Станко, хотя наши взгляды на степную ПХО трудно назвать монолитными и согласованными. Из российских приверженцев степной ПХО или ИКО Е. В. Миньков одних пожурил (Н. Д. Праслова), а других даже не вспомнил (М. В. Аниковича) (Миньков 1993: 19—25).

Вернемся к критике Е. В. Минькова в мой адрес. Он полностью отверг тезис о связи сезонности памятников с их геоморфологическими позициями, не назвав ни одного зимнего поселения степи, расположенного на плато, что не удивительно, так как их нет. В целом мои определения сезонности памятников названы умозрительными и основанными только на сезонах миграций животных (Миньков

³ Наш вывод подтверждается тем, что основные моменты цитированной статьи Е. В. Минькова 1993 г. практически без изменений были сравнительно недавно опубликованы повторно, но уже вместе с Н. Б. Леоновой (Леņова и др. 2006: 243—263).

1993: 28—31). Это неправда, так как сезон функционирования того или иного поселения определен мной на основании анализа комплекса признаков. Возникает встречный вопрос — если такая методика неверна, то почему в большинстве случаев Е. В. Миньков пришел к аналогичным выводам?

Сама Н. Б. Леонова долго не высказывалась против своеобразия памятников зоны степей, ограничившись словами, что для выяснения характера культурных слоев Большой Аккаржи и Амвросиевки (стоянки) необходимо проведение микростратиграфических исследований (Леонова 1989: 33). Чуть позже она заявила: «Изучение насыщенных культурных слоев этих памятников (Каменных Балок I—II) с большим количеством очагов, мощных производственных центров, остатками строительных конструкций внесло существенные изменения в концепцию “степной зоны”, которая предполагает отсутствие в степях Северного Причерноморья долговременных поселений и преобладание кочевого образа жизни. Археологические материалы каменнобалковской культуры опровергают такие выводы» (Леонова 1990).

В 1990-х гг. Н. Б. Леонова на основании материалов «базовой стоянки» Каменная Балка II уточнила свой подход, написав: «факты не позволяют выделять степную зону как территорию специфической экономико-культурной адаптации охотников на бизонов, которая вынуждала их вести чрезвычайно подвижный образ жизни» (Леонова 1993: 90—91; см. также Леонова 1993; 1994). Такой вывод является простой калькой с позиции М. Д. Гвоздовер 1960-х гг., и для того, чтобы его сделать, совершенно не обязательно было проводить широкомасштабные раскопки на Каменных Балках. Сама Н. Б. Леонова не утруждает себя разбором подходов отдельных авторов, поручив эту неблагодарную работу Е. В. Минькову. Ее конкретные разработки свелись к неудачной попытке доказать возможность заселения зоны степей только в периоды потеплений (Леонова 1996; 2002: 54; 2003). Из более оригинальных идей можно назвать вывод о том, что «жители перигляциальных степей строили относительно легкие наземные жилища из шкур лошадей и бизонов, укрепляя их на каркасах и придавливая полы к земле костями тех же животных» (Леонова 1993: 79).

Таким образом, Н. Б. Леонова признала, что один из основных и традиционных элементов культуры населения зоны степей имел свою яркую специфику. Позже она объяснила этот факт более мягким климатом зоны степей (по сравнению с северными районами), «ины-

ми экономическими условиями и отличными культурными традициями» (Леонова 2003: 24). В связи с этим возникает вопрос: если это не признание существования (вместе и одновременно) и степной ПХО, и ИКО, то что же это такое?.

Говоря о Каменных Балках, следует признать: их интерпретация затруднена тем, что авторы раскопок до сих пор не опубликовали полного списка фаунистических остатков даже по Каменной Балке II, не говоря уже о других памятниках. Только недавно мы узнали, что там представлен северный олень, но неизвестно, какой именно костью (табл. 1) (ср.: Леонова 1999: 88; Леонова и др. 2006: 219). Открытым остался и вопрос, какие виды животных отмечены в Каменной Балке I. Мне он представляется важным, так как в свое время М. Д. Гвоздовер сообщила, что ее «немногочисленные остатки состоят из раздробленных костей зубра и бурого медведя» (Гвоздовер 1964: 38).

Итак, Н. Б. Леонова, пользуясь тезисами М. Д. Гвоздовер, критиковала взгляды П. П. Ефименко и П. И. Борисковского начала 1960-х гг. и лишь недавно обратила внимание на работы других авторов. При этом она не заметила, что П. И. Борисковский сам давно уточнил свои подходы, сказав, что в степях отсутствовали долговременные жилища в том виде, как у охотников на мамонтов, а охота на бизонов преобладала, но не была исключительной (Борисковский 1989; Boriskovsky 1993: 146). Но главное — она не учла, что, благодаря многолетним усилиям целого ряда ученых, в том числе М. Д. Гвоздовер, самой Н. Б. Леоновой и их учеников, источниковая база по позднему палеолиту региона существенно расширилась, а к концепции степной ПХО нельзя относиться так же, как полвека тому назад.

В конце 1980-х гг. к проблемам хозяйственной специфики зоны степей обратился Г. Е. Краснокутский, который рассмотрел их в кандидатской диссертации (Краснокутский 1992) и монографии (Krasnokutsky 1996). Он полагает, что создал так называемую «причерноморскую палеолитическую модель адаптации», хотя параллельно использует и термин ХКТ «охотников на бизонов и других копытных животных», не пояснив различия между ними (Краснокутский 1992: 11, 17 и др.). На анализе позиций Г. Е. Краснокутского мы вынуждены остановиться подробнее, так как его разработки претендует на наибольшую полноту.

Для начала скажем, что Г. Е. Краснокутский почему-то сузил круг проблем степной ПХО,

Таблица 1 (окончание).

Лока	Уровни	Памятники	бизон	лошадь	мамонт	шерст. носорог	сев. олень	благ. олень	козуля	тиг. олень	сайган	кабан	бурый медведь	пещ. медведь	пещ. лев	волк	гиена	песец	лисица	росомаха	заяц	бобр	барсук	байбак		
Заключительная	нижний	Говорука	+																							
		Миньеской Яр	+																							
		Нововладимировка II	3/1	1/1																						
	средний	Владимировка, слой 3		+				+											+							+
		Дмитриевка верхний слой		+																						
		Каменная Балка II, средний слой		+				1/1						+												
		Ямбург II-а, III-а		+				+									+									
		Дубовая Балка		+													+									
		Кайстровая Балка I		+																						
		Кайстровая Балка II		+																						
		Кайстровая Балка III		+				+																		
		Каменная Балка I		+																						
		Рогалик VII		+																						
		Соленое Озеро IX		+																						
		верхний	Владимировка, слой 2-1		+				+																	
Рогалик III-в			+																							
Рогалик III-а			+																							
Рогалик II-а			+				+																			
		Рогалик XII	+	+		+																				
		Михайловка	+?	+								+														

* При составлении использованы работы (Черниш 1953; Підопличко 1956; Векилова 1957; Борисковский, Праслов 1964; Смолянинова 1990; Кротова 1994а; Секерська 1999; Степанчук та ін. 2004; и др.).

ограничившись изучением охоты на бизонов. В целом верно описав различные способы охоты на этих животных, он определил сезоны их проведения по параллелям с индейскими и палеоиндейскими охотами Высоких равнин, а не южных прерий. Неверное определение сезонов разных видов охот повлекло за собой серию ошибок. Наиболее серьезные возражения вызывает годовой хозяйственный цикл, представленный исследователем. Он полагает, что основным сезоном загонных охот на бизонов были осень и начало зимы, но единственный известный в регионе памятник загонной охоты — Амвросиевское костыще — использовалось, по его же мнению, весной. Более оригинальной является идея автора связать конкретные памятники с разными видами охоты. Так, в овраг бизонов загоняли не только в Амвросиевке, но и в Анетовке II и в Каменной Балке II; в Анетовке I и Большой Аккарже животных били на переправах; а в Сагайдаке I, Осокоровке I, Кайстровых Балках I—IV, Мураловке и Золотовке I практиковались «смешанные виды охоты, преимущественно индивидуального характера» (гон, скрад, окружение и даже «мясное собирательство»). Исходя из этого, он разделил все памятники степей на две группы. В первую из них входят Амвросиевка (!?), Анетовка II и Каменная Балка II), использовавшиеся в конце осени и начале зимы, которые отличаются «богатými фаунистическими комплексами, насыщенные кремневыми изделиями» и оставлены «целыми общинами из отдельных семей». Ко второй группе (сезон не назван) отнесены «более многочисленные стоянки с небольшой плотностью и мощностью культурного слоя, иногда со следами легких жилищ и с количеством фауны, неспособной прокормить обитателей более 1—3 месяцев». Это — Сагайдак I, Федоровка, Мураловка, Золотовка I — все с «простой планиграфической структурой» (Краснокутский 1992: 11, 15).

В целом, из работ Г.Е. Краснокутского можно узнать о способах охоты на бизонов, методах их разделки и даже о годовом цикле этих животных, но все это детально описано в целом ряде книг и статей американских и канадских исследователей. В то же время, ему не только не удалось охарактеризовать специфику хозяйства степной ПХО, но даже создать его более или менее приемлемую модель (ХКТ). Так, в них не отражена охота на другие виды животных (лошадь, северного оленя, сайгака и др.), по-видимому, потому, что они не живут на Высоких равнинах. В них отсутствует также определение сезо-

нов функционирования целого ряда памятников.

А.Ф. Горелик стал одним из немногих ученых, который, не согласившись с нашей точкой зрения, попытался аргументированно ее опровергнуть. Речь идет о сезонной интерпретации Рогаликских памятников, хотя следует сразу же сказать, что с предложенным нами осенне-зимним сезоном для горизонтов II и III Осокоровки и отчасти Каменной Балки II он, тем не менее, согласился. Как верно заметил ученый, «аргументы И.В. Сапожникова отчасти являются следствием недостаточного знакомства с результатами исследований памятников Рогаликско-Передельского района, которые к моменту написания его трудов были еще мало опубликованными» (Горелик 2001: 276—279).

Однако и после выхода монографии об этих памятниках (Горелик 2001) мое отношение к ним не изменилось. Так, жилища, ХБК разных типов и поселения Рогаликско-Передельского района, на мой взгляд, использовались в разные сезоны года, о чем говорит и их разное геоморфологическое положение, но преимущественно осенью и зимой. Более того, наличие углубления пола на 15 см в жилище Рогалика II-B (Горелик 2001: 46—47, рис. 15: 1), является настолько ярким зимним признаком, что на его фоне все рассуждения автора о двух моделях миграций диких лошадей в широтном и меридиональном направлениях, со сносками на работы археологов (а не на биолога Л.М. Баскина), выглядят малоубедительными. Если же вспомнить сообщение И. Тунманна об охотах в наших степях ногайцев в XVIII в. на диких лошадях «осенью, когда почва болотиста» (Тунманн 1990: 52—53), то все упоминания об охоте на диких лошадей мадленцев Германии (Горелик 2001: 279) становятся далекими параллелями.

Кстати, проведение такой аналогии осложнено наличием на юге Германии горных ландшафтов, что как раз и предполагает миграцию лошадей на северные равнины в осенне-зимние месяцы. Сноска автора на мнение О. Соффер (Soffer 1985: 195) еще менее корректна, так как оно основано на выводе Н.Л. Корниец, которая допускает, что охотники на мамонтов севера Украины могли добывать диких лошадей в августе (Корниец 1962: 157—158). Но ведь это только лишний раз подтверждает наш вывод о том, что эти животные достигали зоны степей как раз к осени (Сапожников 1995: 161—165).

В середине 1990-х годов к рассматриваемой проблеме вернулись М.И. Гладких и В.Н. Станко. Согласно их новому видению,

в позднем палеолите «на территории Украины можно проследить три хозяйственно-адаптивных уклада, которые условно можно определить как охотники на мамонта (Среднее и Верхнее Поднепровье), охотники на бизона и лошадь (степная зона), комплексные охотники со значительным развитием собирательства (Поднепровье). В конце позднего палеолита в Полесье появилось большое количество охотников на северного оленя» (Гладких, Станко 1997: 74—75).

Тогда же по этому поводу высказалась и Г. В. Григорьева, признавая, что кости бизонов присутствуют и даже преобладают на большинстве памятников азово-черноморских степей, датированных от 20 до 17 ТЛ. Тем не менее, она продолжает настаивать на том, что население здесь было разнокультурным, а особенности исторического процесса того времени в этом регионе определялись главным образом миграциями, исходя из чего степную зону можно рассматривать как контактную (Grigorieva 1999).

Следуя в фарватере идей предыдущего автора, Ю. Э. Демиденко назвал зону степей «проходным двором» (Демиденко 2001: 41), а позднее, уже вместе с Д. Ю. Нужным, написал: «известные попытки выделения особой степной зоны... методически или некорректны, или более чем преждевременны». Правда, в той же статье сказано, что в Северном Причерноморье «четко прослеживается природная доминанта», так как бизоны и лошади были здесь основными объектами охоты (Демиденко, Нужный 2003—2004: 521—522). Этим было показано, что Ю. Э. Демиденко не видит никакой разницы между степными ИКО и ПХО, но существование второй из них не отрицает.

Таким образом, обзор историографии позволяет сделать вывод, что сегодня большая часть ученых, причем не только палеолитоведов, но и палеогеографов, археозоологов, этнографов и историков первобытного общества полностью либо в каких-то аспектах признает существование степной ПХО в позднем палеолите, хотя при этом они определяют ее специфику разными понятиями, среди которых в украинской науке более распространен термин ХКТ (см. Сапожников, Сапожникова 2001). Нам трудно даже назвать авторов, которые бы полностью отвергли это положение, за исключением, пожалуй, Н. Б. Леоновой и Е. В. Минькова, да и то с существенными оговорками.

В свете сказанного нонсенсом звучат слова К. Н. Гаврилова, что если уж поставить вопрос «относить ли территории Северного

Причерноморья и Приазовья к единой степной зоне или нет, то для отрицательного ответа достаточно было бы обратиться к результатам работ М. Д. Гвоздовер, Г. В. Григорьевой и В. Н. Станко» (Гаврилов 1997: 203—204). При этом удивляет не то, что В. Н. Станко попал-таки в список противников концепции степной ПХО, для чего, как мы видели, нет веских оснований, а то, что исследователь неожиданно заявил следующее: «само по себе наличие базовых стоянок не снимает с повестки дня необходимость анализа именно этой специфики (материальной культуры — И. С.) и тех границ, в рамках которой она выявляется» (Гаврилов 1997: 204). Следовательно, К. Н. Гаврилов полностью отрицает природно-хозяйственные, но признает культурно-исторические особенности позднего палеолита зоны степей Восточной Европы, а это уже новый взгляд на старые вещи.

2. Характеристика степной природно-хозяйственной области

На наш взгляд, на современном этапе исследований главная проблема заключается в том, что в существующих реконструкциях степной ПХО в позднем палеолите есть немало противоречивых аспектов, которые обусловлены как состоянием археологических источников, так и привлечением в качестве аналогий несопоставимых этнографических и археологических материалов с других территорий. Вместе с тем, открытыми или не до конца проясненными остаются территориальные рубежи области, периодизация и формы специализации охоты, реконструкция годового хозяйственного цикла и др. Ясно, что эти вопросы отнюдь не второстепенны и требуют специального анализа.

Возникновение, границы и этапы развития. Выше были названы все поселения, которые упоминались разными авторами в связи с выделением степной ПХО. Для наглядности данные о них сведены в таблице. Нетрудно убедиться, что почти все они датируются не ранее 22 ТЛ и не позднее 12—11 ТЛ, то есть, средней и заключительной порами позднего палеолита. Из более ранних памятников с фаунистическими остатками в степях известен комплекс находок из пещеры Ильинка под Одессой (Сапожников, Сапожникова 2011: 39—43) и стоянка Мира в Нижнем Поднепровье (Степанчук и др. 2004) (см. табл. 1).

Это говорит о том, что идея А. А. Кротовой о преобладании в Северном Причерноморье и Приазовье в дофиновское время лесостепных ландшафтов, в которых ощущался недо-

статок крупных копытных животных, что и привело к более подвижному образу жизни населения на раннем этапе позднего палеолита (Кротова 1994: 22), лишена оснований, так как лошади и отчасти бизоны уже тогда были обычной добычей степных охотников. Более того, остепненные биоценозы были характерны для юга Восточной Европы и ранее. Так, на мустьерской стоянке Ильская I в Прикубанье были найдены остатки бизонов, диких лошадей и ослов, сайгаков, гигантских оленей, волков и других животных, причем бизоны (1334 костей от 58 особей) составляли там 92% из всех млекопитающих (Hoffecker et al. 1991).

Приведенные выше факты говорят о том, что степная ПХО существовала на протяжении всего позднего палеолита и значительно ранее, но пока у нас имеется слишком мало материалов, свидетельствующих о хозяйстве региона для времени ранее 22 ТЛ. Исходя из данных палеонтологии, во время раннего, среднего и большей части заключительного этапов позднего палеолита в степях Восточной Европы не прослеживаются какие-либо кардинальные изменения в составе фауны крупных копытных, хотя растительность в теплые фазы ляска и аллереде изменялась гораздо более существенно. Можно отметить, что памятники с монобизоньей фауной (Золотовка I, Большая Аккаржа, Амвросиевка, Федоровка — слой 2, Миньевской Яр, Кайстровые Балки III и IV) или с преобладанием этого вида животных (Анетовка II, Каменная Балка I) датируются от 22 до 13 ТЛ. Вместе с ним, но и ранее (Мира), и позднее в фауне поселений присутствуют лошадь, сайга и северный олень вблизи границы с лесостепной ПХО. Лишь в конце плейстоцена на западе зоны степей появляется новый вид животных — тарпан (Михайловка-Белолесье), а лошадь начинает преобладать над бизоном (Рогаликские стоянки), хотя в это время присутствует и бизон (табл. 1) (Сапожников 2003б; Sapozhnikov 2006; и др.). Последнее наблюдение в принципе подтверждает точку зрения Л.Л. Зализняка о том, что в период с 13 до 10 ТЛ место основного промыслового животного в степи, которое ранее принадлежало бизону, занимает дикая лошадь (Зализняк 1998: 84).

Зональность степной ПХО. Итак, бизон является единственным или фоновым видом для подавляющего большинства северочерноморских памятников основного периода развития степной ПХО (от 22 до 13 ТЛ). В это время на всей территории степи он сосуществовал с дикой лошастью (Сагайдак I, Анетовка I

и II, Мураловка, Осокоровка V-а, Ямы, Вознесенка IV, Осокоровка II, Дмитриевка, Нововладимировка II, Кайстровые Балки I и II, Дубовая Балка, Каменная Балка II), которая встречается как в северной, так и в южной подзонах. Более того, в Говорухе на р. Лугани отмечены только кости лошади (зубы), но в очень небольшом количестве (табл. 1).

Эти факты опровергают мнение Г.Е. Краснокутского о существовании «южной зоны влаголюбивых степей, где бизон уже потесняется лошастью» (Краснокутский 1992: 7). Во-первых, по данным палинологии, южные степи следует определять как более засушливые (Сапожников 2003б), а во-вторых, если «южная подзона степей» существовала, то с иными критериями — преобладанием ксеротической травяной растительности и почти полным отсутствием северного оленя. Это животное отмечено в раннем, основном и заключительном этапах развития степной ПХО в северной подзоне степей (Анетовка I и II, Мира и ряд других памятников Надпорожья, Рогалик II-а и XII) (табл. 1).

Что касается природной зональности зоны степей на протяжении последнего этапа существования степной ПХО, то известные попытки ее реконструкции (Станко 1992; Смынтына 2000; Сминтина 2001; и др.) тоже нельзя признать успешными. Они основаны на неверной хронологии, так как «ко времени второй половины дриаса-III» Е.В. Смынтына отнесла более ранние памятники (Владимировку, слой I и II, Анетовку, Ивашково VI, Гаврилов Яр), плохо датированные комплексы (Царинку) или даже невыразительные сборы подъемных материалов (Белолесье IV, Когильник, Кантемир, Новоархангельское и др.) (Смынтына 2000: 463—468).

На самом деле, во всей степной зоне из памятников с остатками фауны временем позднеледниковья надежно датированы только основной слой Михайловки (Белолесье) и ряд Рогаликско-Передельских стоянок (Горелик 2001; Сапожников 2004), но их материалов недостаточно для детального палеоэкологического районирования всей зоны азово-причерноморских степей.

Сезонность поселений зоны степей. В табл. 2 нами собраны данные о 36 комплексах зоны степей, которые позволяют судить о сезонности хозяйственной деятельности населения в позднем палеолите. Кроме обычных показателей наличия или отсутствия костей копытных животных, склонных к совершению сезонных миграций, мы включили в нее такой явно зимний вид деятельности, как пушная охота на песцов, зайцев, волков,

Таблица 2.

Показатели сезонности позднепалеолитических памятников зоны степей*

Пора	Уровни	Памятники	Промысловые животные				пушная охота	съедобные моллюски	Места групп орудий			Геоморфология		Характеристики поселений			
			бизон	лошадь	сев. олень	сайгак			микроинвентарь	резцы	скребки	низкие террасы (ниже +20—25 м)	Плато, высокие террасы	очаги и кострища	остатки жилищ	ХБК-I	ХБК-II
ранняя		Мира, верхний слой	+	++	+		+	1?	3	2	+		+	+	+		+
средняя	нижний	Сагайдак I, нижний слой	+	+				+	—	1	+		+		?		
		Анетовка I	+	+	+			3	2	1	+						
		Осоковка V-a	+	+			+	2	3	1	+		+	+	+		+
		Мураловка	+	+		+		1?	+	2		+	+			+	+
		Золотовка I	+					2	3	1		+	+		+		
	средний	Большая Аккаржа	+				+	1	2	3		+	+		+		
		Анетовка II	+	+	+	+	+	1	2	3		+					
		Амвросиевка	+					2	1	3		+					
		Осоковка IV-a, IV-б	+				+					+		+	+	+	+
	верхний	Ямы	+	+				1	2	3		+	+				+
		Вознесенка IV, средний слой		+				2	1	3		+	+		?		
		Федоровка, слой 2	+					1	2	3				+			+
		Федоровка, слой 1						1	3	2				+			+
		Осоковка III-в	+		+		+	2	3	1	+		+	+	+		+
Осоковка II		+	+	+		+	—	—	1	+		+	+	+		+	
заклучительная		Говоруха		+				2	1	3		+	+	+			
	нижний	Миньевской Яр	+					2	1	3	+		+		+		
		Нововладимировка II	+	+				1	2	3		+				+	
		Дмитриевка, верхний слой	+	+				2	1	3	+						
		Кайстровая Балка IV	+					2	1	3		+					
		Каменная Балка II, слой 2	+	+	?		+	+	2	1	3	+		+	+	+	+
	средний	Кайстровая Балка I	+	+				—	2	1	+		?		+		
		Кайстровая Балка II	+	+	+		+	—	2	1	+		+	+			
		Кайстровая Балка III	+								+		+				
		Дубовая Балка	+	+			+	+	3	2	1	+		+		+	
		Ямбург II-a	+		+		+	—	2	1	+		+	+			+
		Ямбург III-a	+		+		+				+	+		+	+	+	+
		Каменная Балка I	+	?				1	2	3		+	+		+		
		Рогалик VII	+	+				2	3	1		+					+
	верхний	Михайловка	+	+				2	3	1	+		+		+		
		Рогалик II-a	+	+	+			+	2	1	+						
		Рогалик II-в						+	2	1	+		+		+		+
		Рогалик III-a		+				+	2	1	+		+				
		Рогалик III-в	+	+				—	2	1	+						+
		Рогалик XII	+	+	+			3	2	1	+						

* При составлении таблицы использованы работы (Підопличко 1938; 1956; Борисковский, Праслов 1964; Гвоздовер 1964; Колосов 1964; Праслов, Филиппов 1967; Кротова 1986; 1994а; Смольянинова 1990; Оленковский 1991; 2000; Сапожников 1992; 1995; Праслов, Щелинский 1996; Секерська 1999; Горелик 2001; Степанчук та ін. 2004; Леонова и др. 2006; и др.).

лисиц, байбаков, бобров и др. Кроме этого, в таблицу вошли такие показатели, как соби- рание съедобных речных и наземных моллю- сков (теплое время года); геоморфологическое расположение стоянок: на плато и высоких террасах (тепло) и низких террасах в долинах рек и балок (холод); преобладание скребков (холод, даже зима), микроинвентаря (сезон массовых коллективных охот (тепло ?) и рез- цов (обработка дерева, кости и рога — тепло); наличие очагов, остатков жилищ или ХБК; а также других более или менее долговремен- ных конструкций (вымосток, углубления по- лов жилищ, заслонов и др. — холод). Автор отдает себе отчет в том, что некоторые из вве- денных показателей могут оказаться недоста- точно информативными, но в совокупности они должны дать объективную картину.

Прежде чем приступить к анализу табли- цы, нельзя не остановиться на интерпрета- ции Амвросиевского комплекса, состоящего из синхронных костяка и стоянки, без мате- риалов которого мы не сможем судить о се- зоне массовых загонов бизонов, предполагаю- щих укрупнение охотничьих коллективов.

Как было сказано, чаще всего, вслед за И.Г. Пидопличко (1948; 1953: 66; 1969: 150) и В.И. Бибиковой (Зубарева 1948), Ам- вросиевское костяка рассматривается как свидетельство единовременного загона це- лого стада бизонов и как ярчайший при- мер хищнических охот в позднем палеоли- те (Григорьева 1968: 9; Верещагин 1971: 208; Массон 1976: 29; 1996: 19; Румянцев 1985: 26; Кабо 1986: 228). Эта точка зрения ста- ла хрестоматийной и принимается без дока- зательств, хотя существуют и другие мнен- ия. Так, В.М. Евсеев считал костяка свал- кой костей вблизи жилища (Евсеев 1947). П.П. Ефименко интерпретировал древний ко- стеносный овражек как место неоднократных сезонных облавных охот (Ефименко 1953: 547—550). П.И. Борисковский полагал, что костяка использовалось для совершения об- рядов охотничьей магии, и нашел ему ряд эт- нографических аналогий (Борисковский 1951; 1953: 349—352; и др.), что было поддержано А.Д. Столяром (Столяр 1985: 177) и др.

Позднее многие присоединились к точ- ке зрения П.П. Ефименко (Кротова 1986а; Леонова, Миньков 1987; и др.), а автор этих строк подчеркнул, что его интерпретации не противоречит и мнение П.И. Борисовско- го (Сапожников 1987: 13; 1989; и др.). Как ви- дим, трактовка Амвросиевского костяка как места неоднократных сезонных коллектив- ных охот уже не вызывает неприятия, хотя

спорным остается вопрос о сезоне его исполь- зования.

Напомню, что заключение о сезоне функ- ционирования костяка, на которое опирал- ся автор этих строк, было сделано И.Г. Пи- допличко: «Нам удалось установить, что в составе амвросиевского стада были теля- та утробного возраста и не старше двух меся- цев. Этот весьма важный факт дает возмож- ность отнести время охоты на зубров на конец мая или на июнь месяц, так как отел у зу- бров происходит весной, главным образом в мае». Правда, ученый в той же статье сделал и неверный вывод о том, что «с начала зимы из многоснежных лесных и лесостепных об- ластей зубры откочевывали к югу», а «весной они продвигались во время кочевков обратно» (Пидопличко 1953: 66).

Позже выяснилось, что ситуация была сложнее. Так, В.И. Бибикова отнесла сезон охоты в Амвросиевке на осень, так как телята были не такими уж молодыми (Зубарева 1948: 120—121). Е.В. Миньков, исследовав мате- риалы на основании своей методики и планигра- фии костных остатков по полевым документам И.Г. Пидопличко 1940 и 1949 гг., снова пере- нес время разделки туш животных на раннюю весну (Миньков 1991: 12). Его мнение раскри- тиковала А.А. Кротова, которая сообщила, что Н.Г. Белан определила сезон гибели бизонов как зимний (Кротова 1994а: 156), хотя сама ранее допустила использование Амвросиев- ской стоянки как в холодное, так и в теплое время года (Кротова 1994: 25; табл. 1). Однако Н.Г. Белан изучила всего 22 челюсти бизонов из раскопок 1986 и 1988 гг. и сама отрицала наличие в коллекции 1940 года костей утроб- ных и двухмесячных телят. Более того, обе исследовательницы допустили возможность «альтернативного сценария», по которому охота в Амвросиевке, расположенной на плато, была наиболее оптимальной с весенних до «ранних летних месяцев» (Krotova, Belan 1993: 134—135, 139—140).

Позднее изучением костных остатков из Амвросиевки занялся американский архео- зоолог Л.С. Тодд, который просмотрел мате- риалы из раскопок 1935 и 1986—1994 гг. По его определению, охота в Амвросиевке имела ме- сто трижды — в октябре, декабре и марте. На основании этого и своих микростратигра- фических наблюдений А.А. Кротова пришла к заключению, что костяка сформировалось на протяжении трех охотничьих операций (за- говов?), проведенных последовательно в де- кабре (16 образцов), в марте (8 обр.) и в октя- бре (7 обр.) (Кротова 2003). Но такой вывод,

на мой взгляд, лишь запутывает ситуацию, так как не снимает вопроса о том, что делать с утробными и двухмесячными телятами бизонов, кости которых выявлены в 1940 году. Ведь тогда к названным американцем месяцам все равно следует добавить по крайней мере еще два — май и июнь.

Причины настойчивости А. А. Кротовой и Л. С. Тодда на том, что охота на бизонов в Амвросиевке велась в осенние и зимние месяцы, понятны, так как оба видят аналогии этому костяку в палеоиндейских, «архаических» и более поздних *kill sites* Северных (Северо-Западных) Высоких равнин США и Канады (Kehoe 1973; Frison 1978; 1982; 1998; Фрайсон 1986; Тодд 1986; Todd 1987; 1991; и др.). Дело в том, что значительная часть из них действительно функционировала на протяжении осенних и зимних месяцев, но даже там, причем не только на юге, но и в центре Великих равнин известны костяки, которые использовались в феврале-начале марта (Эгейт-Бэйсин), поздней весной (Бу сайт), летом и ранней осенью (Олсен-Чаббек), ранней осенью (Вардел сайт) и осенью (Скоггин сайт) (Frison 1978: 147—250; Frison, Stanford 1982; ср.: Krasnokutsky 1996: 78—79).

По мнению Дж. К. Фризона и его ученика Л. С. Тодда, основная идея палеоиндейской стратегии заключалась в том, чтобы поздней осенью или ранней зимой в ходе коллективных загонных охот убить как можно больше бизонов и заморозить их туши про запас (Frison 1982; и др.). Однако ни в Северо-Западных прериях, ни в Амвросиевке остатки таких ям-холодильников не были выявлены. Единственным способом заготовки мяса, в отличие от охотников на карibu, у североамериканских индейцев прерий было изготовление пеммикана. При этом в районе Амвросиевки нет и намека на следы вечной мерзлоты во время формирования костяка, и потому такой способ консервации здесь был невозможным.

Кроме того, даже среди американских археологов методика Фризона-Тодда, суть которой заключается в определении сезона гибели бизонов по стертости зубов, не является общепринятой. Так, В. Е. Виттакер и Дж. Г. Энлоэ специально рассмотрели этот вопрос, используя данные о стертости зубов современных животных, и пришли к следующим выводам. Определение сезона наиболее аутентично по зубам и другим костям телят. Определения, сделанные по стертости зубов взрослых животных, чаще всего им не соответствуют, хотя иногда и совпадают

ют (Whittaker, Enloe 2000). Ясно, что сказанное касается и Амвросиевки, то есть, весенне-летний сезон гибели животных, определенный по костям молочных и утробных телят, заведомо более верный, чем все иные заключения. Конечно, автор воздержится от вывода, что данные Л. С. Тодда полностью неверны, но археологи должны знать, что существуют другие методики и точки зрения по этому вопросу как среди отечественных, так и зарубежных ученых.

В связи с этим напрашивается вывод о том, что подобные «сезонные параллели» с Амвросиевкой являются малоубедительными. Кроме того, приведенные заключения плохо коррелируются друг с другом и допускают практически круглогодичное, хотя и многократное использование Амвросиевского костяка. Поэтому мы вынуждены, учитывая выводы всех названных палеонтологов и палеозоологов, попытаться еще раз определить сезон функционирования этого уникального комплекса на основании его материалов, данных об экологии и этологии бизонов и характеристики аналогичных памятников.

Для начала скажем, что даже для современных европейских зубров, загнанных человеком в леса, характерны небольшие сезонные миграции, связанные с фенологией вегетации растительности. Эти животные, например, летом предпочитают питаться травяной растительностью, а зимой ими поедается также кора и молодые побеги деревьев и кустарников (Баскин 1976: 109—110; 1979: 445—446, 465—466). Исходя из сказанного, в зоне азово-причерноморских степей для времени позднего палеолита следует предполагать наличие таких миграций бизонов: весной — на юг, в открытые степи, где основные пастбища располагались на водораздельных равнинах (плато), а осенью — на север, в более лесостепные ландшафты. Однако при наличии горных массивов эта схема довольно существенно менялась. Так, на Северном Кавказе, где присутствует выраженная высотная природная зональность, зубры весной спускались к равнинам в северном направлении, а другая их часть, наоборот, поднималась к альпийским лугам (Баскин 1979: 465—466).

Что касается североамериканских бизонов, то наиболее распространенной точкой зрения является та, что все они в течение года совершали сезонные миграции на очень значительные расстояния, которые достигали 700—750 км, причем летом они, якобы, находились на севере, а зимой на юге (Підопличко

1938: 46; 1953а: 65; Ефименко 1960: 22; и др.). Эти представления основаны на давно устаревших работах Дж. Б. Гринелла (Grinnell 1904: 138—142; также см. Roe 1970: 521—542), но более поздние исследования целого ряда ученых показали, что ситуация с миграциями этих животных в Северной Америке была совсем иной, причем отнюдь не такой простой и однозначной.

С. К. Оливер посвятил специальную монографию экологии и биологии бизонов в связи с их влиянием на образ жизни индейских племен. Основная идея ученого заключается в том, что «нельзя понять индейцев, не зная смысла миграций бизонов». Он прямо написал, что популярная точка зрения о том, что до прихода европейцев миллионы бизонов кочевали каждую зиму на юг, в Техас, а каждое лето на север, в Канаду, не подтверждается фактами. На самом деле каждая популяция бизонов имела свои сезонные перекочевки. Одни из них могли совершать далекие миграции, а другие — гораздо менее протяженные, и отнюдь не всегда они совершались в направлении север-юг и обратно (Oliver 1963: 15—16).

Еще ранее биолог М. С. Гарретсон заметил, что, кроме весенних и осенних миграций, в другие сезоны года бизоны совершали «общие передвижения» на север, запад, юг и восток, которые неискушенные наблюдатели часто принимали за настоящие миграции. Он же описал, что в северной части ареала, в горах были зафиксированы сезонные миграции с запада на восток и обратно, «когда стада уходят весной из гор и возвращаются осенью назад, прячась в пересеченном рельефе между холмами от зимних западных ветров». Кроме того, ученый сообщил о наличии в прошлом действительно дальних кочевок в южных районах прерий, когда стада бизонов весной, чтобы достичь Техаса и Оклахомы, совершали миграции протяженностью от 200 до 400 миль, а осенью следовали обратно (Garretson 1938: 52—53; и др.). Дж. В. Артур, описавший характер миграций на Северных равнинах, полагает, что бизоны покидали открытые равнинные ландшафты осенью и зимовали в долинах, северных лесах и перелесках. Правда, и там отмечены случаи, когда из-за пожаров на пастбищах, в относительно теплую погоду животные зимой возвращались на равнины (Artur 1975: 53—60).

С. К. Оливер привел примеры того, что в засушливые годы стада бизонов уходили из южных прерий на север летом, в самый разгар жары. Ученый сделал важный для нас вывод о том, что в большей части огромного ареала

своего распространения бизоны, скорее всего, могли присутствовать на протяжении круглого года, при этом лишь в его окраинных районах они какое-то время могли практически отсутствовать в определенные сезоны: на севере и в горах — летом, а на юге — зимой. При этом их поведение в разные времена года также имело выраженные сезонные особенности. Так, в более или менее крупные стада животные собирались летом и осенью, а в течение других сезонов они распространялись по всей территории прерий небольшими группами (Oliver 1963: 15—17).

По данным М. С. Гарретсона, телята бизонов рождались с апреля по июнь, период гона у них длился с июля до начала октября, а мех они меняли весной, причем в начале лета бывали «совершенно голыми» (Garretson 1938: 52—53 и др.). Дж. В. Артур, основываясь на письменных сообщениях наблюдателей XIX в. и характеристике биологии современных бизонов, уточнил, что основной сезон рождения телят у бизонов длился с начала марта до конца июня на протяжении четырех месяцев, но в обычных условиях его пик попадал на апрель и май. Что касается времени гона, то он же добавил, что его пик отсрочается с июля до конца августа, и именно в это время бизоны собирались в относительно большие группы, но подчеркнул, что время гона довольно сильно отличалось у южных и северных бизонов, а также у диких и «одомашненных» групп животных. Так, разные авторы определяют общую длительность периода гона от двух до четырех месяцев (Artur 1975: 47—53).

Чтобы хоть как-то оживить эти суховатые биологические выкладки, приведем описание бизонов, принадлежащее испанцу Коронадо, который в 1540—1542 годах совершил дальнюю «экспедицию» в поисках золота из Мексики в Канзас через Техас и Оклахому. Эти наблюдения важны потому, что они сделаны до того, как индейцы Южных равнин, получив от испанцев лошадей, стали конными охотниками, что существенно изменило их образ жизни и способы охоты на бизонов. Итак, Коронадо пишет: «За исключением случайных вигвамов краснокожих кочевников, местность оказалась совершенно необитаемой. Здесь не было никаких ориентиров, ни гор, ни рек, ни деревьев, ни кустарников. Камней и тех не было: кругом, насколько хватало глаз, раскинулась поросшая травой тучная черноземная прерия. Это была безбрежная однообразная травянистая равнина, усеянная костями бизонов». Сами бизоны представились ему как творения поисти-

не фантастические: «Очень выпуклые глаза позволяют этим чудикам видеть на бегу того, кто их преследует. Когда они мчатся во весь опор, то голову держат низко и бородой своей (длинной, словно у старого козла) почти касаются земли. Передняя часть тела у них с середины спины густо покрыта шерстью, как у породистой овцы, а по животу, наподобие львиной гривы, растут очень густые и длинные волосы. На спине у них горб побольше верблюжьего. Рога на голове короткие и мощные, они едва проглядывают сквозь космы. В мае они теряют волосы на задней половине туловища и тогда делаются удивительно похожими на львов». Им же описана и загонная весенне-летняя охота, которую он наблюдал где-то в районе Техаса: «Охотники убивали бизонов в громадных количествах, иногда по 60—70 в день. За 15 дней они добыли 500 бизонов, причем исключительно быков» (цит. по: Бейклесс 1969: 100, 102—103).

Современные американские ученые отметили сезонные особенности экологии и этологии бизонов, которые оказывали непосредственное влияние на охоту. Так, самок труднее всего добывать весной и в начале лета, так как во время отела и вскармливания телят они очень осторожны и их поведение непредсказуемо. Именно в это время основной добычей были «небольшие, более стабильные группы быков». В период гона, наоборот, непредсказуемым и особенно агрессивным было поведение самцов, к тому же в эти месяцы они сильно теряли в весе и их мясо было невкусным. Поэтому осенью и особенно зимой охотники отдавали предпочтение самкам и бычкам, тем более, что в это время быки покидали стада и жили «рассеянно». Кстати, в этот период шкуры самок и бычков были наилучшего качества, и их использовали для изготовления одежды, одеял, мешков, на покрытие жилищ и другие нужды. Гораздо более грубые шкуры самцов, которые добывались в конце зимы и ранней весной, шли на выделку сыромятных лент и ремней, покрытия щитов, обуви, клея и других целей. Поэтому различное соотношение костей убитых быков, телок и бычков в костяках отражает не состав стада, а сезон охоты, обусловленный избирательностью охотников. Дж. Д. Спиз подчеркнул, что эта стратегия была направлена в первую очередь на добычу упитанных жирных животных, так как в бедные иной пищей весенние месяцы именно жир был особенно необходим для восстановления сил людей. По его словам, «жир является наиболее сконцентрированным видом энергии», а тощих неупитанных животных индейцы убивали крайне ред-

ко и только тогда, когда им совсем уже нечего было есть. Помимо бизонов, в прериях охотились на антилоп, оленей и других животных, но их роль в индейской экономике была незначительной (Speth 1983: XIV, XV, 1—4, 118—159).

На основании вышесказанного и того факта, что около 53—60% убитых животных в Амвросиевке были самцами (Зубарева 1948; Krotova, Belan 1993: 137—138), а также присутствия костей утробных и двухмесячных телят, следует заключить, что основным сезоном охоты в Амвросиевке были май и июнь, что подтверждает вывод И. Г. Пидопличко. Кстати, взрослые самцы преобладали и в Большой Аккарже (Сапожников, Секерская 2001; и др.), что говорит в пользу того же сезона. Подчеркнем, что в остеологических материалах Амвросиевского костяка, как и Анетовки II, Е. В. Миньков отметил высокую степень избирательности, то есть, использование наиболее калорийных частей туш бизонов, а это, как мы только что могли убедиться, характерно именно для весенних охот (Миньков 1991; 1993).

Прямой «сезонной аналогией» Амвросиевке и другим нашим памятникам с монобизоньей фауной является костяк Гарнси в округе Чевис штата Нью-Мексико (США), исследованное в 1977—1978 гг. экспедицией Мичиганского университета под руководством Дж. Д. Спиза и В. Дж. Парри. Там также зафиксирован целый ряд охотничьих событий (коллективных загонов), промежутки между которыми составляли от нескольких дней или недель до нескольких лет. При этом за один раз убивалось не так уж много животных — от 4—5 до 15 особей. В костях заметно преобладали останки самцов (более 60%), причем присутствовали и кости самок, но авторы раскопок объясняют это тем, что последние телились только один раз в два-три года. Среди животных определены особи почти всех возрастных групп с небольшим преобладанием трех-четырёх-летних и шести-семилеток. Кроме этого, там отмечены многочисленные случаи, когда использовались не все части туш, а наиболее жирные и питательные, однако введенные автором показатели — общий индекс утилизации (GUI) и модифицированный общий индекс утилизации (MGUI) — были существенно большими для туш, которые принадлежали самкам. Сезон функционирования этого памятника определен как март-апрель. Сообщено и о том, что в ходе загонных охот убивались как группы быков, включавшие самок, не имеющих телят, так и группы телок,

в которые входили также телята и молодые быки. Важно подчеркнуть, что в 400—500 м от костяка на высокой террасе, господствующей над окружающей местностью, были выявлены остатки стоянки индейцев. Этот памятник датируется 1450—1500-ми годами н. э. Дж. Д. Спиз специально заметил, что по признаку своей весенней сезонности Гарнси аналогично другим костякам южных прерий, но, в отличие от Высоких и Северных равнин, в этом регионе их выявлено и раскопано пока не так уж много (Speth 1983; Speth, Partu 1980).

Добавим, что на западе центральных прерий в штате Колорадо Дж. Б. Вит еще раньше раскопал типичный бизоний *kill site* Олсен Чаббек. Там в овраг одноразово (?) было загнано около 200 животных обоих полов и разных возрастных групп, причем из них 39 особей остались неиспользованными. Автор раскопок определил сезон охоты как раннюю весну (Wheat 1967; 1972), но Д. Фрайсон (по известным нам причинам) полагает, что загон там имел место летом или в начале осени (Frison 1978: 178).

Таким образом, на основании ряда фактов, в том числе и на корректных параллелях с *kill sites* южной части Великих равнин, можно сделать вывод о том, что Амвросиевка и другие позднепалеолитические памятники зоны степей с монобизоньей фауной или с преобладанием этого животного (Золотовка I, Большая Аккаржа, Анетовка II, Кайстровые Балки III и IV, оба слоя Федоровки, Миньевской Яр, Каменная Балка I и др.) использовались главным образом в весенне-летнее время. Важно, что почти на всех этих поселениях (кроме Анетовки II) отсутствуют следы пушной (зимней) охоты, остатки каких-либо более или менее долговременных конструкций, а большая часть из них приурочена к плато и высоким террасам (кроме Миньевского Яра и Кайстровой Балки III, по Федоровке данные отсутствуют). Более того, в каменном инвентаре большинства памятников этой сезонной группы первое место занимает микроинвентарь или резцы (в Кайстровой Балке IV), за исключением Золотовки I, где преобладают скребки, а резцы занимают второе место. На многих из этих стоянок были выявлены очаги, ХБК, а на Большой Аккарже — еще и остатки съедобных моллюсков (табл. 2).

Вместе с тем, как было сказано выше, нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать, что все без исключения бизоны осенью покидали зону степей и охота на них была полностью исключена до следующего весенне-летнего периода. По-видимому, на-

личие значительных лесных участков в долинах позволяло какой-то части животных проводить часть осени и всю зиму в этих биозонах, не выходя на плато (Дворянинов, Сапожников 1975; и др.). Этот вывод подтверждается и самим составом фаунистических комплексов, так как на протяжении всего основного этапа развития степной ПХО останки бизонов присутствуют практически на всех памятниках (табл. 1; 2). Поэтому было бы даже нелогично предположить, что все они использовались исключительно в теплое время года. В принципе, мы можем допустить наличие в Амвросиевке следов охот, имевших место в другие периоды. При этом преобладание самцов говорит в пользу такого месяца, как март, а осенне-зимние заборы животных пока остаются гипотетическими.

Важные сведения о сезонах миграций бизонов получены при детальном анализе фаунистических остатков Ильской стоянки, расположенной в предгорьях Северо-Западного Кавказа, в 25—30 км к югу от долины р. Кубани. Там охоты на бизонов имели место летом-осенью и зимой (Hoffecker et al. 1991), то есть, отсутствуют весенние и весенне-летние эпизоды, более характерные для зоны степей. Наличие степного бизона в высокогорных мустьерских пещерах того же региона (в Монашеской — преобладает; в Мезмайской, слой 2В-3 — 41%; в Баракаевской — 33% и др.) также говорит об их использовании в теплые месяцы и о том, что там, по крайней мере, какая-то часть бизонов могла не выходить летом на равнину, предпочитая кормиться на альпийских лугах (Голованова, Хоффекер 2000: 52—53).

Теперь рассмотрим сезонные миграции других копытных животных, которые были объектами охоты в зоне азово-причерноморских степей. О северном олене и возможности его появления в северной подзоне степей только в зимний период написано достаточно (см. Kellsal 1968; Баскин 1976: 87—93; Симченко 1976: 75, 78—81; Зализняк 1989: 117—129), и поэтому мы не будем на этом останавливаться.

На базе этого яркого сезонного показателя, для поселений с остатками северных оленей следует предполагать их использование именно в зимнее время. К ним могут быть отнесены: Анетовка I, горизонты III-в и II Осокоровки I, Кайстровая Балка II, горизонты III-а и II-а Ямбурга, Роголик II-а и Роголик XII. Исключением является Анетовка II, в которой бизон представлен 97,5% от общего количества костей и 82,4% от числа всех особей, а северный олень — 1,9% и 3,6% соответственно.

Однако в Анетовке II из 434 костей северного оленя 402 экз. (92,6%) были фрагментами рогов (Бибикова, Старкин 1989: табл. 1—2), большая часть которых была сброшена осенью самими оленями (Старкин 2000: 21). Этот факт не позволяет говорить о наличии массовой охоты обитателей поселения на этих животных в зимние месяцы. Говоря о других памятниках этой группы, подчеркнем, что на них (кроме Рогалика II-а и XII) есть свидетельства пушной охоты. Все они (кроме Анетовки II) располагались на низких террасах в долинах рек, в их каменном инвентаре значительно преобладает группа скребков (опять же, кроме Анетовки II), а группы резцов и микроинвентаря занимают, как правило, второе и третье места (табл. 2).

Поскольку наша интерпретация сезонных миграций диких лошадей была подвергнута критике со стороны А. Ф. Горелика, рассмотрим этот вопрос подробнее. Л. М. Баскин, исходя из этологии современных одомашненных лошадей Казахстана, куланов и лошадей Пржевальского, заключил, что главным фактором, определяющим их миграции, является поиск зимой пастбищ с как можно меньшим снежным покровом. Дело в том, что лошади, в отличие от бизонов, как правило, не питаются древесно-кустарниковым кормом и зимой вынуждены тебеневать, выбивая копытами травяной корм из-под снега. Ученый привел достаточно доказательств того, что лето лошади проводят на севере, а зиму на юге, что особенно хорошо прослежено в Казахстане. Как и для бизонов, можно говорить об особенностях их миграций в предгорных районах, так как на востоке региона лошади проводят лето в предгорьях и на нагорьях, а зимой возвращаются в степи. В таком случае путь миграций почти совпадает с направлением запад-восток. В Западном и Центральном Казахстане перекочевки на юг начинаются осенью, а зимой, по мере накопления снежного покрова, табуны продвигаются в степные и даже полупустынные районы, достигая крайней южной точки своей миграции за 3—5 больших перекочевок, останавливаясь на одном месте на 20—30 дней. Размеры таких временных пастбищ одного табуна относительно небольшие и не превышают 5—8 км в поперечнике (Баскин 1976: 42—46 и сл.).

Хотя у нас нет оснований не доверять точке зрения биолога, А. Ф. Горелик счел приведенные им факты недостаточными. Причина этому уже хорошо знакома, так как он без всяких сомнений принял модель преобладания охоты на бизонов в осенне-зимний пе-

риод на основании все тех же параллелей с сезонностью памятников Северных равнин, зная точно, что сезоны охоты на бизонов и на лошадей должны быть «альтернативными» (Горелик 2001: 281).

Сказанное вынуждает нас добавить к словам Л. М. Баскина дополнительные аргументы. Напомним, что на протяжении всего времени раннепричерноморского подгоризонта и в позднеледниковье климат в степях был холодным и сухим, а зимы малоснежными (Сапожников 2003б), что как раз способствовало зимовке в них диких лошадей. Кроме того, из зафиксированных нами 22 случаев присутствия костей лошади на памятниках степной зоны, в 7 они встречены вместе с костями северного оленя: в Мире, Анетовке I и II, горизонте II Осокоровки I, Кайстровой Балке II, Рогалике II-а и XII, причем на всех этих памятниках присутствует и бизон. Ясно, что для них следует говорить о зимнем сезоне, но, если следовать логике А. Ф. Горелика, эти памятники были обитаемы на протяжении круглого года. Только вместе с бизоном лошадь отмечена в 12—13 случаях: в Сагайдаке I, Мураловке (вместе с сайгаком), горизонте V-а и III-в Осокоровки I, Нововладимировке II, Кайстровой Балке I, Дубовой Балке, Каменных Балках, Рогалике VII и III-в. И для них, исходя из той же позиции, следует предполагать использование с весны до зимы. И, наконец, тогда только три стоянки, на которых представлены исключительно кости лошади (Вознесенка IV в. с., Говоруха и Рогалик III-а), могут быть интерпретированы как весенне-летние. Очевидно, что при таком подходе почти все памятники с фауной лошади становятся круглогодичными, что противоречит целому ряду учтенных нами показателей сезонности (табл. 2).

Если же мы будем опираться на данные биологии, в частности, на ту посылку, что табуны диких лошадей постепенно достигали зоны степей с осени и оставались в ней до весны, а также учтем, что стада антилопы сайги (присутствует в Мураловке и Анетовке II — табл. 1) проводили лето в лесостепях и на границе с ними, а в сентябре уходили в степную и полупустынную зоны (Баскин 1976: 127—128), то картина станет совершенно иной.

Во-первых, следует выделить памятники с фаунистическими остатками только лошади (Вознесенка IV, Говоруха), а также бизона и дикой лошади (Ямы, Нововладимировка II, Дмитриевка, Каменная Балка II), в инвентаре которых преобладает микроинвентарь и рез-

цы. Их можно определить как летне-осенние или весенне-осенние, так как на них не отмечена массовая выделка шкур.

Поселения, для которых характерен такой же состав фауны, но преобладают скребки (Мира, Сагайдак I, горизонт V-а Осокоровки I, Кайстровая Балка I, Дубовая Балка, Белолесье, Рогалики III-а, III-в и VII), можно охарактеризовать как осенне-зимние или зимне-весенние. В данную группу следует включить и все названные памятники с остатками северных оленей (без Анетовки II), а также Мураловку, зимний сезон которой дополнительно устанавливается по присутствию сайгака, горизонт IV-а и IV-б Осокоровки I, где отмечена пушная охота, и Рогалик II-В с преобладанием скребков и жилищем с углубленным полом (табл. 2). Что касается Анетовки II, то она использовалась для сезонной коллективной охоты на бизоньих неоднократно, но наличие костей северного оленя и дикой лошади говорит о том, что какая-то небольшая группа людей находилась на нем в осенний либо осенне-зимний период⁴.

Таким образом, в итоге выделенные нами сезонные группы памятников можно представить следующим образом.

I. *Весенне-летние поселения* с монобизоньей фауной или с преобладанием этого животного: Золотовка I, Большая Аккаржа, Амвросиевка, Анетовка II, Кайстровые Балки III и IV, оба слоя Федоровки (?), Миньевской Яр, Каменная Балка I.

II. *Летне-осенние (весенне-осенние) поселения* с фауной бизона, дикой лошади и преобладанием микроинвентаря и (или) резцов: Вознесенка IV, Говоруха, Ямы, Нововладимировка II, Дмитриевка, Каменная Балка II.

III. *Осенне-весенние поселения*. Среди них можно выделить явно зимние с фауной северного оленя: Анетовка I, горизонт III-в и II Осокоровки I, Кайстровая Балка II, горизонт III-а и II-а Ямбурга, Рогалик II-а и Рогалик XII. К этой группе относятся: Мира, Сагайдак I, Мураловка, горизонт V-а, IV-а и IV-б Осокоровки I, Кайстровая Балка I, Дубовая

Балка, Михайловка, Рогалики II-в, III-а, III-в и VII. Возможно, большая часть стоянок этой группы может быть, в свою очередь, разделена на *осенне-зимние* и *зимне-весенние*, но пока для этого нет достаточных оснований.

Подводя итоги анализу сезонности поселений степной ПХО, мы вынуждены отметить, что, к сожалению, публикации материалов далеко не всех памятников оказались репрезентативными. Кроме того, выяснилось, что не все сезонные показатели одинаково информативны. Так, наличие очагов и ХБК разных типов не коррелируется с определенными сезонами, хотя большая часть жилищ выявлена на зимних поселениях. Малопоказательным оказалось и присутствие съедобных моллюсков, что не позволяет согласиться с мнением о повышенной роли собирательства в степной ПХО. Показатель процентного содержания микроинвентаря «не сработал» для Миры, Золотовки I и Мураловки, что говорит о том, что микропещушки дюфур не использовались для оснащения охотничьего оружия. Примечательно, что преобладание микроинвентаря и резцов хорошо коррелируется с весенне-летним и летне-осенним сезонами, в то время как в комплексах кремневых орудий осенне-весенних поселений микроострия и пластинки с притупленным краем, чаще всего, занимают третье место или отсутствуют. Достаточно красноречивыми для всех сезонных групп оказались и геоморфологические показатели, хотя и не для всех памятников.

В целом следует подчеркнуть, что более корректным будет определение сезона каждого конкретного памятника отдельно, так как в табл. 2 не были и не могли быть учтены данные микростратиграфических исследований, сделанных на Каменных Балках I и II, планиграфо-стратиграфические наблюдения и палинологические заключения (отсутствие в слое пыльцы и спор рудеральных и антропохорных растений) по Большой Аккарже, результаты детального археозоологического изучения фаунистических материалов Амвросиевки, Каменных Балок, Большой Аккаржи, Анетовки II и др. (избирательность туш при разделке, соотношение самцов и самок и т.д.), а также данные трасологического анализа (Большая Аккаржа, Амвросиевка, Анетовка II и ряд Рогаликских стоянок). Вместе с тем, автор и не ставил перед собой такой задачи, ограничившись на этом этапе созданием общей схемы сезонности поселений, которая является надежной основой для реконструкции годового хозяйственного цикла населения степной ПХО в позднем палеолите.

⁴ В Анетовке II сайга представлена 5 таранными костями от 4 особей и не была промысловым животным. То же можно сказать о просверленном зубе бурого медведя (подвеска), единичных челюстях россомахи и барсука и фрагменте рога благородного оленя (Сапожников 1995: 160). Таким образом, осенне-зимняя охота могла вестись там на широкопалую лошадь (60 костей от 4 особей), северного оленя (рога 2-х животных с остатками черепов) и, возможно, песца (10 костей от 4 особей) и волка (3 кости от 1 особи) (Бибикова, Старкин 1985; 1989: табл. 2).

На основании анализа таблиц подчеркнем еще один момент. Все без исключения учтенные нами памятники являются базовыми поселениями, правда, с оговоркой, что одни из них можно определить как односезонные, а другие как неоднократные. Мы не знаем ни одной стоянки в зоне степей, которую, хотя бы с небольшой долей вероятности, можно было бы определить как охотничий лагерь, то есть стоянку охотничьей группы без женщин, стариков и детей. Безусловно, это отнюдь не означает, что таковые вообще не существовали, но, во всяком случае, пока они не исследованы.

Главным выводом, который можно сделать на основании той же таблицы и других приведенных выше материалов, следует считать следующий. Охота на бизонов в степной ПХО велась на протяжении круглого года, но пока только для весенне-летних сезонов можно говорить о наличии коллективных загонных охот. В другие сезоны такие охоты пока не зафиксированы. Добыча диких лошадей велась главным образом в осенне-зимние сезоны, причем свидетельства более или менее массовых охот на этих животных (Мира, Каменная Балка II) связаны с осенью. Охота на северных оленей и, возможно, сайгаков была приурочена к зимнему периоду. В целом же можно утверждать, что поздней осенью и зимой специализация охоты не была выраженной, так как в фаунистических комплексах именно этого периода отмечено наибольшее видовое разнообразие животных. По-видимому, именно в это время года более или менее крупные общины распались на мелкие коллективы, хотя основной социально-экономической ячейкой круглогодично оставались отдельные семьи.

3. Этнографические параллели степной природно-хозяйственной области

Прежде чем приступить к поиску этнографических параллелей обществу степных охотников, подчеркнем, что Г.Е. Краснокутский уже использовал для сравнения с позднепалеолитическими материалами не одну, а две модели, основанные на материалах из Северной Америки — «этнографическую и палеоиндейскую». Чем они отличаются друг от друга, не было объяснено, но при этом он пришел к выводу, что преобладающим сезоном загонных охот на бизонов в азово-причерноморских степях были осень и зима (Краснокутский 1992: 15—16, 17—18; ср.: Krasnokutsky 1996: 159—167). Мы приве-

ли достаточно аргументов тому, что данный вывод противоречит большинству материалов и интерпретации Амвросиевки. Тем не менее, здесь мы попытаемся показать, что это заключение Г.Е. Краснокутского, а следовательно, и весь реконструированный им годовой хозяйственный цикл, не находит прямых и корректных аналогий и в самой Северной Америке.

Для начала подчеркнем, что никакой единой модели (и этнографической, и палеоиндейской, и даже вместе взятых), основанной лишь на одном признаке — охоте на бизонов, не может быть уже хотя бы потому, что так называемые Великие равнины не представляют собой сейчас и не представляли в прошлом единой ПХО и (или) ИКО. Их протяженность с севера на юг достигает более 3000 тыс. км при средней ширине 900—1000 км. Даже среди американских ученых нет общепризнанной схемы подразделения этого огромного пространства, но по В.З. Веделу, в нем выделяются такие регионы: Южные равнины (штаты Оклахома, Техас и восточная часть Нью-Мексико), Центральные равнины (Канзас, Небраска и Колорадо) и Северные равнины (Вайоминг, Монтана, Северная и Южная Дакота, а также южные части канадских провинций Саскачеван и Альберта) (Wedel 1941: 3—7; 1964: 193—222; см. также: Стефенсон 1969: 310, карты).

Наши выводы лучше всего корреспондируются с этнографическими материалами, описывающими индейцев Южных и отчасти Центральных равнин. В XVIII—XIX вв. на этой территории обитали различные племена языковых групп сиу и алгонкинов. Как указала Ю.П. Аверкиева, их хозяйственный год четко подразделялся на два основных периода — сезон больших летних охот на бизонов, когда все племя собиралось вместе, и сезон зимних охот, когда количество бизонов в прериях было незначительным. Зимой там практиковались в основном индивидуальные способы охоты, и для нас важно, что их использование летом было категорически запрещено, чтобы не сорвать коллективные загоны бизонов. Заметим, что разделка туш убитых животных была мужским, а обработка их шкур — женским делом. Мясо употреблялось индейцами во всех видах, но пеммикан (вяленое перетертое мясо с добавкой костного мозга и других консервантов) заготавливали впрок в основном летом (Аверкиева 1959: 243—249; 1974: 257—262). О том же сообщил С.К. Оливер: «индейские племена были сосредоточены зимой и сконцентрированы летом», но лишь в определенных районах прерий, потому что летом «в большей части аре-

ала распространения бизонов этих животных не было» (Oliver 1963: 17). Эти данные дополнил Г.Е. Марков: в степях Северной Америки «главным охотничьим сезоном было лето. В этот период охоты проводились вместе всем племенем, которое создавало большой охотничий лагерь. Зимой условия для охоты были значительно менее благоприятными, большие стада бизонов исчезали, что вынуждало охотников действовать мелкими группами, и племенные охотничьи лагеря на это время распались» (Марков 1979: 173).

Мы могли бы привести еще не один десяток подобных примеров, но и этого достаточно, чтобы убедиться — разработанные нами сезонная типология памятников позднего палеолита степной зоны Восточной Европы и схема годового хозяйственного цикла их населения имеют полное право на существование. Заметим, что сказанным в этой статье проблемы хозяйства и образа жизни обитателей степной ПХО, безусловно, не исчерпываются, но теперь мы, наконец, имеем их схему, которая основана на археологических и археозоологических материалах и соотносится с корректными этнографическими данными.

Что касается точки зрения П.И. Борисковского о том, что Амвросиевское костыще являлось местом совершения обрядов охотничьей магии, то и ей удалось найти прямые аналогии как на севере, так и на юге Великих равнин. Там места коллективных охот на бизонов имели ритуальное назначение. Посреди загона (round) индейцы часто вкапывали специальный столб, под которым приносились жертвы «Великому Хозяину Жизни» и совершались другие обряды, предшествующие охоте. Удачная охота также завершалась специальными церемониями (Kehoe 1973: 174—187). Ю.П. Аверкиева подчеркнула, что в степях Южных прерий лето было не только сезоном общеплеменных охот, но и главным периодом обрядовой жизни индейцев (Аверкиева 1959: 259—261). Любопытная ситуация была прослежена и на археологических материалах. Так, на палеоиндейской стоянке Джонса-Миллера, расположенной в штате Колорадо на Средних равнинах и датированной около 10 ТЛ, найдены следы такого столба, а рядом — углубленный в землю круглый очаг, заполненный красной и желтой охрой, в котором находилось несколько предметов культового назначения (SIRR 1977: 3).

Таким образом, в истории развития позднепалеолитической степной природно-хозяйственной области в настоящее время можно выделить три основных периода: ран-

ний этап, о котором нам пока что известно очень мало, но в котором отмечена зимняя охота на диких лошадей (Мира), а охота на бизонов уже имела место (~32—22 ТЛ); основной этап, в котором охота на бизонов преобладала, но не была исключительной (от 22 до 13 ТЛ); и финальноплейстоценовый этап с преобладанием охоты на диких лошадей (13—10 ТЛ).

Мы вынуждены признать, что на протяжении всего основного периода не известно никаких выразительных фактов и явлений, которые можно было бы непосредственно связать с кризисом охотничьего хозяйства. Только во время третьего периода они, вероятно, уже имели (или могли иметь) место. При этом следует иметь в виду, что изменения в составе фауны степных копытных животных в начале среднего и финального палеолита были обусловлены не только и не столько антропогенными, сколько природными факторами, а точнее — климатическими изменениями в конце позднего плейстоцена.

Заметим также, что наиболее выразительные свидетельства специализированной сезонной загонной охоты на бизонов относятся к основному этапу развития степной ПХО, причем как раз к наиболее холодному его периоду — времени максимума последнего оледенения (Амвросиевка, Большая Аккаржа и Анетовка II). Это говорит не только о том, что тогда палеолитическое население успешно обитало в азово-причерноморских степях и его плотность была достаточно высокой, но и о значительном уровне развития хозяйства и культуры общества степных охотников, способного успешно выживать в очень холодных, даже суровых климатических условиях перигляциальных степей.

Вместо послесловия

Эта статья была подготовлена по просьбе М.В. Аниковича, которого всегда живо и глубоко интересовали проблемы степной зоны или ПХО. В частности, в отзыве на мою докторскую диссертацию, присланном им в Киев в январе 2006 г. (сам он тогда заболел и не смог приехать, хотя был официальным оппонентом), он так сформулировал свои взгляды:

«Выделенную П.И. Борисковским “степную зону”, как особый археологический и культурно-исторический феномен, пытались “похоронить” едва ли не с самого ее рождения (Гвоздовер 1964; 1967; Григорьева 1968). “Похоронная церемония” время от времени возобновляется и теперь. Однако “за-

крыть” ее никак не удастся, а число сторонников этой идеи не уменьшается. Причем вот что любопытно: если последние (а в число их входил и такой “вечный оппонент” П. И. Борисковского, как А. Н. Рогачев!) не просто повторяют, а развивают идеи Павла Иосифовича, то контраргументация неизменно сводится к повторению старых положений, высказанных в 1960-х гг.

Важнейшим аргументом всех противников Степной зоны представляется следующее: памятники на этих территориях различны в культурном отношении, и, следовательно, не могут рассматриваться, как единое целое. Однако, утверждая это, оппоненты игнорируют один из общенаучных методологических принципов, а именно: явления, различные в одном отношении, могут рассматриваться, как сходные, в другом. Всё зависит от “угла зрения” исследователя. Так, например, для А. Н. Рогачёва верхний палеолит Костенковско-Борщевского района являлся специфичным по отношению к палеолиту Приднестровья. Но и тот, и другой становились единым целым (в совокупности с другими памятниками Восточной Европы) — по отношению к двум другим основным районам развития верхнепалеолитической культуры европейской приледниковой области: средневропейскому и западноевропейскому. Культурная специфика низ-

кого уровня “снималась” на более высоком уровне».

А. Н. Рогачев, а впоследствии и автор этой статьи, пытались уточнить и углубить изначальные представления о степной зоне — преимущественно, в археологическом (историко-культурном) отношении. По нашему мнению, это одна из трех историко-культурных областей, сформировавшихся на территории Восточной Европы во время поздневалдайского похолодания. Развивая эту идею, мы посчитали возможным представить степную зону не только как археологический феномен, но (что особенно важно!) как природно-хозяйственную общность. Достаточно подробные характеристики её основаны опять-таки на комплексных данных, включая археологические, палеозоологические, палинологические и этнографические...

Мы рассчитывали опубликовать эту статью в очередном томе Трудов Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН, редактором которых являлся Михаил Васильевич Аникович. Однако получилось так, что ей суждено увидеть свет в другом издании и уже с мемориальным посвящением этому выдающемуся исследователю палеолита, который умер на своем боевом посту в Костенках 13 августа 2012 года. Думается, что и в этом есть какой-то скрытый глубинный смысл...

Литература

- Абрамова З. А. 2001—2002. Роль бизона в мировоззрении палеолитического человека Европы. *Stratum plus* (1), 171—195.
- Аверкиева Ю. П. 1959. Индейские племена североамериканских степей и плато. В: Ефимов А. В., Токарев С. А. (отв. ред.). *Народы Америки*. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР, 243—265.
- Аверкиева Ю. П. 1974. *Индейцы Северной Америки: от родового общества к классовому*. Москва: Наука.
- Алексеев В. П. 1984. *Становление человечества*. Москва: Политиздат.
- Андрианов Б. В. 1981. К методологии исторического исследования взаимодействия древних человеческих обществ и природы. В: Ким М. П. (отв. ред.). *Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия*. Москва: Наука, 250—261.
- Андрианов Б. В. 1985. *Неоседлое население мира: историко-этнографическое исследование*. Москва: Наука.
- Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. 1972. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования. *СЭ* (2), 3—16.
- Аникович М. В. 1992. Южная и Юго-Западная историко-культурные области Восточной Европы в позднепалеолите. *КСИА* 206, 34—42.
- Аникович М. В. 1998. Днепро-донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «точного граветта» к «восточному эпиграветту». В: Амирханов Х. А. (отв. ред.). *Восточный граветт*. Москва: Научный мир, 35—66.
- Аникович М. В. 2001. «Степная зона» — одна из трех ИКО верхнего палеолита Восточной Европы. В: Григорьева Г. В. (отв. ред.). *Каменный век Старого Света: к 90-летию П. И. Борисковского*. Тезисы докладов всероссийской конференции. Санкт-Петербург: Академ-Принт, 10—12.
- Балакин С. А. 1985. Концепция хозяйственно-культурного типа: современное состояние и перспективы применения в археологическом исследовании. В: Генинг В. Ф. (отв. ред.). *Археология и методы исторической реконструкции*. Киев: Наукова думка, 91—106.
- Баскин Л. М. 1976. *Поведение копытных животных*. Москва: Наука.
- Баскин Л. М. 1979. Экология и поведение зубра. В: Соколов В. Е. (отв. ред.). *Зубр*. Москва: Наука, 442—470.
- Бейклесс Дж. 1969. *Америка глазами первооткрывателей*. Москва: Прогресс.
- Беляева В. И. 2002. Сезонность та довготривалість. *Археологія* (1), 31—37.
- Бибикова В. И. 1950. О некоторых биологических особенностях первобытного зубра. *БМОИП, Отд. биол.* LV (5), 35—43.
- Бибикова В. И., Старкин А. В. 1985. Остатки сайгака позднелепестового возраста из раскопок

- стоянки Анетовка II (Украина). *Вестник зоологии* 5, 47—51.
- Бибикова В.И., Старкин А.В. 1989. Характеристика остеологического материала из раскопок позднелепалеолитического поселения Анетовка II. В: Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. *Позднелепалеолитическое поселение Анетовка II*. Киев: Наукова думка, 127—131.
- Борисковский П.И. 1940. *Людина кам'яного віку на Україні*. Київ: Вид-во АН УРСР.
- Борисковский П.И. 1951. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест. *КСИИМК XXXVII*, 9—22.
- Борисковский П.И. 1953. *Палеолит Украины: историко-археологические очерки*. МИА 40.
- Борисковский П.И. 1964. *Проблема развития позднелепалеолитической культуры степной области*. Москва: Наука.
- Борисковский П.И. 1984. Введение. Краткая история изучения палеолита. Обзор источников. В: Борисковский П.И. (отв. ред.). *Палеолит СССР*. Археология СССР. Москва: Наука, 9—16.
- Борисковский П.И. 1984а. Заключение. Проблемы палеолитических культур, хозяйства и социального строя. В: Борисковский П.И. (отв. ред.). *Палеолит СССР*. Археология СССР. Москва: Наука, 348—355.
- Борисковский П.И. 1989. Критерии выделения позднелепалеолитических историко-культурных областей: на примере степной зоны. В: Массон В.М., Праслов Н.Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 24—27.
- Борисковский П.И., Праслов Н.Д. 1964. *Палеолит бассейна Днепра и Приазовья*. САИ А1—5.
- Бромлей Ю.В. 1973. *Этнос и этнография*. Москва: Наука.
- Бромлей Ю.В. 1981. *Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории*. Москва: Наука.
- Васильев С.А. 1985. Проблемы реконструкций позднелепалеолитических обществ и этноархеологические исследования. В: Васильевский Р.С., Холушкин Ю.П. (отв. ред.). *Проблемы реконструкций в археологии*. Новосибирск: Наука, 48—54.
- Векилова Е.А. 1957. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. *МИА* 59, 235—323.
- Верещагин Н.К. 1971. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых животных. *ТЗИН XLIX*, 200—232.
- Гаврилов К.Н. 1997. Рец. на кн.: From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations. Eds. O. Soffer & N.D. Praslov. New York: Plenum Press, 1993. *РА* (4), 200—207.
- Гвоздовер М.Д. 1964. Позднелепалеолитические памятники Нижнего Дона. В: Борисковский П.И., Праслов Н.Д. *Палеолит бассейна Днепра и Приазовья*. САИ А1—5, 37—41.
- Гвоздовер М.Д. 1967. О культурной принадлежности позднелепалеолитических памятников Нижнего Дона. *ВА* 27, 82—101.
- Гладилин В.Н. 1974. Роль народонаселения в процессе взаимодействия природы и общества в каменном веке. В: Герасимов И.П., Величко А.А. (ред.). *Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене*. Москва: ИГ АН СССР, 71—78.
- Гладких М.И. 1975. Прикарпатская зона хозяйственно-культурного типа охотников и собирателей позднего палеолита. В: *Новые открытия советских археологов*. Тезисы докладов конференции. Ч. I. Киев, 56—57.
- Гладких М.И. 1977. К вопросу о разграничении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических общностей позднего палеолита. В: Бадер О.Н., Иванова И.К. (ред.). *Палеоэкология древнего человека*. Москва: Наука, 112—116.
- Гладких М.И., Станко В.Н. 1997. Эпоха пізнього палеоліту. В: Станко В.Н. (відп. ред.). *Давня історія України*. Т. I. Київ: Наукова думка, 51—113.
- Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф. 2000. Микок на Северном Кавказе. *АА* 9, 52—53.
- Горелик А.Ф. 2001. *Памятники Роголикско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины*. Киев; Луганск: Луганский институт внутренних дел.
- Городцов В.А. 1923. *Археология*. Т. I. *Каменный период*. Москва; Ленинград: Гос. изд-во.
- Григорьева Г.В. 1968. *Позднелепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Громов В.И. 1935. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита Восточной Европы и Сибири. *ИГАИМК* 118, 83—270.
- Громов В.И. 1948. *Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР*. Москва: Изд-во АН СССР.
- Дворянинов С.А., Сапожников И.В. 1975. О возможной интерпретации двух типов геоморфологического расположения стоянок позднего палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. В: Карышковский П.О. (отв. ред.). *150 лет Одесскому археологическому музею*. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев: Наукова думка, 16—18.
- Демиденко Ю.Э. 2001. Сюрень-I (Крым) и степная зона верхнего палеолита юга Восточной Европы. В: Григорьева Г.В. (отв. ред.). *Каменный век Старого Света: к 90-летию П.И. Борисковского*. Тезисы докладов всероссийской конференции. Санкт-Петербург: Академ-Принт, 39—41.
- Демиденко Ю.Э., Нужный Д.Ю. 2003—2004. Проблемы верхнего палеолита Северного Причерноморья и книга И.В. Сапожникова «Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины». *Stratum plus* (1), 507—523.
- Долуханов П.М. 1984. *Развитие природной среды и хозяйства первобытного населения Восточной Европы и Передней Азии в позднем плейстоцене и голоцене*. Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Москва.
- Долуханов П.М. 1989. Граница плейстоцен-голоцен: природные процессы и социальная адаптация. В: Массон В.М., Праслов Н.Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 18—20.
- Долуханов П.М. 2000. *Истоки этноса*. Санкт-Петербург: Европейский дом.
- Долуханов П.М., Пашкевич Г.А. 1977. Палеогеографические рубежи верхнего плейстоцена — голоцена и развитие хозяйственных типов на юго-

- востоке Европы. В: Иванова И. К., Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Палеоэкология древнего человека*. Москва: Наука, 134—145.
- Євсєєв В. М. 1947. Палеолітична стоянка Амвросіївка: попередній звіт про розкопки 1935 р. *Палеоліт і неоліт України I (V)*, 265—281.
- Ефименко П. П. 1933. Капсийцы — охотники и собиратели. *ИГАИМК* 100, 83—99.
- Ефименко П. П. 1938. *Первобытное общество: очерки по истории палеолитического времени*. 2-е изд. Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во.
- Ефименко П. П. 1953. *Первобытное общество: очерки по истории палеолитического времени*. 3-е изд. Киев: Изд-во АН УССР.
- Ефименко П. П. 1960. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья: к происхождению мадленской культуры Восточной Европы. *СА* (4), 14—25.
- Зализняк Л. Л. 1984. *Мезолит Юго-Восточного Полесья*. Киев: Наукова думка.
- Зализняк Л. Л. 1988. Мисливці прильодовикової Європи в кінці палеоліту — на початку мезоліту. *Археологія* 64, 11—21.
- Зализняк Л. Л. 1989. Закономірності в розміщенні стоянок кам'яного віку. *Археологія* (2), 11—20.
- Зализняк Л. Л. 1989а. *Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита*. Киев: Наукова думка.
- Зализняк Л. Л. 1996. Палеоекономічна реконструкція суспільства степових мисливців. *Археологія* (3), 29—39.
- Зализняк Л. 1998. *Передісторія України X—V тис. до н. е.* Київ: Бібліотека українця.
- Замятнин С. Н. 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. *ТИЭ XVI*, 89—152.
- Замятнин С. Н. 1960. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. *ТИЭ* 54, 80—108.
- Зубарева В. И. 1948. *Опыт реконструкции ископаемого стада зубров*. Дисс. ... канд. биол. наук. Киев.
- Кабо В. Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. Москва: Наука.
- Кларк Дж. Г. Д. 1953. *Доисторическая Европа: экономический очерк*. Москва: Изд. иностр. лит-ры.
- Колосов Ю. Г. 1964. Некоторые позднелпалеолитические стоянки порожиистой части Днепра: Осокоровка, Дубовая Балка, Ячбург. В: Борисковский П. И., Праслов Н. Д. *Палеолит бассейна Днепра и Приазовья*. САИ А1—5, 43—49.
- Колпаков и др. 1990: Колпаков Е. М., Бочкарев В. С., Васкул И. О., Вишняцкий Л. Б., Власова Е. В., Ковалёв А. А., Чеснокова Н. Н., Шаров О. В. 1990. *Классификация в археологии: терминологический словарь-справочник*. Москва.
- Корнієць Н. Л. 1962. Про причини вимирання мамонта на території України. В: Підоплічко І. Г. (відп. ред.). *Викопні фауни України і суміжних територій*. Київ: Вид-во АН УРСР, 99—169.
- Коробкова Г. Ф. 1989. Предпосылки сложения производящего хозяйства в Северо-Западном Причерноморье. В: Березанская С. С. (отв. ред.). *Первобытная археология: материалы и исследования*. Киев: Наукова думка, 63—76.
- Коробкова Г. Ф. 1989а. Технология и функции орудий труда в условиях региональной адаптации: на примере верхнего палеолита-мезолита Северо-Западного Причерноморья. В: Массон В. М., Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 48—52.
- Коробкова Г. Ф. 1998. Функциональная типология и хозяйственные системы. В: Княшко В. Я., Ларенок В. А., Потапов В. В. (отв. ред.). *Проблемы археологии Юго-Восточной Европы*. Тезисы докладов VII-й Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону, 18—20.
- Коробкова и др. 1982: Коробкова Г. Ф., Смольянинова С. П., Кизь Г. В. 1982. Позднелпалеолитическая стоянка Срединный Горб. В: Дзис-Райко Г. А. (отв. ред.). *Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 5—18.
- Краснокутский Г. Е. 1992. *Охотничий промысел бизонов в позднем палеолите Северо-Западного Причерноморья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Кротова А. А. 1985. *Поздний палеолит Северского Донца и Приазовья*. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Киев.
- Кротова А. А. 1986. Культурно-хронологическое членение позднелпалеолитических памятников Юго-Востока Украины. В: Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А. *Памятники каменного века Левобережной Украины: хронология и периодизация*. Киев: Наукова думка, 6—73.
- Кротова А. А. 1986а. К вопросу об интерпретации Амвросиевского костяка. В: Дегерменджи С. М., Колесник А. В., Дубовская О. Р. (отв. за вып.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тезисы докладов семинара. Донецк, 14—15.
- Кротова О. О. 1988. Про господарську діяльність пізньопалеолітичного населення степової зони Східної Європи. *Археологія* 64, 1—11.
- Кротова А. А. 1992. Структура позднелпалеолитических памятников бассейна Северского Донца. *КСИА* 206, 68—72.
- Кротова О. О. 1994. Виробництво та суспільні відносини населення Північного Причорномор'я в добу пізнього палеоліту. *Археологія* (1), 19—31.
- Кротова А. А. 1994а. Позднелпалеолитические охотники на бизонов Северного Причерноморья. *АА* 3, 151—160.
- Кротова О. О. 2002. Господарсько-побутовий комплекс та проблеми вивчення структури пізньопалеолітичних пам'яток. *Археологія* (1), 24—31.
- Кротова О. О. 2003. Визначення сезону використання амвросіївського кістковища бізонів. *КДУ* 2, 75—81.
- Левин М. Г., Чебоксаров М. М. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: к постановке вопроса. *СЭ* (4), 3—17.
- Левковская Г. М. 1974. Палинологические данные к палеогеографии и хронологии культур каменного века на территории Европейской части СССР, Сибири и сопредельных территорий. В: Герасимов И. П., Величко А. А. (ред.). *Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене*. Москва: ИГ АН СССР, 204—210.
- Леонова Н. Б. 1985. Планиграфическое исследование свидетельств утилизации охотничьей добычи на материалах верхнелпалеолитической стоянки Каменная Балка II. *КСИА* 181, 12—17.
- Леонова Н. Б. 1989. Возможности выделения критериев длительности обитания на верхнелпалеолитических стоянках. В: Массон В. М., Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации*

- в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 32—34.
- Леонова Н. Б. 1990. Амвросиевка. В: Брей У., Трамп Д. *Археологический словарь*. Москва: Прогресс, 12.
- Леонова Н. Б. 1993. Длительность обитания на позднепалеолитических стоянках. В: Леонова Н. Б., Несмеянов С. А. (ред.). *Проблемы палеоэкологии древних обществ*. Москва: Изд-во РОУ, 74—97.
- Леонова Н. Б. 1996. Палеоэкология и характер природопользования на верхнепалеолитических стоянках района дельты Дона. *АА* 5, 169—174.
- Леонова Н. Б. 1999. Каменная Балка — уникальный археологический район в дельте Дона. *ДА* 3—4, 82—92.
- Леонова Н. Б. 2000. Методы диагностики характера хозяйственной деятельности на памятниках верхнего палеолита. *АА* 9, 137—144.
- Леонова Н. Б. 2002. Динамика изменений природного окружения и структур верхнепалеолитических памятников в Приазовье В: Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур*. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург: Академ-Принт, 50—57.
- Леонова и др. 2006: Леонова Н. Б., Несмеянов С. А., Виноградова Е. А., Войкеова О. А., Гвоздовер М. Д., Миньков Е. В., Спиридонова Е. А., Сычова С. А. 2006. *Палеоэкология равнинного палеолита: на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Причерноморье*. Москва: Научный мир.
- Леонова Н. Б., Миньков Е. В. 1987. К вопросу об интерпретации Амвросиевского костяка — уникального памятника позднего палеолита Приазовья. В: Тургиев Т. Б. (отв. ред.). *Проблемы интерпретации археологических источников*. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 34—50.
- Марков Г. Е. 1979. *История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе*. Москва: Изд-во МГУ.
- Марков Г. Е. 1979а. Проблемы сравнительной археологической и этнографической типологии культуры. В: Бромлей Ю. В. (отв. ред.). *Проблемы типологии в этнографии*. Москва: Наука, 147—157.
- Массон В. М. 1976. *Экономика и социальный строй древних обществ*. Ленинград: Наука.
- Массон В. М. 1989. *Первые цивилизации*. Москва: Наука.
- Массон В. М. 1996. *Палеолитическое общество Восточной Европы: вопросы палеоэкономики, культурогенеза и социогенеза*. Санкт-Петербург: Госкомстат.
- Медяник С. И., Сапожников И. В. 2003—2004. Природная среда обитания древнего человека на юго-западе Восточной Европы в позднем палеолите: по данным палинологии стоянки Большая Аккаржа и опорных разрезов. *Stratum plus* (1), 454—566.
- Миньков Е. В. 1990. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка I и II. *КСИА* 202, 17—20.
- Миньков Е. В. 1991. *Охотничье хозяйство населения Северного Причерноморья в эпоху позднего палеолита: опыт реконструкции*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Миньков Е. В. 1993. Система природопользования в позднем палеолите: метод и достоверность реконструкций (по материалам степной зоны). В: Леонова Н. Б., Соффер О. А., Несмеянов С. А. (ред.). *Проблемы палеоэкологии древних обществ*. Москва: Изд-во. Рос. отк. ун-та, 19—59.
- Нужный Д. Ю. 1997. Проблема сезонной адаптации финальнопалеолитических мисливців на мамонтів Середнього Подніпров'я і нові епіграфетські пам'ятки у басейні Трубежу. *Археологія* (2), 3—23.
- Оленковский Н. П. 1989. *Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Оленковский Н. П. 1991. *Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра*. Херсон: Ред.-изд. отд. Управл. по печати.
- Оленковский Н. П. 1995. До палеоекономічних досліджень пізнього палеоліту Північного Причорномор'я. *АА* 4, 93—96.
- Оленковский М. П. 2000. *Палеолит та мезолит Присувашия. Проблеми епіграфету України*. Херсон: Придніпров'я.
- Підопличко І. Г. 1938. *Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР 1*. Київ: Вид-во АН УРСР.
- Підопличко І. Г. 1948. Амвросієвське знаходище. В: Рудинська Є. V Наукова конференція Інституту археології АН УРСР. *Археологія* II, 215—216.
- Підопличко І. Г. 1953. Амвросієвська палеолітична стоянка і її особливості. *КСИА АН УРСР* 2, 65—68.
- Підопличко І. Г. 1956. *Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР 2*. Київ: Вид-во АН УРСР.
- Підопличко І. Г. 1969. *Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине*. Киев: Научкова думка.
- Праслов Н. Д. 1989. Отражение культурной адаптации к природной среде в материалах позднего палеолита Русской равнины. В: Массон В. М., Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 7—9.
- Праслов Н. Д., Филиппов А. К. 1967. Первая находка палеолитического искусства в южно-русских степях. *КСИА* 111, 24—30.
- Праслов Н. Д., Щелинский В. Е. 1996. *Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону: археологическое исследование структуры жилого пространства*. Санкт-Петербург: Tourussell.
- Рудинський М. 1931. Деякі підсумки та ближчі завдання палетнологічних вивчень у межах УСРР: палеоліт, епіпалеоліт, ранній неоліт. *Антропологія* IV, 145—184.
- Румянцев А. М. 1985. *Возникновение и развитие первобытного способа производства: первобытное воспроизводящее хозяйство*. Москва: Наука.
- Сапожников И. В. 1987. *Поздний палеолит степей Нижнего Приднестровья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Сапожников И. В. 1989. Еще раз об интерпретации Амвросиевского костяка. В: Дегерменджи С. М., Колесник А. В., Дубовская О. Р. (отв. ред.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тезисы докладов семинара. Донецк, 72—73.
- Сапожников И. В. 1989а. Степная модель адаптации и фактор культурной конвергенции. В: Массон В. М., Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*.

- Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 30—31.
- Сапожников И.В. 1992. Хозяйственная специфика степной историко-культурной области. *КСИА* 206, 43—48.
- Сапожников И.В. 1995. Причерноморские степи в позднем палеолите: природно-хозяйственная и культурная специфика. В: Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. *Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите*. Одесса; Санкт-Петербург: Гермес, 149—176.
- Сапожников И.В. 2003. *Большая Аккаржа: хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины*. Киев: Шлях.
- Сапожников И.В. 2003а. Степова область Східної Європи в пізньому палеоліті: сезонність пам'яток та річний господарський цикл. *КДУ* 2, 87—107.
- Сапожников И.В. 2003б. Природная обстановка на западе степной зоны Восточной Европы в палеолите. *АА* 13, 199—217.
- Сапожников И.В. 2004. Многослойная стоянка Михайловка (Белолесье): проблемы стратиграфии и датировки. *ССПК* XI, 299—316.
- Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 1990. Функциональное назначение памятников каменного века и характер кремневого инвентаря: по материалам позднепалеолитических стоянок степной зоны Европейской части СССР. В: Деревянко А.П. (отв. ред.). *Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки*. Доклады международного семинара. Новосибирск: Наука, 269—272.
- Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 2001. Співвідношення природно-господарських областей та господарсько-культурних типів: на прикладі пізнього палеоліту степової зони. *ВА* 3—4, 22—30.
- Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 2002. Пізньопалеолітичні господарсько-побутові комплекси та житла Степової України. *КДУ* 1, 82—95.
- Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 2011. Каменный век Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus* (1), 15—149.
- Сапожников И.В., Секерська О.П. 2001. Археозоологія поселення Велика Аккаржа: матеріали до реконструкції господарсько-культурного типу пізньопалеолітичних степових мисливців. *Археологія* (2), 103—110.
- Сапожникова Г.В. 1986. *Взаимоотношение культур и хозяйственных комплексов финального палеолита и мезолита Южного Побужья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Сапожникова Г.В. 2005. Амвросиевское костыще и его назначение: по трасологическим исследованиям каменных орудий. В: Аникович М.В. (отв. ред.). *Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий*. Санкт-Петербург: Академ-Принт, 234—239.
- Сапожникова Г.В. 2007. Елементи відтворюючого господарства в пізньому палеоліті і мезоліті Східної Європи. *КДУ* 10, 126—130.
- Сапожникова и др. 1995: Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. 1995. *Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите*. Одесса; Санкт-Петербург: Гермес.
- Свод... 1986: Бромлей Ю.В., Штробах Г. (отв. ред.). 1986. *Свод этнографических понятий и терминов*. Вып. 1. *Социально-экономические отношения и соционормативная культура*. Москва: Наука.
- Секерська О.П. 1999. Фауністичний комплекс пізнього палеоліту нижнього Дніпра та Присивашся. В: Оленковський М.П. (від. ред.). *Археологічна збірка Херсонської інспекції охорони пам'яток*. Херсон: Придніпров'я, 44—47.
- Секерская Е.П. 2003. Фаунистический комплекс поселения Большая Аккаржа: по материалам раскопок 1988—1993 годов. В: Сапожников И.В. *Большая Аккаржа: хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины*. Киев: Шлях, 286—288.
- Семенов Ю.И. 1973. О материнском роде и оседлости в позднем палеолите. *СЭ* (4), 52—65.
- Сергин В.Я. 1992. О сезонах обитания на палеолитических поселениях. *КСИА* 206, 48—52.
- Симченко Ю.Б. 1976. *Культура охотников на оленей Северной Евразии: этнографическая реконструкция*. Москва: Наука.
- Смирнов С.В. 1977. Позднепалеолитические памятники Надпорожья и их место среди памятников степной полосы Европейской части СССР. В: Праслов Н.Д. (отв. ред.). *Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы*. Ленинград: Наука, 149—157.
- Смольянинова С.П. 1989. Карта памятников каменного века Степного Побужья. В: Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. *Позднепалеолитическое поселение Анетовка II*. Киев: Наукова думка, 113—126.
- Смольянинова С.П. 1990. *Палеолит и мезолит степного Побужья*. Киев: Наукова думка.
- Смыньгина Е.В. 2000. Палеоэкологическое районирование степной Украины в эпоху раннего мезолита. *Stratum plus* (1), 463—476.
- Сминтина О.В. 2001. *Зональність ранньопервісних культур: дослідження, факти, теорії*. Одесса: Астропринт.
- Соффер О.А. 1993. Экономика верхнего палеолита: продолжительность заселения стоянок на Русской равнине. *РА* (3), 5—17.
- Станко В.Н. 1989. Палеоэкологическая обстановка в позднем палеолите Северного Причерноморья. В: Массон В.М., Праслов Н.Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 27—29.
- Станко В.Н. 1990. Некоторые аспекты изучения экономики населения степного Причерноморья в позднем палеолите. В: Оленковский Н.П. (отв. ред.). *Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья*. Тезисы докладов конференции. Ч. I. Херсон, 11—13.
- Станко В.Н. 1992. Палеоэкологическая ситуация в мезолите Северного Причерноморья. *Studia prae-historica* 11—12, 8—27.
- Станко В.Н. 1996. Охотники на бизона в позднем палеолите Украины. *АА* 5, 129—138.
- Станко В.Н. 1997. Промысел бизонов в палеолите Северного Причерноморья. *ЗІФ* 5, 3—10.
- Станко В.Н. 1999. Анетовка II — позднепалеолитическое поселение и святилище охотников на бизонов в Северном Причерноморье. *Stratum plus* (1), 322—325.
- Старкин А.В. 2000. Морфологические особенности представителей мамонтовой фауны в позднепалеолитических териосообществах. В: Станко В.Н. (отв. ред.). *Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження*. Одес-

- са: Астропринт, 21—38.
- Степанов В.П. 1973. Природная среда и зональность первобытного хозяйства в эпоху верхнего палеолита на территории СССР. В: *Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене*. Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума. Москва, 34—37.
- Степанов В.П. 1976. Природная среда и зональность первобытного хозяйства в эпоху верхнего палеолита на территории СССР. В: Марков К.К. (отв. ред.). *Проблемы общей физической географии и палеогеографии*. Москва: Изд. Московского ун-та, 300—322.
- Степанов В.П. 1982. Палеогеография и экология позднепалеолитических и мезолитических поселений в Восточной Европе. В: *XI конгресс ИНКВА*. Тезисы докладов II. Москва: ВИНТИ, 272—273.
- Степанчук и др. 2004: Степанчук В.М., Коен В.Ю., Герасименко Н.П., Дамблон Ф., Езартс П., Журавльов О.П., Ковалюх М.М., Петрунь В.Ф., Пліхт Й., Пучков П.В., Рековець Л.І., Тернер Х.Г. 2004. Багатошарова стоянка Міра на Середньому Дніпрі: основні результати розкопок 2000 року. *КДУ* 5, 62—98.
- Стефенсон Р. 1969. Заселение человеком Великих равнин в четвертичном периоде. В: Райт Г., Фрей Д. (ред.). *Четвертичный период в США II*. Москва: Мир, 308—326.
- Столяр А.Д. 1985. *Происхождение изобразительного искусства*. Москва: Искусство.
- Тодд Л.С. 1986. Исследование скопления остатков бизонов из раннеголоценовой стоянки Хорнер, парк Каунти, Вайоминг, США. В: Карташов И.П., Никифорова К.В. (отв. ред.). *Исследования четвертичного периода*. Москва: Наука, 168—176.
- Тунманн И. 1990. *Крымское ханство*. Симферополь: Таврия.
- Файнберг Л.А. 1986. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов. В: Бромлей Ю.В. (отв. ред.). *История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины*. Москва: Наука, 130—235.
- Фрайсон Д.С. 1986. Добыча бизонов и анализ каменных орудий на палеолитической стоянке Хорнер, парк Каунти, Вайоминг, США. В: Карташов И.П., Никифорова К.В. (отв. ред.). *Исследования четвертичного периода*. Москва: Наука, 176—183.
- Хазанов А.М. 1973. Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичности материнского рода. *СЭ* (1), 114—121.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. 1986. *Народы. Расы. Культуры*. Москва: Наука.
- Черниш О.П. 1953. *Володимирівська палеолітична стоянка*. Київ: Вид-во АН УРСР.
- Чеснов Я.В. 1982. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов. В: Бромлей Ю.В. (отв. ред.). *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. Москва: Наука, 109—123.
- Шмидт А.В. 1932. Типы родового общества по археологическим данным. В: Маторин Н.М. (ред.). *Первобытное общество*. Москва: Журнально-газетное объединение, 235—254.
- Шовкопляс И.Г. 1966. О локальных различиях в развитии культуры позднего палеолита. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР*. Москва: Наука, 41—43.
- Artur G.W. 1975. *An Introduction to the Ecology of Early Historic Communal Bison Hunting among the Northern Plains Indians*. Ottawa: National Museums of Canada.
- Boriskovsky P.I. 1993. Determining Upper Paleolithic Historicocultural Regions: a Case Study. In: Soffer O., Praslov N.D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 143—147.
- Dolukhanov P.M. 1993. The Pleistocene—Holocene Boundary: Environmental Processes and Social Adaptions. In: Soffer O., Praslov N.D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 189—197.
- Frison G.C. 1978. *Prehistoric Hunters of the High Plains*. New York; San Francisco; London: Academic Press.
- Frison G.C. 1982. Paleoindian Winter Subsistence Strategies on the High Plains. In: Ubelaker D., Viola H. (eds.). *Plains Indian studies: a collection of essays in honor of John C. Ewers and Waldo R. Wedel*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 193—201.
- Frison G.C. 1998. Paleoindian Large Mammal Hunters on the Plains of North America. *PNAS* 95, 14576—14583.
- Frison G.C., Stanford D.J. 1982. *The Agate Basin Site. A Record of the Paleoindian Occupation of the Northwestern High Plains*. New York: Academic Press.
- Garetson M.S. 1938. *The American Bison: The Story of its Extermination as a Wild Species and its Restoration Under Federal Protection*. New York: New York Zoological Society.
- Grigorieva G.V. 1999. Les chasseurs de bison au Paléolithique supérieur dans la zone steppique du nord de la mer Noire. In: Brugal J.-Ph., David Fr., Jaubert J. (eds.). *Le Bison: gibier et moyen de subsistance des hommes du paléolithique aux Paléindiens des Grandes Plaines: Actes du colloque international, Toulouse, 6—10 juin 1995*. Antibes: APDCA, 361—365.
- Grinnell G.B. 1904. The Bison. In: Whitney C., Grinnell G.B., Wister O. (authors). *Musk-Ox, Bison, Sheep and Goat*. New York: Macmillan Co, 138—142.
- Hoffecker et al. 1991: Hoffecker J.F., Baryshnikov G.F., Potapova O.R. 1991. Vertebrate Remains from the Mousterian Site Il'skaya I (Northern Caucasus, USSR): New Analysis and Interpretations. *JAS* 18, 113—147.
- Kehoe T.F. 1973. *The Gull Lake Site: A Prehistoric Bison Drive Site in Southwestern Saskatchewan*. Milwaukee: Milwaukee Public Museum.
- Kellsal J.P. 1968. *The Migratory Barren-ground Caribou of Canada*. Ottawa: Queen's Printer.
- Korobkova G.F. 1993. The Technology and Function of Tools in the Context of Regional Adaptations: A Case Study of the Upper Paleolithic and Mesolithic of the Northwestern Black Sea Region. In: Soffer O., Praslov N.D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 159—173.
- Krasnokutsky G. 1996. *Bison Hunting and Human Adaptation: A Case of Comparative Study of the Upper Palaeolithic of Southern Ukraine*. Odessa: Polis Press.
- Krotova A.A., Belan N.G. 1993. Amvrosievka: A Unique Upper Paleolithic Site in Eastern Europe. In: Soffer O., Praslov N.D. (ed.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 125—142.
- Leonova N.B. 1993. Criteria for Estimating the Duration of Occupation at Paleolithic sites: an example from Kamennaya Balka II. In: Soffer O., Praslov N.D.

- (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 149—157.
- Leonova N.B. 1994. The Upper Paleolithic of the Russian Steppe Zone. *JWP* 8 (2), 3—50.
- Leonova N.B. 2003. Dwellings in the Eastern Steppe Zone. In: Vasil'ev S.A., Soffer O., Kozłowski J.K. (eds.). *Perceived Landscapes and Built Environments: The Cultural Geography of Late Paleolithic Eurasia*. BAR 1122, 17—24.
- Leonova N.B., Min'kov E.V. 1988. Spatial Analysis of Faunal Remains from Kamennaya Balka II. *JAA* 7, 203—230.
- Medeanic S., Sapozhnikov I. 2006. Late Palaeolithic Bison Hunter Site Bolshaya Akkarzha in the Environment of the Southeastern Europe. *Eurasian Prehistory* 4 (1—2), 87—98.
- Monks G.G. 1981. Seasonality Studies. In: Schiffer M.B. (ed.). *Advances in Archaeological Method and Theory* 4. New York: Academic Press, 3—9.
- Müller-Wille W. 1954. Arten der menschlichen Siedlung. Versuche einer Begriffsbestimmung und Klassifikation. *Abhandlungen der Akademie für Raumforschung* 28, 141—163.
- Oliver S.C. 1963. *Ecology and Cultural Continuity as Contributing Factors in the Social Organizations of the Plains Indians*. University of California Publications in American Archaeology and Ethnography 48.
- Roe F.G. 1970. *The North American Buffalo: A Critical Study of the Species*. Toronto: University of Toronto Press.
- Sapozhnikov I.V. 1989. The Steppes in the Late Paleolithic: Steppe Model of Adaptation and the Factor of Cultural Convergence. *Antiquity* 63 (241), 791.
- Sapozhnikov I. 2006. Development of the Landscape and Human Societies on the Northern Black Sea Steppes During the Late Paleolithic (ca. 32—10 ky BP). In: Catto N. (ed.). *Black Sea — Mediterranean Corridor During the Last 30 ky: Sea Level Change and Human Adaptation*. Extended Abstract 2nd Plenary Meeting and Field Trip of Project IGCP-521 (2005—2009). Odessa: Astroprint, 147—148.
- Sapozhnikova G. 2005. The Elements of Reproducing Economy in Upper Paleolithic and Mesolithic Sites of Southern Ukraine. In: Aspes Al., Longo L. (eds.). *“Prehistoric Technology” 40 Years Later: Functional Studies and Russian Legacy*. Book of Abstracts of the International Congress. Verona: Cierre Grafica, 42—43.
- Sapozhnikova G., Sapozhnikov I. 2005. Functional Typology Upper Palaeolithic Stone Equipment from Eastern Europe Steppe. In: Aspes Al., Longo L. (eds.). *“Prehistoric Technology” 40 Years Later: Functional Studies and Russian Legacy*. Book of Abstracts of the International Congress. Verona: Cierre Grafica, 133—134.
- SIRR 1977: *Smithsonian Institution Research Reports* 16. 1977. Washington.
- Soffer O. 1985. *The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain*. San Diego: Academic Press.
- Speth J.D. 1983. *Bison Kills and Bone Counts*. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Speth J.D., Parry W.J. 1980. *Late Prehistoric Bison Procurement in Southeastern New Mexico: the 1978 season at the Garnsey Site (LA-18399)*. Ann Arbor: Museum of Anthropology, University of Michigan.
- Todd L.C. 1987. Analysis of Kill-Butchery Bonebeds and Interpretation of Paleoindian Hunting. In: Nitecki M.H., Nitecki D.V. (eds.). *The Evolution of Human Hunting*. New York: Plenum Press, 225—266.
- Todd L.C. 1991. Seasonality Studies and Paleoindian Subsistence Strategies. In: Stiner M.C. (ed.). *Human Predators and Prey Mortality*. Boulder, Colorado: Westview Press, 217—238.
- Wedel W.R. 1941. *Environment and Native Subsistence Economics in the Central Great Plains*. Washington: Smithsonian Institute.
- Wedel W.R. 1964. The Great Plains. In: Norbeck Ed., Jennings J.D. (eds.). *Prehistoric Man in the New World*. Chicago: University of Chicago Press, 193—222.
- Wheat J.B. 1967. A Paleo-Indian Bison Kill. *SA* 216 (1), 44—52.
- Wheat J.B. 1972. *The Olsen Chubbock Site: a Paleo-Indian Bison Kill*. *Memoirs of the Society for American Archaeology* 26.
- Wissler C. 1922. *The American Indian: an Introduction to the Anthropology of the New World*. New York: Oxford University Press (2nd ed.).
- Wittaker W.E., Enloe J.G. 2000. Bison Dentition Studies Revisited: Resolving Ambiguity Between Archaeological and Modern Control Samples. *Archaeozoo-logia* XI, 113—120.

References

- Abramova, Z. A. 2001—2002. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 171—195 (in Russian).
- Averkiewa, Yu. P. 1959. In *Narody Ameriki (Peoples of America)*. Vol. I. Moscow: AN SSSR, 243—265 (in Russian).
- Averkiewa, Yu. P. 1974. *Indeitsy Severnoi Ameriki: ot rodovogo obshchestva k klassovomu (The Indians of Northern America: from tribal to class society)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Alexeev, V. P. 1984. *Stanovlenie chelovechestva (The formation of mankind)*. Moscow: Politizdat (in Russian).
- Andrianov, B. V. 1981. In *Obshchestvo i priroda: istoricheskie etapy i formy vzaimodeistviia (Society and nature: historical stages and ways of interaction)*. Moscow: Nauka, 250—261 (in Russian).
- Andrianov, B. V. 1985. *Neosedloe naselenie mira: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (The non-sedentary population of the world: historical and ethnographical study)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Andrianov, B. V., Chebokarov, N. N. 1972. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 3—16 (in Russian).
- Anikovich, M. V. 1992. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 206, 34—42 (in Russian).
- Anikovich, M. V. 1998. In *Vostochnyi gravett (The eastern Gravettian)*. Moscow: Nauchnyi mir, 35—66 (in Russian).
- Anikovich, M. V. 2001. In *Kamennyi vek Starogo Sveta: k 90-letiiu P. I. Boriskovskogo (Old World Stone Age: to the anniversary of 90 years from the birth of P. I. Boriskovskii)*. Saint Petersburg: Akadem-Print, 10—12 (in Russian).
- Balakin, S. A. 1985. In *Arkheologiya i metody istoricheskoi rekonstruktsii (Archaeology and methods of historical reconstruction)*. Kiev: Naukova dumka, 91—106 (in Russian).
- Baskin, L. M. 1976. *Povedenie kopytnykh zhivotnykh (The behavior of hoofed mammals)*. Moscow: Nauka.
- Baskin, L. M. 1979. In *Zubr (The European bison)*. Moscow: Nauka, 442—470 (in Russian).
- Bakeless, J. 1969. *Amerika glazami pervootkryvatelei (America as seen by its first explorers)*. Moscow: Progress (in Russian).

- Bylyayeva, V. I. 2002. In *Arkheologiya (Archaeology)* (1), 31—37 (in Ukrainian).
- Bibikova, V. I. 1950. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdelenie biologii (Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Department of Biology)* LV (5), 35—43 (in Russian).
- Bibikova, V. I., Starkin, A. V. 1985. In *Vestnik zoologii (Bulletin of Zoology)* 5, 47—51 (in Russian).
- Bibikova, V. I., Starkin, A. V. 1989. In *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Anetovka II (The Late Paleolithic settlement of Anetovka II)*. Kiev: Naukova dumka, 127—131 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1940. *Lyudyna kam'yanoho viku na Ukraïni (The Stone Age man in Ukraine)*. Kiev: AN URSSR (in Ukrainian).
- Boriskovsky, P. I. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVII, 9—22 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1953. *Paleolit Ukraïny: istoriko-arkheologicheskie ocherki (Paleolithic of Ukraine: historical and archaeological essays)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 40 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1964. *Problema razvitiia pozdnepaleoliticheskoi kul'tury stepnoi oblasti (The problem of the development of Late Paleolithic culture in the steppe zone)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1984. In *Paleolit SSSR (The Paleolithic of USSR)*. Arkheologiya SSSR (Archaeology of USSR). Moscow: Nauka, 9—16 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1984. In *Paleolit SSSR (The Paleolithic of USSR)*. Arkheologiya SSSR (Archaeology of USSR). Moscow: Nauka, 348—355 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SShA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 24—27 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I., Praslov, N. D. 1964. *Paleolit basseina Dnepra i Priazov'ia (The Paleolithic of Dnepr basin and Azov region)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) A1—5 (in Russian).
- Bromley, Yu. V. 1973. *Etnos i etnografiia (Ethnos and ethnography)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Bromley, Yu. V. 1981. *Sovremennye problemy etnografii: ocherki teorii i istorii (Actual problems of ethnography: essays on theory and history)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Vasiliev, S. A. 1985. In *Problemy rekonstruktsii v arkheologii (Problems of reconstruction in archaeology)*. Novosibirsk: Nauka, 48—54 (in Russian).
- Vekilova, E. A. 1957. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 59, 235—323 (in Russian).
- Vereshchagin, N. K. 1971. In *Trudy Zoologicheskogo instituta Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Zoological Institute of the Academy of Sciences of USSR)* XLIX, 200—232 (in Russian).
- Gavrilov, K. N. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 200—207 (in Russian).
- Gvozdover, M. D. 1964. In *Paleolit basseina Dnepra i Priazov'ia (The Paleolithic of Dnepr basin and Azov region)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) A1—5, 37—41 (in Russian).
- Gvozdover, M. D. 1967. In *Voprosy antropologii (Questions of Anthropology)* 27, 82—101 (in Russian).
- Gladilin, V. N. 1974. In *Pervobytnyi chelovek, ego material'naia kul'tura i prirodnaia sreda v pleistotsene i golotsene (Prehistoric man, his material culture and natural environment in the Pleistocene and Holocene)*. Moscow: IG AN SSSR, 71—78 (in Russian).
- Gladkikh, M. I. 1975. In *Novye otkrytiia sovetskikh arkheologov (New discoveries of Soviet archaeologists)*. P.I. Kiev, 56—57 (in Russian).
- Gladkikh, M. I. 1977. In *Paleoekologiya drevnego cheloveka (Paleoecology of prehistoric man)*. Moscow: Nauka, 112—116 (in Russian).
- Gladkikh, M. I., Stanko, V. N. 1997. In *Davnaya istoriya Ukraïny (Ancient history of Ukraine)*. Vol. I. Kiev: Naukova dumka, 51—113 (in Ukrainian).
- Golovanova L. V., Hoffeker D. F. 2000. In *Arheologicheskii Al'manah (Archaeological Almanac)* 9, 52—53 (in Russian).
- Gorelik, A. F. 2001. *Pamiatniki Rogalisko-Peredel'skogo raiona. Problemy final'nogo paleolita Iugo-Vostochnoi Ukraïny (Sites of Rogalisko-Peredel'skii district. Problems of the Final Paleolithic of South-Eastern Ukraine)*. Kiev: Lugansk: Luganskii institut vnutrennikh del (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1923. *Arkheologiya (Archaeology)*. Vol. I. Kamennyi period (Stone Age). Moscow; Leningrad: Gosizdat (in Russian).
- Grigoryeva, G. V. 1968. *Pozdnepaleoliticheskie pamiatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia i Severnogo Priazov'ia (Late Paleolithic sites of North-Eastern Black Sea and Northern Azov regions)*. Leningrad (in Russian).
- Gromov, V. I. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 118, 83—270 (in Russian).
- Gromov, V. I. 1948. *Paleontologicheskoe i arkheologicheskoe obosnovanie stratigrafii kontinental'nykh otlozhenii chetvertichnogo perioda na territorii SSSR (Paleontological and archaeological substantiation of the stratigraphy of Quaternary continental sediments on the territory of USSR)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Dvoryaninov, S. A., Sapozhnikov, I. V. 1975. In *150 let Odesskomu arkheologicheskomu muzeiu (Anniversary of 150 years to Odessa Archaeological Museum of AN USSR)*. Kiev: Naukova dumka, 16—18 (in Russian).
- Demidenko, Yu. E. 2001. In *Kamennyi vek Starogo Sveta: k 90-letiiu P. I. Boriskovskogo (Old World Stone Age: to the anniversary of 90 years from the birth of P. I. Boriskovsky)*. Saint Petersburg: Akadem-Print, 39—41 (in Russian).
- Demidenko, Yu. E., Nuzhnyi, D. Yu. 2003—2004. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 507—523 (in Russian).
- Dolukhanov, P. M. 1984. *Razvitie prirodnoi sredy i khoziaistva pervobytnogo naseleniia Vostochnoi Evropy i Perednei Azii v pozdnem pleistotsene i golotsene (Development of natural environment and economy of the prehistoric population of Eastern Europe and Western Asia in late Pleistocene and Holocene)*. Moscow (in Russian).
- Dolukhanov, P. M. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SShA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 18—20 (in Russian).
- Dolukhanov, P. M. 2000. *Istoki etnosa (Origin of ethnos)*. Saint Petersburg: Evropeiskii dom (in Russian).
- Dolukhanov, P. M., Pashkevich, G. A. 1977. In *Paleoekologiya drevnego cheloveka (The Paleoecology of Prehistoric Man)*. Moscow: Nauka, 134—145 (in Russian).
- Evseev, V. M. 1947. In *Paleolit i neolit Ukraïny (The Paleolithic and Neolithic of Ukraine)* I (V), 265—281 (in Ukrainian).
- Efimenko, P. P. 1933. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 100, 83—99 (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1938. *Pervobytnoe obshchestvo: ocherki po istorii paleoliticheskogo vremeni (Primitive society. Essays on the history of the Paleolithic period)*. 2nd ed. Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1953. *Pervobytnoe obshchestvo: ocherki po istorii paleoliticheskogo vremeni (Primitive society. Essays on the history of the Paleolithic period)*. 3rd ed. Kiev: AN USSR (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 14—25 (in Russian).
- Zaliznyak, L. L. 1984. *Mezolit Iugo-Vostochnogo Poles'ia (Mesolithic of the South-Eastern Poles'ie region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Zaliznyak, L. L. 1988. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 64, 11—21 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L. 1989. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 11—20 (in Ukrainian).

- Zaliznyak, L. L. 1989. *Okhotniki na severnogo olenia Ukrainskogo Poles'ia epokhi final'nogo paleolita (Reindeer-hunters of Ukrainian Poles'ie region in Final Paleolithic)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Zaliznyak, L. L. 1996. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 29—39 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. 1998. *Peredistoriya Ukraïny X—V tys. do n. e. (The prehistory of Ukraine in the X – V millennia BC)*. Kiev: Biblioteka ukrains'ya (in Ukrainian).
- Zamyatin, S. N. 1951. In *Trudy Instituta Etnografii (Proceedings of the Institute of Ethnography)* XVI, 89—152 (in Russian).
- Zamyatin, S. N. 1960. In *Trudy Instituta Etnografii (Proceedings of the Institute of Ethnography)* 54, 80—108 (in Russian).
- Zubareva, V. I. 1948. *Opyt rekonstruktsii iskopaemogo stada zubrov (An attempt of reconstruction of a herd of prehistoric European bisons)*. Kiev (in Russian).
- Kabo, V. R. 1986. *Pervobytnaia dozemledel'cheskaia obshchina (Prehistoric pre-agricultural society)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Clark, J. G. D. 1953. *Doistoricheskaya Evropa: ekonomicheskii ocherk (Prehistoric Europe: the economic basis)*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoï literatury (in Russian).
- Kolosov, Yu. G. 1964. In *Paleolit basseina Dnepra i Priazov'ia (The Paleolithic of Dnepr basin and Azov region)*. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* A1—5, 43—49 (in Russian).
- Kolpakov, E. M., Bochkarev, V. S., Vaskul, I. O., Vishnyatsky, L. B., Vlasova, E. V., Kovalev, A. A., Chesnokova, H. H., Sharov, O. V. 1990. *Klassifikatsiia v arkhologii: terminologicheskii slovar'-spravochnik*. Moscow (in Russian).
- Korniets, N. L. 1962. In *Vykopni fauny Ukraïny i sumizhnykh terytorij (The fossil faunae of Ukraine and surrounding territories)*. Kiev: AN URSR, 99—169 (in Ukrainian).
- Korobkova, G. F. 1989. In *Pervobytnaia arkhologiya: materialy i issledovaniia (Archaeology of prehistory: materials and studies)*. Kiev: Naukova dumka, 63—76 (in Russian).
- Korobkova, G. F. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SSHA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 48—52 (in Russian).
- Korobkova, G. F. 1998. In *Problemy arkhologii Iugo-Vostochnoi Evropy (Problems of archaeology of South-Eastern Europe)*. Rostov-na-Donu, 18—20 (in Russian).
- Korobkova, G. F., Smolyaninova, S. P., Kiz, G. V. 1982. In *Arkheologicheskie pamiatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Archaeological sites of the North-western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 5—18 (in Russian).
- Krasnokutsky, G. E. 1992. *Okhotnichii promysel bizonov v pozdnem paleolite Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (European bison hunting in the Late Paleolithic of North-Western Pontic area)*. Kiev (in Russian).
- Krotova, A. A. 1985. *Pozdnii paleolit Severskogo Dontsa i Priazov'ia (Late Paleolithic of Severskii Donets and Azov region)*. Kiev (in Russian).
- Krotova, A. A. 1986. In *Pamiatniki kamennogo veka Levoberezhnoi Ukraïny: khronologiya i periodizatsiia (Stone Age sites in the Left bank Ukraine: chronology and periodization)*. Kiev: Naukova dumka, 6—73 (in Russian).
- Krotova, A. A. 1986. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkhologii v Donbasse (Problems of protection and research of archaeological sites in Donbas)*. Donetsk, 14—15 (in Russian).
- Krotova, O. O. 1988. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 64, 1—11 (in Ukrainian).
- Krotova, A. A. 1992. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii Akademii nauk SSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 296, 68—72 (in Russian).
- Krotova, O. O. 1994. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 19—31 (in Ukrainian).
- Krotova, A. A. 1994. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 3, 151—160 (in Russian).
- Krotova, O. O. 2002. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 24—31 (in Ukrainian).
- Krotova, O. O. 2003. In *Kam'yana doba Ukraïny (The Stone Age of Ukraine)* 2, 75—81 (in Ukrainian).
- Levin, M. G., Cheboksarov, M. M. 1955. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (4), 3—17 (in Russian).
- Levkovskaya, G. M. 1974. In *Pervobytnyi chelovek, ego material'naia kul'tura i prirodnaia sreda v pleistotsene i golotsene (Prehistoric man, his material culture and natural environment in the Pleistocene and Holocene)*. Moscow: IG AN SSSR, 204—210 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1985. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 181, 12—17 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SSHA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 32—34 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1990. In Bray, W., Trump, D. *Arkheologicheskii slovar' (Dictionary of archaeology)*. Moscow: Progress, 12 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1993. In *Problemy paleoekologii drevnikh obshchestv (Problems of Paleoeology of Ancient Communities)*. Moscow: ROU, 74—97 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1996. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 5, 169—174 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1999. In *Donskaia arkhologiya (Archaeology of Don)* 3—4, 82—92 (in Russian).
- Leonova, N. B. 2000. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 9, 137—144 (in Russian).
- Leonova, N. B. 2002. In *Verkhniï paleolit — verkhniï pleistotsen: dinamika prirodnykh sobytii i periodizatsiia arkhologicheskikh kul'tur (Upper Paleolithic – Upper Pleistocene: dynamics of natural events and periodization of archaeological cultures)*. Saint Petersburg: Akadem-Print, 50—57 (in Russian).
- Leonova, N. B., Nesmeyanov, S. A., Vinogradova, E. A., Voiekoval, O. A., Gvozdoval, M. D., Min'kov, E. V., Spiridonova, E. A., Sychoval, S. A. 2006. *Paleoekologiya ravninnogo paleolita: na primere kompleksa verkhnepaleoliticheskikh stoianok Kamennaia Balka v Severnom Prichernomor'e (Paleoeology of lowland Paleolithic: on the example of the complex of Upper Paleolithic sites Kamennaia Balka in Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauchnyi mir (in Russian).
- Leonova, N. B., Min'kov, E. V. 1987. In *Problemy interpretatsii arkhologicheskikh istochnikov (Problems of interpretation of archaeological sources)*. Ordzhonikidze: COGU, 34—50 (in Russian).
- Markov, G. E. 1979. *Istoriia khoziaistva i material'noi kul'tury v pervobytnom i ranneklassovom obshchestve (History of economy and material culture in the prehistoric and early class society)*. Moscow: MGU (in Russian).
- Markov, G. E. 1979. In *Problemy tipologii v etnografii (Problems of typology and ethnography)*. Moscow: Nauka, 147—157 (in Russian).
- Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (Economy and social structure of ancient societies)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Masson, V. M. 1989. *Pervye tsivilizatsii (First Civilizations)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Masson, V. M. 1996. *Paleoliticheskoe obshchestvo Vostochnoi Evropy: voprosy paleoekonomiki, kul'turogeneza i sotsiogeneza (Paleolithic society of Eastern Europe: questions of paleoeconomy, culture genesis and sociogenesis)*. Saint Petersburg: Goskomstat (in Russian).
- Medyanik, S. I., Sapozhnikov, I. V. 2003—2004. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 454—566 (in Russian).
- Min'kov, E. V. 1990. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 202, 17—20 (in Russian).
- Min'kov, E. V. 1991. *Okhotnich'e khoziaistvo naseleniia Severnogo Prichernomor'ia v epokhu pozdnego paleolita: opyt rekonstruktsii (Hunting economy of the population of Northern Black Sea region in Late Paleolithic: an attempt of reconstruction)*. Moscow (in Russian).
- Min'kov, E. V. 1993. In *Problemy paleoekologii drevnikh obsh-*

- chestv (*Problems of Paleocology of Ancient Communities*). Moscow: ROU, 19—59 (in Russian).
- Nuzhnyj, D. Yu. 1997. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 3—23 (in Ukrainian).
- Olenkovsky, N. P. 1989. *Pozdnii paleolit i mezolit Nizhnego Dnepra (Late Paleolithic and Mesolithic of Lower Dnieper region)*. Kiev (in Russian).
- Olenkovsky, N. P. 1991. *Pozdnii paleolit i mezolit Nizhnego Dnepra (Late Paleolithic and Mesolithic of Lower Dnieper region)*. Kherson: Upravlenie po pečati (in Russian).
- Olenkovsky, N. P. 1995. In *Arheologicheskii al'manah (Archaeological Almanac)* 4, 93—96 (in Ukrainian).
- Olenkovsky, N. P. 2000. *Paleolit ta mezolit Prysvyashshya. Problemy epihravetu Ukrainy (Paleolithic and Mesolithic of Prisyvash'e. Problems of epigravettian in Ukraine)*. Kherson: Prydniprova (in Ukrainian).
- Pidoplichko, I. G. 1938. *Materialy do vyvchennya mynulykh faun URSR (Materials for the study of past fauna in URSR)* 1. Kiev: AN URSR (in Ukrainian).
- Pidoplichko, I. G. 1948. In *Arkheolohiya (Archaeology)* II, 215—216 (in Ukrainian).
- Pidoplichko, I. G. 1953. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 2, 65—68 (in Russian).
- Pidoplichko, I. G. 1956. *Materialy do vyvchennya mynulykh faun URSR (Materials for the study of past fauna in URSR)* 2. Kiev: AN URSR (in Ukrainian).
- Pidoplichko, I. G. 1969. *Pozdnepaleoliticheskie zhilishcha iz kostei mamonta na Ukraine (Upper Paleolithic Dwellings of Mammoth Bones in the Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Praslov, N. D. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SShA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 7—9 (in Russian).
- Praslov, N. D., Filippov, A. K. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 111, 24—30 (in Russian).
- Praslov, N. D., Shchelinsky, V. E. 1996. *Verkhnepaleoliticheskoe poselenie Zolotovka I na Nizhnem Donu: arkheologicheskoe issledovanie struktury zhilogo prostranstva (Upper Paleolithic site of Zolotovka I on Lower Don: archaeological study of the structure of inhabited space)*. Saint Petersburg: Tourussell (in Russian).
- Rudinsky, M. 1931. In *Antropolohiya (Anthropology)* IV, 145—184 (in Ukrainian).
- Rumyantsev, A. M. 1985. *Vozniknovenie i razvitie pervobytnogo sposobu proizvodstva: pervobytnoe vosproizvodiaschche khoziaistvo (Appearance and development of the prehistoric method of production: prehistoric regenerate economy)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1987. *Pozdnii paleolit stepei Nizhnego Pridnestrov'ia (Late Paleolithic of the steppes of Lower Dniester region)*. Leningrad (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and research of archaeological sites in Donbas)*. Donetsk, 72—73 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SShA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 30—31 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1992. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 206, 43—48 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1995. In Sapozhnikova G. V., Korobkova G. F., Sapozhnikov I. V. *Khoziaistvo i kul'tura naseleniia Iuzhnogo Pobuzh'ia v pozdnem paleolite i mezolite (Economy and culture of the population of Southern Bug region in Late Paleolithic and Mesolithic)*. Odessa; Saint Petersburg: Germes, 149—176 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 2003. *Bol'shaia Akkarzha: khoziaistvo i kul'tura pozdnego paleolita Stepnoi Ukrainy (Bol'shaia Akkarzha: economy and culture of the Paleolithic in the steppe region of Ukraine)*. Kiev: Shliakh (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 2003. In *Kam'yana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine)* 2, 87—107 (in Ukrainian).
- Sapozhnikov, I. V. 2003. In *Arheologicheskii al'manah (Archaeological Almanac)* 13, 199—217 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 2004. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XI, 299—316 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnikova, G. V. 1990. In *Khronostratigrafiia paleolita Severnoi, Tsentral'noi, Vostochnoi Azii i Ameriki (Chronostratigraphy of Paleolithic of Northern, Central and Eastern Asia and America)*. Novosibirsk: Nauka, 269—272 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnykova, H. V. 2001. In *Voprosy antropologii (Questions of Anthropology)* 3—4, 22—30 (in Ukrainian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnykova, H. V. 2002. In *Kam'yana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine)* 1, 82—95 (in Ukrainian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnikova, G. V. 2011. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 15—149.
- Sapozhnikov, I. V., Sekerskaya, E. P. 2001. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 103—110 (in Ukrainian).
- Sapozhnikova, G. V. 1986. *Vzaimootnoshenie kul'tur i khoziaistvennykh kompleksov final'nogo paleolita i mezolita Iuzhnogo Pobuzh'ia (Interrelation of cultures and economical complexes of the Final Paleolithic and Mesolithic of the Southern Bug region)*. Leningrad (in Russian).
- Sapozhnikova, G. V. 2005. In *Problemy rannei pory verkhnego paleolita Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona i sopredel'nykh territorii (Problems of the early stage of Upper Paleolithic of the Kostenki-Borschiv region and adjacent territories)*. Saint Petersburg: Akadem-Print, 234—239 (in Russian).
- Sapozhnykova, H. V. 2007. In *Kam'yana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine)* 10, 126—130 (in Ukrainian).
- Sapozhnikova, G. V., Korobkova, G. F., Sapozhnikov, I. V. 1995. *Khoziaistvo i kul'tura naseleniia Iuzhnogo Pobuzh'ia v pozdnem paleolite i mezolite (Economy and culture of the population of Southern Bug region in Late Paleolithic and Mesolithic)*. Odessa; Saint Petersburg: Germes (in Russian).
- Bromley, Yu. V., Shtrobakh, G. (eds.). 1986. *Svod etnograficheskikh poniatii i terminov (Corpus of ethnographic concerns and terms)*. Issue 1. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniia i sotsionormativnaia kul'tura (Social-economical relations and socionormative culture)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sekerskaya, E. P. 1999. In *Arkheolohichna zbirka Khersons'koï inspektsii okhorony pam'yatok (Archaeological compilation of the Kherson Inspection for Protection of Monuments)*. Kherson: Prydniprova, 44—47 (in Ukrainian).
- Sekerskaya, E. P. 2003. In *Bol'shaia Akkarzha: khoziaistvo i kul'tura pozdnego paleolita Stepnoi Ukrainy (Bol'shaia Akkarzha: economy and culture of the Paleolithic in the steppe region of Ukraine)*. Kiev: Shlyakh, 286—288 (in Russian).
- Semenov, Yu. I. 1973. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (4), 52—65 (in Russian).
- Sergin, V. Ya. 1992. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 206, 48—52 (in Russian).
- Simchenko, Yu. B. 1976. *Kul'tura okhotnikov na oleni Severnoi Evrazii: etnograficheskaya rekonstruktsiia (Culture of the reindeer hunters of Northern Eurasia: an ethnographical reconstruction)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Smirnov, S. V. 1977. In *Problemy paleolita Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy (Problems of the Paleolithic of Eastern and Central Europe)*. Leningrad: Nauka, 149—157 (in Russian).
- Smolyaninova, S. P. 1989. In *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Anetovka II (The Late Paleolithic settlement of Anetovka II)*. Kiev: Naukova dumka, 113—126 (in Russian).
- Smolyaninova, S. P. 1990. *Paleolit i mezolit stepnogo Pobuzh'ia (Paleolithic and Mesolithic of steppe Bug region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

- Smyntyna, E. V. 2000. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 463—476 (in Russian).
- Smyntyna, E. V. 2001. *Zonal'nist' rann'opervisnykh kul'tur: doslidzhennya, fakty, teorii (The zonal distribution of early prehistoric cultures: research, facts, theories)*. Odessa: Astroprint (in Ukrainian).
- Soffer, O. A. 1993. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 5—17 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SSHA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 27—29 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1990. In *Problemy pervobytnoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Problems of prehistoric archaeology of Northern Black Sea region)*. P. I. Kherson, 11—13 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1992. In *Studia praehistorica* 11—12, 8—27 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1996. In *Arheologicheskii al'manah (Archaeological Almanac)* 5, 129—138 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1997. In *Zapysky Istorychnoho fakul'tetu Odes'koho derzhavnogo universytetu (Reports of the Historical department of Odessa State University)* 5, 3—10 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1999. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 322—325 (in Russian).
- Starkin, A. V. 2000. In *Arkheolohiya ta etnolohiya Skhidnoi Yevropy: materialy i doslidzhennya (Archaeology and ethnology of Eastern Europe: materials and studies)*. Odessa: Astroprint, 21—38 (in Russian).
- Stepanov, V. P. 1973. In *Pervobytnyi chelovek, ego material'naia kul'tura i prirodnaia sreda v pleistotsene i golotsene (Prehistoric man, his material culture and natural environment in the Pleistocene and Holocene)*. Moscow, 34—37 (in Russian).
- Stepanov, V. P. 1976. In *Problemy obshchei fizicheskoi geografii i paleogeografii (Problems of general physical geography and paleogeography)*. Moscow: MGU, 300—322 (in Russian).
- Stepanov, V. P. 1982. In *XI kongress INKVA (11th Congress of INKVA) II*. Moscow: VINITI, 272—273 (in Russian).
- Stepanchuk, V. M., Koen, V. Yu., Gerasimenko, N. P., Dumbolon, F., Haesaerts, P., Zhuravlev, O. P., Kovalyukh, M. M., Petrun, V. F., Plikht, J., Putshkov, P. V., Rekovets, L. I., Terner, Ch. G. 2004. In *Kam'yana doba Ukraïny (The Stone Age of Ukraine)* 5, 62—98 (in Ukrainian).
- Stefenson, R. 1969. In *Chetvertichnyi period v SSHA (Quaternary period in USA) II*. Moscow: Mir, 308—326 (in Russian).
- Stolyar, A. D. 1985. *Proiskhozhdienie izobrazitel'nogo iskusstva (Origin of figurative art)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
- Todd, L. S. 1986. In *Issledovaniia chetvertichnogo perioda (Research on the Quaternary period)*. Moscow: Nauka, 168—176 (in Russian).
- Tunmann, I. 1990. *Krymskoe khanstvo (The Crimean Khanate)*. Simferopol: Tavriia (in Russian).
- Fainberg, L. A. 1986. In *Istoriia pervobytnogo obshchestva: epokha pervobytnoi rodovoi obshchiny (History of prehistoric society: the epoch of prehistoric tribal society)*. Moscow: Nauka, 130—235 (in Russian).
- Frison, G. C. 1986. In *Issledovaniia chetvertichnogo perioda (Research on the Quaternary period)*. Moscow: Nauka, 176—183 (in Russian).
- Khazanov, A. M. 1973. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 114—121 (in Russian).
- Cheboksarov, N. N., Cheboksarova, I. A. 1986. *Narody. Rasy. Kul'tury (People. Races. Cultures)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Chernysh, O. P. 1953. *Volodymyriv's'ka paleolitychna stoyanka (Volodymyriv's'ka Paleolithic site)*. Kiev: AN URSR (in Ukrainian).
- Chesnov, Ya. V. 1982. In *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve (Ethnos in the pre-class and early class society)*. Moscow: Nauka, 109—123 (in Russian).
- Schmidt, A. V. 1932. In *Pervobytnoe obshchestvo (Primitive society)*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 235—254 (in Russian).
- Shovkoplyas, I. G. 1966. In *VII Mezhdunarodnyi kongress doistorikov i protoistorikov. Doklady i soobshcheniia arkheologov SSSR. (Reports and communications of the USSR archaeologists at the VIIth international Congress of prehistorians and protohistorians)*. Moscow: Nauka, 41—43 (in Russian).
- Artur, G. W. 1975. *An Introduction to the Ecology of Early Historic Communal Bison Hunting among the Northern Plains Indians*. Ottawa: National Museums of Canada.
- Boriskovsky, P. I. 1993. Determining Upper Paleolithic Historicocultural Regions: a Case Study. In: Soffer, O., Praslov, N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 143—147.
- Dolukhanov, P. M. 1993. The Pleistocene — Holocene Boundary: Environmental Processes and Social Adaptions. In: Soffer, O., Praslov, N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 189—197.
- Frison, G. C. 1978. *Prehistoric Hunters of the High Plains*. New York; San Francisco; London: Academic Press.
- Frison, G. C. 1982. Paleoindian Winter Subsistence Strategies on the High Plains. In: Ubelaker, D., Viola, H. (eds.). *Plains Indian studies: a collection of essays in honor of John C. Ewers and Waldo R. Wedel*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 193—201.
- Frison, G. C. 1998. Paleoindian Large Mammal Hunters on the Plains of North America. *PNAS* 95, 14576—14583.
- Frison, G. C., Stanford, D. J. 1982. *The Agate Basin Site. A Record of the Paleoindian Occupation of the Northwestern High Plains*. New York: Academic Press.
- Garretson, M. S. 1938. *The American Bison: The Story of its Extinction as a Wild Species and its Restoration Under Federal Protection*. New York: New York Zoological Society.
- Grigorieva, G. V. 1999. Les chasseurs de bison au Paléolithique supérieur dans la zone steppique du nord de la mer Noire. In: Brugal, J.-Ph., David, Fr., Jaubert, J. (eds.). *Le Bison: gibier et moyen de subsistance des hommes du paléolithique aux Paléindiens des Grandes Plaines: Actes du colloque international, Toulouse, 6—10 juin 1995*. Antibes: APDCA, 361—365.
- Grinnell, G. B. 1904. The Bison. In: Whitney C., Grinnell G. B., Wister, O. (authors). *Musk-Ox, Bison, Sheep and Goat*. New York: Macmillan Co, 138—142.
- Hoffecker, J. F., Baryshnikov, G. F., Potapova, O. R. 1991. Vertebrate Remains from the Mousterian Site Il'skaya I (Northern Caucasus, USSR): New Analysis and Interpretations. *JAS* 18, 113—147.
- Kehoe, T. F. 1973. *The Gull Lake Site: A Prehistoric Bison Drive Site in Southwestern Saskatchewan*. Milwaukee: Milwaukee Public Museum.
- Kellsal, J. P. 1968. *The Migratory Barren-ground Caribou of Canada*. Ottawa: Queen's Printer.
- Korobkova, G. F. 1993. The Technology and Function of Tools in the Context of Regional Adaptations: A Case Study of the Upper Paleolithic and Mesolithic of the Northwestern Black Sea Region. In: Soffer, O., Praslov, N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 159—173.
- Krasnokutsky, G. 1996. *Bison Hunting and Human Adaptation: A Case of Comparative Study of the Upper Palaeolithic of Southern Ukraine*. Odessa: Polis Press.
- Krotova, A. A., Belan, N. G. 1993. Amvrosievka: A Unique Upper Paleolithic Site in Eastern Europe. In: Soffer O., Praslov, N. D. (ed.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 125—142.
- Leonova, N. B. 1993. Criteria for Estimating the Duration of Occupation at Paleolithic sites: an example from Kamennaya Balka II. In: Soffer, O., Praslov, N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 149—157.
- Leonova, N. B. 1994. The Upper Paleolithic of the Russian Steppe Zone. *JWP* 8 (2), 3—50.
- Leonova, N. B. 2003. Dwellings in the Eastern Steppe Zone. In: Vasil'ev, S. A., Soffer, O., Kozłowski, J. K. (eds.). *Perceived Landscapes and Built Environments: The Cultural Geogra-*

- phy of Late Paleolithic Eurasia. *BAR* 1122, 17—24.
- Leonova, N.B., Min'kov, E.V. 1988. Spatial Analysis of Faunal Remains from Kamennaya Balka II. *JAA* 7, 203—230.
- Medeanic, S., Sapozhnikov, I. 2006. Late Palaeolithic Bison Hunter Site Bolshaya Akkarzha in the Environment of the South-eastern Europe. *Eurasian Prehistory* 4 (1—2), 87—98.
- Monks, G.G. 1981. Seasonality Studies. In: Schiffer, M.B. (ed.). *Advances in Archaeological Method and Theory* 4. New York: Academic Press, 3—9.
- Müller-Wille, W. 1954. Arten der menschlichen Siedlung. Versuche einer Begriffsbestimmung und Klassifikation. *Abhandlungen der Akademie für Raumpforschung* 28, 141—163.
- Oliver, S.C. 1963. *Ecology and Cultural Continuity as Contributing Factors in the Social Organizations of the Plains Indians*. University of California Publications in American Archaeology and Ethnography 48.
- Roe, F.G. 1970. *The North American Buffalo: A Critical Study of the Species*. Toronto: University of Toronto Press.
- Sapozhnikov, I.V. 1989. The Steppes in the Late Paleolithic: Steppe Model of Adaptation and the Factor of Cultural Convergence. *Antiquity* 63 (241), 791.
- Sapozhnikov, I. 2006. Development of the Landscape and Human Societies on the Northern Black Sea Steppes During the Late Paleolithic (ca. 32—10 ky BP). In: Catto N. (ed.). *Black Sea — Mediterranean Corridor During the Last 30 ky: Sea Level Change and Human Adaptation*. Extended Abstract 2nd Plenary Meeting and Field Trip of Project IGCP-521 (2005—2009). Odessa: Astroprint, 147—148.
- Sapozhnikova, G. 2005. The Elements of Reproducing Economy in Upper Paleolithic and Mesolithic Sites of Southern Ukraine. In: Aspes, Al., Longo, L. (eds.). “Prehistoric Technology” 40 Years Later: Functional Studies and Russian Legacy. Book of Abstracts of the International Congress. Verona: Cierre Grafica, 42—43.
- Sapozhnikova, G., Sapozhnikov, I. 2005. Functional Typology Upper Palaeolithic Stone Equipment from Eastern Europe Steppe. In: Aspes, Al., Longo, L. (eds.). “Prehistoric Technology” 40 Years Later: Functional Studies and Russian Legacy. Book of Abstracts of the International Congress. Verona: Cierre Grafica, 133—134.
- Smithsonian Institution Research Reports 16. 1977. Washington.
- Soffer, O. 1985. *The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain*. San Diego: Academic Press.
- Speth, J.D. 1983. *Bison Kills and Bone Counts*. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Speth, J.D., Parry, W.J. 1980. *Late Prehistoric Bison Procurement in Southeastern New Mexico: the 1978 season at the Garnsey Site (LA-18399)*. Ann Arbor: Museum of Anthropology, the University of Michigan.
- Todd, L.C. 1987. Analysis of Kill-Butchery Bonebeds and Interpretation of Paleoindian Hunting. In: Nitecki M.H., Nitecki D.V. (eds.). *The Evolution of Human Hunting*. New York: Plenum Press, 225—266.
- Todd, L.C. 1991. Seasonality Studies and Paleoindian Subsistence Strategies. In: Stiner, M.C. (ed.). *Human Predators and Prey Mortality*. Boulder, Colorado: Westview Press, 217—238.
- Wedel, W.R. 1941. *Environment and Native Subsistence Economics in the Central Great Plains*. Washington: Smithsonian Institute.
- Wedel, W.R. 1964. The Great Plains. In: Norbeck Ed., Jennings J.D. (eds.). *Prehistoric Man in the New World*. Chicago: University of Chicago Press, 193—222.
- Wheat, J.B. 1967. A Paleo-Indian Bison Kill. *SA* 216 (1), 44—52.
- Wheat, J.B. 1972. *The Olsen Chubbock Site: a Paleo-Indian Bison Kill*. *Memoirs of the Society for American Archaeology* 26.
- Wissler, C. 1922. *The American Indian: an Introduction to the Anthropology of the New World*. New York: Oxford University Press (2nd ed.).
- Wittaker, W.E., Enloe J.G. 2000. Bison Dentition Studies Revisited: Resolving Ambiguity Between Archaeological and Modern Control Samples. *Archaeozoologia* XI, 113—120.

Статья поступила в номер 28 декабря 2012 г.

Igor Sapozhnikov (Illichivsk, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Igor Sapozhnikov (Illicivsk, Ucraina). Doctor în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Сапожников Игорь Викторович (Ильичевск, Украина). Доктор исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: igors@gcn.ua

М. Н. Желтова, Н. Д. Бурова

Сопоставление жилых комплексов Костёнок 4 на основе изучения остеологических коллекций

Keywords: Kostenki, Upper Palaeolithic, dwellings, animal remains, spatial analysis.

Cuvinte cheie: Kostenki, paleolitic superior, locuințe, resturi animaliere, analiză spațială.

Ключевые слова: Костёнки, верхний палеолит, жилища, костные остатки, анализ пространственного распределения.

M. N. Zheltova, N. D. Burova

Comparison of Dwelling Complexes of Kostenki 4 Based of the Study of Osteological Collections

Kostenki 4 is an Upper Palaeolithic site dated to the time period between 23000—21000 ky bp. Owing to its unique spatial pattern and peculiar stone industry, it occupies a special position among the sites of the Kostenki-Borshchevo area on the Don River. Two dwelling complexes stretched roughly parallel to one another represent long depressions with a chain of hearths arranged along the central axis. The length of the southern depression is about 35 m, the length of the northern one — 25 m, the width in both cases is 5.5 m. The southern depression is divided into 3 sections separated by a stripe of uncolored sediments and a small ledge. The northern depression has no inner subdivisions, but from the southwest and southeast it is adjoined by two circular dwellings, each of 6 m in diameter and with a hearth in its center. Originally the site was thought to be single-layered, because from the lithological point of view it does have just one cultural layer. The circular dwellings were considered as additions to the long dwelling. Later, A.N. Rogachev came to a conclusion that the site was two-layered. However, the arguments put in favor of this opinion are not fully convincing. In particular, the analysis of the composition and spatial distribution of faunal remains, conducted by the present authors, does not reveal any significant difference between the long and circular dwellings.

M. N. Zheltova, N. D. Burova

Analiza comparativă a complexelor de locuire din Kostenki 4 în baza studiului colecțiilor osteologice

Kostenki 4 este un sit paleolitic, datat cu perioada 23000—21000 ani BP. Între siturile regiunii Kostenki-Borșciiov de pe Don, el ocupă un loc special datorită planificării sale unice și industriei specifice a pietrei. Două unități de locuire, amplasate aproape paralel la o distanță mică unul față de altul, reprezintă niște complexe adâncite cu un lanț de vetre pe axul lung central. Lungimea complexului sudic este de circa 35 m, al celui nordic — circa 25 m, lățimea ambelor fiind de 5,5 m. Complexul sudic se împarte în trei compartimente, despărțite printr-o fâșie de sediment necolorat și o treaptă mică. Complexul sudic nu prezintă oarecare compartimente, însă de el sunt legate două locuințe rotunde, fiecare cu diametrul de circa 6 m și o vatră în centru, amplasate la sud-est și sud-vest. Inițial, judecând după caracterul uniform al stratului de cultură, situl a fost considerat ca având un singur nivel, iar complexele circulare au fost interpretate în calitate de anexe la complexul alungit. Ulterior, A.N. Rogaciiov a presupus existența a două nivele, însă argumentele sale nu par destul de convingătoare. Astfel, analiza compoziției și planigrafiei resturilor osteologice, realizată de către autori, nu a arătat o diferență considerabilă dintre locuințele alungite și cele rotunde.

M. N. Желтова, Н. Д. Бурова

Сопоставление жилых комплексов Костёнок 4 на основе изучения остеологических коллекций

Стоянка Костёнки 4 — верхнепалеолитическое поселение, относящееся к хронологической группе 23000—21000 л. н. Среди памятников Костёнковско-Борщевского района на Дону она занимает особое положение благодаря уникальной планировке и своеобразной каменной индустрии. Два жилых комплекса, расположенные субпараллельно друг другу на небольшом расстоянии, представляют собой длинные углубления с цепочкой очагов по центральной продольной

Russian Foundation for Humanities. "The Gravettian of the Kostenki-Borshchevo region on the eve of the last glacial maximum: cultural differentiation of Paleolithic hunters", № 13-01-00292-а ■ Fundația rusă pentru studii umanitare. „Gravetianul regiunii Kostenki-Borșciiov în ajunul ultimului maxim glaciatic: diferențierea culturală a vânătorilor paleoliticieni”, nr. 13-01-00292-а ■ Российский гуманитарный научный фонд. «Граветтийская общность Костенковско-Борщевского района накануне последнего ледникового максимума: культурная дифференциация палеолитических охотников», № 13-01-00292-а.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© М. Н. Желтова, Н. Д. Бурова, 2014.

оси. Длина южного углубления около 35 м, северного — 25 м, ширина обоих 5,5 м. Южное углубление состоит из 3 секций, разделённых полосой неокрашенного культурного слоя и небольшим уступом. Северное углубление такого подразделения не имеет. К северному длинному жилищу с юго-запада и юго-востока примыкают два округлых жилища, каждое около 6 м в диаметре, с очагом в центре. Вначале памятник был воспринят как однослойный, поскольку культурный слой один с литологической точки зрения. Круглые жилища рассматривались как пристройки к длинному жилищу. Позднее А. Н. Рогачёв пришёл к выводу о двуслойности этого поселения. Однако его аргументы в пользу этой точки зрения оставляют почву для сомнений. В частности, проведенный авторами анализ состава и пространственного распределения остеологических остатков не выявляет существенной разницы между длинными и круглыми жилищами.

Стоянка Костёнки 4 — верхнепалеолитическое поселение, относящееся к хронологической группе 23 000—21 000 л. н. Среди памятников Костёнковско-Борщёвского района на Дону она занимает особое положение благодаря уникальной планировке и своеобразной каменной индустрии. Два жилых комплекса расположены субпараллельно друг другу на небольшом расстоянии. Они представляют собой длинные жилые углубления с цепочкой очагов по центральной продольной оси. Длина южного углубления около 35 м, северного — 25 м, ширина в обоих случаях 5,5 м. Южное углубление подразделяется на 3 секции, разделённые полосой неокрашенного культурного слоя и небольшим уступом. Северное углубление такого подразделения не имеет. К северу и к югу от южного длинного жилища расчищены внешние скопления. Возле северного жилища также имеется внешнее скопление, расположенное с западной стороны. К северному длинному жилищу на юго-западе и юго-востоке примыкают два округлых жилища, каждое около 6 м в диаметре, с очагом в центре. Учитывая сложное устройство южного длинного жилища и композицию структур в северной части стоянки, термин «жилой комплекс» представляется наиболее подходящим в этом контексте.

Стоянка была открыта в 1927 г. С. Н. Замятинным и раскапывалась затем на небольшом участке в 1928 г. П. П. Ефименко. Основные раскопки широкой площадью, открывшие полностью сложную структуру поселения, были произведены А. Н. Рогачёвым в 1937 г. (южный комплекс) и 1938 г. (северный комплекс).

Вначале памятник был воспринят как однослойный (Рогачёв 1940), поскольку культурный слой неразделим с литологической точки зрения. Круглые жилища так гармонично вписаны в северный комплекс, что рассматривались как пристройки к длинному жилищу. Позднее А. Н. Рогачёв пришёл к выводу о двуслойности этого поселения (Рогачёв 1955). Однако выдвинутые им аргументы в пользу этой точки зрения оставляют почву для сомнений. В частности, анализ состава и пространственного распределения остеоло-

гических остатков не выявляет существенной разницы между длинными и круглыми жилищами.

Все четыре коллекции фауны Костёнок 4 — Александровской стоянки (из раскопок 1927, 1928, 1937 и 1938 гг.) хранятся в Зоологическом институте РАН. Они были проанализированы и описаны В. В. Карачаровским при консультации Веры Ильиничны Громовой в 1939 г. (Карачаровский 1939a; 1939b; 1939c; 1939d; 1939e; 1939f). Позднее коллекции были пересмотрены В. И. Громовым, результаты опубликованы в его монографии (Громов 1948). Последняя полная ревизия фаунистических коллекций Александровской стоянки была предпринята Н. К. Верещагиным и И. Е. Кузьминой (Верещагин, Кузьмина 1977). Анализируя разные списки фауны, можно заметить существенные разночтения при подсчётах количества особей и даже количества костей. Причём это не было вызвано тем, что в распоряжении Н. К. Верещагина и И. Е. Кузьминой находилась также фаунистическая коллекция 1959 года¹, поскольку она состоит всего из семи мелких обломков костей. Дело в том, что в этом последнем списке в некоторых случаях указывается количество костей меньше, чем у Карачаровского и Громова (мамонт: по Карачаровскому — 345 костей, по Громову — 324, по Верещагину и Кузьминой — 272). Поэтому, учитывая то, что за прошедшие годы состояние коллекции вряд ли могло улучшиться, кажется целесообразным не пересчитывать всё заново, а привести сводный список фауны (табл. 1). Для данной работы представляется наиболее верным опираться на результаты определений В. В. Карачаровского и В. И. Громовой, так как коллекция попала к ним в наиболее сохранном виде, практически сразу после окончания раскопок. Следует отметить, однако, что и в этом случае цифры из общих списков иногда расходятся с результатами подсчётов по поквдратной описи. Поскольку главным для нас является пространственное распространение костей, мы будем неизменно при-

¹ Такие предположения высказывались некоторыми исследователями (Рогачёв, Анникович 1982).

Таблица 1.

Списки фауны Костёнок 4*

№	Виды животных	В.В. Карачаровский, В.И. Громова					В.И. Громов	Н.К. Верещагин, И.Е. Кузьмина
		1927 г.	1928 г.	1937 г.	1938 г.	всего	всего	всего
1	Заяц (<i>Lepus</i> sp.)	138/5	162/5	2387/63	789/22	3476/?	3338/9	3356/99
2	Сурок (<i>Marmota</i> sp.)	—	—	—	2/1 (jv)	2/1	2/1	1/1
3	Бобр (<i>Castor fiber</i> L., 1758)	—	—	—	—	—	1/1	1/1
4	Суслик (<i>Citellus</i> sp.)	—	—	+	—	+	31/4	6/1
5	Слепыш (<i>Spalax microphthalmus</i> Güld., 1770)	—	2/1	+	68/8 (2jv)	минимум 70/?	85/13	1/1
6	Хомяк (<i>Cricetus cricetus</i> L., 1758)	1 скелет /1	1/1	+	6/1	минимум 8/?	18/4	35/3
7	Слепушонка (<i>Ellobius</i> sp.)	—	—	+	—	+	1/1	1/1
8	Полёвка (<i>Microtus</i> sp.)	1/1	—	—	—	1/1	—	1/1
9	Волк (<i>Canis lupus</i> L., 1758)	4/1 (jv)	2/1	51/2	76/3 (1jv)	133/?	129/9	105/2
10	<i>Canis</i> sp.	—	—	—	6/?	6/?	—	—
11	Песец (<i>Alopex lagopus</i> L., 1758)	—	1/1	2/1	1/1	4/?	8/4	163/6
12	Корсак (<i>Vulpes corsac</i> L., 1758)	—	—	—	1/1	1/1	—	—
13	Медведь (<i>Ursus</i>)	—	—	2/1	1/1	3/? <i>Ursus spelaeus</i> Ros. et Hein., 1794	3/2 <i>Ursus arctos</i> L., 1758	2/1 <i>Ursus spelaeus</i> Ros. et Hein., 1794
14	Росомаха (<i>Gulo gulo</i> L., 1758)	—	—	1/1	2/1	3/?	1/1	3/1
15	Лев пещерный (<i>Panthera spelaea</i> Gold., 1810)	—	—	7/1	47/3	54/?	53/4	58/2
16	Мамонт (<i>Mammuthus primigenius</i> Blum., 1799)	21/1jv	11/1jv	200/3jv	113/5 (4jv)	345/?	324/9	272/2
17	Лошадь (<i>Equus latipes</i> V. Grom., 1949)	37/2	18/1	179/4	120/3 (1jv)	354/?	318/8	421/6
18	Носорог шерстистый (<i>Coelodonta antiquitatis</i> Blum., 1799)	—	—	1/1	1(3фр.)/1	2/?	2/2	2/1
19	Кабан (<i>Sus scrofa</i> L., 1758)	—	—	—	—	—	1/1	1/1
20	Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i> L., 1758)	—	—	—	3/1	3/1	3/1	3/1
21	Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i> L., 1758)	3/2	6/1	63/4	4/1	76/?	73/6	76/2
22	Бык (<i>Bos</i> sp.)	—	—	3/1	—	3/1	4/1	5/1
23	Сайга (<i>Saiga tatarica</i> L., 1766)	—	—	2/1	7/1	9/?	9/2	6/1
24	Птицы (<i>Aves</i>)	—	—	—	5/?	5/?	—	29
	Общее количество костей	206	203	2957	1295	4661	?	4626

* В числителе — количество костей, в знаменателе — минимальное количество особей.

Условные обозначения:

? — точное количество особей исследователями не указывается.

+ — имеется в наличии, но точное количество не обозначено.

jv — молодая особь.

держиваться данных, приведённых в подробных описях с поквдратными привязками. В редких случаях расхождения значительны, например, в списке фауны из раскопа 1928 г. числится 18 костей лошади, а в описи приводятся только 2 (Карачаровский 1939b). К сожалению, в описи встречаются ошибки. К примеру, в описи костных остатков из раскопа 1938 г. была совершенно чётко указана находка когтевой фаланги льва в очаге на квадрате F43 (Карачаровский 1939e). Однако на указанном

квадрате не только не было очага, но он даже не был раскопан. Кроме того, наиболее значимые в археологическом плане находки в списке фауны отсутствуют. По-видимому, они изучались индивидуально, и сведения о них имеются только из записей полевого дневника. Поэтому они не включены в таблицы и отсутствуют на планах распространения фаунистических остатков, а упомянуты только в тексте. В коллекции имеется небольшое количество депаспортизированных костей, они указаны

в таблице, но в описании и на планах, разумеется, отсутствуют.

Что касается подсчётов костей зайца, представляется наиболее точным результат специального анализа этих костей, произведённого В. В. Карачаровским (1939f). Речь идёт об исследовании состава костей и распределении их по площади раскопов обоих комплексов. Для южного жилого комплекса из общего количества 2957 костей зайцу принадлежат 2387 (2576 по описи). Надо отметить, что в этом документе допущена ошибка: указано количество костей только из раскопок южного комплекса 1937 г. Большая часть костей зайца — нижние части конечностей, кисти и стопы (метакарпальные, метатарзальные, карпальные, тарзальные кости и фаланги). В основном они залегали в анатомическом порядке. Большинство таких находок приходится на древнюю дневную поверхность (75%), однако они часто встречаются в ямках (25%). Поэтому можно предположить, что это были лапки, использовавшиеся каким-то образом в хозяйстве.

В нашей работе специально уделяется внимание спискам фауны Александровской стоянки разных лет (табл. 1), так как в некоторые публикации закрались досадные неточности, которые хотелось бы, насколько это возможно, исправить. Так, например, в монографии А. Н. Рогачёва (Рогачёв 1955: 18) допущена опечатка в подсчёте костей сайги: по списку В. В. Карачаровского их не 70, а 7 (Карачаровский 1939e). Эта опечатка породила неверное отражение ситуации в дальнейших публикациях (Рогачёв, Аникович 1982: 83). Костей пещерного льва по списку В. В. Карачаровского 47, а не 49. В публикации В. И. Громова допущена опечатка при подсчёте костных остатков зайца: 3338 костей вряд ли могли принадлежать 9 особям (Громов 1948: 202), на что указал в своей монографии А. Н. Рогачёв (Рогачёв 1955: 17). Кроме того, в этой же работе в таблице поменяны местами русские названия слепыша и слепушонки (Громов 1948: 202).

В более поздней публикации Н. К. Верещагина и И. Е. Кузьминой (Верещагин, Кузьмина 1977) бобр и кабан, как и у В. И. Громова (Громов 1948: 202), были включены в список плейстоценовой фауны. В коллекции были выделены современные виды, а также костные остатки, относящиеся к слою селища эпохи бронзы, что объясняет большое различие в подсчётах костей слепыша и хомяка. К селищу было отнесено 78 костей (5 особей) слепыша и 3 попали в список современных видов

(3 особи), как и 26 костей хомяка (1 особь). Тем не менее, по всей видимости, нецелесообразно рассматривать бобра и кабана в контексте плейстоценовой фауны.

Характеристика фаунистических коллекций Костёнок 4 представлена по следующим позициям:

1) видовой состав (названия млекопитающих приведены в соответствии с «Международным кодексом зоологической номенклатуры» (Международный кодекс... 1988), порядок последовательности перечисления таксонов дан согласно их систематическому положению);

2) в археологическом контексте последовательность описания видов животных отражает порядок их перечисления в списках фауны В. В. Карачаровского и В. И. Громова;

3) жилые комплексы Костёнок 4 рассматриваются в хронологическом порядке их изучения: сначала южный комплекс (раскопы 1927, 1928, 1937 гг.), затем — северный комплекс (раскоп 1938 г.);

4) пространственное распределение костных остатков внутри каждого комплекса описывается в направлении с запада на восток.

Виды животных, которые представлены единичными находками, приводятся только в тексте, без таблиц.

Южный жилой комплекс

Раскопки южного жилого комплекса велись три года: в 1927 г. С. Н. Замятниным, первооткрывателем стоянки, в 1928 г. — П. П. Ефименко и в 1937 г. — А. Н. Рогачёвым. Участок, раскопанный в 1927—1928 гг., пришёлся на территорию западной секции жилища. Никаких данных, кроме шифров с номерами квадратов на находках, для этого участка нет, как и сведений о каких-либо объектах и структурах культурного слоя. Опираясь на устное сообщение С. Н. Замятина об «остатках костров» в раскопе 1927 года, а также по косвенным признакам — наличию большого количества обожжённых кремней и нескольких костных углей, и по аналогии с другими секциями жилища, А. Н. Рогачёв выдвинул обоснованное предположение, что здесь имелись и другие очаги (по меньшей мере два). По нашим представлениям, если взять за основу расстояние между сохранившимися очагами и реконструировать линию их расположения по крайним имеющимся очагам, то в раскопе 1927 г. должны были быть найдены ещё 3 очага, приходящиеся на квадраты G, I, J, K, L/10, 11.

Фаунистические остатки из раскопок С.Н. Замятнина 1927 г. представляют собой 206 костей (по списку), принадлежащих 7 видам млекопитающих (Карачаровский 1939а): заяц (*Lepus* sp.), хомяк (*Cricetus cricetus* L., 1758), полёвка (*Microtus* sp.), волк (*Canis lupus* L., 1758), мамонт (*Mammuthus primigenius* Blüm., 1799), лошадь (*Equus* sp.), северный олень (*Rangifer tarandus* L., 1758).

Мамонт представлен 1 молодой особью (21 кость по общему списку, 19 по описи). Поквадратную привязку имеют 9 костей, разночтения в подсчётах в данном случае объясняются тем, что осколки одного зуба на нескольких квадратах были подсчитаны как отдельные кости. Лошадей насчитывалось 2 особи, одна из них — современная (кости из чернозёма). Всего по списку 37 костей, по описи 41. Северному оленю принадлежат 3 кости от двух особей, лишь одна из которых — ископаемая (метаподия). Рог и фаланга происходят из чернозёма (Карачаровский 1939а). Имеются костные остатки одной молодой особи волка. Наибольшее количество костных остатков (138 по общему списку и 120 по описи) принадлежит зайцу (минимальное количество особей — 5), причём ни одной кости зайца в чернозёме встречено не было. В коллекции имеется ещё скелет хомяка и 1 кость полёвки (Карачаровский 1939а). Место находки раковины неизвестно, как и видовая принадлежность. Что же касается хомяка и полёвки, то они не могут рассматриваться в контексте плейстоценовой фауны, так как не имеют отчётливых признаков древности.

По В.И. Громову, помимо одной молодой особи мамонта и одной — волка, в списке имеется 5 особей зайца, хомяк и водяная крыса (Рогачёв 1955: 17). В опубликованной В.И. Громовым в 1948 г. монографии водяная крыса не упоминается.

Фаунистическая коллекция из раскопок П.П. Ефименко 1928 г. насчитывает 203 костных остатка 8 видов млекопитающих (Карачаровский 1939б): заяц (*Lepus* sp.), слепыш (*Spalax microphtalmus* Güld., 1770), хомяк (*Cricetus cricetus* L., 1758), волк (*Canis lupus* L., 1758), песец (*Alopex lagopus* L., 1758), мамонт (*Mammuthus primigenius* Blüm., 1799), лошадь (*Equus latipes* V. Grom., 1949) северный олень (*Rangifer tarandus* L., 1758).

11 костей мамонта принадлежат одному молодому животному. Возможно, речь идёт о той же особи, кости которой найдены в раскопе С.Н. Замятнина. Лошадь (18 костей по списку, 2 по описи) представлена одной

очень крупной особью с особенно широкими копытами, для которой В.И. Громова предложила новое видовое название *Equus latipes* V. Grom, 1949 (Громова 1950: 73—74). Шесть костей северного оленя принадлежат одному старому животному, одна мелкая особь волка представлена двумя резцами, а песец — всего одним клыком. Среди грызунов наиболее многочисленны костные остатки зайца — 162 кости по списку, 164 — по описи (минимум 5 особей). Хомяк представлен одной костью, а слепыш — двумя, принадлежащими одной особи. Последние два вида, как и в случае с коллекцией 1927 г., в интересующем нас контексте не рассматриваются.

Состав фауны раскопанной в 1937 г. части поселения значительно богаче, чем в прежних раскопах. Здесь встречено 2957 костей (по описям 2812) 18 видов млекопитающих (Карачаровский 1939с; 1939д): заяц (*Lepus* sp.), суслик (*Citellus* sp.), обыкновенный бобр (*Castor fiber* L., 1758), слепыш (*Spalax microphtalmus* Güld., 1770), хомяк (*Cricetus cricetus* L., 1758), слепушонка (*Ellobius* sp.), волк (*Canis lupus* L., 1758), песец (*Alopex lagopus* L., 1758), пещерный медведь (*Ursus spelaeus* Ros. et Hein., 1794), росомеха (*Gulo gulo* L., 1758), пещерный лев (*Panthera spelaea* Gold., 1810), мамонт (*Mammuthus primigenius* Blüm., 1799), лошадь (*Equus latipes* V. Grom., 1949), шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis* (Blüm., 1799)), кабан (*Sus scrofa* L., 1758), северный олень (*Rangifer tarandus* L., 1758), бык (*Bos* sp.), сайга (*Saiga tatarica* L., 1766).

Костные остатки суслика и слепушонки были зачастую представлены целыми скелетами, найденными в кротовинах. В некоторых случаях они не имели выраженных признаков древности, поэтому не включены в список фауны.

Было найдено 200 (164 по описи) костей мамонта, плохой сохранности, которые принадлежали трём ювенильным особям. 4 очень крупные особи лошади представлены 179 костями (194 по описи), 4 особи северного оленя — 63 (55 по описи, хорошей сохранности). Двум особо крупным особям волка принадлежала 51 кость (52 по описи), песцу (2 особи) — полная нижняя челюсть, 2 клыка и обломок локтевой кости. Наиболее многочисленными являются костные остатки зайца — 2387 костей (2292 по описи), принадлежавших минимум 63 особям. Новыми для этого памятника явились находки шерстистого носорога (1 метаподия), пещерного льва весьма крупных размеров (5 зубов, фаланга и сесамовидная кость), пещерного медведя

(локтевая и пяточная кости), росомахи (одна фаланга) и сайги (2 метаподии). Кости кабана, быка очень крупных размеров и хвостовой позвонок бобра происходят, по всей видимости, из слоя селища эпохи бронзы.

Обратим особое внимание на то, что среди костей **мамонта** практически отсутствуют крупные, которые могли бы быть конструктивными элементами жилища. Из 182 костей (по описям всех трёх коллекций южного жилого комплекса), принадлежащих как минимум трём ювенильным особям, наибольшее количество составляют зубы, главным образом, фрагментированные (79). Не во всех случаях можно установить, принадлежат найденные на одном квадрате фрагменты одному зубу или нескольким. Остаётся положиться на мнение описавших коллекцию специалистов, отдавая себе отчёт в некоторой условности этих подсчётов. Впрочем, именно в этом вопросе точность не имеет принципиального значения. Зубы достаточно часто фрагментируются при извлечении из слоя, поэтому считать каждый фрагмент отдельной костью вряд ли стоит.

Всего 1 осколок бивня во всём комплексе найден в западном конце западной секции. Два ребра залежали близ южной границы восточного конца западной секции, чуть более чем в метре друг от друга, и одно ребро — возле очага в средней секции. Все остальные кости, за исключением 23 неопределимых фрагментов, это кости конечностей. Причём значительно преобладают среди них кости стопы. 47 фаланг относительно равномерно распространены по всей площади, несколько меньше их приходится на западную секцию, вскрытую раскопами 1927 и 1928 гг., на площади которых найдено 3 фаланги, метаподия и головчатая кость (рис. 1; табл. 2). В западном конце западной секции, практически на границе окрашенного слоя, достаточно компактно залегают 4 кости стопы, одна из них в ямке. В средней части западной секции найдены ещё карпальная кость, метакарпальная и коленная чашечка. В средней секции, на квадрате Z 13, около очага относительно компактно залежали фаланга, метаподия, метакарпальная II, осколок зуба и обломок кости. В восточной секции, помимо фаланг, были найдены 2 карпальные кости — возле среднего и восточного очагов.

За пределами жилого углубления и окрашенного слоя, где находки вообще чрезвычайно редки, найдены фаланга и трёхгранная кость. В центральной части южного внешнего скопления культурных остатков, помимо осколка зуба и 2 неопределимых обломков, найдено 10 костей стопы. В северном скоплении найдены всего 3 кости мамонта, все тар-

зальные. То есть кости стопы присутствуют во всех объектах — секциях жилищ, об их внешних скоплениях и даже за пределами окрашенного слоя.

Кости мамонта более или менее равномерно распределены по площади южного жилого комплекса (рис. 1). В западной секции найдено 57 костей, на границе между западной и средней секциями — 4, в средней — 55, в восточной — 38. За пределами объектов обнаружено 7 костей, в северном внешнем скоплении — 3, в южном — 17.

Шерстистый носорог представлен во всём южном комплексе всего одной метаподией, найденной в юго-западном углу восточной секции (рис. 2).

Из семи костей **пещерного льва** две найдены в западной секции. Зуб — на западной границе жилища, и фаланга — к югу от третьего, западного очага. Остальные пять костей относятся к средней секции. Здесь у центрального очага было найдено 2 зуба и часть верхней челюсти с зубами, примерно в метре к северу от них — ещё один зуб. В юго-восточной части секции найдена сесамовидная кость (рис. 2).

Одна из двух костей **медведя** была найдена в жилище — в юго-западной части западной секции. Вторая — в концентрации костей в самом центре южного внешнего скопления (рис. 2).

Среди костей **лошади** (241 по описям), помимо зубов (71), имеется 5 костей черепа, 7 лопаток, 11 позвонков и 4 тазовых (табл. 3). Все остальные — кости конечностей. 3 зуба лошади найдены вне жилища, остальные образуют 3 зоны распространения: в западной половине западной секции (на квадрате F 11 вместе с фрагментом нижней челюсти), в восточной части средней секции (наибольшее количество), в восточной половине восточной секции (рис. 3). На самой восточной границе восточной секции зуб также залежал вместе с фрагментом нижней челюсти. Здесь же, чуть южнее, были обнаружены ещё фрагмент нижней челюсти и обломок черепа с затылочными мышцами. Другой подобный фрагмент найден в центральной части средней секции. Из семи лопаток три располагались по контуру жилого углубления, на границе окрашенного слоя — на западе и юге западной секции и на юге средней. Две лопатки были найдены в раскопе 1927 г., возле гипотетической линии очагов и чуть севернее, ещё две лопатки маркировали восточную границу средней секции и западную границу восточной. 11 позвонков залежали довольно компактно — 8 на северной границе комплекса, между средней

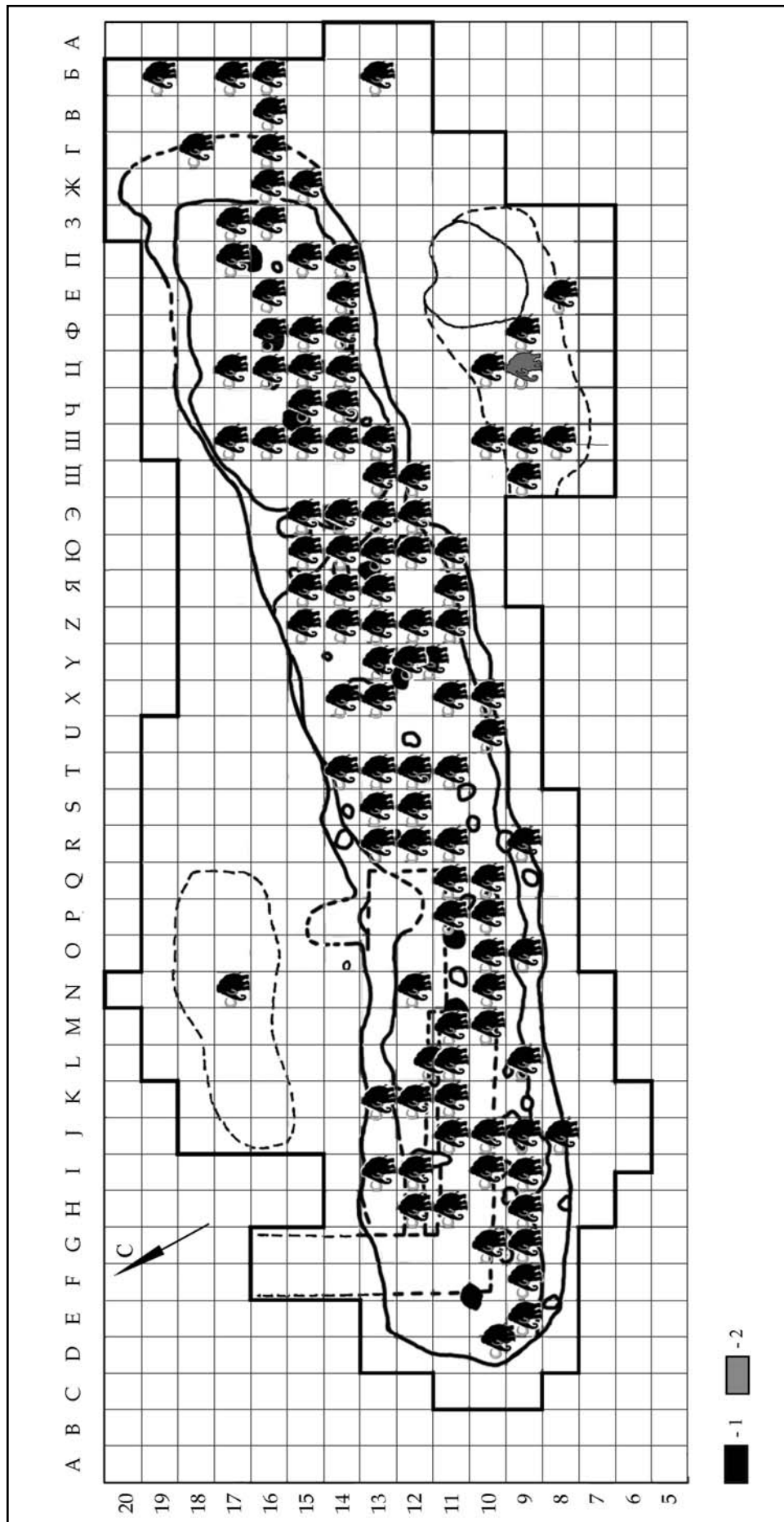

Рис. 1. Распределение костей мамонта в южном жилом комплексе. Количество костей: 1 — от 1 до 9 экз.; 2 — от 10 до 19 экз.

Fig. 1. Distribution of mammoth bones in the southern complex. Number of bones: 1 — 1—9 finds; 2 — 10—19 finds.

Таблица 2.

Распределение костей мамонта в южном жилом комплексе

№ квадрата	Количество костей	Состав костей	№ квадрата	Количество костей	Состав костей
Е 9	3	полулунная, сесамовидная, фаланга	Х 14	2	обломок кости, корень зуба
Е 9—10 ямка	1	осколок кости	У 11—12 западина	1	фаланга
Е 9	4	2 осколка костей, фаланга, осколок бивня	У 12	3	ребро, фаланга и осколок зуба
С 9	1	обломок кости	У 13	2	осколок зуба и фаланга
С 10	1	фаланга	Z 11	1	фрагмент зуба
Н 9	1	обломок кости	Z 12	2	осколок и корень зуба
Н 11*	1	обломок зуба	Z 13	5	фаланга, метаподия, метакарпальная, осколок зуба, осколок
Н 12	1	обломок зуба	Z 14	3	фаланга и 2 осколка
І 9	5	3 корня зуба, зуб, обломок кости	Z 15	1	фаланга
І 10	1	обломок зуба (3 фрагмента)	Я 11	2	фаланги
І 12	3	обломок зуба, неопределимый обломок, фаланга	Я 13	2	осколок зуба, полулунная
І 13	1	метаподия	Я 14	2	фаланга, осколок зуба
Ј 8	1	осколок зуба	Я 15	2	осколок кости, осколок зуба
Ј 9	1	полулунная	Ю 11	2	осколок кости, осколок зуба
Ј 10	1	коленная чашечка	Ю 12	2	осколок зуба, таранная
Ј 11	2	обломок зуба, корень зуба	Ю 13	2	фаланга, корень зуба
ЈК 9	1	метакарпальная	Ю 14	2	осколок зуба, корень зуба
К 11	2	обломок кости, осколок зуба	Ю 15	3	фаланга, осколок зуба, осколок кости
К 12	3	2 обломка зубов, метаподия	Э 12	1	осколок зуба
К 13	1	головчатая	Э 13	2	фаланга, осколок зуба
Л 9	1	обломок кости	Э 14	1	осколок зуба
Л 11	1	обломок зуба (раскрошившийся)	Э 15	1	осколок зуба
Л 11—12	2	обломок кости, фаланга	Щ 9 ямка	5	пяточная, таранная, метаподия, фрагмент зуба, головчатая
М 10	1	корень зуба	Щ 12	1	осколок зуба
М 11	1	обломок кости	Щ 13	1	осколок зуба
Н 10	2	осколки зуба	Ш 8 ямка	3	сесамовидные
Н 12	1	фаланга	Ш 9 ямка	1	эпифиз
Н 17	3	головчатая, трёхгранная, метаподия	Ш 10	1	метаподия
О 9	1	ребро	Ш 13	1	фаланга
О 10	2	метаподия, фаланга (эпифиз)	Ш 14	2	осколок зуба, корень зуба
Р 10	2	обломок кости, осколок зуба	Ш 15	1	осколок зуба
Р 11	2	осколок зуба, таранная	Ш 16	1	осколок зуба
Q 10	1	ребро	Ш 17	1	осколок зуба
Q 11	5	фаланга и 4 осколка зуба	Ч 14	1	осколок зуба
Р 9	1	фаланга	Ч 15	2	фаланга, осколок зуба
Р 11	1	осколок зуба	Ц 9	11	метаподия, центральная, 6 фаланг, осколок зуба, 2 неопределимых осколка
Р 12	1	осколок зуба	Ц 10	1	фаланга
Р 13	1	фаланга	Ц 14	1	осколок зуба
С 12	2	обломок кости, корень зуба	Ц 15	2	осколок зуба, осколок кости
С 13	2	фаланга, корень зуба	Ц 15 ямка	3	2 фаланги, осколок кости
Т 11	1	осколок зуба	Ц 16	1	полулунная
Т 12	2	осколок зуба, корень зуба	Ц 17	1	фаланга
Т 13	3	2 осколка зуба (1 корень), фаланга	Ф 9	3	фаланга, осколок зуба, осколок кости
Т 14	1	фаланга	Ф 14	1	корень зуба
U 10	1	фаланга	Ф 15	1	осколок зуба
Х 10	1	фаланга	Ф 17	1	осколок зуба
Х 11	1	осколок зуба	Т 8	1	осколок зуба
Х 13	2	осколок и корень зуба			

Таблица 2 (окончание).

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
Г 14	1	фаланга
Г 16	2	фаланга, осколок кости
П 14	1	фаланга
П 15	1	фаланга
П 17	1	полулунная
З 16	1	осколок зуба
З 18	1	корень зуба
Ж 15	1	фаланга
Ж 16	1	осколок зуба
Г 16	1	осколок зуба
Г 18	1	фаланга
В 16	2	осколки кости

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
б 13	1	трёхгранная
б 16	1	корень зуба
б 17	2	фаланга, осколок зуба
б 19	1	осколок кости
ниже пола на LQ 15—19	1	фаланга
прокопна пола восточной секции	1	зуб
подбой	1	фаланга
Всего	194	

* Жирным шрифтом выделены номера квадратов раскопов 1927—1928 гг.

и восточной секциями, 1 — чуть к юго-западу, и ещё 2 немного южнее — возле самого восточного очага средней секции. Среди костей конечностей абсолютное большинство составляют метакарпальные и метатарзальные (38), затем фаланги (18). Ладьевидных костей всего 10, плечевых и лучевых — по 9, грифельных — 7, бедренных, сесамовидных, локтевых и больших берцовых — по 6, трёхгранных и квадратных — по 4, остальные представлены одним либо двумя экземплярами. В средней секции кости лошади залежали, в основном, в восточной части, а в восточной — в середине (рис. 3).

Большая часть костных остатков приходится на площадь западной секции. Наиболее крупное скопление, состоящее из костей передних и задних конечностей, отмечено в яме на квадратах NO 11. В верхней части заполнения, помимо неопределимых обломков, залежали 2 тазовых, бедренная, плечевая, лучевая, метаподия и карпальные кости. Эта яма, как и другие, подробно описана А. Н. Рогачёвым (Рогачёв 1955: 103).

Мощная концентрация костей обнаружена в западной части западной секции — на участке, раскопанном в 1927 году. В её центре, на квадрате G 11, найдено 8 метаподий и 4 фаланги лошади (кости других видов животных из этого скопления будут рассмотрены ниже, каждый вид в соответствующем контексте). На прилегающих квадратах обнаружено повышенное количество костей (табл. 3) по сравнению с фоном. 2 фаланги и обломок зуба лошади, найденные на соседнем квадрате к востоку (H 11), вероятно, также относятся к этому скоплению. На квадрате F 11 залежали грифельная кость лошади, 3 зуба и фрагмент нижней челюсти. На квадрате H 10 найдены метаподия и зуб лошади, а на G 10 — лопатка,

фаланга, метаподия и зуб. Заметим, что гипотетический очаг N 2 западной секции должен был бы находиться как раз на границе квадратов G 10—11. Это абсолютно соответствует наблюдению А. Н. Рогачёва о том, что наивысшая концентрация находок в южном жилом комплексе наблюдается с двух сторон вдоль линии очагов. Как раз именно здесь находок больше, чем на прилегающих участках. На квадрате K 10 лежала большая берцовая кость, а на K 12 — трёхгранная кость. Таким образом, костные остатки лошади распределены между секциями жилища почти равномерно: в западной секции было найдено 78 костей, на границе между западной и средней секциями 11, в средней 62, в восточной 72. В северном скоплении костных остатков лошади не было, в южном — 2 кости, вне объектов — 9.

Обе кости **сайги** найдены в средней секции: фаланга — в юго-восточной части, метаподия — в ямке в юго-западной части (рис. 2).

Рассмотрим распределение костей **северного оленя**. Включая участок 1927—1928 гг., было найдено 62 кости (по описи 63; табл. 4; рис. 4). К краниальному скелету относятся 4 нижних челюсти (фрагменты), лобная кость и 12 зубов. Интересно, что основная их часть обнаружена в западной секции — 9 зубов, лобная кость и 3 фрагмента нижних челюстей. 4 зуба найдены на границах углубления: 2 — на западной, 1 — на южной и 1 — на северной. Ещё 5 зубов раскопаны на трёх соседних квадратах в восточной части западной секции, к югу от линии очагов. Возле самого восточного очага была расчищена концентрация костей северного оленя, к которой относятся 2 зуба и лобная кость. К северу от линии очагов, примерно в середине секции, на раскопе 1928 г., была обнаружена дру-

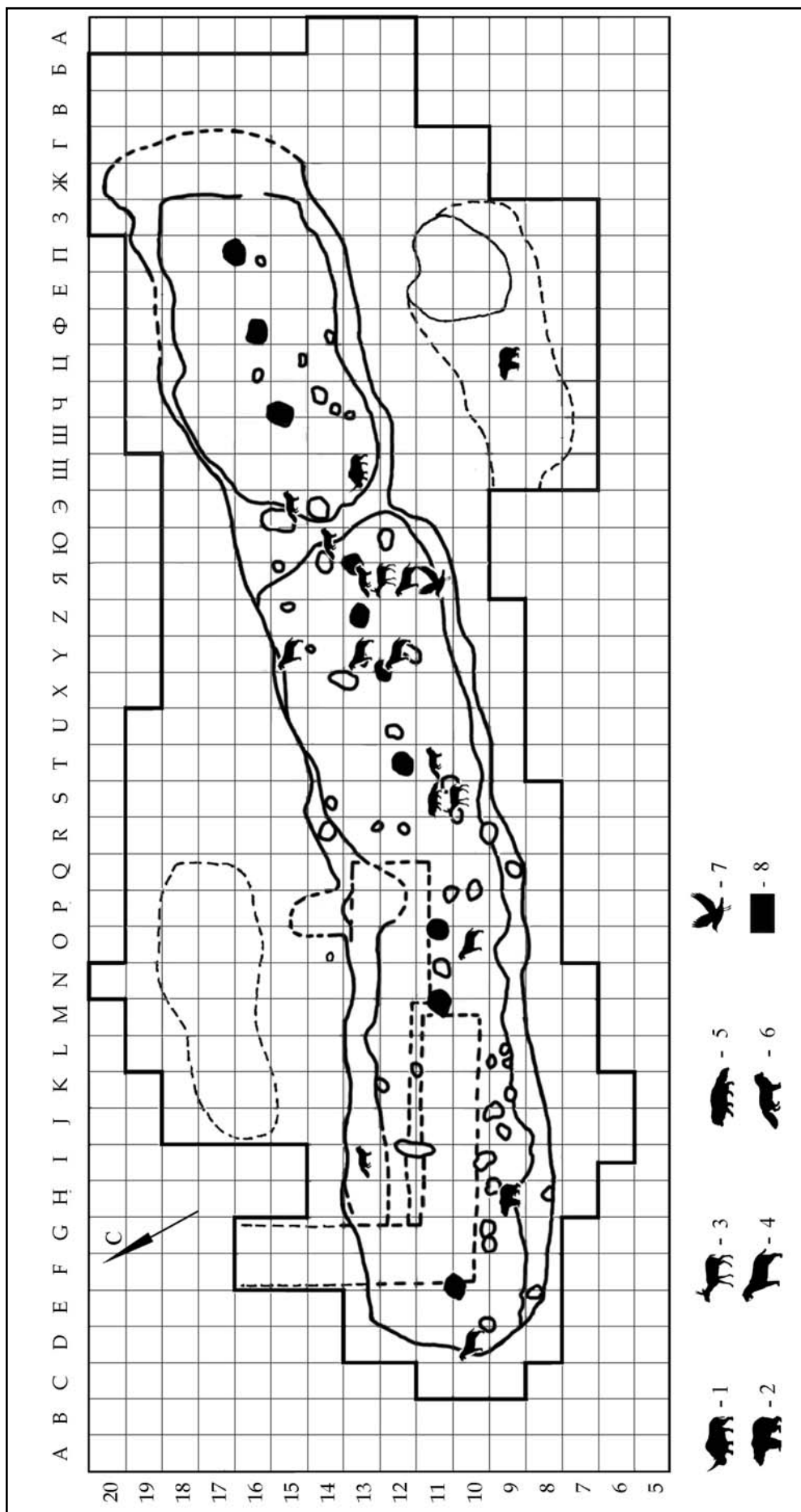

Рис. 2. Распределение костей животных разных видов в южном жилом комплексе. Условные обозначения: 1 — носорог; 2 — медведь; 3 — сайга; 4 — лев; 5 — росомаха; 6 — песец; 7 — птицы. Количество костей: 8 — от 1 до 9 экз.

Fig. 2. Distribution of bones of various animals in the southern complex. Legend: 1 — rhinoceros; 2 — bear; 3 — saiga; 4 — lion; 5 — wolverine; 6 — arctic fox; 7 — birds. Number of bones: 8 — 1—9 finds.

№1. 2014

Таблица 3.

Распределение костей лошади в южном жилом комплексе

№ квадрата	Количество костей	Состав костей	№ квадрата	Количество костей	Состав костей
D 10	1	таранная	X 11	1	лучевая
D 11	1	лопатка	Y 13	3	2 зуба, метаподия
E 9	1	фаланга	Y 13 ямка	3	грифельная, фаланга, корень зуба
F 8	1	метаподия	Y 15	3	метаподия, большая берцовая, лучевая
F 9	1	ладьевидная	Z 12	1	большая берцовая
F 10	1	зуб	Z 13	1	метаподия
F 11*	5	3 зуба, грифельная, сочленение нижней челюсти	Z 14	4	метаподия, бедренная, лучевая, затылочные мышечки
F 14	4	3 обломка зубов, метаподия	Я 11	2	метаподия, зуб
G 9—10 ямка	1	ладьевидная	Я 12	1	тазовая
G 10	1+3	метаподия, лопатка, зуб, фаланга	Я 13	5	2 зуба, 2 позвонка, локтевая
G 11	12	8 метаподий, 4 фаланги	Я 14	3	бедренная, зуб, позвонок
G 12	4	2 резца, метаподия, лопатка	Я 15	2	метаподия, зуб
H 9	1	фаланга	Я 16	1	зуб
H 10	1+1	зуб, метаподия	Ю 11	2	зуб, плечевая
H 11	3	2 фаланги, обломок зуба	Ю 12	1	зуб
H 11—12	1	зуб	Ю 13	8	6 зубов,
I 9	4	3 зуба, трёхгранная	Ю 14 ямка	1	плечевая
I 11	2	зуб, кубовидная	Ю 15	11	8 позвонков, зуб, тазовая, бедренная
I J 11—12 ямка	1	плечевая	Ю 16	1	зуб
J 8	1	лопатка	Э 12	3	плечевая, бедренная, грифельная
J 10	1	ладьевидная	Э 13	2	лопатка, гороховидная
J 11	1	трёхгранная	Э 15	2	лопатка, метаподия
J 14	1	метаподия	Э 15—16 ямка	2	метаподия, лучевая
K 10	1	большая берцовая	Э 17	1	зуб
K 11	1	обломок зуба	Щ 15	1	метаподия
K 12	1	трёхгранная	Щ 16	2	зубы
L 11	1	сесамовидная	Ш 13	1	кубовидная
L 11—12	3	2 зуба и метаподия	Ш 14	2	магнум, ладьевидная
L 16	1	метаподия	Ш 15	1	зуб
N 11	1	ладьевидная	Ш 16	3	2 зуба, лучевая
N 13	1	полулунная	Ш 17	1	зуб
NO 11 ямка	9	2 тазовых, лучевая, 2 ладьевидных, квадратная, метаподия, бедренная, плечевая	Ч 13	1	зуб
O 10	1	грифельная	Ч 14	2	локтевая, бедренная
O 11	3	метаподия, колено, зуб	Ч 16	1	метаподия
P 9	1	фаланга	Ц 15	3	большая берцовая, ладьевидная, пяточная
P 10	1	сесамовидная	Ц 15 ямка	1	локтевая
Q 9	2	зуб (3 осколка), плечевая	Ц 16	4	большая берцовая, 3 зуба
Q 10	1	сесамовидная	Ц 16 ямка	1	зуб
Q 11	1	плечевая	Ц 17	3	фаланга, лучевая, зуб
R 9	1	лопатка	Ф 7	1	зуб
R 11	6	фаланга, таранная, пяточная, 2 ладьевидных, кубовидная	Ф 8	1	грифельная
R 12	2	локтевая, трёхгранная	Ф 9	1	зуб
R 13	2	зуб и плечевая	Ф 14	1	метаподия
S 13	1	зуб	Ф 15	3	грифельная, метаподия, зуб
T 11	1	метаподия	Ф 16	5	3 зуба, фаланга, сесамовидная
T 12	1	зуб	Ф 17	3	метаподия, локтевая, зуб
T 13	2	зуб и фаланга	T 15	1	фаланга
U 11	1	лучевая	T 16	2	метаподия, зуб
U 12	2	метаподия и грифельная	T 17	1	сесамовидная

Таблица 3 (окончание).

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
Т 18	1	зуб
П 15	3	2 метаподии, зуб
П 16	1	зуб
З 15	3	колени, сесамовидная, фаланга
З 17	1	корень зуба
Ж 15	2	большая берцовая, зуб
Ж 16	1	нижняя челюсть
Ж 17	1	лучевая
Ж 18	1	плечевая

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
Г 16	1	затылочный мыщелок
Г 17	1	локтевая
Г 18	2	зуб, сочленение нижней челюсти
В 15	2	метаподии
Б 17	1	фаланга
депаспортизованы	8	
Всего	241	

* Жирным шрифтом выделены номера квадратов и количество находок из раскопов 1927—1928 гг.

гая небольшая концентрация костей северного оленя — 2 фрагмента нижних челюстей и зуб. Все эти кости принадлежат одной старой особи. Третий фрагмент нижней челюсти был найден на южной границе жилого углубления, также в середине секции.

Кости посткраниального скелета представлены остатками конечностей, большую часть которых составляют метаподии (15) и фаланги (8). Одна фаланга относится к концентрации костей в середине западной секции, ещё одна фаланга и 2 метаподии — к концентрации костей возле её самого восточного очага. Большинство костных остатков найдено в средней и восточной секциях, причём в разных количественных соотношениях. В средней секции были найдены 2 фаланги (у самого восточного очага), 5 метаподий (вдоль всей линии очагов), локтевая (на южной границе), ладьевидная (чуть севернее западного очага) и полулунная. В восточной секции основная часть костей северного оленя концентрируется между первым и вторым очагами и распространяется в направлении СВ-ЮЗ от линии очагов. Здесь набор костей разнообразнее, чем в средней секции: 5 метаподий (одна из них в ямке на квадрате Ч17), 2 локтевых, плечевая, лучевая, грифельная, фаланга, кубовидная, ладьевидная. На квадрате Ц17 было разобрано скопление костей, состоящее из 2-х метаподий (из упомянутых выше), большой берцовой, таранной и гороховидной костей.

По участкам комплекса костные остатки распределены следующим образом: западная секция — 21 кость, граница между средней и западной секциями — 1 кость, средняя секция — 12 костей, восточная — 22. Вне объектов было найдено 5 костей, в южном скоплении — 1. За пределами жилища было найдено 7 костей северного оленя: лучевая кость в центре южного внешнего скопления, зуб и 2 метаподии в углистом пятне к северу от север-

ной границы средней секции, фаланга и 2 локтевых к востоку от восточной секции.

На квадрате К10 найдены три клыка волка (вместе с большой берцовой костью лошади), а к северу от гипотетической линии очагов, на квадратах К12 и К13, было обнаружено по одному волчьему резцу. Все кости волка на этом участке относятся к одной ювенильной особи.

Кости волка на остальной части раскопа (51 экз. по списку, 52 экз. по описи; табл. 5) — это, по большей части, кости конечностей (28). В основном, это фаланги (15), 6 метаподий, 2 гороховидные. Лучевая, локтевая, таранная, пяточная и коленная чашечка представлены единичными находками.

Зубы (14 зубов и 4 клыка) распределены между западной и средней секциями, и по одному найдено в северном и южном внешних скоплениях (рис. 5). На западную секцию приходится 5 зубов и 4 клыка. Краниальные кости встречены во всех трёх секциях — в западном конце западной секции, на границе окрашенного слоя, найден затылочный гребень. В средней секции, чуть к северу от первого очага, на квадрате Т13 (там же, где 2 зуба) найдены 2 нижние челюсти (одна из них с зубами). Вряд ли такое сочетание находок можно принять за простое совпадение. В восточной секции, возле самого восточного очага, найдена верхняя челюсть с зубами. Кости осевого скелета представлены одной головкой ребра (квадрат Р9, к югу от западного очага западной секции) и шестью позвонками. В западной секции, на южной границе углубления был обнаружен крестцовый позвонок, в средней секции, в ямке ХУ13—14 — один хвостовой, второй хвостовой — к западу от первого очага восточной секции. Здесь же был найден позвонок, точная принадлежность которого к конкретному отделу позвоночного столба не определена, как и у позвонка, найденного

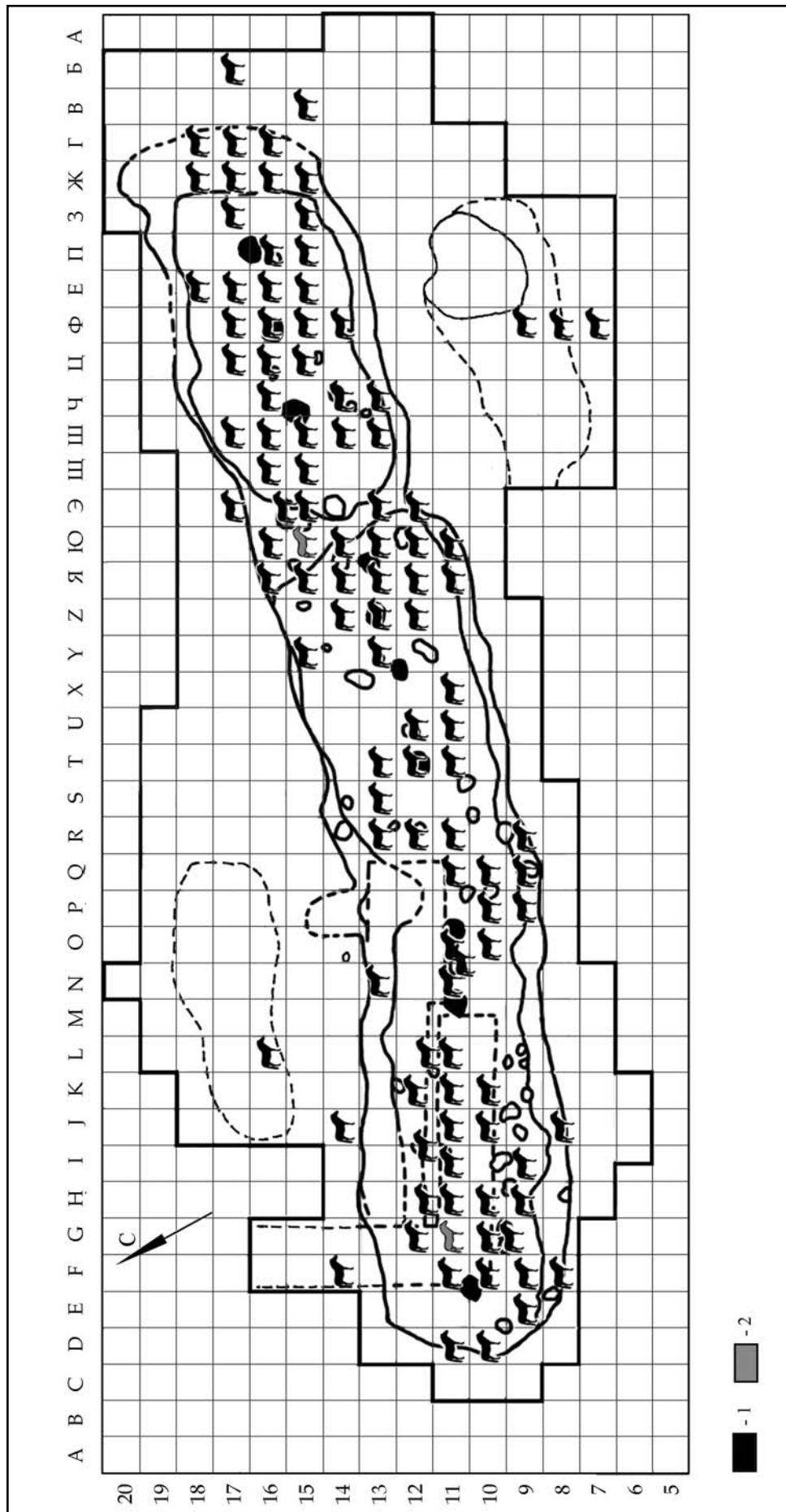

Рис. 3. Распределение костей лошади в южном жилом комплексе. Количество костей: 1 — от 1 до 9 экз.; 2 — от 10 до 19 экз.

Fig. 3. Distribution of horse bones in the southern complex. Number of bones: 1 — 1—9 finds; 2 — 10—19 finds.

Таблица 4.

Распределение костей северного оленя в южном жилом комплексе

№ квадрата	Количество костей	Состав костей	№ квадрата	Количество костей	Состав костей
D 11	2	зубы	Ю 13	1	метаподия
G 10*	1	метаподия	Ю 14	1	фаланга
H 9	1	зуб	Щ 14	1	тазовая
I 9	1	лучевая	Ш 14	2	фаланга, локтевая
J 12	1	резец	Ш 17	1	ладьевидная
K 12	3	2 фрагмента нижней челюсти, зуб	Ч 14	1	фаланга
L 9	1	фрагмент нижней челюсти	Ч 15	1	грифельная
N 10	2	зубы	Ч 16	1	большая берцовая
O 10	1	зуб	Ч 17 ямка	1	метаподия
O 13	1	фрагмент метаподии	Ц 9	1	лучевая
P 10	3	2 зуба и метаподии	Ц 15	1	кубовидная
P 11	1	лобная	Ц 16	1	метаподия
Q 11	2	метаподия, фаланга	Ц 17	5	2 метаподии, гороховидная, таранная, большая берцовая
R 12	1	крючковатая	Ф 14	2	фаланга, гороховидная
T 10	1	локтевая	Ф 16	2	метаподия, локтевая
T 13	1	ладьевидная	Ф 18	1	плечевая
U 13 углестое пятно	1	метаподия	П 19	1	зуб
U 16	3	2 метаподии, зуб	Г 15	1	локтевая
X 12	1	метаподия	В 15	1	локтевая
Y 13	1	метаподия	Б 17	1	фаланга
Z 14	1	метаподия	западная секция выше слоя	1	лопатка
Я 12	2	нижняя челюсть с 2-мя зубами, полулунная	Всего	62	
Я 14	2	зуб, фаланга			

* Жирным шрифтом выделены номера квадратов и количество находок из раскопов 1927—1928 гг.

на южной границе в середине восточной секции. Атлант залегал в южном внешнем скоплении.

Кости конечностей, в целом, на территории жилища распределены неравномерно: 14 экз. в южном внешнем скоплении (анатомическая группа костей передней конечности), 4 — в западной секции (все в восточной части), 3 — в средней, 8 — в восточной. В западной секции у последнего очага лежали близко друг от друга таранная и пяточная кости, метаподия и фаланга. Ещё одна фаланга найдена практически на границе со средней секцией. В средней секции метаподия и фаланга были обнаружены между вторым и третьим очагами, а коленная чашечка — в ямке на самой восточной границе секции. В восточной секции, у среднего очага и к югу вдоль линии очагов, располагались 8 костей стопы.

Итого, в западной секции было всего 17 костей волка, на границе западной и средней секций — 1, в средней секции — 13, в восточной — 12. К северному внешнему скоплению относится 1 кость, к южному 14. Вне объектов костей волка найдено не было (рис. 5).

Единственная кость (фаланга) **росомахи** залегала в ямке в юго-западной части средней секции (вместе с метаподией сайги) (рис. 2).

Кости **песца** представлены тремя клыками, нижней челюстью (в трёх фрагментах) и локтевой. Только один клык был найден в западной секции, на её северной границе (в раскопе 1928 г.). Непосредственно у первого очага средней секции лежал ещё один клык, около последнего очага — 3 фрагмента нижней челюсти, чуть восточнее, на самой границе секции — ещё один клык. Локтевая кость залегала в непосредственной близости к нему, на самой западной границе восточной секции (рис. 2).

Поскольку состав и распределение костей **зайца** были проанализированы В. В. Карачаровским (Карачаровский 1939f), ограничимся только указанием количественного распределения их по площади южного комплекса (табл. 6; рис. 6). Следует отметить, что количество костей в бровке между раскопами 1927 и 1928 гг. учтено в списке 1937 г., когда и была разобрана бровка, на квадратах линии 11—12. Их невозможно разложить на квадраты 11 или 12 линии, поэтому они выделены особо. Впрочем, на этом участке количество костей не превышает 30 на квадрат, и то в единичных случаях. Кости зайца встречены практически на всей площади жилого комплекса, единичные находки имеются и за его преде-

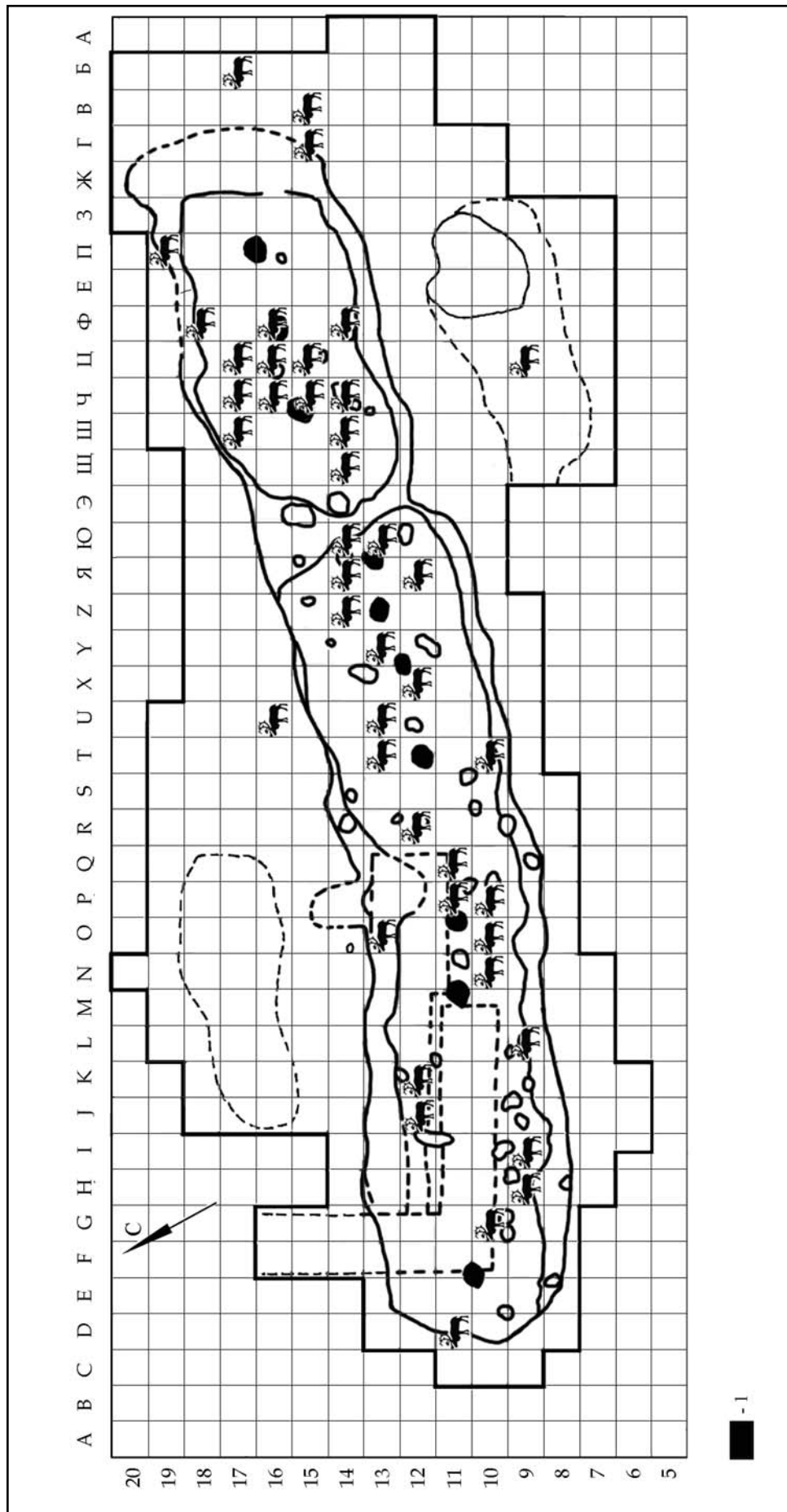

Рис. 4. Распределение костей северного оленя в южном жилом комплексе. Количество костей: 1 — от 1 до 9 экз.

Fig. 4. Distribution of reindeer bones in the southern complex. Number of bones: 1 — 1 —9 finds.

Таблица 5.

Распределение костей волка в южном жилом комплексе

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
D 9	1	зуб
E 9	1	затылочный гребень
H 11*	1	фрагмент челюсти с зубами
H 11—12	1	зуб
J 9	1	крестец
K 10	3	клыки
K 12	1	резец
K 13	1	резец
M 16	1	зуб
O 10	1	таранная
P 9	1	зуб
P 10	2	ребро (головка), пяточная
P 11	2	метаподия, фаланга
Q 10	1	клык
R 11	1	фаланга
T 13	4	2 зуба, 2 нижних челюсти (1 с зубами)
XV 13—14 ямка	1	хвостовой позвонок
Y 13	2	2 зуба
Z 12	1	метаподия

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
Z 13	2	фаланга, зуб
Z 14	1	зуб
Я 11	1	зуб
Ю 14 ямка	1	коленная
Ш 15	1	хвостовой позвонок
Ш 16	1	позвонок
Ч 14	2	фаланги
Ц 8	2	фаланги
Ц 9	4	2 метаподии, атлант, лучевая
Ц 15	1	фаланга
Ф 8	7	4 фаланги, локтевая, метаподия, гороховидная
Ф 9	1	зуб
Ф 14	2	фаланга, позвонок
Ф 15	1	метаподия
Ф 16	1	гороховидная
T 15	1	фаланга
T 16	1	фаланга
П 16	1	верхняя челюсть с зубами
Всего	58	

* Жирным шрифтом выделены номера квадратов и количество находок из раскопов 1927—1928 гг.

лами, особенно к востоку. По большей части, их количество не превышает 10 на квадрат. На 42-х квадратах количество костей укладывается в промежуток от 10 до 20, на 22-х — от 20 до 30. На двух квадратах (E 9 и Ю 13) — более 40 костей. Наивысшая концентрация костей зайца в слое наблюдается в западном жилище, к юго-западу от последнего очага (82 кости). На двух прилегающих квадратах — 31 и 38 костей. 24 кости залежали на дне ямы на квадратах NO 11. Однако больше всего костей, в целом, найдено в восточном жилище. Здесь на небольшом участке к северу от среднего очага (кв. Ц 17) было найдено 66 костей, в метре к югу (кв. Ц 15) — 55 костей на квадрате и 110 в ямке.

В юго-восточной части средней секции была обнаружена единственная кость **птицы**, видовой принадлежность которой не определена (рис. 2).

В целом, в южном комплексе, кроме описанных выше концентраций с доминированием костных остатков какого-то одного вида, есть смешанные скопления костей разных видов животных.

Мощная концентрация костей обнаружена в западной части западной секции — на участке, раскопанном в 1927 году. Здесь на квадратах G 10—11 вместе с 12 костями лошади залежали обломок зуба и фаланга мамонта, метаподия северного оленя, зуб и кусок челюсти с зубами волка и 19 костей зайца.

Весьма интересен участок между первым и вторым очагами восточной секции, с небольшим смещением к СВ и ЮЗ от линии очагов. На квадрате Ц 17, помимо большого количества костей зайца, было найдено 5 костей северного оленя, фаланга мамонта, 3 кости лошади, а на квадрате Ц 15 максимальное количество костей зайца во всём комплексе (165) сопровождалось фалангой волка, зубом и осколком кости мамонта, локтевой костью лошади в ямке.

Чрезвычайный интерес представляет состав костей на квадрате Ц 9 — в центре южного внешнего скопления. Здесь найдено 34 кости зайца, 11 костей мамонта, лучевая кость северного оленя, 4 кости волка, локтевая кость медведя.

Северный жилой комплекс

Ситуация с коллекцией северного жилого комплекса гораздо сложнее. Остатки верхнего горизонта на некоторых участках залежали рядом с остатками нижнего, и на небольшой площади были смешаны, а кое-где наблюдалось перекрывание нижнего горизонта верхним. При этом стерильной прослойки между этими горизонтами практически не существовало, а мощность обоих горизонтов в целом была незначительной. Эти обстоятельства сделали крайне сложным понимание структуры поселения и разделение коллекции находок,

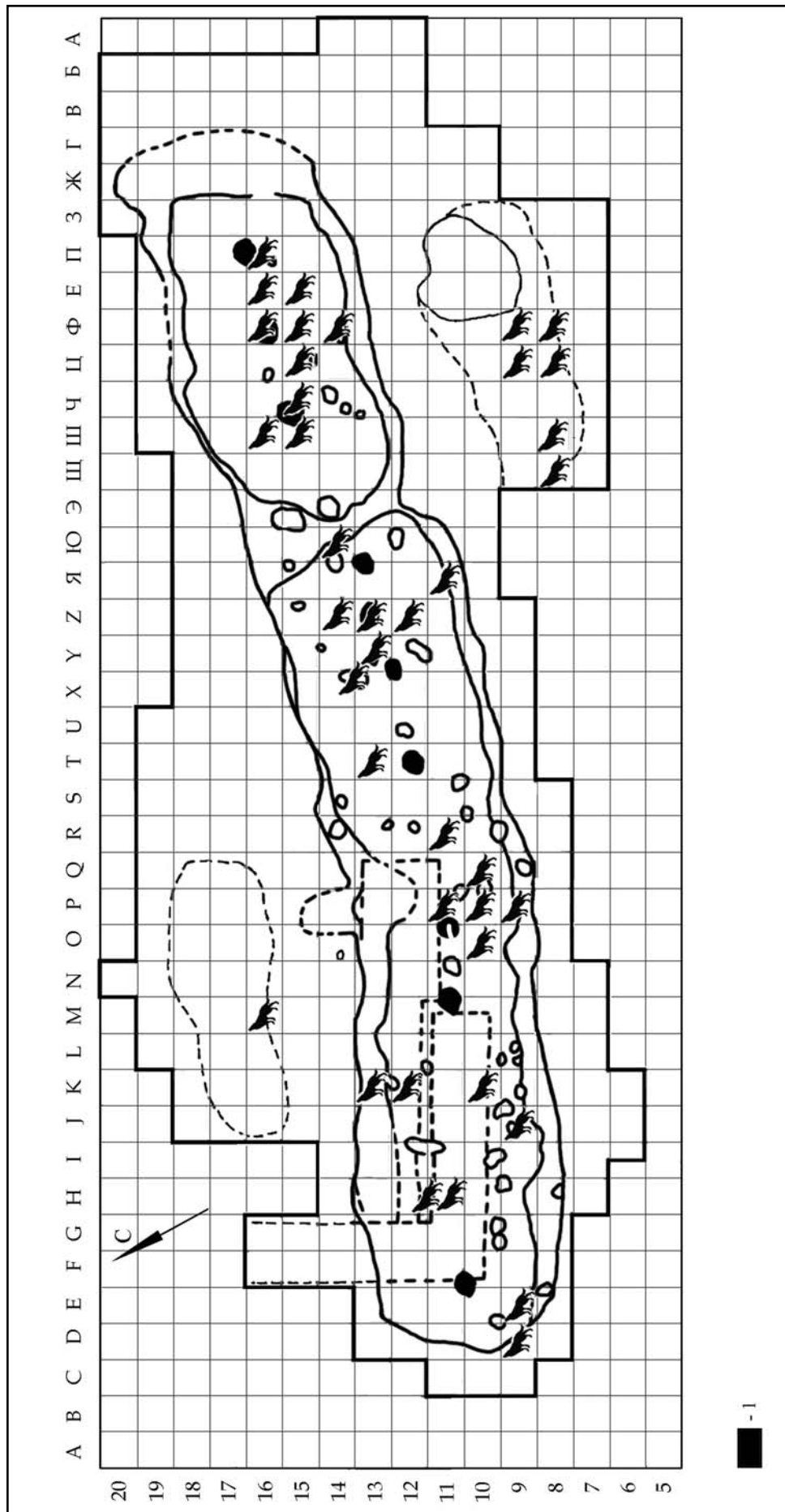

Рис. 5. Распределение костей волка в южном жилом комплексе. Количество костей: 1 — от 1 до 9 экз.

Fig. 5. Distribution of wolf bones in the southern complex. Number of bones: 1 — 1—9 finds.

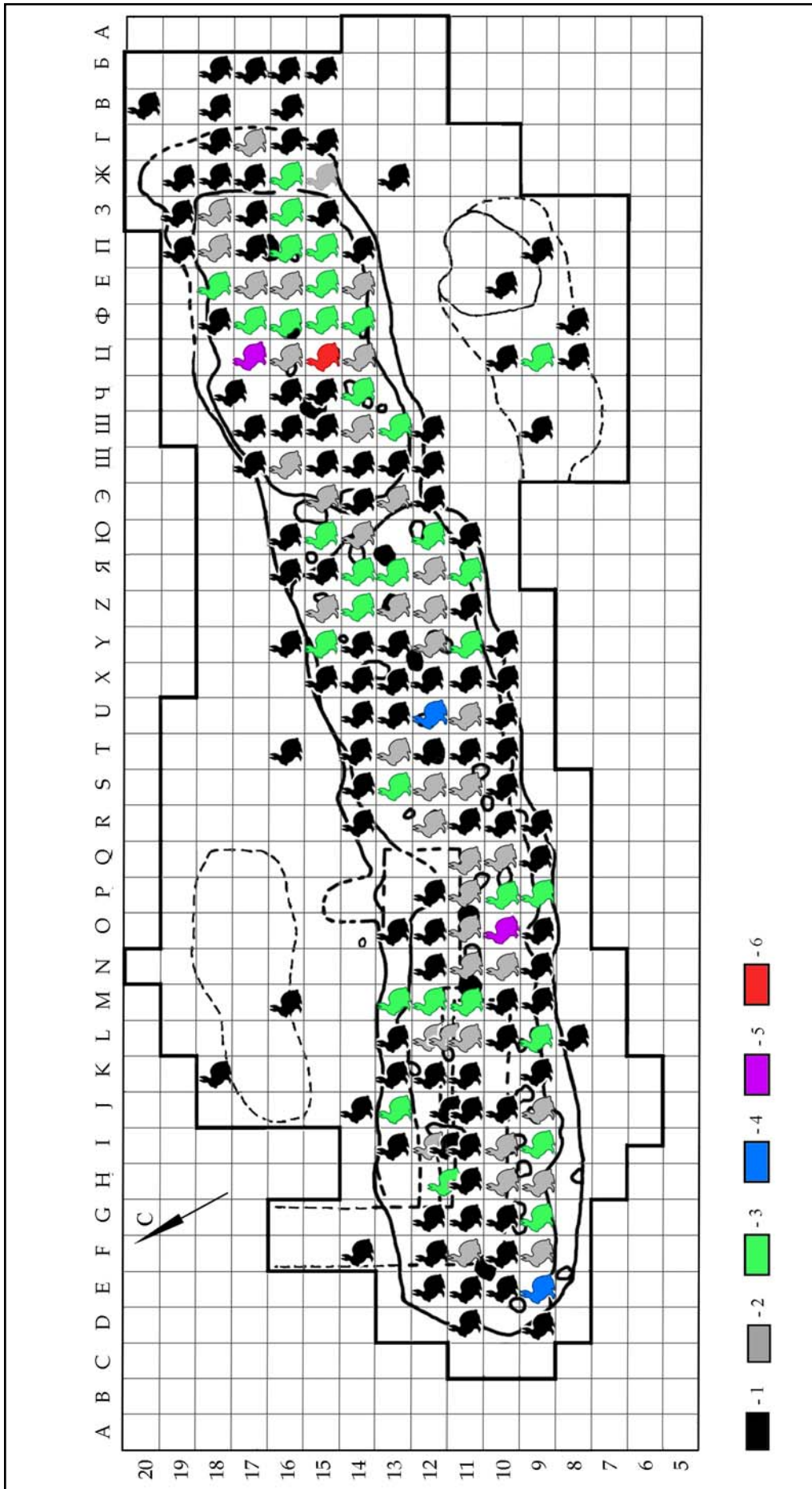

Рис. 6. Распределение костей зайца в южном жилом комплексе. Количество костей: 1 — от 1 до 9 экз.; 2 — от 10 до 19 экз.; 3 — от 20 до 39 экз.; 4 — от 40 до 59 экз.; 5 — от 60 до 80 экз.; 6 — 165 экз.

Fig. 6. Distribution of hare bones in southern complex. Number of bones: 1 — 1—9 finds; 2 — 10—19 finds; 3 — 20—39 finds; 4 — 40—59 finds; 5 — 60—80 finds; 6 — 165 finds.

№1. 2014

Таблица 6.

Распределение костей зайца в южном жилом комплексе

№ квадрата	Количество костей	№ квадрата	Количество костей	№ квадрата	Количество костей	№ квадрата	Количество костей
D 9	6	H 10	6+6	S 10—11 ямка	21	X 14	4
D 11	2	H 11	6	S 11	10	X 15	4
E 9	42	H 11—12	13	S 12	10	Y 10	1
E 9—10 ямка	19	H 12	16	S 13	22	Y 11	32
E 10	2	I 9	22	S 14	3	Y 11—12 за- падина	27
E 11	5	I 9-10 ямка	4	T 10	1	Y 12	18
E 12	2	I 10	9+6	T 11	2	Y 13	5+1 ямка
F 9	13	I 11	8	T 12	2	Y 14	9+8 ямка
F 10	9	I 11—12	7	T 13	17	Y 16	1
F 11*	12	I 11—12 ямка	18	T 14	2	Z 11	1
F 12	1	I 12	19	T 16	3	Z 12	10
F 14	1	I 13	5	U 10	9	Z 13	17
G 8 ямка	1	J 9	13+1 ямка	U 11	12	Z 14	22
G 9	23	JK 9 западина	2	U 12	12+10 угли- стое пятно	Z 15	12
G 9—10 ямка	26	J 10	5	U 13	7+4 угли- стое пятно	ZЯ 15 запа- дина	5
G 10	1+6	J 11	6	U 14	3	Я 11	25
G 11	6	J 11-12	1	X 10	5	Я 12	19
G 12	6	J 13	23	X 11	7	Я 13	21
H 8 ямка	1	J 14	1	XУ 11ямка	5	Я14	30
H 9	19	K 9	3+4 ямка	X 12	5	Я 15	7+3 запа- дина
HI 9	1 ямка	K 11	9	X 13	1	Я 16	7
K 11—12	4	O 9	3	ЯЮ 11	31ямка	Ш 15	2
K 12	2	O 10	82	Ю 11	8	Ш 16	7
K 13	2	O 11	14	Ю 12	27	Ш 17	4
L 8	1	O 12	2	Ю 13	40+1 угли- стое пят- но с плитной камня	Ч 14	32+1ям
L 9	25+5 ямка	O 13	2	Ю 14	10+3 ямка	Ч 15	2
L 10	3	P 9	38	Ю 15	29	Ч 16	2
L 11	16	P 10	31	Ю 16	4	Ч 17 ямка	41
L 11—12	12	P 11	10	Э 12	8	Ч 17—18	5
L 12	16	PQ 10—11 скопление осколков ко- стей	2	Э 13	14	Ц 8	3
L 13	8	P 12	1	Э 14	5	Ц 9	34
M 9	2	Q 9	7	Э 15	13	Ц 10	1
M 10	1+2	Q 10	15	Э 15—16 ямка	16	Ц 14	11
M 11	21	Q 11	15	Щ 12	1	Ц 15	55+110 ямка
M 12	21	R 9	4	Щ 13	7	Ц 16	13+5 ямка
M 13	21	R 9—10 ямка	18	Щ 14	2	Ц 17	66
M 16	1	R 10	4	Щ 15	3	Ф 8	2
N 9	1	R 11	5	Щ 16	14	Ф 14	22
N 10	15	R 12	17+2 ямка	Щ 17	1	Ф 15	38
N 11	10	R 13 ямка	8	Ш 12	2	Ф 16	25
NO11	24 ямка	R 14	1+1 запа- дина	Ш 13	22	Ф 17	27
N 12	2	S 10	4	Ш 14	12	Ф 18	3
T 10	3	Ж 16	22	П 18	17	В 20	2
T 14	15	Ж 17	2	П 19	2	Б 15	1
T 15	28	Ж 18	4	З 15	9	Б 16	4
T 16	10	Ж 19	1	З 16	34	Б 17	1

* Жирным шрифтом выделены номера квадратов и количество находок из раскопов 1927—1928 гг.

Таблица 6 (окончание).

№ квадрата	Количество костей	№ квадрата	Количество костей	№ квадрата	Количество костей	№ квадрата	Количество костей
Г 17	17	Г 15	6	З 17	7	Б 18	4
Г 18	26	Г 16	5	З 18	15	Зачистка раскопов 1927—1928 гг.	24
П 9	2	Г 17	18	З 19	2	западное жилище выше слоя	12
П 14	8	Г 18	1	Ж 13	2	депаспортизированные	7
П 15	23	В 15	3	Ж 15	16		
П 16	23	В 16	7				
П 17	8	В 18	1	Всего в южк	2576		

как археологических, так и фаунистических, на два горизонта.

По этой причине фаунистическая коллекция 1938 года рассматривается в целом. Она насчитывает 1295 по списку (1260 по описи) определимых костей, принадлежавших 17 различным видам животных (Карачаровский 1939е): заяц (*Lepus* sp.), сурок (*Marmota* sp.), слепыш (*Spalax microphthalmus* Güld., 1770), хомяк (*Cricetus cricetus* L., 1758), волк (*Canis lupus* L., 1758), собачьи (*Canis* sp.), песец (*Alopex lagopus* L., 1758), корсак (*Vulpes corsac* L., 1758), пещерный медведь (*Ursus spelaeus* Ros. et Hein., 1794), росомаха (*Gulo gulo* L., 1758), пещерный лев (*Panthera spelaea* Gold., 1810), мамонт (*Mammuthus primigenius* Blüm., 1799), лошадь (*Equus latipes* V. Grom., 1949), шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis* Blüm., 1799), благородный олень (*Cervus elaphus* L., 1758), северный олень (*Rangifer tarandus* L., 1758), сайга (*Saiga tatarica* L., 1766). Список фауны дополняют еще кости птиц и раковины *Unio*.

Мамонт представлен 113 костями по списку (132 по описи; рис. 7; табл. 7) (четыре молодые и одна взрослая особи). Основную часть составляют фрагменты зубов (31) и кости стоп. Восемь фрагментов костей не определены. Кроме трёх костей мамонта, вбитых в землю за северо-западной границей жилища, вне его пределов найден один осколок бивня, неопределимый обломок, фаланга и зуб.

Внутри жилища отмечена определённая сортировка костей. Фрагменты бивня (всего 8) найдены в средней части длинного жилища (3 обломка прямо у 6-го очага и 1 — к востоку от 5-го). По одному — в северной, восточной частях и в центре западного круглого жилища, причем один из них — в ямке N15 близ очага. А. Н. Рогачёв упоминает 6 крупных фрагментов бивней длиной 50—80 см (Рогачёв 1955: 26), но их нет в описи и в коллекции, поэто-

му установить их привязку хотя бы в пределах квадрата нельзя.

В восточном жилище и южной части длинного жилища фрагментов бивня не найдено (как и зубов). Зубы, за малым исключением, сосредоточены в середине длинного жилища и в южной части западного круглого. 2 зуба найдены в северной части длинного жилища — к северу и к югу от первого очага, один — вне жилища. Помимо фрагментов бивней и зубов, из краниальных костей есть только фрагмент черепа с квадрата R45. В той же публикации (Рогачёв 1955: 26) упоминается нижняя челюсть мамонта из заполнения западного жилища, но по той же причине учесть её невозможно.

Посткраниальный скелет представлен двумя хвостовыми позвонками с квадрата Ч38 (юго-восточный край восточного жилища). Опять же в публикации есть сведения о находке обломка плечевой кости и лопатки, «около десятка крупных обломков рёбер и несколько обломков губчатой массы позвонков мамонта» (Рогачёв 1955: 26). Все остальные — это элементы разных отделов скелета конечностей, причём, кроме карпальных и метакарпальных, тарзальных и метатарзальных костей (61 экземпляр), найдены всего 2 коленные чашечки: 1 — вне жилища, к юго-востоку от западного круглого жилища, и 1 — на квадрате Z43, непосредственно у 9-го очага. Среди костей дистальных отделов конечностей преобладают фаланги (25) и метаподии (15). Остальные кости немногочисленны: трёхгранные (6), головчатые (6), полулунные (3), сесамовидные (3), крючковидные (2), пяточная (1). Довольно интересно их распределение. Фаланги концентрируются на двух участках: в юго-западной части западного жилища и в юго-восточной части длинного, продолжаясь полосой через всё восточное жилище (рис. 7). Так же расположены и все метаподии, зачастую рядом с фалангами (в восточном жи-

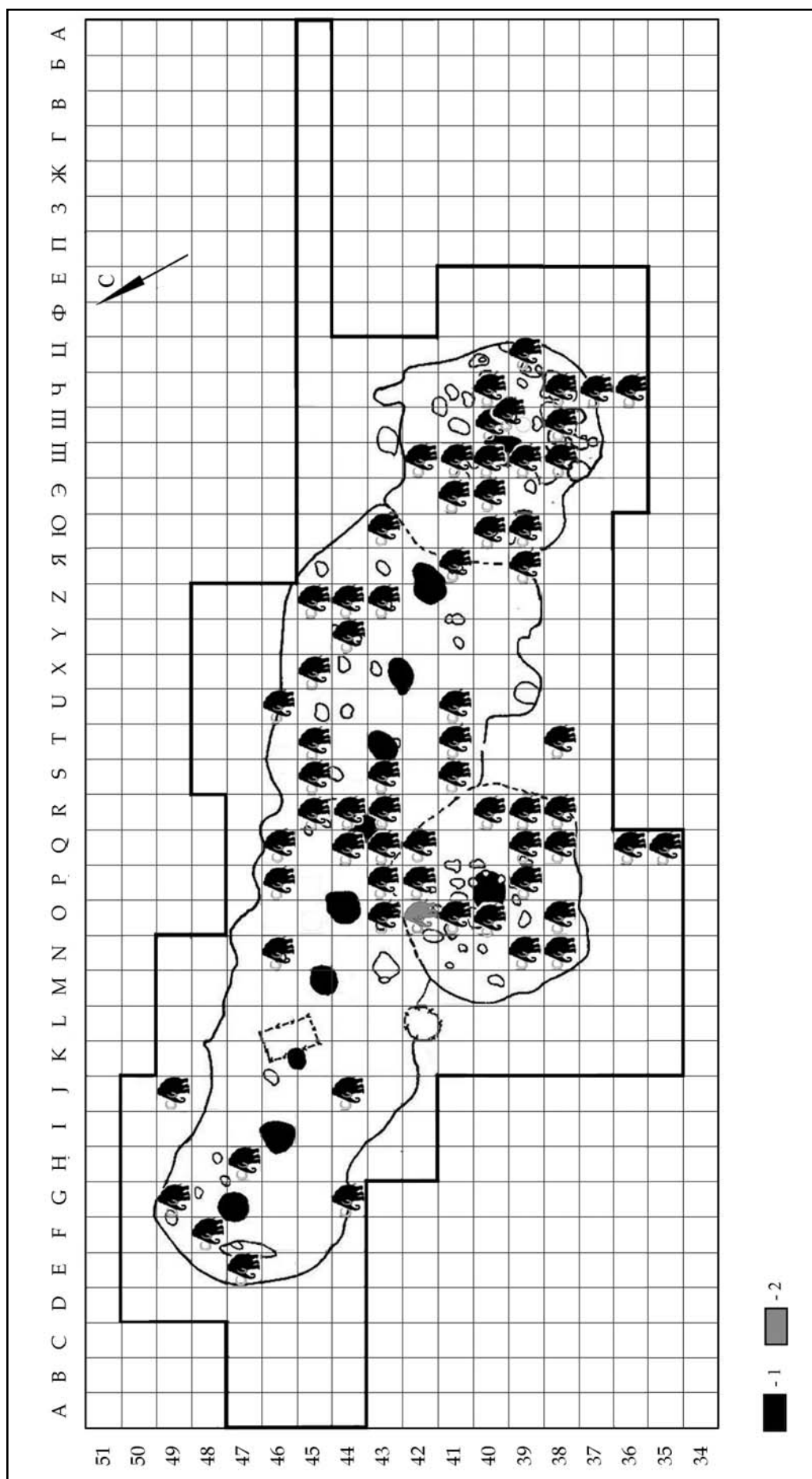

Рис. 7. Распределение костей мамонта в северном жилом комплексе. Количество костей: 1 — от 1 до 9 экз.; 2 — от 10 до 19 экз.

Fig. 7. Distribution of mammoth bones in the northern complex. Number of bones: 1 — 1—9 finds; 2 — 10—19 finds.

Таблица 7.

Распределение костей мамонта в северном жилом комплексе

№ квад-рата	Коли-чество костей	Состав костей
E 47	1	обломок кости
F 48	1	обломок зуба
G 44	1	фаланга
G 49	1	метаподия
H 47	1	зуб (3 фрагмента)
J 44	1	обломок кости
J 49	1	осколок бивня
N 38	2	фаланга, осколок зуба
N 39	1	осколок зуба
N 46	1	осколок зуба
O 38	2	фаланга, осколок зуба
O 40	2	осколок бивня (3 фрагмента), полулунная
O 41	1	фаланга
O 42	13	обломок кости, крючковидная, 2 треугольные, полулунная, головчатая, 3 метаподии, 3 эпифиза метаподий, осколок бивня
O 43	1	треугольная
P 39	1	корень зуба
P 39—40 ямка	1	обломок кости
P 42 ямка	2	фаланга, корень зуба
P 43	1	осколок бивня
P 46	2	осколок бивня, сесамовидная
Q 35	1	фаланга
Q 36	1	обломок кости
Q 38	1	осколок зуба (4 фрагмента)
Q 39	1	осколок зуба
Q 42	2	фаланга, осколок зуба (9 фрагментов)
Q 43	1	обломок бивня (3 фрагмента)
Q 44	1	обломок бивня (8 фрагментов)
Q 46	1	обломок зуба
QR 45 ямка	2	2 обломка зуба, фрагмент черепа
R 38	6	обломки зубов
R 39	1	обломок зуба
R 40	1	осколок бивня
R 43	2	обломок кости, осколок зуба (3 фрагмента)
R 44	3	обломки зубов, 1 в 4-х фрагментах
R 45	2 (jv)	фрагмент черепа, корень зуба
S 41	1	сесамовидная
S 43	1 (jv) 60	осколок зуба (6 фрагментов)

№ квад-рата	Коли-чество костей	Состав костей
S 45	1	корень зуба (3 фрагмента)
S 45 ямка	1	обломок кости
T 38	1	коленная чашечка
T 41	2	фаланга, обломок зуба
T 45	3	2 головчатые, треугольная
U 41	1	корень зуба
U 46	1	корень зуба
X 45	2	обломки костей
Y 44	4	фаланги
Z 43	2	обломок кости, коленная чашечка
Z 44	1	метаподия
Z 45	5	2 фаланги, пятка, 2 зуба
Я 39	3	метаподия, эпифиз метаподии, сесамовидная
Я 41	1	фаланга
Ю 39 ямка	1	осколок зуба
Ю 40	1	метаподия
Ю 43	1	фаланга
Э 40	3	фаланга, метаподия, головчатая
Э 41	2	головчатая, треугольная
Ч 36	1	зуб (5 фрагментов)
Щ 38—39	1	эпифиз
Щ 39	3	2 фаланги, эпифиз
Щ 40	1	треугольная
Щ 41	3	2 метаподии, фаланга
Щ 42	1	фаланга
Ш 40	7	2 головчатые, полулунная, обломок кости, метаподия, фаланга, эпифиз
Ш 40 ямка	1	полулунная
Ш 38	1	фаланга
ШЧ 39— 40 ямка	5	полулунная, головчатая, трёхгранная, 2 обломка костей
Ч 37	1 (jv)	фаланга (2 фрагмента)
Ч 38	3	2 хвостовых позвонка, фаланга
Ч 40	1	обломок кости
Ц 39	1	фаланга
прокоп- ка пола длинного жилища	1	фаланга
Всего	132	

лице 5 из 7). Вне этого контекста было всего 2 метаподии — на северной границе западного жилища с длинным и в северном конце длинного жилища. Однако если на втором участке было распределено 8 метаподий (7 в восточном жилище и 1 в длинном), то в западном жилище 6 метаподий залегали на его северной границе, на одном квадрате O 42, вместе с осколком бивня. Фаланги же достаточно часто встречались на квадратах вместе с фрагментами зубов, особенно в западном жилище (табл. 7).

В том же скоплении костей на квадрате O 42 были найдены ещё полулунная, крючковидная, головчатая и 2 трёхгранные кости, на соседнем к северу квадрате, уже на территории длинного жилища — ещё одна трёхгранная кость. Другое большое скопление костей расчищено в восточном жилище прямо вокруг очага. С северо-западной стороны, на квадратах Э 40—41 были найдены фаланга, метаподия и три карпальные кости. С восточной стороны, на квадратах ШЩ 40—41 — 2 фаланги, 3 метаподии

и 4 карпальные кости, эпифиз и обломок неопределимых костей.

Кости распределены по площади жилого комплекса вполне пропорционально. В западном жилище найдено 38 костей, в восточном — 36, между круглыми жилищами — 4, в длинном — 50, вне объектов — 3.

Шерстистый носорог определён по трём обломкам одной лучевой кости из заполнения восточного круглого жилища. На этом основании он отнесён А. Н. Рогачёвым к верхнему горизонту. Все 3 фрагмента лежали на одной линии квадратов через равные промежутки около 2 м (кв. Ш42, Ш39, Ш36), на северо-восточной границе жилища, в центре к юго-востоку от очага и за юго-западной границей жилища (рис. 8). Головка эпифиза с Ш42 имеет следы в виде негативов сколов, образовавшиеся, скорее всего, при отрубании конечности.

В северном жилом комплексе выявлено всего 120 (по описи 106) костей **лошади** (три особи, из них одна ювенильная). Это были особи «колоссальных размеров», с очень широкими копытными фалангами, размеры которых «абсолютно превосходят таковые из Костёнок 1» (Карачаровский 1939е) (рис. 9; табл. 8). Зубов всего 29 (из них 10 резцов), большая их часть (22) сосредоточена в большом внешнем скоплении к западу от северного конца длинного жилища, на квадратах АВ44—46. Четыре были найдены на самой северной границе этого жилища, два — к северо-востоку между 1-м и 2-м очагами. В западном жилище был найден всего лишь 1 зуб, на юго-восточной его границе (R38). Из краниальных костей есть ещё обломок нижней челюсти, из того же внешнего скопления. Посткраниальный скелет представлен одним позвонком (из скопления АВ44—46), ребром (в северо-восточном конце длинного жилища), тремя лопатками (одна из скопления АВ44—46, вторая — с периферии скопления костей к северу от очага западного жилища (O41), третья — из ямы с участка со смешанным слоем между круглыми жилищами). Тазовая кость была найдена в ямке в юго-западной части восточного жилища. Основную массу находок составляют кости конечностей (64), среди которых наибольшее количество принадлежит элементам дистальных отделов.

К длинным костям конечностей относятся всего 3 больших берцовых, бедренная и 2 плечевых.

Скопление костей лошади на квадратах АВ44—46 (78 единиц) является единственным на всём памятнике. Как уже отмечалось, к нему относится 22 зуба, обломок ниж-

ней челюсти, позвонок, лопатка, и многочисленные кости конечностей. Помимо большой берцовой, бедренной, четырёх лучевых и четырёх плечевых костей, это копытная фаланга, 5 трёхгранных, 2 гороховидных, 2 крючковидных, 9 фаланг (из 11-ти найденных в комплексе), 2 ладьевидных (из 3-х), 3 метаподии (из 9-ти), 5 грифельных (из 6-ти), 2 полулунных, 5 сесамовидных, 2 головчатых и 1 трапециодная кость. Это самое крупное скопление костей вообще на всём памятнике. Помимо него, вне пределов жилищ найдено 2 кости: метаподия в 2 метрах к югу от западного жилища и большая берцовая — в метре к югу от восточного. К северо-востоку от первого очага, рядом с ребром, лежала плечевая кость. На северо-западной границе длинного жилища, в северной части — ладьевидная кость. На северо-восточной границе — большая берцовая, фаланга, метаподия и на квадрате Z45 — метаподия и кубовидная кость. 2 фрагмента фаланги найдены у 9-го очага. Одна из конусовидных костей найдена между западным и восточным жилищами, вторая — неподалеку, в ямке рядом с лопаткой, третья отмечена в юго-западной части западного жилища, рядом с двумя метаподиями. К северу от очага здесь же залегала грифельная кость.

В восточном жилище, в той же ямке, где была найдена тазовая кость, лежали ещё 2 метаподии. Других костей лошади в восточном жилище найдено не было. То есть, костные остатки лошади распределены в северном жилом комплексе абсолютно неравномерно (рис. 9). В западном жилище найдено 6 костей лошади, в длинном — 15, в скоплении — 78, вне объектов — 2 и между круглыми жилищами — 3.

Благородный олень — 1 особь, представлен 3 костями из заполнения северо-западного конца длинного жилища, поэтому был отнесён к нижнему горизонту. Около первого очага лежала метаподия, между ним и вторым очагом — трапециодная кость, и на юго-западной границе жилища — зубовидный отросток эпистрофея (рис. 8).

Северный олень — 1 особь, 4 кости: 2 метаподии и 2 куска рога. Все они найдены на территории длинного жилища (рис. 8), метаподии — к западу от 4-го очага и непосредственно у 6-го. Куски рога — на северо-восточной границе жилища в проекции 5-го очага и в северо-западном углу.

Костей **сайги** по списку значится 7, по описи 6. Астрагал и 4 фаланги происходят из внешнего скопления в квадратах АВ44—46, где они являлись единственной примесью среди костей лошади. Метаподия была найде-

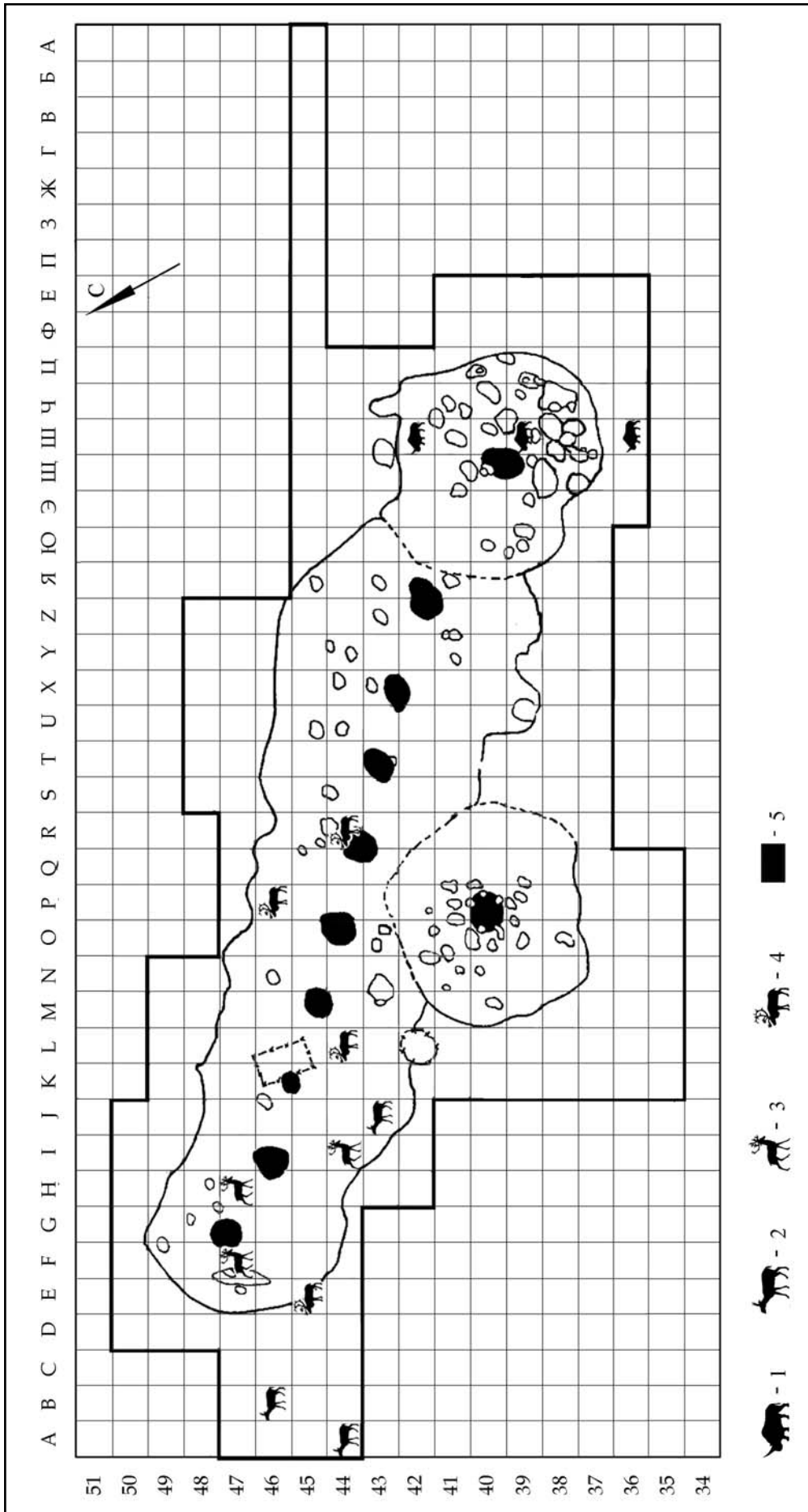

Рис. 8. Распределение костей травоядных животных в северном жилом комплексе. Условные обозначения: 1 — носорог; 2 — сайга; 3 — благородный олень; 4 — северный олень. Количество костей: 5 — от 1 до 9 экз.

Fig. 8. Distribution of bones of herbivores in the northern complex. 1 — rhinoceros; 2 — saiga; 3 — reindeer. Number of bones: 5 — 1—9 finds.

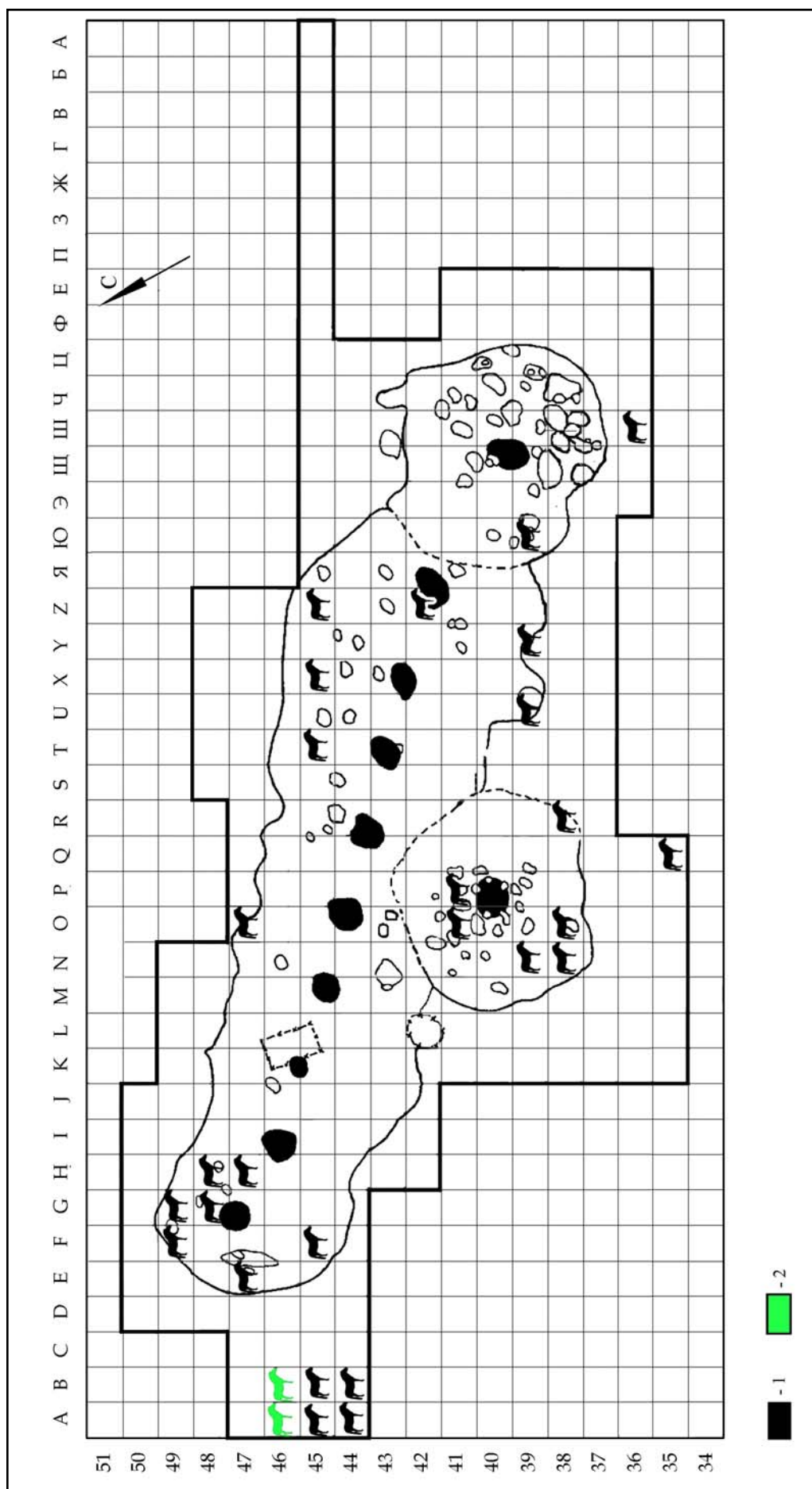

Рис. 9. Распределение костей лошади в северном жилом комплексе. Количество костей: 1 — от 1 до 9 экз.; 2 — от 20 до 39 экз.

Fig. 9. Distribution of horse bones in the northern complex. Number of bones: 1 — 1—9 finds; 2 — 20—39 finds.

Таблица 8.

Распределение костей лошади в северном жилом комплексе

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
A 44	3	копытная, позвонок, зуб
A 45	3	2 зуба, большая берцовая
A 46	21	4 лучевых, лопатка, метаподия, 3 плечевых, карпальная, 2 полулунные, 2 треугольные, трапециодная, ладьевидная, 3 грифельная, зуб, крючковидная
AB 46	30	6 фаланг, 2 метаподии, 10 зубов (5 резцов), обломок нижней челюсти, 2 грифельные, головчатая, ладьевидная, 5 сесамовидных, 2 гороховидные
B 44	1	1 обломок зуба (7 фрагментов)
B 45	7	6 зубов (4 резца), треугольная
B 46	10	2 треугольные, гороховидная, крючковидная, бедро, плечевая, зуб, 3 фаланги
E 47	1	резец
F 45	1	ладьевидная
F 49	3	зубы
G 48	1	плечевая
G 49	1	ребро
H 47	1	зуб

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
H 48	1	зуб
N 38	1	метаподия
N 39	1	метаподия
O 38	1	осколок метаподии
O 41	1	лопатка
O 47	1	большая берцовая
P 41	1	грифельная
Q 35	1	метаподия
R 38	1	зуб
T 45	1	метаподия
U 39	2	лопатка, конусовидная
X 45	1	фаланга
Y 39	1	конусовидная (3 фрагмента)
Z 42	1	фаланга (2 фрагмента)
Z 45	2	метаподия, кубовидная
Ш 36	1	большая берцовая
Ю 39 ямка	3	2 метаподии, таз
прокопна пола жилища	2	метаподии
Всего	106	

на на квадрате J43, на юго-западной границе длинного жилища (рис. 8).

Три особи **пещерного льва** — молодая, зрелая и старая — представлены 47 костями (по описи 45 — 2 черепные коробки в ней отсутствуют). По А. Н. Рогачёву, «большинство остатков собрано в слое круглых жилых углублений» (Рогачёв 1955: 18). В частности, 2 черепа были найдены непосредственно в западном круглом жилище. Они специально изучались Н. К. Верещагиным и В. И. Бибиковой. Известно, что они залегали в суглинке над окрашенным культурным слоем к юго-западу от очага (Рогачёв 1955: 27). Поскольку мы не располагаем данными о привязке к конкретному квадрату, то на плане их нет. Что же касается количественного распределения, то никак нельзя признать серьёзного перевеса по числу костей за круглыми жилищами (табл. 9; рис. 10). На территории длинного жилища найдено 20 костей, в западном 18 (с учётом 2-х черепных коробок — 20), в восточном — всего 1 (пяточная, к юго-западу от очага), вне жилищ 1 (зуб за северо-восточной границей раскопа) и 2 между круглыми жилищами (локтевая и лучевая, т. е. передняя лапа). В длинном жилище основная часть костей располагается к северо-востоку от линии очагов (рис. 10). В самом северо-восточном углу найдена метаподия, к северо-востоку от 4-го очага — зуб, ещё в метре к востоку — верхняя челюсть с зубами, чуть к югу от неё — фаланга. Непосредственно в очаге N7 лежала когтевая

фаланга, примерно в метре к северо-востоку от него — метаподия и клык. Далее примерно через 1 метр в юго-восточном направлении залегала пяточная кость, затем большая берцовая. На соседних квадратах к югу от них были найдены 2 метаподии и зуб. На юго-западной границе жилища найдены 2 зуба. На границе с северо-восточной частью западного жилища лежали вместе метаподия, когтевая фаланга и зуб. Две метаподии и эпифиз бедренной кости лежали с юго-западной стороны между 7-м и 9-м очагами. Особенность распределения костей внутри западного круглого жилища заключается в том, что в большинстве случаев здесь на одном квадрате залегали группы костей. К юго-западу от очага были найдены большая берцовая и бедренная кости, т. е. задняя лапа. Непосредственно у очага, с южной стороны — 2 фаланги и 2 зуба, и далее в юго-восточном направлении на двух квадратах по фаланге. Рядом, на самой южной границе жилища — 2 фаланги и полулунная кость. На соседнем квадрате к северу, на линии очага, в метре от него, залегали 2 фаланги, метаподия и малая берцовая кость. С северо-восточной стороны от очага лежали зуб и метаподия. И только зуб на северо-восточной границе жилища был единичной находкой на квадрате.

Пещерный медведь (возможно, бурый) установлен по одному разбитому клыку с частью челюсти, найденному у второго очага (рис. 11).

№1. 2014

Одной крупной особью представлена **ро-сомаха**, часть нижней челюсти которой с клыками и отдельно верхний клык были найдены в западном жилище к северу от очага (рис. 11).

76 костей **волка** (по описи 62) распределяются между тремя особями — двумя взрослыми волками не крупных размеров и одной ювенильной (табл. 10, рис. 12). В длинном жилище найдено всего 43 кости, в западном — 6, в восточном — 2, вне жилищ — 3 кости. Ювенильная особь представлена бедренной костью и метаподией, найденными с южной стороны 6-го очага длинного жилища. С ними вместе залегали 3 фаланги. На соседнем квадрате к востоку была найдена метаподия. Кроме этой концентрации, большое скопление костей волка расчищено в метре к юго-западу от 8-го очага. Оно содержало 13 посткраниальных костей: 8 позвонков, 3 эпифиза позвонков и 2 тазовые кости. К северо-западу в непосредственной близости от него были найдены зуб и фаланга. На северо-восточной границе жилища в проекции 6-го очага были найдены 4 зуба и пяточная кость, чуть восточнее — 2 зуба и 2 фрагмента нижней челюсти. На юго-восточной границе, почти у самого восточного жилища — 1 фаланга. Остальные кости располагались в северо-западной части длинного жилища. На границе с западным жилищем были найдены 3 куска фрагмента черепа волка. Две фаланги были найдены к западу от 4-го очага и к востоку от 2-го. Клык лежал прямо с западной стороны 2-го очага, около него, чуть к западу залегали в анатомическом порядке 4 хвостовых позвонка, а чуть к югу — зуб и хвостовой позвонок. Ещё чуть южнее находились лопатка и локтевая кость, и на самой границе жилища — ещё 1 зуб. В западном жилище найдено всего 2 клыка, оба на северной границе с длинным жилищем, и 4 зуба — на западной границе, к северо-востоку от очага и ещё 2 в метре от очага к северо-востоку. Собственно в восточном жилище, с восточной стороны от очага, найдена лопатка волка, а на юго-западной границе — пяточная кость. Вне жилищ, к югу от западного, у самой стенки раскопа была найдена тазовая кость; к югу от восточного жилища, также у стенки раскопа — фаланга, а в траншее в северо-восточной части раскопа, где вообще находки были очень скудны, метаподия.

Две фаланги (по списку 6) не определённо-го представителя **собачьих** были обнаружены на соседних квадратах в северо-восточной части длинного жилища (рис. 12).

Во всём северном жилом комплексе была найдена единственная кость **песца** — клык.

Таблица 9.
Распределение костей льва
в северном жилом комплексе

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
F 43 очаг	1	когтевая фаланга
G 49	1	метаподия
I 44	2	1 зуб в челюсти, 1 отдельно
N 39	2	большая берцовая, бедренная
N 46	1	зуб
P 39	4	2 зуба, 2 фаланги (1 когтевая)
P 42	1	зуб
P 46	1	верхняя челюсть с зубами (3 куска)
Q 39	1	фаланга
Q 41	2	зуб и метаподия
Q 45	1	фаланга
R 38	3	2 фаланги, полулунная
R 39	1	фаланга
R 40	4	2 фаланги, метаподия, малая берцовая
R 42	3	метаподия, когтевая фаланга, зуб
T 45	1	метаподия
T 46	1	клык
U 39	2	локтевая и лучевая
U 42	1	эпифиз бедренной
X 41	1	метаподия
X 45	1	пяточная
Y 41	1	метаподия
Y 44	1	метаподия
Y 47	1	зуб
Z 43	1	зуб (2 куска)
Z 44	1	метаподия
Z 45	1	большая берцовая
Щ 39	1	пяточная
Всего	42	

Он лежал на квадрате Z 43, примерно в метре к северо-востоку от 9-го очага длинного жилища (рис. 12).

Корсак представлен одной лопаткой (рис. 12).

Зяец насчитывает минимум 22 особи (789 костей по списку, 859 по описи). Они довольно неравномерно распространены по площади раскопа (табл. 11; рис. 13). Самое большое количество их приходится на длинное жилище (671). При этом надо отметить, что на большей части квадратов (55) находки костей зайца не превышают десяти. От 10 до 20 костей — на 11 квадратах по всему жилищу, от 20 до 30 — на 8, также в разных частях жилища. Однако большая их часть всё же приходится на северо-западную часть жилища. Здесь, на юго-западной границе на квадрате J43 было найдено 60 костей. Это максимальная концентрация для северного комплекса. Два квадрата, где найдено по 33 кости,

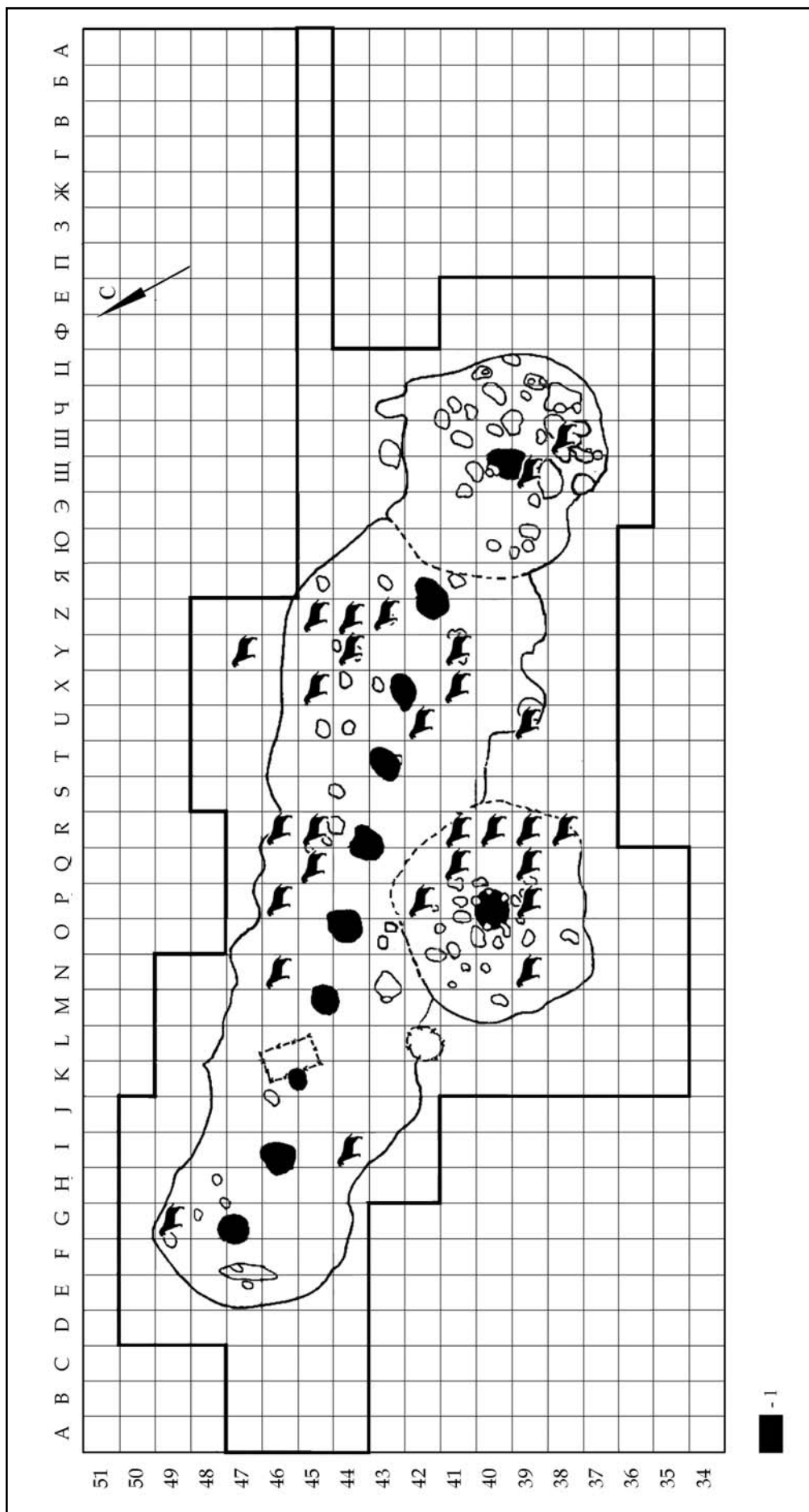

Рис. 10. Распределение костей льва в северном жилом комплексе. Количество костей: 1 — от 1 до 9 экз.

Fig. 10. Distribution of iron bones in northern complex. Number of bones: 1 — 1—9 finds.

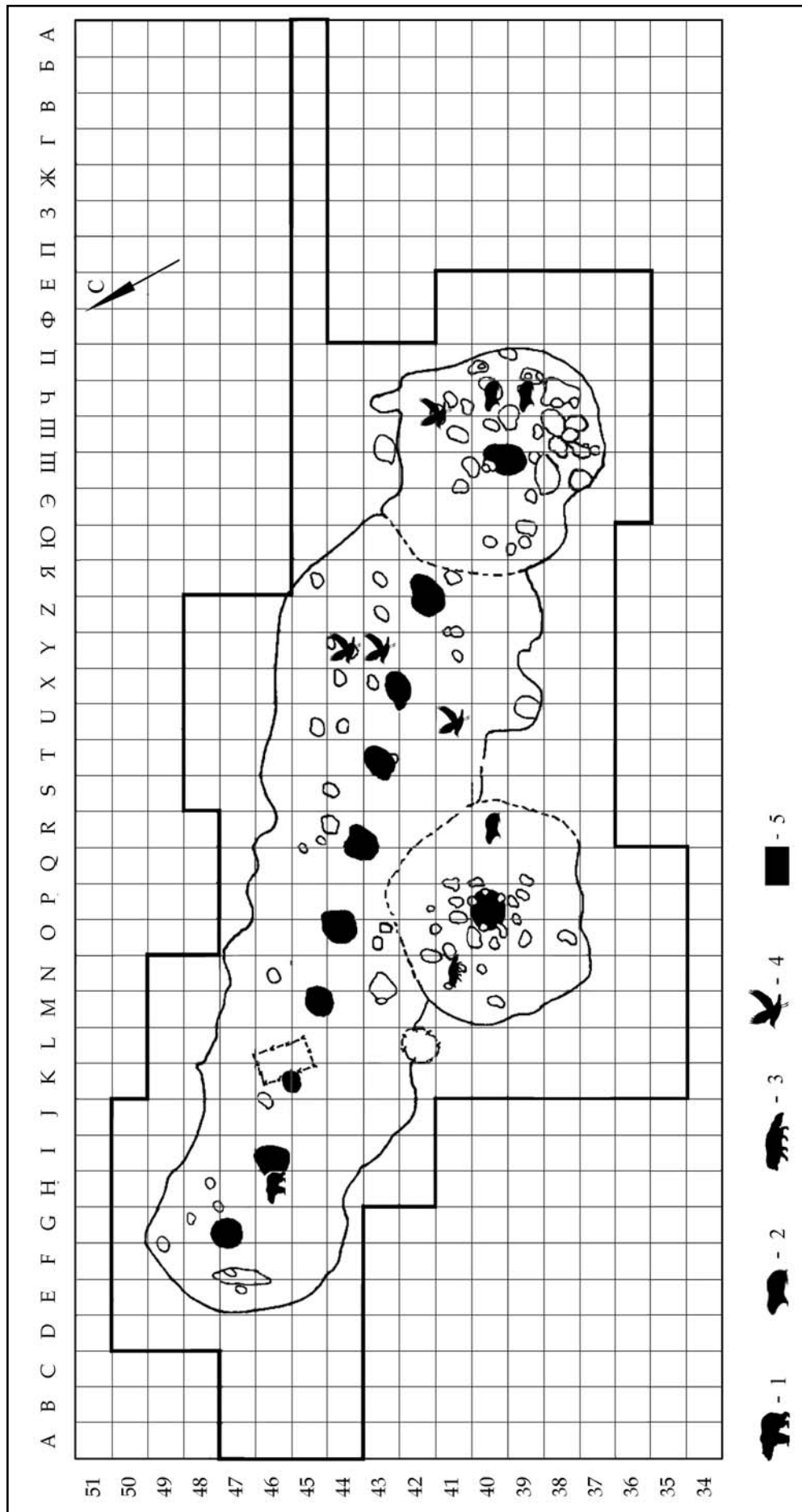

Рис. 11. Распределение костей медведя, сурка, россомахи и птиц в северном жилом комплексе. Условные обозначения: 1 — медведь; 2 — сурок; 3 — россомаха; 4 — птицы. Количество костей: 5 — от 1 до 9 экз.

Fig. 11. Distribution of bones of bear, marmot, wolverines and birds in the northern complex. Legend: 1 — bear; 2 — marmot; 3 — wolverine; 4 — birds. Number of bones: 1 — 1 —9 finds.

Таблица 10.

Распределение костей волка в северном жилом комплексе

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
G 45	4	хвостовой позвонок
H 46	1	клык
I 45	1	зуб
J 43	1	зуб
J 44	2	лопатка, локтевая
J 45	1	хвостовой позвонок
J 47	1	фаланга
L 44	1	фаланга
M 40	1	фрагмент зуба
N 41	1	клык
N 42	1	клык
O 43	2	фрагмент черепа (3 куска), зуб
P 41	1	корень зуба
P 42	2	зубы
Q 35	1	таз
R 43	5	бедренная (jv), метаподия (jv), 3 фаланги
S 43	1	метаподия

№ квадрата	Количество костей	Состав костей
S 45	2	зубы
T 41	1	фаланга
T 46	3	2 зуба и пяточная
U 41	1	зуб (2 куска)
U 45 ямна	1	зуб
X 41	13	8 позвонков, 3 эпифиза позвонков, 2 тазовые
X 44	1	зуб
X 45	1	2 фр. нижней челюсти
Y 43	1	зуб
Z 39	1	фаланга
Щ 37	1	пяточная
Ш 36	7	фаланга
Ш 40	1	лопатка
Ф 45	1	метаподия
Всего	62	

находятся в этой же части жилища, на северо-восточной и юго-западной границах. В западном жилище костей всего 11: в его северо-восточной части — 7, в восточной — 3, и с южной стороны очага — 1. В восточном жилище найдено 49 костей, относительно равномерно распределённых по всей площади, за исключением северного участка площадью примерно 4 м² и северо-восточного площадью около 3 м². Вне жилищ найдено 12 костей зайца (рис. 13).

Список фауны дополняют степные грызуны — сурок, хомяк, слепыш, 43 фрагмента раковины *Unio* (по описи 39), 5 птичьих костей.

Кости **сурка** (одна ювенильная особь) найдены только в круглых жилищах (рис. 11): большая берцовая на восточной границе западного жилища; в юго-восточной части восточного жилища залегали вместе резец, 2 метаподии и лучевая. Хомяк и слепыш вряд ли относятся ко времени функционирования поселения, поэтому не имеет смысла их учитывать.

Раковины *Unio*, судя по описи, в большей степени присущи слою западного жилища, где их найдено 27; в восточном отмечено 3, в длинном — 3, вне жилищ — 6. Хотя А. Н. Рогачёв пишет, что «В длинных и круглых жилищах одинаково обычными были находки обломков створок перловицы, однако они нигде не образовывали скоплений, не встречалось и обработанного перламутра» (Рогачёв 1955: 18). По всей видимости, обломки не были собраны из-за плохой сохранности. Исходя из этого, пожалуй, не сле-

дует рассматривать перечисленные выше находки в планиграфическом контексте и в общих подсчётах.

3 кости **птиц** найдены в длинном жилище: две — к северо-востоку и одна — к юго-западу от 8-го очага. Одна кость находилась в заполнении ямки восточного круглого жилища на квадрате ЧШ 41—42 к востоку от очага (рис. 11).

* * *

Итак, мы можем заметить определённую разницу в фаунистических коллекциях южного и северного жилых комплексов. Прежде всего, она заключается в видовом составе фауны: в северном комплексе встречены кости благородного оленя, сурка и корсака, отсутствующие в южном комплексе.

Во-вторых, различен возрастной состав и размеры животных. В северном комплексе есть костные остатки ювенильных особей мамонта, лошади, льва, волка и сурка. В южном — только ювенильных особей мамонта. Если в южном комплексе кости волка принадлежали особо крупным животным, то в северном — очень мелким.

В-третьих, существенно разнятся количественные показатели. Всего в южном комплексе по описям насчитывается 3149 костных остатка животных, в то время как в северном — всего лишь 1250, то есть в 2,5 раза меньше. При этом удивляет диспропорция в количестве костей северного оленя (в северном комплексе их в 15,5 раз больше) и пе-

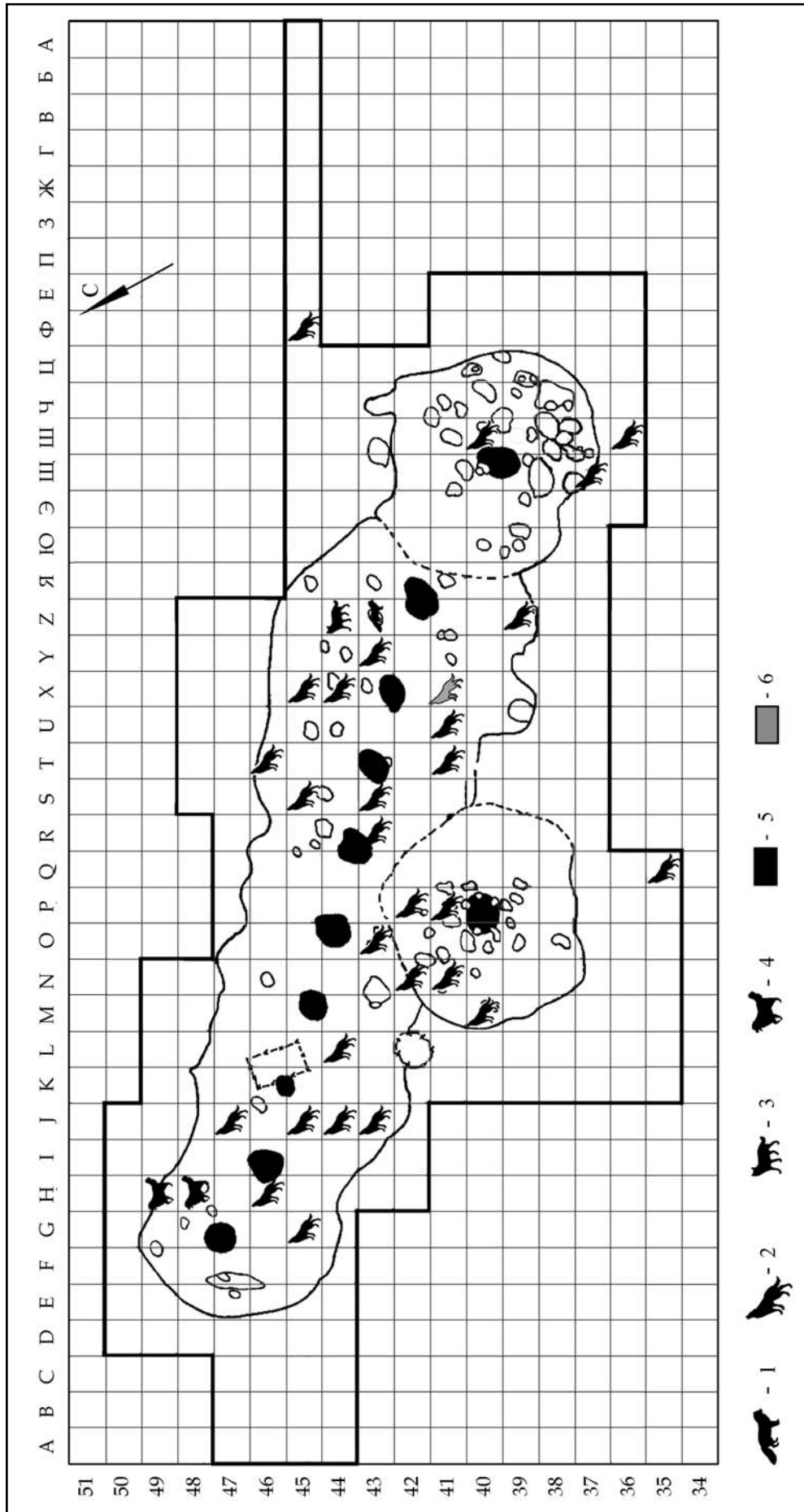

Рис. 12. Распределение костей хищных животных в северном жилом комплексе. Условные обозначения: 1 — песец; 2 — волк; 3 — норсак; 4 — собака (*Canis sp.*). Количество костей: 1 — от 1 до 9 экз.; 2 — от 10 до 19 экз.

Fig. 12. Distribution of bones of prey animals in the northern complex. Legend: 1 — arctic fox; 2 — wolf; 3 — corsac fox; 4 — dog (*Canis sp.*). Number of bones: 1 — 1—9 finds; 2 — 10—19 finds.

Таблица 11.

Распределение костей зайца в северном жилом комплексе

№ квадрата	Количество костей	№ квадрата	Количество костей	№ квадрата	Количество костей
D 47	1	O 42	1	YZ 41 ямка	1
E 46	1	O 43	1+1 ямка	Y 42	7
E 47	20	O 45	1	Y 43	13
E 48	4	O 47	1	Y 44	24+10 ямка
F 46	14	P 39	1	Y 46	2
F 47	14	P 42	1+5 ямка	Y 48	3
F 48	27	P 43	2	Y 49	1
F 49	24	P 45	5	Z 39	2
G 45	33	P 46	5	Z 41	8
G 46	3	Q 35	1	Z 42	1
G 48	9	Q 36	4	Z 43	8
G 49	33	Q 41	2	Z 44	13
H 44	7+13 ямка	Q 45	4	Я 39	2
H 45	19	QR 45 ямка	1	Я 40	1
H 46	1	Q 46	4	Я 41	7
H 47	16	R 37	1	Я 43	8
H 48	2	R 40	3	Ю 39	4+10 ямка
H 49	4	R 43	7	Ю 43	1
I 44	25	R 44	10	Э 39	4
I 45	16	R 45	2	Э 40	3
J 43	60	S 41	5	Щ 38—39	4 ямка
J 44	23	S 42	3	Щ 39	1
J 45	1	S 44	7	Щ 41	4
J 46	1	S 45	15	Щ 42	1
JK 46 ямка	2	T 41	2	Щ 43	1
J 47	2	T 42	3	ШЩ 38	1
J 48	1	T 44	2	Ш 38	1+1 ямка
K 44	6	T 45	1	Ш 39	1
L 45	8	U 41	9	Ш 40	5
L 46	5	U 43	1	Ш 41	4
M 43	1	U 45	2	ЧШ 41—42	1 ямка
M 44	8	U 46	1	Ч 38	8
M 46	2	X 41	25	Ч 41	1+1 ямка
N 42	2	X 42	10	Ц 38	5
N 44	2	X 43	3	Ц 39	7+2 ямка
N 45	2	X 44	27	прокопка	54
N 46 ямка	9	X 45	15	Всего	859
N 47	4	Y 41	4		

щерного льва (в северном комплексе их больше в 6,7 раз). Несколько больше костей сайги, россомахи и птиц, но поскольку в этих случаях речь идёт о единичных находках, вряд ли стоит придавать этому факту большое значение.

Интересно, что в южном и северном комплексах найдено по одной кости носорога, при этом очевидно, что это кости от разных особей.

Очень необычно для памятников этой хронологической группы Костёнковско-Борщёвского района столь малое количество костных остатков песка. Практически во всех дру-

гих памятниках они встречены в большом количестве, часто в анатомических связках.

Заметной разницы между длинным жилищем и круглыми северного жилого комплекса с точки зрения распространения фаунистических остатков не наблюдается. В то же время, можно увидеть диспропорцию между западным и восточным круглыми жилищами: в восточном жилище всего 3 кости лошади и 1 кость льва, в то время как их костные остатки в изобилии представлены в длинном и западном круглом жилищах. Зато в восточном жилище гораздо больше костей зайца, чем в западном.

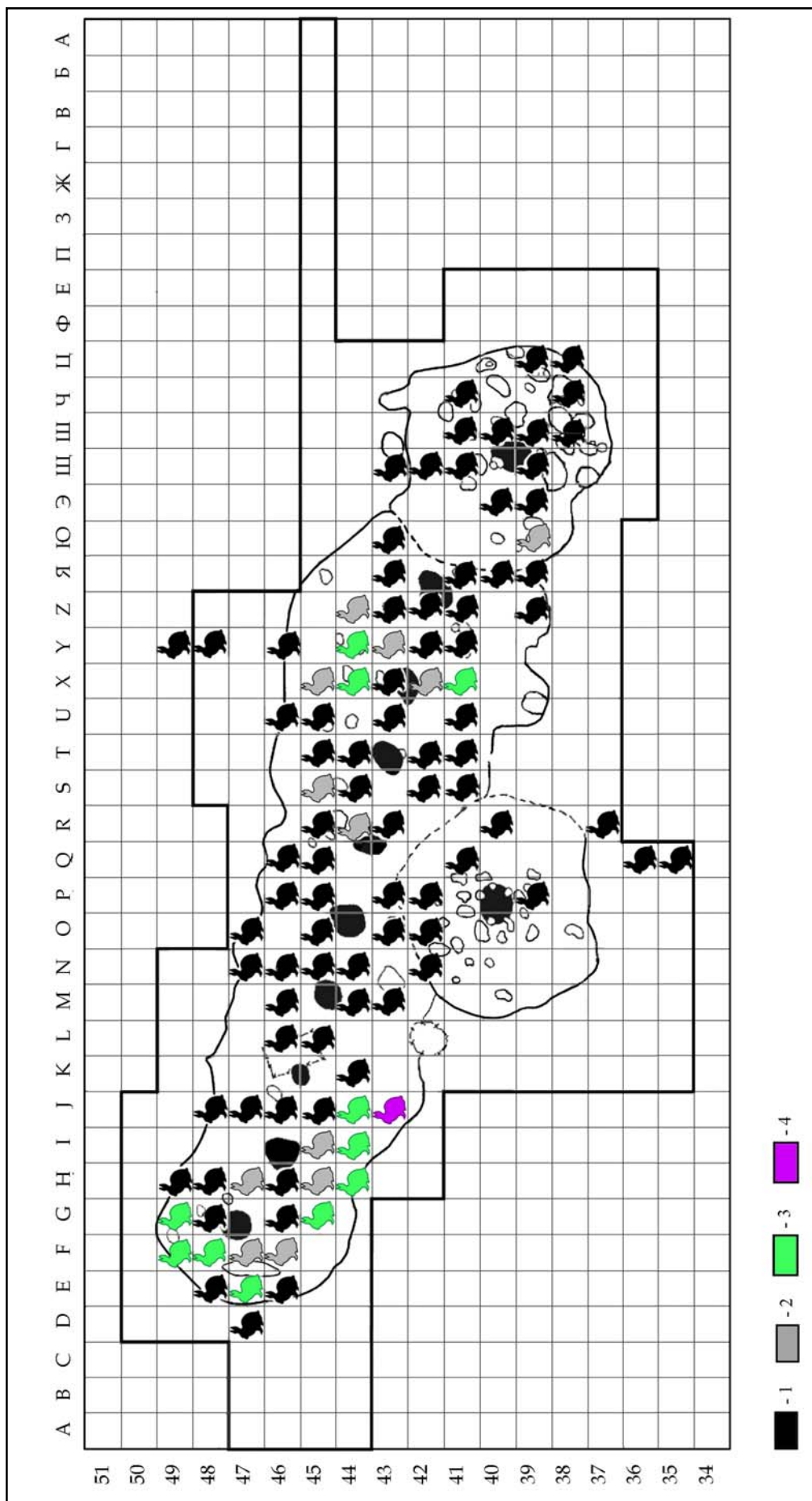

Рис. 13. Распределение костей зайца в южном жилом комплексе. Количество костей: 1 — от 1 до 9 экз.; 2 — от 10 до 19 экз.; 3 — от 20 до 39 экз.; 4 — от 60 до 80 экз.

Fig. 13. Distribution of hare bones in southern complex. Number of bones: 1 — 1—9 finds; 2 — 10—19 finds; 3 — 20—39 finds; 4 — 60—80 finds.

Что касается поселения в целом, то можно констатировать его обитание, по крайней мере, в течение разных сезонов. По всей видимости, обилие раковин свидетельствует об активном собирательстве в летний период. Кости ювенильной особи волка можно с известной степенью осторожности расценить как остатки добычи осенне-зимнего периода.

Также можно предположить, что найденные на поселении кости мамонтов являются остатками охотничьей добычи,

а не собирательства. Всё это ювенильные особи. Сортировка костей, а именно, отсутствие крупных костей, даже в качестве конструктивных элементов, показывает, что на поселение приносили только отдельные части туши (главным образом конечности). Весьма вероятно, что более крупные кости просто сжигали в очагах, после того, как дробили на наковальнях для извлечения костного мозга. Такие камни-наковальни были почти повсеместно обнаружены у очагов в длинных жилищах.

Литература

- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. 1977. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне. Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Труды ЗИН 72. Ленинград, 77—110.
- Громов В. И. 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Труды ИГН 64, геологическая серия 17.
- Громова В. И. 1950. К истории рода Equus в Восточной Европе и общий очерк истории рода в Старом Свете. Материалы по четвертичному периоду СССР 2. Москва, 70—80.
- Карачаровский В. В. 1939а. Результаты определения костных остатков млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Костёнки IV, раскопки С. Н. Замятнина 1927 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 226.
- Карачаровский В. В. 1939b. Результаты определения костных остатков млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Костёнки IV, раскопки П. П. Ефименко 1928 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 209.
- Карачаровский В. В. 1939c. Опись палеонтологических материалов из Александровской палеолитической стоянки (Костёнки IV). Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 172.
- Карачаровский В. В. 1939d. Результаты определения костных остатков млекопитающих из палеолитической стоянки Александровской — Костёнки IV Воронежской области. Костёнковская экспедиция ИИМК АН СССР 1937 г. Раскопки А. Н. Рогачёва. Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 173.
- Карачаровский В. В. 1939e. Результаты определения фаунистического материала из раскопок палеолитической стоянки Костёнки IV, раскопки А. Н. Рогачёва. 1939. Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1938. Д. 64.
- Карачаровский В. В. 1939f. Результаты специального анализа состава костей зайца из раскопок А. Н. Рогачёва палеолитической стоянки Костёнки IV близ села Александровского Воронежской области. Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1938. Д. 65.
- Международный кодекс... 1988: Международный кодекс зоологической номенклатуры. 1988. 3-е изд. Ленинград: Наука.
- Рогачев А. Н. 1940. Палеолитическое поселение Костенки IV. КСИА VI, 36—41.
- Рогачёв А. Н. 1955. Костёнки IV — поселение древнекаменного века на Дону. МИА 45.
- Рогачёв А. Н., Аникевич М. В. 1982. Костёнки 4 (Александровская стоянка). В: Праслов Н. Д., Рогачёв А. Н. (ред.). Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону 1879—1979. Ленинград: Наука, 76—85.

References

- Vereshchagin, N. K., Kuzmina, I. E. 1977. In *Mamontovaia fauna Russkoi ravniny i Vostochnoi Sibiri (The Mammoth Fauna of the East European Plain and the Eastern Siberia)*. Trudy Zoologicheskogo instituta Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Zoological Institute of the Academy of Sciences of USSR) 72. Leningrad, 77—110 (in Russian).
- Gromov, V. I. 1948. *Paleontologicheskoe i arheologicheskoe obosnovanie stratigrafii kontinental'nykh otlozhenii chetvertichnogo perioda na territorii SSSR (mlekoopitaiushchie, paleolit) (Paleontological and archaeological substantiation of the stratigraphy of Quaternary continental sediments on the territory of USSR (mammals, paleolithic))*. Trudy Instituta geografii Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Institute of Geography of the Academy of Sciences of USSR) 64, geologicheskaiia seriia (Geological series) 17 (in Russian).
- Gromova, V. I. 1950. In *Materialy po chetvertichnomu periodu SSSR (Materials on the quaternary period in USSR)* 2. Moscow, 70—80 (in Russian).
- Karacharovskiy, V. V. 1939. *Rezultaty opredeleniia kostnykh ostatkov mlekoopitaiushchikh iz raskopok paleoliticheskoi stoianki Kostenki IV, raskopki S. N. Zamiatnina 1927 g. (Results of the determination of osseous remains of mammals from the excavations on the Palaeolithic site of Kostenki IV carried out by S. N. Zamiatnin in 1927)*. Arkhiv Institutu istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 2. Inv. 1. D. 226 (in Russian).
- Karacharovskiy, V. V. 1939. *Rezultaty opredeleniia kostnykh ostatkov mlekoopitaiushchikh iz raskopok paleoliticheskoi stoianki Kostenki IV, raskopki P. P. Efimenko 1928 g. (Results of the determination of osseous remains of mammals from the excavations on the Palaeolithic site of Kostenki IV carried out by P. P. Efimenko in 1928)*. Arkhiv Institutu istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 2. Inv. 1. D. 209 (in Russian).
- Karacharovskiy, V. V. 1939. *Opis' paleontologicheskikh materialov iz Aleksandrovskoi paleoliticheskoi stoianki (Kostenki IV)*

№1. 2014

- (List of paleontological materials from the Aleksandrovskaia Paleolithic site (Kostenki IV)). Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 2. Inv. 1. 1937. D. 172 (in Russian).
- Karacharovsky, V. V. 1939. Rezul'taty opredeleniia kostnykh ostatkov mlekopitaiushchikh iz paleoliticheskoi stoianki Aleksandrovskaia — Kostenki IV Voronezhskoi oblasti. *Kostenkovskaia ekspeditsiia IIMK AN SSSR 1937 g. Raskopki A. N. Rogacheva (Results of the determination of osseous remains of mammals from the Palaeolithic sites of Alexandrovskaya — Kostenki IV, Voronezh Oblast. Kostenki expedition of the Institute for the History of Material Culture of the Academy of Sciences of USSR 1937 g., carried out by A. N. Rogachev)*. Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 2. Inv. 1. 1937. D. 173 (in Russian).
- Karacharovsky, V. V. 1939. Rezul'taty opredeleniia faunisticheskogo materiala iz raskopok paleoliticheskoi stoianki Kostenki IV, raskopki A. N. Rogacheva. 1939 (Results of the determination of faunistic materials from the excavations on the Palaeolithic site of Kostenki IV carried out by A. N. Rogachev in 1939). Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 35. 1938. D. 64 (in Russian).
- Karacharovsky, V. V. 1939. Rezul'taty spetsial'nogo analiza sostava kostei zaitsa iz raskopok A. N. Rogacheva paleoliticheskoi stoianki Kostenki IV bliz sela Aleksandrovskaia Voronezhskoi oblasti (Results of the special analysis of the composition of rabbit bones from the excavations of A. N. Rogachev on the Palaeolithic site of Kostenki IV near the village of Aleksandrovskaia, Voronezh district). Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 35. 1938. D. 65 (in Russian).
- Mezhdunarodnyi kodeks zoologicheskoi nomenklatury (The international codex of zoological nomenclature). 1988. 3rd ed. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Rogachev, A. N. 1940. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)* VI, 36—41 (in Russian).
- Rogachev, A. N. 1955. *Kostenki IV — poselenie drevnekamennogo veka na Donu (Kostenki IV — a Palaeolithic site on Don)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 45 (in Russian).
- Rogachev, A. N., Anikovich, M. V. 1982. In *Paleolit Kostenkovsko-Borshevskogo raiona na Donu 1879—1979 (The Palaeolithic of the Kostenki-Borschiv region on the Don 1879—1979)*. Leningrad: Nauka, 76—85 (in Russian).

Статья поступила в номер 4 декабря 2013 г.

Maria Zheltova (Saint Petersburg, Russia). Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Maria Zheltova (Sankt Petersburg, Rusia). Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei.

Желтова Мария Николаевна (Санкт-Петербург, Россия). Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: mpraslova@mail.ru

Natalia Burova (Saint Petersburg, Russia). Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences².

Natalia Burova (Sankt Petersburg, Rusia). Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei.

Бурова Наталия Дмитриевна (Санкт-Петербург, Россия). Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: ikb@mail.ru

Address: ^{1,2} Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russia

Проблемы изучения палеолита Восточной Сибири

*Problems in the Study of the Palaeolithic of Eastern Siberia
Problemele cercetării paleoliticului Siberiei de Est*

В. И. Ташак

Становление раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам Нижнего комплекса стоянки Подзвонкая)

Keywords: Western Transbaikal, Middle Palaeolithic, Upper Palaeolithic, Podzvonkaya, stone industry, stratigraphy, spatial organization.

Cuvinte cheie: Transbaicalul de vest, paleolitic mijlociu, paleolitic superior, Podzvonkaia, industrie de piatră, stratigrafie, organizare spațială.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, средний палеолит, верхний палеолит, Подзвонкая, каменная индустрия, стратиграфия, планиграфия.

V.I. Tashak

Formation of the Early Upper Palaeolithic in Western Transbaikal (with particular reference to the Lower Complex of the Podzvonkaya site)

The paper provides a multilateral characteristic of the Lower Complex of the Palaeolithic site of Podzvonkaya site, situated in the south of Western Transbaikal, Russia. The description and analysis of the Podzvonkaya materials show that they date to the earliest stage of the Upper Palaeolithic in the region. The fact that the industry of Podzvonkaya retains numerous traits typical of the Middle Palaeolithic permits to characterize it as transitional from the Middle to the Upper Palaeolithic.

V.I. Tashak

Formarea paleoliticului superior timpuriu în Transbaicalul de vest (în baza materialelor din complexul inferior al sitului Podzvonkaia)

Articolul prezintă un studiu multilateral al complexului inferior al sitului paleolitic Podzvonkaia, situat în sudul Transbaicalului de vest, Rusia. Sunt prezentate descrierea și rezultatele analizei materialelor de pe sit, care permit datarea lor cu cea mai timpurie etapă a paleoliticului din Transbaical. În industria litică a complexului inferior din Podzvonkaia persistă mai multe trăsături, tipice pentru paleoliticul mijlociu, ce permite datarea sitului cu etapa de tranziție de la paleoliticul mijlociu la cel superior.

В. И. Ташак

Становление раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам Нижнего комплекса стоянки Подзвонкая)

В статье приводится многоплановая характеристика Нижнего комплекса крупного палеолитического памятника Подзвонкая, расположенного на юге Западного Забайкалья. Даны описание и результаты анализов материалов памятника. Показано, что они относятся к наиболее раннему этапу верхнего палеолита в Забайкалье. В связи с тем, что в каменной индустрии Нижнего комплекса Подзвонкой сохраняется много черт, характерных для среднего палеолита, то она может быть охарактеризована как переходная от среднего палеолита к верхнему.

Введение

Одним из крупнейших палеолитических памятников Забайкалья является поселение Подзвонкая. Благодаря большой площади памятника, сохранившимся в культурных гори-

зонтах структурным элементам древних стоянок и значительному числу археологических и остеологических находок, его исследования приобретают важное значение для понимания процессов формирования культур верхнего палеолита на юге Забайкалья.

Russian Foundation for Basic Research, The genesis of the Western Transbaikalian Upper Palaeolithic: culture and paleoecology, project 11-06-00374-a; Presidium of the Russian Academy of Sciences, Traditions and innovations in history and culture, project 33.1 ■ Fundația rusă pentru cercetări fundamentale, „Geneza paleoliticului superior din Transbaicalul de vest: cultură și paleoecologie”, proiect 11-06-00374-a; Prezidiul Academiei de Științe a Rusiei, „Tradiții și inovații în istorie și cultură”, proiect 33.1 ■ Российский фонд фундаментальных исследований, «Генезис верхнего палеолита в Забайкалье: культура и палеоэкология», проект 11-06-00374-a; Президиум Российской Академии наук, Программа «Традиции и инновации в истории и культуре», проект 33.1.

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© В. И. Ташак, 2014.

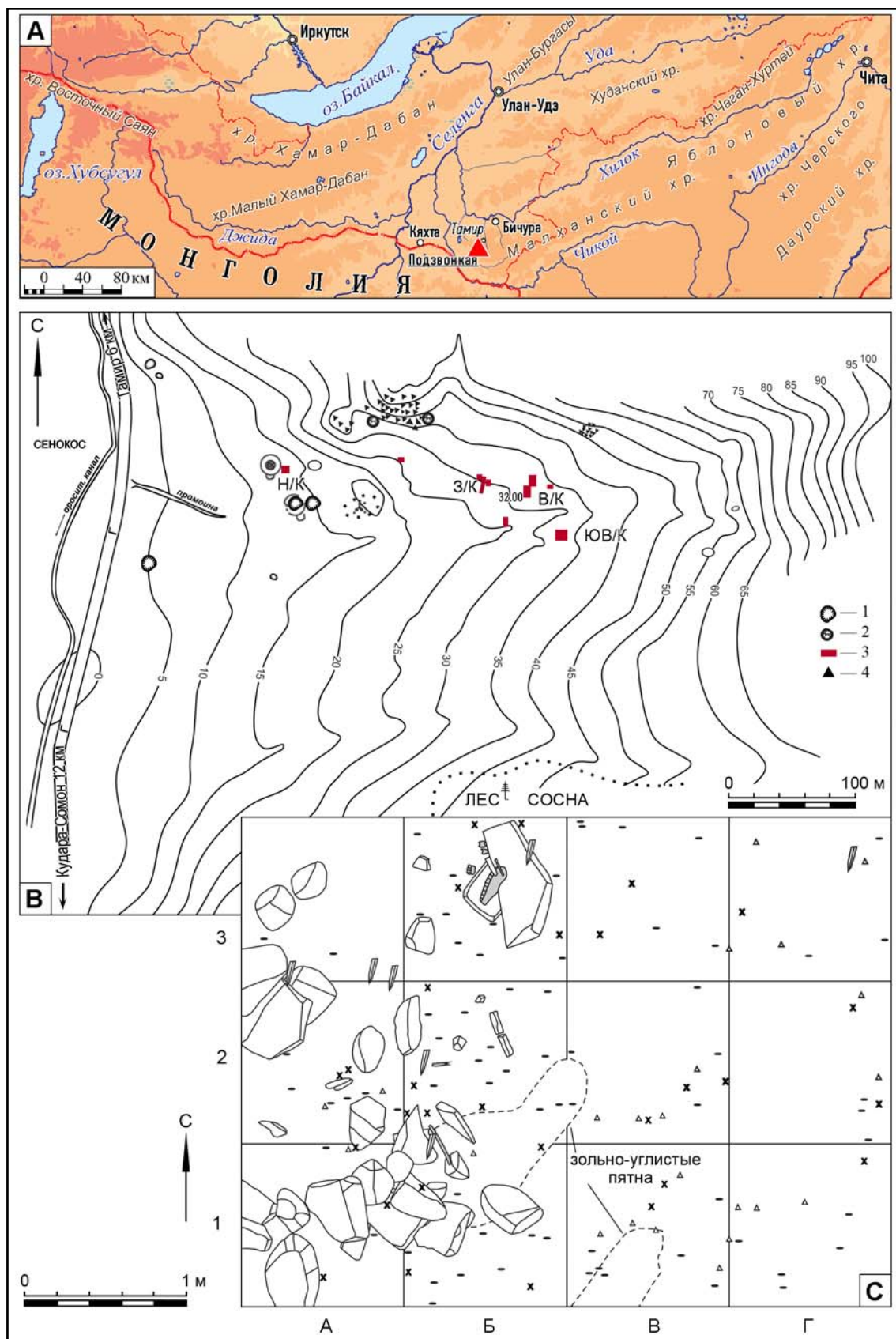

Рис. 1. Палеолитическое поселение Подзвонкая. А — местонахождение поселения Подзвонкая на юге Республики Бурятия (Западное Забайкалье); В — ситуационный план расположения палеолитических комплексов в местности Подзвонкая (Н/К — Нижний комплекс; З/К — Западный комплекс; В/К — Восточный комплекс; ЮВ/К — Юго-Восточный комплекс). 1 — ямы-углубления; 2 — остатки сооружений; 3 — места закладки раскопов; 4 — участки с подъемным материалом); С — план нижнего уровня 2-го культурного горизонта.

Fig. 1. Podzvonkaya, Palaeolithic site. A — location of Podzvonkaya settlement in the south of the Republic of Buriatia (Western Transbaikal); B — situational location plan of Palaeolithic complexes on Podzvonkaya site (H/K — Lower Complex; 3/K — Western Complex; B/K — Eastern Complex; ЮВ/К — South-Eastern Complex. 1 — pits-hollows; 2 — debris of structures; 3 — set-up of digging sites; 4 — location of findings); C — plan of the lower level of the 2nd cultural horizon.

Стоянка Подзвонкая находится на востоке Кяхтинского административного района Республики Бурятия, в 7 км на юго-юго-запад от с. Тамир, по левобережному борту долины небольшой горной речки Тамир, в юго-западных отрогах Тамирского хребта, входящего в систему Малханской горной цепи. Высочайшие точки отрогов этого хребта варьируют в пределах 1100—1300 м (по балтийской системе). С учетом того, что уровень русла речной долины в районе расположения памятника составляет около 760 м, прилегающие горные вершины возвышаются над долиной более чем на 200—250 м. При этом ширина поймы вблизи стоянки составляет около 700—800 м. Сама пойменная поверхность долины, покрытая густой травянистой растительностью, характерной для заливных лугов, представляет собой ровную, слабо наклонную в юго-западном направлении площадку, покровные отложения которой сформированы пойменным аллювием.

Непосредственно наш геoarхеологический объект — стоянка Подзвонкая расположена в амфитеатрообразной западине крутого левобережного борта долины. Именно эта западина протяженностью с севера на юг около 200—230 м и с востока на запад около 300 м (при постоянном подъеме днища в восточном направлении) и есть местность, носящая название Подзвонкая (рис. 1).

Палеолитическое поселение Подзвонкая обнаружено автором данной работы в июле 1991 года (Ташак 1996). Стационарные исследования на памятнике проводились с 1993 по 2003 год, с перерывом в 1995 году. В ходе многолетних работ в данной местности выявлено 4 самостоятельных участка с погребенными археологическими материалами. Эти участки обозначены как комплексы — Восточный, Западный, Юго-Восточный и Нижний. Следует акцентировать внимание на том, что каждый из комплексов может рассматриваться как самостоятельный памятник, удаленный на определенное расстояние от других объектов. Западный, Восточный и Юго-Восточный комплексы расположены компактно в верхней (восточной) части амфитеатра. Раскопы этих комплексов удалены друг от друга не более чем на 30 м. Их разделяют овраги — Юго-Восточный комплекс отделен от Западного и Восточного оврагом

глубиной до 2,5 м с каменистыми и задернованными бортами; Восточный комплекс отделен от Западного понижением рельефа, представляющим собой погребенный овражек. Все три комплекса размещены над дном долины на высоте от 30 до 35 м. Нижний комплекс удален на запад от раскопа Западного комплекса на 175 м и на 205 м от раскопа Восточного комплекса, т. е. участок комплекса расположен ближе к пойме реки и на 15—20 м ниже участков остальных комплексов.

Археологические материалы Нижнего комплекса являются наиболее древними, датированными 42—44 тыс. л. н., тогда как культурные горизонты Восточного и Юго-Восточного комплексов формировались в диапазоне 36—39 тыс. л. н. (Ташак 2000). В этом плане Нижний комплекс представляет интерес как археологический объект, демонстрирующий наиболее ранние формы становления верхнего палеолита в Забайкалье.

После предварительной публикации данных по Нижнему комплексу (Ташак 2002а), в некоторых работах, где он упоминается, его материалы нередко представляются как происходящие из нижних слоев памятника, что не соответствует действительности. В раскопах Западного, Восточного и Юго-Восточного комплексов до настоящего времени не обнаружено слоев, содержащих материалы в таком же хронологическом диапазоне. В данной работе предлагается детальный анализ материалов Нижнего комплекса и условий их залегания.

Геоморфология и стратиграфия

Первый подъемный материал на участке Нижнего комплекса был собран ещё в 1993 году, на месте, где ранее располагался, по всей видимости, летник для скота. В настоящее время здесь не наблюдается никаких признаков строений, но заметно место нивелировки небольшого участка поверхности. Вероятно, в результате земляных работ часть археологического материала, залегающего неглубоко, оказалась на поверхности.

Для закладки шурфа на нижнем участке было выбрано место относительно выположенное и прикрытое с севера небольшим хол-

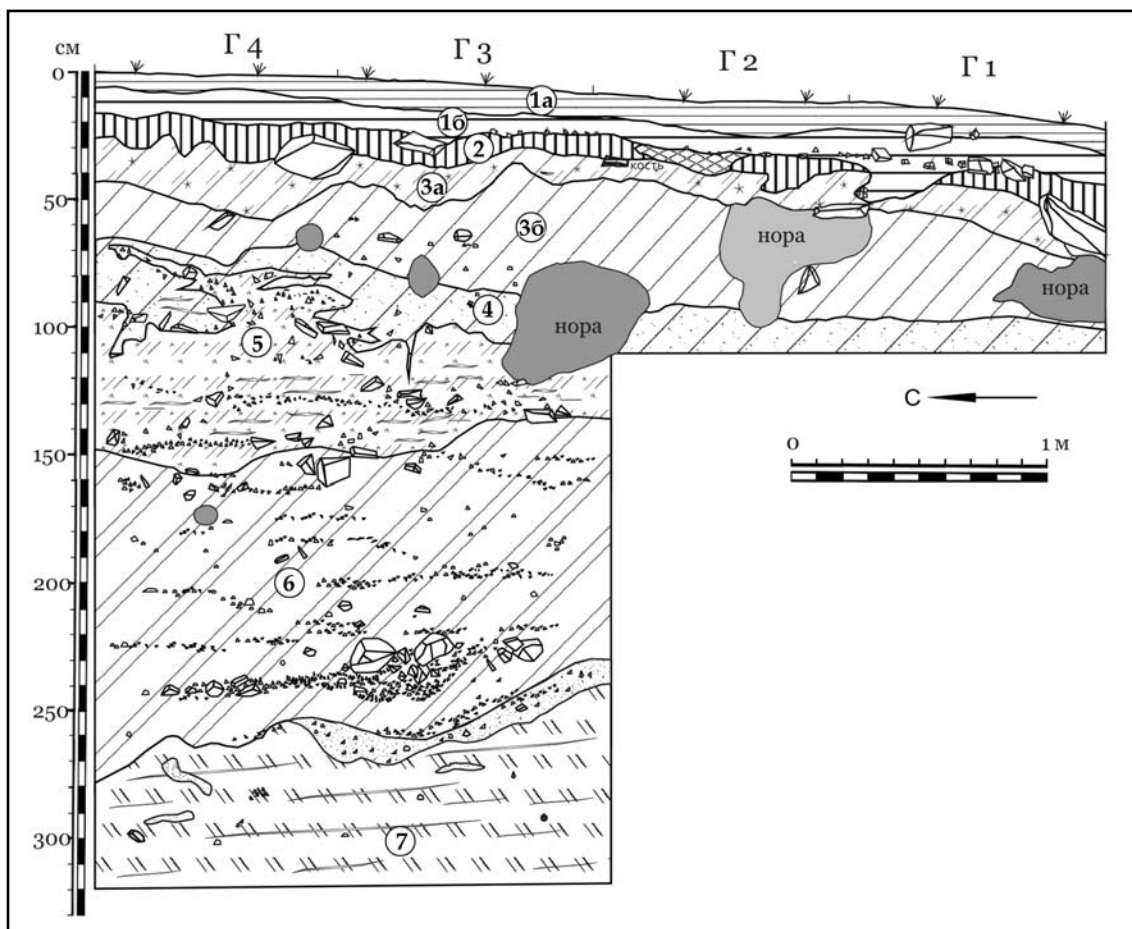

Рис. 2. Подзвонкая. Нижний комплекс. Стратиграфия восточной стенки раскопа. Описание литологических слоёв дано в тексте. 1а — современный дерн; 1б — супесь коричневатого-серая; 2 — супесь светло-коричневая; 3а, 3б — суглинки жёлто-палевые; 4 — суглинки слоистые серо-палевые; 5 — суглинки слоистые серые опесчаненные; 6 — супесь палево-серая; 7 — суглинки слоистые светло-серые.

Fig. 2. Podzvonkaya. Lower Complex. Stratigraphy of the eastern wall of the dig. Lithological descriptions are given in the text. 1a — modern turf; 1b — brown-gray clay sand; 2 — light-brown clay sand; 3a, 3b — straw clay sands; 4 — gray-straw laminated clay sand; 5 — gray laminated sandy loam; 6 — gray-straw clay sand; 7 — light-gray laminated clay sand.

мом, прислоненным к юго-западному подножию горы Звонкой (см. рис. 1). Поверхность холма, представляющая собой задернованную и распавшуюся на блоки скалу, усеяна скальными обломками. Практически сразу под дерном на глубине около 5 сантиметров стали встречаться артефакты. Это были фрагменты керамики, обломки металлических изделий. Также здесь были отмечены фрагменты костей животных. На глубине свыше 5 см стали попадаться каменные артефакты, в большинстве типологически и морфологически сходные с находками, выявленными на других комплексах.

После того, как на новом участке было установлено наличие археологического материала, компактно залегающего в литологических слоях, в зоне шурфа был размечен раскоп площадью 25 кв.м. Первоначально раскапывалось 12 кв.м. В последующие годы

площадь исследованного участка была увеличена до 16 кв.м, а затем на север от раскопа, в сторону скальных завалов под горой, была проведена траншея с целью выявления характера распространения культурных остатков.

Наибольшая глубина раскопа составляет 110 см. В его северо-восточном углу был разбит шурф площадью 2 кв.м, глубиной 320 см (рис. 2). Стратиграфические данные Нижнего комплекса могут быть представлены следующим образом:

1. Супесь темно-коричневого цвета с серыми оттенками, плотная, пылеватая, содержащая разнозернистый песок, отдельные щебни и камни. Слой подразделяется на два уровня: 1а (верхняя часть слоя) — современный дерн, представляющий собой темно-коричневую супесь, насыщенную корнями трав; 1б (нижняя часть слоя) — коричневатого-

№1. 2014

серая (до черного) супесь. Нижнюю часть слоя можно рассматривать как уровень обитания в эпоху поздней бронзы — раннего железа. Мощность дерна — 5—8 см, нижней части — 6—10 см.

2. Супесь светло-коричневого (каштанового) цвета, плотная, насыщенная крупнозернистым песком и дресвой и в значительной степени карбонатами. Слой содержит наибольшее количество каменных артефактов, а также керамики. Мощность слоя 5—20 см.

3. Суглинки с большим содержанием мелкозернистого песка, желто-палевого цвета, при высыхании белесого, с редкими включениями щебня и дресвы. Слой подразделяется на 2 уровня: 3а — с очень большим содержанием карбонатов; 3б — с умеренным содержанием карбонатов. Общая мощность 50—60 см.

4. Четвертый литологический слой, на первый взгляд, представляется продолжением слоя 3, но четко отделяется от него. Он включает суглинки серовато-палевого цвета с бледно-коричневым оттенком, с умеренным содержанием среднезернистого песка. Ярко выражена его слоистость в виде линзочек суглинков разных оттенков — ярких и бледных коричневатопалевых. Кроме того, отмечаются линзы суглинков серо-стального цвета. Они сходны с породой слоя 5. Граница с нижележащим слоем четкая (по цвету), но в некоторых местах слой 4 проникает в подстилающие отложения в виде мелких промоин и небольших клиньев. Мощность слоя 15—30 см.

5. Суглинки с включениями песка серо-стального цвета, с ярко выраженной слоистостью в виде тонких и бледных по цвету линзочек коричневатопалевых суглинков. Состав этих линзочек сопоставим со слоем 4. В нижней части слоя отмечается каменисто-щебнистый прослой. Мощность слоя 30—60 см.

6. Супесь с большим содержанием тонкозернистого песка, палево-серого цвета. В слое имеется умеренное количество дресвы, щебня и камней. Он разделен на две части каменисто-щебнистым прослоем. В его верхней части выражены белесоватые пятна карбонатов. Мощность слоя 105—130 см.

7. Суглинки светло-серого цвета, с выраженной волнообразной слоистостью за счет большого количества тонких линз рыжеватокоричневого цвета, с незначительным содержанием камней, щебня и дресвы. Наклон слоя 7 направлен на восток, в противоположную сторону от наклона слоев 4 и 5: они на-

клонены на запад, в сторону долины реки, как и современная поверхность. Видимая мощность слоя до 80 см.

В траншее раскапывались только верхние литологические слои, содержащие археологические материалы. По мере приближения к скалистому склону горы, мощность этих слоев уменьшается, вместе с ней уменьшается и число залегающих книзу артефактов во втором культурном горизонте. В основной, южной, части раскопа палеолитические артефакты и фаунистические остатки оказались распределенными практически по всей толще отложений от подошвы 1-го до 5-го литологического слоя.

Наибольшая концентрация палеолитических материалов отмечается в зоне контакта 1-го и 2-го литологических слоев — этот уровень назван первым культурным горизонтом. На этом же уровне отмечены и артефакты более позднего времени — фрагменты керамики и единичные находки обломков металлических изделий.

Уровень, содержащий палеолитические артефакты, от основания 2-го литологического слоя и до подошвы 4-го, назван вторым культурным горизонтом. Такое разделение на культурные горизонты условно, поскольку стерильных прослоек при распределении находок по литологическим слоям не наблюдается. Тем не менее, если первый культурный горизонт и верхнюю часть второго можно рассматривать как уровни переотложения, то подошва 4-го литологического слоя явно являлась уровнем обитания древнего населения.

Первый культурный горизонт

Первый культурный горизонт Нижнего комплекса стоянки Подзвонкая связан с литологическими слоями 1а и 1б, а также с контактной зоной между слоями 1б и 2. Именно в этой зоне концентрируется большая часть археологических и палеонтологических материалов. В составе археологических материалов первого культурного горизонта отмечаются как каменные изделия эпохи палеолита, так и фрагменты керамики бронзового и железного веков. В подошве слоя 1а и в слое 1б встречаются зольно-углистые линзы, которые могут маркировать отдельные эпизоды пребывания здесь людей в указанные эпохи. Но в целом эти линзы сопровождаются различными материалами и никак не помогают в выделении ограниченного хронологического диапазона.

Большой интерес в плане определения каких-либо структурных элементов древних поселений и стоянок на уровне первого культурного горизонта представляет скопление камней (скальных обломков) в квадрате А-2, возле оградки кургана-керексура. Камни сложены в виде небольшого округлого курганчика и, несомненно, представляют собой ритуальную жертвенную кладку, возведенную возле кургана-керексура. Между камнями кладки обнаружены мелкие фрагменты керамики, обломки костей животных и каменные артефакты. В частности, один из небольших камней кладки представляет собой пренуклеус эпохи палеолита. Большая часть фрагментов керамики из-за своих мелких размеров мало пригодна для четких определений. Те же фрагменты, которые определяются, по большей части, исходя из известных аналогий, относятся к эпохе развитой и поздней бронзы или к раннему железному веку. Преобладание керамических фрагментов бронзового века достаточно отчетливо указывает на то, что ритуальная кладка была возведена именно в это время. Как известно, курганы-керексуры являлись объектами поклонения или объектами, возле которых возводились ритуальные сооружения или производились захоронения различными народами в различные исторические эпохи (см.: Цыбиктаров 1998: 136—144). Согласно стратиграфическим наблюдениям, ритуальный каменный курганчик был возведен прямо на древней дневной поверхности, без каких-либо углублений в грунт. Под нижними камнями кладки проходит маломощная прослойка грунта коричневатого-каштанового цвета, отделяющая камни от поверхности второго литологического слоя. Некоторые камни, практически, располагаются на поверхности слоя 2. Исходя из этого, видно, что поверхность второго литологического слоя в эпоху поздней бронзы — раннего железного века была задернована слабо. Именно поэтому артефакты каменного века, находившиеся, в том числе, во втором литологическом слое, т.е. на поверхности, оказались перемешаны с артефактами значительно более поздних эпох. Сам 2-й литологический слой, безусловно, подвергался размыву и развеиванию; данные процессы, вероятно, имели место в финале плейстоцена. При этом следует иметь в виду, что значительных перемещений как грунта, так и артефактов не происходило, поскольку наклон площадки здесь незначительный. Участок Нижнего комплекса с севера закрыт скалистой возвышенностью, в южную сторону поверхность слабо наклонена, а основные делювиальные и пролювиальные пото-

ки со склонов горы проходили по склоновым ложбинкам с востока и запада. Данная геоморфологическая ситуация локального участка показывает, что ветер и ливневые, а также талые воды оказывали основное воздействие на эрозию поверхности второго литологического слоя. При этом обилие скальных обломков и скальных выходов с северной стороны участка сдерживало ливневые и талые воды. Воздействие денудационных процессов с востока ограничено каменистым овражком, разбившимся у подножия склонового желоба и отделяющим Нижний комплекс от Западного. В связи с этим процессы аккумуляции осадков на участке Нижнего комплекса были ограничены, что и приводило к долгому пребыванию палеолитических артефактов на поверхности без значительного перемещения. Данное предположение подтверждается наличием патины на поверхности почти всех палеолитических артефактов первого культурного горизонта.

Первый культурный горизонт (как и второй) во многих местах нарушен норами грызунов. В северо-западном углу раскопа зафиксирована погребенная неглубокая яма. В рыхлом заполнении ямы были обнаружены кости животных, отличающиеся «свежестью» даже в сравнении с костями, найденными вместе с керамикой раннего железного века. Также в яме обнаружен обломок фаянсовой пиалы с росписью, характерной для посуды, производимой в Китае или Внутренней Монголии (территория Китая) в конце XIX в. Вероятно, именно в конце XIX — первой половине XX вв. здесь располагался упомянутый летник для скота.

Второй культурный горизонт

Исходя из полученных данных по вертикальному и горизонтальному распределению артефактов, во втором культурном горизонте можно предполагать два уровня обитания. Основу нижнего уровня обитания второго культурного горизонта составляют основание литологического слоя 4 и кровля литологического слоя 5. Именно отсюда происходят находки, позволяющие говорить о том, что указанный уровень являлся горизонтом обитания в древности. К этим находкам относятся крупные каменные плиты, локализованные в северной части раскопа. Рядом с плитами обнаружены пятна прокаленного грунта и большое количество костей животных — вероятно, плиты служили обкладкой очага. В одном метре южнее также обнаружено скопление плит, одна из которых стоит вертикально, а дру-

Таблица 1.

Термолюминесцентные даты для Нижнего комплекса Подзвонкой

Подразделения	Датировка	Индекс лаборатории	Анализируемый образец
Литологический слой 3б	96000 ± 17000 л.н.	ГИ СО РАН-407	Грунт (кварц)
Литологический слой 4	77000 ± 11000 л.н.	ГИ СО РАН-408	Грунт (кварц)
Литологический слой 5	200000 ± 28000 л.н.	ГИ СО РАН-548	Грунт (кварц)

гие наклонены, что предполагает их первоначально вертикальное положение. Рядом с этими плитами также обнаружены: пятна прокала грунта; следы охры; обломки крупного окатанного в реке камня с красноватой поверхностью — в Восточном комплексе такие камни обнаружены в очагах и кострищах (Ташак 2003; 2011а); гумусированные пятна (остатки погребенной почвы); фрагменты костей животных и артефакты. Вероятно, два участка с каменными плитами и пятна прокаленного грунта могут представлять собой остатки одного крупного очага, поскольку расстояние между группами камней не превышает одного метра. Исходя из данных, полученных в ходе работ на Восточном комплексе, где на расстоянии 1 м друг от друга фиксируются два четко очерченных очага, можно предположить и здесь наличие двух самостоятельных очагов.

Верхний уровень обитания во втором культурном горизонте связан с поверхностью литологического слоя 3 и слоем 2. Такой вывод стал возможным после раскопок в траншее, где были обнаружены кости передней конечности лошади, сохранившиеся в анатомическом порядке. Кости сильно фоссилизируются, так же, как и все остальные остеологические находки из второго культурного горизонта. Нога лошади, ориентированная по линии север-юг, залегала в окружении крупных камней, основание которых покоилось на поверхности или в составе 3-го литологического слоя. Верхняя часть многих из этих камней видна на современной поверхности. Таким образом, камни, лежащие основанием на слое 3а или в нем, — это камни, составлявшие элементы древней поверхности обитания в эпоху палеолита.

Судя по тому, что в 4-м литологическом слое повсеместно фиксируются в виде тонких и маломощных линз остатки погребенной почвы, подобной той, что отмечена в Восточном комплексе как третий культурный горизонт, можно предполагать аналогичный процесс осадконакопления в период обитания людей на этих двух участках, их относительную одновременность и идентичность формирования культурных горизонтов. В Нижнем комплексе, как и в Восточном, культурный горизонт

начал формироваться в основании желтых суглинков — здесь это 4-й литологический слой, а в Восточном комплексе — 10-й. Накопление культурных остатков было многолетним, но недолговременным в рамках геологического подразделения и прерывистым. Такое накопление культурных остатков предполагает многослойность памятника, но медленное накопление рыхлых отложений приводило к тому, что маломощные культурные горизонты накладывались один на другой, и теперь они предстают перед современными исследователями как единый горизонт. Выделенный в Нижнем комплексе первый культурный горизонт и верхнюю часть второго следует рассматривать как горизонты переотложения палеолитических материалов (основание 1-го литологического слоя являлось уровнем обитания в эпоху позднего бронзового и раннего железного веков). Во втором культурном горизонте возможно выделение двух уровней обитания с остатками структурных элементов.

Хронология

Абсолютный возраст культурных горизонтов Нижнего комплекса определялся на основе радиоуглеродных и термолюминесцентных анализов (Ташак 2011б). Для второго культурного горизонта получено две радиоуглеродные даты: 43900 ± 960 л.н. (СОАН-4445) и >41200 л.н. (СОАН-6427). Обе даты основаны на анализе костных образцов. Для первой даты образцы собраны с поверхности в несколько квадратных метров при вертикальном разбросе до 50 см. Некоторые фрагменты костей взяты из первого культурного горизонта, где они четко выделялись значительно большей фоссификацией из группы костей железного века.

Для получения второй даты использовалась массивная кость крупного животного (носорог?), найденная в третьем литологическом слое в северной части траншеи.

Обе даты, несмотря на то, что в первом случае значительная часть анализируемых образцов происходит из первого культурного горизонта, показывают возраст более сорока тысяч лет. На основе радиоуглеродного анализа об-

разцов кости из первого культурного горизонта, не затронутых фоссиллизацией, получена дата 1840 ± 75 л.н. (СОАН-4446), которая показывает возраст материалов железного века. Исходя из результатов датирования, видно, что время функционирования палеолитических стоянок Нижнего комплекса приходится на небольшой в геологическом плане отрезок времени — от 41 до 45 тысяч лет назад. На современном этапе исследований, как было указано, во втором горизонте выделяются два уровня обитания, укладывающиеся в эти хронологические рамки. Поздняя дата (железный век) подтверждает вывод о том, что на участке Нижнего комплекса накопление рыхлых отложений было минимальным, и в эпоху бронзового и раннего железного веков палеолитические артефакты и костный материал находились практически на поверхности. Это привело к совместному залеганию артефактов бронзового и железного веков с артефактами палеолита в контактной зоне 1-го и 2-го культурных горизонтов (Ташак 2002а). Все отложения финального плейстоцена, вероятно, были «смыты» в конце сарганского похолодания (поздний вюрм по европейской шкале глобальных оледенений). При этом следует отметить и такой факт, как полное отсутствие на данный момент артефактов финального палеолита, неолита и раннего бронзового века в местности Подзвонкая. Возможно, начиная с эпохи сарганского похолодания и до раннего голоцена включительно данная местность была некомфортной для проживания людей.

Метод термолюминесцентного датирования применялся для определения возраста литологических слоев, представляющих нижнюю часть второго культурного горизонта (табл. 1). Во всех случаях применения термолюминесцентного метода даты значительно отличаются от радиоуглеродных в сторону удешевления. Чем вызвана такая несогласованность двух методов датирования, пока неясно, необходимы специальные исследования в этой области.

Палеолитические материалы

Первый культурный горизонт, наряду с артефактами бронзового и раннего железного веков, содержит большое количество палеолитических находок, большая часть которых сосредоточена в контактной зоне между первым и вторым литологическими слоями и в кровле второго слоя. Не менее 90% всех каменных артефактов первого культурного горизонта пагинизированы. Дефляция (как

правило, слабая) наблюдается не более чем на 10% каменных предметов.

Всего из первого культурного горизонта Нижнего комплекса Подзвонкой получено в ходе раскопок 719 каменных артефактов (без учёта находок в разведочных шурфах), а также микроотщепов и каменных чешуек. Первичное расщепление представлено различного типа сколами, нуклеусами, нуклевидными предметами и обломками. Большая часть продуктов расщепления представлена отщепами — 425 экз., среди которых преобладают (около 75%) мелкие отщепы и фрагменты отщепов размером менее 3×3 см — результаты подправки нуклеусов на стадии подготовки преформы и в процессе утилизации, а также повреждённые в процессе обитания людей на стоянке. Следующая по численности группа отщепов, размерами от 3 до 5 см, составляет 20%. Остальные 5% — это крупные отщепы, среди которых часто встречаются первичные. В числе крупных отщепов стоит отметить один экземпляр размерами $22 \times 12 \times 1$ см, из тёмно-бордового сырья, на вид зернистого, как песчаник, но определённого петрографически как литокристаллокластический туф с большим количеством обломков вулканического стекла. Массивная ударная площадка этого отщепы тщательно фасетирована (фасетки крупные) и подработана таким образом, что центр слегка возвышается, т.е. оформление ударной площадки напоминает таковое у типичных леваллуазских сколов. При этом сам скол получился очень широким и коротким. Он разломился на две части, одна из которых, получившаяся продолговатой, как пластина, использовалась в качестве скобеля, так как имела слегка вогнутые лезвие. Первичные отщепы представлены 45 экз. (без учёта мелких обломков).

Помимо типичных отщепов, в коллекции первого слоя чётко прослеживается группа отщепов-отслоек, образовавшихся в результате разрушения нуклеусов по естественным трещинам. Осмотр нуклеусов, нуклевидных обломков и кусков сырья показал, что часто в расщеплении использовались камни с внутренними изъянами. Иногда из-за таких изъянов расщепление прекращалось на самой ранней стадии.

Пластины среди находок первого культурного горизонта представлены 20 целыми экземплярами и 86 фрагментами. В целом, набор пластин Нижнего комплекса сравним с пластинами Восточного комплекса — эталонного для всех объектов палеолитического

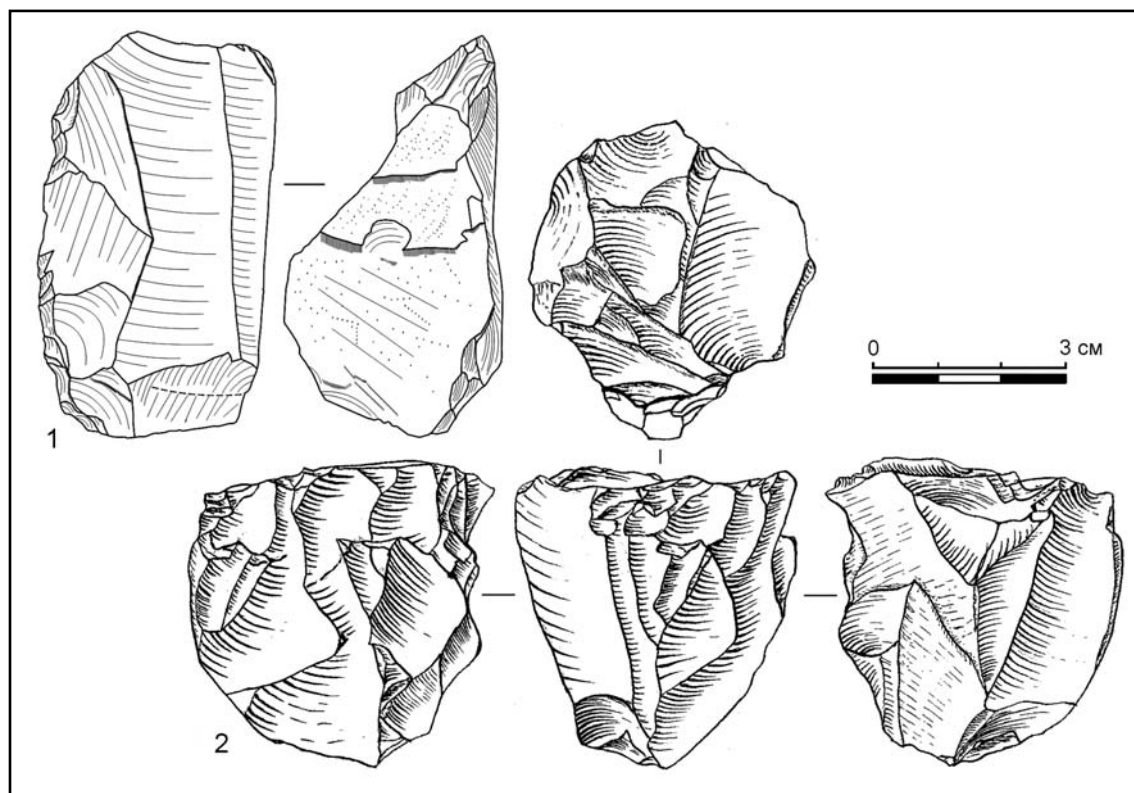

Рис. 3. Подзвонкая. Нижний комплекс, культурный горизонт 1. Нуклеусы.

Fig. 3. Podzvonkaya. Lower Complex, cultural horizon 1. Cores.

памятника Подзвонкая (Ташак 2005), но более молодого в сравнении с Нижним комплексом. Часто это крупные пластины с субпараллельной огранкой дорсала, с широкой медиальной частью и более узкими проксимальным и дистальным концами. Среди пластинчатых сколов зафиксированы 4 реберчатые пластины и 8 пластинчатых отщепов. Кроме этого, в наборе артефактов присутствуют 19 краевых сколов, среди которых отмечаются как сколы подправки ударной площадки, так и первые сколы в процессе утилизации, снимающие специально подготовленное ребро на нуклеусе или латеральное ребро.

Немногочисленные нуклеусы — 11 экз., демонстрируют различные способы расщепления каменного сырья. Некоторые нуклеусы повреждены, но по сохранившимся частям можно судить как о форме, так и о способах их расщепления.

Плоскостное расщепление представлено одним нуклеусом леваллуазского типа — это одноплощадочный монофронт с ударной площадкой, выпуклой в центре (если смотреть со стороны фронта). Плечи этой площадки опущены к латеральям. На одной из латералей оформлено ребро продольным фронтальным сколом и широким диагонально направлен-

ным сколом по контрфронту. На второй широкой латерали сохранилась валунная корка. Контрфронт нуклеуса ровный, он сохранил естественную поверхность камня. На фронтальной поверхности нуклеуса имеются негативы пластинчатых снятий.

Ещё один нуклеус, из-за трещин в камне оставленный на начальной стадии расщепления, близок по форме первому, но был подготовлен к иному способу раскалывания. У этого экземпляра одна латераль представлена широкой поверхностью от скола, вторая подготовлена серий сколов, направленных от фронта к контрфронту. При этом угол между поверхностью фронта скалывания и контрфронтом крутой (близок к прямому). Подобное оформление латералей как на нуклеусах с плоским фронтом, так и на ряде подпризматических нуклеусов, характерно и для индустрии Восточного комплекса. Ещё у одного нуклеуса оформлены две ударные площадки, расположенные на разных концах заготовки. Обе площадки ориентированы на противоположные плоскости (фронт и контрфронт). По тому, как оформлены ударные площадки и где располагаются пробные снятия, видно, что расщепление начиналось на подобных нуклеусах с угла меж-

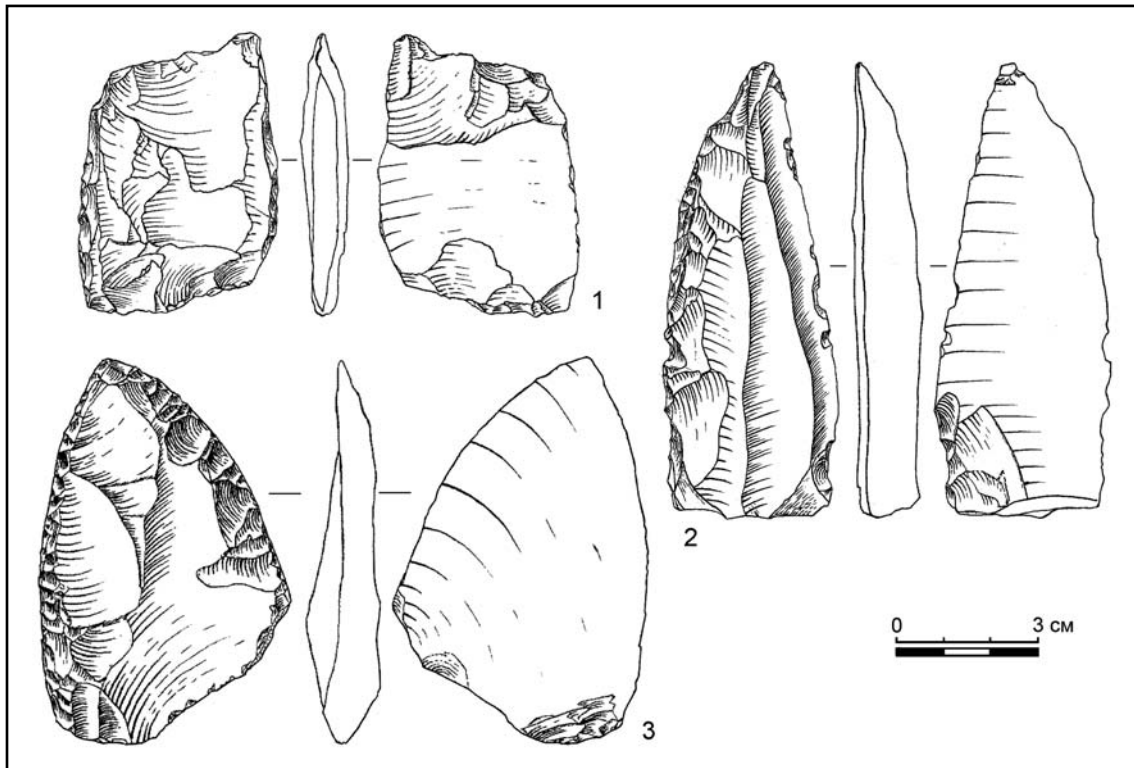

Рис. 4. Подзвонкая. Нижний комплекс, культурный горизонт 1. 1 — долотовидное изделие; 2 — скребло на пластине; 3 — скребло-нож угловатой формы (дежетэ).

Fig. 4. Podzvonkaya. Lower Complex, cultural horizon 1. 1 — chisel-like tool; 2 — sidescraper on a blade; 3 — angled sidescraper-knife.

ду уплощённым фронтом и широкой латералью. Постепенно скалывание переносилось на широкий фронт. По форме этот нуклеус напоминает нуклеусы типа «джрабер», описанные В. П. Любиным (1961) по материалам нижнего палеолита.

Похожее ядрище можно охарактеризовать как прототорцовый двуплощадочный монофронтальный нуклеус. У этого экземпляра фронт скалывания подготовлен на углу массивной (утолщенной) части крупного скола. Снятые небольших пластинок велось во встречном направлении. Одна ударная площадка — ровная поверхность слома без дополнительного оформления. Вторая ударная площадка, скошенная к контрфронту, подготовлена несколькими сколами. В данном случае скалывание перешло на широкий край.

Большая часть нуклеусов и их фрагментов представлена экземплярами с широким плоским фронтом, с которых снимались отщепы и пластины в параллельной системе.

Несколько выбивается из общего ряда одно ядрище, которое морфологически и типологически определяется как подпризматический конусовидный, одноплощадочный, однофронтальный нуклеус. Его ударная площад-

ка в плане округлой формы, ровная. По краю скалывания она подработана как сколами, направленными на фронт, так и сколами, направленными вдоль поверхности самой площадки. Фронт скалывания по периметру нуклеуса покрывает 3/4 его протяженности. Негативы коротких пластинчатых сколов, направленных от ударной площадки, сходятся в основании или «опорной пятке» (рис. 3: 2). Высота этого ядрища — 4 см, соответственно, с него могли быть получены пластинки такой же длины или короткие пластинчатые отщепы. Как показывают аналитические данные по Восточному комплексу, в подавляющем большинстве пластинок такого размера в работе не использовались.

Дополняет представление о системах расщепления в индустрии подпризматический одноплощадочный монофронтальный нуклеус с сильно скошенной назад ударной площадкой (рис. 3: 1) и крупный отщеп — фронтальный скол с крупного призматического нуклеуса. Судя по отщепу, скалывание с нуклеуса велось по периметру со значительным захватом латералей. Ударная площадка у него ровная, с тщательной подработкой края мелкими сколами, направленными на поверхность фронта. С ядрища скалывались ровные пла-

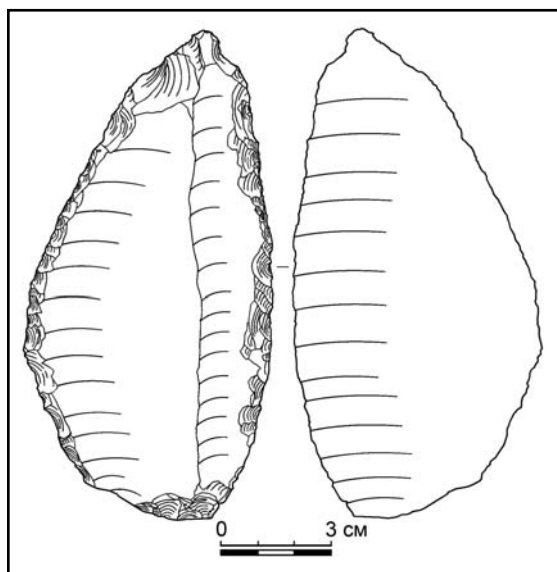

Рис. 5. Подзвонкая. Нижний комплекс, культурный горизонт 1. Скребло-нож на пластине.

Fig. 5. Podzvonkaya. Lower Complex, cultural horizon 1. Sidescraper-knife on a blade.

стины в параллельной системе. Именно с таких нуклеусов и было получено большинство правильных пластин среднего размера (около 8 см длиной), зафиксированных в первом культурном горизонте.

Кроме определимых сколов и нуклевидных форм, в составе коллекции имеется 123 обломка и бесформенных скола, 6 окатанных камней, принесённых из долины, 1 опробованный кусок сырья.

Орудийный набор представлен 89 изделиями и фрагментами изделий с вторичной обработкой, а также 9 предметами с выраженной ретушью утилизации. По типам сколов, на которых они изготовлялись, орудия распределились следующим образом: на пластинах — 44 экз.; на отщепках — 41 экз.; на краевом сколе — 1 экз. Для 3 обломков орудий тип заготовки неопределим.

Первичные отщепы редко использовались для изготовления орудий — среди них всего один целый отщеп и несколько фрагментов с галечной и валунной коркой.

В индустрии первого культурного горизонта Нижнего комплекса Подзвонкой уже чётко наметилась тенденция к определенным предпочтениям при выборе пластин для изготовления орудий. В основе орудийного набора — пластины и отщепы с краевой дорсальной ретушью. Вентральная ретушь наблюдается в единичных случаях. Краевая дорсальная формообразующая многорядная ретушь применялась для изготовления скрёбел (рис. 4:

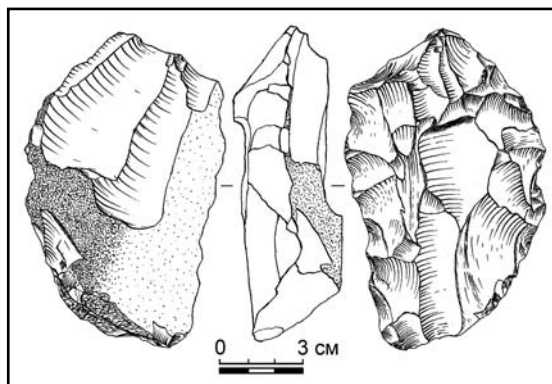

Рис. 6. Подзвонкая. Нижний комплекс, культурный горизонт 2. Нуклеус.

Fig. 6. Podzvonkaya. Lower Complex, cultural horizon 2. Core.

2). Формообразующая ретушь, видоизменяющая часть края скола, чаще отмечается в дистальной части пластин, которым придавались остроконечные формы (рис. 5), или же дистальный конец слегка закруглялся.

Следует отметить, что формообразующая ретушь чаще применялась при изготовлении орудий именно в Нижнем комплексе и реже фиксируется в Восточном комплексе. Орудия с пологой приостряющей и крутой скребловидной ретушью распределились примерно поровну, и ведущими формами изделий являются ножевидные и скрёбла. Значительно реже отмечаются другие типы орудий, такие, как долотовидные — 4 экз. (рис. 4: 1), резцы — 2 экз., скребки — 3 экз.

Обращаясь для сравнения орудийного набора Нижнего комплекса к материалам Восточного комплекса, стоит отметить, что в последнем собран представительный набор долотовидных орудий и скребков. Если долотовидные изделия Нижнего комплекса сопоставимы по процентному соотношению с общим количеством таких орудий Восточного комплекса, то скребки значительно уступают (причем лишь один из них имеет тщательно оформленное лезвие).

В орудийном наборе Нижнего комплекса найдено изделие на угловатом отщепе, представляющее собой типичный мустьерский асимметричный остроконечник или изделие типа «дежетэ» (рис. 4: 3). Края орудия подработаны мелкой и средней стелющейся приостряющей ретушью.

Второй культурный горизонт содержит только палеолитические артефакты. Единичная находка бронзового или раннего железного века встречена в норе. Основная масса находок залегает в подошве 4-го литологического слоя. Меньшее число находок распределилось по слоям 2 и 3. Единичные ар-

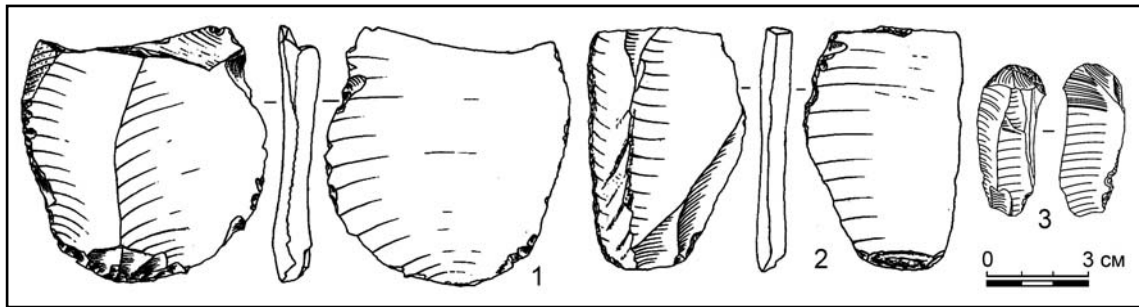

Рис. 7. Подзвонкая. Нижний комплекс, культурный горизонт 2. 1 — ретушированный отщеп; 2 — фрагмент пластины с пологой ретушью; 3 — концевой скребок.

Fig. 7. Podzvonkaya. Lower Complex, cultural horizon 2. 1 — retouched flake; 2 — fragment of a retouched blade; 3 — endscraper.

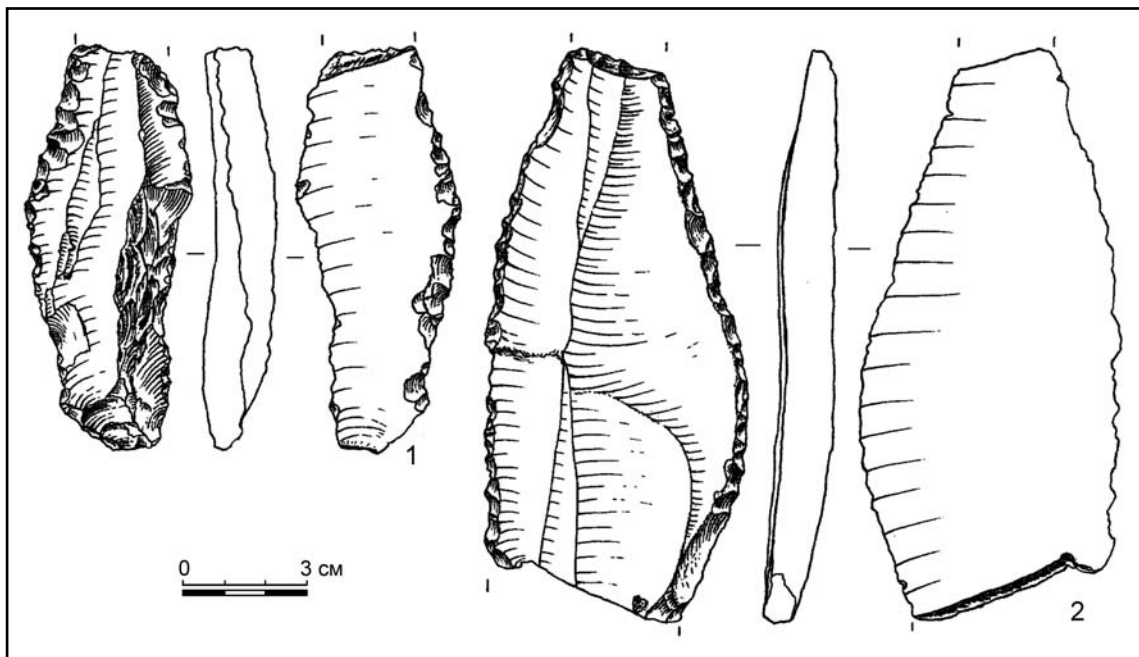

Рис. 8. Подзвонкая. Нижний комплекс, культурный горизонт 2. Ретушированные пластины.

Fig. 8. Podzvonkaya. Lower Complex, cultural horizon 2. Retouched blades.

тефакты зафиксированы в кровле слоя 5. У артефактов, обнаруженных во 2-м и 3-м литологических слоях, нередко на одной из поверхностей наблюдается слабая патина. Находки из 4-го и 5-го литологических слоёв не патинизированы.

Всего во втором культурном горизонте обнаружено 285 каменных артефактов (без учёта микроотщепов, которых насчитывается более сотни) и около 300 костей животных. Основу остеологических находок составляют обломки и фрагменты трубчатых костей, но, как отмечалось ранее, здесь зафиксирован фрагмент конечности лошади с анатомически правильным расположением костей.

Первичное расщепление представлено различного типа сколами, нуклеусами и фраг-

ментами нуклеусов. Наиболее многочисленны отщепы — 161 экз., среди которых всего 5 первичных. Кроме них, найдены 2 отщеп-отслойки по естественным трещинам сырья. В сравнении с коллекцией первого культурного горизонта во втором большинство отщепов размерами более 3 см, и около половины всех отщепов можно рассматривать как потенциальные заготовки для орудий, так как они имеют несколько удлинённые очертания, или же короткие, но широкие, с удлинённым дистальным краем.

В коллекции 15 целых или слегка усечённых пластин и 39 фрагментов.

Ещё одну крупную группу артефактов — 55 экз., составляют обломки и неопределимые, массивные в сечении фрагменты сколов. Краевые треугольные в сечении сколы пред-

№1. 2014

ставлены 8 экз. Остальные типы артефактов единичны.

Нуклеусы и их крупные фрагменты, к которым отнесены 6 экз., демонстрируют плоскостное расщепление. Нуклеидные обломки (4 экз.) позволяют предполагать наличие подпризматического расщепления. Тем не менее, следует отметить превалирование именно плоскостного расщепления, которое также служило и для получения пластин. Один из нуклеусов напоминает формой описанный для первого культурного горизонта двуплощадочный, двухфронтальный нуклеус. Поверхности скалывания оформлены у него на противоположащихся плоскостях овальной уплощенной гальки (рис. 6). Ударные площадки расположены на противоположных концах. Один фронт скалывания оформлен как у типичного леваллуазского нуклеуса (черепаховидный вариант). Противоположный фронт скалывания, имея природную форму леваллуазского с выступающим ребром в центре, никак не оформлялся, а расщепление началось с центрального ребра. Как на первом, так и на втором фронтах скалывания расщепление, направленное на получение пластин, продолжилось с отступанием к краям. Такой подход к утилизации нуклеусов леваллуа классической формы резко отличает индустрию Подзвонкой от каменной индустрии, например, Барун-Алана-1 (Ташак 2012), где в подавляющем большинстве случаев подобные нуклеусы предназначались для получения единственного скола, а в случае продолжения эксплуатации переформлялись.

Близки по форме ещё два нуклеуса. Один из них подготовлен к расщеплению от угла латерали. Второй представляет собой одноплощадочный однофронтальный плоскостной нуклеус, оформленный на очень крупном плоском сколе. У него имеется и вторая ударная площадка, противоположная первой и обращенная на другую плоскость, т.е. на контрфронт. Но сколы с этой ударной площадки только намечены. Нуклеус сработан до состояния плитки.

Ещё один нуклеус — одноплощадочный, однофронтальный, расколотый наполовину продольно, демонстрирует подготовку фронта скалывания по принципу леваллуазской техники расщепления — от краев к центру. Два нуклеуса демонстрируют простое параллельное скалывание с широкой уплощенной поверхности слегка подработанной сырьевой болванки.

Анализ пластинчатых сколов и ряда отщепов показывает, что фасетирование площадок осуществлялось с ориентацией на ребро,

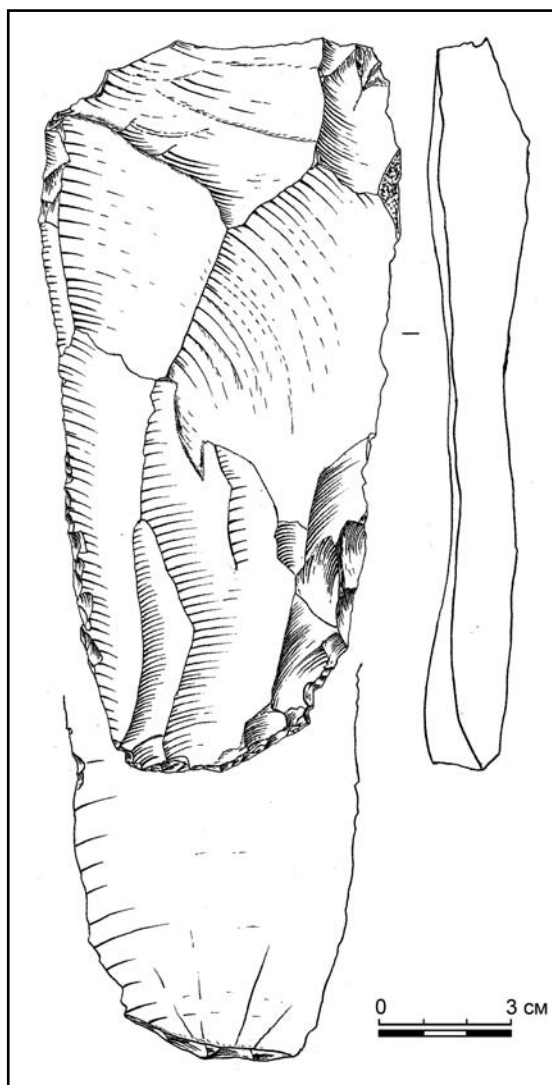

Рис. 9. Подзвонкая. Нижний комплекс, культурный горизонт 2. Пластина с фрагментарной ретушью.

Fig. 9. Podzvonkaya. Lower Complex, cultural horizon 2. Intermittently retouched blade.

в результате чего сколы получались с асимметричным расположением ребра — ближе к одному краю. Данный факт также показывает, что чаще всего расщепление начиналось с угла и постепенно перемещалось на широкую фронтальную поверхность. Хотя надо отметить несколько длинных узких пластин с ровной огранкой, которые, по всей видимости, были сняты с подпризматических нуклеусов.

Орудийный набор второго культурного горизонта насчитывает 77 целых и фрагментированных изделий. Преобладают орудия с краевой дорсальной ретушью как на отщепках, так и на пластинах, которые составляют абсолютное большинство. Отмечаются изделия как с регулярной ретушью по всему краю (рис. 7:

2; 8: 1, 2), так и с фрагментарной, захватывающей часть края (рис. 7: 1; 9). Вентральная ретушь отмечается в единичных случаях (рис. 8: 1). На отщепах, особенно со слегка выпуклым краем, чаще отмечается пологая (приостряющая) ретушь. На пластинах наблюдается некоторое преобладание полукрутой и крутой ретуши, или сочетание на одном краю участков с пологой и полукрутой ретушью. Резцовые изделия — 3 экз., подготовлены на краевых сколах или фрагментах. Также в коллекции имеются 2 скребка (рис. 7: 3), по одному скобелю и тесловидному орудью.

Коллекция орудий второго культурного горизонта невелика, но имеющиеся материалы показывают значительную долю пластин при изготовлении орудий: 35 из пластин и фрагментов; 33 на отщепах и фрагментах. С учётом всех орудий доля пластин, использовавшихся в работе или специально ретушированных, составляет почти половину. Из всех пластинчатых сколов и их фрагментов 65% оформлялись в орудия или использовались в качестве орудий. Эти показатели сопоставимы с соответствующими показателями Восточного комплекса.

Заключение

В ходе описания археологических материалов Нижнего комплекса приводилось сравнение с другими комплексами Подзвонкой и археологическими памятниками Забайкалья. Суммируя всё сказанное, следует отметить, что по целому ряду признаков (типы орудий; выраженная тенденция к производству пластин и орудий на пластинах) материалы Нижнего комплекса Подзвонкой вписываются в индустрию памятника и составляют с ней одно целое. При этом надо подчеркнуть и другие особенности. Большинство пластин Нижнего комплекса асимметричные, широкие, с одним выпуклым краем, которые скальвались преимущественно с плоскостных нуклеусов. Подготовка и начальная фаза расщепления части нуклеусов второго горизонта соответствует подготовке и начальной стадии расщепления типично леваллузских нуклеусов (имеются в виду ядрища с черепаховидным оформлением фронта). В орудийном наборе преобладают краевые скрёбла или скрёбла-ножи. Доля верхнепалеолитических типов орудий невелика. Всё это указывает на определённую архаичность индустрии Нижнего комплекса в сравнении с индустрией Восточного комплекса. В то же время рассматривать материалы Нижнего

комплекса как среднепалеолитические неправомерно, поскольку здесь уже чётко проявились все основные направления индустрии, которые станут преобладающими несколько позднее — на этапе заселения Восточного комплекса. Кроме этого, во втором культурном горизонте найден артефакт, представляющий палеолитическое искусство — подвеска из скорлупы яйца страуса. Изделия подобного типа становятся многочисленными в Восточном и Юго-Восточном комплексах (Ташак 2002б).

Сравнительный анализ каменных артефактов двух комплексов показывает, что по мере развития индустрии, т. е. в Восточном комплексе, широко внедряется в производство одна разновидность сырья — витрокристаллолитокластический туф, позволяющая получать длинные пластины с меньшим изгибом профиля (Ташак и др. 2009). В Нижнем комплексе это сырьё использовалось для изготовления орудий очень редко. В целом для изготовления орудий древние жители долины реки Тамир использовали преимущественно разновидности туфов, поскольку скальное основание в данном месте формировалось в рамках древней вулканотектонической зоны (Гордиенко 1980).

Леваллуазская составляющая индустрии также представляется частью поиска оптимальных форм и способов расщепления сырья для получения удлинённых пластинчатых сколов. Все леваллуазские нуклеусы Подзвонкой подвергались длительному расщеплению и видоизменялись в процессе утилизации, что в корне отличает их от нуклеусов в индустрии Барун-Алана-1. В последнем случае все черепаховидные нуклеусы после снятия одного или двух отщепов изымались из утилизации или полностью переоформлялись. Для индустрии Барун-Алана-1 прослеживаются связи с такими археологическими памятниками Монголии, как Орок-Нор-1, 2; Орхон-1, горизонт 3 раскопов 1, 2 (Деревянко и др. 2000; 2010). Индустрия Подзвонкой чётко вписывается в круг археологических объектов толбагинской верхнепалеолитической культуры Забайкалья, выделенной впервые М.В. Константиновым (1994). Новые археологические памятники, демонстрирующие много общих черт с толбагинской культурой в Западном Забайкалье, исследовались Л.В. Лбовой (2000). Следует отметить, что в рамках толбагинской культуры индустрия Нижнего комплекса Подзвонкой является наиболее древней и может рассматриваться как переходная от среднего к верхнему

№1. 2014

палеолиту. Индустрия Подзвонкой в целом и Нижнего комплекса в частности во многом схожа с индустрией таких алтайских памятников, как Кара-Бом, Кара-Тенеш и др., в которых развитие верхнепалеолитических материалов прослеживается со среднего палеолита (Деревянко, Шуньков 2004).

Учитывая, что именно в шурфе Нижнего комплекса на глубине 3 м были зафиксированы единичные отщепы, можно предположить, что и здесь залегают среднепалеолитические материалы, которые помогут проследить становление индустрии Подзвонкой с этапа среднего палеолита.

Литература

- Гордиенко И. В. 1980. Состав и возраст тамирской свиты вулканогенных пород Западного Забайкалья. *Известия АН СССР. Серия Геология* 7, 84—94.
- Деревянко и др. 2000: Деревянко А. П., Петрин В. Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е. В., Ларичев В. Е., Васильевский Р. С., Зенин А. Н., Гладышев С. А. 2000. *Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озёр*. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В. 2004. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае. *Археология, этнография и антропология Евразии* (3), 12—40.
- Деревянко и др. 2010: Деревянко А. П., Кандыба А. В., Петрин В. Т. 2010. *Палеолит Орхона*. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН.
- Константинов М. В. 1994. *Каменный век восточного региона Байкальской Азии*. Улан-Удэ: Институт общественных наук БНЦ СО РАН; Чита: Читинский государственный педагогический институт.
- Лбова Л. В. 2000. *Палеолит северной зоны Западного Забайкалья*. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН.
- Любин В. П. 1961. Верхнеашельская мастерская Джрабер (Армения). *КСИА* 82, 59—67.
- Ташак В. И. 1996. Палеолитическое поселение Подзвонкая. В: Константинов М. В. (отв. ред.). *Новые палеолитические памятники Забайкалья*. Чита: Читинский государственный педагогический институт, 48—69.
- Ташак В. И. 2000. Датирование верхнепалеолитического поселения Подзвонкая и начало верхнего палеолита на юге Бурятии. В: Базаров Б. В. (отв. ред.). *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*. *Археология. Этнология*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 25—29.
- Ташак В. И. 2002а. Подзвонкая: палеолитические материалы Нижнего комплекса (Республика Бу-
- рятия). В: Крадин Н. Н. (отв. ред.). *Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: ДВО РАН, 25—33.
- Ташак В. И. 2002б. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья. *История и культура Востока Азии II*. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 159—164.
- Ташак В. И. 2003. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья. *Археология, этнография и антропология Евразии* (3), 70—78.
- Ташак В. И. 2005. Общая характеристика Восточного комплекса палеолитического поселения Подзвонкая. В: Харинский А. В. (отв. ред.). *Социогенез в Северной Азии*. Ч. 1. Иркутск: Иркутский технический государственный университет, 164—169.
- Ташак В. И. 2011а. Очаг как объект культовой деятельности в позднем палеолите Забайкалья (по археологическим данным). *Stratum plus* (1), 303—318.
- Ташак В. И. 2011б. Хронология раннего этапа верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам Подзвонкой). *Российский археологический ежегодник* (1), 100—110.
- Ташак В. И. 2012. Исследования проблемы леваллуа в Забайкалье и Центральной Азии. *Вестник Бурятского государственного университета* 8: *Востоковедение*, 225—229.
- Ташак В. И., Антонова Ю. Е. 2009. Изменение состава сырья в верхнем палеолите Забайкалья как отражение эволюции производства каменных орудий (по материалам Подзвонкой). В: Харинский А. В. (отв. ред.). *Известия Лаборатории древних технологий* 7. Иркутск: ИГТУ, 52—59.
- Цыбиктаров А. Д. 1998. *Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья*. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет.

References

- Gordienko, I. V. 1980. In *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriiia Geologii (Reports of the USSR Academy of Sciences. Geology)* 7, 84—94 (in Russian).
- Derevianko, A. P., Petrin, V. T., Tseveendorzh, D., Deviatkin, E. V., Larichev, V. E., Vasilievskii, R. S., Zenin, A. N., Gladyshev, S. A. 2000. *Kamennyi vek Mongolii: Paleolit i neolit severnogo poberezh'ia Doliny Ozer (Stone Age of Mongolia: Paleolithic and Neolithic of the Northern shore of the Valley of Lakes)*. Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii SO RAN (in Russian).
- Derevianko, A. P., Shunkov, M. V. 2004. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)* (3), 12—40 (in Russian).
- Derevianko, A. P., Kandyba, A. V., Petrin, V. T. 2010. *Paleolit Orkhona (Paleolithic of Orkhon)*. Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii SO RAN (in Russian).
- Konstantinov, M. V. 1994. *Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikalskoi Azii (The Stone age of the eastern region of Baikal Asia)*. Ulan-Ude; Chita: Institut obshchestvennykh nauk BNTs SO RAN; Chitinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut (in Russian).
- Lbova, L. V. 2000. *Paleolit severnoi zony Zapadnogo Zabaikal'ia (Paleolithic of the northern zone of Western Transbaikal)*. Ulan-Ude: Buriatskii nauchnyi tsentr SO RAN (in Russian).
- Liubin, V. P. 1961. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii*

- Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of SSSR) 82, 59—67 (in Russian).*
- Tashak, V. I. 1996. In *Novye paleoliticheskie pamiatniki Zabaikal'ia (New Paleolithic sites of Transbaikal)*. Chita: Chitinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 48—69 (in Russian).
- Tashak, V. I. 2000. In *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsii Tsentral'noi Azii. Arkheologiya. Etnologiya (Problems of history and culture of nomadic civilizations of Central Asia. Archaeology. Ethnology)*. Ulan-Ude: Buriatskii nauchnyi tsentr SO RAN, 25—29 (in Russian).
- Tashak, V. I. 2002a. In *Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noi Azii (Archaeology and cultural anthropology of Far East and Central Asia)*. Vladivostok: IHAЕ FEBRAS, 25—33 (in Russian).
- Tashak, V. I. 2002b. In *Istoriia i kul'tura Vostoka Azii (History and culture of Eastern Asia) II*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 159—164 (in Russian).
- Tashak, V. I. 2003. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia) (3), 70—78 (in Russian).*
- Tashak, V. I. 2005. In *Sotsiogenez v Severnoi Azii (Sociogenesis in Northern Asia) 1*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University, 164—169 (in Russian).
- Tashak, V. I. 2011a. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (1), 303—318 (in Russian).*
- Tashak, V. I. 2011b. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Annuary) (1)*, Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 100—110 (in Russian).
- Tashak, V. I. 2012. In *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta 8: Vostokovedenie (Reports of Buryat State University 8: Oriental studies), 225—229 (in Russian).*
- Tashak, V. I., Antonova, Iu. E. 2009. In *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii (Proceedings of the laboratory of ancient technologies) 7*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University, 52—59 (in Russian).
- Tsybiktarov A. D. 1998. *Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaikal'ia (Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaikal'ia)*. Ulan-Ude: Buryat State University (in Russian).

Статья поступила в номер 21 ноября 2013 г.

Vasily Tashak (Ulan-Ude, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences¹.

Vasily Tashak (Ulan-Ude, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de studii mongole, budiste și tibetane, Filiala din Siberia a Academiei de Științe a Rusiei.

Ташак Василий Иванович (Улан-Удэ, Россия). Кандидат исторических наук. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук.

E-mail: tvi1960@mail.ru

Address: ¹ Sakhyanovoy St., 6, Ulan-Ude, 670047, Russia

Е. И. Демонтерова, А. В. Иванов, Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин

К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена

Keywords: East Siberia, Cisbaikalia, Final Pleistocene, Kovrizhka III, volcanic pumice, population mobility.

Cuvinte cheie: Siberia de Est, regiunea Baikal, pleistocenul final, Kovrizhka III, piatră ponce, mobilitatea vechilor populații.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Прибайкалье, финальный плейстоцен, Коврижка III, вулканическая пемза, мобильность древнего населения.

E. I. Demonterova, A. V. Ivanov, E. M. Ineshin, A. V. Tetenkin

On the Mobility of Ancient Population in the North of Baikal Siberia at the End of the Pleistocene

The article is devoted to the interpretation of findings of pumice objects from the site of Kovrizhka III, the Baikal-Patom Highland, East Siberia). The assemblage of the 2nd cultural horizon of Kovrizhka III dates to the Final Pleistocene, about 11 000 years BP. Analytical methods revealed the origin of pumice from the Udokan volcanic field situated 500 km away from the archaeological site. This fact is indicative of a high mobility of the Late Palaeolithic populations of the region and their ability to obtain and transport resources from very remote sources.

E. I. Demonterova, A. V. Ivanov, E. M. Ineshin, A. V. Tetenkin

Despre mobilitatea vechilor populații din nordul Siberiei Baikalice de la sfârșitul pleistocenului

Articolul reprezintă interpretarea descoperirilor de piatră ponce de pe situl Kovrizhka III (platoul Baikal-Patom, Siberia de Est). Complexul celui de-al doilea orizont cultural al sitului se datează cu finalul pleistocenului, circa 11 000 ani BP. Utilizarea unor metode analitice a permis identificarea locului de origine a pietrei ponce — Câmpia vulcanică Udokan, aflată la o distanță de 500 km de la sit. Prezența pietrei poate reflecta gradul înalt de mobilitate a populației preistorice, care era capabilă să obțină și să transporte resurse la distanțe considerabile.

E. I. Демонтерова, А. В. Иванов, Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин

К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена

Статья посвящена интерпретации находок пемзы со стоянки Коврижка III (Байкало-Патомское нагорье). Комплекс 2-го культурного горизонта Коврижки III относится к финалу плейстоцена, около 11 000 л.н. Выявленное аналитическими методами происхождение пемзы с Удоканского вулканического поля определяется как показатель территориальной археологической связи, характеризующей мобильность древнего населения, способность доставлять ресурсы из удаленных источников. Длина пути доставки пемзы составляла около 500 км.

Введение

Среди вопросов, с которыми сталкивается археолог в своей практике, один из главных — определение характера мобильности древнего населения, маршрутов его перемещения, а также распространения предметов (сырья и изделий) и идей. Исследования в этом направлении в течение ряда лет ведутся авторами в бассейне р. Витим (Северо-Восточное Прибайкалье) (Инешин, Ревенко, Секерин 1998; Ветров и др. 2000; Инешин и др. 2003; Алексеев и др. 2006). На основе петрографического, рентгеноструктурного, рентгенофлюоресцентного анализов получены результаты, характеризующие пространственные аспекты хозяйственной деятельности насе-

ления бассейна р. Витим в хронологическом диапазоне 12,7—4,5 тыс. л.н. Исследования происхождения артефактов из андезит-гиалодацита проведены для комплексов Большого Якоря I (12,7—11,6 тыс. л.н.), Инвалидного III, пункт 1 (6 тыс. л.н.), Коврижки II (8,2—8,1 тыс. л.н.), Коврижки I (6 тыс. л.н.) на нижнем Витиме, Усть-Каренги XVI (6 тыс. л.н.) на верхнем Витиме, Ветвистого (4,5—4 тыс. л.н.) на среднем Витиме. Для комплексов Большого Якоря I, Инвалидного III, пункт 2 (8,9 тыс. л.н.), Коврижки II и Усть-Каренги XVI определены также векторы переноса графитита.

Ряд случаев транспортировки сырья зафиксирован для светлоокрашенного (светлозеленого) нефрита, месторождения которо-

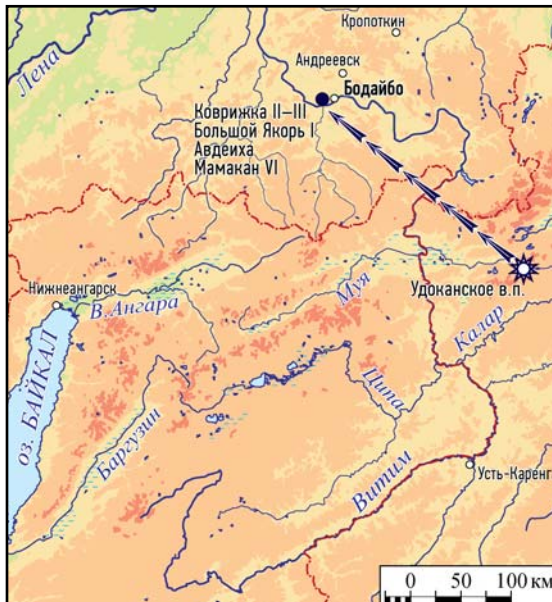

Рис. 1. Археологические местонахождения финально-плейстоценового возраста в бассейне р. Витим. Схема вектора доставки пемзы с Удоканского вулканического поля на стоянку Коврижка III.

Fig. 1. Archaeological sites of the Final Pleistocene age at the Vitim river basin. The schematic vector of transportation of pumice from the Udokan volcanic field to Kovrizhka III.

го расположены в бассейне среднего течения Витима (Секерин, Секерина 2000: 155; Ветров и др. 2000: 103; Алексеев и др. 2006: 75). Самые ранние свидетельства его использования относятся к местонахождению Нижняя Джилинда I (Сивакон) (7,2—7,8 тыс. л. н.), расположенному в зоне речной аккумуляции нефритовых галек (Ветров, Задонин, Инешин 1993). Нефритовые артефакты с Усть-Каренги XII маркируют вектор транспортировки этого минерала с севера на юг на расстояние не менее 100—160 км, датируемый атлантическим этапом. Однако определение транспортировки нефрита и идентификация его коренного источника делается на основании визуального анализа, что снижает степень достоверности выводов. Для этого требуется применение более надёжных методов.

Значительные успехи в этом направлении достигнуты дальневосточными археологами, изучавшими методами геохимии источники происхождения обсидиана и других вулканических стекол, найденных на стоянках Приамурья, Приморья и Сахалина в широком хронологическом спектре от верхнего палеолита до эпохи палеометалла (Вулканические стекла... 2000), а также японскими и американскими коллегами (Kimura 1998; Glascock, Braswell, Cobean 1998). На основании уста-

новленных вулканических источников сырья авторы утверждают, в частности, о существовании, начиная с финального палеолита, обменных связей, обеспечивавших принос сырья с источников, удаленных от археологических местонахождений на расстояние до 600 км в Приморье (Вулканические стекла... 2000: 83—85) и до 1000 км на о. Сахалин (Вулканические стекла... 2000: 99—100).

В 2009 г. одним из авторов этой статьи, А. В. Тетенькиным, при раскопках стоянки Коврижка III на нижнем Витиме (Бодайбинский район, Иркутская область) во 2-м культурном горизонте были обнаружены три куски вулканической пемзы. Это дало новые данные к изучению вопроса о территории, осваиваемой древним населением, степени удаленности сырьевого источника как показателя мобильности, возможных социальных контактов, вовлеченности в хозяйственные связи в конце ледниковой эпохи различных районов региона. Исследованию этих вопросов и посвящена эта статья.

Археологический контекст

Стоянка Коврижка III, где были найдены кусочки пемзы, находится на правом берегу Витима (рис. 1), в нижнем его течении, в 3 км ниже устья р. Мамакан, на второй надпойменной террасе (рис. 2) (Тетенькин 2009; 2010: 120). Стоянка открыта в 1996 г. А. В. Тетенькиным и Е. М. Инешиным. На данном этапе ее изучения выделено пять уровней обитания: 1, 1А, 2-верхний, 2-нижний и 3 культурный горизонты (далее — к. г.). 1А к. г. имеет ^{14}C даты 8135±120 л. н. (СОАН-7027) и 8180±130 л. н. (СОАН-5277). Во 2-м к. г. выявлены и датированы по ^{14}C очаги, маркирующие его кровлю и подошву: верхний уровень (очаг 5) — 10400±200 л. н. (СОАН-7964), нижний уровень (очаг 3) — 11050±210 л. н. (СОАН-7966). На этом основании в рамках 10,4—11,0 тыс. л. н. были выделены 2-верхний и 2-нижний к. г. Куски пемзы были обнаружены у очага 3 из 2-нижнего к. г., следовательно, они могут быть датированы временем около 11 тыс. л. н.¹

Местонахождение раскопано на площади 37 кв. м. Кость сохранилась только в виде мелких жженных фрагментов.

Каменные изделия 2 к. г. представлены расколотыми гальками и галечными нуклеусами для снятия отщепов, чопперами, тор-

¹ Здесь и далее по тексту используются некалиброванные радиоуглеродные датировки, если не оговорено иное.

№1. 2014

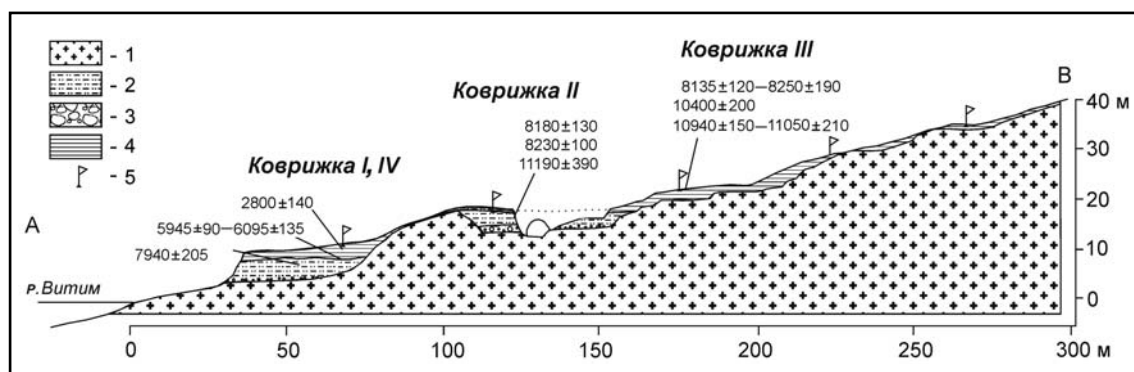

Рис. 2. Профиль правого склона долины Витима в районе группы археологических местонахождений Коврижка. 1 — цоколь; 2 — аллювиальные песчаные, супесчаные, суглинистые отложения; 3 — галечники; 4 — субаэральные супесчаные отложения; 5 — археологический материал.

Fig. 2. Profile of the Vitim valley bank in the region of Kovrizhka III. 1 — bedrock; 2 — alluvial sand, loam and sandy loam sediments; 3 — pebbles; 4 — subaerial sandy loam sediments; 5 — archaeological remnants.

цово-клиновидными и призматическими нуклеусами для снятия микропластин, бифасами, скреблами, скребками, ретушированными отщепами и пластинками, провертками-перфораторами, резцами диагональными-трансверсальными, угловым, срединными-многофасеточными из обломков кристаллов горного хрусталя, фрагментированными микропластинками (Тетенькин 2010: 102) (рис. 3; 4; 5).

Поскольку ключевым признаком технологической истории финального плейстоцена — раннего голоцена является развитие технологии микропластинчатого расщепления, уместно отметить разнообразие микронуклеусов из 2 к.г. (рис. 4). В коллекции есть: 1) торцовые (терминальные) нуклеусы из отщепов без предварительной подготовки кия, латералей, контрфронта; 2) нуклеусы с минимальной подтеской кия по одной или двум поверхностям; 3) клиновидные нуклеусы из бифасов; 4) призматические нуклеусы с фронтом на торце и одной из латералей; 5) обломок кристалла горного хрусталя с негативами призматических микропластинчатых снятий. Общей особенностью является подготовка и оживление ударной площадки короткими сколами с фронта и латерали. Лыжевидных реберчатых сколов, известных в комплексах соседнего памятника Большой Якорь I, на Коврижке III нет (Инешин, Тетенькин 2010). Учитывая наличие галечных нуклеусов, чопперов, бифасов, клиновидных нуклеусов, комплекс 2 к.г. может быть соотнесен с ансамблями т.н. дюктайской верхнепалеолитической культуры (Мочанов 1977). Наличие нуклеусов с заходом фронта с торца на латераль на фоне разных вариантов терминального расщепления авторы склонны рассматривать как признак зарождения техники призматического нуклеуса.

Анализ предметов из пемзы

Исследуемые предметы — это три обломка вулканической пемзы неправильной формы, светло-коричневого цвета, размерами до 5 см в поперечнике. Поскольку края их скруглены, а сами предметы, судя по контексту культурных остатков приочажной зоны, являются обломками, образованными в ходе какой-то деятельности, мы определяем их как артефакты из пемзы. Учитывая, что такая пемза является весьма хрупкой, ее возраст не может быть больше нескольких сотен, а то и десятков тысяч лет. Хрупкость пемзы исключает возможность переноса ее водными потоками на расстояния далее нескольких километров, что является доводом в пользу транспортировки ее человеком.

В качестве районов, откуда могут происходить найденные предметы, среди ряда молодых вулканических полей Байкало-Монгольского региона (см. рис. 6) можно предположить в первую очередь Витимское и Удоканское вулканические поля. Витимское поле находится примерно в 920—1000 км от местонахождения Коврижка III вверх по долине р. Витим, а Удоканское поле — в 520 км вверх по долинам рек Витим, Куанда, Эймнах и Сыни (рис. 6; 7). Остальные вулканические поля удалены более значительно (рис. 6). Для того, чтобы выяснить место происхождения пемзы, в двух наиболее крупных предметах из этого материала были определены концентрации главных оксидов (см. табл. 1). Для этого предметы были распилены на две половины, одна из которых после промывки дистиллированной водой была истерта в порошок. Измерения были выполнены классическим методом «мокрой химии» в Институте земной коры СО РАН.

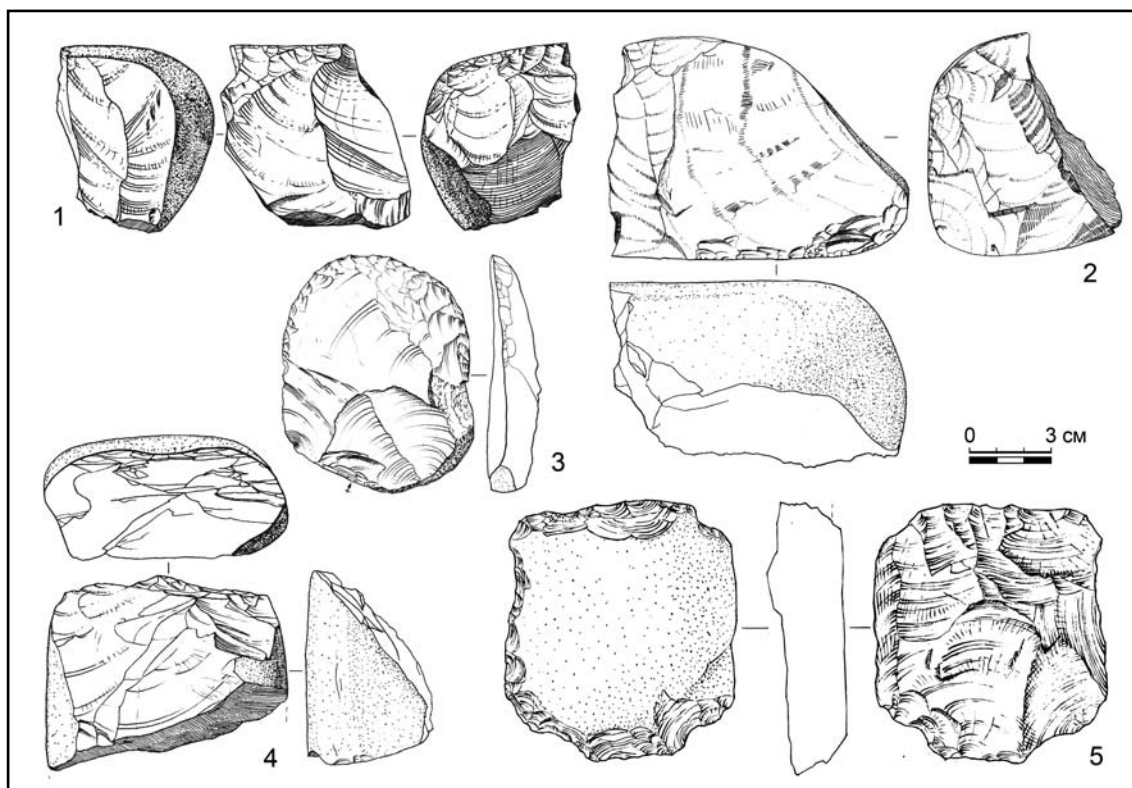

Рис. 3. Местонахождение Коврижка III, изделия из 2 культурного горизонта. 1, 5 — нуклеусы для снятия отщепов; 2, 4 — чопперы; 3 — скребло.

Fig. 3. Kovrizhka III, cultural horizon 2. 1, 5 — cores for flakes; 2, 4 — choppers; 3 — sidescraper.

По каждому образцу анализ выполнялся дважды разными аналитиками (Н. Н. Уховой и Н. Ю. Царевой). Относительная ошибка при определении концентрации оксидов методом «мокрой химии» не превышает 1,5%. Из таблицы видно, что реальный аналитический разброс по одному и тому же образцу находится в пределах этой погрешности. Химический состав артефакта сопоставлен с известными составами вулканических пород Витимского, Удоканского и других полей (Рассказов 1985; 1993; Рассказов и др. 1997; Ступак 1987 и ссылки в этих работах).

В восточной части Витимского вулканического поля находится несколько четвертичных шлаковых конусов, возраст которых, определенный К-Аг и $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ методами, варьирует от 1,1 до 0,6 млн. лет (Рассказов и др. 2000). Состав самих шлаков не определялся, однако он не должен сильно отличаться от состава лав, связанных с этими шлаковыми конусами. Четвертичные лавы Витимского вулканического поля представлены щелочными базальтами и базанитами — т.е. породами с содержанием $\text{SiO}_2 < 52$ мас.% (рис. 8). Один из исследованных манупортов характеризуется содержанием $\text{SiO}_2 \sim 58$ мас.%, а другой — $\text{SiO}_2 \sim 49,5$ мас.% (табл. 1).

В пределах Удоканского вулканического поля встречается множество шлаковых конусов щелочных базальтов, относящихся к позднему плиоцену (Рассказов и др. 2000), а в самой западной части поля локализована область голоценового вулканизма (Рассказов 1985; Ступак 1987). Примечательно, что Удоканское поле является единственным среди всех молодых вулканических полей Сибири и Монголии, на котором широко встречаются вулканические породы с содержаниями SiO_2 вплоть до 61 мас.% (рис. 8). Такие породы не являются редкостью как среди относительно древних комплексов (миоценовых, плиоценовых и раннечетвертичных), так и голоценовых вулканов Удоканского поля (Рассказов и др. 2000). Более того, эпизод голоценового вулканизма начался примерно 12 тыс. л.н. извержением вулкана Трахитовый. Уже из названия этого вулкана следует, что он извергал трахитовые магмы и пирокластику, включая пемзы. Радиоуглеродная датировка, полученная по фрагментам горелой древесины, погребенной пемзами вулкана Трахитовый, составляет 12050 ± 650 лет (ГИН-4086) и перекрывается в пределах погрешности анализа с радиоуглеродной датировкой культурного

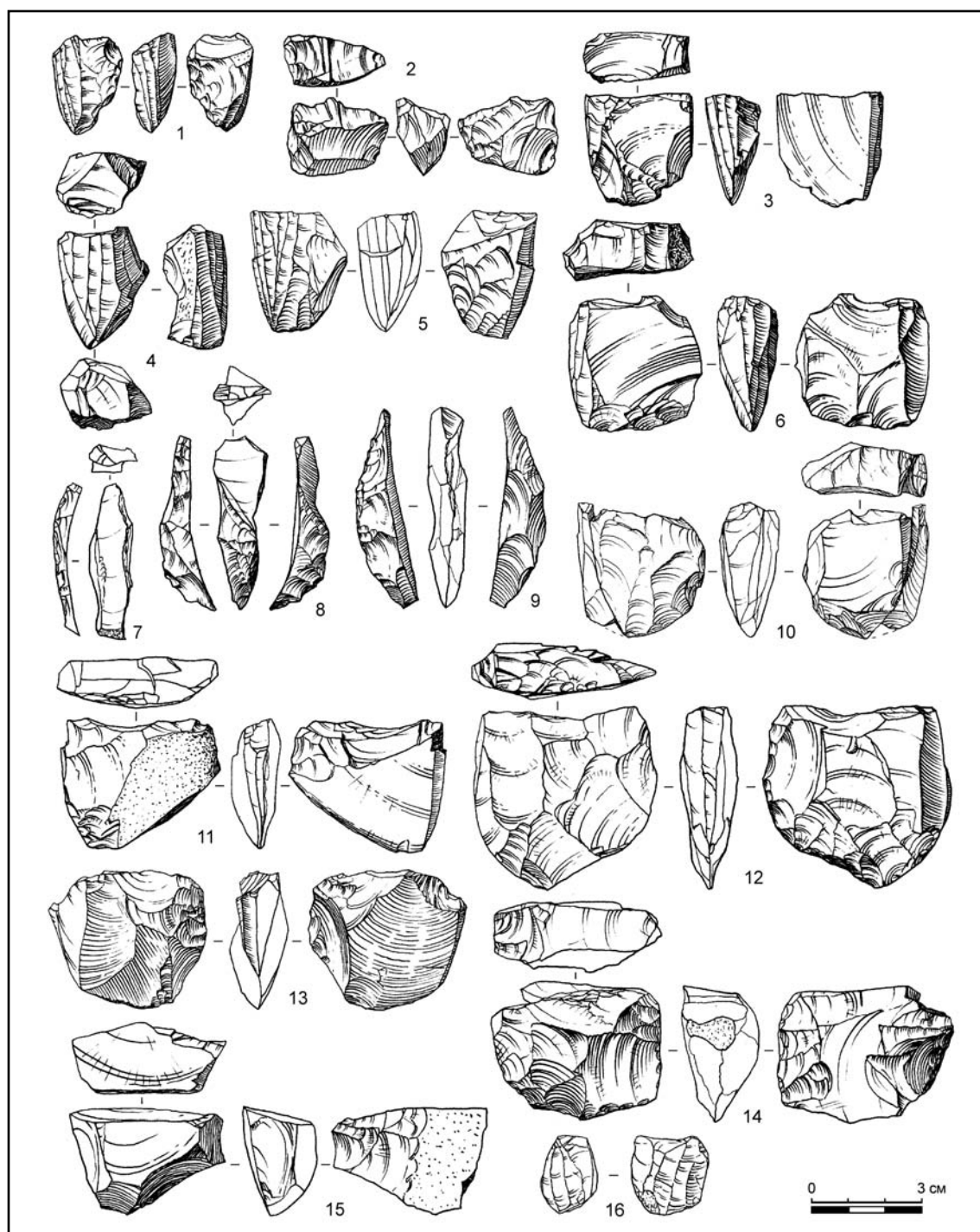

Рис. 4. Местонахождение Коврижка III, изделия из 2 культурного горизонта. 1, 3—6, 10—13, 16 — микронуклеусы; 2, 14, 15 — преформы микронуклеусов; 7, 8 — реберчатые лыжевидные сколы; 9 — краевой скол с бифаса.

Fig. 4. Kovrizhka III, cultural horizon 2. 1, 3—6, 10—13, 16 — microcores; 2, 14, 15 — microcore preforms; 7, 8 — crested blades; 9 — biface trimming flake.

слоя стоянки Коврижка III². Другие голоценовые вулканы Удоканского вулканического поля моложе (табл. 2) и потому не могут быть источником манупорта с Коврижки III.

² Перекрытие радиоуглеродных датировок происходит в случае использования калиброванных значений.

На рис. 8 приведены вариации химического состава лав и пирокластики Удоканского вулканического поля в сопоставлении с составом пемзовых артефактов с Коврижки III. Видно, что на диаграммах SiO₂ — P₂O₅, MgO, CaO первый образец находится в поле составов не только Удоканского поля в целом, но и непосредственно Трахитового вулкана.

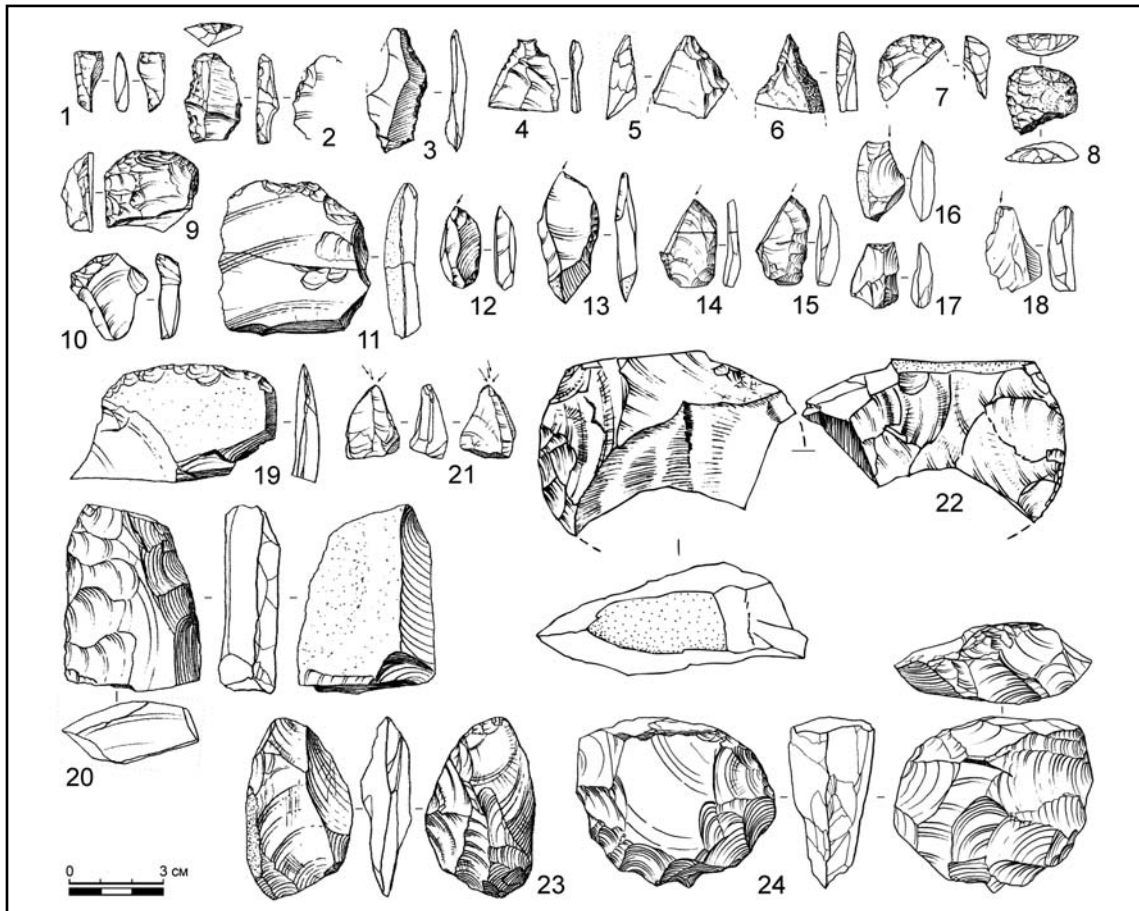

Рис. 5. Местонахождение Коврижка III, изделия из 2 культурного горизонта. 1 — долотовидное изделие; 2—5, 17 — отщепы с ретушью; 6 — проколка; 7—11 — скребки; 12—16, 18, 21 — резцы; 19 — нож; 20 — двойное боковое скребло; 22—24 — бифасы.

Fig. 5. Kovrizhka III, cultural horizon 2. 1 — chisel; 2—5, 17 — retouched flakes; 6 — perforator; 7—11 — endscrapers; 12—16, 18, 21 — burins; 19 — knife; 20 — double sidescraper; 22—24 — bifaces.

Однако артефакт отличается повышенными содержаниями FeO и TiO₂ и пониженными содержаниями Na₂O, K₂O и Al₂O₃. Последние три компонента являются составной частью щелочного полевого шпата, являющегося доминирующим минералом трахитов, тогда как первые два компонента связаны в титаномагнетите. Иными словами, предмет из пемзы с Коврижки III существенно обогащен титаномагнетитом и обеднен щелочным полевым шпатом в сравнении с пемзами и лавами вулкана Трахитовый. Тем не менее, несмотря на некоторые отличия состава куска пемзы с Коврижки III от состава лав и пироклаستي вулкана Трахитовый, их родство представляется весьма вероятным. Второй образец пемзы по своему составу похож как на породы Удоканского, так и Витимского поля. Аналогичные породы встречаются и на всех других полях, показанных на рис. 6. Тем не менее, нам представляется логичным, что оба образца происходят именно с Удоканского поля. Во-первых, это поле расположено бли-

же всего к стоянке Коврижка III. Во-вторых, только на нем встречаются трахиты, а состав одного из двух образцов — трахитовый. В-третьих, возраст вулкана Трахитовый совпадает или несколько древнее возраста культурного горизонта Коврижки III, в котором были найдены предметы из пемзы (табл. 2).

Обсуждение

Измеренное нами расстояние по речной сети от Коврижки до западной части Удоканского вулканического поля составляет около 520 км. Факт доставки с такого расстояния 11 тысяч лет назад сырья или заготовок артефактов для археологии Восточной Сибири отнюдь не тривиален и требует осмысления, поскольку способен пролить свет на целый ряд аспектов поведения древних людей в конце палеолита.

Исследования по поиску источников минерального сырья для производства артефактов проводились нами и ранее на основе ма-

№1. 2014

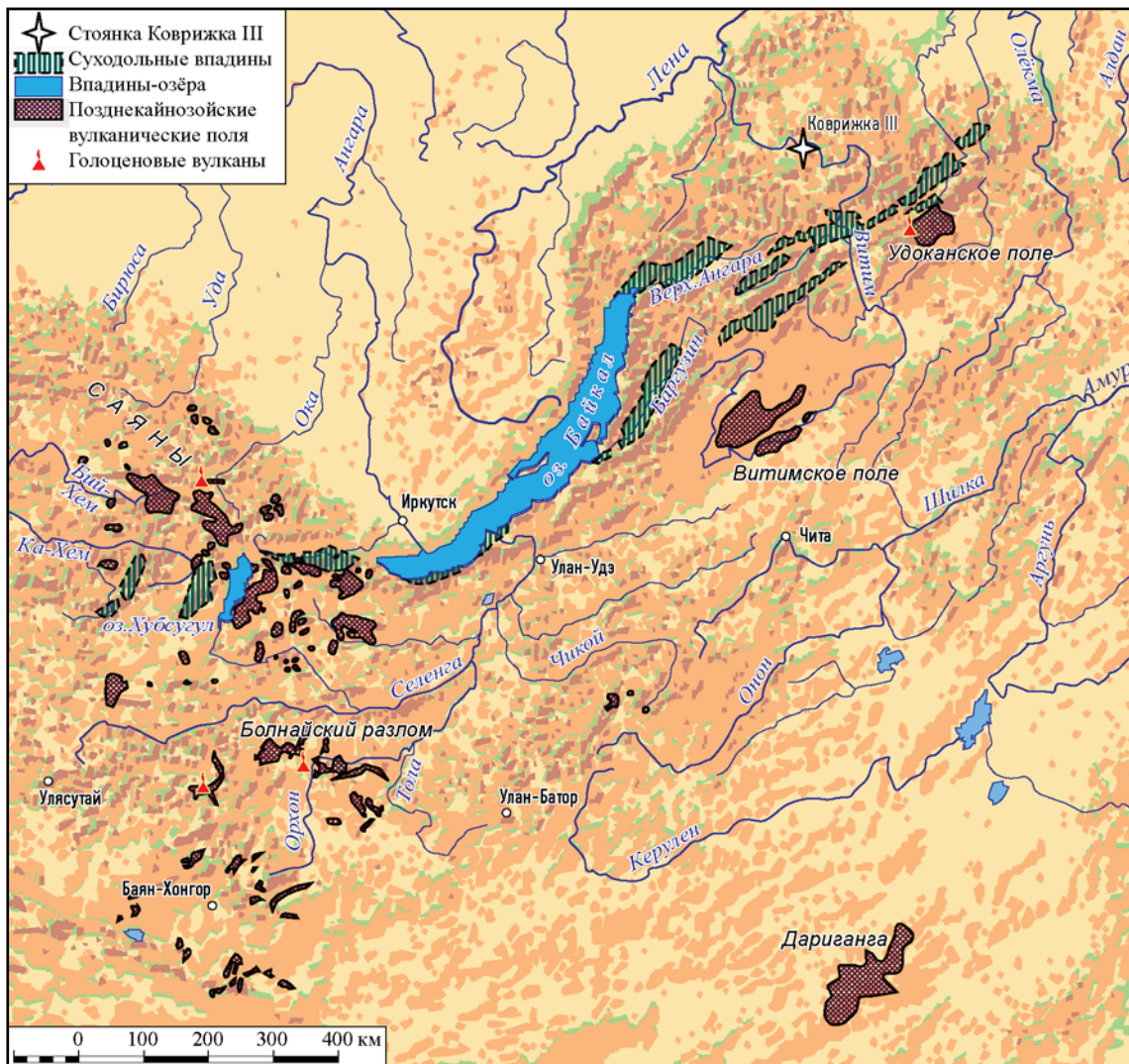

Рис. 6. Схема распространения позднекайнозойских вулканических полей на территории Байкальской Сибири и Монголии.

Fig. 6. Scheme of the Late Cenozoic volcanic fields near the Baikal in Siberia and Mongolia.

териалов финальнопалеолитических комплексов Большого Якоря I, расположенного в 2 км от Коврижки III (Инешин и др. 1998; Ветров и др. 2000). К числу экзотических пород, определенных как ресурсы удаленного доступа, на Большом Ягоре I отнесены андезит-гиалодацит, горный хрусталь (кварц), графитит. Графитит представлен всего четырьмя находками из культурных горизонтов 3Б, 3В, 4В и 6. Это зашлифованные отдельности (обломки). В трех случаях их форма произвольна, поскольку шлифовка стала, по нашему мнению, результатом истирания кусков графитита как источника красящего вещества, а в одном случае шлифовкой была намеренно придана подтреугольная форма.

Доля горного хрусталя в продуктах расщепления камня комплексов Большого Якоря I составляет от 0,005 до 0,3%, за исключением 4В к.г., где артефакты из горного

хрусталя составляют 29% изделий из камня и отходов расщепления. Подобным же образом характеризуется по горизонтам андезит-гиалодацит, имеющий вулканическую природу образования. В 3В к.г. расщепление камня практически полностью представлено этой породой, во всех остальных культурных горизонтах изделия из этого камня крайне редки и составляют менее 0,01% в общей массе находок. Продукты первичного расщепления в культурных горизонтах 3В и 9 отсутствуют. По-видимому, изделия (бифасы) доставлялись на стоянку в виде полуфабрикатов, или в готовом виде. Аппликационные сборки бифасов из андезит-гиалодацита в 3В к.г. позволяют говорить о многократной и многоцелевой их реутилизации, а также о рачительном, бережном употреблении сырья. Использование исключительно импортного андезит-гиалодацитового сырья в 3В к.г. мо-

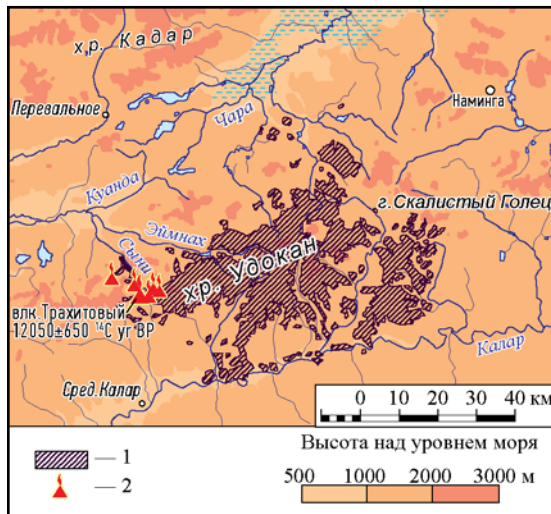

Рис. 7. Схема Удоканского вулканического поля. 1 — позднемиоценовое и голоценовое вулканическое поле; 2 — голоценовые вулканы.

Fig. 7. Scheme of the Udokan volcanic field. 1 — Late Miocene to Holocene volcanic field; 2 — Holocene volcanoes.

жет быть объяснено условиями зимы и состоянием снежного покрова, делающими поиск галек эффузивных пород (основного материала для Большого Якоря I) у реки, на пляже невозможным для охотников, сделавших непродолжительную остановку. В таком случае это означает существование планирования не только пищевого рациона, но и сырьевого-инструментального обеспечения в тяжелый зимний сезон.

Для графитита был установлен с высокой точностью разрешения источник в 40—80 км к северу от стоянки, а для андезит-гиалодацита определено его коренное месторождение в южной части Байкало-Патомского нагорья, в бассейне р. Правый Мамакан, примерно в 90 км (по речной сети) к ЮВ (Станевич 1997: 1643). Таким образом, графитит и гиалодацит маркируют субмеридиональные маршруты во внутренние части Байкало-Патомского нагорья. Выявленный новый источник каменного сырья на восточной окраине Муйско-Куандинской котловины — самый удаленный в регионе из всех известных нам на рубеже плейстоцена-голоцена. Он расположен за пределами Байкало-Патомского нагорья, в бассейне среднего течения Витима. Даже если предположить, что значительную часть пути до Удоканского вулканического поля люди «срезали» через водоразделы, все равно какую-то часть пути они проходили вдоль Витима, и в целом вектор маршрута доставки пемзы — витимский. А это свидетельствует о важной коммуникационной роли основного водотока региона — Витима.

Таблица 1.
Химический состав артефактов из пемзы с Коврижки III

Компонент, Мас%	Обр. 1	Обр. 1 (дубль)	Обр. 2	Обр. 2 (дубль)
SiO ₂	58,24	57,84	49,72	49,53
TiO ₂	2,06	2,05	3,56	3,39
Al ₂ O ₃	14,34	15,07	14,71	14,59
Fe ₂ O ₃	8,36	7,96	13,44	12,58
FeO	1,46	1,45	1,54	1,85
MnO	0,12	0,11	0,16	0,17
MgO	2,58	2,40	3,47	3,78
CaO	4,03	3,83	4,82	5,50
Na ₂ O	2,96	3,00	2,89	2,89
K ₂ O	2,73	2,83	3,04	3,09
P ₂ O ₅	0,16	0,15	0,38	0,41
H ₂ O	0,58	0,52	0,31	0,41
П.п.п.*	2,48	2,71	1,82	1,81
Сумма	100,11	99,91	99,86	100,00

* П.п.п. — потери при прокаливании породы (в потери входят H₂O, Cl, F, CO₂).

Оценивать способ приноса пемзы на Коврижку III можно двояко: либо Удоканское вулканическое поле входило в зону хозяйственного освоения людьми, остановившимися на Коврижке, и это ресурс удаленного прямого доступа, полученный в результате перемещения населения от коренных источников сырья (пемзы) до стоянки; либо пемза попала к обитателям стоянки в результате обмена с населением, жившим выше по течению Витима, и это ресурс удаленного непрямого доступа.

Тема мобильности населения нижнего Витима в финале плейстоцена разработана более всего на материалах соседнего с Коврижкой III местонахождения Большой Якорь I (Инешин, Тетенькин 2010: 215). Этот памятник содержит 16 культурных горизонтов в возрастном диапазоне между 13—11 тыс. л.н. Комплексы Большой Якоря I интерпретированы как серия кратковременных охотничьих лагерей, основная задача которых состояла в заготовке впрок мяса и решалась добычей 1—5 крупных копытных животных (бизон, лошадь, лось, благородный и северный олень, овцебык, снежный баран). Нами смоделированы размеры мясных заготовок в пределах, как минимум, 300—700 кг. Судя по костным остаткам крупных животных, эта добыча почти не потреблялась на месте и была предназначена для транспортировки. На стоянке же потребляли зайца, песца, птицу, рыбу, а также непригодные для длительной транспортировки нижние части конечностей и головы крупных животных. Для 7, 6, 5 и 4Б культурных горизонтов отмечены редкие случаи

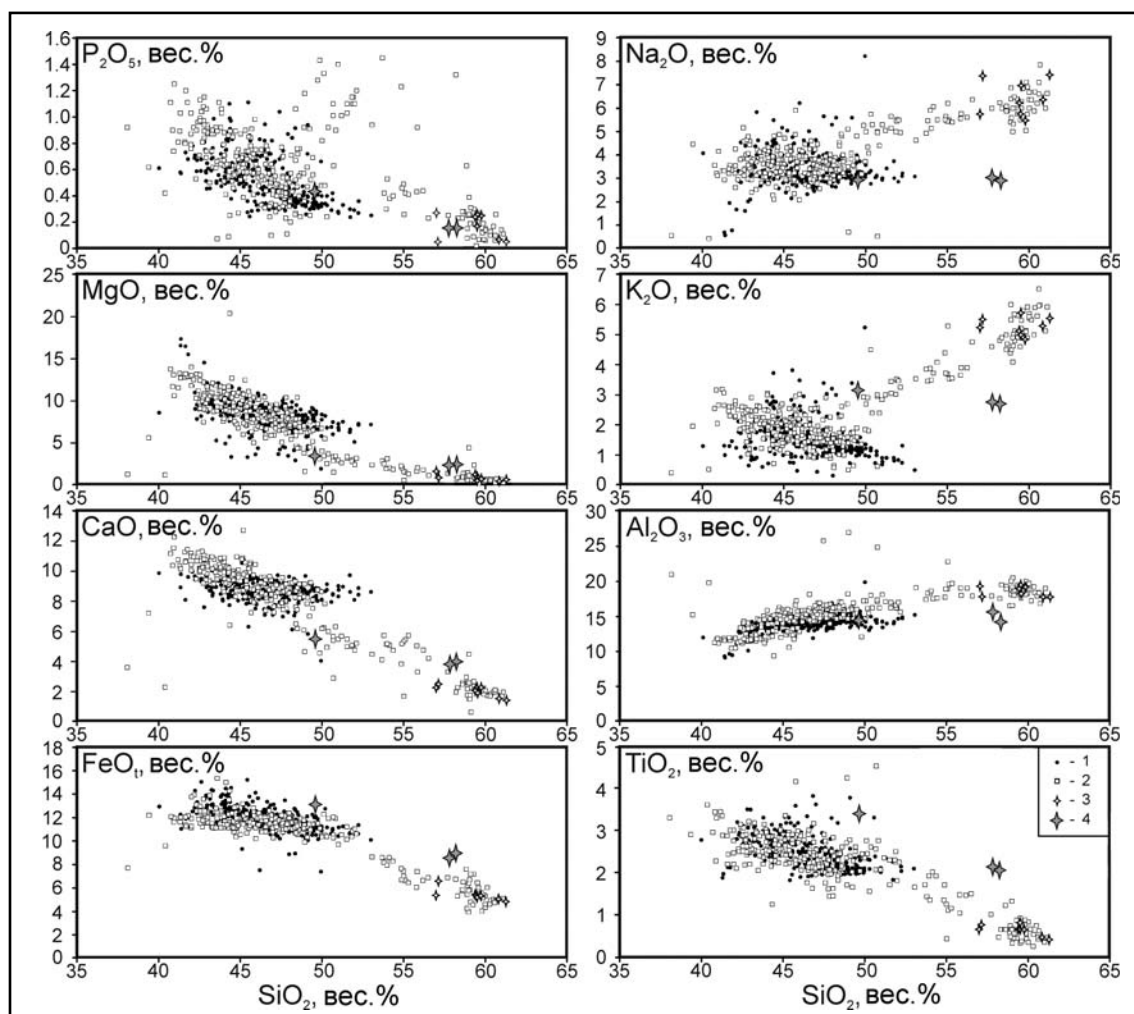

Рис. 8. Сопоставление химического состава образца пемзы с археологического памятника Коврижка III с составами пород Витимского и Удоканского вулканических полей (Расказов 1985; 1993; Ступак 1987; Расказов и др. 1997 и неопубликованные данные авторов). Условные обозначения: 1 — Витимское и Удоканское вулканические поля; 2 — все горные породы; 3 — вулкан Трахитовый; 4 — манупорты (Коврижка III).

Fig. 8. Comparison of the chemical composition of pumice from Kovrizhka III, and the Vitim and Udokan volcanic fields (Расказов 1985; 1993; Ступак 1987; Расказов и др. 1997 and the authors' unpublished data). Legend: 1 — Vitim and Udokan volcanic fields; 2 — all rocks; 3 — Trachytovy volcano; 4 — manuports (Kovrizhka 3).

потребления некоторых мясных частей туш. Продолжительность обитания людей в устье ручья Большой Якорь варьировала от нескольких часов до нескольких дней. Более длительные эпизоды обитания выражены в более сложной структуре искусственной организации пространства, большем количестве расщеплённого материала и орудий, более разнообразной хозяйственной деятельности. Во всех случаях сооружался очаг. Увеличение продолжительности обитания проявлялось не только в увеличении количества культурных остатков вокруг очага, но в увеличении числа самих очагов, появлении столиков-наковален, вымоستков. Интересны спаренные очаги, найденные в нескольких случаях (7, 6, 5 к.г.). Мы полагаем, что они принадлежали к одному для каждой пары эпизоду обитания и, воз-

можно, были каким-то специфическим способом адаптации к условиям холода, ночи, направления ветра. В трех случаях (8, 7, 3В к.г.) есть некоторые основания предполагать наличие легких переносных жилищ.

Синхронный 2-му культурному горизонту Коврижки III комплекс раскопан в 5 м ниже ее, на 17-метровой террасе. Это 5 к.г. Коврижки II с радиоуглеродной датой 11190 ± 390 л.н. (СОАН-4543). Он представлен маломощным очажным комплексом у стенки скального останца на аллювиальной пойме. На основе его сравнения с вышележащим и более сложным по формированию, составу элементов организации жилого пространства, набору инвентаря 2 к.г. Коврижки III мы делаем вывод, что относительно долговременные поселения устраива-

Таблица 2.

Сводка радиоуглеродных датировок

Номер образца	Радиоуглеродная датировка, ¹⁴ C л.н.	Калиброванная датировка, л.н. (CalPal Weniger et al., 2009)	Источник исходных данных
СОАН-7027	8135 ± 120	9063 ± 197	Тетенькин 2010
СОАН-5277	8180 ± 130	9142 ± 183	Инешин, Тетенькин 2010
СОАН-7964	10400 ± 200	12190 ± 351	Новые данные авторов
СОАН-7966	11050 ± 210	12996 ± 198	Новые данные авторов
СОАН-7965	8250 ± 190	9176 ± 237	Тетенькин 2010
СОАН-5276	8230 ± 100	10351 ± 343	Инешин, Тетенькин 2010
СОАН-4543	11190 ± 390	13128 ± 384	Тетенькин 2010
ГИН-9003	2800 ± 140	2972 ± 169	Инешин, Тетенькин 2010
СОАН-4545	5945 ± 90	6790 ± 107	Инешин, Тетенькин 2010
СОАН-4245	6095 ± 135	6977 ± 170	Инешин, Тетенькин 2010
СОАН-7294	7940 ± 205	8835 ± 257	Инешин, Тетенькин 2010
ГИН-4086 (вулкан Трахитовый)	12050 ± 650	14400 ± 920	Ступак, Ступак 1987
Мо830 (вулкан Сыни)	8980 ± 120	10060 ± 170	Ступак, Ступак 1987
Б.н. (вулкан Сыни)	8160 ± 70	9140 ± 100	Ступак, Ступак 1987
Б.н. (вулкан Сыни)	8250 ± 70	9240 ± 120	Ступак, Ступак 1987
Б.н. (вулкан Сыни)	8690 ± 220	9800 ± 280	Ступак, Ступак 1987
УПИ276 (вулкан Долинный)	7940 ± 110	8800 ± 160	Ступак 1987
ГИН-4088 (вулкан Аку)	4620 ± 100	5300 ± 170	Ступак, Ступак 1987
Мо831 (вулкан Чепе)	2040 ± 80	2020 ± 100	Девирц и др. 1981
УПИ275 (вулкан Чепе)	2230 ± 50	2240 ± 70	Ступак 1987
УПИ274 (вулкан Чепе)	2230 ± 40	2250 ± 60	Ступак 1987

лись на более высоких местах, а кратковременные — на береговых поймах.

Анализ фауны с Большого Якоря I (всего 26 видов) позволяет утверждать, что в окрестностях стоянки использовались все виды ландшафтов от водораздела до поймы. Субмеридиональные векторы доставки графитита и андезит-гиалодацита на Большой Якорь I и Коврижку II—III указывают на передвижение обитателей во внутренние районы Байкало-Патомского нагорья на расстояние до 100 км. Они в целом совпадают с существующим до настоящего времени миграционным путем северного оленя в этом районе. Следует обратить внимание на то, что стоянки, связанные с культурными горизонтами Большого Якоря I, располагались в устье притока, на берегу Витима. Витимская долинная их диспозиция не случайна, поскольку функционально лагерь оцениваются нами как места разделки охотничьей добычи и подготовки добытых туш животных к транспортировке. Ряд горизонтов Большого Якоря I (8, 7, 6 к.г.) определен как стоянки поздней осени-зимы, того времени, когда река уже встала.

При характеристике природной обстановки следует также принять во внимание, что какая-то часть нагорья была занята долинными ледниками (Инешин 2003), а Муйско-Куандинская котловина, расположенная к югу — юго-востоку от Байкало-Патомского

нагорья, на западной окраине Удоканского вулканического поля, являлась ложем неоднократно возникавшего в четвертичное время подпрудного озера. Подпрудный характер этого озера в равной степени возможен как в связи с тектоническими катастрофическими событиями, перекрывавшими витимский сток, так и в результате схода в долину Витима ледников (Синюгина 1960; Тищенко 1982: 79; Кульчицкий, Сквитина, Уфимцев 1997: 62; Ufimtsev, Skovitina, Kulchitsky 1998: 171, 172). Таким образом, велика вероятность того, что и озеро в Муйско-Куандинской котловине могло влиять на маршрут доставки пемзы на Нижний Витим.

В пределах среднего течения Витима, в Муйско-Куандинской котловине, памятников рубежа плейстоцен-голоцена пока не известно. Отчасти это обусловлено тем, что в позднечетвертичное время она неоднократно затапливалась вследствие подпора стока в Байкало-Патомском нагорье гляциальными либо тектоническими процессами. Характеризуя Витим в целом, следует отметить, что на всем его протяжении объекты позднего палеолита открыты только в районе Мамакана-Бодайбо (Мамакан VI, Авдеиха, Большой Якорь I, Коврижка II—III) и устья р. Каренги (группа стоянок Усть-Каренга I—XVI) (Ветров 1997; 2000; Аксенов и др. 2000: 22; Инешин, Тетенькин 2005; 2010: 13, 48).

№1. 2014

Следующий сюжет связан с возрастом извержения вулкана Трахитовый — 12050 ± 650 л.н. (ГИН-4086). Хранили ли в памяти древние обитатели Коврижки III событие извержения? Масштабы извержения вулкана (выброс пепла, колебания почвы) были таковы, что обитатели нижнего Витима могли быть прямыми свидетелями этого события и сохранять в какой-либо форме память о нем. Учитывая неоднократные голоценовые извержения вулканов (табл. 2), знания об этом явлении должны были сохраняться в течение долгого времени. В том числе можно говорить и о знании полезных свойств продуктов извержения (пемзы, вулканических стекол и др.). Датировка радиоуглеродным методом возраста продуктов вулканической деятельности, использовавшихся древним населением Байкало-Патомского нагорья и Витимского плоскогорья, в хронологическом диапазоне от 13 до 6 тыс. л.н., указывает на их происхождение из одних и тех же природных источников. Из результатов датирования и химического анализа следует вывод о доставке пемзы, найденной в ритуальном комплексе Усть-Каренги XVI, из района отложения продуктов извержения вулкана Трахитовый.

О том, зачем люди принесли пемзу, мы можем судить лишь предположительно. В Усть-Каренге XVI, в ритуальном (?) комплексе, датированном автором раскопок возрастом около 6—8 тыс. л.н., был найден «утюжок» из пемзы (Ветров 2008). Форма ему была придана искусственно. Этот предмет могли употреблять в качестве орудия для выделки шкур. Возможно, что так же использовалась пемза и людьми с Коврижки III.

Стоянки рубежа плейстоцена-голоцена, помимо района Мамакана-Бодайбо на Витиме, известны пока только в верхнем течении. Это исследуемая В.М. Ветровым группа стоянок Усть-Каренга I—XVI. От бодайбинской группы позднеплейстоценовых стоянок Усть-Каренга отстоит на расстояние около 800 км по речной сети. К концу плейстоцена — 13—10,5 тыс. л.н. — относятся нижние культурные горизонты 8а, 8, 7 Усть-Каренги XII, XIV, XVI. В 7 к.г. археологического комплекса этих пунктов найдена уникальная, древнейшая в регионе керамика, названная по эпониму усть-каренгской (Ветров 1992; 1997; 2000). Усть-каренгские археологические комплексы с керамикой финальноплейстоценового возраста входят в группу древнейших керамических ансамблей Восточной Азии, представляя собой ее самое крайнее северо-западное проявление (Ветров 2006; 2008б; 2010). Изделия

из камня из культурных горизонтов с керамикой не выходят за рамки бифасиальной микролитической традиции, представленной и на Большом Ягоре I аналогичными системами расщепления и номенклатурным набором (продольное расщепление бифаса — микро-нуклеусы клиновидного типа, микропластины, трансверсальные резцы и др.). Это обстоятельство делает последующие наши сравнения и выводы обеспеченными, помимо других результатов, данными оценки общего археологического фона. На Нижнем Витиме в синхронных комплексах керамики пока не найдено. Может ли способность людей доставлять ресурсы с расстояния порядка 800 км повлиять на решение вопроса о коммуникациях между населением Верхнего Витима, обладающим традицией изготовления керамики, и населением Нижнего Витима в хронологический период 13000—10000 л.н.? На наш взгляд, вполне допустимо, что если люди с Коврижки могли в это время осваивать территории на удалении в несколько сотен километров, то и люди с Усть-Каренги были способны на это. Для более позднего времени (около 6 тыс. л.н.), для 6 к.г. Усть-Каренги XVI (XI) установлено, что люди приносили гиалодацит из того же местонахождения в бассейне Правого Мамакана (Усть-Келянская толща), с которого происходит гиалодацит ЗВ и других культурных горизонтов Большого Ягора I (11,5 тыс. л.н.), Инвалидного III (6,1 тыс. л.н.), Колобовщины I (6,7 тыс. л.н.), 2 к.г. Коврижки I (6 тыс. л.н.). Этим же периодом датируется единственный на Верхнем Витиме предмет из графитита со следами истирания, относимый автором раскопок к 4 к.г. Усть-Каренги XVI (6—8 тыс. л.н.) (Ветров и др. 2000). Проведенные ранее специальные исследования показали наиболее вероятное происхождение его из месторождений графитита из долины р. Тахтыга, из тех же источников севернее Большого Ягора I, на удалении свыше 600 км по прямой от археологического местонахождения Усть-Каренга XVI. Вместе взятые, эти доводы позволяют считать контакты населения двух районов принципиально возможными. Следовательно, население усть-каренгского района Верхнего Витима, обладавшее керамической традицией, не было изолятом в коммуникационном смысле. Почему же тогда этой керамики нет на Нижнем Витиме? Объяснений мы видим несколько: 1) либо она еще не найдена, 2) либо усть-каренгская керамика была наделена каким-то статусом, препятствующим передаче ее соседнему населению, 3) либо отсутствие керамики связа-

но с функциональным назначением стоянок Большой Якорь I и Коврижка II и III как временных охотничьих лагерей. Керамика, таким образом, маркирует собой базовые долговременные поселения, существовавшие на Усть-Каренге.

Заключение

Установленная аналитическими методами связь предметов из пемзы из Коврижки III с Удоканским вулканическим плато позволила подтвердить и развить ранее высказанный

тезис об освоении людьми в конце плейстоцена, около 11 000 л.н., территории, отстоящей на 400—600 км от первоначального места их проживания (Ветров и др. 2000: 103, 106; Инешин и др. 2003: 57). Способность древних обитателей доставлять ресурсы с такого дальнего расстояния характеризует как мобильность охотников-рыболовов позднего палеолита, так и роль Витима в качестве транспортного или миграционного пути. Она показывает также возможность контактов между населением территорий, разделенных сотнями километров.

Литература

- Аксёнов и др. 2000: Аксёнов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. 2000. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье). В: Ветров В.М. (ред.). *Байкальская Сибирь в древности 2* (1). Иркутск: ИГПУ, 4—35.
- Алексеев и др. 2006: Алексеев А.Н., Ветров В.М., Дьяконов В.М., Секерин А.П., Тетенькин А.В. 2006. Витимский нефрит в археологии Восточной Сибири. *Известия Лаборатории древних технологий* 4, 74—79.
- Белоусов и др. 1990: Белоусов В.М., Инешин Е.М., Бураков К.С., Начасова И.Е. 1990. Некоторые итоги изучения плейстоценовых отложений археологических памятников Нижнего Витима. В: Деревянко А.П. (ред.). *Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки*. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 60—65.
- Ветров В.М. 1992. *Каменный век Верхнего Витима*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Ветров В.М. 1997. Усть-каренгская культура и ее место в системе археологических памятников сопредельных территорий. В: Пак Б.Д. (ред.). *Взаимоотношения народов России, Сибири, и стран Дальнего Востока 2*. Иркутск: ИГУ 176—180.
- Ветров В.М. 2000. Археология каменного века Витимского плоскогорья (культуры и хронология). В: Медведев Г.И. (ред.). *Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей*. Программа и мат-лы Междунар. науч. семинара. Иркутск: ИГУ, 28—36.
- Ветров В.М. 2006. Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов Северной Евразии. В: Деревянко А.П. (ред.). *Современные проблемы археологии России 1*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 173—176.
- Ветров В.М. 2008а. Ритуальный комплекс в устье р. Каренга (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири. *Известия Лаборатории древних технологий* 6, 28—43.
- Ветров В.М. 2008б. Древнейшие следы керамического производства в Восточной Азии (проблемы возникновения, периодизации, терминологии). В: Медведев Г.И. (ред.). *Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии*. Иркутск: Оттиск, 29—34.
- Ветров В.М. 2010. Древнейшая керамика на Витиме. Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке Восточной Азии. В: Цибиктаров А.Д. (отв. ред.). *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Улан-Удэ: Бурятский ГУ, 37—44.
- Ветров и др. 1993: Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. 1993. Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон)-1 в Бамбульской котловине. В: Константинов М.В., Лбова Л.В. (отв. ред.). *Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья*. Новосибирск: Наука, 98—112.
- Ветров и др. 2007: Ветров В.М., Инешин Е.М., Кононов Е.Е., Тетенькин А.В., Туркин Г.В. 2007. Новые объекты археологии на севере Республики Бурятия. *Известия Лаборатории древних технологий* 5, 100—117.
- Ветров и др. 2000: Ветров В.М., Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П. 2000. Артефакты из экзотических видов сырья на археологических памятниках Витимского бассейна. В: Ветров В.М. (ред.). *Байкальская Сибирь в древности 2* (1). Иркутск: ИГПУ, 98—116.
- Вулканические стекла... 2000: *Вулканические стекла Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты*. 2000. Владивосток: ДВГИ ДВО РАН.
- Девирц и др. 1981: Девирц А.Л., Рассказов С.В., Поляков А.И., Добкина Э.И. 1981. Радиоуглеродный возраст молодых вулканов хребта Удокан (северо-восточное Прибайкалье). *Геохимия* 8, 1250—1253.
- Инешин Е.М. 2003. Динамика развития ледниковых обстановок и заселение человеком Байкало-Патомского нагорья в плейстоцене — раннем голоцене. *Известия Лаборатории древних технологий* 1, 50—57.
- Инешин и др. 2003: Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П. 2003. Экзотические виды сырья артефактов позднего плейстоцена бассейна реки Витим (Байкальская Сибирь) и пути его транспортировки. В: Деревянко А.П. (ред.). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 108—114.
- Инешин Е.М., Тетенькин А.В. 1996. Новые данные к модели деятельности человека на рубеже плейстоцен-голоцена в бассейне р. Витим в пределах Байкало-Патомского нагорья. В: Деревянко А.П. (отв. ред.). *Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири*. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 100—102.

№1. 2014

- Инешин Е. М., Тетенькин А. В. 2005. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме. В: Харинский А. В. (ред). *Социогенез в Северной Азии*. Иркутск: ИрГТУ, 96—104.
- Инешин Е. М., Тетенькин А. В. 2010. *Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I*. Новосибирск: Наука.
- Кульчицкий и др. 1997: Кульчицкий А. А., Сквитина Т. М., Уфимцев Г. Ф. 1997. Плотинные озера в днищах рифтов Восточной Сибири: свидетельства из прошлого и вероятность в будущем. *География и природные ресурсы* 1, 61—65.
- Мочанов Ю. А. 1977. *Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии*. Новосибирск: Наука.
- Рассказов С. В. 1985. *Базальтоиды Удокана*. Новосибирск: Наука.
- Рассказов С. В. 1993. *Магматизм Байкальской рифтовой системы*. Новосибирск: Наука.
- Рассказов и др. 1997: Рассказов С. В., Бовен А., Андреев Л., Лиежуа Ж.-П., Иванов А. В., Пунзалан Л. 1997. Эволюция магматизма северо-востока Байкальской рифтовой системы. *Петрология* 5 (2), 115—136.
- Рассказов и др. 2000: Рассказов С. В., Логачев Н. А., Брандт И. С., Брандт С. Б., Иванов А. В. 2000. *Геохронология и геодинамика позднего кайнозоя (Южная Сибирь — Южная и Восточная Азия)*. Новосибирск: Наука.
- Секерин А. П., Секерина Н. В. 2000. Нефриты и их распространение в Южной Сибири. В: Ветров В. М. (ред.). *Байкальская Сибирь в древности* 2 (1). Иркутск: ИГПУ, 146—160.
- Синюгина Е. Я. 1960. О четвертичных отложениях в бассейне р. Бодайбо. *Труды ЦНИГРИ* 30, 58—87.
- Станевич А. М., Переляев В. И. 1997. К стратиграфии позднего докембрия Средневитимской горной страны (Делон-Уранский хребет). *Геология и геофизика* 381 (10), 1642—1652.
- Ступак Ф. М. 1987. *Кайнозойский вулканизм хребта Удокан*. Новосибирск: Наука.
- Ступак Ф. М., Ступак Р. М. 1987. Последовательность вулканических проявлений кайнозоя в хребте Удокан. В: *Геология кайнозоя Восточной Сибири*. Иркутск: ИЗК СО РАН.
- Тетенькин А. В. 2009. Развитие археологии Нижнего Витима в контексте исследований группы местонахождений Коврижка I—IV. В: *Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918—1937 гг.* Иркутск: Амтера, 322—332.
- Тетенькин А. В. 2010. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995—2009 гг.). *Известия Лаборатории древних технологий* 8, 64—134.
- Тищенко Е. И. 1982. Некоторые вопросы истории позднечетвертичного осадконакопления в пределах Байкало-Патомского нагорья. В: Логачев Н. А. (отв. ред.). *Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири*. Новосибирск: Наука, 70—84.
- Glascok M. D., Braswell G. E., Cobean R. H. 1998. A Systematic Approach to Obsidian Source Characterization. In: Shackly M. S. (ed.). *Archaeological Obsidian Studies*. New York; London: Plenum Press, 15—65.
- Kimura H. 1998. Obsidian Humans Technology. В: Деревянко А. П. (отв. ред.). *Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий* 2. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 302—314.
- Ufimsev G. F., Skovitina T. M., Kulchitsky A. A. 1998. Rockfall-dammed lakes in the Baikal Region: evidence from the past and prospects for the future. *Natural Hazards* 18, 167—183.
- Weninger et al. 2009: Weninger B., Jöris O., Danzeglocke U. 2009. CalPal-2007. Cologne Radiocarbon Calibration & Palaeoclimate Research Package. <http://www.calpal.de>. Date of access 10.01.2014.

References

- Aksenov, M. P., Vetrov, V. M., Ineshin, E. M., Tetenkin, A. V. 2000. In *Baikal'skaia Sibir' v drevnosti (Baikal Siberia in antiquity)* 2 (1). Irkutsk: IGPU, 4—35 (in Russian).
- Alekseev, A. N., Vetrov, V. M., Diakonov, V. M., Sekerin, A. P., Tetenkin, A. V. 2006. In *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii (Proceedings of the laboratory of ancient technologies)* 4, 74—79 (in Russian).
- Belousov, V. M., Ineshin, E. M., Burakov, K. S., Nachasova, I. E. 1990. In *Khronostratigrafiia paleolita Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii i Ameriki (Chronostratigraphy of Paleolithic of Northern, Central and Eastern Asia and America)*. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 60—65 (in Russian).
- Vetrov, V. M. 1992. *Kamennyi vek Verkhnego Vitima (Stone Age of Upper Vitim)*. Novosibirsk (in Russian).
- Vetrov V. M. 1997. In *Vzaimootnosheniia narodov Rossii, Sibiri, i stran Dal'nego Vostoka (Inter-relations between people of Russia, Siberia and the countries of Far East)* 2. Irkutsk: IGU 176—180 (in Russian).
- Vetrov, V. M. 2000. In *Arkhaicheskie i traditsionnye kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Problemy proiskhozhdeniia i transkontinental'nykh svyazei (Archaic and traditional cultures of North-Eastern Asia. Problems of their origin and transcontinental interconnections)*. Irkutsk: IGU, 28—36 (in Russian).
- Vetrov, V. M. 2006. In *Sovremennye problemy arkheologii Rossii (Actual problems of Russian archaeology)* 1. Novosibirsk: IAE SO RAN, 173—176 (in Russian).
- Vetrov, V. M. 2008a. In *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii (Proceedings of the laboratory of ancient technologies)* 6, 28—43 (in Russian).
- Vetrov V. M. 2008b. In *Antropogen. Paleoantropologiya, geoarkheologiya, etnologiya Azii (Anthropogene. Paleoanthropology, geoarchaeology, ethnology of Asia)*. Irkutsk: Ottisk, 29—34 (in Russian).
- Vetrov, V. M. 2010. In *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri (Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia)*. Ulan-Ude: Buryatskii GU, 37—44 (in Russian).
- Vetrov, V. M., Zadinin, O. V., Ineshin, E. M. 1993. In *Kul'tury i pamiatniki epokhi kamnia i rannego metalla Zabaikal'ia (Cultures and sites of the Stone and Early Metal ages in Zabaikal'ie)*. Novosibirsk: Nauka, 98—112 (in Russian).
- Vetrov, V. M., Ineshin E. M., Kononov E. E., Teten'kin A. V., Turkin G. V. 2007. In *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii (Proceedings of the laboratory of ancient technologies)* 5, 100—117 (in Russian).
- Vetrov, V. M., Ineshin, E. M., Revenko, A. G., Sekerin, A. P. 2000. In *Baikal'skaia Sibir' v drevnosti (Baikal Siberia in antiquity)* 2 (1). Irkutsk: IGPU, 98—116 (in Russian).
- Vulkanicheskie stekla Dal'nego Vostoka Rossii: geologicheskie i arkheologicheskie aspekty (Volcanic glass of the Russian Far East: geological and archaeological aspects)*. 2000. Vladivostok: DVGI DVO RAN (in Russian).
- Devirts, A. L., Rasskazov, S. V., Polyakov, A. I., Dobkina, E. I. 1981. In *Geokhimiia (Geochemistry)* 8, 1250—1253 (in Russian).
- Ineshin, E. M. 2003. In *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii (Proceedings of the laboratory of ancient technologies)* 1, 50—57 (in Russian).
- Ineshin, E. M., Revenko, A. G., Sekerin, A. P. 2003. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of archaeology, ethnography and an-*

- thropology of Siberia and the adjacent territories). Novosibirsk: IAE SO RAN, 108—114 (in Russian).
- Ineshin, E. M., Tetenkin, A. V. 1996. In *Noveishie arkhеologicheskie i etnograficheskie otkrytiia v Sibiri (Latest archaeological and ethnographical discoveries in Siberia)*. Novosibirsk: IAE SO RAN, 100—102 (in Russian).
- Ineshin, E. M., Tetenkin, A. V. 2005. In *Sotsiogenez v Severnoi Azii (Sociogenesis in Northern Asia)*. Irkutsk: IrGTU, 96—104 (in Russian).
- Ineshin, E. M., Tetenkin, A. V. 2010. *Chelovek i prirodnaia sreda severa Baikalskoi Sibiri v pozdnem pleistotsene. Mestonakhozhdenie Bol'shoi Iakor' I (Man and natural environment of the North of Baikal Siberia in late pleistocene. The site Bol'shoi Iakor' I)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Kulchitsky, A. A., Skovitina, T. M., Ufimtsev, G. F. 1997. In *Geografiia i prirodnye resursy (Geography and natural resources)* 1, 61—65 (in Russian).
- Mochanov, Yu. A. 1977. *Drevneishie etapy zaseleniia chelovekom Severo-Vostochnoi Azii (Ancient stages of peopling of North-Eastern Asia)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Rasskazov, S. V. 1985. *Bazaltoidy Udokana (Basaltoids of Udokan)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Rasskazov, S. V. 1993. *Magmatizm Baikalskoi riftovoi sistemy (Magmatism of the Baikal rift system)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Rasskazov, S. V., Boven, A., Andre, L., Lejoi, J.-P., Ivanov, A. V., Punzalan, L. 1997. In *Petrologiia (Petrology)* 5 (2), 115—136 (in Russian).
- Rasskazov, S. V., Logachev, N. A., Brandt, I. S., Brandt, S. B., Ivanov, A. V. 2000. *Geokhronologiya i geodinamika pozdnego kainozoiia (Iuzhnaia Sibir' — Iuzhnaia i Vostochnaia Azia) (Geochronology and geodynamics of the late Cenozoic period (Southern Siberia — Southern and Eastern Asia))*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Sekerin, A. P., Sekerina, N. V. 2000. In *Baikalskaia Sibir' v drevnosti (Baikal Siberia in antiquity)* 2 (1). Irkutsk: IGPU, 146—160 (in Russian).
- Sinyugina, E. Ya. 1960. In *Trudy Tsentral'nogo nauchno-issledovatel'skogo geologorazvedochnogo instituta (Works of the Central scientific and research geological prospecting Institute)* 30, 58—87 (in Russian).
- Stanevich, A. M., Perelyaev, V. I. 1997. In *Geologiya i geofizika (Geology and Geophysics)* 381 (10), 1642—1652 (in Russian).
- Stupak, F. M. 1987. *Kainozoiskii vulkanizm khrebtа Udokan (Cenozoic volcanism of the Udokan ridge)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Stupak, F. M., Stupak, R. M. 1987. In *Geologiya kainozoiia Vostochnoi Sibiri (Cenozoic geology of Eastern Siberia)*. Irkutsk: IZK SO RAN (in Russian).
- Tetenkin, A. V. 2009. In *Vuzovskaia nauchnaia arkhеologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918—1937 gg. (Institutional scientific archaeology and ethnology of Northern Asia. The Irkutsk school 1918-1937)*. Irkutsk: Amtera, 322—332 (in Russian).
- Tetenkin, A. V. 2010. In *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii (Proceedings of the laboratory of ancient technologies)* 8, 64—134 (in Russian).
- Tishchenko, E. I. 1982. In *Pozdnii pleistotsen i golotsen iuga Vostochnoi Sibiri (Late Pleistocene and Holocene of the South of Eastern Siberia)*. Novosibirsk: Nauka, 70—84 (in Russian).
- Glascok, M. D., Braswell, G. E., Cobean, R. H. 1998. A Systematic Approach to Obsidian Source Characterization. In: Shackly M. S. (ed.). *Archaeological Obsidian Studies*. New York: London: Plenum Press, 15—65.
- Kimura, H. 1998. Obsidian Humans Technology. In: Derevyanko A. P. (ed.). *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii (Paleoecology of Pleistocene and Stone Age cultures of Northern Asia and adjacent territories)* 2. Novosibirsk: IAET SO RAN, 302—314.
- Ufimtsev, G. F., Skovitina, T. M., Kulchitsky, A. A. 1998. Rockfall-dammed lakes in the Baikal Region: evidence from the past and prospects for the future. *Natural Hazards* 18, 167—183.
- Weninger, B., Jöris, O., Danzeglocke, U. 2009. CalPal-2007. Cologne Radiocarbon Calibration & Palaeoclimate Research Package. <http://www.calpal.de>. Date of access 10.01.2014.

Статья поступила в номер 25 марта 2013 г.

Elena Demonterova (Irkutsk, Russia). Candidate of Geology and Mineralogy. Institute of Crust, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences¹.

Elena Demonterova (Irkutsk, Rusia). Candidat în științe geologice și mineralogice. Institutul Scoalței Terestre al Departamentului Siberian al Academiei de Științe a Rusiei.

Демонтерова Елена Ивановна (Иркутск, Россия). Кандидат геолого-минералогических наук. Институт земной коры Сибирского отделения Российской Академии наук.

E-mail: dem@crust.irk.ru

Aleksey Ivanov (Irkutsk, Russia). Doctor of Geology and Mineralogy. Institute of Crust, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences².

Aleksey Ivanov (Irkutsk, Rusia). Doctor în științe geologice și mineralogice. Institutul Scoalței Terestre al Departamentului Siberian al Academiei de Științe a Rusiei.

Иванов Алексей Викторович (Иркутск, Россия). Доктор геолого-минералогических наук. Институт земной коры Сибирского отделения Российской Академии наук.

E-mail: aivanov@crust.irk.ru

Evgeny Ineshin (Irkutsk, Russia). Candidate of Historical Sciences. Irkutsk State Technical University³.

Evgeny Ineshin (Irkutsk, Rusia). Candidat în științe istorice. Universitatea Tehnică de Stat din Irkutsk.

Инешин Евгений Матвеевич (Иркутск, Россия). Кандидат исторических наук. Иркутский государственный технический университет.

E-mail: ineshin.evgen@yandex.ru

Aleksey Tetenkin (Irkutsk, Russia). Candidate of Historical Sciences. Irkutsk State Technical University⁴.

Aleksey Tetenkin (Irkutsk, Rusia). Candidat în științe istorice. Universitatea Tehnică de Stat din Irkutsk.

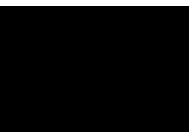
Тетенкин Алексей Владимирович (Иркутск, Россия). Кандидат исторических наук. Иркутский государственный технический университет.

E-mail: altet@list.ru

Мезолит

Mesolithic

Mezolithic

С. Н. Савченко

Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья

Keywords: Urals, Mesolithic; bone industry, continuity, traditions, innovations, technical and morphological analysis.

Cuvinte cheie: Ural, mezolitic, industrie osoasă, continuitate, tradiții, analiză tehnico-morfologică.

Ключевые слова: Урал, мезолит, костяная индустрия, преемственность, традиции, инновации, технико-морфологический анализ.

S. N. Savchenko

Continuity and Innovations in the Development of the Mesolithic Bone Industry in the Forest Zone of Eastern Urals

During the early Mesolithic in the Preboreal period, a well developed bone industry emerged in the forest zone of the Eastern Urals area. All main methods of working bone and antler were employed for artifact production. The tool set was rather diverse. Worthy of note is the high degree of continuity in the forms of bone articles from the Early Mesolithic through the Early Neolithic. The uniformity of the technology of manufacture of bone and antler tools during the whole Mesolithic is observed, while some local variants with specific features can be distinguished too. The main functional groups of tools emerged during the early Mesolithic and existed during the whole of Mesolithic and Early Neolithic. Many morphological tool types were in use during several phases of the Mesolithic. In this article, the dynamic development of bone industry in the forest zone of Eastern Urals is presented, following the emergence of new categories and morphological types of tools at each period of its existence.

S. N. Savchenko

Continuitate și inovații în evoluția industriei osoase din mezoliticul zonei de pădure a Uralului de Est

În mezoliticul timpuriu din perioada preboreală din zona de pădure a Uralului de Est, s-a format o industrie dezvoltată de prelucrare a osului. Pentru realizarea pieselor erau utilizate toate metodele principale de prelucrare a osului și cornului. Inventarul osos era destul de diversificat, incluzând toate grupurile funcționale de bază. Putem remarca gradul înalt de continuitate în cadrul industriei osoase din Ural pe parcursul tuturor etapelor cronologice de dezvoltare, de la mezoliticul timpuriu la neoliticul timpuriu. Se observă o afinitate înaltă a tehnicilor de realizare a uneltelor din os și corn pe parcursul întregului mezolitic, existând însă și unele variante locale cu propriile trăsături specifice. Principalele grupuri funcționale de unelte, apărute în mezolitic, persistă și în neoliticul timpuriu. Mai multe tipuri morfologice sunt utilizate pe parcursul tuturor etapelor mezoliticului, este cunoscută o serie de piese, care erau utilizate din mezoliticul timpuriu până în neoliticul timpuriu. În prezentul articol este reflectată dinamica evoluției industriei osoase din zona de pădure a Uralului de Est, exprimată prin apariția unor categorii și tipuri morfologice de piese noi la fiecare etapă a existenței acestora.

С. Н. Савченко

Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья

В раннем мезолите в пребореальном периоде в лесном Зауралье сложилась развитая костяная индустрия. Для изготовления предметов применялись все основополагающие приемы обработки кости и рога. Набор изделий был достаточно разнообразен. Он включал все основные функциональные группы орудий. Необходимо отметить высокую степень преемственности уральской костяной индустрии на всех хронологических этапах ее развития от раннего мезолита до раннего неолита. Наблюдается большое сходство техники производства костяных и роговых орудий на протяжении всего мезолита, при наличии локальных вариантов, имеющих некоторые своеобразные черты. Основные функциональные группы орудий, появившись в раннем мезолите, бытуют на протяжении всего мезолита и раннего неолита. Многие морфологические типы изделий существуют на протяжении нескольких этапов мезолита, есть серия типов орудий, бытовавших с раннего мезолита до раннего неолита. В статье представлена динамика развития костяной индустрии лесного Зауралья, которая проявилась, прежде всего, в появлении новых категорий и морфологических типов изделий на каждом этапе ее существования.

The Programme of the Presidium of Russian Academy of Sciences „Continuity and transformations in the development of prehistoric and medieval communities basing on archaeological and anthropological data”, grant 1.10; Russian Foundation for Basic Research, project 12-06-00100; ■ Programul prezidiului Academiei de Științe a Rusiei „Continuitate și transformări în evoluția comunităților preistorice și medievale în baza datelor arheologice și antropologice”, grant 1.10; Fundația rusă pentru studii umanitare, proiectul 12-06-00100 ■ Программа Президиума РАН «Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным», grant 1.10; Российский фонд фундаментальных исследований, grant 12-06-00100.

Начиная с верхнего палеолита, кость и рог, наряду с различными породами камня, являлись основным сырьем для производства разнообразных изделий. Особо значима была роль костяной индустрии в районах, бедных качественным кремневым сырьем, к которым относится и Среднее Зауралье. К сожалению, на большинстве мезолитических памятников региона, расположенных на коренных берегах рек или озер, в силу почвенных условий сохранились лишь артефакты из камня. Однако находки на торфяниковых памятниках и в пещерах показывают, что изделия из кости и рога были здесь широко распространены. При этом типологическое разнообразие костяных артефактов существенно превосходит эти же показатели для изделий из камня (Сериков 2000: 93—96; Чаиркин, Жилин 2005; Жилин, Савченко 2010а).

Осваивая новую территорию, человек мог не найти привычных для него пород камня, что могло привести как к изменению традиционной технологии обработки, теперь приспособленной к новым видам сырья, так и к изменению форм каменного инвентаря. В отличие от камня, кость как сырье для производства орудий, имеющееся у охотников повсеместно в большом количестве, обладающее схожими физическими характеристиками независимо от территории расселения, не требовала радикальных изменений технологии обработки и морфологии изделий. Вероятно, именно в костяном инвентаре культурные традиции фиксировались более устойчиво.

Задачей настоящей статьи является анализ костяной индустрии горнолесного Зауралья на материалах мезолитических слоев раскопанных памятников. Такой подход повышает достоверность результатов, хотя и существенно уменьшает источниковедческую базу. Исключение сделано для нескольких предметов из Шигирской коллекции случайных находок, датированных AMS методом.

В 1980-х годах на территории Среднего Зауралья Ю.Б. Сериковым была выделена среднезауральская мезолитическая культура. Эта культура была определена, преимущественно, на материалах памятников, расположенных на коренных минеральных берегах рек и озер, часто имеющих смешанные слои, где мезолитические находки выделялись типологически и/или на основании стратиграфических наблюдений. Независимых датировок для этих слоев нет. Культурные слои памятников, помимо материалов других эпох, могли содержать смешанные материалы разных периодов мезолита, разделить которые на современном уровне знаний не представляется возможным.

Наличие на мезолитических памятниках каменных шлифованных рубящих орудий и радиоуглеродная дата 6470 ± 80 (JE-2060) лет назад¹ с Кокшаровско-Юрьинской I торфяниковой стоянки² привели автора к неверному выводу, что постоянное население в Среднем Зауралье появляется только в позднем мезолите. Это, по мнению Ю.Б. Серикова, вероятно, было связано с неблагоприятными природными условиями Среднего Зауралья в конце плейстоцена — раннем голоцене. И только когда в эпоху позднего мезолита сформировались современные ландшафты и климат, древнее население нашло свою экологическую нишу и прочно освоило эту территорию. Следовательно, практически все среднезауральские мезолитические памятники относятся к позднему мезолиту, а полученная дата фиксирует конец мезолита — начало неолита (Сериков 1992: 146; 2000: 70—72).

Однако изучение данных по истории климата и растительности Северной Евразии в конце плейстоцена — начале голоцена показало, что точка зрения о неблагоприятных условиях для заселения человеком Среднего Зауралья в раннем мезолите не соответствует действительности. Развитие климата и растительности в Среднем Зауралье и в центре Русской равнины на рубеже плейстоцена и раннего голоцена было сходным (Хотинский 1977: 68—82; Панова 2001: 57), вполне благоприятным для жизни древнего населения. Благодаря материалам, полученным за последние годы при исследовании стратифицированных мезолитических культурных слоев торфяниковых памятников и пещер, доказано, что территория лесного Зауралья была прочно освоена человеком уже около 10 000 некалиброванных радиоуглеродных лет назад начиная с раннего пребореального периода (Жилин, Савченко 2010а; 2010б; Жилин и др. 2012; Чаиркин, Жилин 2005). Рубящие шлифованные орудия бытовали здесь с раннего мезолита. Кроме того, стало возможно сравнить между собой комплексы костяных артефактов разных периодов мезолита и раннего неолита, начало которого, согласно серии радиоуглеродных дат, полученных по материалам раннеолигоценовых торфяниковых памятников стоянки Варга 2 и II культурного слоя Второй Береговой торфяной стоянки,

¹ Все приводимые в статье радиоуглеродные даты — некалиброванные.

² Полученная по образцу из ямы, где находился фрагмент неолитического сосуда, и ошибочно связанная с мезолитическим слоем.

№1. 2014

сейчас датируется около 7400/7300 радиоуглеродных некалиброванных лет назад (Жилин и др. 2007; Жилин, Савченко 2010а; Zaretskaya et al. 2012). Морфологический анализ мезолитического костяного инвентаря региона, выделение специфических местных типов орудий, имеющих определенные хронологические рамки бытования, анализ технологии изготовления артефактов и сопоставление уральских материалов с материалами соседних территорий дают возможность проследить основные тенденции, преимственность и инновации в развитии мезолитической костяной индустрии горнолесного Зауралья.

Изделия из кости и рога известны в горной части Среднего Урала и Зауралья с позднего палеолита. В Усть-Койвинской пещере на реке Чусовой найдены две роговые мотыжки со следами рубки и отески каменным рубящим орудием, лезвия мотыг оформлены шлифовкой (Сериков 2000: 44—46). В гроте Безымянном на реке Пышме обнаружены шило из осколка кости, обломок крупного колющего орудия, возможно, кинжала, из трубчатой кости, изделия из кости и бивня мамонта, вероятно, служившие украшениями. На артефактах выявлены следы пиления и шлифовки, а бусина из кости была просверлена. Датировка этого слоя по костям животных составила 19240 ± 265 (СОАН-2212) лет назад (Петрин 1992: 84; Сериков 2000: 47—48). 31 изделие из кости, бивня и рога происходит из грота Бобылек в Красноуфимском районе Свердловской области. Авторы раскопок считают неструктурированный палеолитический культурный слой грота остатками серии охотничьих лагерей, датируемых от 24000 лет назад до начала голоцена. Здесь представлены обломки прямых однолезвийных вкладышевых кинжалов из кости северного оленя и бивня мамонта, скребло, ложило, землекопные орудия, колюще-режущие инструменты, серия бусин из бивня и пр. На артефактах выявлены следы ударной ретуши, скобления, строгания, шлифовки, пиления, прорезания пазов/каналов резцом и резчиком, сверления, гравировки, полировки (Волков и др. 2007).

Изученные в ходе раскопок мезолитические памятники с костяным инвентарем в Зауралье также немногочисленны (рис. 1). На сегодняшний день здесь имеется ряд памятников, датированных в интервале от 10000 до 8000/7900 радиоуглеродных лет назад. Мезолитический костяной инвентарь в горнолесном Зауралье происходит из пещерных и торфяниковых памятников. Большинство находок из пещер составляют наконечни-

ки стрел. Это связано с использованием пещер как для кратковременных остановок, так и в качестве святилищ, где фиксируется обряд стрельбы из лука в пещеру. Судя по находкам, такой обряд возникает на Урале в мезолите и бытует до позднего железного века. Наиболее известно пещерное святилище Камень Дыроватый на р. Чусовой. Большая серия разнообразных костяных наконечников стрел мезолитического облика найдена как в самой пещере, так и в раскопе у подножия скалы (Прокошев 1935; Сериков 2000: 93—96). Но, поскольку святилище функционировало на протяжении тысячелетий, смешанный культурный слой памятника включает орудия разных периодов, разделить которые по хронологическим комплексам без датирования предметов AMS-методом нет возможности.

Представительная серия костяных наконечников стрел (62 обломка от не менее чем 47 изделий) происходит из мезолитического слоя святилища в Лобвинской пещере. По спорово-пыльцевому анализу слой отнесен ко второй половине пребореала — началу бореала (Панова, Лобанова 1995: 18—19), что подтверждается датой 9265 ± 255 (ИЭРЖ-92) лет назад, полученной по расколотым костям лося (Чаиркин, Жилин 2005: 259—260).

Пять костяных наконечников стрел, шило и пронизка найдены в мезолитическом слое Шайтанской пещеры в Северном Зауралье. Сопоставляя инвентарь Шайтанской и Лобвинской пещер, проанализировав восточноевропейские и уральские аналогии, авторы публикации пришли к выводу о более раннем возрасте слоя Шайтанской пещеры по сравнению с мезолитическим слоем Лобвинской (Чаиркин, Жилин 2005: 269).

Небольшие серии костяных артефактов мезолитического облика происходят из пещер Лаксейской, Гебауэра (Чаиркин, Жилин 2005: 270—271). Вкладышевые наконечники стрел — узкий плоский асимметричный и игловидный уплощенный с коротким пазом у острия, найдены в пещере Подземных охотников в Среднем Приуралье.

Уральские торфяниковые стоянки при раскопках дают широкий спектр разнообразных костяных изделий. Здесь представлены не только предметы охотничьего вооружения, но и орудия рыболовства, различные бытовые орудия и инструменты, фрагменты заготовок и костей со следами обработки и др. На территории Урала к настоящему времени раскопками частично изучены три торфяниковые стоянки, мезолитические

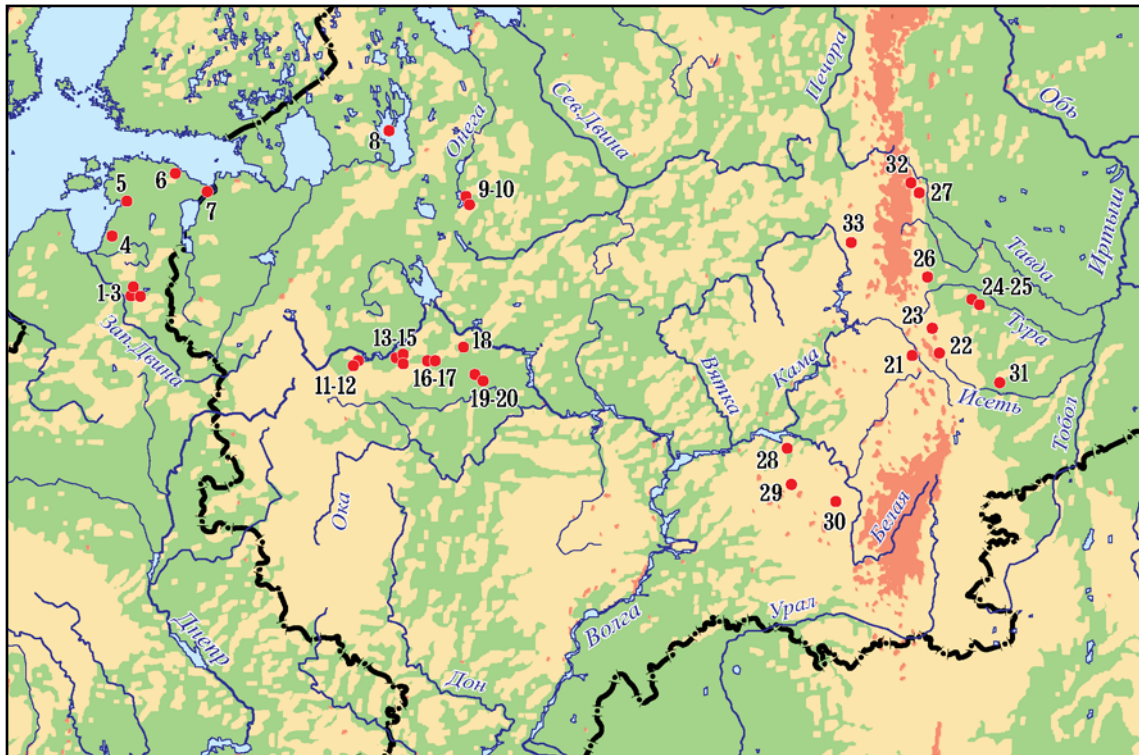

Рис. 1. Мезолитические памятники Восточной Европы и Урала с костяным инвентарем: 1—3 — Сулягалс, Звидзе, Оса; 4 — Звейниекы 2; 5 — Пулли; 6 — Кунда-Ламмасмаги; 7 — Нарва; 8 — Оленеостровский могильник; 9—10 — Веретье 1 и Нижнее Веретье; 11—12 — Озерки 5 и 17; 13—15 — Нушполы 11, Окаеомово 5, Замостье 2; 16—17 — Ивановское III, VII; 18 — Становое 4; 19—20 — Сахтыш 9, 14; 21 — пещера Камень Дыроватый; 22 — Шигирский торфяник; 23 — Вторая Береговая торфяная; 24—25 — Кокшаровско-Юрьинская I, II; 26 — Лобвинская пещера; 27 — Шайтанская пещера; 28 — Сюнь II; 29 — Муллино II; 30 — Давлеканово; 31 — пещера Гебауэра; 32 — Лаксейская пещера; 33 — пещера Подземных охотников.

Fig. 1. Mesolithic sites of the Urals and Eastern Europe with bone artefacts: 1—3 — Sulyagals, Zvidze, Osa; 4 — Zvejinieki 2; 5 — Pulli; 6 — Kunda Lammasmagi; 7 — Narva; 8 — Olenii Ostrov cemetery; 9—10 — Veretje 1 and Nizhnee Veretje; 11—12 — Ozerki 5 and 17; 13—15 — Nushpoli 11, Okajomovo 5, Zamosstje 2; 16—17 — Ivanovskoye 3 and 7; 18 — Stanovoje 4; 19—20 — Sakhtysh 9, 14; 21 — Kamen Dyrovavai cave; 22 — Shigir peat bog; 23 — Vtoraya Beregovaya Torfyanaya; 24—25 — Koksharovsko-Yurjinskaya I and II; 26 — Lobvinskaya cave; 27 — Shaitanskaya cave; 28 — Syun' 2; 29 — Mullino 2; 30 — Davlekanovo; 31 — Gebauer cave; 32 — Lakseyskaya cave; 33 — the cave of the Underground Hunters.

стратифицированные слои которых дали изделия из кости и рога. Все они расположены на восточном склоне Среднего Урала. Это стоянки Кокшаровско-Юрьинская I и II на Кокшаровском торфянике и стоянка Вторая Береговая торфяная на Горбуновском торфянике (Сериков 1992; Жилин, Савченко 2010а; Жилин и др. 2012). Стоянки Кокшаровско-Юрьинские I и II расположены на юго-восточном берегу Юрьинского озера в 150 м друг от друга. Инвентарь мезолитических слоев этих памятников обнаруживает между собой большое сходство, как по морфологии, так и по технологии изготовления. Мезолитические слои стоянок на основе уральских и восточноевропейских аналогий и дат 8635 ± 40 (KIA-42078/2) лет назад и 8520 ± 35 (KIA-42078/1) лет назад, полученных по кости и клеящему веществу из паза обломка узкого плоского вкладышевого наконечника со стоянки Кокшаровско-Юрьин-

ской II (рис. 5: 9) датируются бореальным периодом (Жилин и др. 2012: 119).

Вторая Береговая торфяная стоянка, для которой получена серия радиоуглеродных дат, имеет культурные слои раннего, среднего, позднего мезолита, раннего неолита и энеолита, разделенные стерильными прослойками. По спорово-пыльцевому анализу поздне-мезолитический III культурный слой стоянки относится ко второй половине — концу бореального периода, по серии дат, полученных по костям животных, обработанному дереву и вмещающим отложениям, он датируется интервалом 8120 ± 50 — 7960 ± 40 лет назад. Одна дата 8350 ± 40 лет назад из этого слоя, полученная по лежащему горизонтально обожженному сосновому колу, оказалась более ранней и выбилась из серии. Средне-мезолитический IV культурный слой по пыльце отнесен к первой половине бореального периода, серия дат которого легла в интервале 9010 ± 40 —

№1. 2014

8405±40 лет назад. Пыльцевые спектры раннемезолитического V культурного слоя стоянки соответствуют пребореальному периоду. Серия дат из этого слоя распадается на две группы. Группа более ранних дат, полученная по разным артефактам, укладывается в интервал 10060±80—9800±40 лет назад. Серия поздних дат в интервале 9230±60—8980±90 лет назад получена по деревянным колам от сооружений, вбитым в минеральное дно. Это свидетельствует о двух эпизодах освоения территории стоянки, связанных с раннемезолитическим культурным слоем (Жилин, Савченко 2010а: 35—38; Zaretskaya et al. 2012).

Большое количество костяных и роговых артефактов мезолитического облика содержит Шигирская коллекция случайных находок, собранная в конце XIX — начале XX вв. при добыче золота на одноименном торфянике. Пять предметов коллекции датированы AMS-методом. Возраст четырех из них оказался мезолитическим (Савченко и др. 2011).

На основе технико-морфологического анализа материалов, полученных при исследовании перечисленных выше памятников, сопоставления этих материалов с костяными орудиями, обнаруженными в последние десятилетия на торфяниковых стоянках Восточной Европы (Жилин 2001), удалось наметить схемы развития отдельных категорий костяного вооружения на Урале и предложить их датировку (Савченко 2005; 2006; 2007; 2011а; 2011б). Таким образом, к настоящему времени накопился некоторый материал, позволяющий проследить определенные тенденции в развитии костяной индустрии горнолесного Зауралья на протяжении эпохи мезолита.

Ранний мезолит охватывает пребореальный период — около 10 200—9000 некалиброванных радиоуглеродных лет назад. По данным пыльцевых спектров, в это время, в отличие от предшествующего периода позднего дриаса, преобладает пыльца древесных растений. Спектры первой половины пребореала отражают растительность редкостойных лиственных лесов с примесью ели и березы. Значителен и разнообразен комплекс пыльцы травянистых растений. Это свидетельствует о том, что климатические условия оставались холодными, близкие к лесотундровым. Во второй половине пребореала увеличивается количество пыльцы березы, достигая максимума к концу периода на рубеже пребореала и бореала (Хотинский 1977; Панова и др. 2008).

Согласно остеологическим определениям, в культурных слоях преобладают кости лося, встречаются также кости бобра, благородного оленя (изюбря), северного оленя, медве-

дя, куницы, водоплавающих, лесных и луговых птиц. Состав костей птиц говорит о мозаичности ландшафта при весьма значительной площади открытых пространств. На Второй Береговой торфяной стоянке найдены кости рыб: щуки, карася, окуня, плотвы, карповых³. Все эти данные свидетельствуют о начале формирования на территории Урала к этому времени лесных сообществ.

Из имеющихся археологических материалов к раннему мезолиту относятся артефакты из кости и рога (22 экз.) V культурного слоя Второй Береговой торфяной стоянки, а также материалы Шайтанской (7 экз.) и Лобвинской (62 обломка не менее чем от 47 наконечников) пещер. При этом если мезолитический слой Лобвинской пещеры датируется второй половиной — концом пребореального периода, то слой Шайтанской, как более ранний, относится, вероятно, к первой половине пребореала. Игловидный вкладышевый наконечник стрелы с одним пазом (рис. 2: 8) из Шигирской коллекции датирован 9470±45 (ОхА-22282) лет назад, что соответствует середине пребореального периода. Костяные изделия периода раннего мезолита представлены орудиями охоты и рыболовства, производственно-бытовым инвентарем, заготовками.

Судя по находкам, основным видом вооружения уральских раннемезолитических охотников были лук и стрелы. Нужно отметить, что все известные на сегодняшний день наконечники стрел этого периода костяные, каменные наконечники пока не найдены. В мезолите лесного Зауралья, как и в мезолите Восточной Европы (Жилин 2001), именно костяные наконечники играли основную роль при оснащении метательного охотничьего вооружения.

Наконечники стрел (53 ед.) раннего мезолита относятся к трем типологическим группам — игловидным, узким плоским и однокрылым наконечникам. С раннего пребореала на Урале бытуют цельные и вкладышевые массивные **игловидные наконечники стрел** округлого сечения и уплощенные (соотношение толщины и ширины в пределах 1:1,2—1:1,49). Цельный короткий наконечник округлого сечения с клиновидным насадом (рис. 2: 1), вкладышевые округлого сечения (рис. 2: 2) и уплощенные (рис. 2: 6) с одним длинным пазом найдены в Шайтанской пещере. Обломки подобных вкладышевых наконечников с коническими и клиновидными насадками, дати-

³ Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам Института экологии растений и животных УрО РАН П. А. Косинцеву и А. Е. Некрасову за определение остеологического материала.

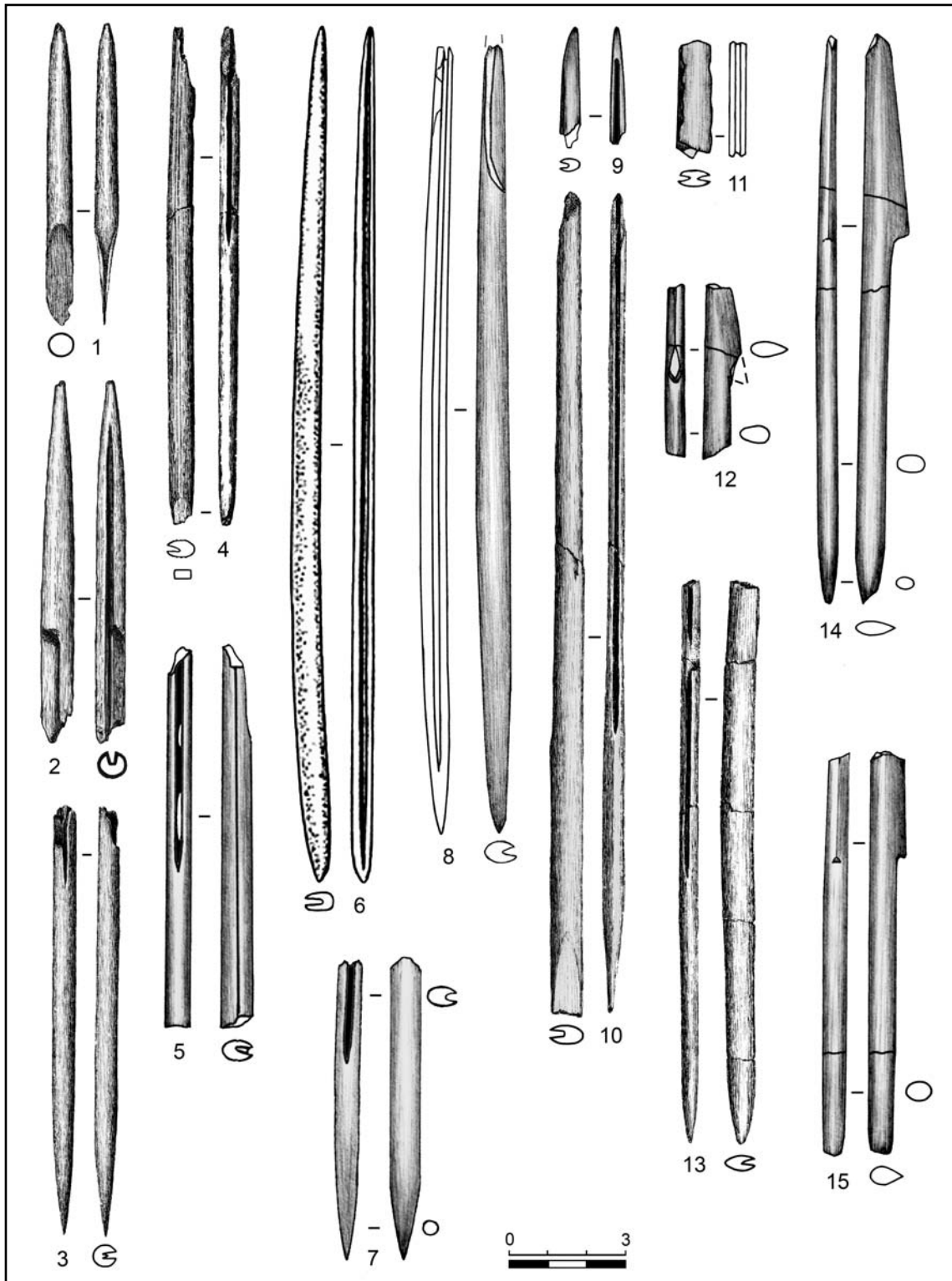

Рис. 2. Ранний мезолит. Наконечники стрел костяные. 1—2, 6 — Шайтанская пещера; 3—5, 7, 9—15 — Лобвинская пещера; 8 — Шигирский торфяник.

Fig. 2. Early Mesolithic. Bone arrowheads: 1—2, 6 — Shaitanskaya cave; 3—5, 7, 9—15 — Lobvinskaya cave; 8 — Shigir peat bog.

руемые второй половиной — концом пребореального периода, происходят из Лобвинской пещеры (рис. 2: 3—5, 7). Игловидный вкладываемый наконечник стрелы из Шигирской кол-

лекции, датируемый серединой пребореала, является переходной формой от массивных игловидных округлого сечения к игловидным уплощенным (рис. 2: 8). Он имеет подокру-

глое сечение в нижней половине и подовальное — в верхней.

Наиболее многочисленна типологическая группа *узких плоских наконечников стрел* (соотношение толщины и ширины в пределах 1:1,5—1:2), датируемых второй половиной — концом пребореального периода. Все они происходят из мезолитического слоя Лобвинской пещеры. *Узкие плоские симметричные наконечники стрел*, возможно, являются производной формой от игловидных уплощенных наконечников. Найдены два обломка таких орудий с двумя пазами (рис. 2: 11) и обломок цельного короткого узкого плоского наконечника аморфного сечения, близкого к овальному (Чаиркин, Жилин 2005: 260—261). Вероятно, на основе узких плоских симметричных наконечников в это же время сформировался характерный местный уральский тип — *узкие плоские асимметричные наконечники стрел* с прямым обушком и выпуклым режущим краем с длинным пазом. В Лобвинской пещере обнаружены обломки не менее чем 26 таких наконечников (рис. 2: 9—10, 13). Насады большинства из них характерной для Урала клиновидной формы (рис. 2: 10), но встречаются и уплощенно-конические (рис. 2: 13). Такие наконечники за пределами Урала пока не известны.

Вкладышами для наконечников с пазами служили медиальные фрагменты микропластин правильной огранки, полученных отжимным способом. Длина таких вкладышей 6—27 мм, ширина 2,5—6 мм, хотя преобладают 4—5 мм; толщина 0,6—1,5 мм, чаще встречаются в 1 мм. При монтаже в оправу лишь небольшая часть пластин подверглась ретушированию для более точной подгонки, так как развитая отжимная техника позволяла получать вкладыши, не требующие доработки. В Лобвинской пещере из 81 микропластины ретушь обработаны лишь 22. У одной — крутой дорсальной ретушь обработан конец, у остальных — края. У некоторых пластин край притуплен, у других приострен. Один вкладыш обработан по двум краям. На пластинках встречаются типичные повреждения вкладышей метательного оружия — краевая выкрошенность, на углах сколы, напоминающие резцовые (Чаиркин, Жилин 2005: 262).

В Лобвинской пещере также были найдены четыре цельных *однокрылых наконечника*. Один — *без шипа на конце крыла* с пером средней длины, у которого конец крыла завершается четко выраженным уступом (рис. 2: 14). Три обломка принадлежат наконечникам *с шипом на конце крыла*. Первый — с узким пером каплевидного сечения с низким кры-

лом, завершающимся коротким шипом (рис. 2: 15), у второго — шип отходит от стержня под острым углом (рис. 2: 12), третий наконечник сломан по основанию шипа.

Охотничьи *кинжалы и ножи* раннего мезолита представлены заготовкой изогнутого кинжала из расщепленного отростка рога лося (рис. 3: 8) и обломком плоского прямого вкладышевого ножа (рис. 3: 5) со Второй Береговой торфяной стоянки.

Орудия рыболовства этого периода также представлены находками из V культурного слоя Второй Береговой стоянки. Впервые на Урале найден мезолитический **рыболовный крючок** (рис. 3: 7). Его длина 37 мм, ширина 8 мм, глубина поддева 15 мм, глубина поддева изнутри 10 мм. Орудие сделано из стенки трубчатой кости птицы или небольшого зверя. Форма крючка сохранила природный изгиб кости и участки ее внешней и внутренней поверхности. В центре изгиба обушка сохранились остатки биконической сверлины. Выделенная головка на конце прямого стержня выполнена в виде утолщения на его внешнем крае (Савченко 2013).

Наконечники гарпунов и зубчатые острия. Для добычи крупной рыбы или для охоты на водных животных (бобр, выдра) использовали гарпуны с костяными наконечниками. Обнаружены четыре обломка однорядных зубчатых наконечников с зубцами клювовидной формы. Три находки принадлежат наконечникам гарпунов, имевшим, в отличие от зубчатых острий, подвижное соединение с древком при помощи линя, для чего их насады снабжены выемками (рис. 3: 1—3). Один обломок верхней части орудия с частыми клювовидными зубцами (рис. 3: 4) может принадлежать как наконечнику гарпуна, так и зубчатому острию. Как известно, зубчатые острия могли служить либо наконечниками острог для добычи рыбы, либо наконечниками метательных копий или дротиков и применяться при наземной охоте.

Известные на сегодняшний день ранне-мезолитические костяные **бытовые орудия и инструменты** немногочисленны. В основном они происходят со Второй Береговой торфяной стоянки. Имеется сделанная из ребра **рукоятка** для бокового скребка или скобеля (рис. 4: 4). С начала мезолита на Урале существовали инструменты для обработки дерева. Рубящие орудия — топоры и тесла, делались преимущественно из камня. Для более тонких операций использовались **орудия из половинки нижней челюсти бобра**. На Второй Береговой стоянке найдена рукоять подобного орудия со следами заполировки, образовав-

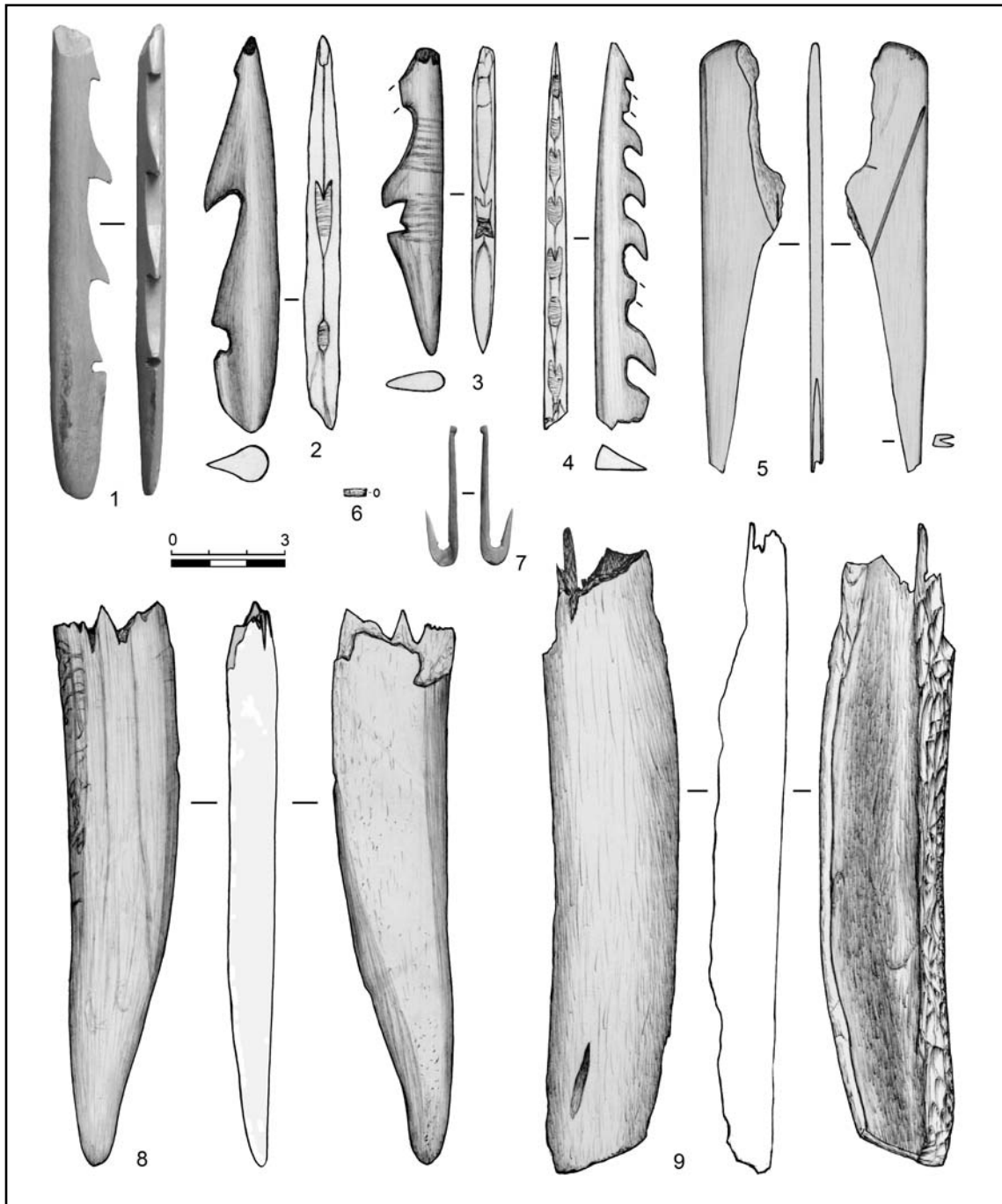

Рис. 3. Ранний мезолит. Изделия из кости и рога (1—7, 9 — кость; 8 — рог): 1—3 — наконечники гарпунов; 4 — зубчатое острие или наконечник гарпуна; 5 — нож; 6 — пронизка; 7 — рыболовный крючок; 8 — заготовка кинжала; 9 — заготовка. 1—5, 7—9 — стоянка Вторая Береговая торфяная, культурный слой V; 6 — Шайтанская пещера.

Fig. 3. Early Mesolithic. Bone and antler artefacts (1—7, 9 — bone; 8 — antler): 1—3 — harpoon heads; 4 — barbed point or harpoon head; 5 — knife; 6 — bead; 7 — fishing hook; 8 — dagger preform; 9 — preform. 1—5, 7—9 — Beregovaya 2, cultural layer V; 6 — Shaitanskaya cave.

шейся от соприкосновения с рукой работающего (рис. 4: 3). Такие орудия обычно служили резцами-строгальными ножами-скобелями для обработки дерева или кости, иногда еще и ретушерами. Резец бобра был лезвием ору-

дия, а тело челюсти, с удаленными корональным и суставным отростками — рукоятью. Изготовление и использование подобных орудий описано в работах М. Г. Жилина (Жилин 1997; 2001: 143—148).

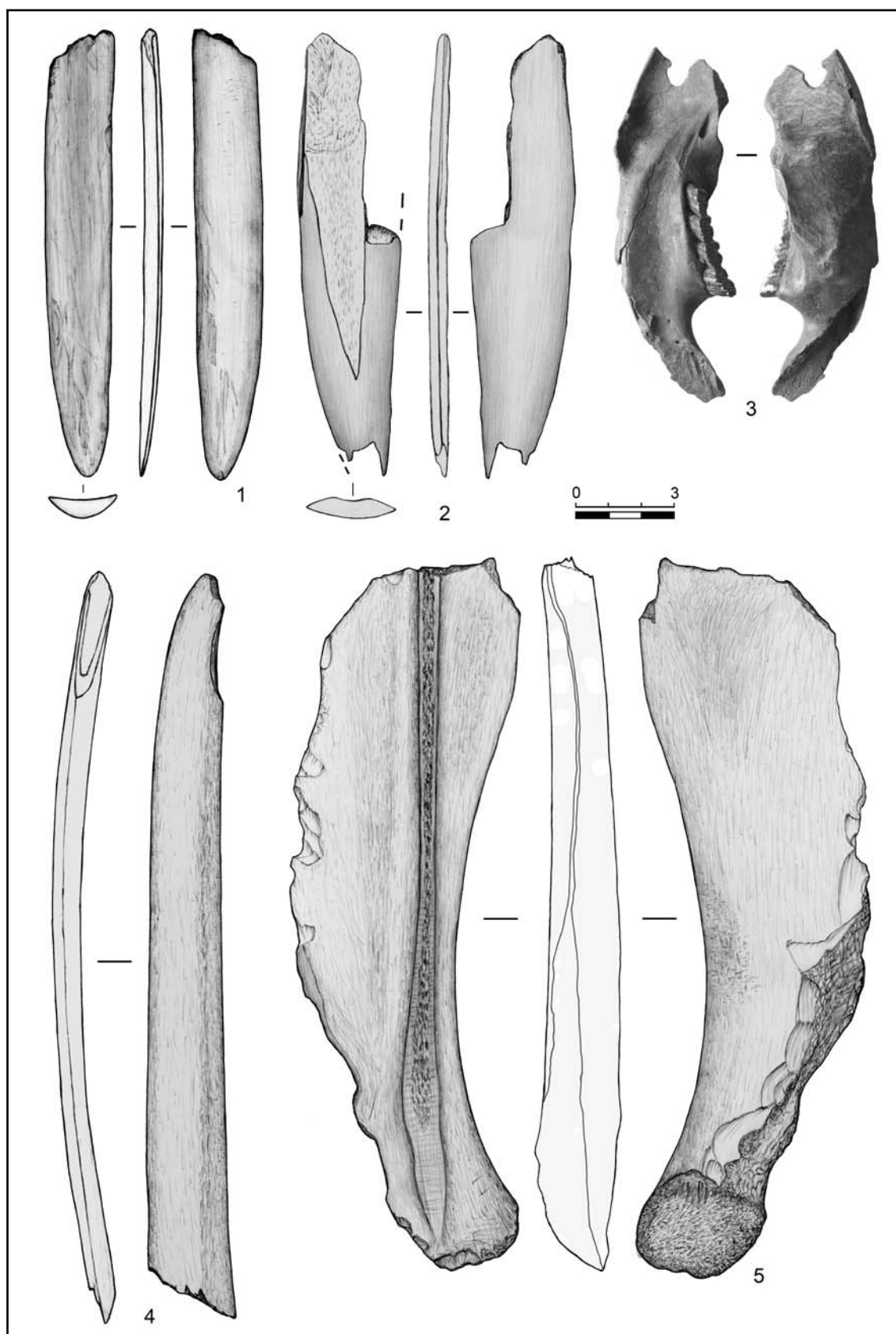

Рис. 4. Ранний мезолит. Стоянка Вторая Береговая торфяная, культурный слой V. Изделия из кости: 1—2, 5 — ножи бытовые; 3 — орудие из нижней челюсти бобра; 4 — рукоятка.

Fig. 4. Early Mesolithic. Beregovaya 2, cultural layer 5. Bone artefacts: 1—2, 5 — knives; 3 — tool of a beaver's mandible; 4 — handle.

Бытовые ножи. Тремя экземплярами представлены *широкие ножи из лопаток*. Нож на рисунке (рис. 4: 5), судя по следам сработанности на лезвии⁴, использовался как струг по сырому дереву, два других применялись для обработки сухих грязных шкур. Найдены клинки *прямого ножа плоско-выпуклого сечения с тупыми краями* и закругленным острием (рис. 4: 1) и *плоского изогнутого однолезвийного ножа* (рис. 4: 2). Оба орудия использовались для обработки растительных волокнистых материалов.

Из Шайтанской пещеры происходит обломок *шила* из тонкой трубчатой кости. Следы износа на его острие свидетельствуют о прокальвании тонких шкурок, вероятно, пушных зверьков (Чаиркин, Жилин 2005: 269).

Украшения представлены мелкой пронизкой из Шайтанской пещеры, сделанной из поллой птичьей косточки (рис. 3: 6).

Техника обработки костяного инвентаря была установлена при анализе поверхности изделий с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10. Нужно отметить, что все основные приемы обработки кости и рога — ударная ретушь, скобление, строгание, шлифовка, пиление, рубка и отеска каменным рубящим орудием, прорезание пазов/канавок резцом и резчиком, сверление, гравировка, полировка — фиксируются на рассматриваемой территории уже в позднем палеолите. В это время в Зауралье бытуют такие формы костяных орудий, как прямые вкладышевые однолезвийные кинжалы, скребла, лоцила, шилья, землякопные орудия, колюще-режущие инструменты (Сериков 2000: 44—46; Волков и др. 2007). Однако из-за отсутствия стратифицированных датированных радиоуглеродным методом финальнопалеолитических памятников вопрос о происхождении зауральского мезолита и его связи с предшествующими позднепалеолитическими памятниками пока остается открытым.

Для изготовления орудий в раннем мезолите в качестве сырья в основном употреблялись кости крупных млекопитающих, наиболее часто лося. Реже отбирались кости более мелких животных и птиц. Использовались преимущественно крупные трубчатые кости ног, а также лопатки, ребра, рога. Из половины нижних челюстей бобра, природная форма которых требовала минимальной доработки, подготавливались орудия, служившие резцами-строгальными ножами-скобелями.

Из крупных трубчатых костей получали пластины-заготовки для изготовления ножей, наконечников стрел и гарпунов, зубчатых острий. Для этого сначала могли по надрубам удалять эпифизы. После этого диафизы раскалывались (рис. 3: 9) или расчленились с помощью клина вдоль по надрезам (глубиной от 1/2 до 2/3 толщины стенки кости) на пластины-заготовки. Стенки таких пазов частично сохранились на некоторых изделиях. Если же предполагалось создание заготовки для крупного изделия, трубчатые кости могли члениться пополам и вместе с эпифизами. На обломке такой заготовки со Второй Береговой торфяной стоянки эпифиз частично сколот, а другой его край выровнен короткими рубящими ударами. Рог расчленился при помощи надрубов каменным теслом до губчатой массы, а затем обламывался. Края заготовок начерно обрабатывались с внутренней стороны оббивкой (рис. 3: 9) и ударной ретушью или продольным скоблением. Оббивкой могли уменьшать ширину пластины. При изготовлении широких ножей из лопаток отбивался сустав, сбивались гребень лопатки и ее массивный край, места сломов выравнивались оббивкой, ударной ретушью и продольным строганием.

Основными зафиксированными приемами дальнейшей черновой обработки преформ были скобление и строгание, реже грубая абразивная обработка. Чаще всего в первую очередь применялось грубое скобление, обычно продольное, но на поверхности одного наконечника гарпуна отмечены следы разнонаправленного скобления, предшествовавшего продольному строганию (рис. 3: 1). Скобление эффективно и достаточно быстро убирало лишнюю массу кости. Следующими приемами обработки обычно были продольное строгание и грубая шлифовка. Строгание использовалось и как один из основных формообразующих приемов, так и для чистового выравнивания поверхности изделия. Применение грубой шлифовки на крупнозернистом абразиве в качестве формообразующего способа обработки кости является отличительной чертой уральской костяной индустрии. Последовательность операций могла меняться, или более интенсивное применение одного приема заменяло другие. Черновая обработка орудий из Лобвинской пещеры выполнена только скоблением, строгание было лишь чистовым. В другом случае узкий плоский вкладышевый и однокрылый (рис. 2: 14) наконечники стрел после чистового строгания обработаны грубой шлифовкой (Чаиркин, Жилин 2005: 261). Края и выпуклая дорсаль-

⁴ Автор выражает искреннюю благодарность сотруднику Института археологии РАН М.Г. Жилину, за выполнение трасологического анализа предметов.

№1. 2014

ная поверхность заготовки изогнутого кинжала из расщепленного отростка рога (рис. 3: 8) уплощены продольным строганием, а ventральная поверхность продольно выскоблена. В качестве скобелей и строгальных ножей использовались отщепы или пластины без вторичной обработки с удобным острым краем, выполняющим роль лезвия.

После того, как создание общей формы заготовки было завершено, прорабатывались детали. На вкладышевых орудиях прорезались пазы. Для прорезания пазов на краях изделий продольным строганием оформлялась площадка паза — продольная плоскость шириной 2—3 мм, необходимой длины. Как показал эксперимент, вероятно, сначала острым углом пластины движениями вперед, как штихелем, намечалась линия паза, затем паз пропиливался краем неретушированной пластинки на глубину 1—1,5 мм. Пропил выравнивал неровности, оставшиеся от разметки паза, и обеспечивал его прямизну. Далее паз прорезался резчиком на нужную глубину (Savchenko 2010). В качестве резчиков могли использоваться обломки пластин без вторичной обработки. Точечным лезвием служил угол слома пластины. Если лезвие резчика в процессе работы почти не выкрашивалось, поперечное сечение паза получалось V-образным. Так как сечение пластинки из-за огранки асимметрично, то и сечение паза тоже было асимметричным. V-образное сечение паза говорит о движении резчика в одном направлении. Если в процессе резания паза направление движения менялось на противоположное, сечение паза становилось W-образным. Пазы U-образного сечения прорезаны инструментом с затупившейся кромкой. Если кромка оформлялась резцовым сколом, тогда паз приобретал трапециевидное сечение (Чаиркин, Жилин 2005: 261—262). В целом нужно отметить разнообразие форм сечений пазов на уральских вкладышевых наконечниках. Преобладают пазы U-образного сечения, далее следуют пазы V-образного и трапециевидного сечения, W-образные пазы единичны.

Зубцы на наконечниках гарпунов (рис. 3: 1—3) продольно выстругивались по направлению к острию орудия с подрезанием стружки во встречном направлении, выемки на насадах гарпунов поперечно выпилены. У обломка верхней части зубчатого наконечника (рис. 3: 4) зубцы выпилены, а затем их край скошен шлифовкой, что превратило их из ромбических в клювовидные.

Чистовая обработка изделий выполнялась строгальным ножом. Выравнивались края, убирались неровности, оформлялись лезвия

ножей и наконечников. Завершающим приемом обработки изделий из крупных трубчатых костей — ножей, наконечников стрел и гарпунов, была тонкая шлифовка на мелкозернистом абразиве и, в некоторых случаях, полировка. Гравированный орнамент, встречающийся на нескольких вкладышевых наконечниках из Лобвинской пещеры (рис. 2: 4—5), был прорезан углом сломанной пластинки после чистового строгания перед тонкой шлифовкой и полировкой, что подтверждается характерной сглаженностью краев линий орнамента. Клиновидные насады наконечников из Лобвинской пещеры оформлялись строганием в последнюю очередь, на их выпуклых боковых краях видны следы тонкой шлифовки, убранные строганием на плоскостях насада (Чаиркин, Жилин 2005: 262). Вкладыши орудий с пазами обычно монтировались в полностью готовую оправу после завершения чистовой обработки. В пазах нескольких наконечников стрел сохранились остатки темного клеящего вещества. Такой же способ крепления вкладышей использовался в мезолите лесной зоны Восточной Европы (Жилин 2001: 63).

Нужно отметить, что уже в раннем мезолите в лесном Зауралье сложилась высокоразвитая костяная индустрия. Для изготовления орудий применялись все основные приемы обработки кости и рога — оббивка, ударная ретушь, скобление, строгание, шлифовка, пиление, рубка и отеска каменными рубящими орудиями, прорезание пазов, сверление, гравировка, полировка. Набор изделий из кости и рога был достаточно разнообразен. Он включал охотничье вооружение — наконечники стрел нескольких типологических групп, ножи и кинжалы, возможно, зубчатые острия; орудия рыболовства — наконечники гарпунов и рыболовные крючки; орудия для обработки шкур, дерева и кости, волокнистых растительных материалов. Пока на Урале не найдены раннемезолитические костяные и роговые орудия для обработки камня — посредники, ретушеры, отжимники, а также землекопные орудия, но это может быть связано с тем, что бытовые орудия и инструменты этого периода к настоящему времени получены только при раскопках одного памятника — V культурного слоя Второй Береговой торфяной стоянки.

Средний мезолит соотносится с более реальным периодом 9000—8000 некалиброванных радиоуглеродных лет назад. В пыльцевых спектрах первой половины этого периода преобладает пыльца березы, присутствует пыльца сосны, в небольшом количестве есть пыльца ели, лиственницы, сосны сибирской

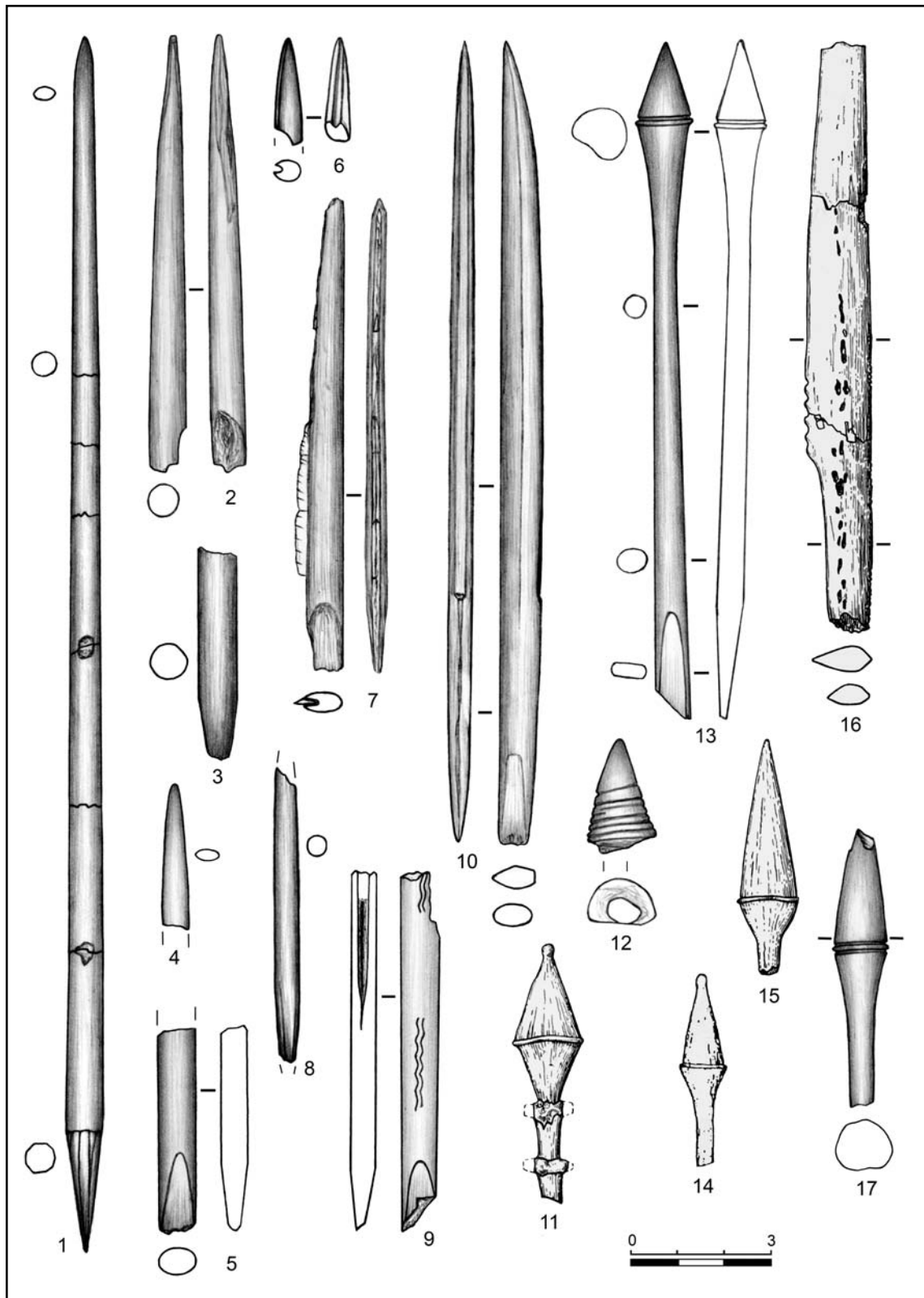

Рис. 5. Средний мезолит. Наконечники стрел (1—6, 8—11, 13—17 — кость; 7 — кость, кремь; 12 — рог). 1, 3, 9, 13, 17 — стоянка Кокшаровско-Юрьинская II, культурный слой III; 2, 7, 10 — стоянка Вторая Береговая торфяная, культурный слой IV; 4—6, 8, 11—12, 14—16 — стоянка Кокшаровско-Юрьинская I, мезолитический культурный слой.

Fig. 5. Middle Mesolithic. Arrowheads (1—6, 8—11, 13—17 — bone; 7 — bone and flint; 12 — antler). 1, 3, 9, 13, 17 — Koksharovsko-Yurjinskaya II, layer III; 2, 7, 10 — Beregovaya 2, cultural layer IV; 4—6, 8, 11—12, 14—16 — Koksharovsko-Yurjinskaya I, Mesolithic layer.

(кедра), ольхи, ивы; много пыльцы разнообразных трав. Палинокомплекс соответствует растительности осветленных березовых лесов с примесью сосны, с остатками перигляциального травяно-кустарникового комплекса на открытых участках и свидетельствует о потеплении, что способствовало быстрому распространению сосны. Вероятно, во второй половине — в конце бореального периода сосна стала преобладать. Климатические условия были холоднее современных (Панова и др. 2008). Костные остатки в культурных слоях стоянок показывают многообразие фауны. В большом количестве имеются кости лося, второе место занимают кости бобра, далее по убывающей следуют кости волка и медведя. Много костей разных водоплавающих птиц, есть кости лесных видов птиц. Представлены кости зайца, благородного оленя (изюбря), северного оленя, россомахи, выдры, пушных зверей — соболя, куницы, хоря. В большом количестве найдены кости рыб: щуки, карася, окуня, плотвы, карповых, тайменя. На Второй Береговой торфяной стоянке остатки рыб часто встречаются в виде скоплений, образовавшихся, вероятно, при чистке рыбы. На всех стоянках присутствуют кости собаки, которая сопровождала человека на охоте. На Кокшаровско-Юрьинских стоянках встречены кости лошади и сайги. Почти все виды животных — представители лесной фауны. Присутствие среди находок костей лошади и сайги — типично степного вида, вероятно, указывает, что в этот период, в окрестностях Юрьинского озера, еще сохранялись с плейстоцена остепненные участки, при том, что основная часть территории уже была открыта лесами (Жилин и др. 2012: 117).

Известные на сегодняшний день в лесном Зауралье предметы из кости и рога периода среднего мезолита наиболее многочисленны. Они включают находки из IV культурного слоя Второй Береговой торфяной стоянки (65 экз.); предметы из мезолитических слоев Кокшаровско-Юрьинских I (93 экз.) и II (92 экз.) стоянок; наконечник рогатины из Шигирской коллекции (рис. 6: 6), датированный по кости 8565 ± 45 (OxA-22283) лет назад. В среднем мезолите в Зауралье продолжают бытовать все функциональные группы и категории костяных и роговых орудий, представленные в раннем мезолите. При этом появляются новые категории орудий, существенно увеличивается количество костяных изделий и их разнообразие. Вероятно, это связано с тем, что для этого периода раскопками изучены три торфяниковых поселения, которые обычно дают широкий спектр самых раз-

нообразных изделий, в то время как для раннего мезолита раскопан только один такой комплекс.

Основным вооружением охотников в среднем мезолите, как и в предшествующий период, остается лук со стрелами. Появляется новая категория охотничьего вооружения — массивные рогатины с костяными наконечниками, сделанными из продольно разрезанных крупных трубчатых костей. Многочисленны и разнообразны охотничьи ножи и кинжалы, которые в предшествующий период были представлены единично.

Сохраняются все типологические группы **наконечников стрел** (73 ед.), бытовавшие в раннем мезолите — игловидные, узкие плоские и однокрылые наконечники; добавляются новые типологические группы — двукрылых наконечников и наконечников стрел с утолщенной головкой и стержнем между головкой и насадом.

Наиболее многочисленны **игловидные наконечники стрел**. Игловидные наконечники разных типов обнаружены на всех памятниках. **Массивные цельные наконечники округлого сечения** без пазов для вкладышей найдены на Кокшаровско-Юрьинских I (рис. 5: 3) и II (рис. 5: 1) стоянках, в IV культурном слое Второй Береговой (рис. 5: 2) стоянки. Последний наконечник сделан из диафиза трубчатой кости птицы или небольшого зверя, его острие после слома подправлено продольным строганием. Фрагменты **массивных игловидных уплощенных наконечников**, цельных (рис. 5: 4—5) и вкладышевых с одним пазом (рис. 5: 6) происходят с Кокшаровско-Юрьинских I и II стоянок. Появляются два новых типа игловидных наконечников — **тонкие** (меньше 7 мм в диаметре) **округлого сечения** (рис. 5: 8) и **тонкие уплощенные**. Они найдены на стоянке Кокшаровско-Юрьинская I.

Продолжают бытовать в среднем мезолите **узкие плоские наконечники стрел** с одним длинным пазом. **Узкие плоские асимметричные наконечники** найдены на стоянке Вторая Береговая торфяная. Короткий наконечник с сохранившимися кремневыми вкладышами (рис. 5: 7) был когда-то значительно длиннее, так как был переделан из обломка верхней половины такого же орудия. В составе «клада» костяных наконечников обнаружена заготовка подобного наконечника (рис. 5: 10), где паз еще не прорезан, хотя для него была подготовлена площадка. Скорее всего, фрагментами подобных изделий являются обломки узких плоских наконечников с Кокшаровско-Юрьинских I (рис. 7: 7) и II (рис. 5: 9; 7: 8) стоянок.

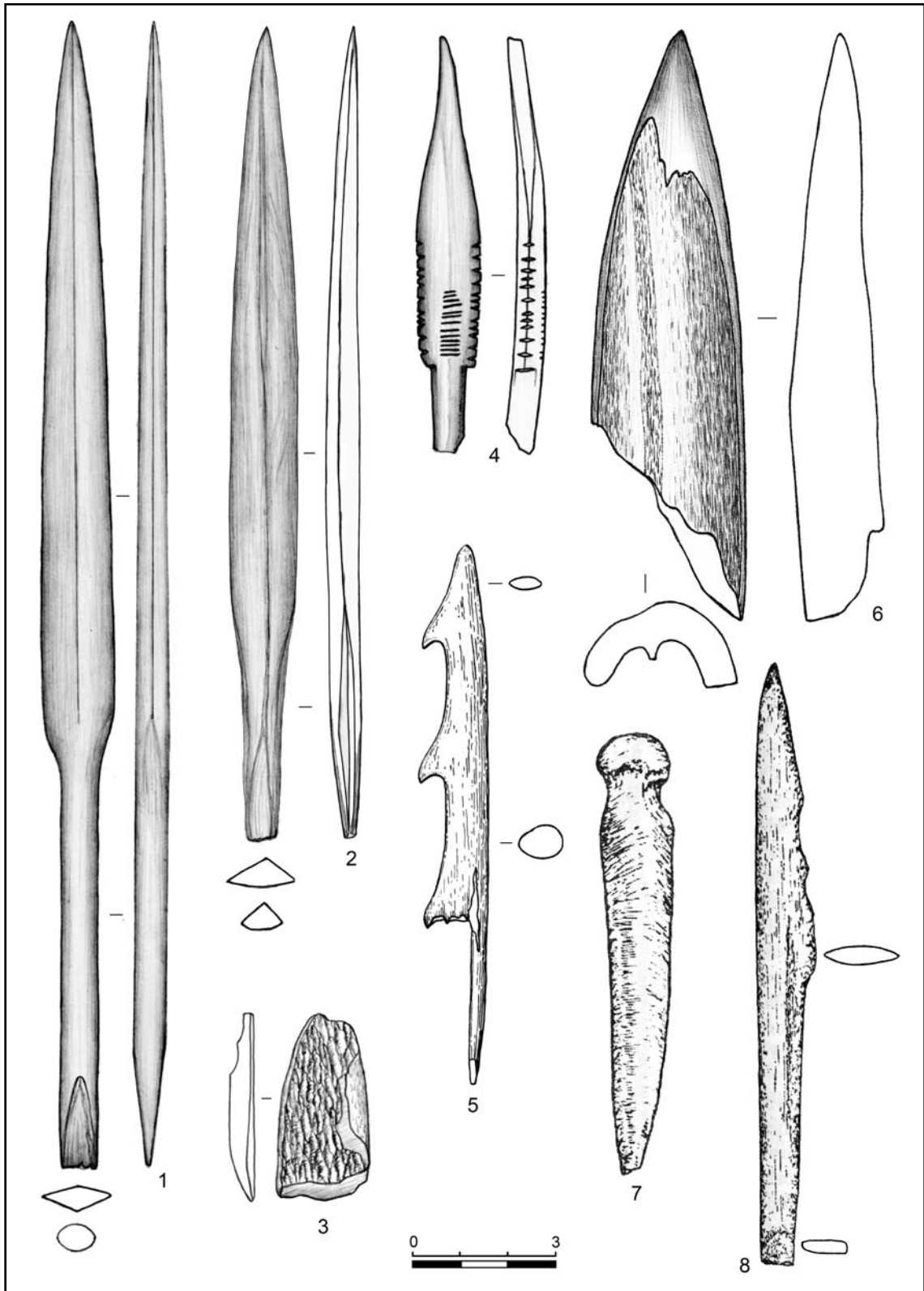

Рис. 6. Средний мезолит. Изделия из кости: 1—2, 4, 8 — наконечники стрел; 3 — стамеска (концевой скребок); 5 — зубчатое острие или наконечник гарпуна; 6 — наконечник рогатины; 7 — шило. 1—2 — стоянка Вторая Береговая торфяная, культурный слой IV; 3, 5, 7 — стоянка Кокшаровско-Юрьинская I, мезолитический культурный слой; 4, 8 — стоянка Кокшаровско-Юрьинская II, культурный слой III; 6 — Шигирский торфяник.

Fig. 6. Middle Mesolithic. Bone artefacts: 1—2, 4, 8 — arrowheads; 3 — chisel or scraper; 5 — barbed point or harpoon head; 6 — lance head; 7 — awl. 1—2 — Beregovaya 2, cultural layer IV; 3, 5, 7 — Kokahrovsko-Yurjinskaya I, Mesolithic layer; 4, 8 — Kokahrovsko-Yurjinskaya II, layer III; 6 — Shigir peat bog.

По одному **однокрылому наконечнику стрел без шипа на конце крыла**, которое завершается сглаженным уступом, найдено на Кокшаровско-Юрьинских I (рис. 5: 16) и II (рис. 6: 8) стоянках.

Новая типологическая группа — **двукрылые наконечники стрел** — представлена одним типом: *двукрылыми симметричными без шипов на конце крыльев*. Подобные наконечники также называют весловидными. Уникальна находка так называемого «клада» — пачки из 11 наконечников стрел — со Второй Береговой стоянки. Она включала заготовку узкого плоского асимметричного вкладышевого наконечника, описанную выше, и 10 двукрылых наконечников. Из них 4 экземпляра применялись в качестве наконечников метательного вооружения, три — готовые, но не использованные, еще у трех можно наблюдать незавершенную обработку (Жилин, Савченко 2010б). Наконечники (рис. 6: 1—2) имеют узкое длинное симметричное перо подтреугольного или подромбического сечения, которое либо завершается на конце крыльев сглаженными уступами, либо плавно переходит в укороченный стержень. На Кокшаровско-Юрьинской II стоянке найден обломок двукрылого наконечника с коротким плоским пером, обладающего яркими индивидуальными особенностями (рис. 6: 4). Острие этого наконечника имеет длинное оттянутое жало прямоугольного сечения, оформленное плоскими срезами по краям. На края пера и ребро жесткости дорсальной поверхности нанесены поперечные нарезки. Оба крыла пера завершаются выраженными уступами на переходе в стержень.

Типологическая группа **наконечников стрел с утолщенной головкой и стержнем между головкой и насадом** представлена несколькими типами. Все наконечники этой группы найдены на Кокшаровско-Юрьинских I и II стоянках. Первый тип — *наконечники с конической головкой* — представлен обломком изделия из рога (рис. 5: 12) с Кокшаровско-Юрьинской I стоянки. Сечение его головки плоско-выпуклое, острие коническое, а в нижней части головки имеется орнамент в виде пропиленной спирали. Вторым типом — *наконечники с головкой правильной биконической формы* с уступами в сторону острия или рельефными поясками в наиболее утолщенной части головки, встречаются на обеих стоянках. Их головки короткие (рис. 5: 13—14) или удлиненные (рис. 5: 17), а острие коническое (рис. 5: 13) или с коротким оттянутым жалом (рис. 5: 14). Одним

обломком представлен третий тип — *наконечники с головкой правильной биконической формы и рельефными поясками-«воротничками» на стержне* (рис. 5: 11). Наконечники с головкой неправильной формы, напоминающей биконическую, представлены обломком с Кокшаровско-Юрьинской I стоянки (рис. 5: 15), имеющим «раздутый» нижний конус головки.

Наконечники рогатин представлены обломками со стоянки Кокшаровско-Юрьинская II и из Шигирской коллекции (рис. 6: 6). Самый кончик острия последнего орудия уплощен шлифовкой на мелкозернистом абразиве наискось под углом около 45° к оси орудия. Такой прием подправки острий наконечников рогатин отмечен на ряде предметов из мезолитических памятников Восточной Европы (Жилин 2001: 107).

Охотничьи **кинжалы и ножи** (11 экз.) многочисленны и разнообразны. Цельные орудия без пазов представлены двумя обломками **прямых колющих узких кинжалов (стилетов) с тупыми краями** с Кокшаровско-Юрьинской I и Второй Береговой торфяной (рис. 7: 1) стоянок и двумя экземплярами (целым и обломком) **прямых обоюдоострых плоских/уплощенных кинжалов** с Кокшаровско-Юрьинской II стоянки (рис. 7: 2, 6).

Орудия с пазами более многочисленны. **Прямые однолезвийные с пазом на режущем крае** представлены обломком рукояточной части плоского ножа со Второй Береговой торфяной стоянки и двумя мелкими обломками массивных орудий с высоким выпукло-вогнутым поперечным сечением с Кокшаровско-Юрьинской I стоянки. Небольшой фрагмент, найденный на стоянке Кокшаровско-Юрьинская II, принадлежит **прямому обоюдоострому плоскому кинжалу** с двумя пазами (рис. 7: 5). В одном пазу сохранился целый вкладыш и обломок от второго. На лезвии целого вкладыша заметна двусторонняя краевая выкрошенность.

На Второй Береговой торфяной стоянке обнаружены два **изогнутых однолезвийных плоских ножа с пазом на выпуклом крае** (рис. 7: 3), сделанных из плоских костей. Несколько подобных орудий есть также в Шигирской коллекции случайных находок (Савченко 2005: 224). То, что паз у таких ножей сделан на выпуклом, а не на вогнутом крае, является характерной чертой уральских орудий. Аналогичные изделия из Восточной Европы имеют паз на вогнутом крае (Жилин 2001: 112).

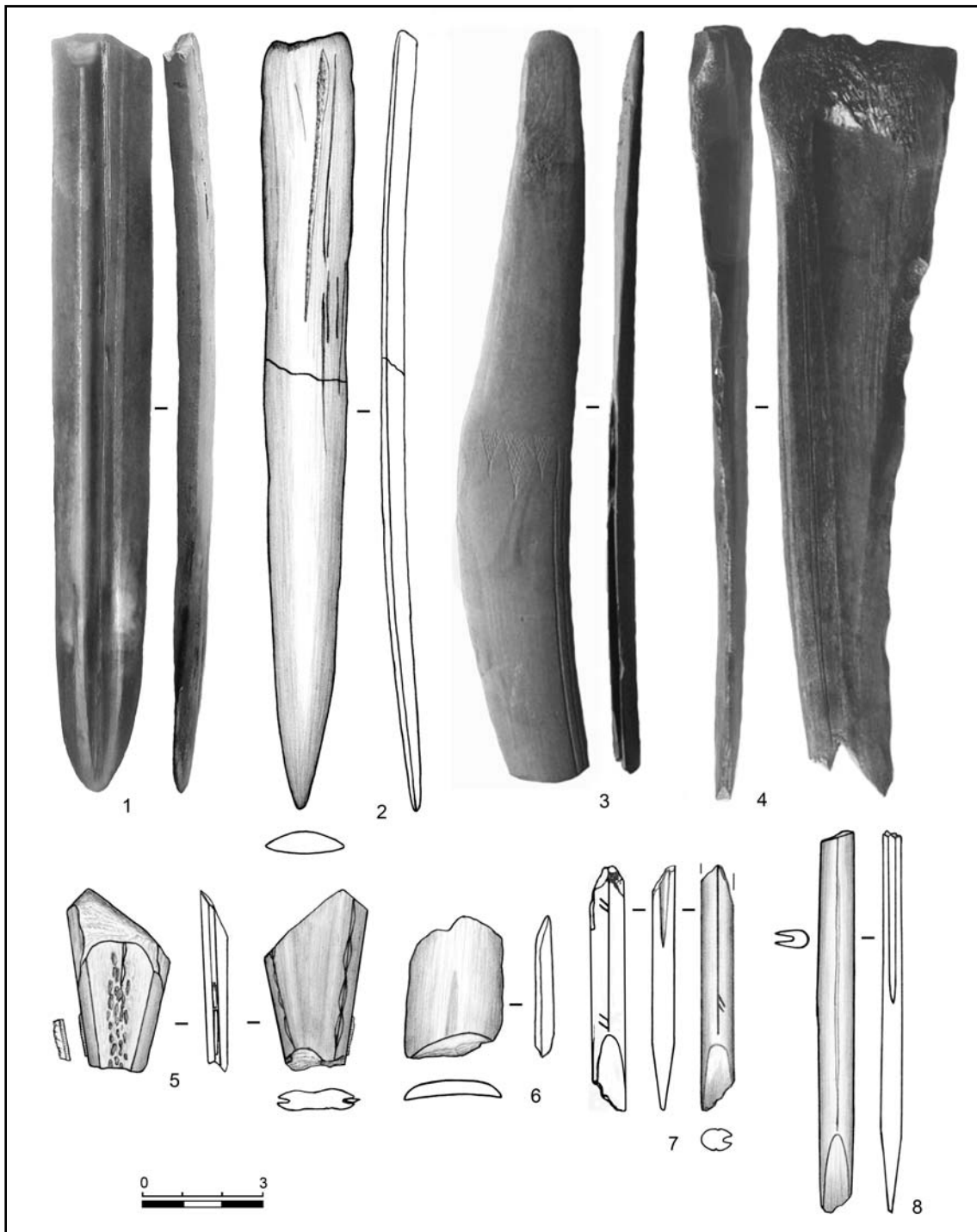

Рис. 7. Средний мезолит. Изделия из кости (1—4, 6—8 — кость; 5 — кость, кремль): 1—2, 5—6 — кинжалы; 3—4 — изогнутые ножи; 7—8 — наконечники стрел. 1, 3—4 — стоянка Вторая Береговая торфяная, культурный слой IV; 2, 5—6, 8 — стоянка Кокшаровско-Юрьинская II, культурный слой III; 7 — стоянка Кокшаровско-Юрьинская I, мезолитический культурный слой.

Fig. 7. Middle Mesolithic. Bone artefacts (1—4, 6—8 — bone; 5 — bone and flint): 1—2, 5—6 — daggers; 3—4 — curved knives; 7—8 — arrowheads. 1, 3—4 — Beregovaya 2, cultural layer IV; 2, 5—6, 8 — Kokahrovsko-Yurjinskaya II, layer III; 7 — Kokahrovsko-Yurjinskaya I, Mesolithic layer.

Найден *изогнутый обоюдоострый плоский нож с пазом на выпуклом крае* (рис. 7: 4). Его второе вогнутое лезвие на краю без паза приостроено продольным строганием

с двух сторон. После того как острие клинка было сломано, нож использовали в качестве двуручного струга по дереву, от чего на вогнутом крае образовался многоступенчатый пло-

ский залом. Вогнутое лезвие струга в процессе работы неоднократно подправлялось, что усилило его кривизну.

Орудия рыболовства представлены обломком тонкого стержня (цевья) цельного **рыболовного крючка** с Кокшаровско-Юрьинской I стоянки. Продолжаются традиции по использованию **наконечников гарпунов** и, возможно, **зубчатых острий**. В IV культурном слое Второй Береговой торфяной стоянки найден обломок однозубого гарпуна средних размеров с обратным зубцом на насаде. С Кокшаровско-Юрьинской I стоянки происходит обломок верхней части однорядного наконечника гарпуна или зубчатого острия среднего размера с редкими высокими зубцами клювовидной формы (рис. 6: 5).

В эпоху мезолита рыболовство уже становится самостоятельной отраслью хозяйства, играющей существенную роль в жизни населения. О возросшей роли рыболовства в среднем мезолите свидетельствует значительное количество рыбных костей и чешуи в культурных слоях стоянок, а в IV культурном слое Второй Береговой они встречаются в виде скоплений, образовавшихся при чистке рыбы. Резкое увеличение в средне- и позднемезолитических слоях количества костей рыб, прежде всего некрупных размеров, связано с использованием в это время рыболовных сетей, что подтверждается находками на Второй Береговой стоянке сетевых грузил — необработанных камней с обмоткой, иногда плетеной, из луба серой ивы.

Набор **бытовых орудий и инструментов** весьма разнообразен. Сохраняются категории и типы орудий предыдущего периода и появляются новые. **Орудия из половинок нижних челюстей бобра** (12 ед.), использовавшиеся для обработки дерева, и **широкие ножи из лопаток** (11 ед.), служившие, судя по следам работы на лезвиях, стругами — одни для обработки дерева, другие для обработки шкур, найдены на всех стоянках этого времени. Многочисленны и разнообразные **шилья** из грифельных (6 ед.) (рис. 6: 7) и обломков других плоских и трубчатых костей (5 ед.). Миниатюрные шилья из осколков трубчатых костей мелких млекопитающих (рис. 8: 2) имеют на острие износ от прокалывания без поворота тонких шкурок. Найдены костяные **швейные иглы** с просверленным с двух сторон ушком (рис. 8: 3). На Кокшаровско-Юрьинской II стоянке обнаружен, вероятно, **обломок игольника** (рис. 8: 4).

Расширяется ассортимент бытовых ножей. Помимо широких ножей из лопаток, на всех стоянках представлены хозяйственные ножи

(11 ед.), сделанные из массивного края лопаток (рис. 8: 1), расщепленных ребер, плоских и трубчатых костей животных. Большая часть из них служила для обработки шкур или растительных волокнистых материалов.

Выделяются **плоские прямые симметричные обоюдоострые ножи** с острокопечным или скругленным кончиком острия (рис. 8: 5). На лезвиях и острие последнего фиксируются типичные следы чистки и потрошения рыбы.

Появляются новые разновидности костяных и роговых артефактов, пока не встреченные на памятниках предыдущего периода. На Второй Береговой торфяной стоянке найден **струг по дереву**, сделанный из верхнего резца бобра (рис. 8: 6); на Кокшаровско-Юрьинской I стоянке — орудие из обломка расщепленного ребра (рис. 6: 3), морфологически определяемое как **стамеска**, а по следам использования на лезвии — как **концевой скребок** по мягким материалам. С Кокшаровско-Юрьинской II стоянки происходит орудие для обработки камня — **посредник** или **ретушер** из отростка рога, конец которого подструган.

Наиболее вероятно, землекопным орудием является так называемая **пешня** (рис. 8: 7). Его рабочий конец образован двумя гранями, сходящимися примерно под углом 45°. Такие орудия, согласно трасологическим исследованиям, чаще всего использовались в качестве землекопных (Жилин 2001: 159), а не для пробивания льда, как считалось ранее (Брюсов 1952: 147). К сожалению, из-за разрушения поверхностного слоя следы использования на предмете не сохранились.

На Кокшаровско-Юрьинских стоянках обнаружены необычные изделия из суставных костей конечностей лося. На плоской стороне кости они имеют пробитое в технике пикетажа до губчатой массы глухое отверстие. При этом края отверстий сглажены от использования. По определению Ю.Б. Серикова, эти артефакты являются **подпятниками для лучкового сверла** (Сериков 1992: 145). Такие предметы известны в настоящее время только среди материалов Кокшаровско-Юрьинских стоянок. На Кокшаровско-Юрьинской I стоянке, помимо мезолитического слоя, аналогичные изделия найдены в слоях, содержащих смешанные материалы мезолита и неолита.

Украшения периода среднего мезолита представлены подвесками из обломков резцов бобра (4 экз.) (рис. 8: 8—9) с Кокшаровско-Юрьинских стоянок. Отверстия на подвесках или просверливались с двух сторон, или сверлились только со стороны дентина до слоя

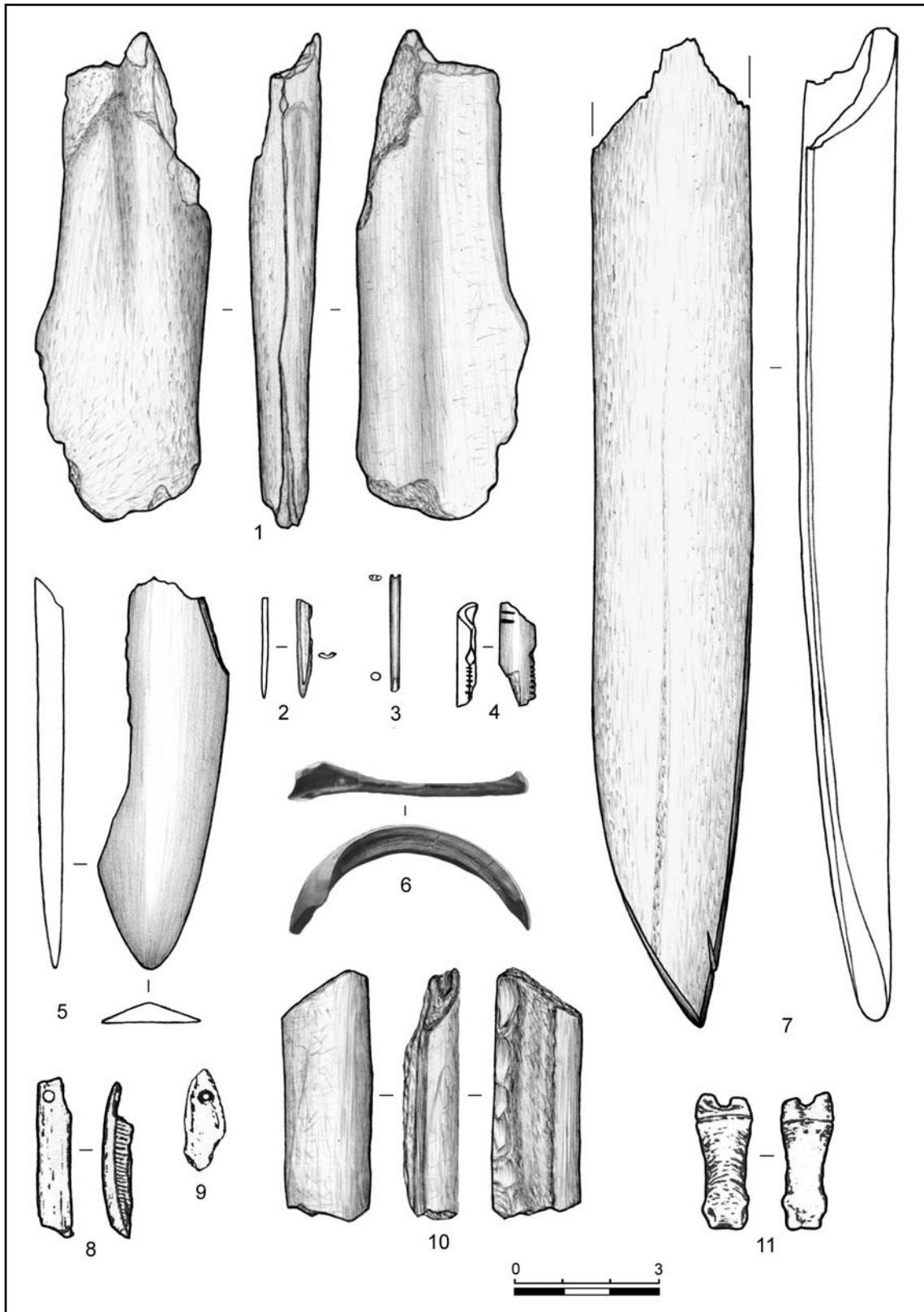

Рис. 8. Средний мезолит. Изделия из кости: 1, 5 — ножи бытовые; 2 — шило; 3 — игла швейная; 4 — обломок игольника (?); 6 — струг по дереву; 7 — пешня; 8—9, 11 — подвески; 10 — заготовка. 1—5, 8, 10 — стоянка Кокшаровско-Юрьинская II, культурный слой III; 6 — стоянка Вторая Береговая торфяная, культурный слой IV; 7, 9, 11 — стоянка Кокшаровско-Юрьинская I, мезолитический культурный слой.

Fig. 8. Middle Mesolithic. Bone artefacts: 1, 5 — knives; 2 — awl; 3 — sewing needle; 4 — fragment of a needle-case; 6 — scraper for planing wood; 7 — "ice-pick"; 8—9, 11 — pendants; 10 — preform. 1—5, 8, 10 — Kokahrovsko-Yurjinskaya II, layer III; 6 — Beregovaya 2, cultural layer IV; Kokahrovsko-Yurjinskaya I, Mesolithic layer.

эмали, а со стороны эмали процарапывались насквозь. Вероятно, подвеской является фаланга северного оленя с тонкой кольцевой канавкой на одном конце (рис. 8: 11), найденная на Кокшаровско-Юрьинской I стоянке. Подобная находка есть также в материалах святилища Камень Дыроватый.

Технология изготовления костяных и роговых изделий в среднем мезолите сохраняется в целом черты, выявленные на материалах раннего мезолита. Применяются все известные ранее способы обработки — ударная ретушь, оббивка, скобление, строгание, грубая и тонкая шлифовка, пиление, рубка и отеска каменным рубящим орудием, прорезание пазов/канавок резцом и резчиком, сверление, гравировка, полировка. Вместе с тем фиксируются отдельные новые приемы обработки кости, не отмеченные до сих пор. Выбор сырья также традиционен. Как и в предшествующий период, используются преимущественно крупные трубчатые кости ног, лопатки, ребра крупных животных, рога лося, нижние челюсти бобра, добавляются грифельные кости для изготовления шильев (рис. 6: 7), суставные кости конечностей лося — для подпятников, обломки резцов бобра — для изготовления подвесок (рис. 8: 8—9), верхний резец бобра — для струга по дереву (рис. 8: 6).

Серия пластин-заготовок (рис. 8: 10; 9) из крупных трубчатых костей, потерянных, сломанных или брошенных на разных стадиях обработки, показывает, что в среднем мезолите сохраняется техника получения таких заготовок при помощи продольного раскалывания (рис. 9: 4) или продольного разрезания кости и разбивания по надрезам на пластины. Стенки пазов для членения диафиза на пластины хорошо видны на заготовках (рис. 8: 10; 9: 1—3, 5). Оба эти способа применялись с раннего мезолита. Обычно для дальнейшей черновой обработки пластин-преформ использовались либо оббивка и уплощающая ударная ретушь, либо скобление, а затем строгание. Такая последовательность операций выявлена на предметах раннего, среднего и позднего мезолита в V, IV, III культурных слоях Второй Береговой торфяной стоянки (Жилин, Савченко 2010б; Савченко 2010), в Лобвинской и Шайтанской пещерах (Чаиркин, Жилин 2005), Шигирской коллекции (Савченко 2005; 2006; 2007; 2011а; 2011б), а также на восточноевропейских материалах (Жилин 2001). Отличительной особенностью комплексов Кокшаровско-Юрьинских стоянок является преимущественное использование для черновой первичной обработки костяных пластин-преформ или оббивки

и ударной ретуши, или продольного строгания, но не скобления. Основным формообразующим приемом обработки в данных комплексах выступает продольное строгание. Продольное скобление отмечено единично. Мы видим здесь, на двух расположенных рядом стоянках, предпочтение одних технических приемов обработки материала другим, тоже известным. Это позволяет предположить существование единой, имеющей отличительные черты, технологической традиции, распространенной, возможно, на небольшой территории, у группы населения, занимавшей в мезолите берега Юрьинского палеозера (Жилин и др. 2012: 97).

Длину заготовки могли уменьшать при помощи кольцевых надпилы, по которым заготовка обламывалась. К отходам производства относится обломок заготовки с сохранившейся на одном краю стенкой надреза, служившего для разделения кости на заготовки, с обломанным противоположным краем. Дистальный конец заготовки сломан по кольцевому надпилу. При этом сохранился еще один надпил от предыдущей неиспользованной разметки, а также пологие срезы на проксимальном конце (рис. 9: 2). Для черновой обработки краев, для уменьшения ширины и уплощения пластин-заготовок часто использовали оббивку и уплощающую ударную ретушь. Представлены обломки заготовок с оббивкой и ретушью одного края с внутренней стороны (рис. 8: 10; 9: 5); обломки с оббивкой и ретушью обоих краев с внутренней стороны (рис. 9: 4); обломок заготовки с краевой оббивкой с двух сторон, но чаще с вентральной; обломок кости с частично оббитым краем. Об использовании оббивки и ударной ретуши говорит также наличие в коллекциях костяных отщепов. У обломков заготовок с Кокшаровско-Юрьинской II стоянки наблюдается выравнивание одного края строганием с одной стороны, а на обоих краях видны стенки пазов от членения кости (рис. 9: 1, 3). Ни на одном из найденных фрагментов заготовок нет одновременного использования оббивки и строгания.

Ребра животных обрабатывались путем продольного состругивания края до губчатой массы, после чего они расщеплялись клином. Рог расчленялся при помощи надрубов до губчатой массы и затем обламывался. Ударной ретушью и шлифовкой выровнен край излома гребня лопатки на одном из широких ножей.

На острие рогагины с Кокшаровско-Юрьинской II стоянки выявлены следы нового приема моделировки преформы с помощью косого резания углом массивного резца.

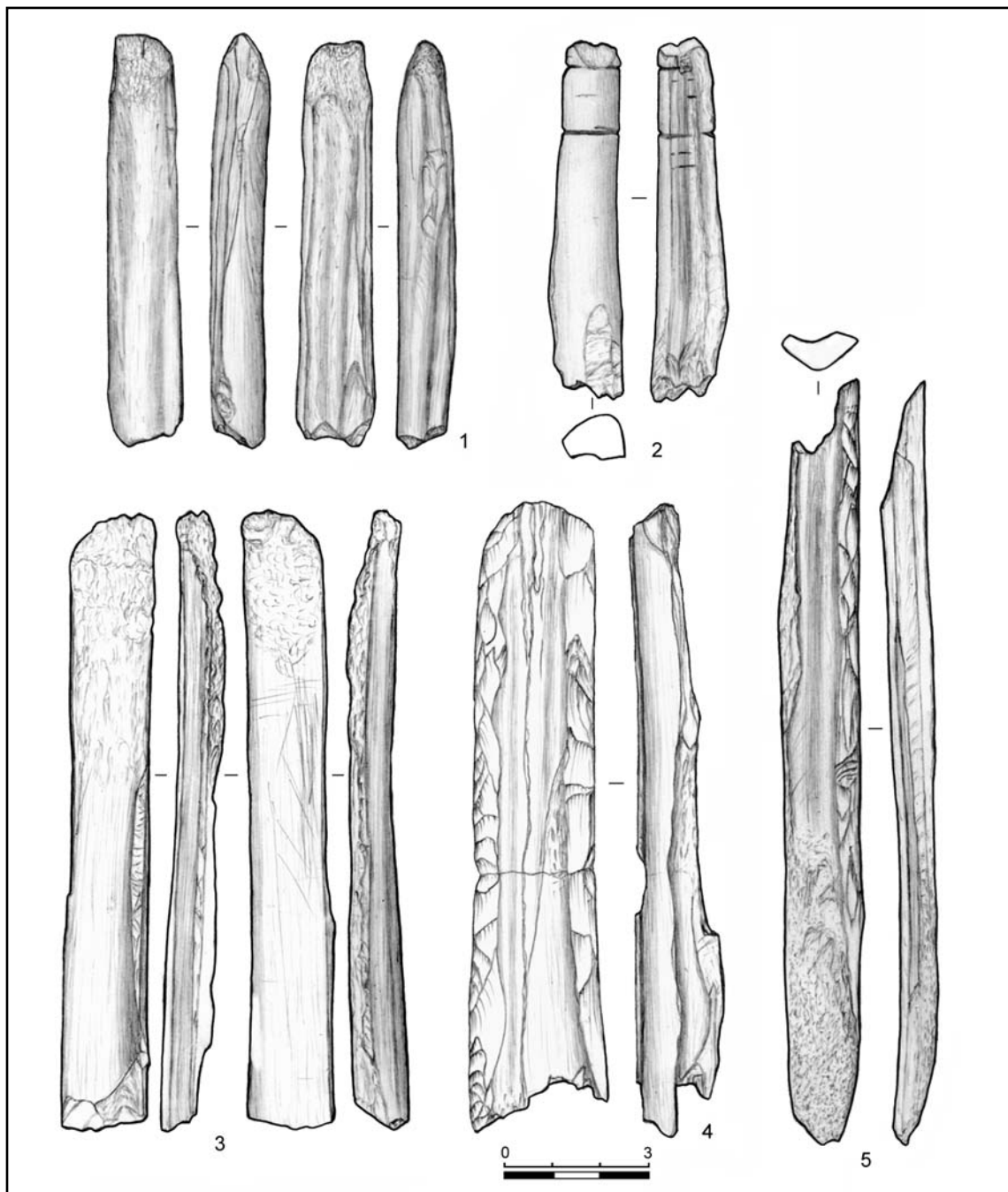

Рис. 9. Средний мезолит. Стоянка Кокшаровско-Юрынская II, культурный слой III. Костяные пластины-заготовки.

Fig. 9. Middle Mesolithic. Kokahrovsko-Yurjinskaya II, layer III. Bone splinters.

Такой прием обработки кости не был отмечен на уральских раннемезолитических предметах. Следы резца перекрыты на рогатине следами скобления и последующего продольного строгания (Жилин и др. 2012: 87). Возможно, с помощью резца также были оформлены и другие предметы, но следы его использования могли быть утрачены в ходе последующей обработки.

Так же, как и в предыдущий период, после придания заготовке общей формы прорабаты-

вались детали. На наконечниках с утолщенной головкой выполнялись уступы и рельефные пояски, которые намечались кольцевыми канавками, пропиленными или прорезанными по периметру головки, после чего лишняя масса кости снималась продольным строганием. На зубчатых остриях и наконечниках гарпунов выстругивались зубцы. На вкладышевых орудиях прорезались пазы. Для этого на краях изделий подготавливалась площадка паза. На краю заготовки узкого плоского асимме-

тричного наконечника из «клада» со Второй Береговой торфяной стоянки площадка выстругана, но паз еще не прорезан (рис. 5: 10). После прорезания пазов, при дальнейшей обработке орудий, края площадок убирались, поверхность изделия выравнивалась чистовым строганием. Как и в раннем мезолите, значительная часть изделий после чистового строгания обрабатывалась тонкой шлифовкой и полировалась, частично или полностью. Если наносился гравированный орнамент, то он выполнялся перед шлифовкой и полировкой.

Анализ уральской костяной индустрии среднего мезолита показал ее тесную связь с костяной индустрией предшествующего раннемезолитического периода. В среднем мезолите сохраняются функциональные группы, категории и морфологические типы костяных и роговых изделий, бытовавшие на предыдущем этапе, а также технология их изготовления. Дальнейшее развитие костяной индустрии в этот период нашло выражение в появлении новых функциональных групп (орудия по обработке камня, землекопные орудия и др.), категорий (наконечники рогатин, швейные иглы, игольники, подпятники для лучкового сверла и пр.), типологических групп и типов орудий, а также в использовании нового приема черновой обработки кости — объемного резания массивным кремневым резцом.

Поздний мезолит соответствует рубежу бореал — атлантик и началу атлантического периода примерно 8000—7400/7300 некалиброванных радиоуглеродных лет назад. Около 7400/7300 лет назад в лесном Зауралье появляется раннеолитическая керамика. Пыльцевые спектры рубежа бореал — атлантик отражают похолодание (увеличение количества пыльцы кустарниковых берез), фиксируемое по палеогеографическим данным Северного полушария. В первую половину атлантического периода происходило нарастание теплообеспеченности. Преобладает пыльца сосны, уменьшается количество пыльцы березы, присутствует пыльца ели, сосны сибирской (кедра), пихты. Появляется пыльца широколиственных пород. Количество пыльцы трав уменьшается. В результате аридизации климата понижается уровень воды в озерах, усиливается зарастание мелководий водно-болотными растениями, со второй половины — конца бореального периода начинается процесс торфообразования. Пыльцевые спектры первой половины атлантического периода свидетельствуют о постепенном потеплении, пришедшем на смену похолода-

нию на рубеже бореал — атлантик, и о начале формирования лесов южнотаежного облика (Панова 2001: 57; Панова и др. 2008). Среди остеологического материала III культурного слоя Второй Береговой стоянки — единственного, исследованного раскопками поздне-мезолитического торфяникового памятника, как и в предшествующие периоды, доминируют кости лося и бобра. Найдено значительное количество костей водоплавающих птиц; присутствуют кости лесных птиц — глухаря, вальдшнепа, тетерева и др.; встречены кости медведя, волка, лисицы, северного оленя, зайца, соболя, выдры и барсука; обнаружены скопления костей рыб — щуки и окуня, образовавшиеся, вероятно, в результате чистки рыбы.

К позднему мезолиту относятся находки из III культурного слоя Второй Береговой торфяной стоянки и два кинжала из Шигирской коллекции (рис. 11). Материалы Второй Береговой стоянки и один из кинжалов (рис. 11: 2), датированный 7994±40 (AAR-14832) лет назад, относятся к рубежу бореал — атлантик, то есть к самому началу позднего мезолита. Предварительная радиоуглеродная дата второго кинжала (рис. 11: 2), полученная в лаборатории Оксфорда, в настоящее время уточняется, но в любом случае она вмещается в хронологические рамки позднего мезолита. Более поздние стратифицированные памятники этого периода и финала мезолита пока не найдены.

Основным видом охотничьего вооружения в позднем мезолите остается лук со стрелами. **Наконечники стрел** (3 ед.) включают **однокрылый наконечник без шипа на крыле** коротких пропорций с трехгранным пером, обладающий индивидуальными чертами (рис. 10: 1). Крыло завершается сглаженным уступом на переходе пера в короткий стержень, а его насад имеет уплощенно-коническую асимметричную форму. На краях наконечника и ребре дорсальной поверхности пропилены нарезки, образующие на краях зубчики, направленные не как обычно, вниз к насаду, а вверх к острию. **Двукрылые наконечники стрел** представлены коротким орудием (рис. 10: 2) с узким пером ромбического сечения, плавно переходящим в укороченный стержень с клиновидным насадом. Однокрылые и двукрылые наконечники стрел бытовали и в предыдущий период. Появляется новый тип **наконечников с утолщенной головкой** — наконечник с головкой правильной биконической формы и биконическим утолщением на стержне (рис. 10: 3). Подобные наконечники есть в Шигирской коллекции.

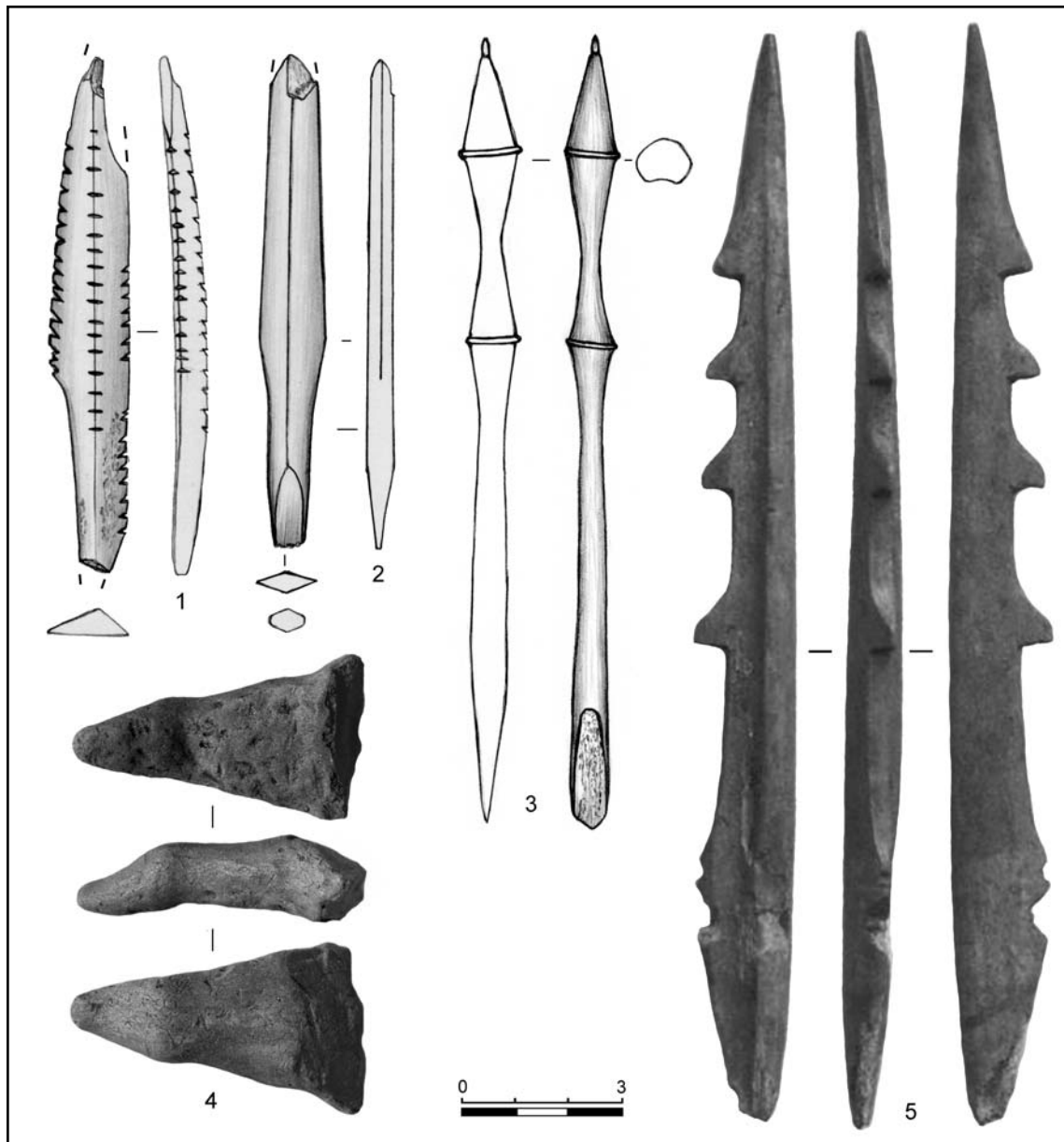

Рис. 10. Поздний мезолит. Стоянка Вторая Береговая торфяная, культурный слой III. Изделия из кости и рога (1—3, 5 — кость; 4 — рог): 1—3 — наконечники стрел; 4 — зооморфное скульптурное изображение; 5 — наконечник гарпуна.

Fig. 10. Late Mesolithic. Beregovaya 2, cultural layer III. Bone and antler artefacts (1—3, 5 — bone; 4 — antler): 1—3 — arrowheads; 4 — zoomorphic image; 5 — harpoon head.

Охотничьи ножи и кинжалы (3 экз.) представлены бытовавшим ранее типом — **прямым обоюдоострым уплощенным с пазами для вкладышей** (рис. 11: 2). Кинжал такого рода сделан из расщепленного ребра мамонта. Сечение его пазов U-образное, шириной 2 мм, глубиной до 5 мм. Судя по расположению сохранившихся вкладышей, их крепление в пазах было обратным: на одном крае вплотную друг к другу спинками в одну сторону, на другом — спинками в противоположную. В качестве вкладышей использовались микропластинки правильной огранки без вторичной об-

работки, полученные отжимным способом. Длина вкладышей 21—40 мм, ширина 5 мм, толщина 1 мм. Фиксируется краевая выкрошенность по обоим сторонам. В пазах сохранилась черная клеящая масса с блеском на изломе. Именно по клеящему веществу из паза была получена датировка, хотя сама кость не датирована.

Появляются два новых морфологических типа кинжалов. Первый — **прямой колющий массивный уплощенный с тупыми краями и естественным желобком трубчатой кости на дорсальной стороне** пред-

ставлен обломком со Второй Береговой стоянки. Аналогичные орудия есть в Шигирской коллекции. Второй — *изогнутый колющий массивный уплощенный с тупыми краями* (рис. 11: 1), изготовлен из расщепленной лопа- ты рога гигантского оленя. Заготовка для него вырезана резцом, а края обработаны продоль- ным строганием. На конце рукояти следы руб- ки кремневым теслом. Губчатая масса на его вентральной стороне срезана и подшлифова- на. Сохранились следы чистовой обработки — тонкой шлифовки и полировки. На рукояточ- ной части заметны поперечные темные поло- сы — следы обмотки кожей или растительным материалом. Данное орудие не имеет анало- гий за пределами Урала, лишь в Шигирской коллекции Государственного Эрмитажа есть два обломка острий подобных орудий, веро- ятно, также изготовленных из рога гигантско- го оленя.

Кинжал из ребра мамонта (рис. 11: 2) дати- руется рубежом позднебореального похолода- ния и раннеатлантического потепления. Дата, полученная для кинжала из рога гигантского оленя (рис. 11: 1) соотносится с началом ат- лантического периода. Гигантский олень оби- тал на Урале до середины атлантического пе- риода (Косинцев 2003), а мамонты, вероятно, дожили до начала пребореала. Очевидно, дата клеящего вещества из паза вкладышево- го орудия указывает на то, что для изготовле- ния кинжала была использована сохранившая- ся кость мамонта, найденная древним чело- веком в позднем мезолите.

Орудия рыболовства представлены **на- конечниками гарпунов**. Однорядные наконечники гарпунов с клювовидными зубцами и выпиленными выемками на расширенном крае насады бытовали на Урале с раннего ме- золита. Со Второй Береговой торфяной сто- янки происходят два одинаковых подобных орудия грушевидного сечения с 4-мя редки- ми зубцами клювовидной формы (рис. 10: 5). Наконечники найдены лежащими вплотную, обухами друг к другу, в 180 см от настила из деревянных плах, проложенного в позднем мезолите через топкую заболоченную поло- су берега к озеру. Положить их на таком рас- стоянии от настила можно было только с по- мощью какого-то предмета, например, доски. Очевидно, что наконечники были помещены здесь преднамеренно, возможно, в качестве приношения (Савченко 2010).

Бытовые орудия и инструменты пред- ставлены традиционными типами орудий, бы- товавшими ранее — тремя обломками **ору- дий из нижних челюстей бобра**, двумя об- ломками **широких ножей из лопаток**, один

из которых служил стругом для обработки сырого дерева (снятие коры, выравнивание и т. д.), и обломком **шила** с выделенной голов- кой из грифельной кости. Фиксируется новый тип орудия для обработки шкур — **двуруч- ный струг**, сделанный из крупной трубчатой кости. Его слабо вогнутое лезвие оформлено продольным строганием, а противоположный край затуплен ударной ретушью.

Особо следует отметить **стилизованное скульптурное изображение головы зверя** из отростка рога лося нестандартной формы (рис. 10: 4). Используя необычную форму от- ростка, автор подработал его вентральную по- верхность и края короткими ударами нешли- фованного долотовидного орудия, подчеркнув снизу линию головы и шеи и придав изделию еще большее сходство с головой зверя. Это первая на Урале находка рогового скульптур- ного изображения, которое достоверно дати- руется мезолитом.

В технике изготовления позднемезоли- тического костяного инвентаря четко про- слеживается связь с традициями предыду- щих периодов. Имеются обломки пластин- заготовок из крупных трубчатых костей, которые показывают, что и в этот период ис- пользуются оба способа их получения — как при помощи продольного раскалывания и оббивки краев, так и методом продольно- го разрезания кости и разбивания клином на пластины по надрезам. Несмотря на ма- лочисленность известных на сегодняшний день костяных и роговых позднемезолити- ческих артефактов, технология их изготовле- ния хорошо устанавливается по следам обработки, сохранившимся на поверхно- сти изделий. Выявленная «технологиче- ская стратиграфия» — перекрытие следов одной операции следами последующих — позволила установить последовательность приемов обработки и реконструировать эта- пы изготовления орудий. В позднем мезоли- те использовался весь комплекс технических приемов обработки кости и рога, применяв- шийся в предшествующие периоды мезоли- та и описанный выше. Соблюдается и уста- новленная последовательность операций при изготовлении орудий.

Основной тенденцией развития костяной индустрии этого этапа было сохранение пред- шествующих традиций. То, что в материалах начала позднего мезолита отсутствуют новые технологические приемы обработки, вероят- но, говорит о том, что устойчивые традиции изготовления изделий из кости и рога, опреде- лившие облик уральской костяной индустрии вплоть до неолита, сложились в целом еще

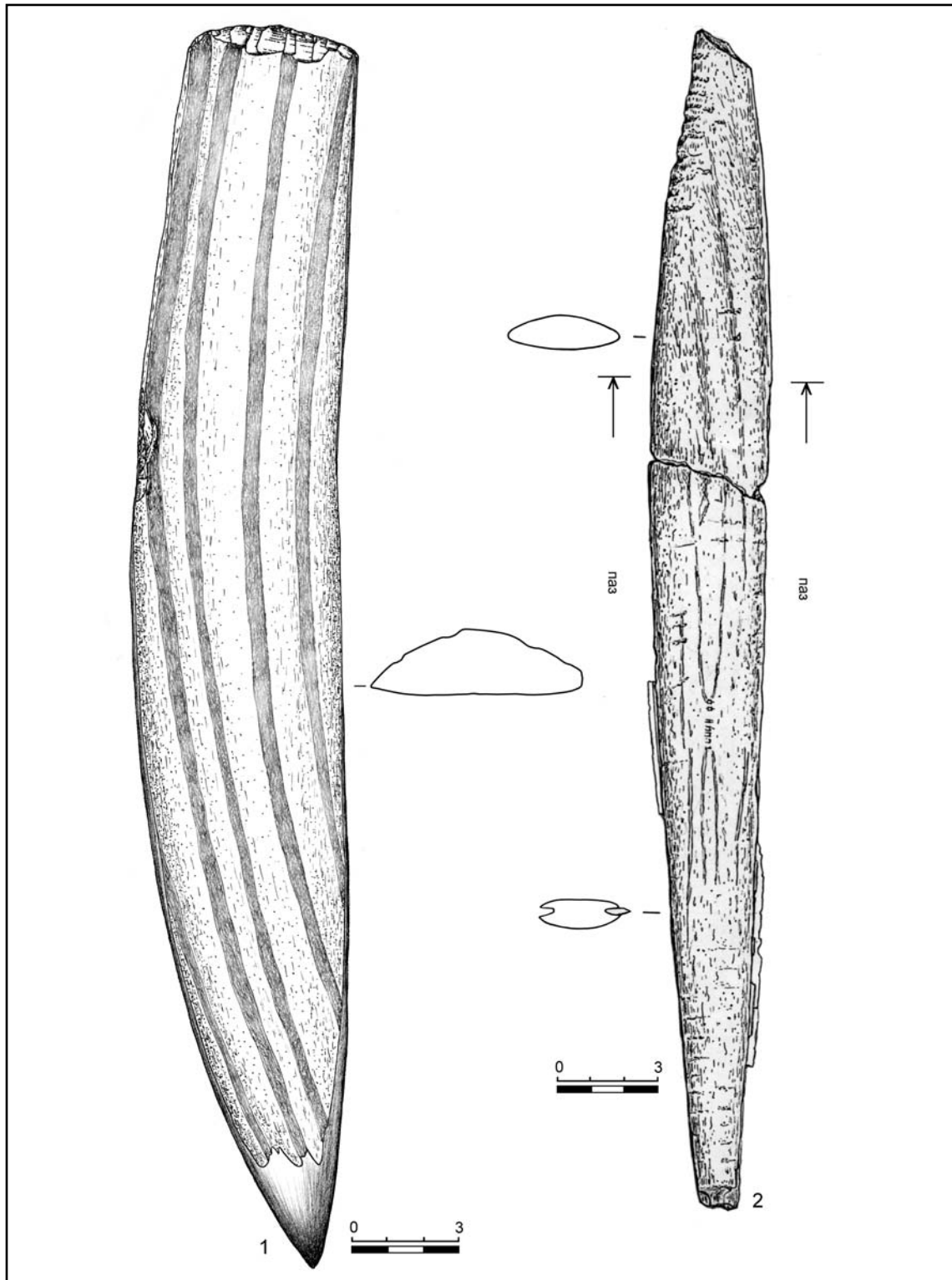

Рис. 11. Поздний мезолит. Шигирский торфяник. Кинжалы. 1 — рог; 2 — кость, кремль.

Fig. 11. Late Mesolithic. Shigir peat bog. Daggers. 1 — antler; 2 — bone and flint.

в среднем мезолите. Развитие позднемезолитической костяной индустрии нашло выражение в появлении новых морфологических типов изделий. Отсутствие в материалах этого времени многих форм (игловидных и узких плоских, в том числе вкладышевых, наконеч-

ников стрел, наконечников рогатин, ножей и кинжалов разных типов, швейных игл, рыболовных крючков и пр.), бытовавших ранее, на мой взгляд, объясняется не прекращением их бытования, а малочисленностью изученных памятников этого периода.

Благодаря тому, что сейчас получены комплексы костяных и роговых изделий раннего, среднего, позднего мезолита, а также раннего неолита, мы можем попытаться проследить развитие отдельных форм костяного инвентаря лесного Зауралья на протяжении этого времени. В раннем пребореале появляются массивные игловидные наконечники стрел округлого сечения и уплощенные, цельные и вкладышевые с одним длинным пазом. Они бытуют на протяжении раннего (рис. 2: 1—8) и среднего мезолита (рис. 5: 1—6) и, видимо, в более позднее время. В среднем мезолите появляется еще одна разновидность игловидных наконечников — тонкие округлого сечения и уплощенные (рис. 5: 8).

Известные со второй половины — с конца пребореального периода узкие плоские симметричные наконечники цельные без пазов для вкладышей и вкладышевые с двумя пазами (рис. 2: 11), возможно, являются производной формой от игловидных уплощенных наконечников. Узкие плоские наконечники с двумя пазами доживают до раннего неолита, о чем свидетельствует находка обломка нижней части такого наконечника в ранненеолитическом II культурном слое Второй Береговой торфяной стоянки (Савченко 2010). Вероятно, на основе узких плоских симметричных наконечников в это же время во второй половине — в конце пребореального периода сформировался характерный местный уральский тип — узких плоских асимметричных наконечников с одним длинным пазом (рис. 2: 9—10, 13), бытующих в бореальном периоде (рис. 5: 7, 10) и, по-видимому, позже.

Цельные однокрылые наконечники стрел с шипом (рис. 2: 12, 15) и без шипа (рис. 2: 14) на конце крыла появляются на Урале во второй половине — в конце пребореального периода, то есть раньше, чем в Восточной Европе. Орудия без шипа на крыле бытуют на протяжении всего мезолита (рис. 2: 14; 5: 16; 10: 1), а наконечники с шипом на крыле из датированных памятников пока найдены только в Лобвинской пещере, слой которой относится ко второй половине — концу пребореального периода. Очевидно, на основе цельных однокрылых наконечников на Урале появляются вкладышевые однокрылые наконечники. Однокрылые наконечники стрел без шипа на крыле с разными вариантами по количеству и расположению пазов являются специфическим типом, пока не встреченным за пределами Урала. Также имеются серии вкладышевых наконечников разных вариантов с шипом на крыле. Подобные наконечники с пазами на обоих краях пера, а также с коротким пазом

на противоположном крылу крае известны в мезолите Восточной Европы со второй половины пребореального периода, причем последний вариант бытует там до раннего неолита (Крайнов, Хотинский 1977; Жилин 2001: рис. 17; Лозовская 2001). Однокрылые наконечники с шипом на крыле и пазом на краю крыла являются специфической уральской формой. На Урале серии однокрылых вкладышевых наконечников разных типов и вариантов представлены на памятниках со смешанным или переотложенным культурным слоем (святилище Камень Дыроватый, Лаксейская пещера) и среди предметов Шигирской коллекции случайных находок (Сериков 2000: рис. 120, 122, 125—126; Калинина 2009; Савченко 2011б: 178). На сегодняшний день уральские однокрылые вкладышевые наконечники не датированы.

Цельные двукрылые симметричные (веслообразные) наконечники стрел бытуют в Зауралье в бореальном периоде (рис. 6: 1—2, 4) и доживают до позднего мезолита (рис. 10: 2). Подобные вкладышевые наконечники с двумя пазами, представленные в Камне Дыроватом и Шигирской коллекции, не датированы.

Наконечники стрел с утолщенной головкой и стержнем между головкой и насадом появляются в Зауралье в бореальном периоде (рис. 5: 11—15, 17) и бытуют в позднем мезолите. В позднем мезолите появляется новый тип таких наконечников с биконическим утолщением на стержне (рис. 10: 3).

Плоские прямые ножи с одним пазом являются в пребореальном периоде (рис. 3: 5) и продолжают бытовать в бореале. Тип изогнутых колющих роговых кинжалов с тупыми краями, представленный заготовкой в нижнем пребореальном слое Второй Береговой стоянки (рис. 3: 8), вероятно, находит продолжение своего развития в позднем мезолите в виде широких массивных орудий из рога гигантского оленя (рис. 11: 1). Появившиеся в бореале колющие кинжалы-стилеты с тупыми краями (рис. 7: 1) и прямые обоюдоострые плоские/уплощенные ножи-кинжалы с двумя пазами (рис. 7: 5) продолжают использоваться и в позднем мезолите (рис. 11: 2). Остальные типы охотничьих ножей и кинжалов (рис. 7: 2—4, 6), описанные выше, а также наконечники рогатин (рис. 6: 6), согласно имеющимся на сегодняшний день данным, бытовали на Урале в среднем мезолите.

Однорядные наконечники гарпунов с зубцами клювовидной формы бытуют на протяжении всего мезолита (рис. 3: 1—4; 6: 5; 10: 5). Цельные костяные рыболовные крючки, по-

явившиеся в пребореальном периоде (рис. 3: 7), используются на протяжении мезолита и неолита (Савченко 2013).

Из бытовых орудий и инструментов такие изделия, как орудия из нижних челюстей бобра (рис. 4: 3), широкие ножи из лопаток (рис. 4: 5), шилья (рис. 6: 7; 8: 2) бытуют в Зауралье, начиная с раннего мезолита до раннего неолита и позднее. В раннем и среднем мезолите представлены прямые плоские ножи с закругленным концом и тупыми краями (рис. 4: 1), использовавшиеся для обработки растительных материалов.

Подводя итоги, нужно сказать, что уже в раннем мезолите в пребореальном периоде в лесном Зауралье сложилась развитая костяная индустрия. Для изготовления предметов применялись все основополагающие приемы обработки кости и рога. Набор изделий был достаточно разнообразен. Он включал все основные функциональные группы орудий. Необходимо отметить высокую степень преемственности уральской костяной индустрии на всех хронологических этапах ее развития от раннего мезолита до раннего неолита. Наблюдается большое сходство техники производства костяных и роговых орудий, при наличии локальных вариантов, имеющих некоторые своеобразные черты (Лобвинская пещера, Кокшаровско-Юрьинские стоянки), во всех изученных мезолитических и раннеолитических культурных слоях зауральских памятников. Основные функциональные группы орудий, появившись в раннем мезолите, бытуют на протяжении всего мезолита и раннего неолита. Многие морфологические типы изделий существуют на протяжении нескольких этапов мезолита, есть серия типов орудий, бытовавшие с раннего мезолита до ран-

него неолита. Динамика развития костяной индустрии лесного Зауралья проявилась, прежде всего, в появлении новых категорий и морфологических типов изделий на каждом этапе ее существования.

Мезолитическая костяная индустрия Зауралья по морфологическим показателям и по технологии изготовления артефактов близка материалам мезолита лесной зоны Восточной Европы (Жилин 2001), что позволяет говорить об очевидных, может быть, опосредованных, контактах населения этой обширной территории в течение мезолита. Вместе с тем, выделяются специфические местные типы изделий, которые указывают на существование, наряду с общими, различных традиций развития у населения этих регионов. При этом обращает на себя внимание богатство ассортимента и большее типологическое разнообразие восточноевропейского мезолитического костяного инвентаря по сравнению с уральским. Это объясняется, на мой взгляд, небольшим количеством изученных стратифицированных мезолитических памятников с костяным инвентарем на Урале по сравнению с Восточной Европой. Представление о вероятном категорийном и типологическом разнообразии уральской костяной индустрии дают недатированные материалы коллекций случайных находок и памятников со смешанными культурными слоями, включающие различные многочисленные костяные и роговые изделия мезолитического облика. Дальнейшие исследования в регионе мезолитических памятников с костяным инвентарем и датирование AMS-методом предметов из смешанных коллекций позволят уточнить и существенно дополнить намеченную картину развития уральской костяной индустрии.

Литература

- Брюсов А. Я. 1952. *Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху*. Москва: Академия наук СССР.
- Волков и др. 2007: Волков Р. Б., Широков В. Н., Улитко А. И. 2007. Изделия из кости, бивня и рога с верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек. *РА* (4), 102—106.
- Жилин М. Г. 1997. Орудия из нижних челюстей бобра на поселении Веретье I. Приложение 2. В: Ошибкина С. В. *Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы*. Москва: Наука, 191—192.
- Жилин М. Г. 2001. *Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы*. Москва: УРСС.
- Жилин и др. 2007: Жилин М. Г., Антипина Т. Г., Зарецкая Н. Е., Косинская Л. Л., Косинцев П. А., Панова Н. К., Савченко С. Н., Успенская О. Н., Чаиркина М. Н. 2007. *Варга 2. Раннеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа)*. Екатеринбург: ИА РАН.
- Жилин М. Г., Савченко С. Н. 2010а. Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: опыт и перспективы комплексного исследования. *Тагильский вестник: историко-краеведческий альманах* (6), 30—42.
- Жилин М. Г., Савченко С. Н. 2010б. «Клад» костяных наконечников стрел со стоянки Вторая Береговая в Среднем Зауралье. В: Давудов О. М. (отв. ред.). *Исследования первобытной археологии Евразии*. Махачкала: Наука ДНЦ, 302—315.
- Жилин и др. 2012: Жилин М. Г., Савченко С. Н., Сериков Ю. Б., Косинская Л. Л., Косинцев П. А. 2012. *Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника*. Москва: ИА РАН.
- Калинина И. В. 2009. Орнаментальные «знаки-метки» и «графити» на мезолитических наконечниках стрел из пещеры Камень Дыроватый на р. Чусовой. *ТАС* 7, 351—372.

№1. 2014

- Косинцев П. А. 2003. Находки гигантского оленя (*Megaloceros giganteus* Blumenbach, 1803) в голоцене Урала. *Доклады Академии наук* 390 (2), 278—279.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. 1977. Верхневолжская ранне-неолитическая культура. *СА* (3), 42—68.
- Лозовская О. В. 2001. Вкладышевые орудия стоянки Замостье 2. *Каменный век европейских равнин*. Сергиев Посад: Подкова, 273—291.
- Панова Н. К. 2001. История озер и растительности в центральной части Среднего Урала в поздне- и послеледниковое время. *Охранные археологические исследования на Среднем Урале 4*. Екатеринбург: Банк культурной информации, 48—59.
- Панова Н. К., Лобанова А. В. 1995. Результаты палинологического анализа отложений Лобвинской пещеры. *Материалы по истории современной биоты Среднего Урала*. Екатеринбург, 17—23.
- Панова и др. 2008: Панова Н. К., Антипина Т. Г., Зарецкая Н. Е. 2008. Новые данные по палинологии, геохронологии и стратиграфии озерно-болотных отложений на Среднем Урале. *Палинология: стратиграфия и геоэкология 2*. Санкт-Петербург, 188—194.
- Петрин В. Т. 1992. *Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале*. Новосибирск: Наука.
- Прокошев Н. А. 1935. Район реки Чусовой. *Известия ГАИМК* 109, 176—187.
- Савченко С. Н. 2005. Кинжалы и ножи из кости и рога в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея. В: Жилин М. Г. (отв. ред.). *Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья*. Москва: Academia, 213—237.
- Савченко С. Н. 2006. Наконечники гарпунов из кости в коллекции шигирских древностей Свердловского областного краеведческого музея. В: *Пять Берсовские чтения*. Екатеринбург: Квадрат, 114—121.
- Савченко С. Н. 2007. Наконечники стрел «шигирского типа» с утолщенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея. В: Жилин М. Г. (отв. ред.). *Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене*. Москва: ИА РАН, 253—273.
- Савченко С. Н. 2010. Изделия из кости и рога торфяниковой части стоянки Вторая Береговая на Горбуновском торфянике (по материалам раскопок 2008—2009 гг.). В: *III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов*. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 136—137.
- Савченко С. Н. 2011а. Костяные наконечники стрел с пазами в Среднем Зауралье. *РА* (1), 27—37.
- Савченко С. Н. 2011б. Костяные наконечники стрел в мезолите Урала. В: Хлопачев Г. А. (отв. ред.). *Предметы вооружения и искусства в древних культурах Северной Евразии (Функциональный и технологический аспекты)*. Замятинский сборник 2. Санкт-Петербург: Наука, 153—181.
- Савченко С. Н. 2013. Костяные цельные рыболовные крючки в каменном веке Среднего Зауралья. *ТАС* 9, 218—221.
- Савченко и др. 2011: Савченко С. Н., Лилли М., Жилин М. Г. 2011. Новые AMS-даты предметов вооружения из кости и рога Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея. В: *Шестые Берсовские чтения*. Екатеринбург: Квадрат, 49—55.
- Сериков Ю. Б. 1992. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье. *РА* (4), 131—147.
- Сериков Ю. Б. 2000. *Палеолит и мезолит Среднего Зауралья*. Нижний Тагил: НГСПА.
- Хотинский Н. А. 1977. *Голоцен Северной Евразии*. Москва: Наука.
- Чаиркин С. Е., Жилин М. Г. 2005. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья. В: Жилин М. Г. (отв. ред.). *Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья*. Москва: Academia, 252—273.
- Savchenko S. 2010. Experiments on Manufacturing Techniques of Mesolithic and Early Neolithic Slotted Bone Projectile Points from Eastern Urals. In: Legrand-Pineau A., Sidéra I., Buc N., David E., Scheinsohn V. (eds.). *Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: cultural, technological and functional signature*. Oxford: Archaeopress (BAR IS 2136), 141—147.
- Zaretskaya et al. 2012: Zaretskaya N. E., Hartz S., Terberger T., Savchenko S. N., Zhilin M. G. 2012. Radiocarbon chronology of the Shigir and Gorbunovo archaeological bog sites, Middle Urals, Russia. *Radiocarbon* 54 (3—4), 1—12.

References

- Bryusov, A. Ya. 1952. *Ocherki po istorii plemen evropeiskoi chasti SSSR v neoliticheskuiu epokhu (Essays on the history of the Neolithic tribes in European part of USSR)*. Moscow: Akademiia nauk SSSR (in Russian).
- Volkov, R. B., Shirokov, V. N., Ulitko, A. I. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 102—106 (in Russian).
- Zhilin, M. G. 1997. In *Veret' e I. Poselenie epokhi mezolita na Severe Vostochnoi Evropy (Veretie I. A Mesolithic settlement in the North of Eastern Europe)*. Moscow: Nauka, 191—192 (in Russian).
- Zhilin, M. G. 2001. *Kostianaia industriia mezolita lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Bone industry of the Mesolithic of the East-European Forest Zone)*. Moscow: URSS (in Russian).
- Zhilin, M. G., Antipina, T. G., Zaretskaya, N. E., Kosinskaya, L. L., Kosintsev, P. A., Panova, N. K., Savchenko, S. N., Uspenskaya, O. N., Chairkina, M. N. 2007. *Varga 2. Ranneneoliticheskaya stoyanka v Srednem Zaural'e (opyt kompleksnogo analiza) (Varga 2. An early Neolithic site in Middle Zaural'e region (an attempt of a complex analysis))*. Екатеринбург: ИА РАН (in Russian).
- Zhilin, M. G., Savchenko, S. N. 2010. In *Tagil'skii vestnik: istoriko-kraevedcheskii al'manakh (Tagil bulletin: a historical and regional almanac)* (6), 30—42 (in Russian).
- Zhilin, M. G., Savchenko, S. N. 2010. In *Issledovaniia pervobytnoi arkheologii Evrazii (Researches into Eurasian prehistoric archaeology)*. Makhachkala: Nauka DNTs, 302—315 (in Russian).
- Zhilin, M. G., Savchenko, S. N., Serikov, Yu. B., Kosinskaya, L. L., Kosintsev, P. A. 2012. *Mezoliticheskie pamiatniki Koksharovskogo torfianika (Mesolithic sites of the Koksharov turfary)*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Kalinina, I. V. 2009. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver archaeological compilation)* 7, 351—372 (in Russian).
- Kosintsev, P. A. 2003. In *Doklady Akademii nauk (Proceedings of the Academy of Sciences)* 390 (2), 278—279 (in Russian).
- Krainov, D. A., Khotinsky, N. A. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 42—68 (in Russian).
- Lozovskaya, O. V. 2001. In *Kamennyi vek evropeiskikh ravnin*

- (*Stone age of the European plains*). Sergiev Posad: Podkova, 273—291 (in Russian).
- Panova, N. K. 2001. In *Okhrannye arkhologicheskie issledovaniia na Srednem Urale (Rescue archaeological investigations in Middle Ural region)* 4. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 48—59 (in Russian).
- Panova, N. K., Lobanova, A. V. 1995. In *Materialy po istorii sovremennoi bioty Srednego Urala (Materials on the history of modern biota in Middle Ural region)*. Ekaterinburg, 17—23 (in Russian).
- Panova, N. K., Antipina, T. G., Zaretskaya, N. E. 2008. In *Palinologiya: stratigrafia i geoekologiya (Palinology: stratigraphy and geoecology)* 2. Saint Petersburg, 188—194 (in Russian).
- Petrin, V. T. 1992. *Paleoliticheskoe sviatilishche v Ignatievskoi peshchere na Iuzhnom Urale (A Paleolithic sanctuary in the Ignatievo cave in Southern Ural)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Prokoshev, N. A. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 109, 176—187 (in Russian).
- Savchenko, S. N. 2005. In *Kamennyi vek lesnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ia (Stone age of the forest zone of Eastern Europe and Zauralie)*. Moscow: Academia, 213—237 (in Russian).
- Savchenko, S. N. 2006. In *Piatye Bersovskie chteniia (Fifth Bersov readings)*. Ekaterinburg: Kvadrat, 114—121 (in Russian).
- Savchenko, S. N. 2007. In *Svoeobrazie i osobennosti adaptatsii kul'tur lesnoi zony Severnoi Evrazii v final'nom pleistotsene — rannem golotsene (Peculiarity and particularities of the adaptation of cultures from the forest zone of Northern Eurasia in final Pleistocene — early Holocene)*. Moscow: IA RAN, 253—273 (in Russian).
- Savchenko, S. N. 2010. In *III Severnyi arkhologicheskii kongress (3rd North archaeological congress)*. Ekaterinburg: Khanty-Mansiysk: IzdatNaukaServis, 136—137 (in Russian).
- Savchenko, S. N. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 27—37 (in Russian).
- Savchenko, S. N. 2011. In *Predmety vooruzheniia i iskusstva v drevnikh kul'turakh Severnoi Evrazii (Funktsional'nyi i tekhnologicheskii aspekty) (Armament and objects of art in the ancient cultures of Northern Eurasia (functional and technological aspects))*. Zamyatinskii sbornik (Zamyatin compilation) 2. Saint Petersburg: Nauka, 153—181 (in Russian).
- Savchenko, S. N. 2013. In *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver archaeological compilation)* 9, 218—221 (in Russian).
- Savchenko, S. N., Lilli M., Zhilin M. G. 2011. In *Shesty Bersovskie chteniia (Sixth Bersov readings)*. Ekaterinburg: Kvadrat, 49—55 (in Russian).
- Serikov, Yu. B. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 131—147 (in Russian).
- Serikov, Yu. B. 2000. *Paleolit i mezolit Srednego Zaural'ia (Paleolithic and Mesolithic of Middle Zauralie region)*. Nizhny Tagil: NGSPA (in Russian).
- Khotinsky, N. A. 1977. *Golotsen Severnoi Evrazii (Holocene of Northern Eurasia)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Chairkin, S. E., Zhilin, M. G. 2005. In *Kamennyi vek lesnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ia (Stone Age of the forest zone of Eastern Europe and Zauralie)*. Moscow: Academia, 252—273 (in Russian).
- Savchenko, S. 2010. Experiments on Manufacturing Techniques of Mesolithic and Early Neolithic Slotted Bone Projectile Points from Eastern Urals. In: Legrand-Pineau, A., Sidéra, I., Buc, N., David, E., Scheinsohn, V. (eds.). *Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: cultural, technological and functional signature*. Oxford: Archaeopress (BAR IS 2136), 141—147.
- Zaretskaya, N. E., Hartz, S., Terberger, T., Savchenko, S. N., Zhilin, M. G. 2012. Radiocarbon chronology of the Shigir and Gorbunovo archaeological bog sites, Middle Urals, Russia. *Radiocarbon* 54 (3—4), 1—12.

Статья поступила в номер 2 ноября 2013 г.

Svetlana Savchenko (Ekaterinburg, Russia). The State Institution of Culture Sverdlovsk Regional Museum ¹.

Svetlana Savchenko (Ekaterinburg, Russia). Instituția Culturală de Stat „Muzeul regional din Sverdlovsk”.

Савченко Светлана Николаевна (Екатеринбург, Россия). Государственное учреждение культуры «Свердловский областной краеведческий музей».

E-mail: sv-sav@yandex.ru

Address: ¹ Malyshev St., 46, Ekaterinburg, 620151, Russia

Из истории археологии палеолита

*From the History of Palaeolithic Archaeology
Din istoricul arheologiei paleoliticului*

Е. В. Детлова, А. М. Буровский, С. В. Кузьминых

Конфликт В. А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки

Keywords: V.A. Gorodtsov, Gero von Merhart, history of archaeology, professional relations, conflict.

Cuvinte cheie: V. A. Gorodțov, Gero von Merhart, istoria arheologiei, relații profesionale, conflict

Ключевые слова: В.А.Городцов, Геро фон Мергарт, история археологии, профессиональные взаимоотношения, конфликт.

E. V. Detlova, A. M. Burovsky, S. V. Kuzminykh

Conflict of V.A. Gorodtsov and Gero v. Merhart in the Context of the History of Science

The article reveals the little-known facts about the relations of the famous European scholars — the leader of the Soviet archaeology in 1920s V.A. Gorodtsov and the Austrian archaeologist Gero von Merhart. The conflict between them occurred in 1924 and led to a break of their contacts. The authors analyze the causes of the conflict, consider the behavior of its participants, and estimate its implications for the history of archaeology.

E. V. Detlova, A. M. Burovsky, S. V. Kuzminykh

Conflictul dintre V. A. Gorodțov și Gero v. Merhart în contextul istoriei științei

Articolul prezintă unele informații mai puțin cunoscute despre relația dintre doi mari oameni de știință europeni – figura de vârf a arheologiei sovietice din anii 1920, V.A. Gorodțov, și arheologul austriac Gero von Merhart. În 1924, între acești savanți s-a declanșat un conflict profesional și personal, care a dus la întreruperea contactelor reciproce. Autorii analizează cauzele, mersul conflictului, apreciază comportamentul participanților la conflict, dar și estimează consecințele lui pentru istoria arheologiei.

E. В. Детлова, А. М. Буровский, С. В. Кузьминых

Конфликт В. А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки

В статье раскрываются малоизвестные факты, касающиеся взаимоотношений двух крупнейших европейских ученых — лидера советской археологии 1920-х гг. В.А. Городцова и известного австрийского археолога Геро фон Мергарта. В 1924 году между учеными произошел профессионально-личностный конфликт, который в итоге привел к прекращению их контактов. Авторами статьи подробно анализируются причины, ход течения конфликта, дается оценка поведения его участников, а также его последствий для истории археологии.

Самые грустные слова на земле: «И всё это могло бы быть».

Французская поговорка

Любую науку невозможно представить без личного фактора, а ее изучение — без внимания к ее непосредственным участникам и создателям. Не менее важным, чем анализ и оценка их вклада в науку, является история взаимоотношений ученых и «междуховых» связей в мировом научном сообществе. Василий Алексеевич Городцов и Геро фон Мергарт, герои нашего повествования, — ярчайшие представители своего направления в археологии первых десятилетий XX века.

Для археологии Германии фигура Мергарта имела такое же исключительное значение, как и фигура Городцова — для российской. Оба стали родоначальниками новых направлений исследований и научных традиций

и школ. Их труды и работы их учеников, лидеров советской и немецкой археологии, на долгое время определили основные векторы развития этой дисциплины не только в своих странах, но и в Европе в целом. Даже в судьбе Городцова и Мергарта можно найти немало общих черт. За плечами у обоих, помимо выдающихся достижений в науке, была армия¹,

¹ В. А. Городцов более четверти века прослужил в русской армии (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов 2011: 477, 488). Геро фон Мергарт был втянут в события Первой мировой войны и к знакомству с сибирскими древностями приступил будучи военнопленным австро-венгерской армии (Детлова 2011: 90).

роднит их и музейная работа². Наконец, оба успешно сочетали научно-исследовательскую деятельность с преподавательской: Городцов был учителем многих московских археологов³, Мергарт — основателем марбургской научной школы.

Знакомство этих ученых началось заочно. К 1920 г., ко времени первых контактов с Мергартом, Городцов уже представлял собой достаточно значимую фигуру в российской археологии. К тому времени были изданы его базовые труды по археологии России: «Русская доисторическая керамика» (1901), «Первобытная археология» (1908), «Бытовая археология» (1910), «Руководство для археологических раскопок» (1914), «Культуры бронзовой эпохи в средней России» (1915), без ознакомления с которыми дальнейшее продвижение в российскую науку о древностях было бы крайне затруднительно. Это очень хорошо осознавал Мергарт, когда практически интуитивно, располагая ограниченным багажом знаний по доистории альпийских областей и руководствуясь немногочисленными отчетами сибирских исследователей, которыми исчерпывался фонд специальной литературы в Красноярске, погружился в мир сибирских древностей.

Для того, чтобы получить работы Городцова, Мергарт обратился напрямую к автору. Вероятно, этот шаг он предпринял по совету и при содействии своего красноярского коллеги Н.К. Ауэрбаха, ученика Городцова по Московскому археологическому институту. В личном архиве Мергарта в Марбургском университете сохранился ответ российского ученого (25.05.1920), в котором тот с сожалением сообщает, что «был бы очень рад выслать Вам все книги, какие Вы просите, но, к глубокому сожалению, ни одной из них у меня нет,

так как их издания распроданы окончательно»⁴. Однако Василий Алексеевич обещал прислать сданные в печать «Археологию. Каменный период» и «Археологическую классификацию»⁵, которые «могут оказать некоторую помощь в ориентировке среди необозримой массы археологических памятников, скопившихся в разных музеях Р.С. Ф.С.Р», когда «увидят свет» (АМУ. Городцов_Мергарту. 25.05.1920).

Личная встреча ученых состоялась годом позже, летом 1921 г., в Москве, когда Мергарт после семилетней разлуки с родиной возвращался в Германию. По пути он останавливался в городах Европейской России для работы в музеях. Судьба свела его с выдающимися российскими учеными: в Казани с востоковедом Н.Ф. Катановым, географом и этнологом Б.Ф. Адлером, в Москве с археологами В.А. Городцовым и П.П. Ефименко (до 1923 г. работавшим в Риме), антропологом и этнологом Д.Н. Анучиным, в Петрограде с археологом А.А. Спицыным и многими другими. Встречи с ними Мергарт подробно описал красноярским коллегам в письме из Москвы (25.07.1921). Первые впечатления от общения с Городцовым — исключительно позитивные: «Проф. Городцов встретил меня с большой сердечностью и в первую очередь поздравил с тем, что я смог использовать свое время в Енисейской губернии без помех со стороны преемницы Петербургской Археологической комиссии»⁶. Мы сразу приступили к палеолиту, и когда я завтра принесу туда свои наброски, у нас будет первая дуэль. Это теплое чувство, когда тебя сердечно принимает столь компетентный старший зарубежный собрат по профессии» (АКККМ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 372. Л. 57).

В следующем письме, отправленном в Красноярск уже из Петрограда (24.08.1921), Мергарт более подробно остановился на некоторых нюансах своего пребывания в Москве. При этом значительное внимание он вновь уделит фигуре Городцова. Еще раз подчеркнул любезность и радушие русского коллеги («Городцов был в высшей степени любезен») (АКККМ. Ф. 1615. Оп. 1.

² В случае с Городцовым — это Российский (затем Государственный) Исторический музей (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов 2011: 486—501), для Мергарта — музей Приенисейского края в Красноярске, а также музеи Тироля и Форарльберга в Австрии (Детлова 2011: 90—95).

³ Московская археологическая школа (в лице А.В. Арциховского, С.В. Киселева, А.П. Смирнова, А.Я. Брюсова, Е.И. Крупнова, Б.А. Рыбакова, Д.А. Крайнова и др.) по сути выросла из педагогической школы В.А. Городцова 1920-х гг. В.М. Фриче (1928: 7) отмечал, что Городцов «уверенной рукой... ведет своих учеников из университетской аудитории через полевую работу в стены Института Археологии и Искусствознания РАНИОН, где вокруг него растет молодая школа, которая, отправляясь от его концепции, будет развивать ее дальше в направления уже в ней самой заложенного социологического построения истории материальной культуры».

⁴ Далее при цитировании документов из архива Мергарта в Марбургском университете вводится сокращение АМУ.

⁵ Эти работы вышли спустя годы (Городцов 1923а; 1923б; 1925; 1926а; 1926б; 1926в; Gorotsov 1933).

⁶ Имеется в виду Российская Академия истории материальной культуры, учрежденная в 1919 г. на базе Российской Археологической комиссии.

Д. 372. Л. 57), который не только оказал действие исследованиям австрийского ученого, организовав его работу в столичных музеях, но также дал высокую оценку деятельности Мергарта в Сибири в своем письменном заключении. В нем, в частности, отмечается, что «работа д-ра Мергарта — “Beitrag zur Urgeschichte des Jenisseikreises” — заслуживает полного научного внимания, так как содержит освещение обильного материала, относящегося к глубокой древности. Эту работу следовало бы немедленно издать в Р.С.Ф.С.Р., но так как издание научных трудов у нас сильно затрудняется недостатком бумаги и других типографских принадлежностей, то очень желательно разрешение на издание её за границей, куда ее следовало бы пропустить без задержек, так как она окажет честь России» (АМУ. Городцов_Мергарту. 14.08.1921). Более того, Городцов предлагает Мергарту место в Российском Историческом музее, если тот пожелает остаться в России (АКККМ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 372. Л. 65). Заурядному специалисту Василий Алексеевич вряд ли бы сделал подобное предложение.

С профессиональной точки зрения основной темой бесед ученых был сибирский палеолит. Хотя Мергарт не считал себя специалистом по каменному веку, первые его работы посвящены вопросам палеолита — и это не случайно. К тому времени именно к палеолиту, как наиболее изученной области археологии Сибири, было приковано внимание ученых на западе. Начало известности сибирского древнекаменного века положили сенсационные находки И. Т. Савенкова на Афонтовой горе в 1884 г., и уже со своего первого появления на XI сессии Международного антропологического конгресса 1892 г. в Москве палеолит Афонтовой горы привлек к себе внимание и интерес со стороны российских и иностранных археологов и стал предметом бурных обсуждений и дискуссий в научном мире.

По просьбе российских коллег Мергарт дважды выступил в Москве с докладами, посвященными енисейскому палеолиту, сначала в Обществе друзей Российского Исторического музея (29.06.1921), затем в Московском Археологическом обществе (14.08.1921). В ходе дискуссии в целом было признано наличие и самостоятельность енисейского палеолита, но мнения археологов разошлись по вопросам его датирования в соответствии с общепринятой тогда французской шкалой периодизации палеолита. Диапазон мнений при обсуждении в ОДРИМ и МАО, как

явствует из откликов Мергарта⁷ и Городцова⁸, был весьма широк.

В изложении Мергарта относительно находок в Батени российский ученый усматривал две эпохи: ориньякскую и мадленскую; П. П. Ефименко «пытался было сделать из этого неолит»; Д. Н. Анучин склонялся к поздней датировке енисейского палеолита и рассматривал его как «переход к неолиту». В изложении Городцова дискуссия протекала следующим образом. При обсуждении первого доклада именно он «должен был говорить, как присяжный оппонент, потому что никто сначала не заявлял желания возражать» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 129), а у него возражения были. Василий Алексеевич заметил, что «лёсс, относимый докладчиком к одной геологической эпохе, по всей вероятности, относится к двум смежным эпохам: 1) к межледниковой III и 2) ледниковой IV» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 129) и предположил, что флора и фауна, а также остатки индустрии в этих лёссовых отложениях будут различными. Российский ученый отмечал, что в индустрии им легко различаются орудия и ориньяка, и мадлена (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 131, 132).

Касаясь второго доклада в МАО, Городцов записал, что «нового д-р Мергарт ничего не сообщил. Он показал, что все палеолитические памятники Красноярского и Минусинского округа, залегающие в лёссе, должны быть отнесены к одному времени, именно, ориньяку: такое заключение он основывает на морфологии каменных и костяных орудий и геологических условиях залегания их в лёссе» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 134, 134 об.)⁹. Городцов в своем выступлении в МАО высказал те же

⁷ Судим об этом по его письму от 24.08.1921 г. в музей Приенисейского края после доклада в МАО (АКККМ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 372. Л. 64).

⁸ В. А. Городцов оставил довольно подробное изложение докладов Г. Мергарта и их обсуждения в записке под названием «Сибирь. Палеолит» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Выписки, заметки, конспекты по палеолиту на Кавказе, Украине, в Сибири и т. д.).

⁹ В. А. Городцов также сообщает, что П. П. Ефименко, не касаясь геологических и палеонтологических данных, отнес каменные орудия всех стоянок к древнему неолиту, очевидно, подозревая в них макролитическую культуру (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 134 об). Напротив, Д. Н. Анучин отнес эти орудия к концу палеолита. Касаясь совместного нахождения костей сайги и северного оленя, Анучин допускает возможность существования обоих видов животных в одно и то же время и в одной и той же местности несмотря на то, что северный олень считается лесотундровым, а сайга — степным животным (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 135).

мысли, что и при первом обсуждении, «добавив только, что в Батени, где найдено орудие, указывающее на принадлежность к верхнему ориньяку, очень неясные геологические условия залегания орудий, так как, по объяснению д-ра Мергарта, там находки сделаны на обнаженной поверхности галечника» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 136).

Австрийский ученый, отстаивая свое — «впрочем, с оговоркой» — суждение об отношении палеолита Енисея скорее к ориньякской эпохе, возражал оппонентам: «Слабость всех в том, что они не обладают сведениями о местах находок, но хотят соотнести факты с теориями, тогда как можно и нужно оспаривать их неправоту вескими доказательствами и новыми наблюдениями». Но при этом Мергарт сообщал красноярским коллегам, что «заседания были действительно интересными, и енисейский палеолит сейчас в мыслях людей», и выражал уверенность в том, что «когда-нибудь Городцов непременно придет к Вам».

Разногласия проявились и во время обсуждения докладов Мергарта в 1921 г., и намного позже. О «сибирском мадлене» писал П. П. Ефименко (1938), а о «енисейском ориньяке» — Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов (Ауэрбах, Громов 1935), делая акцент на «местной специфике» памятников. Разумеется, многие археологи видели орудия енисейского палеолита и знали о том, что в нем встречаются разновременные по европейской классификации типы орудий. Но московские доклады Геро фон Мергарта стали одним из первых публичных обсуждений енисейского палеолита.

Все участники дискуссии правы и неправы одновременно, потому что енисейский палеолит вообще не мадлен и не ориньяк, он не укладывается ни в какие французские схемы. В дальнейшем, чем больше становилось известно о палеолите мира, тем чаще археологи сталкивались с памятниками, синхронными ориньяку, мадлену и тарденуазу, но типологически и технологически отличными от европейского палеолита. В 1960-е гг. было поставлено под сомнение само понятие верхнего палеолита как универсальной для всего человечества стадии¹⁰.

¹⁰ Г. П. Григорьев пришел к выводу, что «верхний палеолит — явление строго ограниченное по территории — Европы и Передней Азии. Вне этой территории есть либо самый конец верхнего палеолита (последние 2—3 тысячи лет), либо элементы верхнего палеолита на всем протяжении выступают только в соединении с мустьерскими или ашельскими» (Григорьев 1968: 18).

Осенью 1921 г. Мергарт возвратился в Германию. В течение нескольких последующих лет он занимается сибирской тематикой, публикует ряд статей, посвященных различным эпохам — от палеолита до железного века. В эти годы окончательно завершается его формирование как специалиста по эпохе раннего металла. Исследования в этой области увенчались изданием в 1926 г. труда «Бронзовый век на Енисее», получившего широкую известность и высокую оценку как европейских (Tallgren 1927), так и российских археологов¹¹. Всё это время Мергарт продолжает пристально следить за достижениями и открытиями своих коллег в России и новинками специальной литературы. В поле его зрения, конечно, попадали и работы Городцова. Он ссылается на них, использует в своих работах и скрупулезно реферирует доступные ему труды, как, например, отчеты о раскопках в 1901—1903 гг. в Изюмском и Бахмутском уездах (Городцов 1905; 1907). Литературой Мергарта снабжали его друг, известный финский археолог А. М. Тальгрэн, а также российские коллеги С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов, Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский и др.

В личном архиве австрийского ученого сохранились черновики двух писем 1922 г., адресованных Городцову. Они написаны с большой теплотой и сердечностью, особенно первое из них, которое Мергарт начинает не совсем для него обычно: первый абзац, в силу глубочайшего уважения к личности знаменитого археолога, он пишет по-русски, что дается ему совсем не просто: «Глубокоуважаемый господин профессор! Вы уже думали, что я потерялся и убежал с Вашими книгами. Совсем нет. Вот — живу, работаю. Женился! Плохо вижу одним глазом. Читать, писать только левым могу. Все-таки работа идет. Сегодня послал проф. Обермайеру рукопись по енисейскому палеолиту. Кажется, что придется печатать в Нью-Йорке по-английски. Но теперь извините, если я дальше пишу по-немецки. Довольно трудно по-русски, и Вы, пожалуй, все равно не легче понимаете. Скверно пишу...» (АМУ. Мергарт_Городцову. 16.05.1922). Далее, перейдя на немецкий, Мергарт вспоминает некоторых московских знакомых, интересуется жизнью и делами самого Василия Алексеевича и даже тем (видимо, памятуя о царившем в России голоде, которого не смогли избежать и самые видные представители творческой и на-

¹¹ Судим об этом по письмам, полученным Мергартом от коллег из СССР (АМУ).

учной интеллигенции), «достаточно ли у Вас еды». Его интересуют также новые достижения в сибирской археологии, успехи коллег, ситуация с изданием археологической литературы в Советской России. Мергарт убедительно просит Городцова писать ему и по возможности посодействовать в получении его книг. В конце письма он снова возвращается к воспоминаниям о радушии своего старшего коллеги, с которым тот принимал его в Москве, об оказанной тем помощи и надеется на продолжение сотрудничества.

Второе письмо следует всего полмесяца спустя. В нем, помимо традиционных приветов коллегам и пожеланий относительно литературы, Мергарт просит также о присылке снимков некоторых находок, необходимых ему для дальнейшей работы (АМУ. Мергарт_Городцову. 01.06.1922).

Третьего письма не последовало, поскольку на предыдущие Мергарт так и не дождался ни ответа, ни просимой им литературы. Книги Городцова позднее он получил от красноярцев (АМУ. Ауэрбах_Мергарту. 28.06.1926).

Чувствуется, что отношение корифея русской археологии к своему иностранному коллеге за это время кардинально изменилось. Узнать подлинные мотивы этой перемены не представляется возможным. Первопричиной, как мы можем предположить, стал выход статьи Мергарта в «*American Anthropologist*» (Merhart 1923), о рукописи которой («*Beiträge zur Urgeschichte des Jenisseikreises. I. Paläolith*») двумя годами ранее Василий Алексеевич отзывался вполне благожелательно¹². Для Городцова, который свое видение енисейского палеолита изложил в только что вышедшем курсе «Археологии» (1923а), основываясь в основном на старых работах И. Т. Савенкова, выход статьи Мергарта в известном междуна-

родном журнале и с иной трактовкой палеолита Енисея, безусловно, стал раздражающим фактором. Представления Городцова о характере и хронологии енисейского палеолита являлись для профессионалов существенно более уязвимыми, нежели новые, неотягощенные классическими догмами периодизации европейского палеолита взгляды Мергарта. Диспут по существу между обоими учеными был бы явно не в пользу Городцова, тем более по сравнению с 1921 г., когда он спорил с человеком еще без имени в научном мире. В 1924 г. ситуация была уже иной. И Городцов прибег к дискредитации основы любого исследования — источников, на которые опирался Мергарт.

Не последнюю роль в развитии конфликта, вероятно, сыграли отношения внутри треугольника Городцов — Тальгрэн — Мергарт. Финский археолог, крупнейший специалист по эпохе раннего металла Восточной Европы, друг и многолетний корреспондент Мергарта, познакомился с русским ученым по рекомендации А. А. Спицына в 1908 г. при первом посещении Российского Исторического музея (Кузьминых 2011: 5). Тальгрэн часто бывал в России, не раз общался с Городцовым и в течение долгого времени переписывался с ним. Однако в 1920-е гг. «переписка ведется уже довольно спорадически» (Кузьминых, Сафонов 2003: 8). Как отмечают один из авторов этой статьи и И. Е. Сафонов, «в 1924 г. состоялась еще одна встреча В. А. Городцова и А. М. Тальгрена, которая, по всей видимости, послужила незримой причиной охлаждения в их отношениях» (Кузьминых, Сафонов 2003: 8)¹³. И далее ими приводится коммента-

¹² В архиве ученого сохранился оттиск этой статьи с автографом австрийского коллеги — «В. А. Городцову въ знак глубокого уваженія. Мергарт» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 487). Оттиск сопровождается 4½ страницами довольно пространного рукописного резюме на русском языке (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 487. Л. 146—148). На первой странице рукой Городцова сделана пометка — «Перевод Мергарта». То есть специально для своего старшего коллеги Мергарт сделал резюме статьи. В ней он изложил то же видение материалов енисейского палеолита, что и в своих московских докладах 1921 г., а, соответственно, не принял критику Городцова (равно как и Ефименко и Анучина). Мергарт имел на это право, поскольку — в отличие от критиков — воочию был знаком с коллекциями и сам исследовал ряд памятников. В этой связи, вспоминая о палеолите Батеней, нелепо приписывание Городцовым заслуги его открытия Теплоухову, который вовсе не нуждался в лаврах, отнятых у опального Мергарта.

¹³ Первая трещина в их отношениях, наметившаяся еще в 1916 г., — несходство позиций по вопросам культурогенеза в эпоху бронзы на территории Северной Евразии, выраженное в их только что вышедших базовых трудах по бронзовому веку (Городцов 1915; Tallgren 1916). В 1920-е гг. из множества изучавшихся русским ученым проблем разве что только работа о киммерийской культуре (Городцов 1928) и краткий очерк о культурах бронзового века на территории СССР (Городцов 1927) явились продолжением и воплощением его исследовательских планов по изучению эпохи бронзы Восточно-Европейской равнины, которые им строились в 1916—1917 гг. в продолжение труда о культурах бронзовой эпохи Средней России (Городцов 1915). К разработке этих проблем Городцов вернулся в 1930—40-е гг. (свидетельством чему его огромный неоконченный 2-й том «Археология. Палеометаллическая эпоха») (см. об истории его создания: Сафонов 2002), но в 1920-е гг. Василий Алексеевич в силу разных причин отошел от исследований в области бронзового века. Одной из них, вероятно, являлось осознание того, что более молодому финскому коллеге удалось издать обобщающую работу по эпохе бронзы

рий Городцова к беседе с Тальгреном: «В заключении мне показалось, что Тальгрэн плохо разбирается в русских древностях и едва ли верны его мысли, которые он уже много лет развивает» (Кузьминых, Сафонов 2003: 8). Но в этом случае разногласия и возможное недопонимание касаются исключительно профессиональных вопросов. Внешне на личных отношениях ученых это не отразилось: «ни тот, ни другой не позволили себе каких-либо неуважительных шагов по отношению друг к другу. Тальгрэн, сожалея об охлаждении к нему со стороны Василия Алексеевича, и в дальнейшем с неизменным почтением относился к трудам и личности русского ученого» (Кузьминых, Сафонов 2003: 8; 2014). После 1924 г. тесное взаимодействие Городцова и Тальгрэна закончилось — и прежде всего по инициативе Василия Алексеевича, хотя в 1926 и 1927 гг. он еще откликался на письма и книжные послания финского археолога. Тем не менее, разрыв между ними произошел, и тому были как объективные, так и субъективные причины¹⁴.

Уже в 1921 г., в дни знакомства с Мергартом, Городцов позволял себе критику научных взглядов Тальгрэна, и его не слишком коллегияльные ремарки в адрес финского ученого не вызвали у его гостя положительных эмоций. Мергарт в одном из писем Тальгрэну (14.10.1925) вспоминал, что еще будучи в Москве заметил, что российский археолог «усиленно подавляет Вас в цитатах...».

Но в отличие от отношений Городцова и Тальгрэна, которые плавно сошли на нет после 1924 г., финал диалога Мергарта и Городцова оказался не столь мирным. Напряженность, мимолетно возникшая во время их личной встречи, постепенно нарастала, достигнув своего апогея в том же 1924 г., и выразилась в форме открытого конфликта меж-

ду учеными. Памятуя об истории отношений с Тальгреном (Кузьминых, Сафонов 2014), а также с Е. А. Гольмштоком (Кузьминых, Вдовин 2010), можно было бы смело прогнозировать, что отношения Мергарта и Городцова рано или поздно завершились бы разрывом. Но в итоге он был ускорен конфликтной ситуацией, последовавшей после некорректных публичных высказываний российского археолога в адрес австрийского коллеги.

В начале 1920-х гг. Василий Алексеевич обратил пристальное внимание на палеолитические памятники Сибири, о чем свидетельствуют архивные материалы¹⁵. Поездка ученого в 1924 г. в Иркутск, Красноярск и Минусинск носила характер инспекции местных музеев по линии Наркомпроса РСФСР, но в немалой степени она была связана с желанием исследователя на месте ознакомиться с самими памятниками (прежде всего, с Афонтовой горой) и материалами по палеолиту в сибирских музеях. В выступлении на объединенном заседании Коллегии Музея Приенисейского края и Совета ВСОРО (31.08.1924) Городцов подвел итог своим наблюдениям и охарактеризовал состояние сибирской археологии в целом. При этом он подверг критике некоторые выводы Б. Э. Петри и Геро фон Мергарта о хронологии ряда енисейских и прибайкальских памятников, отнеся часть из них чуть ли не к металлическому периоду.

Полемизируя с С. А. Теплоуховым и Н. К. Ауэрбахом по вопросам хронологической принадлежности енисейского палеолита, Городцов, в целом согласившись с утверждением о специфичности сибирского палеолита, подмеченным Мергартом, тем не менее, позволил себе несколько не вполне корректных замечаний в адрес австрийского археолога. Первое касалось датировки палеолита у с. Батени, о котором Василий Алексеевич «раньше имел по рисункам Мергарта определенное мнение» и «склонялся датировать Батени Ориньяком» (АМУ. Протокол)¹⁶. Само орудие, которое запомнилось Городцову еще по докладу Мергарта в МАО (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 136), он пытался отыскать в Красноярске, однако «его не оказалось, так как рисунок был неверным. Или рисовальщик неправильно зарисовал, или...»

южной половины Восточной Европы (Tallgren 1926), в то время как он сам, приложивший немало усилий для изучения данной проблематики, не сумел оперативно подытожить результаты своих многолетних изысканий.

¹⁴ Тальгрэн — на глазах Городцова — из мастера вырос в мастера, признанного специалиста по бронзовому веку Северной Евразии. Высокий научный авторитет финского ученого не только в Европе, но и в СССР, возможно, явился еще одним из раздражителей самолюбия Василия Алексеевича. Негативное отношение к Тальгрэну сформировалось у Городцова к середине 1920-х гг. и сохранилось, судя по ремаркам во 2-м томе труда «Археология. Палеометаллическая эпоха», вплоть до последних дней (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 38. Л. 44, 45). См. подробнее о разрыве отношений В. А. Городцова и А. М. Тальгрэна в книге: (Кузьминых, Сафонов 2014).

¹⁵ См. их обзор: (Кузьминых, Вдовин 2011; Вдовин, Кузьминых 2012).

¹⁶ Здесь и далее «АМУ. Протокол» — это копия протокола объединенного заседания Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и коллегии Музея Приенисейского края в рукописном архиве Мергарта.

(АМУ. Протокол). В этом пассаже Мергарта задел даже не столько упрек в непрофессионализме его как художника, сколько выразительное многоточие в конце фразы, в котором он усмотрел намек на его недобросовестность и обвинение в фальсификации документа. Оскорбительными для австрийского ученого прозвучали как содержание фразы, так и форма, в которой она была высказана.

Второе замечание со стороны Василия Алексеевича в адрес Мергарта относилось к области геологии. Высказанное Теплоуховым мнение о стратиграфии местонахождения Батени, а именно: о формировании лёссовых отложений в период более позднего, ахенского колебания (в этом вопросе Сергей Александрович, скорее всего, руководствовался наблюдениями австрийского коллеги) вызвало резкое возражение со стороны Городцова: «Эти процессы: делювия и отложения лёсса входят друг в друга. Мергарт совершенное не знал учение русской школы геологов о делювии, и в этом его ошибка как ученого» (АМУ. Протокол). Содержалось даже прямое обвинение — не намек — в незнании учения русских ученых о делювии и вообще в слабом знании геологии.

Разделим эти обвинения и проанализируем их отдельно. Сначала по поводу то ли неточного рисунка Мергарта, то ли исчезновения каменного орудия. Есть много случаев, когда одно и то же орудие, зарисованное двумя или тремя разными исследователями, на рисунках принимает совершенно иной вид, и в итоге оно может интерпретироваться как разные орудия. Таким образом, за загадочным исчезновением зарисованного орудия может скрываться очень многое. В том числе есть и такая возможность: Городцов держал в руках зарисованное Мергартом орудие, но его не узнал.

Что касается четвертичной геологии, то изначально никто не определял, является ли верхний палеолит понятием хронологическим, геостратиграфическим или культурно-историческим. Было эмпирически очевидно, что палеолитическими являются все памятники определенного времени, соответствующие конкретным этапам истории плейстоцена, и что на каждом этапе памятники палеолита и в культурном отношении тождественны друг другу и отличаются от памятников других стадий. Казалась очевидной стадийная схема. Но геология Сибири была крайне плохо изучена. Схема формирования террас Енисея была создана только спустя полвека после докладов Мергарта. Конечно, Мергарт вполне мог не знать и существовав-

ших в его время разработок русских геологов, но обвинять его на этом основании в недостаточном знании геологии вряд ли стоило.

Упрек в дилетантизме для дипломированного специалиста-геолога Геро фон Мергарта был в высшей степени болезненным. Хотя сам он отчетливо осознавал, что для более точной характеристики геологии Приенисейского края его знаний, базирующихся на европейской школе геологии, недостаточно. Незадолго до этого инцидента, как бы предчувствуя уязвимость своей позиции в этих вопросах и признавая важность дальнейших исследований в этой области, Мергарт написал Тугаринову: «...Ваши работы интересуют меня чрезвычайно как фаунистические, так и палеогеографические. То, что лёсс послеледниковый или постгляциальный, правда, может встретить здесь у нас множество возражений, но лично я думаю, что Вы правы, во всяком случае, в отношении енисейского лёсса. Когда-нибудь задачей огромной важности станет проведение параллелей между делювием Европы и северо-азиатским, для чего пока что имеется так мало возможностей. Точная геология Костёнок могла бы сделать большой прогресс, в особенности найденные сейчас Ефименко великолепные статуэтки, истинное сокровище. У нас они бы бесспорно были бы ориньякскими и должны были бы быть найдены в верхнем лёссе. Но как это в России? С особенной радостью я прочитал, что вместе со специалистом-геологом Вы хотите исследовать террасы Енисея. Вы, конечно, помните, что я всегда пытался пробудить интерес к этой работе. Она крайне важна для Европы и Азии и для изучения делювия. Мне всегда очень мешало то, что моя маленькая работа о палеолите геологически подтверждена очень слабо. Она привлекла некоторое внимание, и все мы с жадностью ожидаем того нового, что должно придти к нам из Азии. Так как специалисты уже из и моих штудий уяснили, что при оценке тех областей нельзя исходить просто из европейских отношений. Ведь что значит любая работа по доистории без хорошего геологического базиса? Поэтому от всего сердца желаю Вам, чтобы у Вас было успешное лето и уже сейчас прошу о скорейшей присылке появляющихся у Вас работ, чтобы я смог реферировать их как можно скорее. В речные отложения лёсса лично я не очень верю. Тем основательнее я буду размышлять над Вашими аргументами, чтобы оценить важность дела...» (АМУ. Мергарт_Тугаринову. 26.08.1924).

Однако, помимо профессиональных разногласий, имеется еще и личностная составляющая этого конфликта, которая коренится отча-

сти в разнице менталитетов. Если рассматривать ситуацию с точки зрения межкультурного общения, то в данном случае в поведении Городцова прослеживается так называемый этноцентризм, порожденный восприятием и оценкой явлений с позиции «своей» этнической общности (Куликова 2004: 28). И не только это. Если продолжить изучать психологическую подоплеку конфликта, то можно пойти немного дальше и поразмыслить вот над каким вопросом: а что, собственно говоря, представляли собой участники конфликта и типично ли было для них такое поведение?

В 1920-е гг. В. А. Городцов являлся одним из признанных лидеров советской археологии¹⁷, став для нее «Софусом Мюллером, Жозефом Дешелеттом и молодым Чайлдом в одном лице» (Клејн 1999: 255). Лидерство Городцова выразилось не только в продолжении его научных исследований и преподавательской деятельности в Московском университете, но и в административном «ресурсе». Занимаемый им пост руководителя Археологического подотдела Музейного отдела Наркомпроса РСФСР был сродни должности «главного» или «государственного» археолога страны. Василий Алексеевич участвовал в работе множества комиссий и учреждений, включая те, что разрабатывали в советский период правовые, теоретические и методологические проблемы археологии. По роду своей службы он имел непосредственное отношение к государственному управлению музейным делом. При его участии разрабатывались и принимались законы и постановления, касающиеся учета и охраны памятников истории и культуры. Как крупный государственный чиновник и как ученый он, безусловно, стремился к переменам в музейной и научной жизни. Но помыслы эти были как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». В основе последних чаще всего была борьба за власть, особенно в отношениях с РАИМК/ГАИМК (Платонова 2010: 213).

Столь высокий статус, конечно, не мог не привести к складыванию определенной модели поведения. Обсуждение итогов инспекции сибирских музеев в Красноярске в 1924 г. — лучшее тому подтверждение. В советах Городцова явно заметны определенный диктат своего видения археологических коллекций (например, Верхоленской горы в Иркутске, Афонтовой горы в Красноярске, собрания Минусинского музея) и критика их

оценки местными археологами. Высказывания эти не во всем были верными, а упреки — справедливыми.

Для европейского археолога и русского ученого дореволюционной закваски такое поведение было и неприемлемо, и даже попросту психологически необъяснимо — но не в случае с Городцовым. Подобные конфликты сопровождали его с самого начала научной карьеры, со времени работы в Рязанской ученой архивной комиссии¹⁸.

Его оппонент — Геро фон Мергарт — человек с обостренным чувством чести, принадлежавший и по рождению, и по воспитанию, и по статусу к элите европейского общества. Ко времени конфликта о его достижениях уже было широко известно в Германии и Австрии. В России он снискал известность как автор публикаций по древней истории Сибири, на ниве которой продолжал успешно работать. Покровительственное и, быть может, не всегда уважительное отношение к мнению своих учеников, которое продемонстрировал Городцов в своем красноярском докладе, было истолковано Мергартом иначе, чем это подразумевалось в реальности. То, что русский воспринял бы гораздо проще, для немца прозвучало оскорбительно. В своем письме к красноярским коллегам Мергарт говорит: «Знаете, дорогой Аркадий Яковлевич, когда я прочел этот пассаж в протоколе, тогда

¹⁸ См. подробнее: (Толстов 2010: 10, 12, 13). Будучи руководителем Археологического подотдела Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, Городцов отказывал в выдаче Открытого листа на раскопки в Костёнках П. П. Ефименко — ведущему отечественному специалисту в области палеолита 1920-х гг. (Формозов 2006: 261), пытался лишить Открытого листа на право раскопок Абашевского могильника его первооткрывателя В. Ф. Смолина (Михайлов, Кузьминых 2003: 18, 19). Исследования на палеолитических Ильской и Тимоновской стоянках были предприняты им без согласования с открывшими эти памятники С. Н. Замятным и М. В. Воеводским (Формозов 2006: 263). Следует вспомнить и о стремлении Василия Алексеевича заполучить для РИМа из Музея Приенисейского края «все или по крайней мере часть коллекций палеолитической стоянки Афонтовой горы» под предлогом того, что в музее «не достает именно древнейших сибирских памятников» (Кузьминых, Белозёрова 2012а: 25). Вопрос обсуждался в 1925 г. в руководимой Городцовым археологической комиссии музейно-библиотечной секции Государственного ученого совета. И только благодаря противодействию С. П. Григорова и Н. М. Каринского не состоялась передача коллекции Афонтовой горы в Российский Исторический музей. Григоров посчитал этически невозможной перевозку собрания из Красноярска в Москву, справедливо отметив, что коллекция не должна быть разобщена с исследователями памятника, тем более что работы на Афонтовой горе Ауэрбах и Сосновский еще не закончили (Кузьминых, Белозёрова 2012а: 25).

¹⁷ См. подробнее о деятельности В. А. Городцова в 1920-е гг.: (Белозерова, Кузьминых, Сафонов 2011; Кузьминых, Белозерова 2012б).

я почувствовал разницу между мной и Вами. Я полюбил вас и думал, что Вы также вспоминаете об мне хорошо. Но мы оба ошиблись, мы — германцы, а вы — славяне. Т.е. разные. У нас немедленно встал бы человек и сказал бы: “В.А., мы долго работали с Мергартом и уважаем его как честного ученого, который принесет любую жертву науке. Вы делаете намек, который затрагивает честь этого человека. Мы должны просить Вас обосновать Ваш намек или взять его обратно, т.к. Мергарт — наш коллега, и мы должны сохранять честь нашего Общества незапятнанной”. Так сказал бы немец. Но вы промолчали, хотя, как я смею надеяться, никто из вас не принял слова Городцова всерьез» (АМУ. Мергарт_Тугаринову. 05.04.1925).

После ознакомления с протоколом заседания возмущенный до глубины души Мергарт направил сразу несколько писем в Россию: самому Городцову, требуя извинений, в Красноярский подотдел ВСОРГО и Музей Приенисейского края с просьбой разобраться в ситуации. В архиве Мергарта в Марбурге сохранилась копия его обращения к Городцову. Имеет смысл привести текст письма полностью.

«Инсбрук, Австрия, университет, 5.V.25

Приват-доцент д-р Геро Мергарт

Г-ну В. А. Городцову

В Исторический музей в Москве

Ваше высокоблагородие!

На заседании от 31 августа 1924 г. Красноярского отдела Русского Географического Общества, протокол которого у меня имеется, Вы высказались по случаю следующим образом: [...].

Также при неоднократном прочтении этого пункта я, полагаю, должен был понять, что возможность, на которую Вы намекаете, отмеченная в протоколе точками, может означать лишь намеренную ложную передачу объекта, т.е. научную фальсификацию.

Если я ошибаюсь в этом мнении, то прошу Вас любезно это поправить. Но если все же я понял Ваш намек правильно, то вынужден просить Вас письменно и четко взять назад этот чудовищный намек, который прозвучал на публичном собрании. В любом случае я прошу о точном объяснении, какой из моих рисунков считается вводящим в заблуждение, чтобы я, в случае, если Вы не решитесь на объяснение чести, со своей стороны смог бы предъявить дело в надлежащей форме специалистам для обсуждения.

Несмотря на это, любому специалисту, который внимательно читал мою работу о палеолите на Енисее, должно быть ясно, что

фактически это не имеет значения, кажется, будто ли объекты и т.о. также рисунки представляют шельские, ашельские или ориньякские или мустьерские формы, также должно быть ясно и то, что если бы фальсификация рисунков совсем и не вызывала интереса, то мне все же невозможно вообще не заметить хотя бы лишь и смутный намек на упрек в фальсификации, все равно, с несущественной ли стороны, или, как в этом случае, со стороны одного из известнейших специалистов России.

До сих пор я с неумещающей благодарностью вспоминал о дружеском приеме, которым Вы удостоили меня в Вашем музее и, надеюсь, могу заключить из нашего знакомства, что здесь существует ошибка, которую Вы так быстро, как это возможно, захотите устранить. Если, вопреки ожиданию, в течение следующих двух месяцев я не получу объяснения, то должен буду ради своей научной чести, предъявить это на суд наших профессиональных кругов.

Копия этого письма направлена в Красноярский Отдел».

Подобных объяснений Мергарт требует и от красноярских коллег: «В приложении Вы получите письмо, которое я сегодня пишу и которое восходит к Вашему протоколу. Я прошу Вас принять его абсолютно официально, т.к. соответствующее мнение ведь приходится на Ваш отдел и Вы все же должны, вероятно, занять определенную позицию к этому... Возможно ли, чтобы в музее, в котором я работал полтора года, какой-то человек, пусть даже и Городцов, может встать и так же только намеками обвинить меня в известной махинации... И прошу Вас высказаться о том, правильно ли я понял и почему ни один из людей, которые со мной работали, не встал и не заступился за меня, не сказал, что в Музее Приенисейского края нет никого, кто принимал бы меня за лжеца, и что мои прежние коллеги отказались от того, чтобы, выслушав такой намек, занять противоположную позицию...

И напишите мне, пожалуйста, что это за сомнительный предмет, и если возможно, вышлите мне фотографию одного. Это самое малое, чего я могу ожидать, после того, как дело зашло так далеко. Если Городцов мне не ответит, то я соответствующе обнародую дело, т.к. я не могу рисковать, что когда-нибудь оно кем-то будет подхвачено. Я не могу бросить и тень подозрения на мою честь. История, конечно, абсурдна, это правда, т.к. кроме Городцова, я сожалею, что я вследствие этого должен сказать такую вещь, кроме Городцова, в голо-

ве которого палеолит превратился в неясную путаницу, мимо которой специалисты всего мира пройдут, качая головой, не подступаясь к этому, кроме него, конечно, никто не верит, что имеет смысл сфабриковать рисунок, т.к. я ведь никогда не утверждал, что палеолит на Енисее — ориньяк. Это может прочитать любой ученый из моей работы. Только дилетант может увидеть в этом что-то другое. Я не имею ничего против, что хронологически он более поздний или, быть может, был позднее, чем наш верхний палеолит. Впрочем, Вы и не настаиваете на ахенском колебании, т.к. сам Пенк долго его не признавал. Оно намного меньшего масштаба, чем он раньше думал. И вообще сегодня бесполезно сравнивать сибирские оледенения с европейскими. Сначала Вы должны исследовать свое оледенение и потому в будущем можно будет провести параллели с нашим... Но обо всем об этом Городцов имеет смутное представление. Тогда сперва ему нужно было изучить геологию... У меня чувство, будто Городцов с неохотой признает, что я одним из первых представил свое мнение о палеолите, хотя до этого он сам ни разу не был на месте. Он спорил уже в Москве на моем докладе, когда даже Ефименко, которого я считаю лучшим специалистом России, еще говорил о кампиньи. Итак, я уже тогда сказал ему, что он сам должен ехать туда и увидеть Енисей. Сегодня немногие сомневаются в общей правильности моего толкования... Еще я, полагаю, должен сказать, что мои русские коллеги должны были выказать больше коллегиальности во время этого обсуждения, когда Городцов возводил такое невероятное и бессмысленное обвинение против меня...

И теперь я прошу Вас об ответе и об официальной проработке прилагаемого письма. В этом пункте я не позволю испытывать мое «немецкое терпение», т.к. здесь речь идет о моей чести, а она в России и Германии одна и та же...» (АМУ. Мергарт — Тугаринову. 05.04.1925).

Но сибирские ученые заняли в этом вопросе двусмысленную позицию. Смелости ознакомить австрийского коллегу с содержанием речи Городцова хватило только у А.И. Тугаринова. В переписке с Мергартон он высказывает свое несогласие с позицией Городцова («я все больше и больше перестаю соглашаться с ним, он способен вносить в науку совершенно превратные представления» — АМУ. Тугаринов_Мергарту. 8.03.1925), но не осмелился озвучить свои доводы публично.

Из участников заседания 31 августа лишь С. А. Теплоухов пытался отчасти полемизи-

ровать с Городцовым. Г.П. Сосновский, работавший когда-то рука об руку с Мергартон, никак не обозначил своего мнения, хотя писал Н.К. Ауэрбаху, что «старик (Городцов — авт.) спешил, во многом не разобрался и может себя поставить в очень неудобное, даже смешное положение с поспешностью выводов...» (Кузьминых, Вдовин 2011). Да и в регулярно отправляемых Мергарту письмах, никак не комментируя случившееся, он как о чем-то малозначащем пишет, что «летом в Сибирь для осмотра наших раскопок приезжал проф. В. А. Городцов из Москвы. Он напечатал вновь переработанный курс “Первобытной археологии”» (АМУ. Сосновский — Мергарту. 06.12.1924). Так же неопределенна и позиция Ауэрбаха, который, выражая искреннее сожаление по поводу инцидента, тем не менее, в частной переписке с Городцовым (27.04.1925) придерживается несколько иного мнения: «Я не знаю, что может наше общество ему (Мергарту — авт.) ответить. Он просит выяснить, кто прав, Вы или он. Как мы можем это решать, если не имеем рисунка, который он Вам показывал? Меня эта история очень волнует. Косвенно я причинил Вам неприятность. Я это чувствую» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 376).

Осмысливая конфликт, современные исследователи словно не замечают, что уважаемый мэтр очень низко оценил квалификацию не только иностранного коллеги, но и сибирских археологов. «Г. Мергарт был военнопленным в Красноярске, где был дружественно принят в круг музейных деятелей и при помощи их изучил древности Енисея. Изучение было спешно и под руководством довольно слабых в знании древностей Сибири местных работников» (цит. по: Кузьминых, Детлова, Салминен 2007: 168, 169).

Конечно, провинциальным археологам, особенно музейным, в 1920-е гг. было трудно уклониться от давления, а порою и диктата «главного» российского археолога¹⁹. Именно поэтому красноярские коллеги Мергарта не воспротивились против принижения его профессионального уровня и против обвинений в подлоге. Они не возражали и против оценок самих себя и других своих коллег в недостаточной квалификации. Спокойно реагирующие и на более резкие суждения и крепкие выражения, они искренне недо-

¹⁹ См. подробнее об этой проблеме: (Кузьминых, Белозёрова 2012а; 2012б).

умевали, что же могло так задеть их австрийского коллегу. Это подтверждают их письма Мергарту, в которых они стараются сгладить впечатление от столь неприятного для обеих сторон инцидента: «Все Музеяне очень сожалеют, что причинили Вам боль своей пассивностью при выступлении Городцова 30-III 1924 г. Здесь сказалась разница между психикой русского человека и иностранца: русские часто говорят слова и не придают им значения; русские слушают такие слова и не видят в них то, что видят иностранцы, потому что знают, что это “слова”. Я думаю, что Городцев не хотел бросить на Вас тень. Музеяне ни на минуту не меняли своего мнения о Вас как о работнике, всегда и везде аккуратном, увлеченном и преданном науке. Вы получите по этому вопросу официальное мнение Географического О-ва» (АМУ. Ауэрбах_Мергарту. 04.05.1925).

В примирительном ключе реагирует и официальный орган — Совет Красноярского подотдела ВСОРГО, который не усмотрел в заявлении Городцова ничего криминального и постановил, «что у присутствовавших на заседании не было повода сомневаться в научной добросовестности Мергарта и слова проф. Городцова были поняты только как выражение разногласия в мнениях» (АМУ. Выписка из протокола заседания Совета Красноярского подотдела ВСОРГО. 20.05.1925).

От самого Городцова ни объяснений, ни извинений, ни какой-либо иной реакции Мергарт не дождался. Складывается впечатление, что его старший собрат по науке просто проигнорировал этот случай и уж тем более не имел намерения покаяться в своей оплошности. Мергарту осталось довольствоваться лишь извинениями со стороны сибирских коллег и излить свое негодование в общении с Тальгреном (07.04.1925): «Неделю назад Красноярский отдел РГО прислал мне так, между прочим, и неофициально, наряду с изображениями и письмами, протокол заседания от 31.VIII.24. Тогда Городцов делал доклад, и также там присутствовал Теплоухов. При этом, конечно, мои музейные коллеги и мой бывший ассистент... При этом я не остаю вливаюсь, конечно, на том, что Вы (и также я) играем такую незначительную роль в древней истории Енисея, как это теперь видит Городцов. Это такие мелкие слабости ученых, которые тем понятнее, т.к. мы ведь оба иностранцы... Городцов уже в Москве... высказывался против моего понимания палеолита и полагал, что речь идет о двух смешанных, секундарно залегающих культурах. Я еще по-

советовал ему ехать туда, откуда я прибыл, а именно на место находок, чтобы увидеть то, что, как мне казалось, увидел я, т.е. одну культуру, но которая датируется не нижним палеолитом, а верхним, и это представлено в одной фации, которую можно сравнить с ориньяком, но только спорадически, и нельзя каждый раз измерять западным масштабом... Городцов будто бы с сомнением допускает наличие двух культур, т.к. точность вообще нехарактерна для их дискуссии, но зато он признает мадлен и защищает это не без горячности перед людьми, которые узнали это от меня. Прекрасно, против этого нечего возразить... Я доволен тем, что палеолиту там снова дан импульс... Я не считаю это тем или иным, а совершенно особой фацией, сибирским верхним палеолитом. А вид, как и возраст европейских элементов, нельзя проанализировать так быстро. Нужно ведь учитывать всевозможные запаздывания и геологические особенности, а это — совершенный X, которого мы не знаем...» (РОНБФ. Coll. 230.9).

В другом письме (19.09.1925) финскому коллеге Мергарт, отбросив немецкую сдержанность, в полной мере дает волю своему гневу и не стесняется в выражениях, допуская довольно эмоциональные фразы (которые он, кстати, порой пишет по-русски): «Мне прислали отрывки из “Древнего мира” от 1 августа 1924 г., где Городцов докладывает о раскопках и исследованиях [19]19—23 [гг.]²⁰ и для вида неоднократно упоминает, что там также работал некий Мергарт. Я даже не требую того, чтобы замечали то, при каких условиях работал этот человек и чего ему стоил этот приступ идиотского идеализма. Но всецело замалчивать мое участие в работе — это сильно. И рассказывать на стр. 12, что Теплоухов открыл палеолит Батени, это чуть ли не фальсификация фактов. Эх, наплевать! Хорошенькая любовь! Со стороны тех, кто еще в Москве пытался оспаривать мой доклад, это я видел собственными глазами! Черт возьми!» (РОНБФ. Coll. 230.9).

Не менее резок он и в нескольких последующих письмах, в которых звучит досада не только в адрес конкретно Городцова: «Если я вообще еще понимаю русский язык, то сей муж открыто дает понять, что я намеренно дал ложную информацию. Прочитайте это, пожалуйста, точно! Вы понимаете это как-то иначе? Я отхожу от существенной абсурдности упрека. Кто читал мою работу с пониманием,

²⁰ Речь идет о статье: (Городцов 1924).

то знает, что для меня не было и не есть интересно, открыт ли, например, в Батени случайно именно шельль или именно мустье или еще один предмет, подобный ориньякскому, уже даже из-за того, что я не смог изучить там геологию... Но другая сторона упрека, человеческая, вызывает на моем лице истинно германский гнев. К сожалению, Городцов для меня “недосягаем”. Я написал ему, и Отделу, и Теплоухову... Но бессильный гнев из-за такой подлости со стороны человека и музея, в котором я служил науке в условиях таких тяжелых лишений и жертв, грызет мою душу. Мне вдвойне бросается в глаза, что я никогда не получал от Городцова ни одного отдельного оттиска, ни одного ответа на мои письма. Нет, действительно недостойно так далеко проявлять шовинизм. Напишите мне, что Вы думаете и могу ли я что-то сделать, чтобы не бегать вокруг как человек, которого можно безнаказанно упрекать в фальсификации — пусть даже и так, по-азиатски завуалировано. Отделу я высказал свое мнение о том, что они безнаказанно выслушивали то, что члена их отдела так оскорбляли. Но парни сочтут за лучшее дипломатически промолчать, я ведь знаю их. Они милые люди, но все же азиатя!...» (РОНБФ. Coll. 230.9).

Последствием этого инцидента стало после 1924 г. некоторое охлаждение во взаимоотношениях Мергарта с русскими коллегами в целом²¹. А имя своего оппонента австрийский ученый до некоторой степени вообще предаёт забвению. В мемуарах, которые он закончил к 1925 г., несмотря на значимость персоны Городцова для российской науки и лично для Мергарта в дни его пребывания в Москве

²¹ В письмах Тальгрону Мергарт с горечью отмечает, что «...только русские не замечают того, как много было открыто не из Москвы (из Цюриха)», «я могу действительно заболеть от такого коварства. Я приучаю себя к мысли, что я ненадолго пришел в эту жизнь, но еще не переживал того, чтобы меня принимали за мошенника!!! я слишком возмущен, как и все эти дни с тех пор, как получил протокол, из которого увидел, что люди, которых я считал друзьями или доброжелательными коллегами, в действительности злые враги. Это причиняет боль!» (14.10.1925); выражает сомнение в истинности дружеских чувств своих русских друзей («Если меня в России еще любят, то очень незаметно и так, что я этого не замечаю, и иногда даже так скрытно, что у меня складывается впечатление, что там с явной неохотой смотрят на то, чтобы я принимал участие в тамошней доистории. Эх, Михаил Маркович, разве у России не два лица, а Вы, желая доставить мне радость, рассказываете только об одном?» (19.09.1925). Даже обращается к Тальгрону, вместо привычного «дорогой господин профессор» или «Михаил Маркович», как к «соратнику в борьбе со стерегущими сокровища русскими драконами».

в 1921 г., имя Василия Алексеевича не упоминается вовсе. Видимо, описанный выше профессионально-личный конфликт стал причиной того, что первоначальный вариант рукописи, над которым Мергарт начал работать незамедлительно после возвращения на родину, претерпел существенные изменения, и эпизод с Городцовым не был включен в окончательный вариант произведения.

Тем не менее несколько лет спустя Мергарт решил возобновить отношения с русским коллегой. Этот шаг характеризует Геро Вальтеровича²² как ученого, который ради науки готов заглушить эмоции и переступить через собственные обиды. Пойти на это его побудил тот факт, что Василий Алексеевич по-прежнему оставался одной из ведущих фигур в русской археологии. Мергарт, как и другие европейские ученые, занимавшиеся в 1920-е гг. проблемами археологии Северной Евразии (Т. Арне, Ю. Айлио, А. М. Тальгрэн, Э. Миннз, Ф. Ганчар, М. Эберт и др.), ощущал острый недостаток для своих исследований в русской литературе. Единственным источником пополнения информации для большинства западных ученых оставались личные контакты с коллегами из СССР.

В итоге Мергарт вновь обращается к Городцову за содействием (9.01.1925): «Глубокоуважаемый и дорогой господин профессор! Вы меня совсем забыли? Неужели мои работы настолько плохи, что Вы их полностью игнорируете? И Вы больше не хотите признать меня внесшим вклад в русскую археологию? Мне написали, что Ваша Археология²³ снова появилась. Я должен, должен, должен ее иметь. Неужели я не заслужил отдельного оттиска? Я пишу рефераты по русской археологии в Венский доисторический журнал²⁴, но едва ли узнаю, что у Вас напечатано, не говоря уже о том, чтобы получить ту или иную Вашу работу. Это очень печально для меня, т.к. я все еще работаю над проблемами русской и сибирской археологии и должен даже об этом написать книгу...²⁵ Пожалуйста, дайте знать что-нибудь о себе и помогите мне получить Ваши работы. Что слишком дорого, чтобы быть подаренным, то это я могу опла-

²² Так по-дружески именовал его иногда Тальгрэн, когда они обсуждали проблемы русской археологии.

²³ Речь идет о книге: (Городцов 1923а).

²⁴ Имеется в виду журнал «Wiener Prähistorische Zeitschrift».

²⁵ Мергарт говорит о своем диссертационном исследовании «Бронзовый век на Енисее» (Merhart 1926).

тить. Множество приветов от Вашего преданного Геро Мергарта» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 458).

Однако за исключением первого и единственного письма 1920 г. Городцов не удостоил австрийского коллегу ответными посланиями и своими произведениями. Почему же Городцов в своем поведении так далеко вышел за рамки не только элементарной вежливости, но и обычного коллегияльного поведения? Это — несмотря на важность развития международных научных связей и в особенности с Геро Мергартом, для которого русская археология в силу жизненных обстоятельств стала родной и для развития которой он готов был трудиться и по возвращении на родину. Кроме того, такие связи в 1920-е гг. не только не были опасны, но часто поддерживались властями — по крайней мере, не запрещались и ничем не грозили.

Объяснить это можно только тем, что Мергарт вызвал личное и очень сильное раздражение Городцова. Вероятно, австрийский ученый не вписывался в образ специалиста, подчиненного «главному» археологу России. Тому, кто сам и по собственным представлениям будет определять, кто тут «слаб в знании древностей Сибири», а кто не слаб.

Однако сказать, что Городцов забыл о Мергарте, значит слухавить. Некоторые из статей, как мы уже вспоминали, он получил непосредственно от автора. Так что достижения австрийского ученого в эти годы так или иначе были ему известны. Тем примечательнее оценка главного труда Мергарта в области евразийской археологии — книги «Бронзовый век на Енисее» (Merhart 1926). Книга, как известно, получила благожелательные и даже восторженные отзывы, в том числе публичные (Tallgren 1927), европейских и советских археологов. Городцов был единственным, кто предельно низко оценил этот фундаментальный для своего времени труд. Его оценки минусинского бронзового века в начале 1920-х гг. существенно расходились с работками австрийского археолога и первыми наметками культурно-хронологической схемы С. А. Теплоухова²⁶, основанными не на впечатлениях, а на анализе массового материала из погребальных комплексов.

В противовес своему прежнему позитивному мнению о ранних работах австрийского ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 134; АМУ. Городцов_Мергарту. 14.08.1921), он вы-

сказался о ней довольно пренебрежительно: «Г. Мергарт был военнопленным в Красноярске, где был дружественно принят в круг музейных деятелей и при помощи их изучил древности Енисея. Изучение было спешно и под руководством довольно слабых в знании древностей Сибири местных работников. Таким образом, он отнес древнейшую металлическую культуру Енисея к бронзовому времени (палеометаллов). На самом же деле она может относиться только к ранней поре неометаллической эпохи. Все просмотренные мною бронзовые кельты не ранее XIV века до н[ашей] эры. Мергарт даже... и эту культуру... уменьшает до (1000 л.) X в. ранее н[ашей] эры, а это совпадает с развитием культур неометалла, т. е. со временем, когда человечество было хорошо известно (т. е. знакомо — авт.) с железом. В общем работа довольно слабая, и нужно удивляться, что за такую работу Мергарт получил в Германии звание доктора. Эта работа самое большее дает (т. е. дает — авт.) право на кандидата к ученым степеням» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 197. Л. 56)²⁷.

Этот конфликт настолько иррационален, что невольно хочется найти ему хоть какое-то осмысленное объяснение. Не получается. У Городцова полностью отсутствуют серьезные причины говорить и о непорядочности Мергарта, и о его низкой квалификации. Только в одном случае речь идет не просто о расхождении во взглядах, а о некоем провале в профессиональных познаниях Геро Мергарта: когда, возможно, Городцов «уличил» его в незнании разработок российских геологов. Но даже если так и было, это никак не может быть основанием для каких-то обвинений в незнании геологии. Во всех же остальных случаях австрийский ученый проявлял познания не меньшие, чем другие археологи. И это косвенно признавал сам Городцов, предлагая Мергарту постоянную работу в Российском Историческом музее.

За этим конфликтом вряд ли следует усматривать что-то иное, кроме личностно-научного фактора. Конечно, при желании многое можно списать на то, что Городцов вел себя на злополучном заседании 31.08.1924 г. в Красноярске как крупный правительственный чиновник, бюрократ от науки и культуры, «главный» или «государственный» археолог

²⁶ См. об истории их создания: (Китова 2010: 169, 171).

²⁷ Мергарт, к счастью, не знал о столь неместном отзыве, поскольку он не был публичным. В рукописном архиве Городцова немало таких записей «на манжетках», дневникового характера, сделанных сугубо для себя. Но прошли годы, и тайное стало явным.

страны, ненавистник Германии и немцев²⁸, но это не объясняет его поведения в споре с Мергартом. Личностно-научный фактор, как и в случае с Тальгреном, всё расставляет по своим местам.

Мергарт также вел себя не идеально, позволяя себе обвинения, порой граничащие с расизмом. Но мы прекрасно знаем, что расистом он не был. Пройдет немного времени, и в Третьем рейхе он потеряет работу, поскольку окажется не в силах постичь всю глубину расовой теории. Но ведь среди немецких археологов было немало тех, кто вел себя совершенно иначе²⁹. Фактически в этой конфликтной ситуации Мергарт стал жертвой складывающейся в Советской России системы научной бюрократии. И пострадал австрийский археолог от человека, который сам спустя пять лет, с началом «великого перелома», станет жертвой этой системы, лишившись большинства постов и должностей (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов 2011: 500, 501). «Советская» археология как бюрократическая система создавалась не Городцовым, а его учениками. Для них он уже не кумир и авторитет в науке, а образчик «старой» археологии, которого можно обвинить в поклонении «вещеведению», «формальной типологии» и других грехах (Формозов 2006: 262, 263).

Оценим последствия конфликта с точки зрения развития археологической науки. Итог по-

лучается неутешительный. Не только не были расширены, но разорвались перспективные международные связи сибирских археологов. Мергарту не удалось продолжить ту научную работу, которая стала бы вкладом в развитие российской археологии. Труды «буржуазного» специалиста о каменном и бронзовом веках Сибири на долгие годы ушли «в тень», стали лишь строкой в историко-научных очерках. Советские археологи, и особенно молодое поколение, лишились в лице Геро Вальтеровича заинтересованного читателя, желавшего донести до западных коллег информацию об археологических исследованиях в СССР. Его бывшие коллеги по работам в Сибири не получили той литературы, которую Мергарт охотно бы им предоставил. Но еще больше они потеряли, когда лишились многих советов, консультаций и рекомендаций «доктора», на которые могли бы рассчитывать. Одним словом, наука, и российская в первую очередь, понесла существенный урон.

На этом в истории взаимоотношений двух больших европейских ученых пока можно поставить точку. Перефразируя эпитафию, это грустная история, которой могло бы не быть. В ней больше вопросов, чем ответов. История эта поучительна тем, что вновь и вновь заставляет задуматься — насколько же важны и в жизни, и уж тем более в науке нравственные ориентиры и этические нормы.

Литература

- Ауэрбах Н. К., Громов В. И. 1935. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок близ Красноярска. *ИГАИМК* 118, 219—244.
- Белозёрова И. В. 2010. Жизнь и научная деятельность В. А. Городцова в годы Великой Отечественной войны (по материалам личного архива в ОПИ ГИМ). В: Каменецкий И. С., Сорокин А. Н. (отв. ред.). *Человек и древности*. Москва: Гриф и К°, 690—702.
- Белозёрова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. 2011. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения). *Российский археологический ежегодник* 1, 472—510.
- Васильев С. А. 2008. *Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Вдовин А. С. 2008. Поездка В. А. Городцова в Сибирь (1924 г.). *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале* III. Москва, 197—199.
- Вдовин А. С., Кузьминых С. В. 2012. «Первобытные древности Сибири меня всегда интересовали»: В. А. Городцов и археология Сибири. В: Советова О. С. (отв. ред.). *Археология Южной Сибири* 26. *Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Мартынова*. Кемерово: КемГУ, 49—54.
- Городцов В. А. 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 г. *Труды XII Всероссийского Археологического съезда* 1. Москва, 174—225.
- Городцов В. А. 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии 1903 года. *Труды XIII Всероссийского Археологического съезда в Екатеринославе* 1. Москва, 210—285.
- Городцов В. А. 1915. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. *ОИРИМ за 1914 год*. Москва, 121—226.
- Городцов В. А. 1923а. *Археология*. Т. I. *Каменный период*. Москва; Петроград: Государственное изд-во.
- Городцов В. А. 1923б. Археологическая классификация.

²⁸ Это отношение возникло у Городцова как у бывшего офицера русской армии в годы Первой мировой войны и окрепло в канун и во время Великой Отечественной войны (Белозёрова 2010). Его сыновья вернулись с фронтов мировой войны израненными и искалеченными, погиб жених дочери (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов 2011: 496, 497). Это стало главной причиной его антигерманских настроений.

²⁹ Примером тому жизнь и судьба видного немецкого археолога Герберта Янкуна (1905—1990) — убежденного сторонника национал-социалистической идеологии (см. подробнее: Mahsarski 2011).

- В: Никольский В.К. *Очерк первобытной культуры*. Москва; Петроград: Государственное издательство, 5—18.
- Городцов В. А. 1924. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 год. *Древний мир* 1. Москва, 2—20.
- Городцов В. А. 1925. *Таблицы по археологической классификации*. Москва: Госиздат.
- Городцов В. А. 1926а. Археологические исследования. *Большая Советская энциклопедия*. Т. III. Москва, столбцы 532—534.
- Городцов В. А. 1926б. Типологический и сравнительный методы в археологии (тезисы доклада). *Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи* 5, 1.
- Городцов В. А. 1926в. *Типологический метод в археологии*. Рязань: Общество исследователей Рязанского края.
- Городцов В. А. 1927. Бронзовый век на территории СССР. *Большая Советская энциклопедия*. Т. VII. Москва, столбцы 610—626.
- Городцов В. А. 1928. К вопросу о киммерийской культуре. *ТСА РАНИОН* 2, 46—60.
- Григорьев Г. П. 1968. *Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens*. Ленинград: Наука.
- Детлова Е. В. 2011. «Я часто вспоминаю о Красноярске и о дружбе, которую я там встретил...»: (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта). В: Карнаухова Л. Л., Сичкарь Н. И. (сост.). *Второй век подвижничества*. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 90—105.
- Ефименко П. П. 1938. *Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени*. 2-е изд., доп. и перераб. Ленинград: Соцэкгиз.
- Китова Л. Ю. 2010. Сергей Александрович Теплоухов. *РА* (2), 166—173.
- Кузьминых С. В. 2011. А. А. Спицын и А. М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века. *ТАС* 8 (II), 5—27.
- Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. 2003. В. А. Городцов и А. М. Тальгрэн: диалог в переписке. В: Шишлина Н. И. (отв. ред.). *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее*. Тезисы конференции. Ч. 1. Москва: ГИМ, 6—8.
- Кузьминых С. В., Детлова Е. В., Салминен Т. 2007. Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири. В: Чиндина Л. А. (отв. ред.). *Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья*. Томск: ТГУ, 160—173.
- Кузьминых С. В., Вдовин А. С. 2010. В. А. Городцов и Е. А. Гольмшток: (К истории советско-американских научных связей в области археологии в 1920—30-е годы). В: Иванов Д. А. (отв. ред.). *Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию В. А. Городцова*. Рязань: РИАМЗ, 48—57.
- Кузьминых С. В., Вдовин А. С. 2011. Русский археолог Василий Алексеевич Городцов и Красноярск. *Мир Евразии* 14 (3), 38—42.
- Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. 2012а. В. А. Городцов об идеальном типе археологических музеев и единой системе экспозиции археологических памятников. *Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой. Труды ГИМ* 189, 22—34.
- Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. 2012б. Русская археология на переломе эпох: В. А. Городцов в 1920-е годы. В: Вдовин А. С., Тункина И. В. (отв. ред.). *Евразийский археолого-историографический сборник*. Санкт-Петербург: С.-Петерб. филиал Архива РАН; Красноярск: КГПУ, 131—152.
- Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. 2014. *В. А. Городцов и А. М. Тальгрэн: диалог в переписке*. Москва (в печати).
- Куликова Л. В. 2004. *Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультуры*. Красноярск: РИО КГПУ.
- Михайлов Е. П., Кузьминых С. В. 2003. В. Ф. Смолин и Абашево (К истории археологического изучения Чувашии). В: Кузьмина О. В. (ред.). *Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие*. Чебоксары: ЧГИГН, 12—35.
- Платонова Н. И. 2010. *История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Сафонов И. Е. 2002. Подготовка В. А. Городцовым второго тома серии «Археология». В: Прякин А. Д. (ред.). *Археология в российских университетах*. Воронеж: Воронежский ун-т, 62—70.
- Толстов В. А. 2010. Юность и начало научной карьеры В. А. Городцова. В: Иванов Д. А. (отв. ред.). *Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию В. А. Городцова*. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 6—14.
- Формозов А. А. 2006. *Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки*. 2-е изд., доп. Москва: Знак.
- Фриче В. М. 1928. В. А. Городцов: (К сорокалетию его научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности). *ТСА РАНИОН* IV, 5—8.
- Detlova E. 2010. Die Beziehungen Gero von Merharts zu den Kollegen in Russland. In: Müller-Karpe A., Dobiat C., Hansen S., Parzinger H. (Hrsg.). *Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914—1921. Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg* 59. Marburg, 73—84.
- Gorotsov V. 1933. The typological method in archaeology. *American Anthropologist* 35, 95—102.
- Klejn L. 1999. Vasilij Alekseyevich Gorodcov (1860—1945). In: Murray T. (ed.). *Encyclopedia of archaeology: the great archaeologists*. Vol. 1. Oxford: ABC-CLIO, 247—262.
- Mahsarski D. 2011. *Herbert Janckuhn (1905—1990): Ein deutscher Prähistoriker zwischen nationalsozialistischer Ideologie und wissenschaftlicher Objektivität*. Rahnden, Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH.
- Merhart G. von. 1926. *Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens*. Wien: Verlag von Anton Schroll & Co.
- Tallgren A. M. 1926. *La Pontide préscythique après l'introduction des métaux*. ESA II. Helsinki.
- Tallgren A. M. 1927. Review: Gero von Merhart. *Bronzezeit am Jenissei*. ESA I, 189—192.

References

- Auerbakh, N. K., Gromov, V. I. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 118, 219—244 (in Russian).
- Belozeroва, I. V. 2010. In *Chelovek i drevnosti (Man and antiquities)*. Moscow: Grif i K°, 690—702 (in Russian).
- Belozeroва, I. V., Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2011. In *Rossiiskii arkhеologicheskii ezhegodnik (Russian archaeological annual)* 1, 472—510 (in Russian).
- Vasiliev, S. A. 2008. *Drevneishee proshloe chelovechestva: poisk rossiiskikh uchenykh (The Earliest History of the Humankind: search by Russian scientists)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Vdovin, A. S. 2008. In *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s'ezda v Suzdale (Works of the 2nd (18th) All-Russian archaeological meeting in Suzdal)* III. Moscow, 197—199 (in Russian).
- Vdovin, A. S., Kuzminykh, S. V. 2012. In *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of Southern Siberia)* 26. Kemerovo: KemGU, 49—54 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1905. In *Trudy XII Vserossiiskogo Arkheologicheskogo s'ezda (Works of the 12th All-Russian archaeological meeting)* 1. Moscow, 174—225 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1907. In *Trudy XIII Vserossiiskogo Arkheologicheskogo s'ezda v Ekaterinoslave (Works of the 13th All-Russian archaeological meeting in Yekaterinoslav)* 1. Moscow, 210—285 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1915. In *Otchet Imperatorskogo Rossiiskogo istoricheskogo muzeia za 1914 god (Reports of the Imperial Russian historical museum in 1914)*. Moscow, 121—226 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1923. *Arkheologiya (Archaeology)*. Vol. I. *Kamennyi period (Stone age)*. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1923. In *Ocherk pervobytnoi kul'tury (An Essay on prehistoric culture)*. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 5—18 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1924. In *Drevnii mir (Ancient World)* 1. Moscow, 2—20 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1925. *Tablitsy po arkhеologicheskoi klassifikatsii (Tables on archaeological classification)*. Moscow: Gosizdat (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1926. In *Bol'shaia Sovetskaia entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)*. Vol. III. Moscow, col. 532—534 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1926. In *Bulleten' Konferentsii arkhеologov SSSR v Kerchi (Bulletin of the Conference of USSR archaeologists in Kerch)* 5, 1 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1926. *Tipologicheskii metod v arkhеologii (Typological method in archaeology)*. Ryazan: Obshchestvo issledovatelei Ryazanskogo kraia (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1927. In *Bol'shaia Sovetskaia entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)*. Vol. VII. Moscow, col. 610—626 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1928. In *Trudy sektiarii arkhеologii Instituta arkhеologii i iskusstvovedeniia Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Works of the department for archaeology of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian association of institutes for research in social sciences)* 2, 46—60 (in Russian).
- Grigoriev, G. P. 1968. *Nachalo verkhnego paleolita i proiskhozhdenie Homo sapiens (The Beginning of the Upper Palaeolithic and the Origin of Homo Sapiens)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Detlova, E. V. 2011. In *Vtoroi vek podvizhnichestva (The second century of self-sacrifice)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 90—105 (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1938. *Pervobytnoe obshchestvo. Ocherki po istorii paleoliticheskogo vremeni (Primitive society. Essays on the history of the Paleolithic period)*. 2-e izd., dop. i pererab. Leningrad: Sotsekgiz (in Russian).
- Kitova, L. Yu. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 166—173 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2011. In *Tverskoi arkhеologicheskii sbornik (Tver archaeological compilation)* 8 (II), 5—27 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2003. In *Chteniiia, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti Vasiliiia Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom istoricheskom muzee (Readings to celebrate 100 years from the beginning of Vasilii Alekseevich Gorodtsov' activity in the State historical museum)*. P. 1. Moscow: GIM, 6—8 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V., Salminen, T. 2007. In *Arkheologicheskie materialy i issledovaniia Severnoi Azii drevnosti i srednevekov'ia (Archaeological materials and researches in the antiquity and middle ages of Northern Asia)*. Tomsk: TGU, 160—173 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Vdovin, A. S. 2010. In *Problemy izucheniia i sokhraneniia arkhеologicheskogo nasledii Tsentral'noi Rossii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu V. A. Gorodtsova (Problems of research and preservation of the archaeological heritage of Central Russia: Materials of the all-Russian scientific and practical conference, held to the anniversary of 150 years from the birth of V. A. Gorodtsov)*. Ryazan: RIAMZ, 48—57 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Vdovin, A. S. 2011. In *Mir Evrazii (World of Eurasia)* 14 (3), 38—42 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2012. In *Obrazy vremeni: Iz istorii drevnego iskusstva (Images of time: From the history of the ancient art)*. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 189, 22—34 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2012. In *Evraziiskii arkhеologicheskii sbornik (Eurasian archaeological and historiographical compilation)*. Saint Petersburg: S.-Peterburgskii filial Arkhiva RAN; Krasnoyarsk: KGPU, 131—152 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2014. *V. A. Gorodtsov i A. M. Tal'gren: dialog v perepiske (V. A. Gorodtsov and A. M. Tallgren: a dialogue in correspondence)*. Moscow, in print (in Russian).
- Kulikova, L. V. 2004. *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Na materiale russkoi i nemetskoi lingvokul'tur (Intercultural communication: theoretical and practical aspects. Basing on the Russian and German linguocultures)*. Krasnoyarsk: RIO KGPU (in Russian).
- Mikhailov, E. P., Kuzminykh, S. V. 2003. In *Abashevskaiia kul'turno-istoricheskaiia obshchnost': istoki, razvitie, nasledie (Abashevo cultural-historical entity: origins, development, heritage)*. Cheboksary: ChGIGN, 12—35 (in Russian).
- Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkhеologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX — pervaiia tret' XX veka (History of archaeological thought in Russia. Second half of the 19th — first third of 20th century)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Safonov, I. E. 2002. In *Arkheologiya v rossiiskikh universitetakh (Archaeological in Russian universities)*. Voronezh: Voronezhskii universitet, 62—70 (in Russian).
- Tolstov, V. A. 2010. In *Problemy izucheniia i sokhraneniia arkhеologicheskogo nasledii Tsentral'noi Rossii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu V. A. Gorodtsova (Problems of research and preservation of the archaeological heritage of Central Russia: Materials of the all-Russian scientific and practical conference, held to the anniversary of 150 years from the birth of V. A. Gorodtsov)*. Ryazan: RIAMZ, 6—14 (in Russian).
- Formozov, A. A. 2006. *Russkie arkhеologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki (Russian archaeologists in the totalitarian period: historiographical essays)*. 2nd ed. Moscow: Znack (in Russian).

№1. 2014

- Friche, V. M. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvovoznaniia Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Works of the department for archaeology of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian association of institutes for research in social sciences) IV*, 5—8 (in Russian).
- Detlova E. 2010. Die Beziehungen Gero von Merharts zu den Kollegen in Russland. In: Müller-Karpe A., Dobiat C., Hansen S., Parzinger H. (Hrsg.). *Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914—1921. Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg* 59. Marburg, 73—84.
- Gorotsov V. 1933. The typological method in archaeology. *American Anthropologist* 35, 95—102.
- Klejn L. 1999. Vasilij Alekseyevich Gorodcov (1860—1945). In: Murray T. (ed.). *Encyclopedia of archaeology: the great archaeologists*. Vol. 1. Oxford: ABC-CLIO, 247—262.
- Mahsarski D. 2011. *Herbert Jankuhn (1905—1990): Ein deutscher Prähistoriker zwischen nationalsozialistischer Ideologie und wissenschaftlicher Objektivität*. Rahnden, Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH.
- Merhart G. von. 1926. *Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens*. Wien: Verlag von Anton Schroll&Co.
- Tallgren A.M. 1926. *La Pontide préscythique après l'introduction des métaux*. ESA II. Helsinki.
- Tallgren A.M. 1927. Review: Gero von Merhart. Bronzezeit am Jenissei. *ESA I*, 189—192.

Статья поступила в номер 15 ноября 2013 г.

Ekaterina Detlova (Krasnoyarsk, Russia). Krasnoyarsk Museum of Local Lore¹.

Ekaterina Detlova (Krasnoyarsk, Russia). Muzeul de studii locale din Krasnoyarsk.

Детлова Екатерина Владимировна (Красноярск, Россия). Красноярский краевой краеведческий музей.

E-mail: detlova2012@yandex.ru

Andrei Burovsky (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Philosophical Sciences. Federal State Unitar Organisation “Geological Expertise”².

Andrei Burovsky (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe filosofice. Întreprinderea federală unitară de stat „Expertiza geologică”.

Буровский Андрей Михайлович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор философских наук. Федеральное государственное унитарное предприятие «Геолэкспертиза».

E-mail: burovsky@mail.ru

Sergei Kuzminykh (Moscow, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences³.

Sergei Kuzminykh (Moscov, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, Academia de Științe a Rusiei.

Кузьминых Сергей Владимирович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Addresses: ¹ Dubrovinsky St., 84, Krasnoyarsk, 660049, Russia; ² Bolshaya Gruzinskaya Str., 2, Moscow, 123242, Russia;

³ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russia

С. В. Кузьминых, И. В. Белозёрова

Переписка В. А. Городцова и Д. Н. Льва (1933—1941 гг.)

Keywords: V.A. Gorodtsov, D.N. Lev, history of archaeology, correspondence.

Cuvinte cheie: V.A. Gorodțov, D.N. Lev, istoria arheologiei, corespondență.

Ключевые слова: В.А. Городцов, Д.Н. Лев, история археологии, переписка.

S. V. Kuzminykh, I. V. Belozerova

Correspondence between V.A. Gorodtsov and D.N. Lev (1933—1941)

The correspondence between one of the founders of the Russian archaeology Vasily Alexeevich Gorodtsov (1869—1945) and David Natanovich Lev (1905—1969), an archaeologist from Leningrad, has brought to us valuable information about the history of the Institute of Anthropology and Ethnology in the 1930s. This information adds a lot to what we knew from published and archived official documents. As early as 1970 P.I. Boriskovsky and A.P. Okladnikov noted that V.A. Gorodtsov's and D.N. Lev's letters to each other "would undoubtedly serve as an important source for every historian of the Russian archaeology". The letters reflect feelings and psychology of both scholars, as well as their attitudes towards various events that took place in social and academic life. The texts are reproduced after the originals stored in the Department of Written Records of the State Historical Museum.

S. V. Kuzminykh, I. V. Belozerova

Corespondența dintre V.A. Gorodțov și D.N. Lev (1933—1941)

Corespondența purtată de unul dintre fondatorii arheologiei ruse, Vasili Alexeevici Gorodțov (1869—1945) și David Natanovici Lev (1905—1969), arheolog din Leningrad, oferă informații importante din istoria Institutului de antropologie și etnografie în perioada anilor 30 ai secolului trecut. Aceste date completează mult ceea ce se cunoștea până acum din documentele oficiale, publicate sau de arhivă. Încă în 1970, P.I. Boriskovski și A.P. Okladnikov remarcau, că corespondența dintre V.A. Gorodțov și D.N. Lev „cu siguranță va reprezenta o sursă importantă pentru fiecare istoric al arheologiei ruse”. Scrisorile reflectă sentimentele și psihologia ambilor cercetători, precum și atitudinea lor față de diverse evenimente din viața socială și cea academică. Textele acestora sunt reproduse după originalele din colecția Departamentului de izvoare scrise al Muzeului Istoric de Stat al Rusiei.

С. В. Кузьминых, И. В. Белозёрова

Переписка В. А. Городцова и Д. Н. Льва (1933—1941 гг.)

Переписка одного из основоположников российской археологии Василия Алексеевича Городцова (1860—1945) и ленинградского археолога Давида Натановича Льва (1905—1969) донесла до нас самую разнообразную информацию о деятельности ИАЭ-ИАЭА-ИЭ АН СССР в 1930-е гг. Она является важным дополнением к официальным опубликованным и архивным документам. Еще в 1970 г. П.И. Борисковский и А.П. Окладников отмечали, что письма В.А. Городцова и Д.Н. Льва «несомненно будут важным источником для каждого историка отечественной археологии». В письмах отражены также переживания, психологический настрой, отношение обоих ученых к тем или иным событиям в стране, институте и музее, научной жизни и др. Текст писем воспроизводится по оригиналам, хранящимся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея.

Обращаясь к истории советской археологии 30-х годов прошлого столетия, современный исследователь не вправе ограничиваться научными публикациями, мемуарной литературой и официальными источниками директивных органов. Труды по истории и историографии отечественной археоло-

гии последних десятилетий всё в возрастающей степени опираются на широкий круг архивных источников. С вовлечением этого — в действительности необъятного — круга источников, в том числе эпистолярных, открываются новые перспективы историографических исследований.

Рис. 1. В.А. Городцов. Начало 1940-х гг.

Fig. 1. V.A. Gorodtsov. Early 1940s.

Настоящая публикация обращена, прежде всего, к истории Кунсткамеры — Музея антропологии и этнографии РАН в один из самых драматических периодов истории отечественной гуманитарной науки. Тридцатые годы, с одной стороны, стали временем тотального разгрома и репрессий советских археологов и этнологов, а с другой — временем уникальных открытий и исследований ученых. Всё это нашло отражение в предлагаемой читателю переписке одного из основоположников российской археологии Василия Алексеевича Городцова (1860—1945)¹ (рис. 1) и ленинградского археолога Давида Натановича Льва (1905—1969)², в 1931—1942 гг. сотрудника ИАЭ-ИАЭА-ИЭ-МАЭ АН СССР (рис. 2).

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея в одном фонде «отложились» письма обоих корреспондентов — для той эпохи крайне редкий случай. Эпистолярное наследие Городцова со-

хранилось, вероятно, без больших потерь — и среди них 38 писем Льва. В июле 1942 г. Давид Натанович был эвакуирован из блокадного Ленинграда в Казань вместе с Институтом этнографии (СПА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 308. Л. 1—3), а в 1943 г. оказался в Самарканде, где до конца своих дней работал на историческом факультете университета (Борисковский, Окладников 1970: 298). При всех переездах он сберег 63 письма Василия Алексеевича. После скоростной кончины Льва его внучка Елена Николаевна Амарцева в 1971 г. передала эти письма в ГИМ.

В литературе нередки упоминания о переезде Городцова в Ленинград в 1930-е гг. Однако это не более чем вымысел. На основе архивных материалов ОПИ ГИМ и СПА РАН выясняются следующие подробности его «ленинградской» жизни. Городцов работал в ИАЭ-ИАЭА на договорных началах неполных четыре года (с 1.05.1933 по 5.02.1937 г.). Он обязан был приезжать в Ленинград не чаще одного раза в месяц (в реальности — раз в два месяца). Так получилось, что Лев в силу доброго, сердечного отношения к нему Василия Алексеевича взял на себя осуществление его неофициальных контактов с научными учреждениями Ленинграда, и прежде всего с родным институтом и музеем.

¹ В последние годы вышел ряд работ о жизни и деятельности В. А. Городцова с привлечением широкого круга архивных источников (Белозёрова 2010; Белозёрова, Кузьминых 2010; Белозёрова, Кузьминых, Сафонов 2011а; 2012б; Кузьминых, Белозёрова 2012б).

² См. о его жизни и деятельности: (Борисковский, Окладников 1970).

№1. 2014

Сотрудничеству патриарха отечественной археологии с ИАЭ-ИАЭА предшествовало одно важное событие, которое, смеем думать, сгладило недоброжелательность в отношениях между Городцовым и значительной частью питерских археологов, сложившихся в начале XX века. В 1920-е гг. их подогревала борьба за власть на археологическом олимпе России (Платонова 2010: 213; Кузьминых, Белозерова 2012а: 24—27). После 1926 г. Городцов лишился властных полномочий в НКП РСФСР и возможности соперничать с ГАИМК в строительстве советской археологии. Но, пожалуй, более тяжелым ударом стало для него увольнение в 1929 г. из Исторического музея. Василий Алексеевич чувствовал себя глубоко и незаслуженно оскорбленным и не откликнулся на последовавшие через несколько дней после увольнения призывы директора музея П. Н. Лепешинского вернуться в ГИМ (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов 2011а: 163). И когда в руки Городцова попал Подчеремский клад с уникальными образцами пермского звериного стиля, он передал его в 1931 г. в Эрмитаж, а не в некогда родной Исторический музей (Городцов 1937: 113, 114). Не только в Эрмитаже, но и в ГАИМКе и МАЭ этот шаг, по всей вероятности, имел положительный резонанс, позволив Н. М. Маторину — в ответ на обращение Василия Алексеевича — привлечь его к работе в ИАЭ на договорной основе.

У Городцова был ряд причин принять предложение директора ИАЭ. Некоторые из них отражены в официальных договорах (небольшое жалование, оплата командировочных расходов, выделение средств на раскопки Тимоновской и Ильской стоянок, Елизаветинских городища и могильника, издательские возможности института и др.). Еще одну из причин раскрывает запись в его дневнике: «Служба в МАЭ меня интересует, так как она дает возможность мне стать ближе к ленинградским научным сокровищам». Но не менее важен психологический фактор. В начале 1930-х Городцов действительно потерял большинство своих прежних должностей, кроме МОГАИМК, основу которого составляли его бывшие ученики (А. В. Арциховский, С. В. Киселев, А. П. Смирнов, Е. И. Крупнов и др.), перешедшие на «марксистские рельсы» — и он среди них оказался в вакууме. Для молодых московских «марксистов» Василий Алексеевич уже не кумир и авторитет в науке (они вспомнят об этом кто во второй половине 1930-х, а кто только после смерти ученого), а образчик «старой» археологии, которого можно обвинить в поклонении «вещеведе-

Рис. 2. Д. Н. Лев. 1960-е гг.

Fig. 2. D. N. Lev. 1960s.

нию», «формальной типологии» и других грехах. Известно, что предательство учеников Городцов воспринимал очень болезненно — он не раз возвращался к этому на страницах личного дневника. Приглашение в институт Академии наук, безусловно, было своего рода пощечиной ученикам. Тем более что в 1934 г. патриарху русской археологии — в числе первых археологов СССР — присвоили степень доктора археологии без защиты диссертации.

Безусловно, шаг Маторина мог вызвать раздражение в ГАИМКе, откуда металлы (особенно В. И. Равдоникасом) критические стрелы в адрес «буржуазного ученого». Но, вероятно, для укрепления археологической части ИАЭА и неизбежного противостояния с ГАИМК такая фигура, как Городцов, пришлась кстати. И это несмотря на то, что отношение к нему ведущих специалистов по палеолиту в Ленинграде (П. П. Ефименко, С. Н. Замятина, Г. А. Бонч-Осмоловского) было столь же непростым, как и решение Маторина, подтвержденное в 1935 г. новым директором ИАЭ И. И. Мещаниновым.

Круг обязанностей Городцова в ИАЭ-ИАЭА был очерчен в договорах на каждый год. Это и консультации сотрудников института по научным проблемам (особенно Д. Н. Льва), по вопросам приемки, хранения и описания коллекций МАЭ, раскопки Тимоновской и Ильской палеолитических стоянок, Елизаветинских городища и могиль-

ника, обработка материалов раскопок, подготовка их к хранению и экспонированию, участие в создании иных экспозиций и выставок, регулярные доклады. В эти годы Городцов стал активно публиковаться в «Вестнике АН СССР», «Советской этнографии», «Трудах ИАЭА». Вычиткой корректур ему приходилось заниматься почти в каждый приезд в Ленинград. Судя по заметкам в дневнике (Городцов 2012а: 743), Василий Алексеевич «принимал живое участие в проведении вопроса об издании институтом журнала “Советская археология”. Сама мысль об издании этого журнала была высказана мною и поддержана С. Н. Быковским, С. Н. Замятиным и позже принята директором Инст[итута] академиком И. И. Мещаниновым». В 1935 г. ИАЭА и Городцов заключили договор о подготовке к изданию монографии «Археология. Т. 2. Палеометаллическая эпоха». К сожалению, в оговоренные сроки, к 1.04.1937 г., эта работа не была завершена.

Прекращение работы Городцова в ИАЭА было связано, вероятно, не только со сложной обстановкой в институте (на 1936—1937 гг. пришелся пик арестов), но прежде всего с его реорганизацией в Институт этнографии АН СССР. С преобразованием ГАИМК в ИИМК уже в системе Академии наук в последнем сосредоточились основные кадры археологов Ленинграда. Весь 1937 и в начале 1938 г. Василий Алексеевич приезжал в ИЭ, участвовал в его заседаниях, разбирал коллекции Ильской стоянки, консультировал сотрудников и т. д. 1938 год был для него юбилейным: отмечалось 50-летие научной и педагогической деятельности ученого. Это были последние большие торжества в жизни Городцова. В мае его поздравляли московские археологи, а в июне — ленинградские. 3 июня ИИМК устроил парадный вечер в Доме ученых. На другой день состоялось общее собрание ИЭ, где юбиляра чествовали как своего бывшего сотрудника и для многих близкого человека.

Годы работы в ИАЭ-ИАЭА были дороги для Городцова во многих отношениях. Во-первых, в материальном плане: его оклад в МОГАИМК был существенно ниже, чем у других сотрудников Московского отделения. На его долю выпало воспитание и содержание внуки Киры, так что дополнительный заработок был для ученого крайне важен, и он очень сожалел о его потере. Но гораздо важнее для него было прикоснуться к «ленинградским научным сокровищам» и участвовать в полноценной научной жизни академического института. «Живое» общение с коллегами во многом сгладило давние про-

тиворечия. Его комментарии по поводу посещения археологических выставок в ГАИМК и МАЭ свидетельствуют о том, как остро и пылливо откликался Городцов на результаты экспедиционных работ, особенно новострочных, как менялись представления ученого о тех или иных памятниках, культурах и исторических процессах в древности. Это нашло отражение в больших монографических учебных курсах «Археология. Т. I. Каменный период» (попытка его переиздания в начале войны оказалась безуспешной) и «Археология. Т. II. Палеометаллическая эпоха» (увы, также не изданного). Благодаря работе Городцова в Ленинграде собрания Эрмитажа и МАЭ наполнились такими первоклассными памятниками, как Елизаветинское городище и могильник, Подчеремский клад, Тимоновская и Ильская стоянки.

В публикуемой ниже переписке можно наметить три условных периода. В 1933—1937 гг. (годы работы Василия Алексеевича по договорам в ИАЭ-ИАЭА) он был более активным корреспондентом (46 писем, Лев — 11). В 1938 — юбилейном для Городцова — году они активно пишут друг другу (по 9 писем). В 1939—41 гг. инициатива была уже за Львом — 10 писем (сохранилось единственное послание его старшего коллеги).

Современники, знавшие о том, что Лев сохранил в своем архиве письма Городцова, отмечали, что они «несомненно будут важным источником для каждого историка отечественной археологии» (Борисковский, Окладников 1970: 298). Справедливость этих слов не только в том, что переписка связана с именами Городцова и Льва. События личной жизни, конечно, проходят через все письма, но здесь они явно на втором плане. Главное в них — самая разнообразная информация о деятельности ИАЭ-ИАЭА-ИЭ АН СССР в 1930-е гг. Она является важным дополнением к официальным опубликованным и архивным документам. В письмах отражены также переживания, психологический настрой, отношение обоих ученых к тем или иным политическим процессам в стране, события научной и повседневной жизни в институтах и музеях обеих столиц и др.

Информация о деятельности ИАЭ-ИАЭА-ИЭ в переписке разноплановая. Основное содержание писем касается взаимоотношений Городцова и института, организации поездок и работы Василия Алексеевича в Ленинграде, обсуждения экспедиционных дел. Перезаключение договоров каждый год проходило с проволочками — и не удивительно, учитывая частую смену директоров и су-

губо бюрократическую волокиту. Городцов часто видел за этим козни недоброжелателей и просил иногда Льва поставить в дирекции института вопрос ребром: «состою я на службе в ИАЭ или нет». Давид Натанович старался убедить его, что договора скоро будут подписаны.

Расторжение договора с ИАЭ-ИЭ в 1937 г. Городцов рассматривал в том же ключе. Льву непросто было убедить его в том, что причиной отказа стала реорганизация ГАИМК и ИАЭ и создание в системе АН СССР двух академических институтов. Переписка 1938 г. показывает, что Городцов в итоге согласился с аргументами Давида Натановича, тем более что ИЭ не отказался от сотрудничества с Василием Алексеевичем в других формах и, кроме того, отметил 50-летие его научной, педагогической и музейной деятельности. Лев сообщал, что юбилейные статьи о Городцове в журналах «Вестник знания» и «Природа» выходят благодаря стараниям директора ИЭ В. В. Струве и секретаря редакции «Советской археологии» В. В. Храмовой.

При организации поездок и работы в ИАЭ-ИАЭА Городцов всецело полагался на помощь и содействие Льва. Это и бронирование железнодорожных билетов в Москву и номера в Доме ученых; выбор сроков поездки; привоз коллекций (Тимоновка); уточнение распорядка работы (совместный разбор коллекций, доклады в ИАЭ и Четвертичной комиссии и др.); организация состоявшихся и планируемых экспедиций; обсуждение смет, сроков экспедиций, кадрового состава, оборудования и др.; подготовка выставок (важно заметить, что в 1933 г. Городцов считал экспозицию МАЭ лучшей в Ленинграде); передача монет из раскопок Елизаветинских городища и могильника А. Н. Зографу, остатков костей животных — в КОДЖ, Р. М. Шахуньянц, рыб — Г. В. Никольскому, собак — А. А. Браунеру, ручек от амфор с клеймами — Б. Н. Гракову; обсуждение с В. И. Громовой определений фауны из раскопок Ильской стоянки. Давиду Натановичу адресованы просьбы о приобретении и пересылке книг, передаче в ГАИМК отчетов о полевых исследованиях, судьбе рукописей книг и статей (о Тимоновке, Подчеремском кладе, Волжской экспедиции 1925 г. и др.), получении гонораров за изданные труды и содействию в их скорейшей отправке.

Василий Алексеевич делится впечатлениями о той или иной поездке в ИАЭ-ИАЭА, сообщает о приведении в порядок своих ленинградских записок, отвечает на на-

учные вопросы Льва в связи с темой кандидатской диссертации по истории древнего горного дела (защищенной в 1945 г.) и перестройкой экспозиции МАЭ в конце 1930-х. Городцов не забывает передать приветы «благожелателям» из числа сотрудников (С. А. Семенов-Зусер, В. В. Федоров, Д. К. Зеленгин, Н. Р. Косниковский, К. В. Вяткина, В. В. Храмова) и руководителей института (Н. М. Маторин, И. И. Мещанинов, И. И. Винников, С. Н. Быковский). «Благожелатели» шлют ответные приветы, а Лев непременно посылает их Д. А. Крайнову, с которым подружился в экспедиции в Тимоновке.

Городцов информирует Льва о своей преподавательской деятельности на биофаке МГУ, в ИФЛИ, о докладах в МОГАИМК; делится радостной вестью о том, что Крайнов при разборе коллекции Тимоновской стоянки обнаружил изображение на костяном предмете; интересуется, как ИАЭА перенес наводнение 1935 г. Василий Алексеевич пытается выяснить через Льва о причине задержки уведомления о присвоении ему звания «доктор археологии» (о чем Городцов узнал случайно в разговоре с Быковским). Осенью 1938 г. Василий Алексеевич делится впечатлениями о своем юбилее: «Я слышал, что вторую заметку об этом юбилее хотели опубликовать в “Советской археологии” ИИМКа, но Ефименко, по-видимому, из зависти изъясил ее. Удивительна ненависть ко мне ленинградских археологов. Чем я им насолил, право не знаю». Так единственный раз затронут в переписке — с ленинградским же археологом — непростой для Городцова вопрос о взаимоотношениях с археологами северной столицы. Поскольку Лев входил в число его «благожелателей», Василий Алексеевич не сдержался от комментариев, которые обычно поверял личному дневнику.

С Давидом Натановичем обсуждается содержание первых номеров «Советской археологии». Очень задела Городцова вступительная редакционная статья (Наши задачи... 1937): «Что за возмутительные выпады против научных деятелей другой (не археологической) дисциплины, каковыми являются историки профессора М. Н. Покровский, В. К. Никольский и Б. Богаевский! <...> Кто писал эту полуграмотную вступительную статью? Как эта статья могла быть пропущена? Неужели благородный и величавый дух изданий АН СССР так успел нехорошо измениться! О, tempore, o mores!». В том же 1937 г. обсуждается выдвижение Городцова в члены-корреспонденты АН СССР.

Лев информирует Василия Алексеевича о важнейших кадровых переменах в МАЭ: о «чистке» 1933 г., удалении в том же году С. А. Семенова-Зусера и В. В. Федорова, лишении Н. М. Маторина директорского поста в 1934 г. и связанных с этим переменами в институте и музее. Особенно поразило Городцова известие об аресте и следствии над С. Н. Быковским: «Вести этой не хочется верить, до того она неожиданна и невероятна» (август 1936 г.). В начале февраля 1935 г. Лев и Городцов кратко, намеками обменялись впечатлениями о событиях в Ленинграде после убийства Кирова, при этом Василий Алексеевич заметил, что «в Москве также немало крупных событий, к сожалению, наиболее крупные из них покрылись траурным крепом. Что делать, всему своя доля».

В числе других новостей Давида Натановича: выход его путеводителей по археологической экспозиции МАЭ; поездка на конференцию по четвертичному периоду в Киев в 1938 г. и экскурсии по памятникам палеолита; продолжение разбора коллекций Тимоновской и Ильской палеолитических стоянок; доклад С. Н. Быковского «Проблемы происхождения домашних животных» на сессии АН СССР; «хорошая и очень важная находка» А. П. Окладникова в Средней Азии — мустьерское захоронение в пещере Тешик-Таш; работа Н. И. Березина над атласом палеолитических памятников на территории СССР, а затем известие о его болезни и смерти; уход из жизни Н. И. Репникова. Памятуя о доверительном характере отношений с Городцовым, Лев делится и сплетнями: о примирении С. Н. Быковского с П. П. Ефименко; разговоре в январе 1937 г. с В. И. Равдоникасом, «который просил, при случае, передать Вам, что он просит забыть все старое и т. п.» (за этим

кроется желание Равдоникаса сгладить негативное впечатление от публичной критики «буржуазного ученого» в 1929 г.); пишет Лев и том, что у него сложились более доброжелательные отношения с С. Н. Быковским, нежели с П. П. Ефименко и С. Н. Замятниным.

Текст писем воспроизводится по оригиналам, хранящимся в ОПИ ГИМ в личном архивном фонде В. А. Городцова (Ф. 431. Ед. хр. 318 — письма В. А. Городцова, Ед. хр. 412 — письма Д. Н. Льва). Сокращенные и недописанные слова дописываются в квадратных скобках. Не раскрываются используемые Городцовым и Львом общеупотребительные сокращения. Пропущенные ими, но необходимые по смыслу слова, разъясняющие добавления и ссылки на литературу внутри самих писем также заключены в квадратных скобках. Утраты текста, а также некоторые наши изъятия из него помечаются угловыми скобками. Встречающиеся в тексте фамилии (без имени и отчества) раскрыты в биографических справках в примечаниях. Исправлены очевидные описки. Письма приводятся в орфографии Городцова и Льва; сделанные ими подчеркивания в тексте выделены курсивом. Письма расположены в хронологической последовательности. Некоторые из них без даты и датированы нами по контексту переписки. Примечания содержат дополнительную информацию о тех или иных событиях, фактах, памятниках, а также биографическую информацию о лицах, упоминаемых в письмах. Сюда же вынесены примечания наших корреспондентов. В заключение хотелось бы выразить благодарность И. Л. Тихонову и Н. А. Аванесовой за предоставленные фото Д. Н. Льва. Л. Б. Вишняцкому мы благодарны за инициативу, настойчивость и терпение при подготовке писем к публикации.

Письма В. А. Городцова и Д. Н. Льва

№ 1

2.02.1933

Глубокоуважаемый Давид Натанович!

Обращаюсь к Вам с небольшой просьбой: сходить в столовую Академии³ в книжный киоск и передать мою просьбу — прислать поскорее мне заказанные там на 15 р. 00 к. книги. Я полагаю, что эти книги придут в Москву ранее моего приезда из Ленинграда, но их и до сих пор еще не выслали.

Что касается «Трудов» Четвертичной конференции 1932 г., то, конечно, очень хотелось бы получать и их поскорее, жажду упиться знанием. Я опасаясь, что Вас затрудняю моими просьбами, но что могу сделать без Вашей любезной помощи. Знакомств у меня в Ленинграде очень мало. При случае постараюсь со своей стороны послужить Вам.

³ Речь идет о Государственной Академии истории материальной культуры.

№1. 2014

По просьбе из Ленинграда 6 дней работал над приведением в порядок ленинградских записок. В последние три дня читаю взапой привезенные из Ленинграда книги.

Прошу Вас передать мой поклон Семену Александровичу Семенову [-Зусеру]⁴ и Василию Васильевичу Федорову⁵. Еще раз передайте им, что, разобрав все заметки о ленинградских музеях⁶, нахожу экспозицию антрополого-археол[огического] отдела МАЭ лучшей. Спасибо всем ее творцам.

Если надумаете писать мне, то вот мой адрес: Москва 34, Полуэктов переулок, дом 5, кв. 4. С искренним почтением остаюсь В. А. Городцов.

№ 2

19.02.1933

Глубокоуважаемый Давид Натанович!

Очень и очень благодарю Вас за высланные книги. Я получил их от Вас через О. А. Гракову⁷ и из киоска. Деньги 5 р. за высланную Вами книгу, я направил Вам почтой. Вы их, вероятно, получите ранее настоящего письма.

Прошу, передайте всем нашему общим знакомым в МАЭ мой привет. Искренне уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 3

21.02.1933

Дорогой Давид Натанович!

Я приеду в Ленинград 23 февраля. Билет куплен. Задержки не предвидится. Будьте добры, потелефоньте в общежитие КУБУ (Дома ученых), чтобы мне на 23 февраля оставили кровать в общем номере. Поговорите с секретарем о дне моего доклада. Я могу быть у Вас с 23 по 26-е. Лучше было бы заседание назначить на 24 или 25-е.

Прошу передать Всем сослуживцам мой поклон. Супруге Вашей — привет, а девочку поцелуйте за меня.

Не забудьте еще, что нам нужно будет обсудить вопрос о Кубанских раскопках 1934 г. Напоминаю Вам об этом, потому что боюсь сам забыть. На Вас я надеюсь больше, чем на себя.

В. А. Городцов.

№ 4

2.04.1933

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

Извините, что задержал ответ. Я бесконечно благодарен Вам за все Ваши письма; деньги за книгу тоже получил. Я Вам достал том, где напечатана статья Яковлева⁸. Если Вам нужны следующие тома, напишите, и я немедленно вышлю.

⁴ Семенов-Зусер Семен Анатольевич (1887—1951), историк-антиковед, археолог. Выпускник ПАИ (1914) и ПУ (1920). Преподавал в ЛГУ и ЛИФЛИ, хранитель МАЭ (1929—1933). С 1937 профессор, зав. кафедрой древней истории и археологии ХГУ. Труды по античной и скифской археологии и истории (см. подробнее: Тункина 2008: 746).

⁵ Федоров Василий Васильевич (1892—1976), археолог, музейный работник. Учился в ПУ, работал в Минералогическом кабинете Томского университета. Окончил ЛГИ (1925). С 1925 в отделе археологии МАЭ (см. подробнее: Станюкович 2003: 71, 72).

⁶ Заметки о ленинградских музеях сохранились в архиве В. А. Городцова (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 298).

⁷ Гракова (Кривцова) Ольга Александровна (1895—1970), археолог. Окончила ФОН 1 МГУ (1922), ученица В. А. Городцова. В 1922—1941, 1943—1954 в ГИМе, и. о. доцента МГУ (1942—1943), в ИИМKe (1944—1959). Труды по бронзовому веку Восточной Европы и Казахстана (см. подробнее: Формозов 1970; Плешивенко 2011).

⁸ Речь идет, вероятно, о сборнике статей (Окаменевшие мозги... 1927) со статьей С. А. Яковлева. Яковлев Сергей Александрович (1878—1957), геолог. Окончил ПУ (1903). С 1908 в Петербургском лесном институте, в 1921—1938 в Ленинградской лесотехнической академии, с 1928 во Всесоюзном НИИ геологии. В 1927 один из организаторов КИЧП при АН СССР, ее секретарь. В 1933—1941 генеральный секретарь международной редакционной Комиссии по составлению карты четвертичных отложений Европы.

Теперь, о нашем музее, вернее институте. Из археологического отдела отчислены: Федоров, Зусер. Первый переведен в отдел фондов — второй вообще отчислен из музея. Зусер, как скифолог, очевидно, будет работать в Эрмитаже. Отчисление Зусера вызвано тем обстоятельством, что в нашем отделе больше всего представителен палеолит, который, судя по установкам Николая Михайловича [Маторина]⁹, должен быть экспонирован в развернутом виде, в то время когда поздним культурам будет уделено меньше внимания. Таким образом, мы пока без заведующего... Что касается до дела Зусера в секции, то оно все тянется и ... без конца¹⁰.

У меня к Вам, Василий Алексеевич, будет небольшая просьба: выслать, если это возможно, кой-какой материал по горному делу и плавке меди. Свою работу я закончил, но хотел бы немного расширить вопрос о плавке меди. С. А. Теплоухов¹¹ любезно предоставил мне чертеж древней плавильной ямы (печи), сделанный одним штейгером на М[алом] Енисее [Лев 1934]. Чертеж этот представляет собой кувшинообразную яму в метр ширины и приблизительно столько же высоты. Вокруг — шлаки с черной землей, глина. Яма — в борту берега, часть которого обвалилась. Встает вопрос: каким путем нагнетался воздух. Я полагаю, что с боку этой печи должна была быть еще одна яма, через которую и нагнетался воздух. Мне было бы интересно услышать Ваше авторитетное мнение по этому поводу.

Вообще же по всем этим вопросам хотелось бы лично поговорить с Вами. Да с кем же посоветоваться, если не с Вами!

Я слышал, что Вы изъявили желание работать в нашем И[нститу]те¹² — я лично был бы счастлив работать под Вашим руководством. Напишите, пожалуйста, каковы Ваши дела в этом отношении. Итак, я кончаю. Пишу на почте. Перо еле пишет. За мной хвост: дожидаются ручки.

Пожелаю Вам всего хорошего и счастливого.

С почтением Д. Лев.

№ 5

6.04.1933

Глубокоуважаемый Давид Натанович!

Очень благодарен за память и письмо. Много в содержании последнего меня удивило и прежде всего отчисления из состава МАЭ Федорова и Зусера... В Институте МАЭ мне хотелось бы работать, и я об этом писал Николаю Михайловичу, но ответа еще не получил, а поэтому ничего не знаю о том, что будет.

Отвечу на Ваш запрос об имеющемся материале у меня «по горному делу и плавке меди». Лично мною раскапывались две мастерские: 1) в 1906 году, в Бельском городище бывшей Полтавской губ[ернии] Зеньковского уезда, мною найдена мастерская в одном зольнике, в которой отливались бронзовые скифские стрелы (Труды XIV Арх[еологического] С[ъезда] Т. III, стр. 93—161) [Городцов 1911]; 2) в 1911 году, в 5 километрах от Боржоми (Закавказье), на берегу речки Черной (Губжаретки), в деревне Садгери, я раскопал очень интересную мастерскую приблизительно XIV в. до н[ашей] эры. Остатки мастерской залегали под аллювием реки на глубине 7 арш[ин], почти в одном уровне с современной поверхностью реки. Мастерская

⁹ Маторин Николай Михайлович (1898—1936), этнограф, фольклорист, организатор научной и музейной работы. С 1924 преподавал в ЛГИ. С 1930 зам. председателя КИПС (затем ИПИН, в 1930—1933 его директор). После объединения МАЭ и ИПИН с февраля 1933 директор ИАЭ. В 1930—1933 один из организаторов Музея истории религии. В 1935 арестован, отбывал срок в лагере под Ташкентом. В 1936 после повторного следствия расстрелян (см. подробнее: Решетов 1994: 213—216).

¹⁰ См. об истории противостояния С. А. Семенова-Зусера с коллегами из Эрмитажа и ГАИМК на страницах дневника В. А. Городцова (2012а: 493—495).

¹¹ Теплоухов Сергей Александрович (1888—1934), орнитолог, археолог, антрополог, этнограф. Учился в КУ (1908—1914) и ПУ (1914—1917), ученик Б. Ф. Адлера и Ф. К. Волкова. Преподавал в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте в Казани и КУ (1917—1918), ПУ (1918—1919), ТУ (1919—1922). С 1922 в ЭОРМ, ГАИМК, преподавал в ЛГУ (1922—1929). Исследовал древности Урала, Южной Сибири, Монголии и Киргизии. Создал культурно-хронологическую схему развития археологических культур на Енисее. В 1933 арестован по делу «Российской национальной партии», покончил с собой в тюрьме (см.: Китова 2010).

¹² О своем желании работать в ИАЭ В. А. Городцов указал в заявлении от 2.02.1933 г. на имя Н. М. Маторина; 9 апреля ученый получил приглашение на службу в ИАЭ на должность консультанта по первобытной антропологии и археологии. С 1 мая Городцов приступил к работе в институте (СПА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 196. Л. 27).

представляла небольшое здание, обставленное со всех сторон огромными каменными глыбами. Верх здания разрушен. На земляном полу найдены: обломки тиглей, в одном из которых сохранилась расплавленная медь, два больших обломка двух каменных ступок, в которых размельчали руду, один пестиковидный камень, которым, по-видимому, дробили в ступках руду, один большой точильный камень, небольшие слитки меди, кусочки медной руды, большое количество осколков обсидиана, несколько обсидиановых орудий, в виде ножей и стрелки, и несколько обломков глиняных «сопл».

Ранее же моих раскопок, при первом обнажении мастерской разливами р. Черной, была найдена прекрасно сохранившаяся медная литейная форма для отливки топора Кобанского типа¹³. Эта находка и послужила причиной моих раскопок.

Большой интерес представляют *сопла*, т. е. глиняные наконечники воздуходувных мехов. Они свидетельствуют, что в мастерской существовали мехи. Совершенно такие же сопла бывали находимы на Урале (но я не могу вспомнить, где уральские сопла описывались)¹⁴.

Садгерская мастерская мною не опубликована в печати, но Вы можете сослаться на это письмо.

В 1930 и [19]31 годах Ольга Александровна Гракова исследовала мастерскую андроновской культуры (около XIV в. до нашей эры) в Казахстане в Кустанайском районе¹⁵. В развалинах мастерской ею были найдены: медные шлаки, обломки крупных тиглей, литки, бракованные медные предметы. На месте мастерской найдены ямы и угли, последние лежали грудой, в виде запаса. Работа еще не напечатана, но Гракова не против того, чтобы Вы цитировали ее.

Полагаю, что Вам известна мастерская Иртышского городища¹⁶, раскопанного Дружининым¹⁷ и изданного Спицыным в «Отч[етах] Арх[еологической] Ком[иссии]» за 1891—93 гг. [Спицын 1906]. В этом городище найдены горны, которые Вас интересуют.

23 марта 1933 года Брюсов¹⁸ сделал сообщение в МОГАИМКе о мастерской, исследованной им в 1932 г. на устье реки Томицы, в 5 килом[етрах] от Петрозаводска. Время мастерской, по Брюсову, не позже VIII в. до н. э. Мастерская занимает площадь до 35 м длины. На этой площади вскрыто 7 очагов; около очагов найдены: куски меди, медные шлаки, льячки, дробила и др. Много каменных орудий [Брюсов 1940: 130—141].

На Летнем берегу Белого моря, на берегу р. Тамицы (это другая Северная Томица), тем же Брюсовым была найдена мастерская, но сведения о ней еще не напечатаны [Брюсов 1928; Фосс 1952: 131—137].

¹³ Одна половинка этой формы попала в Австрию, другую видел у управляющего боржомским имением Виноградова-Захарова В. А. Городцов, который по следам этой находки приступил в 1911 г. к раскопкам мастерской. По свидетельству А. А. Иессена (1935: 141), Городцов подготовил отчет об этих работах. Но, судя по записям ученого, текст самого отчета не был написан: «части коллекций, планы и маршрутная карта этих исследований и раскопок, по-видимому, погибла в Москве в бывшем доме П. С. Уваровой, взорванном “адской машиной” во время революции» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 114. Л. 22). Имеются в виду события 25.09.1919 г., когда членами анархистской группировки была брошена бомба в помещение Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке (бывшем доме Уваровых).

¹⁴ В памяти В. А. Городцова могло остаться глиняное сопло из находок в Гумешевском руднике и его округе, которые демонстрировались на VII АС в Ярославле Д. Н. Анучиным и Ф. А. Уваровым (Берс 1951: 227, рис. 1: 12).

¹⁵ Речь идет об исследованиях Алексеевского поселения (см. о мастерской: Кривцова-Гракова 1947: 105, 106).

¹⁶ Речь идет об объектах, связанных с производственной деятельностью носителей иткульской культуры (см. о самом Иртышском городище: Гаврилюк, Наумов 2008).

¹⁷ Дружинин Василий Григорьевич (1859—1937), историк, археограф, палеограф, археолог, чл.-корр. РАН (1920). Окончил ПУ (1883), магистр русской истории (1889). В 1889—1896 на службе в ИАК, с 1896 в Археологической комиссии (с 1903 правитель ее дел), с 1921 зам. председателя комиссии (с переводом ее в РАН). В ноябре 1929 уволен из Археологической комиссии, в июне 1930 арестован по т. н. делу акад. С. Ф. Платонова, в феврале 1931 приговорен к заключению на 5 лет и отправлен в Соловецкий лагерь. С мая 1932 жил на поселении в г. Ростове Великом. В конце 1935 вернулся в Ленинград (см. подробнее: Гайдуков 2010).

¹⁸ Брюсов Александр Яковлевич (1885—1966), археолог. Окончил ФОН 1 МГУ (1925) и аспирантуру ИАИ РАНИОН (1929), ученик В. А. Городцова. В 1929—1963 преподавал археологию в МГУ. С 1925 в отделе археологии ГИМ, зав. 1-м археологическим отделом (1930—1960). Сотрудник МОГАИМК-ИИМК-ИА (1932—1939, 1944—1966), возглавлял Отдел полевых исследований. С 1923 вел раскопки на Русском Севере, на берегу Белого моря, в Карелии, Вологодской и Новгородской обл., на Урале. Труды по каменному и бронзовому векам центра и севера Восточной Европы, теории и методике археологии (см. подробнее: Кузьминых 2006).

В археолог[ической] литературе, я полагаю, найдется сведений немало.
 Следующие тома хотелось бы иметь. Высылайте. Деньги тотчас же Вам вышлю.
 С искренним почтением остаюсь В. А. Городцов.
 Относительно енисейской ямы (печи), я затрудняюсь сказать Вам что-либо определенное.
 В. А. Г[ородцов].

№ 6

14.05.1933

Глубокоуважаемый Давид Натанович!

20-го утром сего мая месяца я буду в Ленинграде¹⁹. Позвольте мне обратиться к Вам с покорнейшей просьбой зайти в общежитие Дома ученых и занять для меня место в общежитии. Просьба эта вызывается опасением, что для меня в общежитии не окажется свободного места.

До скорого свидания. Готовый к услугам Вашим. Искренне уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 7

17.05.1933

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

Просьбу Вашу я исполнил через полчаса после получения открытки. Мест вчера совершенно не оказалось, но меня заверили, что к 20-му числу место будет для Вас обеспечено.

Очень рад Вашему приезду. Не писал, потому что сам изо дня в день жду поездки в Москву. Мое заявление и сейчас находится у Николая Михайловича. Жду всё его резолюции по этому поводу.

Итак, до скорого свидания! Искренне уважающий Вас Д. Лев.

№ 8

г. Ленинград, 30.06.1933

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

27-го сего месяца я вручил Ваше письмо Николаю Михайловичу. Кроме того, передал ему все, что касается нашей экспедиции²⁰.

Сейчас, Николай Михайлович и Винников²¹ находятся в отпуску, и их заменяет Дм. К. Зеленин²². Фотоаппарат разм[ером] 13×18 я достал, пластинки в количестве 5-ти дюжин также. В городе у нас пластинок нет и пришлось взять из фотолаборатории музея в счет экспедиции. Фотоаппарат прекрасный — цейсовский.

Парафина также в городе нет, но у нас в отделе лежал еще кусок с «доисторических» времен; поделим пополам с Замятниным. Оружие не удастся, по-видимому, достать. Завтра буду искать всякие клеи, но легче выкопать сотню палеолитических статуэток, нежели найти клей... Вот, какovy дела, Василий Алексеевич!

Я выезжаю, как мы с Вами условились, 3-го июля. Если будут какие-либо изменения, телеграфируйте. Придется ехать не почтовым поездом, как я предполагал, а скорым. Во-первых,

¹⁹ С 19 по 27 мая 1933 г. В. А. Городцов участвовал в Пленуме ГАИМК; 26 мая сделал в ИАЭ доклад «К определению времени Тимоновской палеолитической стоянки».

²⁰ С 7 июля по 9 августа 1933 г. В. А. Городцов выполнил командировку от ИАЭ и ГАИМК в г. Брянск для производства археологических раскопок Тимоновской палеолитической стоянки.

²¹ Винников Исаак Натанович (1897—1973), семитолог, этнограф. Выпускник этнолого-лингвистического отделения ЛГУ (1925). Сотрудник (1929—1942), директор (1941—1942) ИАЭА-ИЭ, зав. кафедрой ассириологии и гебраистики (1945—1949) ЛГУ, в дальнейшем в ЛОИВ. Труды по исследованию языка и этнографии арабов советской Средней Азии, автор словаря арамейских надписей IX в. до н. э. — II в. н. э., словаря-конкорданции памятников палестинско-арамейского языка и палестинских мидрашей.

²² Зеленин Дмитрий Константинович (1878—1954), этнограф, фольклорист, диалектолог, чл.-корр. АН СССР (1925). В начале 1930-х в этнографической секции ИАЭА возглавлял группу материального производства (первобытной техники). Автор первого систематического этнографического описания «Восточнославянская этнография». Труды о русской народной поэзии, фольклористике, материальной культуре, верованиях Восточной Европы и Сибири (см. подробнее: Решетов 2004).

№1. 2014

Академия достает билеты только на скорые поезда. Во-вторых, у меня будет много вещей; в особенности, я боюсь за аппарат, который надо беречь, как зеницу ока.

Итак, выезжаю 3 июля. Передайте привет Крайнову²³. Привет Вам от Д. К. Зеленина, В. В. Федорова, Н. Р. Косниковского²⁴.

Уваж[ающий] Вас Д. Лев

Р. С. Все бумаги я отправил; бумагу о том, что Вы состоите начальником экспедиции от ИАЭ, я захвачу с собой. Д. Лев.

№ 9

13.08.1933

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

Утром 11-го сего июля²⁵ мы благополучно прибыли в Ленинград. В тот же день я предполагал отправиться в музей, но сильный ливень заставил меня сидеть дома и, как говорят, ждать погоды.

Вчера же, 12-го, был выходной день, и я только сегодня попал в музей, где застал только Зеленина, т. к. остальное начальство в отпуску. Маторин будет числа 16-го сего м[еся]ца. Замятнин²⁶ тоже куда-то уехал.

Кстати, выяснял сегодня по поводу Ваших денег, которые не были Вам высланы вследствие отсутствия Винникова. В бухгалтерии меня успокоили и обещали завтра, 14-го, выслать Вам. Завтра я снова там буду и узнаю, как выполнено сие обещание.

По поводу Вашего приезда я пока ничего не могу Вам написать до 16-го, т. е. до приезда Маторина. Как всё это выясню — немедленно напишу.

О моих 5 рублях я доложил Зеленину, который сказал, что это, собственно, дело начальника экспедиции. Как видите, всё благополучно. Теперь о выставке. Выставка, по словам Зеленина, приурочена к Октябрьской революции²⁷. Надо нажать, чтобы извлечь тимоновские коллекции у Бонча-Осмоловского²⁸. Жаль только, что у нас мало экспозиционного помещения. Обо всем этом я напишу Вам подробно после беседы с Маториным.

Пока пожелаю Вам всего хорошего и счастливого. Приветы всем Вашим родным. Большое спасибо за всё. Уважающий Вас Ваш Д. Лев.

Р. С. Был ли Крайнов и получены ли коллекции?²⁹ Д. Лев.

²³ Крайнов Дмитрий Александрович (1904—1998), археолог. Окончил историко-археологическое отделение этнологического факультета 1 МГУ (1929, ученик В. А. Городцова) и музыкальное училище им. М. М. Ипполитова-Иванова. С 1929 в ГИМе: в филиале «Александровская слобода», в 1931—1935 ученый секретарь, сотрудник 1-го археологического отдела. В 1941 ушел в Московское народное ополчение, попал в плен, бежал, проживал на оккупированной территории, после ее освобождения снова воевал. В 1944 репрессирован, приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Досрочно освобожден в 1951. С 1954 в Угличском краеведческом музее, с 1955 в ИИМК-ИА. В 1962—1992 возглавлял Верхневолжскую археологическую экспедицию. Труды по каменному и бронзовому векам Крыма и Восточно-Европейской равнины (см. подробнее: Костылева, Уткин 2006).

²⁴ Косниковский Николай Романович (1874—1942?), научно-технический сотрудник отдела археологии ИАЭА-ИЭ-МАЭ. Умер в блокадном Ленинграде.

²⁵ Вероятно, ошибка, имеется в виду август.

²⁶ Замятнин Сергей Николаевич (1899—1958), археолог. Археологическую деятельность начал в Воронеже: зав. археологическим отделом губернского музея, инструктор по делам музеев и охране памятников ГубОНО. С 1924 в Ленинграде: аспирант (1926—1929), сотрудник ГАИМК-ИИМК, преподавал в ЛГУ и ЛИФЛИ. В 1933 возглавил отдел археологии ИАЭ-ИАЭА. Один из создателей журнала «Советская археология». Открыл выдающиеся памятники палеолита на территории СССР (Гагарино, Костёнки, Сатани-Дар и др.). Труды по палеолиту Русской равнины и Закавказья (см. подробнее: Гаврилов, Тихонов 2008).

²⁷ Имеется в виду подготовка в МАЭ выставки, для которой В. А. Городцов и Д. Н. Лев подбирали наиболее интересные предметы из раскопок Тимоновской палеолитической стоянки в 1933 г.

²⁸ Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич (1890—1943), археолог, антрополог, этнограф. Окончил ПУ (1915, диплом получил в 1923). Ученик Ф. К. Волкова. С 1922 в РАИМК и КИЧП, в 1925—1929 на кафедре антропологии ЛГУ. В 1933—1936 арестован, после снятия судимости в 1941 восстановлен на работе, получил степень доктора исторических наук. Руководитель этнографических и археологических экспедиций в Крыму (1923—1933); открыл и исследовал погребение неандертальца в гроте Киик-Коба; разработал новую методику раскопок палеолитических памятников; одним из первых применил статистические методы изучения кремневой индустрии; создал хронологическую шкалу палеолита-мезолита Крыма (см. подробнее: Платонова 1995; 2006).

²⁹ Речь идет о задержке с получением коллекции Тимоновской палеолитической стоянки.

№ 10

3.09.1933

Дорогой Давид Натанович!

8 сент[ября] утром, на «Стреле», я приеду в Ленинград³⁰ с некоторыми вещами из Тимоновской стоянки. Будьте так добры, встретьте меня на вокзале, чтобы мы с Вами доставили вещи в МАЭ. Я очень прошу еще Вас зайти в Дом ученых и заказать мне место. За услуги буду очень обязан Вам и заранее приношу Вам мою искрению благодарность.

Мною сегодня выслана «накладная» в МАЭ Исааку Натановичу [Винникову] на получение 5 ящиков разобранной коллекции. Я хотел быть в Ленинграде 7 сентября, но не достал билета. Готовый к услугам Ваш В. А. Городцов.

№ 11

5.10.1933

Дорогой Давид Натанович!

До Москвы добрался благополучно. Ночью было очень холодно: плохо спал и дрожал от стужи. Поезд пришел вовремя и домой я приехал без задержки. Днем спал. Дома всё обстоит благополучно. Сын стал поправляться, хотя медленно³¹.

Разбирая свои бумаги и записки, я вспомнил, что Герасимов³² не сдал нам рисунков. Завтра, 6-го октября, я приступлю к переписке статьи³³, к которой требуются рисунки Герасимова. Будьте добры, вышлите мне его рисунки, чтобы они не задерживали моей работы.

В Москве живут рассказами о стратостате, который произвел колоссальное впечатление. Всё население Москвы наблюдало это чудо. Честь и слава доблестным коммунистам. Они возвеличили имя нашего великого Союза.

Поклон Вашей супруге. Привет маленькой дочке. Всем сослуживцам, а в особенности В. В. Федорову и Николаю Романовичу [Косниковскому] — мое искренние почтение.

Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 12

13.10.1933

Дорогой Давид Натанович,

Сегодня (13 окт[ября]) я послал свою статью в Ленинград на имя директора [Н. М. Маторина], прося его поручить Вам привести чертежи к статье по приложенным к ней фотографиям и заказать нарисовать для издания изображение рыбки на мамонтовой кости³⁴. Я очень прошу Вас помочь мне, за что буду Вам вечно благодарен. Чертежи заставьте чертежников провести получше, а не так, как они сделали это к выставке. Вообще к ним следует отнестись построже.

Над высланный работой я измучился. Пришлось всё переписать заново. Написанное в Ленинграде оказалось совсем непригодным. Рисунки М. М. Герасимова также оказались не все удовлетворительными, но всё же большое спасибо ему.

Прошу передать поклон Вашей супруге и поцеловать хорошенькую дочку. В МАЭ прошу кланяться от меня всем нашим общим знакомым.

³⁰ С 7 сентября по 5 октября 1933 г. В. А. Городцов был командирован МОГАИМК в Ленинград для подготовки в МАЭ выставки предметов Тимоновской палеолитической стоянки (раскопки 1933 г.) и доклада на пленарном заседании ИАЭ о раскопках 1933 г.

³¹ Имеется в виду сын В. А. Городцова — Игорь, который болел туберкулезом.

³² Герасимов Михаил Михайлович (1907—1970), антрополог, археолог, скульптор. Воспитанник Иркутской палеоэтнологической школы Б. Э. Петри. С 1922 в Иркутском музее; с 1932 аспирант, с 1933 сотрудник отдела палеолита ГАИМК и реставрационных мастерских Эрмитажа; с 1944 в Москве, в ИИМК, с 1950 в ИЭ, где возглавлял лабораторию пластической реконструкции. Раскопал всемирно известную палеолитическую стоянку Мальта. Автор метода российской школы пластической портретной реконструкции. Выполнил более 100 реконструкций древнего человека и более 20 портретов исторических деятелей (см. подробнее: Герасимова 2004).

³³ Судя по записям в дневнике (Городцов 2012а: 560), ученый вел работу над статьей «Результаты раскопок Тимоновской палеолитической стоянки в 1933 г.» (Городцов 1935а) с 26 сентября по 11 октября 1933 г.

³⁴ Об изображении рыбки упоминается в публикации (Городцов 1935а: 34), но рисунок отсутствует.

№1. 2014

Теперь нуждаюсь в некотором отдыхе или, лучше, в некоторой передышке. Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 13

25.11.1933

Глубокоуважаемый Давид Натанович!

Будьте добры, сообщите мне, почему я до сих пор не получаю ответа на запрос, в какие числа ноября месяца я мог бы приехать в Ленинград, в МАЭ, и нужно ли мне приезжать? Я писал два письма Маторину и не получил ответа. Здоров ли он и в Ленинграде ли? Пожалуйста, напишите мне обо всем. Буду очень Вам благодарен.

По приезде из Ленинграда я написал две заметки: одну в МАЭ [Городцов 1935] и другую в «Вестник Академии наук СССР» [Городцов 1934] и о получении их я не получил известий. Теперь заканчиваю третью и самую для меня трудную статью для ГАИМК о «времени» Тимоновской палеолитической стоянки³⁵. Эта статья у меня была написана набело, но украдена в саквояжке³⁶. Теперь я её восстанавливаю. Оставшаяся у меня, черновая от украденной, оказалась никуда негодной: в ней нет цитат, которыми переполняется работа. Пришлось вновь отбирать книги (около сотни) и вести дело заново.

Насколько упорно я эти два месяца занимался, лучше всего могла бы рассказать моя правая рука, которая от писания опухла в кисти и в локте. С неделю я делаю утром и вечером массажи этой руки, но она плохо поправляется. Работал я от 10 окт[ября] до 20 ноября, от 12 до 16 часов в сутки. Усердия было очень много. Будет ли толк, не знаю. Поживем, увидим.

Передайте мой поклон Вашей доброй и хорошей супруге и поцелуйте от меня милую дочку.

Василию Васильевичу [Федорову], Исааку Натановичу [Винникову] и всем нашим общим знакомым передайте мой привет.

Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 14

Л[енинград], 7.12.1933

Глубокоуважаемый, дорогой Василий Алексеевич!

Извините, что отвечаю Вам с небольшим запозданием. При получении Вашего письма я сразу же направился к Маторину для выяснения всех Ваших запросов. После беседы с ним я немедленно отправил Вам телеграмму, в которой указывалось, что приезд Ваш удобен музею после 15 сего декабря.

У нас в музее всё благополучно. Недавно закончилась в Академии чистка партии, которая, надо сказать, достаточно нас встряхнула³⁷. Вот почему, надо полагать, Маторин Вам и не писал. Подробнее обо всем этом мы поговорим, когда будете у нас в Ленинграде. Статья Ваша в «Вестнике» набрана и пойдет в ближайшем номере [Городцов 1934].

За несколько дней до Вашего выезда — сообщите, как это Вы всегда делаете, тогда я не только сумею обеспечить Вам в общежитии комнату, но и буду иметь возможность выбрать более теплую комнату. Пожелаю Вам пока всего счастливого и хорошего.

Приветы всем Вашим родным. Привет Вам от Николая Романовича [Косниковского] и Василия Васильевича [Федорова], кланяется Вам и моя супруга.

Искренно уважающий Вас Д. Лев.

P. S. Чертежи Ваши давно готовы, хотя некоторые пришлось переделывать.

Как обстоит дело с Вашей работой — не знаю. Знаю только, что последние 2 месяца Маторин ничего не делал, ибо всё время был почти занят чисткой. Д. Л.

³⁵ Эта статья в итоге переросла в рукопись книги о Тимоновской палеолитической стоянке, к сожалению, так и не опубликованную.

³⁶ Саквояж был украден в поезде в предшествующую поездку В. А. Городцова в Ленинград (20.05.1933 г.) (см. подробнее: Городцов 2012а: 530).

³⁷ См. подробнее о «чистке» в АН СССР и ГАИМК: (Формозов 2006: 49—71; Платонова 2010: 232—241).

№ 15

Ленинград, 8.12.1933

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

В дополнение моего письма, отправленного вчера, 7/XII, спешу уведомить Вас, что Винников уже известил меня о том, что 14-го сего месяца Вы будете в Ленинграде. Завтра же я отправлюсь в Дом ученых заказать Вам комнату. Хотелось бы узнать час прибытия Вашего поезда, чтобы встретить Вас. Если это Вас не затруднит — напишите, пожалуйста. Морозов у нас пока нет: стоит теплая погода с частым снегопадом.

Искренно уважающий Вас Д. Лев.

№ 16

10.12.1933

Глубокоуважаемый Давид Натанович!

Сейчас получил Вашу открытку и был глубоко тронут Вашей любезностью. Спасибо Вам. Первого письма Вашего я не получил; у нас очень неисправно доставляют письма и даже пакеты с книгами (бандероли). Я приеду в Ленинград на «Стреле» в жестком [вагоне]³⁸. Вас прошу не беспокоиться встречей. Приеду я почти без вещей (налегке).

Прошу передать поклон супруге Вашей и всем нашим общим знакомым.

Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 17

11.01.1934

Глубокоуважаемый Давид Натанович!

Вчера (9 января) мне сообщили, что Н. М. Маторин уже более не состоит директором МАЭ и что место его занял И. И. Мещанинов³⁹. Верно ли это. Будьте добры сообщите мне о происшедших событиях⁴⁰. Для меня такие события, если они верны, очень важны. Заодно прошу Вас сообщить, когда я должен приехать в Ленинград, в МАЭ. Я думаю, в январе быть мне не нужно, так как я пробыл долго в декабре, но при новом директоре могут быть другие условия. Узнайте, пожалуйста, и сообщите.

Еще третья просьба. Я послал краткий конспект полного отчета (за 5 лет) о Тимоновских раскопках П. И. Чагину⁴¹. Он перед моим отъездом обещал, по получению конспекта, прислать «договор», но до сих пор его не выслал. Что за причина в задержке?

Об экспедиции в Таджикистан хлопоч, но дело налаживается туго⁴². Таджикской комплексной экспедицией руководит Н. П. Горбунов⁴³. Я был у него. Он против арх[еологической] экспедиции ничего не имеет, но средств не обещал, рекомендуя возбудить ходатайство о средствах в Экспедиционной базе, где он [является] председателем. По его словам, средств потребуются до 60 000 р., а там средств в базе едва ли окажется. Я ответил, что я хотел бы иметь только 25 000 р. Тогда Горбунов задал мне вопрос: поддержит ли средствами нас Ак[адемия] наук? На

³⁸ С 13 по 24 декабря 1933 г. В. А. Городцов был командирован МОГАИМК в ИАЭ; 21 декабря сделал доклад «Подчеремский клад чудских древностей».

³⁹ Мещанинов Иван Иванович (1883—1967), языковед, археолог, востоковед, академик АН СССР (1932). В 1917—1934 сотрудник РАИМК-ГАИМК, в 1921—1967 в ЛОИЯМ, в 1932—1936 директор ИАЭА, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1934—1950) (см. подробнее: Алпатов, Скаков 2012).

⁴⁰ См. подробнее о событиях, связанных со снятием Н. М. Маторина с поста директора ИАЭА: (Решетов 1994а: 215, 216).

⁴¹ Чагин (Болдовкин) Петр Иванович (1898—1967), журналист, партийный и издательский работник, литературный деятель. В 1933—1938 управляющий издательствами АН СССР.

⁴² 22 декабря 1933 г. В. А. Городцов был назначен ИАЭ руководителем и организатором археологической Таджикской экспедиции 1934 г. (не состоялась).

⁴³ Горбунов Николай Петрович (1892—1938), государственный деятель, личный секретарь В. И. Ленина, непререкаемый секретарь и академик АН СССР (1935). По образованию химик, закончил Петербургский технологический институт (1917). После Октябрьской революции налаживал сотрудничество между РАН и Советской властью. С 1928 руководитель советско-германской Памирской экспедиции (вместе с О. Ю. Шмидтом и Н. В. Крыленко), в 1932—1935 начальник Таджикско-Памирской экспедиции АН СССР. В 1938 репрессирован.

№1. 2014

это я ответил незнанием. На базу я отправлюсь сегодня и напишу о результатах переговоров уже официально в правление МАЭ.

Прошу передайте всем товарищам по службе мой сердечный привет. Поклон — супруге и поцелуй хорошему ребенку. Жду ответа.

С искренним уважением В. А. Городцов. Москва, 34. Полуэктов переулок, д. 5, кв. 4.

№ 18

Ленинград, 13.01.1934

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

Сегодня, 13/1 получил Ваше письмо. Отвечаю Вам на все Ваши запросы. С 1 января у нас в музее произошли следующие изменения. Директором музея назначен И. И. Мещанинов. Его заместителем — Бусыгин⁴⁴, специалист по общественным наукам, быв[ший] от[ветственный] секр[етарь] коллектива (ВКПб) Академии наук. Кроме того, назначен еще пом[ощник] директора по хозяйству.

Еще в начале сего января месяца я был в дирекции (присутствовали и Мещанинов, и Бусыгин). Говорил, между прочим, по поводу экспедиции в Ср[еднюю] Азию и о Вас; в частности, я заявил, что состою с Вами в переписке, и так как «договор» ИАЭ с Вами исчерпан, то мне нужно написать Вам о Вашем будущем положении в ИАЭ. Мне сказали, что экспедиция в Ср[еднюю] Азию состоится и что «договор» между Вами и МАЭ будет возобновлен, но конкретно они еще тогда ничего не могли сказать.

Сегодня, при получении Вашего письма, я опять был у Бусыгина (Мещанинова не было). Бусыгин мне сказал, что вопрос этот (о Вашей службе в ИАЭ) уже решен в положительную для Вас сторону и что завтра, 14 января, он, совместно с Мещаниновым, конкретно всё выяснит и мне сообщит. Как видите, у Вас всё в этом отношении обстоит благополучно. Завтра выяснится вопрос о форме Вашей работы⁴⁵. Как только узнаю, тогда немедленно сообщу. Завтра же, вероятно, они скажут мне, когда Вам нужно будет приехать в Ленинград. Чагина я сегодня не застал. Если завтра узнаю — немедленно сообщу Вам отдельно. Ну, вот всё, что я мог Вам написать. Повторяю Вам: не беспокойтесь, т.к. всё у Вас остается по-старому. Не решен только точно вопрос о конкретном Вашем вознаграждении.

Пожелаю Вам всего счастливого.

Уваж[ающий] Вас Д. Лев.

P. S. Привет всем Вашим. Д. Л.

№ 19

Ленинград, 19.01.1934

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич.

Отвечаю Вам на Ваш запрос по поводу «договора» с издательством. 16-го сего января был у Чагина и просил его выслать «договор». Чагин просил передать Вам, что он очень извиняется перед Вами, и что 17 января обязательно вышлет. Напишите, пожалуйста, получен ли Вами «договор», если нет, то я снова начну его теребить.

На днях, между прочим, я имел беседу с Мещаниновым по поводу экспедиции в Ср[еднюю] Азию. Экспедиция эта в плане 1934 г. стоит, но он точно не смог указать сметы. Напишите, как у Вас обстоят дела. Выяснилось ли что-нибудь у Горбунова?

⁴⁴ Бусыгин Александр Александрович (?—1936), партийный работник, специалист по общественным наукам. С 1933 в Институте философии ЛО Комкадемии, преподавал в ЛИЛИ. С января 1934 зам. директора ИАЭ-ИААЭ, председатель его Музейной комиссии, зав. отделом в издательстве АН СССР. В 1936 репрессирован.

⁴⁵ Новый договор был заключен только 29.03.1934 г. В. А. Городцов брал на себя следующие обязательства: «а) консультация по обработке и подготовке к экспозиции материалов из Тимоновской палеолитической стоянки — оплата 200 руб.; б) консультация научного сотрудника ИАЭ Д. Н. Лева по теме “История древнейшей металлургии на территории СССР” и руководство его работой над материалами по данной теме, хранящимися в Москве — оплата 300 руб.; в) руководство библиографической работой и предоставление библиографических материалов по археологии СССР — оплата 200 руб.; г) подготовка доклада на тему “Техника обработки каменных орудий по экспериментальным данным”, с представлением для печати в изданиях ИАЭ рукописи — оплата 400 руб. Всего на сумму 1100 руб.» (СПА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 196. Л. 19).

Теперь, у меня к Вам небольшая просьба: я подаю в секцию СНР [Союза научных работников]. У меня есть отзыв Зеленина, но необходимо еще от археолога. Если это возможно, то вышлите, пожалуйста. Уваж[ающий] Вас Д. Лев.

№ 20

23.01.1934

Глубокоуважаемый и дорогой Давид Натанович!

Большое спасибо Вам за письмо. Оно меня несколько успокоило, хотя не совсем. Всякая перемена начальства влечет за собою те или другие последствия, а такая большая перемена, какая произошла в МАЭ, и подавно не может пройти без последствий. Почему я думаю, что последствия должны коснуться меня, понять не трудно: я привязан к МАЭ на очень тоненькой ниточке, порвать которую ничего не стоит.

Относительно работ в Таджикистане я навел много справок, которые характеризуют страну в очень мрачных тонах. На р. Вахш, где мне хотелось поставить работу, в августе устанавливается наибольшая жара, доходящая до 70°. При такой температуре вести земляные работы нельзя. В сентябре и октябре льют непрерывные дожди, при которых вести арх[еологические] раскопки также нельзя.

Я обращался к знакомому доктору за советом. Он выслушал мое сердце и сказал, что оно, в общем, недурно, но всё же утомлено и вынести жару в 70° едва ли сможет, а поэтому он всячески советовал не ездить в таджикостанское пекло. Это меня очень обескуражило и остановило мои хлопоты.

Таджикистанской комплексной экспедицией руководит Горбунов. Я был у него и поставил вопрос о субсидии. Он ответил, что в его распоряжении средств нет, что он сам получает средства от Экспедиционной базы, а потому советовал обратиться с просьбой к базе. На базу я ходил, но не мог отыскать её даже через справочное бюро⁴⁶. Она где-то работает у черта на куличиках. Но я бы нашел её и там, если бы в это время не разочаровал меня доктор и один из жителей Таджикистана. Я решил выждать до поездки в Ленинград, где [буду] просить заново пересмотреть вопрос об экспедиции и направить нас в другую, более подходящую область. Если бы нас командировали на С[еверный] Кавказ, то это было бы в тысячу раз лучше. Я говорил об этом с Ф. В. Кипарисовым⁴⁷, который обещал переговорить об этом с И. И. Мещаниновым, с которым он в очень хороших отношениях, и убедить его направить нашу экспедицию на Кавказ.

В последнее время живется так тяжело, что я совершенно ничем не могу заниматься. Может быть, острое переутомление дает себя чувствовать или уже все события вместе. Чагина спросите о договоре. Что за причины задержки?

Еще раз спасибо Вам. Прощу Вас не брезговать марками: мы люди не богатые, нам каждая копейка дорога.

Жму Вашу руку. Поклон супруге и поцелуй — маленькой дочке. В. А. Городцов.

№ 21

6.03.1934

Глубокоуважаемый Лев Натанович!

Позвольте обратиться к Вам с тяжелой для меня просьбой: состою ли я на службе в ИАЭ или нет? Я писал Мещанинову, но он до сих пор не ответил мне, хотя через Б. Н. Гракова⁴⁸ сооб-

⁴⁶ См. о перипетиях этих поисков: (Городцов 2012а: 598, 599).

⁴⁷ Кипарисов Федор Васильевич (1886—1936), филолог-классик, профсоюзный и партийный деятель. В январе 1929 назначен зам. председателя ГАИМК с целью ее «большевизации». С 1934 (после смерти Н. Я. Марра) и. о. председателя ГАИМК, проф. ЛИЛИ, директор Института книговедения (1932—1933), председатель Комитета по планированию археологических работ сектора науки НКП РСФСР. Ответственный редактор журнала «Проблемы истории докапиталистических обществ». В 1936 репрессирован (см. подробнее: Платонова 1996; Васильков, Сорокина 2003: 202).

⁴⁸ Граков Борис Николаевич (1899—1970), археолог, историк-антиковед. Окончил МГУ (1922) и аспирантуру ИАИ РАНИОН (1928), ученик М. М. Покровского и Н. И. Новосадского. Работал в ГИМе (1919, 1921—1929), РАНИОНе (1928—1931), МО ГАИМК-ИИМК (1931—1953), преподавал в МИФЛИ (1933—1941), МГУ (1922—1924, 1941—1969). Создал в 1940—1960-е московскую школу скифо-сарматской археологии. Труды по археологии раннего железного века, классической филологии и античной керамической эпиграфике (см. подробнее: Кузьминых 2007; Плещивенко 2011).

№1. 2014

шил 18 февраля, что очень передо мною извиняется, но не может ответить, так как и сам не знает: директор он или нет. Теперь до меня дошел слух, что он утвержден в должности директора и поэтому мог бы ответить мне, но почему-то не отвечает.

О Таджикистанской экспедиции я уже не поднимаю вопроса, так как время упущено, да и условия изменились: ведь ранее я считал руководителем экспедиции Белоусова⁴⁹, знакомого и симпатичного мне человека, а теперь выяснилось, что руководителем является Горбунов, человек мне совсем незнакомый и, кажется, не совсем склонный к организации арх[еологического] отряда.

Я, вероятнее всего, поеду на Кубань исследовать тмутараканские поселки и городища, похожие на дьяковские. Мне очень хотелось бы ехать с Вами. Как Вы на это посмотрели бы? Напишите мне о Вашем взгляде на мое приглашение.

Еще о моей службе в ИАЭ. Если я еще значусь на службе, то узнайте и напишите мне, когда я мог бы приехать в Ленинград. Хотелось бы знать заранее, так как трудно добывать билеты.

Теперь сообщу Вам горькое для меня событие. Старший сын мой — Игорь Васильевич 28 февраля скончался от туберкулеза. Смерть была тяжелая. Все члены семьи моей, как и сам я, исстрадались и измучались. 3 марта была совершена кремация. Погребение же урны будет совершено в начале мая, когда оттает земля в нашей родовой могиле⁵⁰. Сегодня принимаюсь за рядовые работы.

Прошу передать мой привет Вашей супруге, а маленькую деточку поцеловать за меня. Поклон всем моим сослуживцам. Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

P. S. В «Вестнике АН СССР» напечатана моя заметка о Тимоновской стоянке [Городцов 1934]. Нельзя ли просить редакцию, чтобы она выслала мне хотя бы один авторский экземпляр. Будьте добры, зайдите в редакцию. В. А. Г[ородцов].

№ 22

[Начало мая 1934 г.]

Дорогой Давид Натанович,

спасибо за Ваше письмо. 15 мая утром я буду в Ленинграде⁵¹. Обо всем переговорим лично. Если Вас не затруднит, зайдите в общежитие Дома ученых и попросите оставить мне койку. Я проживу дней 5. Нашему секретарю [К. В. Вяткиной] сообщите о моем желании прочитать доклад на тему «К истории развития техники каменных орудий» [Городцов 1935б]. Директора хотелось бы также предупредить через секретаря. Будьте добры, окажите Ваше содействие.

МОГАИМК обещает и, по-видимому, выдаст без особой задержки 2000 рублей⁵². Больше не обещают. Митя [Д. А. Крайнов] очень желает ехать с нами. Половина его, говорят, беременна, значит, ехать не может.

Пока до свидания. Всему Вашему семейству и всем товарищам посылаю поклон. В. А. Городцов.

№ 23

5.08.1934

Дорогой Давид Натанович,

в Одессу я не еду: сейчас сдал деньги 500 р. Будьте добры, передайте т[овари]щу А. А. Бусыгину об этом. Чувствую себя не очень хорошо. Нуждаюсь в отдыхе.

С искренним почтением остаюсь В. А. Городцов.

⁴⁹ Белоусов Владимир Яковлевич (1880—?), кооператор, революционер. С 1904 член РСДРП(м), с 1918 в ВКП(б). С 1914 в Центросоюзе. В 1918—1920 член коллегии Центрального управления красноармейских лавок, в 1920 работал в ВСНХ, в 1921—1922 вновь в Центросоюзе, с 1925 председатель правления Центрожилсоюза. В 1930-е руководитель Киргизской комплексной экспедиции.

⁵⁰ Могила Городцовых находится на Новодевичьем кладбище; в ней похоронены жена Елизавета Евгеньевна (1928), сын Игорь (1934), его жена Клавдия (1935), позже В. А. Городцов (1945) и сын Мстислав (1968).

⁵¹ 16—23 мая 1934 г. В. А. Городцов был командирован МОГАИМК в ИАЭ; 19 мая сделал доклад «К истории развития техники обработки каменных орудий».

⁵² Речь идет о Кубанской экспедиции ИАЭ и МОГАИМК (14.06.—14.07.1934 г.).

№ 24

7.11.1934

Дорогой Давид Натанович.

Я приеду в Ленинград 13 ноября в 10 ч. утра. Билет взят в жестком «Стрелы». С вокзала проеду на трамвае № 4 прямо в МАЭ. Очень прошу зайти Вас в Дом ученых и занять для меня кровать в номере потеплее и записать меня дней на 7 на довольствие в столовой АН СССР так, чтобы я мог позавтракать 13 ноября и в след[ующие] дни и, конечно, обедать.

В МАЭ я займусь вместе с Вами разборкой коллекции раскопок 1934 г. Кроме того, прошу поставить к заслушанию мой доклад в ИАЭ на тему «Социально-экономический быт обитателей Тимоновской палеолитической стоянки» [Городцов 1935б]. Проживу я в Ленинграде числа до 20 ноября⁵³.

Итак, пока до свидания. В. А. Городцов.

№ 25

21.11.1934

Дорогой Давид Натанович!

Спешу исполнить Вашу просьбу. По имеющимся у меня сведениям, которые Вам, вероятно, неизвестны, фигурки, сделанные из кремня в виде человека и животных⁵⁴, имеются со следующих неолитических стоянках: 1) с берегов Белого моря одна фигурка животного, хранится в Госуд[арственном] Историческом музее, 2) несколько фигурок, представляющих человека, животных и птиц из Волосовской стоянки, близ г. Муром, хранятся в Госуд[арственном] Историч[еском] музее, 3) несколько фигурок из неолитической стоянки — «Коломцы», близ Новгорода, изданы Н. К. Рерихом в «Записках отделения русской и славянской Археологии Русского Арх[еологического] Общества, т. VIII, в. 2, 1907 г., стр. 242 [Рерих 1907]; 4) две кремневые фигурки, изображающих одна — человека, а другая — нечто не совсем определенное (найдена на дюне Борок близ Рязани). Фигура человека хранится, вероятнее всего, в Рязанском музее.

Кроме того, фигурки, сделанные из камня, найдены: 1) на берегу р. Онеги в местности «Кубенино», в 4-х километрах от Каргополя; представляют небольшие фигурки людей (2); 2) Б.Эд. Петри⁵⁵ в 1914 году сообщил мне о сделанной им находке на берегу оз. Байкала изображений каменных рыб, приспособленных к подвешиванию⁵⁶. Петри в 1914 г. был на службе в МАЭ; возможно, что эти изображения теперь хранятся в МАЭ. Подобные изображения каменных рыб имелись в Гос[ударственном] Историч[еском] музее, но куда их в настоящее время запрятал Брюсов, не знаю; сам же он в отпуску.

Кремневое неясное изображение животного мною было найдено и издано в Панфиловской стоянке, недалеко от Мурома [Городцов 1926а], однако, эта стоянка относится уже к металлическому периоду. Вот какие сведения у меня имеются в записках. Я думаю, что за последние годы могли последовать новые находки, но сведений о них у меня нет.

С искренним уважением остаюсь В. А. Городцов.

Прошу передать всем нашим общим знакомым поклон. Доехал я в Москву хорошо. В. А. Г[ородцов].

⁵³ С 13 по 20 ноября 1934 г. ГИМ командировал В. А. Городцова в Ленинград для установления связи с областным отделом учета и охраны памятников; 16 ноября в ИАЭ состоялся его доклад «Социально-экономический строй обитателей Тимоновской палеолитической стоянки»; в эти же дни была разобрана коллекция предметов из Елизаветинского городища и могильника (раскопки 1934 г.) и организована их выставка в МАЭ.

⁵⁴ Большинство фигурок, упоминаемых в этом письме, позднее вошли в сводку С. Н. Замятина (1948).

⁵⁵ Петри Бернгард Эдуардович (1884—1937), этнограф, археолог, антрополог. Окончил географическое отделение естественного факультета ПУ (1910), ученик В. В. Радлова и Л. Я. Штернберга. В 1910—1917 в МАЭ, в 1918—1930 в Иркутском университете, до ареста (май 1937) научный сотрудник Восточносибирского обласполкома. Основатель иркутской школы этнологии и археологии (см. подробнее: Сирина 1999; Иванов и др. 2008).

⁵⁶ См. обзор сибирских неолитических изображений рыб: (Окладников 1936; Студзицкая 1976).

№ 26

Ленинград, 8.12.1934

Глубокоуважаемый и дорогой Василий Алексеевич!

17-го сего декабря в гор. Москве на сессии Академии наук С. Н. Быковский⁵⁷ прочтет доклад на тему «Проблемы происхождения домашних животных»⁵⁸. Этот доклад, по словам С. Н. Быковского, большей частью построен на Ваших опубликованных материалах. Там же, на сессии, будет читать доклад и И. И. Винников.

Теперь, Василий Алексеевич, я хотел бы обратиться к Вам с просьбой, если это Вас не затруднит, выслать мне отзыв на мою статью «Древнейшие кремневые шахты и мастерские по выделке орудий». Эту статью я читал Вам в Москве. С. Н. Замятнин эту работу забраковал⁵⁹. По его мнению, никто, кроме П. П. Ефименко⁶⁰ и С. Н. Замятина, не имеют права касаться таинств палеолита. Это право принадлежит им — «мировым» ученым. С. Н. Быковский держится, конечно, совсем иначе. С ним очень хорошо работать, а с таким, как С. Н. Замятнин, может выдержать лишь только мой характер.

В МАЭ, дорогой Василий Алексеевич, всё еще финансовое затруднение. Когда будут деньги — сказать трудно. И. И. Мещанинова еще нет. На днях он должен вернуться с Кавказа. Книжечка моя на днях появится [Лев 1934а], и тогда немедленно Вам ее вышлю. Знаете ли Вы о работе на тему: *Kensemann* «Die Entwicklung des Eisengewinnung in Africa und Europa» в журнале: «Mitt[eilungen] d[er] Anthropolog[ischen] Gesellsch[aft] in Wien». Liv, 1924, Heft 3—4. P. 120—140. 22 рис. и 2 карты. — «О типах и развитии плавильных печей от ямы до высоких печей — в Европе и Африке!» [Klusemann 1924]. Эту работу я еще не достал. Если достану, то смогу выслать Вам выписки и рисунки. Н. И. Березин составляет сейчас карту распространения палеолитических стоянок [Березин 1936].

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и счастливого. Привет от меня Вашей семье. Привет от Н. И. Березина, Н. Р. Косниковского и других. Если будете писать в гор[од] Краснодар — передайте, пожалуйста, Анфимову⁶¹ и Покровскому⁶² привет от меня.

С глубоким почтением Ваш Д. Лев.

⁵⁷ Быковский Сергей Николаевич (1896—1936), историк, археолог, этнограф. Учился на физико-математическом факультете МУ. Во время Первой мировой войны в армии. Член РКП(б) с 1918, служил в ЧК (1918, 1920—1921). С 1925 в Вятском пединституте (с 1929 профессор), преподавал историю России, историю культуры, историю классово-борьбы и источниковедение. С 1930 в Ленинграде: зав. Северным сектором ИПИН, сотрудник, затем зам. председателя ГАИМК (1932—1934), возглавлял кафедру доклассового общества ЛИФЛИ (1931—1936), зав. археологической секцией МАЭ (1934—1936), член редколлегии журнала «Советская этнография». В 1936 репрессирован (см. подробнее: Быковский [1930]; Васильков, Сорокина 2003: 85).

⁵⁸ Доклад опубликован в том же году, но под другим названием (Быковский 1934).

⁵⁹ Статья Д. Н. Льва в итоге вышла при поддержке С. Н. Быковского и В. А. Городцова (Лев 1934б).

⁶⁰ Ефименко Петр Петрович (1884—1969), археолог, академик АН УССР (1945). Выпускник кафедры географии и этнографии ПУ (1912). С 1915 в РИМ: зав. отделом крестьянского быта (с 1915), зав. отделом славяно-финской археологии (с 1922). С 1919 в этнологическом разряде Московской секции ГАИМК. С 1923 в Петрограде-Ленинграде: зав. сектором палеолита и неолита ГАИМК-ИИМК (1938—1950), в ЭОРМ (1924—1930), МАЭ (1931—1932) и Эрмитаже (с 1932). Директор ИА АН УССР (1946—1954). Преподавал на Бестужевских курсах (1909—1911, 1914) и в ЛГУ (1924—1938). Организатор и руководитель крупных археологических экспедиций: Средневожжской (1926—1930), Костенковской палеолитической (1931—1937) и др. Основные труды в области палеолитоведения (см. подробнее: Гаврилов, Кузьминых, Тихонов 2007).

⁶¹ Анфимов Никита Владимирович (1909—1998), археолог, краевед. Окончил Кубанский медицинский институт (1931) и Краснодарский пединститут (1936). Ученик М. В. Покровского. С 1928 внештатный сотрудник Кубанского научного музея (ныне Краснодарский историко-археологический музей-заповедник), в 1930—1955 в его штате. В 1937—1981 преподавал в Краснодарском пединституте. Основные труды по археологии раннего железного века Северо-Западного Кавказа (см. подробнее: Хачатурова 1999).

⁶² Покровский Михаил Владимирович (1897—1959), историк, археолог. Окончил Краснодарский пединститут (1923), работал учителем истории в школе. С 1934 преподавал в пединституте, с 1944 зав. кафедрой истории СССР. Основные труды по археологии Прикубанья и социально-экономической истории адыгских племен XVIII—XIX вв. (см. подробнее: Анфимов 1961).

№ 27

[9.12.1934]

Дорогой Давид Натанович!

Я долго не отвечал на Ваше письмо, потому что обстановка моей работы не была достаточно ясна. Правда, она не была ясна и теперь, но всё же я кое-что могу сказать с большей определенностью.

Прежде всего, о моей поездке в Ленинград. Я надеюсь быть у Вас не ранее 20 декабря. О дне выезда, когда он совсем определится, сообщу Вам. Задержкой служит служба в Историч[еском] музее⁶³: у нас проектируется большая работа и поэтому отлучки служащих для администрации не очень приятны, и я стесняюсь проситься в отпуск. Но подготовка в этом направлении идет.

Вчера, 8 декабря, я сделал доклад о результатах раскопок в Елизаветинской станице, который я повторю в ИАЭ, но уже с показом самих добытых вещей, отсутствие которых в заседании МОГАИМК было чувствительно. Доклад прошел с очень хорошими результатами. Слушатели весьма заинтересовались могильником и городищем⁶⁴.

Дорогой Давид Натанович, нельзя [ли] к моему приезду сделать реставрацию елизаветинской керамики, в особенности склейки амфор и отчистки мегарской чаши⁶⁵, рисунок которой обещает быть очень интересным и издание его в высшей степени важно. В Москве подобного сосуда нет. Не знаю, найдется ли в Эрмитаже.

Вашего труда [Лев 1934а] я жду с нетерпением. На одном заседании МОГАИМК была подвергнута критике работа П. П. Еф[именко], которую я еще не успел прочитать. Не было решительно ни одного голоса, который одобрял бы этот труд [Ефименко 1934]. Указывают, что заглавие не отвечает содержанию. Содержание не имеет основного стержня, так что трудно понять, какую специальность желает отразить автор: геологию, палеонтологию, социологию, археологию или еще что другое, но чувствуется, что автор не геолог, не палеонтолог, не социолог, не лингвист, не... и т. д. Я лично в дебатах участия не мог принять, так как еще не прочитал этого труда: досуга у меня нет, но к чтению <...>⁶⁶.

№ 28

13.01.1935

Дорогой Давид Натанович!

Хороший труд Ваш [Лев 1934а] получил. Поздравляю Вас с хорошим детищем!

Я приеду на «Стреле» 16 января утром⁶⁷. Если можно, зайдите в Дом ученых заказать мне номер, но не отдельный, а общий, чтобы не было дорого.

Мне очень хотелось бы сделать доклад о «Результатах раскопок Елизаветинского могильника и городища в 1934 году» [Городцов 1935в]. Буду в Ленинграде до 20 января, так что доклад можно было бы поставить 18, 19 января. 20-го днем также можно.

В. А. Городцов.

⁶³ С 7 сентября 1934 г. по 17 апреля 1935 г. В. А. Городцов работал заведующим отделом учета и охраны исторических памятников ГИМ.

⁶⁴ См. о впечатлениях В. А. Городцова о докладе в его дневнике (Городцов 2012а: 695, 696).

⁶⁵ При раскопках Елизаветинского могильника в 1934 г. В. А. Городцов обнаружил в погр. 23 фрагменты мегарской чаши с изображением бюста богини с клеймом мастера «KIPBEI» в центральном медальоне (Городцов 1935в: 74, рис. 2) (МАЭ, № 5266-128). При описании чаши Городцов обратился к сочинению немецкого историка и археолога Роберта Цана, который привел сводку мегарских чаш этого же мастера из собрания Королевского музея в Берлине (Zahn 1909: 45—47) и французского археолога Ф. Курби (Courby 1922: 441), опубликовавшего изображение подвигов Геракла на кубке из собрания музея Равенстейна (Фландрия).

⁶⁶ См. об обсуждении книги П. П. Ефименко (1934) в МОГАИМК в дневнике В. А. Городцова (2012а: 698—699).

⁶⁷ С 15 по 30 января 1935 г. В. А. Городцов был командирован МОГАИМК в ИАЭ.

№ 29

20.01.1935

Дорогой Давид Натанович!

Сегодня, 20 января, я прибыл в Москву совершенно благополучно, но устал от излишней жары в вагоне. Днем спал дома и теперь (вечером) взялся за написание «резюме», которое я прилагаю к сему письму и покорнейше прошу Вас передать в редакцию «Советской этнографии» через посредство Нины Ивановны Гаген-Торн⁶⁸.

В последние часы пребывания в МАЭ ко мне обратилась сотрудница В. В. Федорова Ангелина Васильевна Дмитриевская⁶⁹ (эта ее девичья фамилия) с просьбой о переводе ее в археологический отдел МАЭ, так как она по специальности археологичка. Я знаю её: она моя хорошая ученица. Я очень прошу Вас посодействовать ей и поговорить с А. А. Бусьгиным. Если потребуется о ней письменный отзыв, я дам его, потому что знаю ее как очень способного и добросовестного работника.

Прошу, передайте всем нашим товарищам поклон. Поклон Вашей супруге и поцелуй от дедушки маленькой внучке.

№ 30

[Начало февраля 1935 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Спасибо Вам за проведение в жизнь нашей Елизаветинской коллекции. Было бы очень хорошо, если бы Николай Романович [Косниковский] склеил хотя бы одну амфору.

В ГАИМКе предполагается выставка памятников древности, добытых раскопками 1934 года [Борисковский 1935; Селиванов 1936]. Если они будут просить нашу елизаветинскую коллекцию, то ее можно было бы выставить, она на выставке не потеряется.

Ваше сообщение о соединении Академии ист[ории] м[атериальной] к[ультуры] с АН СССР едва ли осуществится, хотя осуществление было бы очень для ГАИМКа полезно. По моему мнению, гораздо реальнее слух об открытии в АН СССР вакансии для члена-археолога. Идея осуществимая и весьма хорошая. Искренно желаю ей воплотиться в жизнь.

Судя по Вашему письму, в Ленинграде колесо жизни вертится с сугубой быстротой⁷⁰. В Москве также немало крупных событий, к сожалению, наиболее крупные из них покрылись траурным крепом⁷¹. Что делать, всему своя доля.

Лично я живу упорным трудом. Голова начинает часто болеть. Веду обработку елизаветинского дневника, переписывая его набело⁷². Пишу и день, и ночь, так как с 10 февраля начинаю читать лекции в М[осковском] университете⁷³ и тогда времени у меня останется очень мало. В последние дни меня засыпают повестками, приглашениями на заседания. Читаю их с грустью и на заседания не хожу, хотя хорошо знаю арабскую пословицу, что провести единый час

⁶⁸ Гаген-Торн Нина Ивановна (1900—1986), этнограф, писатель, поэт. В период переписки В. А. Городцова и Д. Н. Льва была секретарем журнала «Советская этнография» (1.04.1934—15.03.1935) (см. подробнее о ее жизни, в том числе лагерной, и научной деятельности: Решетов 1994б: 359—363; Гаген-Торн 1999).

⁶⁹ К сожалению, биографические сведения об А. В. Дмитриевской крайне скупы. Она не упомянута в «Списке наиболее выдающихся учеников профессора В. А. Городцова» (Городцов 2012б: 638, 639). Известно, что вместе с другими учениками В. А. Городцова (М. Е. Арсаковой, Е. М. Витвицкой, Е. Н. Липеровской, В. П. Левашевой, П. А. Дмитриевым, А. П. Смирновым) участвовала в раскопках городищ и могильников XII—XIV вв. в Коми крае в 1925 г., в 1925—1927 гг. самостоятельно исследовала славянские Палицкие городище и курганы на р. Вобле, притоке р. Оки (Дмитриевская 1937).

⁷⁰ Речь идет, вероятно, не только об изменениях в общественно-политической обстановке в Ленинграде после убийства С. М. Кирова, но и связанной с этим событием волной репрессий, не обошедшей стороной ленинградские учебные и научные учреждения.

⁷¹ Речь идет, вероятнее всего, о смерти сына Игоря и его жены Клавдии Ивановны (Городцов 2012б: 700).

⁷² Дневник Кубанской экспедиции 1934 г. сохранился в архиве ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 84).

⁷³ С этого времени В. А. Городцов возвращается к преподавательской деятельности на биофаке и в Институте антропологии МГУ.

с мудрыми людьми это равно вечности, проведенной в раю. Но мне и для рая не хочется терять золотое время, его немного осталось в жизни сей.

В Ленинград я приеду около 20 февраля. Хорошо бы занять денёк для моего доклада о раскопках 1934 г. Доклад будет довольно большой или правильнее сказать полным. При случае, поговорите об этом в секретариате.

Пишу Покровскому, обещая копать на Кубани. Открывается возможность раскопок в Туркестане⁷⁴. Вообще перспектив рисуется много.

Об Ангелине Васильевне похлопочите, она была хорошей работницей-студенткой.

Прошу передать мой поклон всем нашим товарищам. Желаю Вам всяческих благ. Привет Вашей супруге и поцелуй маленькой дочке.

В. А. Городцов.

№ 31

14.02.1935

Глубокоуважаемый и дорогой Давид Натанович!

23 февраля я приеду к Вам, если не будет со стороны Института препятствий. Будьте добры, поговорите с секретарем или с директором по этому поводу и сообщите мне.

Я хотел бы быть у Вас 23, 24, 25 и 26 февраля. В эти дни мне хотелось сделать доклад о раскопках 1934 г.⁷⁵, выяснить работу на 1935 г. и договориться о напечатании подготовительных работ.

Всем поклон. С Покровским мною ведется оживленная переписка о предстоящих работах на Кубани.

Искренне уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 32

[Февраль 1935 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Будьте добры, пожалуйста, направьте монеты Елизаветинского могильника Александру Николаевичу Зографу⁷⁶, в Эрмитаж, по прилагаемой заявке директора ИАЭ. Отправляя монеты А. Н., их следует вложить в маленькие пакетики с надписями, из какого погребения та или другая монета добыта.

Привет всем товарищам по службе. С глубоким почтением В. А. Городцов.

Просите А. Н. Зографа вернуть монеты в ИАЭ с надписями его определения, которые перешлете мне.

№ 33

17.03.1935

Дорогой Давид Натанович!

В МОГАИМК денег на раскопки в Елизаветинской станице не ассигновали, мотивируя это тем, что со стороны ИАЭ не было никакой договоренности. Узнавши об этом, я повел переговоры с директором [А. Г. Иоаннисяном]. Оказалось, обход был сделан без его ведома и недостаточно основательно, так как я заявлял, правда устно, что продолжать раскопки на Кубани я буду и на это хотелось бы получить от МОГАИМК 3000 р. В настоящее время, по заявлению директора, деньги все распределены, но 1000 р. он всё-таки обещал дать на Кубанские раскопки. Мне кажется, было бы очень хорошо, если бы Иван Иванович [Мещанинов] командировал Вас

⁷⁴ Речь идет о плане сформировать под руководством В. А. Городцова археологический отряд в составе Таджикско-Памирской экспедиции АН СССР.

⁷⁵ С 23 по 27 февраля 1935 г. В. А. Городцов был командирован МОГАИМК в ИАЭ для научного доклада «Результаты раскопок Елизаветинского могильника и городища близ г. Краснодара в 1934 г.». Тогда же был заключен договор с ИАЭ о написании и подготовке к изданию монографии «Археология. Палеометаллический период. Т. 2» объемом в 40 печатных листов.

⁷⁶ Зограф Александр Николаевич (1889—1942), нумизмат и антиковед. В период переписки В. А. Городцова и Д. Н. Льва работал в Эрмитаже (с 1935 зав. Отделом нумизматики) (см. подробнее: Кулешов 2008).

№1. 2014

в Москву для заключения договора или каким-нибудь другим способом вступил с МОГАИМК в переговоры. Если Вы приедете в Москву, то остановитесь у меня! Мы вместе и повели бы дело.

Передали ли Вы монеты А. Н. Зографу? Если нет, то не забудьте передать их. Это — очень важно.

Прошу передать всем общим нашим знакомым мой привет.

В. А. Городцов.

№ 34

18.04.1935

Дорогой Давид Натанович,

Покорнейше прошу Вас телеграфировать мне о дне приезда Вашего в Москву, чтобы я мог купить ж[елезно]дорожные билеты для дальнейшего следования.

2000 р. мне обещали выдать 20 мая, но эти деньги казначеем еще не получены. Получите ли Вы деньги к 20-му? Если не получите, то может произойти задержка, так как меня следует уведомить по крайней мере за 5 дней до отъезда из Москвы, чтобы купить билеты. Рассчитайте по-лучше всё, потому что ошибка нам может стоить дорого.

Киргизская экспедиция⁷⁷, по-видимому, не состоится, за отсутствием средств.

Наш выезд из Москвы можно перенести на 1 июня, но никак не позже.

Всем — поклон. Любящий Вас В. А. Городцов.

Не забудьте потелефонить Крюгеру⁷⁸ в Эрмитаж и спросить его, скоро ли будут печатать статью о «Подчеремском кладе» [Городцов 1937] или Эрмитаж совсем не будет ее печатать.

Я так жалею, что в последний день помешал Прокошев⁷⁹ зайти в Эрмитаж. В разговоре с ним я забыл сделать то, что нужно было. В. А. Городцов.

№ 35

4.05.1935

Дорогой Давид Натанович.

Я буду в Ленинграде 8 мая, утром. Билет взят на «Стреле». Если можно, соблаговолите достать билеты на завтраки и обеды и потелефоньте в общежитие Дома ученых. Очень хорошо было бы достать место в общей комнате⁸⁰.

Перевод на 1500 рублей получил сейчас, вероятно, завтра получу и деньги.

Сегодня (4 мая) кончил чтение лекций на биофаке. Завтра студенты сдают мне экзамены. 6 мая схожу в баню; 7 мая являюсь докторам КСУ и получу от них разрешение пуститься в путь. Доктора на меня сердятся, что я их не слушаю. Но что делать, без работы я не могу жить. Привык и втянулся в работу с детства.

Всем мой сердечный привет. Жму крепко Вашу руку.

Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

⁷⁷ 1 марта 1935 г. руководитель Киргизской комплексной экспедицией В. Я. Белоусов предложил В. А. Городцову принять участие в экспедиции в качестве начальника археологического отряда, членами которого должны были стать В. Г. Карцев, Д. А. Крайнов и А. И. Тереножкин.

⁷⁸ Крюгер Отто Оскарович (1893—1967), эпиграфист и папиролог. Окончил ПУ (1917). Работал в Эрмитаже (1919—1938), РАИМК-ГАИМК-ИИМК (1920—1938) и ЛОИИ. С 1918 преподавал в ПУ-ЛГУ и других вузах. В 1938 арестован, в 1939 выслан в Казахстан, в 1955 освобожден, в 1957 вернулся к научной деятельности. Труды по истории древнего мира, прежде всего государства Селевкидов и эллинистического Египта (см. о нем: Миллибанд 2008: 730, 731).

⁷⁹ Прокошев Николай Афанасьевич (1907—1942), археолог. В 1926—1930 окончил историко-археологическое отделение историко-философского факультета 1 МГУ, ученик В. А. Городцова. С 1930 сотрудник Пермского музея, аспирант ГАИС-МОГАИМК-ГАИМК, с 1934 в ГАИМК-ИИМК. В 1933 возглавил Камскую экспедицию ГАИМК. Труды по неолиту и бронзовому веку Прикамья и Урала (см. подробнее: Збруева 1953; Оконникова 2006).

⁸⁰ С 7 по 16 мая 1935 г. В. А. Городцов был командирован МОГАИМК в Ленинград для изучения археологических материалов в Эрмитаже, ГАИМКе и ИАЭА; 14 мая принимал участие в разработке проекта организации журнала «Советская археология».

№ 36

[Август 1935 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Будьте добры, сообщите мне о причине задержки уведомления меня о присвоении мне звания «доктора археологии». По наведенным справкам в Наркомпросе, утверждение моё в звании состоялось 3 июня с.г.; 15 июня Наркомпрос сообщил об этом в ИАЭА для уведомления меня. Но я до сих пор не извещен, и, если бы не дал мне знать о представлении к званию С. Н. Быковский, я бы ничего и не знал. А знать об этом мне было нужно уже потому, что, как Вы и сами слышали, МОГАИМК собиралось возбудить ходатайство о том же присвоении мне звания, что вызвало бы лишнюю переписку и хлопоты. Справьтесь, пожалуйста, в канцелярии и напишите мне.

После Вашего отъезда из Москвы я засел за обработку елизаветинского материала⁸¹. Занимался от 14 до 16 ч[асов] в сутки и ко 2 августа заболел переутомлением мозга и правой руки, отказавшейся писать. Глаза мои от ужасного переутомления делались красными. Говорили мне, что на меня страшно было смотреть и советовали ехать на отдых, но я настолько ослабел, что не мог ничего предпринимать и лежал пластом на диване. Дня три испытывал постоянные головные боли и головокружения. После стало лучше. Теперь мне совсем хорошо, и я вновь решаюсь садиться за работу.

Всем товарищам поклон. Жду от Вас вести.

В. А. Городцов.

№ 37

5.09.1935

Дорогой Давид Натанович!

Во второй половине сентября мне хотелось быть в Ленинграде и приступить к разбору коллекции Елиз[аветинского] городища. Об этом я написал нашему директору [А. Г. Иоаннисяну]. Будьте добры, узнайте, удобно ли приехать мне в означенное время. Соберутся ли в это время слушатели моего доклада о результатах раскопок?

Как Вы поживаете. У меня большое горе. Жена сына⁸² скончалась 31 августа. 3 сент[ября] совершенно погребение урны с ее пеплом. Переживания очень тяжелы.

Всем товарищам поклон. Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 38

22.09.1935

Дорогой Давид Натанович!

Сейчас я получил Ваше письмо, которое принесло мне хорошие вести об издании моих двух работ.

Очень сочувствую Вам и соболезную Вашему семейному горю. Беда, когда разлагивается семья! Разлад приносит горе обычно обоим супругам, а еще больше детям. Супруги могут быть так или иначе виноваты, но дети являются совершенно невиновными, а между тем на них-то и сваливается наибольшее количество несчастья. Зная Вашу доброту, я живо представляю, какие страдания Вам приходится переносить, и потому особенно сочувствую Вам и желаю Вам от всего сердца всех благ. Будьте мужественны и честны до конца.

Об утверждении меня в звании «доктора археологии» я узнал от С. Н. Быковского. Вы, вероятно, помните, что директор МОГАИМК [А. Г. Иоаннисян], в Вашем присутствии, объявил мне о намерении присвоить мне это звание. Как он поступил, я не знаю; но если он, действительно, вошел с представлением, то это выйдет ненужной дублировкой. По поводу этого я говорил с секретарем МОГАИМК [С. П. Толстовым], человеком в должности новым. О ходе дела он ничего не знает, но советовал получить от ИАЭА удостоверение, которое было бы приложено к делу МОГАИМК. Об этом я писал И. И. Мещанинову, но пока ответа не получил. Хорошо бы было, если бы Вы нажали в канцелярии пружину.

⁸¹ С 27 мая по 20 июля 1935 г. В. А. Городцов руководил работами Кубанской археологической экспедиции.

⁸² Жена сына Игоря Клавдия Ивановна заразилась от мужа туберкулезом.

№1. 2014

Эсаулов⁸³ пристаёт ко мне о представлении денежного отчета по Кубанской экспедиции. Я два раза отвечал ему, что денежный отчет представлен еще 21 июля Вами. Эсаулов ищет этот отчет и нигде не находит. Имеется ли у Вас расписка о приеме от Вас отчета. Я опасаясь, как бы не создалось около этого дела неприятной истории. Будьте добры, черкните мне или Эсаулову о сдаче отчета.

Примирение С. Н. [Быковского] с П. П. [Ефименко] мне нравится: «лучше плохой мир, чем хорошая война». Во всяком общении необходимо прощать и извинять.

Как хорошо Вы делаете, что уезжаете в Крым: там Вы отдохнете⁸⁴.

Я первые 10 дней (до 2 августа) поднял огромный груз по обработке дневников, просиживая от 14 до 16 часов за составлением длиннейших таблиц⁸⁵. У меня разболелись глаза, так что белки стали красными. И мозг мой утомился до последнего градуса. Я рвался к большой работе по написанию II тома «Археологии», но по совету докторов пришлось всё оставить и лечиться. Не имея сил ждать без дела, я читал марксистскую литературу и 6 дней писал красками⁸⁶, но и это меня утомляло, и сейчас я в дурном состоянии.

Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

Прошу передать мой поклон всем нашим сослуживцам. С. Н. [Быковского] и И. И. [Мещанинова] очень благодарю за память. В. А. Г[ородцов].

№ 39

7.10.1935

Доверяю Давиду Натановичу Лев (научному сотруднику Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР) получить мою статью в рукописи «Подчеремский клад»⁸⁷.

Профессор В. А. Городцов.

№ 40

10.10.1935

Дорогой Давид Натанович!

Спешу сообщить, что доехал я до Москвы сравнительно благополучно⁸⁸: у меня ничего не украли, хотя вагоновожатый, перенося на мою лавку вещи другого пассажира, когда уже мы подъезжали к Москве, положил на мою шляпу тяжелый узел и отодвинул в угол верхний полки, на которой я ехал. Хватившись шляпы, я принялся ее отыскивать. В поисках приняли участие соседи. Шляпа пропала. Я побежал к вагоновожатому. Тот перебрал все постели, взятые у нас, и шляпы не нашел. Тогда он пошел в наше отделение и стал перебирать все вещи и, наконец, отыскали шляпу, но в каком ужасном виде.

Хам стал говорить: «Я знал, что у меня шляпа не пропадет; вот и вышло так. Напрасно беспокоились». Что же можно было сказать такому подлецу, который уже с утра был в нетрезвом виде. Новая шляпа сразу стала ветхой, жёваной. Конечно, могло быть и хуже: могли стянуть саквояж, как стянули года два тому назад, но, во избежание такого несчастья, я всю ночь не спал. Место мое приходилось крайним к выходу и уборной. Вагон был набит людьми, как

⁸³ Эсаулов Леонтий Николаевич (1894—1980-е), юрист, финансовый работник. В 1913 окончил Московскую 11-ю гимназию, в 1916 юридический лицей. В 1917 на военной службе. С 1918 на различных должностях в Наркомфине, Главлескоме. В 1922—1932 делопроизводитель при правлении РАНИОН, в 1932—1937 управляющий делами и бухгалтер МОГАИМК, с 1938 в той же должности в МОИИМК, в 1943—1976 главный бухгалтер ИИМК-ИА.

⁸⁴ В Крыму жила мать Д. Н. Льва.

⁸⁵ Материалы раскопок Кубанской экспедиции 1935 г. (дневник раскопок, таблицы, описи предметов и др.) сохранились в архиве (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 84—87).

⁸⁶ В личном архиве сохранились небольшие масляные картинки, в основном биографического характера, написанные В. А. Городцовым в 1932—1937 гг. В большинстве своем они опубликованы (Белозерова и др. 2003; Белозерова, Кузьминых 2010: рис. 1—6).

⁸⁷ Речь идет о поручении В. А. Городцова забрать из Эрмитажа рукопись статьи о Подчеремском кладе для передачи ее в журнал «Советская археология». Издательство Эрмитажа не выполнило обязательства о публикации данной статьи.

⁸⁸ С 30 сентября по 8 октября 1935 г. В. А. Городцов был командирован в ИАЭА для изучения материалов Кубанской экспедиции.

бочка сельдями. Это был не плацкартный вагон, а общий, за исключением 4-х мест, одно из которых досталось мне как плацкартное. Всю ночь мимо ходили люди разных чинов и званий, иногда пугавшие своим серьезным видом. Однако не только у меня, но и у всех пассажиров нашего вагона, насколько мне известно, краж не было.

Дома я целый день спал. 9 окт[ября] утром узнал из газеты о наводнении в Ленинграде. Пожалел пострадавших. Днём занимался чтением писем. Прочитал Ваше письмо с удостоверением за подписью ак[адемика] Волгина⁸⁹, что удостоен звания «д[октора] арх[еологии]»⁹⁰, за что весьма и весьма благодарю ИАЭА и АН СССР. Не знаю только, как выразить мою благодарность. Удобно ли сделать это письменно? Страшно неопытен я и некого спросить.

В ГАИМКе договор не согласился секретарь составлять, уверяя, что статья моя будет без промедления пущена в печать и тогда выдадут за нее деньги без задержки⁹¹. Пришлось поверить на слово.

Из казначейства Инст[итута] антр[опологии], этногр[афии] и археологии за статью «К истории развития техники первоб[ытных] каменных орудий», печатана во II томе «Советской этнографии» [Городцов 1935б], денег (546 р.) мне не выслали. Похлопочите, пожалуйста, в высылке их. Ведь уверяли меня, что я приеду в Москву, и деньги будут уже там.

П. И. Чагина также не забудьте побудить выслать деньги за статью «Тимон[овская] палеолит[ическая] стоянка по раскопкам 1933 г.» [Городцов 1934]. Просто беда: деньги заработаны, а в карманах «вошь на аркане». Дело плохо. С Эрмитажем совсем плохо. Делается черт знает что... Нажмите на секретаря, пожалуйста, а то она совсем успокоилась, и статья моя [о Подчеремском кладе] пропадет.

Всем нашим поклон. С искренним почтением остаюсь В. А. Городцов.

№ 41

18.10.1935

Дорогой Давид Натанович!

Сейчас получил Ваше письмо. Большое спасибо Вам. Деньги я получил, теперь только получить с Чагина. Спасибо Вам. Я знаю, только благодаря Вашей энергии я получил деньги. А. А. Бусыгину скажите, что отчет я скоро предоставляю.

В последнее время меня завалили работой: 1) 20 окт[ября] я делаю доклад о результатах раскопок [Елизаветинского городища] 1935 г. в МОГАИМКе⁹², 2) ГАИМК требует краткий отчет о тех же раскопках, 3) К. В. Вяткина⁹³ еще в день моего отъезда просила тот же отчет; 4) хотелось написать статейку для сборника «Советская археология» [Городцов 1936]; словом целая гора упала на плечи. Всё же надеюсь с этой горой справиться. Занимаюсь я очень усердно; почти нигде не выхожу. Плохо стал спать — признак усталости. Но это пустяки.

Плохо то, что Громова⁹⁴ отказалась описать кости из Елизав[етинского] городища, отказался и Бауэр⁹⁵. Остается надежда на москвичей, но их мне не удалось видеть: они в разъездах. Время идет, как вода в Кубани: сильно, мутно и безрыбно. Черт знает что! «Пишу с утра до вечера, а читать нечего». Рвусь к большой работе, а меня, как клопы, терзает мелочь. Решил сбить текущую серию работ и больше никакой мелочи в руки не брать, а отдаться всеми силами II-му тому «Археологии». Иначе я не успею выполнить договоры, а это для меня хуже смерти.

⁸⁹ Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962), историк, общественный деятель, академик (1930). В 1930—1935 непреременный секретарь АН СССР (см. подробнее: Киселева 2006).

⁹⁰ В личном архиве сохранилось удостоверение о присвоении В. А. Городцову степени доктора археологии (3.07.1935 г.) (см. Городцов 2012а: 751, 752).

⁹¹ Речь идет, вероятно, о рукописи книги «Тимоновская палеолитическая стоянка», принятой к печати в ГАИМКе, но так и не изданной.

⁹² Материалы к докладу о раскопках Елизаветинского городища в 1935 г. сохранились в архиве ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 87).

⁹³ Вяткина Капитолина Васильевна (1892—1973), этнограф, археолог, монголовед. С середины 1920-х работала в КИПСЕ-ИПИИ, а с 1933 в ИАЭ-ИАЭА-ИЭ.

⁹⁴ Громова Вера Исаковна (1891—1973), палеонтолог. Работала в Зоологическом музее (1919—1942) и Палеонтологическом институте АН СССР (1942—1960) (см. подробнее: Трофимов и др. 2001).

⁹⁵ Вероятно, ошибка в написании: нужно читать — Браунер.

№1. 2014

Передайте от меня всем поклон. Н. Р. Косниковского попросите приступить к разбору нашей коллекции, чтобы к докладу хотя бы часть ее была разобрана.

Да, вот еще: шляпу удалось выправить, и выглядит она стала как новая. Чем я очень доволен. Остается добыть сапоги, но это уже не так легко, как шляпу разутюжить. Вот, дорогой Давид, все мои новости. Из них Вы видите, как бедна жизнь Вашего покорнейшего читателя.

Еще одно: как Вы перенесли наводнение Невы? Не пострадал ли Институт?

С искренним почтением остаюсь В. А. Городцов.

Нажмите, пожалуйста, на Эрмитаж. Неужели его канцелярия потеряла мою статью [о Подчеремском кладе]. Ведь это очень обидно: статья хорошая! Я бы ее передал в «Сов[етскую] арх[еологию]». В. А. Г[ородцов].

№ 42

11.11.1935

Дорогой Давид Натанович,

16 ноября утром с «жесткой Стрелой» я приеду в Ленинград. Будьте добры, передайте Капитолине Васильевне [Вяткиной], что я прошу назначить мой доклад «О результатах исследования Елизаветинского городища в 1935 г.» на 17 или 18 ноября.

Позвоните в Дом ученых Екатерине Дмитриевне Карнатовской с просьбой от меня оставить мне небольшую комнату, в цену 7 рублей, с 16-го утром и до 23 ноября, т. е. приблизительно на одну неделю.

На этот раз привезу в музей интересный подарок: каменные орудия, сделанные [из] разноцветной яшмы, агата и халцедона.

С глубоким почтением остаюсь В. А. Городцов.

№ 43

5.12.1935

Дорогой Давид Натанович!

10 декабря утром я буду в Ленинграде⁹⁶. Билет куплен на «Стреле», жесткий. Будьте любезны, сообщите Капитолине Васильевне о моем докладе на тему «О результатах раскопок Елизаветинского городища в 1935 г.». Ввиду окончания года отчет мой не хотелось бы более отлагать.

В Дом ученых я написал письмо, чтобы оставили мне маленький номерок. Если Вас не затруднит, числа 9-го поговорите по телефону с Екатериной Дмитриевной Корнатовской об этой моей просьбе.

Итак, до скорого свидания. Желаю Вам всех благ. Поклон всем сослуживцам. С искренним почтением остаюсь В. А. Городцов.

№ 44

21.12.1935

Дорогой Давид Натанович!

Будьте добры, передайте т[овари]щу Храмовой⁹⁷ прилагаемое при сём Resume к моей статье «Подчеремский клад» [Городцов 1937] и спросите ее, получила ли она самую статью, посланную мною 20 декабря на редакцию «Советской археологии». Resume отбилося от статьи совершенно случайно! Я забыл его вложить в пакет.

На этих днях я получил письма из Краснодара от М. В. Покровского и Н. В. Анфимова. Первый спрашивает, будут ли продолжены в 1936 году раскопки в Елизаветинском городище и будут ли печататься его две статьи в сборнике археологии?⁹⁸ На оба вопроса я пока ответить

⁹⁶ С 9 по 18 декабря 1935 г. В. А. Городцов был командирован в ИАЭА для доклада «О результатах раскопок Елизаветинского городища в 1935 г.»; 15 декабря в Институте науки и техники АН СССР состоялся его доклад «К истории развития техники сооружения древних укреплений».

⁹⁷ Храмова В. В., секретарь редакции журнала «Советская археология».

⁹⁸ Скорее всего, имеются в виду статьи М. В. Покровского о Пашковском могильнике (Покровский 1935; 1936).

не могу. МОГАИМК намерено поддерживать раскопки, но будет ли поддерживать ИАЭА, осталось для меня неясным.

Анфимов прислал фотографии и обещает прислать еще несколько экземпляров. Фотографии вышли плоховатыми⁹⁹. Хорошо только то, что он их выслал. Вместе с фотографиями, он прислал карандашный рисунок с каменного орудия, найденного на площади Ильской стоянки, где он уже успел побывать. Это ильское орудие, как замятнинские последнего сбора, похоже на *coup de poign* шельского типа¹⁰⁰. Просто «чудеса в решете»! Кто мог бы подумать, что в солотрейской Ильской стоянке могло оказаться ручное рубило такого древнего типа¹⁰¹. А впрочем, почему бы ему не быть в Ильской стоянке, когда подобное ему успело затесаться даже в Панфиловскую стоянку металлического периода [Городцов 1926].

На днях хотел побывать у Вас направленный к Вам мною молодой ученый-ихтиолог т[овари]щ Никольский¹⁰² (человек самого высокого роста в Москве). Будьте добры, окажите ему Ваше содействие и, если можно, выдайте ему для описания все рыбы кости, добытые в Елизаветинском городище, и вышлите ему по его адресу¹⁰³.

Очень просят как можно скорее выслать и все кости животных из того же городища по адресу: Москва, Калужская улица, дом 75. В КОДЖ (Комитет по изучению домашних животных) при АН СССР, секретарю Римме Михайловне Шахуньянц.

Также необходимо ускорить высылку всех ручек от амфор с клеймами на мой адрес: Москва, 34. Полуэктов переулочек дом 5, кв. 4, для передачи Борису Николаевичу Гракову, для описания.

Кстати, Анфимов просит выслать ему ручки с клеймами, так как он описывает все такие ручки, добытые в городищах на р. Кубани, но я обещал передать ручки Гракову как уже известному специалисту гораздо ранее.

Не забудьте приобрести книжку, в мой счет, Серебровского¹⁰⁴.

Всем сослуживцам нашим прошу передать поклон. С искренним почтением остаюсь В. А. Городцов.

P. S. Что же Вы так долго не высылаете в МОГАИМК денежный отчет? Эсаулов меня спрашивает о нем при каждом свидании. Необходимо ускорить дело. В. А. Г[ородцов].

№ 45

[Конец декабря 1935 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Сегодня я получил письмо от М. Паничкиной¹⁰⁵, в котором она, по поручению С. Н. Быковского, спрашивает, кому бы я доверил подготовку к выставке предметов, добытых раскопками Елизаветинского городища и выполнение чертежей и рисунков для предстоящей выставки МАЭ?¹⁰⁶

М. Паничкиной сообщите, что на ее письмо я отвечаю Вам. Я очень прошу Вас руководить подготовкой коллекции к выставке. Что касается рисунков, то они будут выполнены под моим руководством в Москве. Рисунков и чертежей я думаю сделать не более 10, вероятно менее.

⁹⁹ Н. В. Анфимов вел фотосъемку во время раскопок Елизаветинского городища и могильника в 1935 г.

¹⁰⁰ Фр. *coup de poign* — рубило. В публикации В. А. Городцова (1941) рисунок Н. В. Анфимова не приводится.

¹⁰¹ Ильская многослойная стоянка эпохи среднего палеолита рассматривается в настоящее время как один из опорных памятников для изучения культур восточного микока (см. подробнее: Щелинский 2009).

¹⁰² Никольский Георгий Васильевич (1910—1977), ихтиолог, чл.-корр. АН СССР (1953), заведующий кафедрой ихтиологии МГУ и лабораторией ихтиологии Института морфологии животных АН СССР, создал ведущую отечественную школу ихтиологов.

¹⁰³ В итоге ученый обработал коллекцию ихтиофауны из раскопок Елизаветинского городища и опубликовал результаты исследования (Никольский 1937).

¹⁰⁴ Вероятнее всего, В. А. Городцова заинтересовала одна из этих книг П. В. Серебровского (1934; 1935).

¹⁰⁵ Паничкина Мария Захаровна (1904—1977), археолог, музейный работник (см. подробнее: Борисковский, Любин 1979).

¹⁰⁶ С 20 по 30 января 1936 г. В. А. Городцов был командирован МОГАИМК в МАЭ для устройства выставки коллекций из раскопок Елизаветинского городища 1935 г.

Рис. 3. Пифосы и амфоры Елизаветинского городища на выставке в МАЭ в начале 1936 г.: набросок В. А. Городцова в письме Д. Н. Льву. Чернила.

Fig. 3. Pithoi and amphorae from the Elizavetinskoe settlement exhibited at the Museum of Anthropology and Ethnography in 1936. V.A. Gorodtsov's sketch in a letter to D.N. Lev. Ink.

Сделаны будут: 1) план городища, 2—4) три гончарных печи, 5—6) два типа ручных мельниц, 7—8) жертвенник и м[ожет] б[ыть] что-нибудь другое. Рисунки будут небольших размеров¹⁰⁷.

Теперь относительно схемы расстановки предметов на выставке. Мне хотелось бы центральным пунктом иметь пирамидку с крупными глиняными сосудами: пифосами и амфорами (рис. 3). Пифосов у нас должно быть два: 1) целый прошлогодний, 1934 г. и 2) склеенный из обломков, 1935 г. Амфор потребуются несколько штук (необходимо раздавленные амфоры склеить). Склеить амфоры и пифос попросите Н. Р. Косниковского — он это живо смастерит.

Необходимо также склеить жертвенник [Городцов 1936б: рис. 7]. Он должен быть весь целым. Хорошо было бы недостающие части заполнить гипсом. При жертвеннике следует выставить статуэтки и целые таблетки. Хорошо бы эту группу выставить в отдельной плоской витрине.

Из мелких вещей следует выбрать наилучшие из обеих коллекций (1934 и 1935 годов). Бусы 1935 года следует нанизать на проволоки. Отдельной группой выставьте амфорные ручки с надписями.

У меня был Н. В. Анфимов. Я принял его очень любезно, но на раскопки 1936 г. не приглашал. Имейте это в виду.

Вероятнее всего, 20 января я приеду в Ленинград и тогда приму самое горячее участие в выставке. Готовлю сообщение на тему «Фатьяновская культура». Это одна из глав II тома «Археологии»¹⁰⁸. Я намереваюсь сделать ряд сообщений в ИАЭА из II тома.

¹⁰⁷ Все эти рисунки, подготовленные для выставки, в итоге вошли в предварительную публикацию раскопок 1935 г. (Городцов 1936б: рис. 1—7).

¹⁰⁸ См. об истории написания тома «Археология. Палеометаллическая эпоха»: (Сафонов 2002).

Содержание этого письма передайте С. Н. Быковскому, а вместе [с тем] передайте ему и мой горячий привет и поздравление с Н[овым] годом, и желаю всем моим друзьям обильных и самых приятных благ.

В. А. Городцов.

№ 46

18.04.1936

Дорогой Давид Натанович!

Д. А. Крайнов, инвентаризируя коллекцию вещей Тимоновской стоянки, нашел чрезвычайно интересные рисунки на кости и двух кремнях. На кости, по-видимому, бывшей рукоятке кремневого инструмента, оказалась изображенной «кладовка» с конической крышей и длинным входом¹⁰⁹. На кремнях сделаны геометрические узоры. Оба кремня (один из них резец) имеют меловые белые корочки, и на этих корочках первобытный художник начертил пересекающиеся группы линий.

Я сообщил Вам об этом, чтобы обратить Ваше внимание на то, чтобы при разборе Тимоновской коллекции не пропустить подобных случаев. В ИАЭА коллекция раза в четыре больше, чем в Истор[ическом] музее и поэтому возможности отыскать подобные вещи у Вас имеется больше. Объясните Н. Р. Косниковскому, чтобы он как можно строже рассматривал и кости, и кремни с белой коркой.

Я так был рад находкам новых рисунков, что немедленно выписал из ГАИМК рукопись¹¹⁰ и ввел в нее дополнение и три рисунка. «Митя» [Д. А. Крайнов] старается над обработкой Тимоновской коллекции изо всех сил.

Что Вы так долго не высылаете кости в Москву: их ждут с нетерпением. Присылайте кости рыб и животных по адресу: Москва, Калужская улица, дом 75. Секретарю КОДЖ Академии наук СССР Римме Михайловне Шахуньянц. Кости собак отправляйте по адресу: п/о Малые Копани Голопристанского района Одесской области. Профессору Александру Александровичу Браунеру¹¹¹. Браунер также ждет присылки костей собак.

Посланы ли монеты Зографу? Если нет, то пошлите их хотя бы со сторожем. Время уже не терпит. Скоро второй сезон раскопок, нужно торопиться.

Передайте от меня всем глубокий привет. Я совершенно выбился из сил. Работы — гора, а сил немного. Сижу опять часов по 16 в сутки. Совсем одичал, нигде не бываю, только роюсь в книгах.

Как Ваше здоровье и дела? Если найдете время, черкните пару слов.

Искренно любящий Вас, дорогой Давид! В. А. Городцов

№ 47

15.05.1936

Дорогой Давид Натанович!

Искренно и глубоко благодарен Вам за высылку «Вестника знания», за Вашу статью [Лев 1936] и портрет. По получении их я хотел писать Вам немедленно, но очень тяжелая домашняя обстановка связала меня по рукам и ногам, и я, как путник одинокий и к тому же нездоровый, не знал, что делать, и не мог писать никому, даже дочери [Елене]¹¹², которая забила тревогу, догадываясь, что что-то неприятное случилось. Ну, да прежнего не вернешь. Еще раз искренно благодарю Вас.

¹⁰⁹ В дневнике ученого дан набросок изображения на кремневом инструменте.

¹¹⁰ Речь идет всё о той же рукописи книги «Тимоновская палеолитическая стоянка».

¹¹¹ Браунер Александр Александрович (1857—1941), зоолог-систематик, зоотехник и писатель (см. подробнее: Боголюбский 1940).

¹¹² Брандукова (ур. Городцова) Елена Васильевна (1890—?), дочь В. А. Городцова. Окончила Полтавский женский институт благородных девиц (1907), вольнослушатель МАИ. Работала в отделах иконографии (1917—1919) и истории быта (1922) РИМ. В начале 1920-х жила в г. Солотче Рязанской губ., преподавала французский язык в школе 2-й ступени. После 1924 в эмиграции во Франции (имела птицеферму под Ниццей).

№1. 2014

20 мая я буду в Ленинграде¹¹³. Билет уже куплен на жесткую «Стрелу». Скоро увидимся и поговорим о многом. Если можно, то хотел бы сделать большой доклад в Институте о Фатьяновской культуре¹¹⁴, и если уже собрать заседание нельзя, то и не нужно. В Ленинграде я пробуду самое короткое время, м[ожет] быть дня 4 или 5. Ваше уведомление, что мои товарищи по «длинной комнате» шлют мне привет, меня глубоко тронуло. Спасибо всем им, и я со своей стороны свидетельствую им мое искреннее уважение и шлю им глубокий поклон.

Сообщите, пожалуйста, секретарю [К. В. Вяткиной] о моем желании сделать доклад, может быть это и наладится. Мне кажется, доклад может быть интересным.

Прочитав в газетах о блаженной кончине В. Г. Тана-Богораза¹¹⁵, искренно сожалею о нем. Да, так всё непрочно и недолговечно на земле. Пройдут и наши более мрачные дни, «и чей-нибудь уж близок час». Мои белые волосы об этом напоминают мне часто. Ну, что же, я готов: итоги жизни подведены. А Богораза мне всё-таки жаль. Давно ли я его видел бодрого и сильного, обуреваемого творческими думами, и вот его уж нет. Не верится, а факт совершился. Остается только отошедшего помянуть добрым словом.

Всем сослуживцам шлю поклон. Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

Деньги (3000 р.) МОГАИМК уже ассигновал.

№ 48

10.06.1936

Дорогой Давид Натанович!

Спасибо Вам за хлопоты. Прилагаемое к сему заявление, передайте по назначению.

Сын мой — Мстислав¹¹⁶ очень просит Вас двинуть его дело о высылке ему 170 рублей за рисунки¹¹⁷. Храмова обещала выслать их 8 июня, но до сих пор деньги не высланы.

Билетов на Краснодар я еще не покупал¹¹⁸, так как день отъезда не в силах назначить, воюсь с зубами; врач обещал поставить мои зубы на место к сегодняшнему дню (10 июня), а сегодня отложил до 14 июня, и я опасюсь, что еще раз надует, а без зубов, сами знаете, ехать рискованно. Во всяком случае, отъезд наш не за горами: готовьтесь и побуждайте к такой же подготовке Н. Р. [Косниковского]. В день покупки билетов я пошлю Вам телеграмму. Я куплю два билета на Вас и на себя. Передайте всем мой привет, в особенности С. Н. Быковскому. Что с ним? Что слышно об издании «Советской археологии»? Желаю Вам всех благ. В. А. Городцов.

Р. С. Для дневников купите 3 одинаковых тетрадки в $\frac{1}{4}$ листа, как прошлогодние. Альбом купите один, другой я возьму прошлогодний, в котором осталось много чистых листов. Цветные карандаши, резинки, ручки для пера (пара) нужны. В. А. Г[ородцов].

¹¹³ С 20 по 25 мая 1936 г. В. А. Городцов был командирован МОГАИМК в ИАЭА.

¹¹⁴ Именно в этот день ученый закончил работу над главой «Фатьяновская культура» для 2-го тома «Археологии» (Городцов 2012б: 59).

¹¹⁵ Богораз Владимир Германович (1865—1936), революционер-народник, этнограф, фольклорист, лингвист, общественный деятель, чл.-корр. АН СССР. Основал Институт народов Севера, Комитет Севера при Президиуме ВЦИК. Профессор ряда ленинградских вузов, в т. ч. отделения этнографии ЛИФЛИ ЛГУ. С 1918 хранитель МАЭ, с 1932 директор Музея религии и атеизма. Основные труды по этнографии народов Севера (см. подробнее: Михайлова 2004).

¹¹⁶ Городцов Мстислав Васильевич (1899—1968), сын В. А. Городцова. Окончил реальное училище в Москве. В Первую мировую войну на фронте получил отравление боевыми удушающими газами и впоследствии много болел. В 1918—1922 служил в кавалерийском полку РККА. В 1922—1925 учился на археологическом отделении ФОН 1 МГУ. В 1920—1930-х участвовал в некоторых археологических экспедициях В. А. Городцова. С 1928 в ГИМ: реставратор в макетно-муляжной мастерской (с 1929), ее заведующий (1932—1959) (см. подробнее: Смирнов 1969).

¹¹⁷ Речь, вероятно, идет о рисунках к статьям В. А. Городцова (1936а; 1936б).

¹¹⁸ С 18 июня по 14 августа 1936 г. В. А. Городцов провел раскопки Елизаветинского городища и Ильской палеолитической стоянки.

№ 49

[После 4.08.1936 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Простившись с Вами в Москве, я в тот час узнал поразившую меня весть о С. Н. Б[ыковском]. Вести этой не хочется верить, до того она неожиданна и невероятна¹¹⁹.

Сообщаю Вам материал для газетной информации [Лев 1937]. Кубанская арх[еологическая] экспедиция имела две главные задачи: 1) закончить рекогносцировочные исследования Елизаветинского городища и 2) продолжить исследование Ильской палеолитической стоянки, открытой французским археологом де-Баем¹²⁰. Обе задачи экспедицией выполнены с полным (блестящим) успехом.

Елизаветинское городище исследовалось три года: в 1934, 1935 и 1936 годах. В первые два года были выяснены многие черты общественно-экономической жизни города. Так, выяснена с большой точностью классовая структура городского о[бщест]ва, делившегося на воинов, земледельцев, промышленников (гончаров, рыболовов, скотоводов и др.). Основное население принадлежало к сарматскому корню, но к нему присоединились варваризованные панतिकопейские греки, по-видимому, игравшие господствующую роль и составлявшие высший рабовладельческий класс, живший несколько обособленно в особо укрепленных пунктах города и хоронивших своих покойников с большою роскошью в огромных курганах.

Туземное городское население было зажиточно, но не роскошно. Своих покойников оно хоронило в общественных могильниках, сопровождая каждого умершего разными, иногда довольно дорогими предметами и, что особенно интересно, предметами их специальных профессий: воинов — оружием, земледельцев — железными серпами, гончаров — специальными гончарными инструментами, коневодов — уздечками и т. д.

Раскопками первых лет <...>.

<...> культуры Франции, совпадавшие с Рисским великим оледенением, это определение получило широкую известность, хотя у более серьезных специалистов не раз вызывало сомнение. Последнее и послужило стимулом к работам Кубанской экспедиции 1936 г. Работы были начаты с изучения террасовых четвертичных отложений всей долины небольшой реки Или и террас, связанных со стоянкой в особенности; причем выяснено, что все остатки палеолитического человека лежат выше рисской террасы и синхроничны с рисс-вюрмскими межледниковыми отложениями, а поэтому относиться ко времени французских культур типа мустье не могут. Обильные археологические материалы вполне подтвердили это. Найдены совершенно не свойственные мустьерской культуре каменные резцы, листовидные остроконечники с ретушью на обеих плоских сторонах, прекрасные узкие и длинные ножевидные пластинки, тонко отретушированные проколки, орудия, ретушированные контрударным техническим приемом, каменные наковальни и, наконец, тонко отшлифованные костяные пластинки, указывающие на хорошее знание обработки кости. На основании всего собранного материала Ильские стоянки (их открыто экспедицией не одна, а по меньшей мере две) относятся к нижнему и среднему горизонтам средней поры палеолитической эпохи классификации В. А. Г[ородцова]¹²¹ или к раннему и среднему времени культуры солютре классификации Мортилье¹²².

При раскопках стоянок найдены обильные остатки съеденных животных, преимущественно быков (*Bison priscus*) и лошадей¹²³. Мамонты очень редки, носорогов совсем нет, но что особен-

¹¹⁹ Речь идет об аресте С. Н. Быковского 4 августа 1936 г. 19 декабря его вместе с Ф. В. Кипарисовым, М. Г. Худяковым и В. С. Адриановым за участие в «троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С. М. Кирова», приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли (Кузьминых, Старостин 1995: 159; Васильков, Сорокина 2003: 85).

¹²⁰ Барон Амур-Огюст-Луи-Жозеф-Бертело де Бай (1853—1931), французский археолог и путешественник. Более 30 лет, начиная с 1890 г., посвятил изучению археологии, этнографии и истории Российской империи. Последний раз посетил Россию весной 1924 г. Ильская стоянка была открыта де Баем осенью 1898 г. (Щелинский 2009: 23, 24).

¹²¹ См. оценку археологической классификации В. А. Городцова (1923: вклейка; 1925: табл. 1—2) в современном палеолитоведении: (Васильев 2008: 28).

¹²² См. оценку раскопок В. А. Городцова Ильской палеолитической стоянки и исследования ее материалов: (Щелинский 2009: 25, 26).

¹²³ В определении фаунистических остатков В. А. Городцов (1941: 7, 13) опирался на определения В. И. Громовой материалов из раскопок С. Н. Замятнина 1926 и 1928 гг.

№1. 2014

но любопытно, так это найденные в огромном количестве жуки и др[угие] насекомые, сохранившиеся в отложениях нефти, вытекавшей из Чокракских доломитовых известняков во время существования ильского палеолитического человека. Коллекция этих редких четвертичных насекомых доставлена в АН СССР для изучения их видов специалистами¹²⁴.

В общем, результаты энергичных работ Кубанской экспедиции превзошли самые смелые ожидания.

Устал, более писать не могу. Желая Вам всех благ. Жду Вашего письма о ленинградских грустных и мною не одобряемых событиях.

Любящий Вас В. А. Городцов.

№ 50

[Сентябрь 1936 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Будьте любезны, помогите Елизавете Ивановне Беляевой¹²⁵ описать коллекцию из Елизаветинского городища. Предоставьте ей все материалы костные, а также окажите Ваше просветное содействие ей и представьте ее всем лицам ИАЭА, с которыми ей нужно будет познакомиться.

Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 51

10.12.1936

Дорогой Василий Алексеевич!

Только что получил Ваше письмо, получил и записочку от А. Я. Брюсова.

Все оставшиеся от экспедиции деньги я сдал бухгалтерии. Меня попросили написать смету расходов, связанных с обработкой кубанских памятников 1936 г. Сюда войдут и рисунки, и фото, и оплата Зографу. Я составил смету, если не ошибаюсь, — на 700 рублей. На днях я встретил Зографа и просил его зайти в ИАЭ, чтобы получить 200 рублей.

Только что я имел беседу с ученым секретарем [К. В. Вяткиной] по поводу Вашей просьбы о высылке 50 рублей. Меня попросили написать заявление и обещали завтра деньги выдать. Как только получу — немедленно вышлю Вам. Необходимо будет только представить квитанцию. В квитанции должна идти речь не о Тимоновке, а о Кубани, т. к. повторяю, смета составлена в связи с обработкой кубанских памятников, а не Тимоновки.

Всю коллекцию из Ильской я зарегистрировал; регистрирую сейчас елизаветинский материал. Нужно будет искать художников.

У нас есть кое-какие новости. Тот молодой человек, который был недоволен нашими раскопками в Ильской (помните, — Вы напали на него) тоже *уехал*¹²⁶. Одним словом, археология постепенно очищается от вредных людей. Замятнин с Паничкиной еще не приехали: да и незачем торопиться: Сочи — неплохой курорт; Паничкина уже сидит там 5 месяцев¹²⁷. Вот как люди умеют устраиваться! Ефименко тоже не видно¹²⁸.

Я занимаюсь сейчас со студентами 1 курса истфака ЛГУ (рис. 4). Разбирая Ильскую стоянку, я заявил им, что она солютрейская, и с этим как будто согласился также и Равдоникас¹²⁹.

¹²⁴ В предварительной публикации В. А. Городцова (1941) результаты этого исследования В. И. Громовой (1937) не отражены.

¹²⁵ Беляева Елизавета Ивановна (1894—1983), палеозоолог, работала в ПИАНе (1930—1979) (см. подробнее: Дмитриева, Трофимов 2001).

¹²⁶ Выражение «уехал» в контексте волны репрессий 1936 г. надо понимать как «арестован, сослан». О ком ведет речь Д. Н. Лев, для нас не вполне ясно.

¹²⁷ Речь идет о работах Черноморской палеолитической экспедиции в Абхазии (1934—1938) (см. подробнее: Замятнин 1937а; Археологические экспедиции... 1962: 89).

¹²⁸ В 1936 г. П. П. Ефименко завершал раскопки жилища на стоянке Костёнки I (Археологические экспедиции... 1962: 68).

¹²⁹ После ареста С. Н. Быковского в августе 1936 г. кафедру истории доклассового общества ЛИФЛИ (а по существу кафедру археологии) возглавил В. И. Равдоникас. С начала 1936/1937 учебного года эта кафедра оказалась в составе исторического факультета ЛГУ (Тихонов 2003: 166, 167). Базовый курс «Первобытная археология» читался В. И. Равдоникасом (1939).

Рис. 4. Д. Н. Лев проводит занятия со студентами ЛГУ в Музее антропологии и этнографии. 1939 г. Фото из архива МАЭ.

Fig. 4. D. N. Lev gives a class to the students of Leningrad State University in 1939. The photograph from the Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography.

Вышел мой другой, подробный путеводитель [Лев 1936б], на днях вышло Вам. Пожелаю Вам всем [всего] счастливого. Ваш Д. Лев. Поклон сыну [Мстиславу]! Мой адрес: Ленинград-5, проспект Красных командиров, № 7, кв. 48, Д. Н. Лев. P. S. Только что был в бухгалтерии: деньги — 50 р. на днях вышло. Д. Лев.

№ 52

[Декабрь 1936 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Д. Д. Букинич¹³⁰ сообщил мне Ваше предупреждение о высылке мне 43 р. 60 к. на п/о № 164 Ленинграда. При сем посылаю Вам доверенность на получение этих денег. Я совершенно не знаю, за что и кем высланы эти деньги. В крайнем случае, просите деньги переслать мне в Москву в 34 п[очтовое] отделение. Если не удастся получить их, пускай пропадают, платить не буду.

Я Вам и Мецанинову писал письма, но ответа на эти письма не получил. В письмах тех я осведомлялся: будет ли подписан договор на 1937 г. моего сотрудничества в ИАЭА¹³¹. Молчание со стороны И. И. [Мецанинова] я принимаю как отказ.

В настоящее время я усиленно занимаюсь подготовкой к печати полного отчета о раскопках в Елизаветинском городище. За три года накопилось дневников на $6\frac{1}{4}$ печатных листов.

¹³⁰ Букинич Дмитрий Демьянович (1882—1939), почвовед, инженер-ирригатор, археолог, этнограф-таджиковед, первооткрыватель поселения анауской культуры Ак-тепе, создатель схемы истории ирригации в Средней Азии и карты почв Афганистана (в 1924 и в 1926—1927 вместе с Н. И. Вавиловым участвовал в двух экспедициях в эту страну). Соавтор Н. И. Вавилова по книге «Земледельческий Афганистан» (Вавилов, Букинич 1959). Участвовал в работах Среднеазиатской этнографической (1928—1929) и Каракорумской (1933—1934) экспедиций. Окончил жизнь самоубийством (см. подробнее: Вавилов 1939; Формозов 2006: 214).

¹³¹ 5 февраля 1937 г. В. А. Городцов получил из ИАЭА извещение о том, что договор на этот год с ним не будет возобновлен (Городцов 2012б: 136, 137).

№1. 2014

Переписывать их у меня не хватает физических сил: правая рука стонет. Я решил черновые дневники выправить и отправить в издательство для перепечатки их на машинке. Объяснение к этим дневникам займет также около 5—6 печатных листов. Думаю, что к сезону раскопок успею всё это сдать в редакцию «С[оветской] археологии»¹³².

Отправлены ли жуки [Ильской стоянки] для определения. Если нет, то постарайтесь их отправить.

В. И. Громова сегодня принесла мне письмо с определением фауны Ильской стоянки. Ее список почти совпал с моим¹³³. К удивлению моему, шейные позвонки, относимые мною к быку, оказались принадлежащими гигантскому оленю. Ей не доставлен клык кабана; он отмечен в дневнике и зарисован в моем альбоме. Нужно В. И. Громовой уплатить.

Мой доклад об Ильской стоянке назначен на 8 февраля [1937 г.] в Четвертичной комиссии на конференции в Ленинграде. На этом настаивает акад[емик] Губкин¹³⁴, изъявивший желание выслушать доклад. Но я едва ли смогу прибыть в Ленинград¹³⁵.

С искренним почтением остаюсь любящий Вас В. А. Городцов.

Привет Вашей супруге и привет всем общим нашим знакомым. В университете я до осени не буду читать. Это очень досадно. Выбил из сил.

№ 53

Ленинград, 8.01.1937

Дорогой Василий Алексеевич!

Только что почтальон принес мне Ваше письмо, которое меня очень удивило.

Василий Алексеевич, посылая Вам деньги, я ошибся и выслал Вам вместо 43 рублей лишь 40 рублей, но так как связи наши всё-таки, вероятно, не прекратятся, то я или передам Вам лично три рубля, или же вышлю по почте. Вместе с письмом посылаю и почтовый бланк.

Лишь только сегодня, 8/1-37, я приступил после отпуска к работе в ИАЭ. Между прочим, совсем недавно я имел беседу с Равдоникасом, который просил, при случае, передать Вам, что он просит забыть всё старое и т. п.¹³⁶ Исходя из этого, я предполагаю, что дела Ваши в ИАЭ будут налажены и в 1937 г.

Вы считаете, что в расторжении договора имели значение раскопки в Ильской. Мне кажется, что здесь зарыта какая-то другая собака, а какая именно — не знаю. Может быть, это проделки ученого секретаря?! Вы очень хорошо поступили, расторгнув договор на предмет написания «Бронзового века»¹³⁷. Это их заставит призадуматься, т. к. работа эта стоит в плане Института.

Завтра я буду иметь беседу или с ученым секретарем, или с Мещаниновым. Думаю, что всё это наладится. Ведь эти истории повторяются из года в год — что же здесь удивительного? Раскопки в Ильской И[нститу]т тоже интересуют и думаю, что соответствующие средства будут отпущены и в текущем году.

Этим письмом, признаться, Вы меня очень огорчили: я привык с Вами работать, и наша связь продолжалась целых четыре года... и вдруг разрыв. Жизнь — борьба, надо бороться. Я завтра же поговорю с Мещаниновым, с которым выясню все эти обстоятельства.

Сегодня мне звонила супруга Н. И. Березина, которая известила меня о том, что Н. И. серьезно был болен крупозным воспалением легких. От этой тяжелой болезни Н. И. еле выжил. Сейчас он медленно поправляется. Вашу просьбу я передал ему.

¹³² Эту работу В. А. Городцов не завершил в намеченные сроки и не сдал в печать.

¹³³ В предварительной публикации Ильской стоянки ученый опирался на более ранние определения фаунистических материалов В. И. Громовой из раскопок С. Н. Замятнина (Городцов 1940: 13).

¹³⁴ Губкин Иван Михайлович (1871—1939), геолог, основоположник отечественной геологии нефти, академик (1929), вице-президент АН СССР (1936—1939).

¹³⁵ Эта поездка состоялась позднее: 9 апреля 1937 г. В. А. Городцов сделал в Четвертичной комиссии доклад «Ильская палеолитическая стоянка и геологические условия ее залегания».

¹³⁶ Речь идет о скандальном публичном выступлении В. И. Равдоникаса в 1929 г. Призывы к переводу археологии на «марксистские рельсы» сопровождалась в его докладе обвинениями в адрес В. А. Городцова как представителя отжившей «буржуазной науки» (Равдоникас 1930).

¹³⁷ В начале 1935 г. ИАЭА и В. А. Городцов заключили договор о подготовке к изданию монографии «Археология. Т. 2. Палеометаллическая эпоха» объемом в 40 печатных листов (СПА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 196. Л. 17).

Заканчивая письмо, я думаю, Василий Алексеевич, что дело с договором наладится. После моего разговора с И. И. Мещаниновым я немедленно Вам напишу.

Привет Мстиславу Васильевичу, как он поживает?

Искренно любящий Вас Ваш Д. Лев.

№ 54

[Март 1937 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Большое спасибо Вам за письмо. Ваше объяснение причины, по которой расторгнут мой договор с ИАЭА, мне известен, но вот в чем дело: я в октябре 1936 года уже был уверен, что моя связь с Институтом кончилась, в декабре же я окончательно убедился в этом. Причиной были вовсе не распоряжения Президиума АН СССР¹³⁸. В отношении меня они только подоспели вовремя. Причиной были даже не служебные отношения. Я их знаю, но говорить о них не нахожу удобным.

Если бы сведения Ваши об ассигновании мне ГАИМКом 10 000 р. на раскопки Ильской стоянки были верны, то это было бы очень хорошо, но мне пока известно, что МОГАИМК ассигновывает мне по примеру предыдущих лет 3000 р. На такую сумму производить раскопки в Ильской стоянке, конечно, невозможно. Мне обещал директор Московского Антроп[ологического] института [В. В. Бунак], но немного, не более 2000 р., да и то под знаком вопроса.

О представлении меня в члены-корреспонденты АН СССР я слышал от Иоаннисяна, но это меня мало радует, не более чем радовало А. С. Пушкина звание камергера. Мне нужны не звания, а средства к жизни, а их то и нет. 1937 г. стал ко мне особенно не благосклонным. Помимо разрыва с ИАЭА, у меня не состоялись чтения лекций в Московском университете, где я, хотя зарабатывал всего 50 р. в месяц, но всё же имел помощь. В настоящее время мне этих 50 р. и не достаёт, чтобы свести концы с концами¹³⁹. Я расходую сейчас те деньги, которые мне выслал ИАЭА в качестве гонорара за статью и за последнюю поездку.

Карт залежей разных сортов кремня я никогда не видел и думаю, что они еще не существуют. Составление этих карт очень трудно, потому что кремень вообще, а качественные розыски его в особенности, никого из естественников не интересовали. Собирать такие сведения очень трудно: кремень широко распространен, но породы его неизвестны. Вот Вам пример: Тимоновка, которая стоит на кремневых меловых отложениях, а хорош ли этот кремень и можно ли из него делать орудия, неизвестно. В своей работе¹⁴⁰ я высказал мысль, что в тимоновский палеолит ч[елове]к пользовался кремнием, принесенным со стороны, так как виденный мною кремень в тимоновском мелу плох, но ведь, может быть, в этом мелу есть и хорошие кремни, скрытые в настоящее время от наших глаз.

С. Н. Замятин написал мне письмо, в котором просит выслать для «С[оветской] арх[еологической] заметки об ур[альских] бронзовых орудиях. Если Вас не затруднит, передайте ему от меня: заметка и рисунки мною года два тому назад сданы для напечатания¹⁴¹. С. Н. Б[ыковский] уверял, что эта заметка была напечатана в том томе, который, благодаря каких-то вздорных причин, был уничтожен¹⁴². Было бы очень интересно узнать, не сохранилась ли в ГАИМК моя заметка и сопровождающие ее рисунки. Если сохранилась, то, конечно, я был бы очень рад передать ее в «Сов[етскую] археологию». Пусть он поговорит по телефону с В. И. Селивановым¹⁴³ или с кем-нибудь, связанным с издательствами в ГАИМКе.

¹³⁸ Речь идет о реорганизации Института антропологии, этнографии и археологии в Институт этнографии АН СССР. С преобразованием ГАИМК в ИИМК уже в системе Академии наук в последнем сосредоточились основные кадры археологов Ленинграда.

¹³⁹ На долю В. А. Городцова выпало воспитание и содержание внучки Киры, так что дополнительный заработок для него был крайне важен.

¹⁴⁰ Речь снова идет о неизданной рукописи книги «Тимоновская палеолитическая стоянка».

¹⁴¹ Копия этой статьи в архиве ученого отсутствует.

¹⁴² Нам не удалось выяснить название и судьбу этого сборника.

¹⁴³ Селиванов Владимир Иванович (1896—?), историк, библиограф. С 1914 учился в ПУ, закончил в 1917 Петроградскую морскую школу прапорщиков, затем Библиотечный институт. В 1923—1938 в ГАИМКе: научный сотрудник, ученый секретарь и помощник Н. Я. Марра по организационной работе (контроль за выполнением планов научной работы, оформление годовых отчетов, организация и проведение Пленумов ГАИМК, Всесоюзных и Международных научных конгрессов и конференций).

№1. 2014

Ну, вот, кажется, всё. Я болею гриппом. За январь и февраль читал запоем античную литературу, переведенную на русский язык [Городцов 2012б: 115, 116, 123, 135, 136]. Какая это прелесть! Занялся я этим делом, потому что уже с 4 января, когда я послал письмо И. И. Мещанинову, я был уверен что с ИАЭА у меня связи не будет и писать П т[ом] «Арх[еологии]» я не буду. Освободившись же от гнетущих дум о работе, я занялся делом, которое доставило мне массу приятных впечатлений.

Прошу передать от меня привет Вашей супруге и всем бывшим сослуживцам по ИАЭА, особенно Зеленину.

Искренно уважающий и любящий Вас В. А. Городцов.

Вот что я писал в октябре 1936 г. в день приезда из Ленингр[ада] в Москву:

Снова тучи надо мною
И темнеют, и гремят,
Новой тяжкою бедою
И пугают и грозят.
Пусть же будет то, что будет:
Буду бодро я стоять,
Пусть беда во мне пробудит
Новой жизни благодать...
Фу ты, ну ты! Ноги гнуты,
В лапти рваные обуты!
Стал уже и я поэтом,
В углу сидя не нагретом,
Без пальто и без калош,
И в кармане хоть бы грош...
Ведь не плакать же об этом,
Если хочешь быть поэтом.

Было бы смешно, если бы не было грустно.

№ 55

[Апрель 1937 г.]

Возрадуйся, Давид Натаныч!
Возлей на выю одеколон
И пусть Нико Романыч
Подаст тебе калоши и виссон.
Весна пришла, растаял лед
И нас в поход она зовет.
Готовы инструменты и портфель,
И пусть святая в небе Лель
Наш путь благословит на Иль,
Где мы, времен стряхнувши пыль,
Отыщем не кучу серебра,
А много солютрейского добра.
Я с нетерпеньем ожидаю
Момент нашего похода.
Судьбу прошу и умоляю,
Чтоб не постигла нас невзгода.
Надежда юношей питает
И старцам облегчает путь;
Она несчастных утешает
И нас устроит как-нибудь...
А если нет,
То мой совет:
Не падать духом
Над Илью гладкой
И быть украдкой
Под Ильской рощей,
Что будет проще.
Это, брат, тебе не Пушкин
А плохонький рифмач Частушкин.

Письмо Ваше получил; получил и деньги: они были мне нужны и так выручили Василия Грешного!

Увидите Николая Ильича Березина, успокойте его: я сделаю всё, что можно и что обещал. Я рассчитываю как-нибудь приехать в Ленинград и привезти еще три тома, а пока пусть работает над теми двумя. Передайте ему мой искренний привет и пожелание всяческих благ. Пусть не сердится на меня: я ему написал длинейшее письмо; оно лежит в моем столе. Я не посылаю его, [п[отому] что не [за]писал адреса, а теперь содержание его уже устарело. Напишу как-нибудь.

Я чрезвычайно переутомлен. В конце марта, в 7 часов утра я грохнулся и расшиб здорово затылок, который болит еще и теперь. К счастью, упал я на дверь, и она, хотя и с треском отворилась, но смягчила мое падение на пол. На шум подбежал проснувшийся сын [Мстислав] и в страшном испуге поднял меня. Он думал, что я умираю. Но всё минуло. Я жив и, черт возьми, стихи веселые пишу, хотя доктор запретил мне заниматься, а это для меня хуже смерти. Следуя совету доктора, я перестал писать, но зато с еще большим увлечением читаю умные книжки.

Поклон супруге Вашей, поклон всем благожелателям.

Любящий Вас В. А. Городцов.

№ 56

10.05.1937

Дорогой Давид Натанович!

На два предшествующих письма Вы мне не ответили. Посылаю Вам третье письмо в надежде, что Вы на него ответите. МОГАИМК ассигновывает на раскопки Ильской стоянки 6000 р. Эта сумма, конечно, недостаточна. Я веду переговоры с Институтом антропологии Московского университета, где мне хотели помочь некоторой суммой, но при условии, что коллекция найденных предметов поступит в музей Института. Но до меня доходят слухи, что ИАЭА не отказывается помочь мне на прежних условиях, т. е. на условиях передачи находок в музей ИАЭА.

Таким образом, дело оказалось между двух стульев, на которых сидеть неудобно; поэтому хотелось бы более положительно знать, будет ли субсидировать работу в Ильской ИАЭА или нет? Так как мне не к кому обратиться за разъяснением, кроме Вас, то я и решил просить Вас помочь мне в разъяснении вопроса. Если ответ ИАЭА будет отрицательный, что я ожидаю, то не стесняйтесь писать мне откровенно. Удивить меня этим невозможно, так как я ко всяким невзгодам очень привык. Все они не страшны, потому что стрелы этих невзгод тупы.

Еще одно, в случае ассигнований от ИАЭА могу ли я рассчитывать на Ваше участие и участие Вашей супруги в поездке на раскопки. Не откажите в ответе.

Ваш В. А. Городцов.

№ 57

14.05.[1937]

Милый дорогой Лев!

С большой радостью получил Ваше письмо с приятным содержанием. Итак едем! Одновременно с этим письмом я посылаю директору письмо, в котором прошу прикомандировать к Ильской экспедиции Вас. Вы являетесь заместителем руководителя экспедиции. О другом сочлене нашем я не упоминаю.

МОГАИМК ассигновывает 6000 р. нам. Я прошу И. И. Мещанинова ассигновать столько же и от ИАЭА, так как вся продукция раскопок поступает в музей ИАЭА. Поддержите эту идею.

При докладе моем о результатах раскопок Ильской стоянки геологам Четвертичной комиссии АН СССР [9.04.1937 г.] выяснилось, что значение этой стоянки не только в археологическом, но и в геологическом [отношении] совершенно исключительное. Введенное исправление даты стоянки явилось свежей струей в развитии геологических (четвертичных) и палеонтологических сведений, а это немаловажно в научном отношении.

Вчера (13 мая) я получил «Советскую археологию», вып. II. С большим интересом принялся за чтение. Прочитанные статьи произвели на меня очень хорошее впечатление, но глубоко возмутила вступительная статья [Наши задачи... 1937], от которой веет плохим духом, совершенно не свойственным АН СССР и нежелательным, и даже вредным для [журнала] «Советская археология», имеющего целью оживить омертвевшую под эгидой ГАИМК археологическую

№1. 2014

работу, а не умножать это омертвление. Что за возмутительные выпады против научных деятелей другой (не археологической) дисциплины, каковыми являются историки профессора М. Н. Покровский, В. К. Никольский и Б. Л. Богаевский! Какое имеем право мы, не историки, судить деяния этих крупных специалистов? Конечно, неумные выпады не останутся без ответа, а это может повредить молодому научному изданию. Кто писал эту полуграмотную вступительную статью? Как эта статья могла быть пропущена?¹⁴⁴ Неужели благородный и величавый дух изданий АН СССР так успел нехорошо измениться! О, tempore, o mores!

Но об этом довольно... Лучше будем толковать о предстоящем большом деле. Задача предстоит нам тяжелая. Нужно подумать о преодолении массы твердой почвы. Нужны кирки, нужны хорошие другие инструменты. Где лучше купить кирки? Вопрос сложный. Хорошо бы списаться и о месте нашего жительства, чтобы оно было не менее удобно, чем в минувшем году.

Главное, конечно, — средства. Из всех сил хлопочите о достаточных средствах из ИАЭА. МОГАИМК относится к нашему предприятию очень хорошо, но у него слишком мало средств, всего на всех не более 30000 р. Из этого много не выкроишь. Не забывайте. Обдумайте и пишите.

Поклон Вашей супруге, Зеленину и всем нашим благожелателям. С почтением остаюсь В. А. Городцов.

№ 58

1.06.1937

Дорогой Давид Натанович!

Вот уже 1 июня: пора собираться на раскопки, а вопрос о средствах на это дело всё еще висит в воздухе. Будьте добры, осведомите меня: будет ли и в какой сумме поддерживать работу в Ильской ИАЭА? Лично для меня важно знать даже отрицательный ответ, так как я мог бы связаться с другим каким-нибудь научным учреждением. Для этого время еще найдется. С деньгами в текущем году как-то особенно трудно. Я очень прошу Вас осведомить меня поскорее. Я опасюсь, как бы не попасть в тупик, из которого трудно будет выбраться.

По газетам я узнал, что у Вас в Ленинграде весна поссорилась с зимою, и озлобленная седая старуха засыпала весь город снегом. Холод дошел и до нас, но снег не долетел до Москвы. Как Вы пережили весенний снегопад?

Прошу передать мой привет Вашей супруге. Я всё же пока не теряю надежды, что она примет участие в наших раскопках в Ильской.

Кланяйтесь Косниковскому, Зеленину, Винникову и другим благожелателям.

Жду от Вас ответа. Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 59

8.06.1937

Дорогой Давид Натанович!

На два предшествующих письма Вы не ответили. Пишу Вам третье с той же покорнейшей просьбой: уведомите меня, участвует ли ИАЭА в поддержке средствами Ильскую экспедицию и в каком размере? Если не участвует, то, не стесняясь, пишите: «нет, не участвует». Я чувствую, что уже в настоящее время экспедиция становится в тяжелое положение, как в прошлом году в Ильской. До 15 июня я буду ждать Вашего ответа; если же Вы к этому сроку не найдете возможным уведомить меня, я с горьким чувством буду считать себя вправе вести дело независимо от Ленинграда.

С деньгами обстоит дело плохо и в Москве. МОГАИМК до сих пор не получил добавочных средств, и на мои раскопки осталось только 3000 рублей, а не 6000 р., как было постановлено при условии отпуска из Наркомпроса добавочных ассигнований. У меня имеется слабая надежда на получение добавочных сумм от других научных учреждений, так как, к сожалению, время упущено, и поэтому ассигнования затруднены.

Я очень сожалел, что надеялся на ИАЭА и благодаря этому упустил благоприятные моменты для связи с другими учреждениями. Что делать, привык я к работе в ИАЭА и поэтому так долго и лепился к нему. Любопытно, что на мои письма и заявления не ответили ни директор,

¹⁴⁴ Вопрос риторический: вступительная статья, скорее всего, написана членами редколлегии (С. Н. Замятин, П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас) или одним из них и с согласия председателя И. И. Мещанинова.

ни канцелярия. Факты эти ясно показывают, что они (эти главки) не желают иметь со мною дела. Причиной, конечно, может служить только мой отказ вести плановую работу по написанию II тома «Археологии», а главное — задержку выданного мне аванса¹⁴⁵. Конечно, им неприятно отчитываться в этом деле. Но они должны бы знать, что мне это еще более неприятно, так как я, принимая заказ, должен был выйти из Историч[еского] музея, где получал 300 р. в месяц, а в два года должен был получить 7200 р. Задатку я получил 3000 р., а следовательно понес убыток в 4200 р. Но, кроме того, я оказался не в силах довести до конца к сроку (апрель 1937 г.) работу, которая интересовала меня <...> во много раз <...>.

Если бы Институт защитил мою <...> с ним, то, конечно, все тяжелые условия, возникшие около II тома «Археологии», не существовали бы, и я с некоторой отсрочкой работу довел бы до конца. Институт соглашается, что разрыв со мною сделан не по вине его, а по распоряжению Президиума Академии. Но Институт имел возможность указать, что моя служба была бесплатной, так как я ежегодно привлекал в Институт раскопочную <...>, получая [от Института] сумму <...>. Вы это [знаете хо]рошо. От разрыва с Институтом я пострадал во много раз больше, чем Институт, который по существу нисколько и не пострадал материально, а только разве морально (да и то едва ли). Здесь ясно сведены какие-то скрытые от меня личные счета. Насильно мил не будешь. Всё это неприятно только для меня.

Итак, жду Вашего ответа до 15 июня с[его] года.

Искренно уважающий Вас В. А. Городцов.

№ 60

[После 16.06.1937]

Дорогой Давид Натанович!

15 июня я получил письмо от Арендта¹⁴⁶, в котором он извещал меня, что виделся с Вами и получил успокоительные сведения от Вас¹⁴⁷. Не приди это письмо, я, не получив от Вас известий и считая это за признак, что ИАЭА не удовлетворяет моей просьбы об отпуске средств и Вас со мною в экспедицию, хотел идти к директору Историч[еского] музея [Л. И. Пономареву] просить денег, а если Историч[еский] музей отказал бы, то просить Антропологический институт при Моск[овском] университете, а если бы и этот отказал, то просить Ростов. К счастью, письмо Арендта успокоило меня, и я в музей не пошел. Ваше письмо и Замятнина я получил 16 июня. Был рад *страшно*.

Вы пишете, не нужно «тачать горячки». Но я Вам скажу, не горячиться было невозможно, так как подходило время отправки в экспедицию и заканчивалась последняя возможность добыть денег. Как тут не горячиться. Ведь я полагал 20 июня выехать из Москвы. Ну, теперь, кажется, всё наладилось. МОГАИМК ассигновал 6000 р. и если ИАЭА ассигнует столько же, то средств хватит. Большего я и не ожидал.

В экспедицию поедет мы вчетвером: я, Вы, супруга Ваша и моя внучка [Кира]. Арендта я, при всем моем расположении к нему, взять не могу: в нем нет никакой потребности, а между тем на него потребуются большие расходы. Я отвечаю ему, что взять не могу, потому что штат экспедиции уже заполнен.

Как жалко, что Вы не можете выехать ранее: 20 июля — это уже очень поздно; придется работать август и сентябрь, когда в школах начнутся занятия. Нельзя ли попросить И. И. Мещанинова об ускорении Вашей командировки. Я сам стал бы о Вас ходатайствовать, но мне неизвестна обстановка дела. Если бы Вы черкнули мне, что ходатайство мое может Вам

¹⁴⁵ За подготовку рукописи монографии «Археология. Т. 2. Палеометаллическая эпоха» В. А. Городцову причиталось 12000 рублей, причем 25% от этой суммы, согласно договору с ИАЭА, он должен был получить через две недели после его заключения (СПА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 196. Л. 17).

¹⁴⁶ Арендт Всеволод Викторович (1887—1937), историк, археолог, музейный деятель. Учился в Тулузском ун-те (1906—1908), слушатель МАИ (1909—1910). С 1908 на военной службе, в Первую мировую войну командовал эскадром 1-го лейб-драгунского московского полка, в 1917 вышел в отставку в чине штабс-ротмистра. В 1918—1923 служил в РККА, в Главном управлении коннозаводства. В 1925—1933 в ГИМе, зав. филиалом — Военно-историческим музеем, консультант ВОКС. С середины 1930-х в Ленинграде: в Артиллерийском историческом музее и ГМЭ. В 1937 репрессирован (см. подробнее: Кирпичников 1996).

¹⁴⁷ В. В. Аренд надеялся принять участие в работах Ильской экспедиции. Его письмо В. А. Городцову касается обсуждения именно этого вопроса.

№1. 2014

оказать содействие, я охотно сделал бы всё, что от меня зависит. О подготовке к выезду я пока не буду писать.

Прилагаемое при сем письмо передайте С. Н. Замятнину и Храмовой.

Большое спасибо Вам. Всем поклон. Ваш В. А. Городцов.

№ 61

20.06.1937

Дорогой и милый Давид Натанович!

Над Вашей головой опять громы гремят. Не бойтесь, не все громовые стрелы бьют в затылки.

Вчера (19 июня) я получил официальное письмо, копию которого Вы постарайтесь прочитать в канцелярии ИАЭА. Знакомство с содержанием для Вас нелишне. Главное же в нем то, что Институт Вас назначает в Ильскую экспедицию и уполномочивает меня условиться о времени выезда из Ленинграда, сначала, конечно, в Москву, а после и в Ильскую. В ответном письме я прошу ИАЭА командировать Вас в один из дней между 1 и 5 июля. Прошу Вас назначить день для Вас самый удобный и сообщить мне.

Прошу оживить переписку, ведя ее в счет экспедиции. В данном случае, как Вы сами не хуже меня знаете, требуется большая аккуратность и точность... Очень важно знать: к какому дню покупать в Москве билеты на Ильскую. Поедем в жестком или плацкартном (?). Как Ваше мнение? Следует купить в Ленинграде, в Москве или в Краснодаре кирки и, может быть, ломы, канцелярские принадлежности: бумагу, тетради для дневников, альбом, чернила, перья, ручки, клей (гуммирадик). Всё это, дорогой, обдумайте.

В Москве останавливайтесь с супругой у меня. Я прошу деньги (6000 р.) выслать мне в Москву. На расходы Ваши получите по высланной доверенности 300 рублей, спросите в канцелярии. В счет 6000 р. экспедиционных Вы немедленно обратитесь за деньгами в канцелярию. Доверенность Вам на 300 р. посылаю одновременно с письмом в канцелярию.

Простите, что пишу плохо: устал я дьявольски. От Березина я получил письмо. Передайте ему от меня большое спасибо. Сейчас буду писать Арндту. Очень тяжело ему отказывать, но ничего нельзя уже сделать. В самом деле, штат заполнен. Пишите Ваши мысли и думы о сборах к отъезду.

Всем поклон нашим друзьям. В. А. Городцов.

Моя жизнь стала очень непокойна по служебной обстановке. Вред приносят какие-то слухи об избрании меня каким-то членом АН¹⁴⁸. Это волнует зависть многих. Черт бы их всех побрал. Требуют фотографирования. Я думаю, что фотографа можно найти в Ильской или выписать его из Краснодара. Обдумайте это получше. Брать аппарат из Академии едва ли удобно, так как он стеснит и работать им некому.

Подумайте. В. А. Г[ородцов].

№ 62

27.06.1937

Дорогой Давид Натанович!

Ко мне заходила Мария Николаевна и передала сильно поразившие меня новости¹⁴⁹.

19 июня я получил от ИАЭА официальное письмо за подписью директора и ученого секретаря, где говорилось, что на продолжение раскопок Ильской палеолитической стоянки «ассигновано 6000 рублей» и что «в экспедицию выделен Д. Н. Лев, с которым Вам (т. е. мне) непосредственно надлежит списаться о сроках работы». В ответ я послал, что намерен выехать из Москвы в Ильскую между 1 и 5 июля, причем просил деньги немедленно

¹⁴⁸ См. подробнее: (Тункина 2004; Формозов 2006: 257—266).

¹⁴⁹ Запись в дневнике В. А. Городцова (2012б: 195): «26 июня. Была у меня жена Д. Н. Лева, из Ленинграда, которая сообщила, что мужу ее, который был назначен в летнюю экспедицию на Кавказ, в Инст[итуте] антроп[ологии], этнографии, археологии не дают денег и не желают выслать денег на экспедицию, говоря, что до августа в институте денег не будет. Так как поведение президиума института было неискренно и ранее, то новое сообщение ставит меня в очень трудное положение. Ранее (19 июня) Березин предупреждал меня, что президиум института ведет себя так, как будто он намерен сорвать экспедицию методом создания разных препятствий».

выслать мне в Москву, кроме 300 рублей, долженствовавших для передачи Вам на выезд из Ленинграда до Москвы и покупку некоторых предметов для экспедиции. Ответ мною послан 20 июня. Вместе с ним я послал доверенность на получение Вами 300 р., вложив ее в ответное письмо. Одновременно послал и Вам письмо, которое до Вас дошло.

26 июня, по словам М[арии] Н[иколаевны], выяснилось, что ИАЭА вовсе не представляет нам права назначения времени выезда на экспедиционную работу, а сам, не спрашивая нас, назначает срок отправления экспедиции на август или вообще когда ему будет угодно, не считаясь с тем, что члены экспедиции связаны служебными работами в других научных учреждениях. У меня, например, с сентября начнутся работы в Моск[овском] университете, так что за один август я не смогу выполнить всё экспедиционное предприятие, рассчитанное на два месяца.

Вас Институт совсем не отпускает. Как же понять все эти явления? Очевидно, Институт решил отказаться от содействия экспедиции. Но если это так, то Институт нравственно обязан уведомить меня как руководителя экспедиции, чтобы я мог исправить сделанный крен. Ведь я извещал, что экспедиция снаряжена МОГАИМК и мешать осуществлению ее, казалось бы, не следует. Но факт остается фактом. Как же быть? Не знаю. Я очень прошу Вас с получением этого письма еще раз навести справки в канцелярии ИАЭА и ответить мне о сущности дела. Время не терпит промедления.

В ИАЭА я сегодня пошлю запрос в форме ультиматума известить меня к 1 июля: 1) отпускает ли он Вас и вышлет ли 6000 р. к 5 июля. Я почти уверен, что ИАЭА мне не ответит! Но тогда я буду считать вопрос исчерпанным и отправляюсь в экспедицию один на средства МОГАИМК, если не найду в прибавок к ним других средств¹⁵⁰.

С искренним почтением остаюсь В. А. Городцов.

№ 63

[Лето и осень 1937 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Спасибо Вам за письмо. Получить его я был очень рад, но содержание его не очень радостно. Я полагал, что в ИАЭА удовлетворятся изгнанием только меня, но ошибся. Коснулось и Вас, хотя Вы совсем не виноваты. Впрочем, не в вине здесь сила, а сила в том, что к энергичным работникам в области науки не могут относиться без зависти. И это не только у нас, но и по всему лицу земного шара. Я отлично знаю, что лично в моей последней истории играет [роль] вовсе не Ильская стоянка, а совершенно другое. Ильская стоянка только щит, за которыми некоторые лица скрывают свои эмоции. Но это всё пустяки. Дождя боятся только фальшивые цветы, поэтому нам бояться не следует.

Теперь о деле. В «Известиях» Арх[еологической] Комиссии, в. 42, стр. 107 говорится о раскопках Лепера в Херсонесе [Лепер 1911], а о моих раскопках в долине р. Куры во всех выпусках этих «Известий», Вы, вероятно, не найдете ни одного слова¹⁵¹. Посмотрите сами. Критик Ваш¹⁵² здесь, очевидно, сделал ошибку. Но, по моему мнению, он правильно указал Вам, что нельзя было издавать рисунок по моему к Вам письму. Рисунок этот никогда не предназначался мною для печати. Я был очень удивлен, когда увидел его в Вашей статье [Лев 1934б: рис. 33]. Хорошо я уже не помню, но, по-видимому, я бегло начертил его в письме, чтобы лучше пояснить мою мысль о мастерской. Возражать критику я Вам не советую: всех собак, лающих из-под ворот, не перелязая, но в будущем в Ваших статьях будьте осторожнее, о чем я Вам говорил и ранее.

¹⁵⁰ Раскопки Ильской стоянки велись с 24 июля по 31 августа 1937 г. В них, кроме В. А. Городцова, участвовали его внучка Кира и Александр Крайнов (брат Д. А. Крайнова) (см. подробнее: Городцов 2012б: 197—202).

¹⁵¹ Речь идет о бронзолитейной мастерской, раскопанной В. А. Городцовым в 1911 г. в д. Цагвери близ г. Боржоми Горийского у. Тифлисской губ. Материалы раскопок не опубликованы. В архиве ученого сохранилась подготовленная к изданию рукопись «Результаты археологических исследований и раскопок по берегам р. Куры, в окрестностях г. Гори и Боржоми» (Городцов 2012б: 625). Описание и схематический рисунок мастерской из письма В. А. Городцова Д. Н. Лев поместил в брошюре об истории горного дела (Лев 1934а: 32, 33).

¹⁵² Судя по всему, это рецензия В. Хайкина (1937). В рецензии А. А. Иессена (1936) сюжет о цагверской мастерской не обсуждался.

№1. 2014

Что мою статью об Ильской стоянке¹⁵³ постараются затереть, я догадывался и ранее. Но если она не появится в очередном номере «Сов[етской] арх[еологии]», посвященном палеолиту¹⁵⁴, я возьму ее и напечатаю за границей, в Тулузской Академии наук, где я состою членом, награжденным знаком «Золотой пальмы» 1 степени. Там-то статью напечатают с удовольствием.

Скажу Вам о своем образе жизни. Я живу так, как жил до моего контакта с ИАЭА, т. е. сижу в своей комнате, в углу, у печки и ни гу-гу. Жизнь идет мимо меня, зато я весь с головой ушел в чтение великолепных книг. Делаю много выписок и по мере сил развиваюсь. Изредка шучу сам над собою, но ни на кого не злоблюсь. Ведь всё идет так, как следует. Стихия жизни человеческой, как стихия моря, не подлежит закону полной регулярности. В жизни, как в море, имеются акулы и другие хищники, потому что они нужны как возбудители жизненной энергии в более слабых и безобидных существах. Без акул все селедки жиром заплывли бы и заполнили бы все моря без всякого толку.

Размышляя на эту тему ради забавы в скучной моей жизни, я написал басенку.

О свинье.

Свинья лежала в луже
И грязью с желудями
Желудок набивала свой потуже.
А Зевс сидел с друзьями,
Амброзию и нектар кушал
И разговор земной подслушал:
Свинья, как Зевс, счастлива!
Не оттого ль свинья спесива?

Не вздумайте показать это Еф[именко] и Зам[ятину] — обидятся. Вы не думайте, что я от старости стал настолько глуп, что начал стихи кропать. Нет, занимаясь чтением часов по 15 в сутки, я имею нужду в отдыхе и шутках. Например, когда я изо всех сил штудировал античную мировую литературу, то как-то внезапно и сильно расхохотался и по истинному вдохновению начертил:

Когда Парнаса боги,
Оставив пышные чертоги,
За острые мечи взялись,
Чтоб гигантов поразить (этих гнусных паразитов),
К ним поспешно принеслись
Силены с Вакхом на ослах,
Чтоб на врагов нагнать побольше страха.
Ослы, увидя грозну рать,
С испугу стали так орать,
Что всех гигантов испугали
И вон с Парнаса их прогнали.
От счастья боги так смеялись,
что чуть-чуть не обос<...>
Оно хоть глупо, но смешно.
А Зевс грозит уж нам в окно.

Белиберда! Но я хохотал, как Меркурий иль Нептун, а больше мне ничего и не требовалось. Смех очищает легкие и предохраняет их от чахотки. Советую и Вам посмеяться, но согрешения мои никому не читать и не показывать, особенно Зевсам.

Вот так я и живу, одиноко, всеми забытый и никому ненужный, однако сильный тем, что сам ни в ком не нуждаюсь и никому не лъщу и не кланяюсь. Так-то лучше!

Скоро грачи и жаворонки прилетят, и у меня явится охота к отлету. Хорошо бы поштудировать, не дает ли ИАЭА на раскопки в Ильской? Поехали бы опять вместе, а на 3000 [рублей] не разъездишься. Знаете ли, мой доклад об Ильской *некто* не хочет поставить в Четвертичной комиссии. Два раза его назначали и откладывали. Я просил в третий раз и тоже

¹⁵³ Вероятнее всего, речь идет о статье (Городцов 1941), опубликованной в первом сборнике серии «Палеолит и неолит СССР» (МИА-2).

¹⁵⁴ Речь идет о 3-м номере «Советской археологии» со статьями С. Н. Замятниной (1937), М. В. Воеводского и П. И. Борисковского (1937), К. М. Поликарповича (1937) и др., связанными с палеолитической проблематикой.

не удостоили¹⁵⁵. Кое-кто очень боится и всячески затирает наше открытие, которому по существу и цена-то грош.

С искренним почтением остаюсь любящий Вас В. А. Городцов.

№ 64

Ленинград, 15.01.1938

Дорогой Василий Алексеевич!

Во-первых, поздравляю Вас с Новым 1938 годом! Во-вторых, большое спасибо Вам за Ваши отписки.

Я, дорогой Василий Алексеевич, не сразу ответил Вам по весьма серьезной причине. На днях скончался Н. И. Березин. Я был опечален, узнав о его смерти. С Н. И. Березиным я был очень дружен; это был очень порядочный и честный человек. Скончался он от гриппа при осложнении на легких. Накануне, вечером, он чувствовал себя очень хорошо, а утром его застали в кровати мертвым. Сейчас я помогаю его семье хлопотать о пенсии.

У нас в ИЭ мертво. В отделе археологии пока все по-старому. Пока осталась старая тройка: В. В. Федоров, я, Косниковский; П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас, С. Н. Замятнин перешли в ИИМК. Может быть, что и нас уберут отсюда.

Дома у меня неблагополучно: всё болеет Мария Николаевна. Вот, дорогой Василий Алексеевич, и всё. Поклоны Вам от Зеленина и Винникова. Поклон Вам от моей супруги. Поклон мой Вашему сыну с супругой.

Обнимаю Вас крепко. Ваш Д. Лев.

Р. С. Ваши тезисы я передал Борисковскому¹⁵⁶ для передачи в ИИМК. Вопрос с деньгами для Браунера еще не выяснен. Д. Лев.

№ 65

11.02.1938

Дорогой Давид Натанович!

Я просил В. В. Струве¹⁵⁷, чтобы он отпустил Вас и Косниковского со мною в летнюю экспедицию для производства раскопок в окрестностях г. Пугачёвска¹⁵⁸. Он обещал. Я просил бы Вас поговорить с В. В. Струве и, если он подтвердит свое обещание или изменит его, известить меня. Я опасюсь, как бы по примеру минувшего года не остаться без сотрудников¹⁵⁹. Работа экспедиции должна состоять из раскопок жилищ срубной культуры и курганов, расположенных поблизости к жилищам. Работа будет большая и, я думаю, очень поучительная. Итак, жду Вашего ответа.

В марте хочу ехать в Харьков на историческую сессию, куда меня приглашал в частном порядке Семенов-Зусер¹⁶⁰. Он был на одну минуту у меня и не один, но с женою. Они очень торопились на вокзал. Говорили с ним и о Вас. Он уверял, что у Вас всё идет благополучно.

¹⁵⁵ В итоге доклад состоялся и был опубликован (Городцов 1940).

¹⁵⁶ Борисковский Павел Иосифович (1911—1991), археолог. Выпускник ЛГУ (1930), ученик П. П. Ефименко. Работал в ГАМК-ИИМК-ЛОИА (зав. отделом палеолита), проф. ЛГУ (1959). Автор фундаментальных трудов по палеолиту Восточной Европы, Юго-Восточной и Южной Азии (см. подробнее: (Праслов 2001—2002).

¹⁵⁷ Струве Василий Васильевич (1889—1965), востоковед, академик АН СССР (1935). Окончил МУ (1911), ученик Б. А. Тураева. Работал в Эрмитаже, ПУ-ЛГУ, ГИИИ, РАИМК-ГАИМК, ЯИ-ЛОИЯМ; директор ИЭ (1937—1940) и ИВ (1941—1950). Основатель советской школы историков Древнего Востока. Труды по египтологии, ассириологии, древней истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии.

¹⁵⁸ В. А. Городцов пишет о планировавшейся, но в итоге не состоявшейся экспедиции в г. Пугачёв для исследования памятников эпохи поздней бронзы на реках Большой и Малый Иргиз. Материалы поселений и могильников срубной культуры, открытых в 1920-е гг. А. И. Тереножкиным, были необходимы ему в связи с работой над 2-м томом «Археологии».

¹⁵⁹ При раскопках Ильской стоянки в 1937 г. В. А. Городцову крайне не хватало квалифицированных помощников: внучка Кира и А. А. Крайнов с этой ролью не справлялись.

¹⁶⁰ В. А. Городцов не смог участвовать в работе конференции. В его дневнике есть запись о том, что доклад был подготовлен, но конференцию в Харькове перенесли на 15 апреля. А на эти дни как раз планировалась его поездка в Ленинград для разбора коллекции Ильской стоянки 1937 г. (Городцов 2012б: 266, 267).

№1. 2014

Прошу передать мой привет супруге. Желаю Вам всех благ. Поклон всем нашим благожелателям по Институту.

С искренним почтением остаюсь В. А. Городцов.

№ 66

Ленинград-9, 5.03.1938

Дорогой Василий Алексеевич!

Вчера получил Ваше письмо, которое долго блуждало по гор[оду] Ленинграду. Дело в том, что Вы спутали мой адрес и вместо «дом № 7» написали на конверте «дом № 5». Ваше письмо, дорогой Василий Алексеевич, застало меня в постели: я заболел гриппом и пролежал 15 дней, а вдобавок получил еще осложнение на ноги.

В Ленинграде сейчас эпидемия гриппа — редко кто не болеет этой болезнью. У В. В. Струве, напр[имер], после этой противной болезни всё тело покрылось экземой.

Перехожу к делу. По поводу Вашего приглашения в экспедицию я имел буквально минутную беседу с В. В. Струве, который обещает посодействовать этому делу, хотя, как он выразился, в ИЭ даже еще не утверждены штаты и сметы. В. В. Струве сейчас находится в Москве, где всё это и выясняет. Не волнуйтесь, Василий Алексеевич, всё будет обстоять благополучно.

Я работаю сейчас не в И[нститу]те эт[но]графии, а в Музее [антропологии и этнографии], исполняю обязанности зав[едующего] отделом археологии. Скоро будем приступать к разбору Ваших ильских материалов, а для этой цели был бы желателен Ваш приезд в Ленинград. Я очень прошу Вас написать, желаете ли Вы приехать и когда именно. Кстати, в Вашем присутствии было бы удобнее и поговорить с нашим начальством обо всех делах, касающихся летних полевых работ.

Если Вы надумаете приехать, то предварительно напишите нечто вроде заявления на предмет обработки ильских материалов для их регистрации, а я уже всё это и оформлю по линии отдела археологии.

Вот, дорогой Василий Алексеевич, что я имею Вам сообщить. У нас в И[нститу]те эт[но]графии пока особых новостей нет, всё по-старому. Поклон Вам от всех наших, поклон Вам от Марии Николаевны. Поклон всем Вашим.

Обнимаю Вас — Ваш Д. Лев.

P. S. Очень болят руки, ноги; я еще чувствую себя плоховато. Д. Л.

№ 67

[После 5.03.1938 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Письмо Ваше от 5/III-1938 г. я получил. Я думал, что Вы меня совсем забыли, но теперь выяснилась причина Вашего долгого молчания. Я так утомляюсь, что многое забываю и путаю, спутал и № Вашего дома с № дома моего.

Очень соболезную Вам. В феврале и я пережил подобный грипп с осложнением, ударившим по моим ногам. Несколько дней мне больно было ходить, а в особенности нагибаться. Теперь всё прошло.

Ваше служебное положение в ИЭ меня смущает: я опасаясь остаться без помощника, как остался в 1937 году. Я очень прошу Вас уведомить меня о возможности Вашего участия в экспедиции. Мне хотелось бы присоединить Н. Р. Косниковского: в предстоящей работе он будет очень нужен. Поговорите с ним и походатайствуйте за него.

Относительно поездки в ИЭ скажу, что официальные отношения с ИЭ у меня натянутые, и я уверен, что Инст[итут] не оплатит моей поездки, а за свой счет я не могу ехать в Ленинград.

ИЭ довольно грубо потребовал сначала деньги, оставленные мне на камеральную обработку Ильской коллекции, связанную с поездкой в Ленинград, а затем потребовал и задаток (3000 р.) за написание II тома «Археологии», хотя я указывал, что работу я выполняю под руководством И[нститу]та ист[ории] матер[иальной] культуры, о чем у меня имелась договоренность и учитывался задаток.

Обе суммы я выплатил ИЭ сполна, решив не иметь дела с канцелярией ИЭ совсем. И вдруг получаю письмо за подписью секретаря [С. М. Абрамзона], чтобы я выслал «дневники» в ИЭ. Это уже была оскорбительная дерзость. Работы мои в Елизаветинском гор[одище] и в Ильской

велись на средства двух ученых учреждений: 1) ГАИМК и 2) ИАЭА. ИАЭА получил коллекции и откаты, а дневники должны быть направляемы в ГАИМК, где они попадали бы в руки специалистов-археологов. А для чего понадобились дневники ИЭ?

Я не ответил и отвечать не буду на неразумное требование. Обидны эти придирки канцелярских неучей. Они сделали то, что в разработке коллекции Ильской стоянки я не могу принять участие и не могу привлечь к обработке материалов специалистов. Это уже есть характерное вредительство, состоящее в том, чтобы всячески мешать делу, на которое государство ассигнует деньги.

Поклон Вашей супруге и всем нашим хорошим знакомым. Жду с нетерпением от Вас известий. В. А. Городцов.

№ 68

Ленинград, 26.03.1938

Дорогой Василий Алексеевич!

Вместе с этим письмом посылаю Вам официальное отношение от ИЭ с просьбой приехать в Л[енингра]д. Этим самым я отвечаю на Ваше последнее письмо. Сообщите, пожалуйста, день Вашего приезда.

Уваж[ающий] Вас Д. Лев.

P. S. Привет Всем Вашим. Д. Л.

Василий Алексеевич, в Л[енингра]де нам придется получить от Вас указания для регистрации Ваших материалов из Ильской¹⁶¹.

№ 69

[19.04.1938]

Дорогой Давид Натанович!

По Вашему желанию я нацарапал кое-что о своей научной деятельности¹⁶². Поправьте, где неловко, и постарайтесь напечатать. Что касается фотографии, то у меня есть только одна порядочная карточка, но боюсь потерять ее, так как других карточек у меня нет, и я надеюсь их иметь. Я бы советовал использовать мою карточку, изданную в IV выпуске «Трудов секции археологии Института археологии [и искусствознания] РАНИОН» 1928 года. Эта карточка хороша¹⁶³. «Труды РАНИОН», наверно, имеются в библиотеке ИЭ.

После приезда из Ленинграда я всё время болел и сегодня (19 апр[еля]) в первый раз вышел на почту. Два дня (14 и 15-го) спал в бреду... Поклон Марии Николаевне и всем товарищам-благожелателям.

С искренним почтением остаюсь В. А. Городцов.

№ 70

[Апрель 1938 г.]

Дорогой Василий Алексеевич!

Получил все присланное Вами. Сегодня я беседовал со Струве — он полностью одобряет мои замыслы: 1) напечатать о Вас статью в «Сов[етской] этнографии»¹⁶⁴, 2) В. В. [Струве] просил меня еще прочесть доклад (сообщение на эту же тему на майской сессии ИЭ). Сегодня же я принимаюсь за эту работу. Ваши материалы мне очень помогут. Я бы еще просил Вас прислать мне следующее: Ваши работы в области поздних памятников (эпохи железа) и, если воз-

¹⁶¹ К письму приложены отношение от ученого секретаря ИЭ С. М. Абрамзона с приглашением В. А. Городцова для разбора материалов Ильской стоянки (раскопки 1937 г.) и расписка о получении научного отчета об исследовании этих материалов.

¹⁶² Речь идет о просьбе Д. Н. Льва предоставить информацию об основных этапах жизненного и научного пути ученого. Лев взялся за подготовку статьи в связи с 50-летним юбилеем научной деятельности В. А. Городцова.

¹⁶³ См. вклейку в: (ТСА РАНИОН. 1928. IV).

¹⁶⁴ Статья в итоге вышла в журнале «Вестник знания» (Лев 1938).

№1. 2014

можно, черкните, что у Вас есть по этнографии. Я помню, что где-то читал Вашу этнографическую статью [Городцов 1926б]. Было бы очень желательным, чтобы к статье был приложен список работ. В 1928 г., как Вы помните, в [Трудах] РАНИОН был опубликован список [Колесников 1928]; было бы желательным дополнить его¹⁶⁵.

Итак, принимаюсь за дело, жду от Вас просимое. Карточку возьму РАНИОНовскую. Ваш Д. Лев.

№ 71

[Апрель 1938 г.]

Дорогой Давид Натанович!

Письмо Ваше получил. Спасибо Вам за хлопоты. Спешу ответить на Ваши вопросы.

По этнографии мною напечатано три работы. Этнографические заметки: 1) «Обычаи в некоторых рязанских селах при погребении во время эпидемий»; «Опахивание деревни во время эпидемии». Печатаны «Этнографическим обозрением» за 1897 г., №3, стр. 185—187; 2) «Свадебные обычаи в селе Сеславине, Ярославской губ.», «Вестник Ярославского земства», 1903 г., №№18 и 19; 3) «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве», «Труды Госуд[арственного] Исторического музея», т. I, стр. 7—36.

Особенный научный интерес представляет последняя работа, в которой устанавливается, что русское народное творчество имеет тесную генетическую связь с дакийским и является доказательством, что русские славяне или долго совместно жили с даками, обитавшими на Нижнем Дунае, или произошли от даков.

Из работ, касающихся памятников неометаллической (железной) эпохи, наибольшее научное значение имеют:

1) «К вопросу о киммерийской культуре». Труды Института археологии [и искусствознания] РАНИОН, [1928], вып. II, стр. 46—60, со многими рисунками. В этой работе впервые увязаны археологические памятники с именем исторического народа киммерийцев, обитавшего в Причерноморье в XII—VII веках до н[ашей] эры. Решение вопроса признано вернымграничными авторитетами, и между прочим Миннзом¹⁶⁶.

2) «Галический клад и стоянка». Труды Института археологии [и искусствознания РАНИОН], вып. III, 1928 г., стр. 13—54. Установлена дата галической культуры в IX—VII веках до н[ашей] эры. Ранее же культура относилась к глубочайшей древности раннего бронзового века¹⁶⁷.

3) «Старшее Каширское городище» Изд. ГАИМК [Городцов 1934б]. Устанавливается ранняя дата дьяковской культуры в VI в. до н[ашей] эры, когда до этого утверждалось, что эта культура существовала между VII и IX в. нашей эры¹⁶⁸.

4) «Троице-Пеленицкое городище-холмище». Печатана (?) не помню где [Городцов 1930]. В этой работе утверждается на основании находки боспорской монеты, что городищская культура, родственная дьяковской, существовала в III веке н[ашей] эры; ранее же ее приурочивали в VII—IX в. н[ашей] эры¹⁶⁹.

5) Определены памятники, принадлежащие торкам и половцам. См. Труды XII Арх[еологического] съезда, т. I, стр. 226—340 [Городцов 1905], Труды XIII Арх[еологического] с[ъезда], т. I, стр. 211—285 [Городцов 1907].

6) «Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками» [Городцов 1897] и «Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды» [Городцов 1898]. Обе заметки напечатаны в «Археол[огических] изв[естиях] и заметках» Моск[овского] Археологич[еского] о[бществ]а, вып. V—VI. В этих заметках возбуждается вопрос о существовании у русских славян дохри-

¹⁶⁵ Дополнение к библиографии трудов В. А. Городцова, составленной И. Ф. Колесниковым (1928), вышло к 80-летию ученого (Список трудов... 1940).

¹⁶⁶ Миннз Эллис Ховелл (в России его звали Иваном Егоровичем) (1874—1953), английский историк, археолог, профессор Кембриджского университета. Посещал Россию, был знаком и состоял в переписке с крупнейшими русскими учеными, в частности, с М. И. Ростовцевым, Н. П. Кондаковым, Н. П. Лихачевым, А. В. Орешниковым, В. А. Городцовым, А. А. Захаровым и др. (см. подробнее: Тункина 2008: 678).

¹⁶⁷ Пометка В. А. Городцова: «Тальгрэн, Спицын и другие».

¹⁶⁸ Пометка В. А. Городцова: «Спицын и другие».

¹⁶⁹ Пометка В. А. Городцова: «Забыл “Подчеремский клад” — это оч[ень] хор[ошая] работа».

стианской письменности. Вопрос пока не решен, но постановка его заслуживает научного внимания.

В. А. Городцовым [1904] установлено: 1) что майданы Украины представляют [собой] разрушенные курганы с целью кладоискательства, ранее же в них видели какие-то особенные (м[ожет] быть ритуальные) памятники скифов (Бобринский и др.) [Бобринской 1910] и 2) что каменные бабы принадлежат сарматам, а не половцам, как утверждали его предшественники (Веселовский и др.) [Веселовский 1915].

В характеристике работ В. А. Г[ородцова] следует отметить огромное прилежание в изучении материалов и сжатость в изложении мыслей.

Дать Вам список напечатанных трудов с 1928 по 1938 год трудно: требуется много времени, а в настоящее время я сильно перегружен работой. В первых числах мая я должен сделать два доклада: 1) «О результатах работ 2-го пленума INQUA с 6 по 9 апреля»¹⁷⁰ и 2) об открытии на острове Ява новых останков *Pithecantropus* по первым, дошедшим из-за границы известиям¹⁷¹.

О портрете. Если Вы будете печатать в «Сов[етской] этнографии», то я пришлю Вам фотографию, которая мне нравится более, чем РАНИОНовская¹⁷². Напишите мне об этом.

Прошу передать мой поклон Марии Николаевне и всем нашим благожелателям. Передайте В. В. Струве, что я глубоко тронут его любезностью и добрым отношением ко мне.

С искренним почтением остаюсь любящий Вас В. А. Городцов.

№ 72

22.04.1938

Дорогой Василий Алексеевич!

Вчера получил Вашу фотографию, которую постараюсь напечатать вместе со статьей.

С 7-го сего месяца у нас в ИЭ проводится пленум или, вернее, — совещание по вопросам этнографии и фольклора.

В отличие от ИИМКА, у нас проходит очень оживленно; много народа с мест. Из Москвы присутствуют: Токарев¹⁷³, Плисецкий¹⁷⁴, Дебец¹⁷⁵, Ю. Соколов¹⁷⁶, Толстов¹⁷⁷.

Приветы от всех наших.

Ваш Д. Лев

¹⁷⁰ Доклад «О работах II пленума по ископаемому человеку при Советской секции МАИЧПР и ИИМК АН СССР» был сделан В. А. Городцовым 28.02.1938 г. на заседании МОИИМК. Текст выступления сохранился в его архиве. Доклад, о котором идет речь в письме, по-видимому, повторяет февральский.

¹⁷¹ На основе доклада В. А. Городцова написал статью «*Pithecantropus* в свете новых находок его останков на острове Ява» для «Вестника древней истории», но журнал ее отклонил. Рукопись статьи от 14.05.1938 г. сохранилась в архиве ученого.

¹⁷² Пометка В. А. Городцова: «Фотографию я прошу по использованию вернуть, я ею оч[ень] дорожу».

¹⁷³ Токарев Сергей Александрович (1899—1985), этнограф. Окончил ФОН 1 МГУ (1926) и аспирантуру ИИ РАНИОН (1928). Работал в Центральном музее народов СССР (1928—1937), ИИ Комкадемии (1929—1931), МОГАИМК (1932—1937), Центральном антирелигиозном музее (1938—1941), ИЭ (с 1943 зав. сектором Америки, Австралии и Океании). Преподавал на этнологическом факультете 1 МГУ (1929—1930), Высших музейных курсах (1932—1937), историческом факультете МГУ (1939—1973, зав. кафедрой этнографии в 1957—1973), в МИФЛИ (1939—1941) (см. подробнее: Козлов 2004).

¹⁷⁴ Плисецкий Марк Соломонович (1881—1957), антрополог, директор Института антропологии в 1930-е и декан философского факультета МГУ (1949—1952), редактор сборника «Наука о расах и расизм» (1938), дядя знаменитой балерины Майи Плисецкой.

¹⁷⁵ Дебец Георгий Францевич (1905—1969), антрополог, археолог. Окончил Иркутский университет (1925), ученик Б. Э. Петри. С 1926 в Ленинграде, с 1927 в Москве: аспирант, сотрудник (с 1931) Института антропологии МГУ, ИЭ (с 1943), проф. МГУ (с 1944). Труды в области расоведения, этнической антропологии и палеоантропологии древнего и современного населения Северной Евразии (см. подробнее: Дубова 2004).

¹⁷⁶ Соколов Юрий Матвеевич (1889—1941), филолог, фольклорист, этнолог, литературовед, академик АН УССР (1939), автор фундаментальных работ о русском фольклоре и учебника «Русский фольклор» (1938). Возглавлял первую в СССР кафедру фольклора в МИФЛИ (1938—1941) (см. подробнее: Бахтина 2000).

¹⁷⁷ Толстов Сергей Павлович (1907—1976), археолог, этнограф, востоковед, организатор науки, чл.-корр. АН СССР (1953) (см. подробнее: Рапопорт, Семенов 2004). В. А. Городцов стал близко общаться с ним, когда Толстов стал научным секретарем (1935), заведующим (1939) МОГАИМК-ИИМК.

№ 73

6.06.1938

Дорогой Давид Натанович!

Посылаю Вам ту фотографию, которую мне хотелось бы издать при Вашей статье. С художественной стороны она не так хороша, но мне она нравится. Снята она старшим сыном [Олегом], занимавшимся фотографией, как любитель. И этот факт для меня дорог.

Доехал я недурно¹⁷⁸. Но при входе в вагон выяснилось, что билет мой был продан два раза. Пришлось отыскивать дежурного по станции, разысканного с некоторыми затруднениями. От дежурного я узнал, что явился я к нему минут на пять ранее, он дал бы мне билет в мягком вагоне, который только что продан. Новое место в вагоне оказалось лучше первого. В вагоне было просторно, и я всю ночь спал недурно.

Надеюсь, что у Вас всё благополучно.

Желаю Вам всех благ. До скорого свидания. С глубоким почтением остаюсь В. А. Городцов.

№ 74

[После 28.06.1938]

Дорогой Давид Натанович!

Экспедиция наша на Иргиз не может состояться благодаря отсутствию на осуществление ее средств у АН СССР. Извещая Вас об этом грустном факте, прошу у Вас извинения за причиненное беспокойство. Есть в окружающем мире условия, которые преодолеть человек не может и ему приходится *volens nolens* подчиниться этим условиям, имеющим характер рока. Для Иргизской экспедиции такие условия создало, как я догадываюсь, кумовство. Но как бы то ни было, дело состояться не может. Мне объявили об этом 28 июня, хотя в сферах об этом было известно гораздо ранее, но, очевидно, совестились сообщить мне. Действительно, сообщение произвело на меня ошеломляющее впечатление.

В настоящее время я оказался в очень тяжелых условиях. Мне, по-видимому, придется жить всё лето в шумной и пыльной Москве. Досадно, что мне не удалось изучить жилище срубной культуры, а это так нужно для моей работы по 2 тому «Археологии». Ну, да черт с ней и с этой работой. Напечатать её всё равно не напечатали бы. Мною сдано в ИИМК работ на 39 печатных листов и ни одну из них это учреждение не пропускает в печать. Меня некоторые лица уверяли, что воротилы боятся пропускать мои работы, чтобы они не обратили на себя внимания и не сделали меня конкурентом в соискании научного звания в АН СССР. Для этого эти люди обеспоживают мои труды, аттестуя меня как уже не способного к труду. Если это так, то и пускай продолжают подличать — это им по плечу.

Поклон супруге и всем нашим благожелателям-этнографам.

Любящий Вас В. А. Городцов.

№ 75

Ленинград, 8.07.1938

Дорогой Василий Алексеевич!

Получил Ваше печальное письмо. Должен Вам признаться, что я заранее знал, что в нынешнем (а может быть и в дальнейшем) году денег на экспедиционную работу не дадут.

Я не буду здесь касаться всех деталей этого вопроса — они, кажется, достаточно ясны. Стоит, напр[имер], лишь вспомнить, что на прошлой неделе ряд московских археологов был представлен к ученой степени. Любопытно, что эту степень им дал Ленинградский университет, а не Московский, в котором они и работают. Эти факты говорят о многом.

Далее, Толстов, не будучи археологом, получает на производство археологических работ, как говорят, ни более и ни менее как 20 000 рублей. Это, как видите, тоже очень интересный факт. Я, дорогой Василий Алексеевич, по-видимому, в июле буду в Москве, где подробно обо всем и потолкуем.

¹⁷⁸ Речь идет о возвращении В. А. Городцова из Ленинграда (5.06.1938 г.). В ИИМК и ИЭ 3 и 4 июня прошли торжественные заседания в связи с 50-летием его научной деятельности (Городцов 2012б: 278).

В настоящее время я сижу над разработкой тематического плана новой экспозиции отдела археологии. В этом новом плане я должен расположить археологический материал согласно периодизации Моргана-Энгельса. На днях, в кабинете директора [В. В. Струве], состоялось заседание, где я излагал этот план. На заседании присутствовали из ИИМК Ефименко, Равдоникас, Третьяков¹⁷⁹. Указанные выше лица не возражали против моего плана. После тематического плана придется заняться составлением экспозиционного плана. Вот, каковы дела!

Статья Ваша (не Ваша, а о Вас) печатается с портретом. И здесь не обошлось без фокусов!¹⁸⁰ Увидимся — поговорим.

Пока пожелаю Вам всего хорошего. Поклон Вам от жены и наших сослуживцев. Ваш Д. Лев. Пишите, жду.

№ 76

Ленинград, 14.07.1938

Дорогой Василий Алексеевич!

С настоящим письмом высылаю Вам обратно Вашу фотографию. С нее мы сделали два снимка, один из которых будет помещен со статьей, другой — на всякий пожарный случай — для издательства. Если они испортят один снимок, в докладе будет другой. Между прочим, сегодня я уже получил корректуру набранной статьи. Всем этим мы обязаны двум лицам: В. В. Струве и В. В. Храмовой.

В прошлом письме я писал Вам, что собираюсь в Москву в июле, но, по-видимому, это предприятие удастся мне лишь в августе.

Среди археологов (ленинградских) — большая сумятица. Дело в том, что по приказу свыше ИИМК и другие учреждения в двухдневный срок должны выехать из занимаемого ими помещения¹⁸¹. Это — настоящее «Великое переселение народов». Для ИИМК дали несколько комнат против нашего музея. ИИМКовская публика забегала вовсю; мебель пока еще валяется на дворе, там же и другое хозяйство. Одним словом — беда! Дворец их с большими люстрами потерян навеки. Вот какие творятся дела на нашей планете!

Поклон Вам от нашей половины, от Косниковского и В. В. Федорова.

Ваш Д. Лев.

P. S. Пишите!

№ 77

Ленинград, 25.08.[1938]

Дорогой Василий Алексеевич!

В предыдущем своем письме я сообщал Вам, что, по-видимому, в августе с.г. я буду в Москве. Теперь всё снова изменилось: говорят, — нет денег. Пока есть деньги только для этнографов, а археологией наше начальство мало интересуется[ся].

На днях из Ленинграда уехал М. В. Покровский, который просил меня передать Вам от него самый искренний привет. М. В. напечатал статью «Городища и могильники среднего Прикубанья» [Покровский 1937]. М. В. просил меня переслать ее Вам, что я и выполняю. Вместе с этим письмом я высылаю Вам эту статью. М. В. приглашает нас в 1939 году провести разведки по пещерам с целью отыскания палеолита. Как Вы на это смотрите?

По поручению П. П. Ефименко А. П. Окладников ездил нынче в Среднюю Азию, где ему удалось найти в пещере [Тешик-Таш] мустье с неандертальцем (ребенок) [Окладников 1940]. Эти сведения Окладников получил у одного инженера.

¹⁷⁹ Третьяков Петр Николаевич (1909—1976), археолог, чл.-корр. АН СССР (1958). Выпускник ЛГУ (1930). Ученик П. П. Ефименко. Лаборант (1927—1930), с 1930 сотрудник, заместитель директора (с 1941), директор (1945) ГАИМК-ИИМК-ЛОИИМК. С 1934 преподавал в ЛГУ. С 1946 референт в ЦК КПСС и зав. сектором этногенеза народов Восточной Европы в ЛОИИМК. В 1947 профессор АОН при ЦК КПСС, с 1951 директор Института славяноведения. В 1959 вернулся в ЛОИА на должность старшего научного сотрудника (до 1976). Профессор ЛГУ (1966—1970) (см. подробнее: Горюнов 1984).

¹⁸⁰ Вероятно, дело в том, что статью Льва о В. А. Городцове отказалась печатать «Советская этнография». В итоге она вышла в журнале «Вестник знания» (Лев 1938).

¹⁸¹ Речь идет о «выселении» ИИМК из Мраморного дворца (ул. Халтурина, д. 5).

№1. 2014

Не ринуться ли нам в будущем году снова на Кубань?! Деньги М. В. обещал достать в педагогическом институте. Одним словом, проживем — увидим. Отживает лето, уже чувствуется дыхание осени, а мы с Вами в этом году так и не поехали никуда. Авось, будущий год будет более удачным!

Пока, дорогой Василий Алексеевич, крепко жму Вашу трудовую руку. Поклон Вам от моей супруги, поклон Вам от ваших друзей в ИАЭ. Пишите!

Ваш Д. Лев.

№ 78

[После 25.08.1938]

Дорогой Давид Натанович!

Письмо Ваше от 25/VIII.[19]38 г., я получил, получил и брошюру Покровского. Очень благодарен Вам.

Приглашение М. В. Покровского на Кубань меня интересует. Но использовать его — дело трудное. Знаете, Давид Натанович, лучше бы нам продолжить раскопки в Елисеевичах¹⁸², где работал Поликарпович¹⁸³. Он работник, по моему мнению, неважный: наверно, многое он не досмотрел. Знаете, наведите справки, где он запропал? У меня есть подозрение, что он не благополучен. А тогда нужно его работу продолжить; возможно, что там окажутся землянки.

Если бы М. В. Покровский подготовил почву для исследований, тогда бы еще можно было бы разговаривать. Я очень хорошо знаю, как трудны поиски в горах, где можно в пяти шагах пройти мимо и не заметить.

Череп неандертальца (ребенка), добытого Окладниковым, я видел. находка хорошая и очень важная. Это первый череп неандертальца, найденный в СССР.

Лето я страшно скучал. Пыльно, жарко, тоска! Впрочем, я успел кое-что сделать, а именно: написал доклад на тему «Влияние ледниковых периодов на образование видов человека Европы и видов, сопутствующих ему флоры и фауны»¹⁸⁴. Статья очень интересна и, мне думается, она вызовет внимание. Написал я еще статью «Pithesantorpus в свете новых открытий останков его на о[стро]ве Ява». Эту статью мне хотелось бы напечатать¹⁸⁵. Затем сделал два «отзыва» о работах двух ученых¹⁸⁶. Пришлось много возиться с этими работами. Устал я дьявольски.

Завтра приступаю к чтению лекций в Институте истории, философии и литературы¹⁸⁷, а потом придется браться и за другие дела. Первое полугодие началось. Доживем ли до конца второго? Во всяком случае, идею, брошенную Покровским, нужно иметь в виду.

Поклон Вашей супруге. Поклон Федорову В. В. и Косниковскому, а также всем этнографам, особенно Зеленину и Винникову, Храмовой то же.

Желаю Вам всех благ. Любящий Вас старец В. А. Городцов.

¹⁸² См. о памятнике: (Гаврилов 2007).

¹⁸³ Поликарпович Константин Михайлович (1889—1963), археолог. Закончил духовные училище и семинарию, работал учителем в церковно-приходской школе. Увлечшись археологией, начал проводить полевые археологические исследования. С 1923 сотрудник Гомельского губернского бюро краеведения, с 1926 член историко-археологической комиссии Института белорусской культуры, с 1929 в АН БССР, с 1934 в ИИ АН БССР (в 1946—1963 руководитель сектора археологии). Полевые исследования и труды связаны с памятниками каменного и бронзового веков Верхнего Поднепровья; см. подробнее: (Чубур 2009).

¹⁸⁴ Доклад «Влияние оледенений на смену видов сопутствующих ему фауны и флоры» был сделан 21.04.1939 г. на кафедре археологии МИФЛИ (Городцов 2012б: 605).

¹⁸⁵ Статья была направлена в «Вестник древней истории», но журнал ее отклонил.

¹⁸⁶ Речь идет об отзывах В. А. Городцова на рукописи В. Т. Илларионова «Ископаемый человек Восточной Европы и Северной Азии. Опыт историографии палеолита СССР» и Д. Д. Иванова «История доклассового общества в советской литературе: (Опыт библиографического обзора и анализа)», 1937 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 117). Обе рукописи опубликованы: (Илларионов 1941; 1947; Иванов 1938).

¹⁸⁷ Московский институт философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского — гуманитарный вуз университетского типа (1931—1941). С сентября 1938 В. А. Городцов — профессор, зав. кафедрой археологии на историческом факультете, член Ученого совета МИФЛИ. До середины 1941 читал студентам III—IV курсов лекции по каменному и бронзовому векам. С началом войны институт был эвакуирован в Ашхабад, а в декабре 1941 слит с МГУ.

№ 79

30.01.1939

Дорогой Давид Натанович!

А. В. Збруева¹⁸⁸ передала мне от Вас «Вестник знания», 1938 г. №9, с заметкой Вашей обо мне [Лев 1938]. Приношу Вам мою глубокую благодарность. Кажется, это первая заметка в печати о моем 50-летнем юбилее¹⁸⁹. Я слышал, что вторую заметку об этом юбилее хотели опубликовать в «Советской археологии» ИИМКа, но Ефименко, по-видимому, из зависти, изъял ее. Удивительна ненависть ко мне ленинградских археологов. Чем я им насолил, право не знаю. А может быть, они всех ненавидят, кроме самих себя. Это возможно, так как они мнят о себе как о гениях, а ведь мнящие о себе как о гениях всегда ненавидят других. Ну, да черт с ними. О них не стоит говорить.

В нынешнем году на раскопки я не прошу денег, так как их всё равно не дадут от Института истории мат[ериальной] культуры.

Прочее всё обстоит благополучно.

Прошу передать мой поклон Вашей супруге и всем нашим благожелателям Института этнографии.

Еще раз искренно благодарю Вас за статью.

Любящий Вас В. А. Городцов.

№ 80

[письмо В. В. Федорова с припиской Д. Н. Льва]

5.05.1939

Дорогой Василий Алексеевич!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Мне поручено в новой нашей экспозиции Отдела [археологии МАЭ] выставить стоянку Волосово¹⁹⁰. В опубликованном отчете [Городцов 1914] Вами указано, что Вами была раскопана *землянка овальной формы*¹⁹¹. Почему-то в отчете пропущен чертеж землянки, хотя Вы на него и ссылаетесь. Я хотел бы иметь данный чертеж и разрез этой землянки. Для меня очень важно иметь эти чертежи для показа социальных отношений общества стоянки Волосова.

Затем, для представления о родовой организации в Волосове, я хотел бы выставить карту р. Оки у Волосова с обозначением ряда обнаруженных здесь неолитических стоянок¹⁹². Имеющаяся карта Уварова¹⁹³ данной местности устарела [Уваров 1881]. *Не имеется ли у Вас подобной карты*¹⁹⁴. Делать для меня специально карты не надо, достаточно снять кальку с обо-

¹⁸⁸ Збруева Анна Васильевна (1894—1965), археолог. Окончила ФОН 1 МГУ (1925), ученица В. А. Городцова и Б. С. Жукова. С 1925 в ГИМе (внештатный сотрудник), в 1931—1936 в Музее народоведения и Музее антропологии при МГУ, с 1936 в МОИИМК-ИИМК-ИА. Труды по археологии бронзового и раннего железного веков Волго-Уралья (см. подробнее: Тихонов, Бадер 1967).

¹⁸⁹ Юбилей В. А. Городцова был отмечен также статьей Е. И. Крупнова (1938) в «Вестнике древней истории».

¹⁹⁰ См. о памятнике: (Николаенко 2008: 272—275).

¹⁹¹ На поселении Волосово 1 исследованы три жилища полуземляночного типа: овальное в плане (раскопки В. А. Городцова 1910 г.) и четырехугольные (раскопки Б. С. Жуков в 1926—1927 гг. и И. К. Цветковой в 1950 г.) (Николаенко 2008: 274). В. П. Третьяков (1990: 15) высказал предположение, что Городцов ошибся в определении формы сооружения, и связано это с неудачной методикой, а именно: выборкой заполнения первоначально выявленного контура котлована. Практика показала (Никитин 1991: 15—19), что в песчаных грунтах верхние контуры жилищ волосовской культуры могут быть «размытыми», но при раскопках сплошной площадью ниже выявляются их четырехугольные очертания.

¹⁹² См. о памятниках Волосовского археологического микрорайона: (Николаенко 2008: 268—285).

¹⁹³ Уваров Алексей Сергеевич (1825—1884), граф, археолог, коллекционер, участник и организатор многочисленных археологических экспедиций на территории России, учредитель МАО (1864), инициатор проведения Всероссийских АС (с 1869), один из основных организаторов создания РИМ (1872), в 1881—1884 его фактический директор (председатель Строительной комиссии) (см. подробнее: Формозов 1961: 85—88; 1983: 84—102; Смирнов 2011: 111—115, 515).

¹⁹⁴ Согласно описанию В. А. Городцова (1914), на самой Волосовской дрене Старший и Младший Волосовские могильники расположены на высоком правом берегу р. Велетьмы недалеко от места впадения ее в Оку. Первый из них Городцов располагает на холме «А», второй — на холме «В», а поселение Волосово 1 (эпонимный

№1. 2014

значением неолитических стоянок, а также плана и разреза землянки стоянки Волосово. Если Вас это не затруднит, то я бы попросил переснять таковые для меня. За это буду в большом долгу перед Вами. Если же это будет что-либо стоить, то прошу прислать счет на наш Институт за *указанную работу*.

По слухам известно, что Вы не делаете доклада в Киеве; вероятно, Вы совсем не едете в Киев¹⁹⁵. Лев собирается ехать в Киев; по дороге он, вероятно, заедет к Вам и сообщит все наши последние новости.

К осени мы должны перестроить весь наш отдел совместно с антропологами и работниками ИИМК. Работа большая и трудная. Много материала сокращается в части палеолита, но зато разворачивается металл, который был у нас плохо выставлен. Перестраиваются все шкафы отдела заново. Словом отдел должен совершенно преобразиться.

Будем ждать Вас к нам в гости для осмотра нашего нового отдела. Надеемся, что Вы сможете нам своими указаниями в столь большой работе. Желаю Вам здоровья.

Заранее благодарю за кальки. Было бы желательнее их иметь как можно скорее, так как они нужны для составления экспозиционного плана в ближайшее время.

Остаюсь всегда уважающий Вас В. Федоров. 5/V-1939, Ленинград.

Дорогой Василий Алексеевич! Обнимаю Вас крепко, крепко! Скоро напишу Вам большое письмо. Что касается Киева, то еще ничего неизвестно о моей поездке.

Уважающий Вас Д. Лев.

№ 81

Ленинград, 10.05.[1939]

Дорогой Василий Алексеевич!

Сегодня у меня радостно на душе. Я узнал, что встречу в Вами в Киеве! И как Вам только не совестно думать о том, что я «совсем забыл» Вас. Я долго молчал, потому что мне было тяжело писать Вам, и Вы, полагаю, догадываетесь, о чем идет речь¹⁹⁶. Я надеюсь, что при нашей встрече, после большой разлуки, мы поговорим обо всем очень подробно. Я выезжаю в Киев 10/V поездом прямого сообщения — через Витебск. Очень хорошо было бы, если нам удалось бы устроиться вместе.

До скорого свидания. Любящий Вас Д. Лев. Поклон Вам от всех наших друзей.

№ 82

Ленинград, 26.05.1939

Дорогой Василий Алексеевич!

Я был очень огорчен, узнав о том, что Вы не будете в Киеве. Очень и очень жаль, что так и не удалось мне видеть Вас. На обратном пути из Киева в [Л]енинград, я предполагал поехать через Москву, но и тут неудача: не было ж[елезно]д[орожного] билета. Я, собственно, поехал в Киев, интересуюсь больше всего экскурсиями по палеолитическим стоянкам бассейна р. Десны. Экскурсии были очень интересны благодаря тому обстоятельству, что в них принимали участие геологи. Мы были на Чулатовской стоянке [Воеводский 1952], которую Воеводский¹⁹⁷ относит к мустье,

памятник волосовской культуры) — на холме «С», т. е. территориально разграничивает эти памятники. На холме «В» погребения Младшего Волосовского могильника прорезали культурный слой поселения с керамикой двух типов: «текстильной» эпохи поздней бронзы и ямочно-гребенчатой эпохи неолита (Попова 1966: 45—46; Кузьминых, Чижевский 2006).

¹⁹⁵ Речь идет о III Конференции по изучению четвертичного периода в Киеве в 1939 г. (см. о ее работе: Трусова 1940).

¹⁹⁶ Судя по косвенным намекам в последующих письмах, у Д. Н. Льва происходил разлом в семейной жизни.

¹⁹⁷ Воеводский Михаил Вацлавович (1903—1948), археолог. Выпускник кафедры антропологии физико-математического факультета МГУ (1923—1928), ученик Б. С. Жукова. С 1923 в Музее при Институте антропологии МГУ (от препаратора до зам. директора по научной работе), с 1933 параллельно в МОГАИМК-ИИМК. Преподавал в МГУ. Возглавлял Среднеазиатскую (1928—1929), Окскую (1936), Самаркандскую (1939), комплексную Деснинскую (1936—1948) экспедиции. Исследовал первоклассные палеолитические стоянки (Тимоновскую, Авдеевскую, Песочный Ров, Пушкарёвские и др.). Труды по палеолиту, мезолиту и неолиту Восточной Европы, истории древнего и средневекового гончарства, методике археологических исследований (см. подробнее: Замятин 1948).

а Громов¹⁹⁸ чуть ли не миндель-риссу (?!). Вопрос об этой датировке вызвал много споров, в особенности у геологов, которые заявили, что с точки зрения четвертичной геологии эта стоянка не поддается датировке.

Были мы также и на стоянках Пушкари [Беляева 2002], Новгород-Северск¹⁹⁹. Все эти стоянки, по сравнению с Тимоновской, бедны и убоги²⁰⁰. На Украине жара, а у нас в Ленинграде еще носят пальто, да вдобавок еще страдают от гриппа. Противный чахоточный климат!

Как Вы, Василий Алексеевич, поживаете? Каковы Ваши планы на нынешнее лето?

Я лично должен второе лето сидеть в Л[енингра]де из-за «несчастной» реэкспозиции отдела. И, по правде сказать, боюсь, чтобы не получилось так, что новая будет хуже старой.

Был у меня недавно Анфимов, обещал выхлопотать небольшую сумму на разведки пещер Сев[ерного] Кавказа. Но признаться, я этому не верю. Получил недавно письмо от М. В. Покровского, который пишет, что тяжело заболел язвой желудка. Вот, Василий Алексеевич, как забирает нашу молодежь!

В Киеве мне много рассказывал о Вас Локтюшев²⁰¹, я ему был за это очень благодарен. Ведь я не видел Вас целую вечность. Я всё думаю о том, как бы устроить Вам поездку в наши края в связи с приведением в порядок Ваших коллекций. Авось, устроим!

Заканчивая мое небольшое письмецо, я очень прошу Вас написать мне подробно о Вашем бытии, а ведь бытие, как Вы знаете, определяет сознание.

Крепко жму Вашу руку уваж[ающий] Вас Д. Лев.

Привет от всех наших.

№ 83

5.11.1939

Дорогой Давид Натанович!

Вы наверно давно уже вернулись из Киева, а мне не написали обещанного письма о раскопках Елисеевичской стоянки. Дело не ждет: можно и опоздать, как мы уже раз опоздали с этой стоянкой, которая должна была с самого начала раскапываться нами²⁰².

Напишите мне поскорее о положении дела. Главное же — справьтесь об адресе [стоянки Елисеевичи]. У нас в Москве всё обстоит благополучно. Празднуем XXII годовщину С[оветской] власти. День вышел хороший: праздновать приятно.

Новостей в научном нашем мирке никаких нет. Все работают замкнуто, сами для себя. У нас в ИИМК до сих пор не состоялось ни одного заседания, всё ремонтируют помещения.

Прошу передать поклон супруге и, при случае, всем нашим общим знакомым.

С большим уважением остаюсь В. А. Городцов.

¹⁹⁸ Громов Валериан Иннокентьевич (1896—1978), геолог, палеонтолог. В 1923—1925 участвовал в раскопках Афонтовой горы, Переселенческого пункта, вел геологические и археологические разведки в окрестностях Красноярска. С 1925 в Ленинграде в Институте археологической технологии ГАИМК. С 1937 в Москве: преподавал в МГУ, других вузах, сотрудничал с ИИМК, зам. председателя Четвертичной комиссии, зав. отделом четвертичной геологии ГИН (1941—1970) (см. подробнее: Бадер 1979).

¹⁹⁹ Речь идет о Мезинской палеолитической стоянке близ г. Новгород-Северского (см. подробнее: Шовкопляс 1965; Сергин 1987).

²⁰⁰ См. подробнее об этих экскурсиях: (Трусова 1940).

²⁰¹ Локтюшев Сергей Александрович (1878—1943), археолог, краевед. Окончил Строгановское училище технического рисования (1902). С 1906 на педагогической работе в Луганске. В 1910—1916 учился в МАИ, ученик В. А. Городцова. В 1915—1916 в Майкопском музее, в 1920—22 в Ростовском археологическом институте. С 1919 в Луганске: председатель научно-просветительского общества, в 1924—1931 проф. Донецкого института народного образования, с 1927 директор краеведческого музея. Вел исследования памятников каменного и бронзового веков на Луганщине. В феврале 1943 арестован органами НКВД, обвинен в гибели музея и измене Родине; умер в тюрьме (см. подробнее: Ключева 2010).

²⁰² Вероятно, у В. А. Городцова было намерение продолжить раскопки стоянки Елисеевичи после открытия и первых раскопок К. М. Поликарповича в 1930 г.

№ 84

Ленинград, 26.04.1940

Дорогой Василий Алексеевич!

Очень благодарен Вам за Ваше письмо. Судя по Вашему письму, чествование Ваше²⁰³ прошло очень хорошо. Между прочим, на днях я уже имел корректуру той статьи, которая печатается в журнале «Природа» [Лев 1940]. Думаю, что в мае она выйдет в свет. Я, к сожалению, не видел еще, как они напечатали портрет.

У нас в ИЭ ожидают некоторые перемены: так, напр[имер], предполагают, что в июне м[еся]це у нас будет новый директор²⁰⁴. Одним словом, разговоров на эту тему много.

Как Вы поживаете? Заживают ли ушибы?²⁰⁵ Вообще же, мне кажется, что было бы недурно опять съездить в «обетованный» край — к Агафье²⁰⁶.

Я уже Вам как-то писал, что всё собираюсь снова махнуть в Сибирь²⁰⁷, но не знаю, выйдет ли что-нибудь из моей затеи, т. к., напр[имер], на сегодняшний день финансовая смета нашего учреждения не утверждена высшими инстанциями.

Вот так, дорогой Василий Алексеевич, обстоят дела. Могу еще, кстати, написать (для утешения), что на днях, наконец, выходит в свет «[Советская] археология», № 5.

У меня, дорогой Василий Алексеевич, к Вам просьба. Еще в 1935 году Вы написали отзыв о моих работах. Подобного рода отзывы находятся в канцелярии в «личном деле» каждого сотрудника. К сожалению, наша канцелярия утеряла оригинал отзыва с Вашей подписью. Вместо оригинала у них — копия без Вашей подписи.

Вместе с этим письмом я посылаю Вам для подписи написанный Вами отзыв. В отзыве Вы пишете, что я был в 3-х экспедициях, руководимых Вами, забыв Тимоновку, где я также принимал участие²⁰⁸.

Приветы Вам от всех Ваших ленинградских знакомых, привет Вам от моей супруги. Приветы Вам от раненных красноармейцев одного из госпиталей²⁰⁹. Читая им лекции по археологии, я много рассказываю им о Вас. Уверяю Вас, что они Вас очень хорошо знают.

Искренно уважающий Вас Ваш Д. Лев.

№ 85

Ленинград, 18.09.1940

Дорогой Василий Алексеевич!

Наконец-то я получил из редакции журнала «Природа» статью о Вас. Вчера я отправил Вам этот журнал. Ваш портрет вышел на славу. Прямо настоящий красавец — хоть жени. Я постоянно вспоминаю Вас и очень сожалею, что так давно не вижу Вас. Не махнуть ли нам на будущий год на какие-нибудь раскопки?!

²⁰³ Речь идет о 80-летию В. А. Городцова.

²⁰⁴ В. В. Струве останется директором Института этнографии до конца 1940 г. В 1941—1942 гг. институтом руководил И. Н. Винников.

²⁰⁵ Запись в дневнике В. А. Городцова (2012б: 605): «2 октября 1939 г., возвращаясь с лекции, упал с каменной лестницы в метро от потери сознания. Падение произошло с последних ступенек на каменный пол. Доктор определил легкое сотрясение мозга, надлом двух ребер в левом боку, сильный ушиб колен обеих ног и легкий ушиб локтей обеих рук. Через месяц левый бок перестал болеть и начинавшийся травматический плеврит прекратился. Лечили кварцевыми лучами. Ноги еще болят, особенно левая, ранее страдавшая от опухоли вен».

²⁰⁶ Речь идет о Мороз Агафье Андреевне, хозяйке дома в станице Елизаветинской, в котором была база археологической экспедиции В. А. Городцова в 1935—36 гг. (см.: Городцов 2012а: 757; 2012б: 76, 77).

²⁰⁷ В 1932 г. Д. Н. Лев в бухте Тарья на Камчатке открыл группу памятников эпохи неолита (Лев 1935).

²⁰⁸ В. А. Городцов выполнил просьбу, приписав на отзыве: «Сказанное мною в 1935 г. 05.10. я охотно поддерживаю, присовокупляя, что Д. Н. Лев участвовал в археологических экспедициях под моим руководством четыре раза, заявляя себя неизменно аккуратнейшим и хорошим работником. 01.05.1940 г. Проф. В. А. Городцов» (СПА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 305. Л. 87).

²⁰⁹ Завершался вооруженный конфликт между СССР и Финляндией (30.11.1939—13.03.1940), и госпитали Ленинграда были переполнены ранеными.

У меня нынче всё сложилось плохо. Летом меня срочно вызвали в Крым с сообщением о смерти матери. Мать моя была здоровенной женщиной и умерла внезапно от кровоизлияния в мозг. Пришлось ликвидировать всё в Крыму. От всех этих дел я еще и сейчас не могу опомниться, т.к. с долгами еще не расплатился. По этой же причине никуда и не поехал. В настоящее время всё сижу в ИАЭ и занимаюсь всякими музейными делами. Между прочим, в свободное время изучаю и материалы из Ильской стоянки. Этим я сейчас очень интересуюсь. И чем больше я знакомлюсь с этими материалами, тем больше становлюсь в тупик. Напр[имер], большинство из ильских орудий в точности схожи с орудиями из стоянки Шайтан-Коба²¹⁰ (резцы). В то же время, листовидные орудия близки к протосолютрейским орудиям Венгрии (см. сочин[ения] Тилебранда, Моне и др.). [Hillebrand 1910; 1928]. Все это очень и очень загадочно.

Напишите мне, пожалуйста, про Ваше бытё-жизнё. Как здоровье, домашние дела и т.п. Особенно меня интересует: предвидится ли какая-то Ваша командировка в Ленинград. Уж очень хотелось бы повидать Вас. Недавно работал у нас В.К. Никольский²¹¹, который говорил мне, что видится с Вами частенько в столовой Дома ученых. Был и С.А. Семенов-Зусер, который распрощался с Ленинградом и окончательно переехал в Харьков. С ИИМКовцами я встречаюсь довольно редко. Они, мне кажется, всё более превращаются в чисто исторический институт.

Вот, дорогой Василий Алексеевич, как обстоят наши дела. Работаем помаленьку и не унываем...

Моему сыну скоро исполнится 3 года — он бойкий хлопец. Лето он провел вместе с мамой в районе гор. Шлиссельбурга. Комната стоила 150 р. за всё лето. С продуктами тоже было сносно. Вот бы Вам так устроиться, да погулять по леску! Дочь моя укатила со своей мамашей в Бессарабию. Как они там поживают — не знаю.

Вот, дорогой Василий Алексеевич, пока и всё. А вообще же нам и в дальнейшем надо наладить переписку.

Искренно уваж[ающий] Вас Ваш Д. Лев.

Р.С. Приветы Вам от В.В. Струве, Зеленина, Винникова, Федорова и Косниковского. Д. Лев.

Привет Вам от моей супруги — она частенько вспоминает Вас.

№ 86

Ленинград, 30.12.[1940]

Дорогой Василий Алексеевич!

Поздравляю Вас с наступающим новым годом! Желаю Вам быть здоровым и бодрым в 1941 году!

У нас в Институте ожидаются большие перемены: В.В. Струве назначен директором Института востоковедения, у нас как будто с 1 января будет новый директор — И.Н. Винников, а в связи с этим будут, вероятно, и другие перемены. Поживем — увидим.

Как Вы поживаете, как здоровье? Какие планы на 1941 год?

На днях мы схоронили нашего брата по археологии — Н.И. Репникова²¹², скончавшегося от тяжелой болезни — рака желудка. А ведь совсем недавно он шутил у нас в отделе археологии.

²¹⁰ См. о памятнике: (Колосов 1972).

²¹¹ Никольский Владимир Капитонович (1894—1953), историк, этнограф. Преподавал в вузах Москвы, на этнологическом (1930—1934) и историческом (1934—1946) факультетах МГУ, читал лекции по истории первобытного общества; зав. кафедрой древней истории МОПИ (1943—1953) (см. подробнее: Шаревская 1954).

²¹² Репников Николай Иванович (1882—1940), археолог, этнограф, искусствовед. Выпускник ПАИ (1904), вольнослушатель историко-филологического факультета ПУ (1904—1908), ученик А.А. Спицына. Работал в ИАК, ЭОРМ, после Октябрьской революции — в Главархиве, ЦГРМ, фототехникуме, МАЭ и Русском музее, ГАИМК-ИИМК. Руководил работами экспедиции в Старой Ладогe (1909—1912), с 1903 вел раскопки в Крыму, в советские годы возглавлял Байдарскую, Эски-Керменскую, Гераклеюскую, Инкерманскую экспедиции ГАИМК-ИИМК-Херсонесского музея. Труды о средневековых древностях Северо-Запада России и о памятниках раннего средневековья в Крыму (см. подробнее: Бернштам, Бибииков 1941; Королькова 2004).

№1. 2014

Я все работаю по линии экспозиции. У нас в отделе идет большая стройка: создаются новые шкафы, панно и т. н. экспозицию мы сможем открыть лишь в будущем году осенью.

На днях я читал в «Правде» о Вашем выступлении по книге Никольского²¹³. По просьбе Д. А. Ольдерогге²¹⁴ (редактора книги) я подобрал несколько рисунков по палеолиту. Интересно, когда же все-таки выйдет Ваша работа о Тимоновке?!²¹⁵ Ведь они уже находятся в ИИМКе лет 5, если не больше. А ведь на днях у них вышел новый сборник²¹⁶.

Итак, еще раз пожелаю здоровья и благополучия в новом — 1941 году!

Искренно уважающий Вас Д. Лев.

Р. С. Приветы Вам от всего коллектива отдела археологии. Приветы Вам от И. И. Винникова, Д. К. Зеленина.

№ 87

Ленинград, 13.01.1941

Дорогой Василий Алексеевич!

Получил Ваше письмо. Очень рад, что живы и здоровы. В своем письме Вы пишете о Ваших рукописях, которые не печатают. На днях я видел в нашем архиве одну из Ваших рукописей. Я имею в виду «Результаты исследования Волжской экспедиции»²¹⁷. Эта рукопись мне лично д[о] с[их] п[ор] была неизвестной. По-видимому, Вы лично когда-то передали ее П. П. Ефименко. Мне кажется, что Вам следует запросить директора ИЭ И. И. Винникова. Между прочим, я как-то говорил ему, что в 1941 г. следовало организовать от ИЭ, по примеру прошлых лет, экспедицию под Вашим руководством. Напишите мне, пожалуйста, Ваши соображения по этому поводу. У нас в ИЭ, по-видимому, предстоит реорганизация. Во всяком случае, об этом говорил у нас Деборин²¹⁸.

Дорогой Василий Алексеевич, возможно, что в феврале я буду в Москве, тогда подробно и потолкуем. Собираетесь ли к нам? Ведь Вы не были у нас несколько лет.

Пока пожелаю Вам всех благ, а главное — здоровья. Привет Вам от коллектива отдела археологии. Приветы от Винникова и Зеленина.

Уваж[ающий] Вас. Д. Лев.

²¹³ Возможно, речь идет об отзыве на книгу «Детство человечества». Ее 1-е издание под названием «Доисторическая культура» вышло в 1936 г., 2-е издание (под редакцией Д. А. Ольдерогге) было отложено из-за начавшейся войны (Никольский 1950).

²¹⁴ Ольдерогге Дмитрий Алексеевич (1903—1987), этнограф, африканист, музейный деятель, чл.-корр. АН СССР (1960). С 1930 в МАЭ. С 1949 бессменный руководитель кафедры африканистики ЛГУ. Один из основателей советской школы африканистики (см. подробнее: Попов 2004).

²¹⁵ Рукопись книги В. А. Городцова «Тимоновская палеолитическая стоянка» рецензировали несколько человек (М. В. Воеводский в 1937 г. и др.). Автору рекомендовали исправить и дополнить некоторые части текста. Но в итоге и переработанный вариант рукописи не был издан и затерялся в издательствах. Ее полный рукописный вариант недавно «вернулся» в ОПИ ГИМ благодаря содействию И. С. Каменецкого.

²¹⁶ Может быть, речь идет о первом сборнике «Палеолит и неолит» в серии МИА (№ 2).

²¹⁷ Копии этой рукописи нет в ОПИ ГИМ. Все машинописные варианты были «погребены» в издательствах. В архивном фонде В. А. Городцова (Ф. 431. Ед. хр. 69) сохранились лишь выписки, заметки, фотографии, таблицы предметов, антропологические заключения и др., имеющие отношение к его раскопкам у с. Кайбелы Мелекесского у. Самарской губ. в 1925 г. Результаты раскопок остаются, по сути, не опубликованными: есть краткая информация самого В. А. Городцова (1926в), публикация керамики из его раскопок Т. Б. Поповой (1953) и общая характеристика этих материалов Г. М. Букова (1982: 20—25).

²¹⁸ Деборин Абрам Моисеевич (1881—1963), философ-марксист, политический и общественный деятель, академик АН СССР (1929). Окончил философский факультет Бернского университета (1908). С 1920 в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, ИКП, Комакадемии, Институте К. Маркса и Ф. Энгельса (в начале 1930-х зам. директора). В 1931 обвинен в «меньшевистствующем идеализме». В 1935—1945 член Президиума АН СССР. Труды по истории социально-политических учений нового времени и истории философии марксизма (см. подробнее: Тункина 2008: 572).

№ 88

Ленинград, 18.02.1941

Дорогой Василий Алексеевич!

Получил Ваше письмо. Зная Вашу аккуратность, я так и думал, что с Вами что-то стряслось. Вы, по-видимому, Василий Алексеевич, давно не отдыхали: хорошо бы было бы Вам этим летом хорошенько отдохнуть.

Теперь о Вашей просьбе. Я был в дирекции ИЭ и мне ответили, что Вам надлежит лично сделать письменное официальное распоряжение, тогда моментально рукопись будет отправлена Вам в Москву.

Я, Василий Алексеевич, всё сижу с новой экспозицией, и дирекция никуда не отпускает меня, а мне очень хотелось бы съездить в Москву.

Пожелаю Вам пока всех благ и скорого выздоровления.

Ваш Д. Лев.

№ 89

Ленинград, 29.04.1941

Глубокоуважаемый и дорогой Василий Алексеевич!

Поздравляю Вас с праздником 1 мая! Желаю Вам от души здоровья и благополучия! В прошлом письме Вы писали мне о Вашей болезни²¹⁹. Напишите мне, пожалуйста, как Вы себя чувствуете, какие перспективы на лето? Как поживает, между прочим, Ваша дочь, есть ли о ней какие-либо сведения? Ведь она, по-видимому, попала в тяжелое положение²²⁰.

У меня всё по-старому: работаю всё по реэкспозиции отдела археологии. Когда будет этому конец — черт его знает!

Я, между прочим, получил от INQUA приглашение принять участие в Воронежском пленуме. Сообщите мне, пожалуйста, предполагаете ли Вы принять участие в работе этого пленума²²¹.

Привет Вам от всех наших служащих отдела археологии, приветы от Винникова и Зеленина.

Ваш Д. Лев.

№ 90

Л[енинград], 12.05.1941

Дорогой Василий Алексеевич!

Только что получил Ваше письмо. Пишу, как видите, немедленный ответ. Я только что говорил с И. И. Винниковым о Ваших рукописях. Первую — о Самаре — он еще не просмотрел; на днях — просмотрит. Теперь о Тимоновке. Я рассказал ему историю этой рукописи, отметив, что ее было бы целесообразно напечатать в ИЭ, так все материалы хранятся в нашем музее. И. Н. просил меня написать об этом докладную записку, и тогда бы ИЭ ходатайствовал о ее передаче из ИИМКа в ИЭ. Но я не читал эту рукопись, а потому прошу Вас в двух словах ознакомить меня с нею, то есть написать мне кратенький проспект. Думаю, что если ИИМК вернет рукопись — мы ее напечатает.

Итак, жду от Вас письма. Вот, видите, снова у нас завязались деловые отношения. А может быть удастся еще поехать куда-нибудь?!

Уважающий Вас Д. Лев.

²¹⁹ В 1941 г. у В. А. Городцова резко обострилась болезнь почек, вследствие которой он в годы войны был «привязан» к дому (Белозерова 2010: 697).

²²⁰ Дочь В. А. Городцова — Брандукова Елена Васильевна — оказалась на территории оккупированной Франции.

²²¹ 22—29 мая 1941 г. В. А. Городцов был командирован МИФЛИ в Воронеж для участия во Всесоюзной конференции по четвертичным отложениям. 27 мая на пленарном заседании он выступил с докладами «Руководящие формы каменных орудий в археологии» и «Роль геологии, палеонтологии и антропологии в археологии» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 37. Л. 50—65). Вместе с участниками конференции Городцов участвовал в геологических экскурсиях в села Семилуки и Кривоборье и в археологической — в Костёнки. Это была последняя в его жизни научная поездка (Белозерова 2010: 692).

Литература

- Алпатов В. М., Скаков А. Ю. 2012. Мещанинов Иван Иванович. *БРЭ* 20, 202.
- Анфимов Н. В. 1961. М. В. Покровский. [1897—1959]. *СА* (4), 297—298.
- Археологические экспедиции... 1962: *Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919—1956 гг.* Указатель. Москва: Изд-во АН СССР.
- Бадер О. Н. 1979. Валериан Иннокентьевич Громов. [Некролог]. *СА* (3), 330—331.
- Бахтина В. А. 2000. *Фольклористическая школа братьев Соколовых: Достоинство и превратности научного знания.* Москва: Наследие.
- Белозёрова И. В. 2010. Жизнь и научная деятельность В. А. Городцова в годы Великой Отечественной войны (по материалам личного архива в ОПИ ГИМ). В: Каменецкий И. С., Сорокин А. С. (отв. ред.). *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928—2009).* Москва: Гриф и К, 690—702.
- Белозёрова И. В., Белоцерковская И. В., Каверзнева Е. Д. и др. (сост.). 2003. *Василий Алексеевич Городцов и Государственный Исторический музей.* Москва: ГИМ.
- Белозёрова И. В., Кузьминых С. В. 2010. Василий Алексеевич Городцов и Рязанский край (по материалам его дневников и воспоминаний). В: Иванов Д. А. (отв. ред.). *Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России.* Рязань: Изд-во РИАМЗ, 15—29.
- Белозёрова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. 2011а. Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях. *РА* (1), 154—165.
- Белозёрова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. 2011б. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения). *РАЕ* (1), 472—510.
- Беляева В. И. 2002. *Палеолитическая стоянка Пушкиари.* Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Березин Н. И. 1936. Справочник по палеолиту СССР. *ТИАЭА* 12: 1, 3—74.
- Бернштам А. Н., Бибиков С. Н. 1941. Н. И. Репников (1882—1940). *КСИИМК* IX, 121—123.
- Берс Е. М. 1951. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. *МИА* 21, 182—243.
- Бобринской А. А. 1910. Исследования в Чигиринском у. Киевской губ. в 1907 г. *ИИАК* 35, 48—60.
- Боголюбский С. Н. 1940. Александр Александрович Браунер: (К 80-летию со дня рождения). В: Вавилов Н. И. (отв. ред.). *Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных.* Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР, 53—61.
- Борисковский П. И. 1935. Полевые исследования Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1934 г. *СЭ* (2), 160—166.
- Борисковский П. И., Любин В. П. 1979. Мария Захаровна Паничкина: [Некролог]. *СА* (1), 318—319.
- Борисковский П. И., Окладников А. П. 1970. Д. Н. Лев [Некролог. 1905—1969]. *СА* (3), 298—299.
- Брюсов А. Я. 1928. Что представляют собой стоянки на Летнем берегу Белого моря? *ТСА РАНИОН* 3, 3—8.
- Брюсов А. Я. 1940. *История древней Карелии.* ТГИМ IX. Москва: Издание ГИМ.
- Буров Г. М. 1982. *Медно-бронзовый век Ульяновского Поволжья. Путеводитель по археологическим памятникам.* Ульяновск: Приволж. кн. изд-во, Ульянов. отд-ние.
- Быковский С. Н. [1930]. *Автобиография.* ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4683.
- Быковский С. Н. 1934. К вопросу об одомашнении животных. *СЭ* (3), 3—27.
- Вавилов Н. И. 1939. Дмитрий Демьянович Букинич. *ИВГО* 5, 758—759.
- Вавилов Н. И., Букинич Д. Д. 1959. *Земледельческий Афганистан.* Москва: Изд-во АН СССР.
- Васильев С. А. 2008. *Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых.* Санкт-Петербург: ИИМК.
- [Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. (сост.)]. 2003. *Люди и судьбы. Библиографический словарь репрессированных востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991).* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Веселовский Н. И. 1915. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». *ЗООИД* 32 (1), 408—444.
- Воеводский М. В. 1952. Палеолитическая стоянка Рабочий Ров (Чулатово II). *УЗМГУ* 158, 101—132.
- Воеводский М. В., Борисковский П. И. 1937. Стоянка Елин Бор. *СА* III, 77—99.
- Гаврилов К. Н. 2007. Елисеевичи. *БРЭ* 9, 659.
- Гаврилов К. Н., Кузьминых С. В., Тихонов И. Л. 2007. Ефименко Петр Петрович. *БРЭ* 9, 712—713.
- Гаврилов К. Н., Тихонов И. Л. 2008. Замятнин Сергей Николаевич. *БРЭ* 10, 229.
- Гаврилюк А. Г., Наумов А. М. 2008. Иртышские городища. В: Бочаров К. Н. (глав. ред.). *Челябинская область: Энциклопедия.* Т. 2. Челябинск: Каменный пояс, 608—609.
- Гаген-Торн Г. Ю. 1999. Нина Ивановна Гаген-Торн — ученый, писатель, поэт. В: Тумаркин Д. Д. (сост. и отв. ред.). *Репрессированные этнографы 1.* Москва: Восточная литература, 308—341.
- Гайдуков П. Г. 2010. «Воспоминания» В. Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии. *РА* (4), 136—142.
- Герасимова М. М. 2004. «Печальная отрада вспоминать»: Михаил Михайлович Герасимов. В: Тишков В. А., Тумаркин Д. Д. (отв. ред.). *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века.* Москва: Наука, 292—330.
- Городцов В. А. 1897. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками. *АИЗ* V (12), 385—390.
- Городцов В. А. 1898. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды. *АИЗ* VI (11—12), 370—371.
- Городцов В. А. 1904. Майданы. *ДТМАО* 20 (2), 29—39.
- Городцов В. А. 1905. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда, Харьковской губернии. *Труды XII АС* I, 226—340.
- Городцов В. А. 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринос[авской] губ., 1903 года. *Труды XIII АС* I, 211—285.
- Городцов В. А. 1911. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии, в 1906 г. *Труды XIV АС* III, 93—161.

- Городцов В. А. 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. *ДТМАО* 24, 40—216.
- Городцов В. А. 1923. *Археология*. Т. 1. *Каменный период*. Москва; Петроград: Государственное изд-во.
- Городцов В. А. 1925. *Таблицы по археологической классификации*. Москва: Государственное изд-во.
- Городцов В. А. 1926а. Панфиловская палеометаллическая стоянка. *Труды Владимирского государственного музея* 2, 3—20.
- Городцов В. А. 1926б. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. *ТГИМ* 1, 7—36.
- Городцов В. А. 1926в. Волжская археологическая экспедиция (ГИМ 1925 г.). *ХВЗ* (6), 244—245.
- Городцов В. А. 1930. *Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г.* Исследования и материалы Средне-Окского музея 5. Рязань: Средне-Окский музей.
- Городцов В. А. 1934а. Тимоновская палеолитическая стоянка (раскопки 1933 г.). *ВАН* (1), 61—66.
- Городцов В. А. 1934б. *Старшее Каширское городище (результаты археологических исследований в 1925—1926 гг.)*. ИГАИМК 85. Ленинград: ГАИМК.
- Городцов В. А. 1935а. Тимоновская палеолитическая стоянка (результаты археологических раскопок в 1933 г.). *ТИАЭА* 1 (3), 3—35.
- Городцов В. А. 1935б. К истории развития техники первобытных каменных орудий. *СЭ* (2), 63—85.
- Городцов В. А. 1935в. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. (предварительное сообщение). *СЭ* (3), 71—76.
- Городцов В. А. 1936а. Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне р. Амура. *СА I*, 105—113.
- Городцов В. А. 1936б. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года: (Предварительное сообщение). *СА I*, 171—186.
- Городцов В. А. 1937. Подчеремский клад: (Посвящается памяти почившего юного сына Игоря Васильевича Городцова). *СА II*, 113—150.
- Городцов В. А. 1940. Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 г. *БКИЧП* 6—7, 89—92.
- Городцов В. А. 1941. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки. *МИА* 2, 7—25.
- Городцов В. А. 2012а. *Дневники (1928—1944)*. В 2-х кн. Кн. 1. 1928—1935. Москва: ИД Триумф принт.
- Городцов В. А. 2012б. *Дневники (1928—1944)*. В 2-х кн. Кн. 2. 1936—1944. Москва: ИД Триумф принт.
- Горюнов Е. А. 1984. К 75-летию со дня рождения Петра Николаевича Третьякова. *СА* (2), 268—273.
- Громова В. И. 1937. Новые находки позднечетвертичной фауны млекопитающих на Северном Кавказе. *ДАН. Новая серия* 16 (6), 351—352.
- Дмитриева Е. Л., Трофимов Б. А. 2001. Беляева Елизавета Ивановна. В: Россолимо О. Л. (отв. ред.). *Московские териологи*. Москва: Зоологический музей МГУ, 23—28.
- Дмитриевская А. В. 1937. Палецкие курганы. *СА IV*, 289—299.
- Дубова Н. А. 2004. «Неизгладимый след в наших умах и сердцах»: Георгий Францевич Дебед. В: Тишков В. А., Тумаркин Д. Д. (отв. ред.). *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века*. Москва: Наука, 261—291.
- Ефименко П. П. 1934. *Дородовое общество: очерки по истории первобытно-коммунистического общества*. Ленинград: Государственное социально-политическое изд-во.
- Замятнин С. Н. 1937а. *Палеолит Абхазии*. Труды Института абхазской культуры Х. Сухуми: Ин-т абхазской культуры.
- Замятнин С. Н. 1937б. Пещерные навесы Мгвинями, близ Чиатуры. *СА III*, 57—76.
- Замятнин С. Н. 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. *СА X*, 85—123.
- Замятнин С. Н. 1950. Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского (1903—1948). *СА XII*, 213—216.
- Збуева А. В. 1953. Николай Афанасьевич Прокошев (1907—1942 гг.). *УЗПУ IX* (3), 190—191.
- Иванов А. А., Калихман А. Д., Калихман Т. П. 2008. *Б. Э. Петри в истории Саянского перекрестка*. Иркутск: Оттиск.
- Иванов Д. Д. 1938. *История доклассового общества в советской литературе 1937 г. (Опыт библиографического обзора и анализа)*. Москва: ФБОН.
- Иессен А. А. 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. *ИГАИМК* 120, 7—237.
- Иессен А. А. 1936. Рец.: Лев Д. Н. К истории горного дела. Л., 1934. *СА I*, 302—305.
- Илларионов В. Т. 1941. *Искапаемый человек в историографии палеолита СССР*. Горький: ГТПИ.
- Илларионов В. Т. 1947. *Опыт историографии палеолита СССР*. Ч. 2. *Обзор исследований палеолитического периода научными учреждениями и обществами СССР*. Горький: Горьк. обл. изд-во.
- Кирпичников А. Н. 1996. Всеволод Викторович Арндт. Трагическая судьба ученого. *АИ* 33, 58—62.
- Киселева Е. В. 2006. Волгин Вячеслав Петрович. *БРЭ* 5, 616—617.
- Китова Л. Ю. 2010. Сергей Александрович Теплоухов. *РА* (2), 166—173.
- Ключнева И. Н. 2010. Луганский археолог С. А. Локтюшев — ученик В. А. Городцова. В: Иванов Д. А. (отв. ред.). *Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России*. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 86—89.
- Козлов С. Я. 2004. Сергей Александрович Токарев: «этнографический университет». В: Тишков В. А., Тумаркин Д. Д. (отв. ред.). *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века*. Москва: Наука, 397—449.
- Колесников И. Ф. 1928. Список трудов В. А. Городцова. *ТСА РАНИОН* 4, 9—20.
- Колосов Ю. Г. 1972. *Шайтан-Коба — мустьерська стоянка в Крыму*. Київ: Наукова думка.
- Королькова Л. В. 2004. Н. И. Репников — исследователь Северо-Запада России. В: Столяр А. Д. (отв. ред.). *Невский археолого-историографический сборник*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 118—125.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В. 2006. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова. *ТАС* 6 (1), 7—12.
- Кривцова-Гракова О. А. 1947. Алексеевское поселение и могильник. *ТГИМ XVII*, 59—172.
- Крупнов Е. И. 1938. К 50-летию юбилею научной деятельности проф. В. А. Городцова. *ВДИ* (3), 236—238.
- Кузьминых С. В. 2006. Брюсов Александр Яковлевич. *БРЭ* 4, 265.
- Кузьминых С. В. 2007. Граков Борис Николаевич. *БРЭ* 7, 611.
- Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. 2012а. В. А. Городцов об идеальном типе археологических музеев

№1. 2014

- и единой системе экспозиции археологических памятников. *ТГИМ* 189, 22—34.
- Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. 2012б. Русская археология на переломе эпох: В. А. Городцов в 1920-е годы. В: Вдовин А. С., Тункина И. В. (отв. ред.). *Евразийский археолого-историографический сборник*. Санкт-Петербург: СПА РАН; Красноярск: КГПУ, 131—152.
- Кузьминых С. В., Старостин П. Н. 1995. Ленинградские годы в жизненном и творческом пути М. Г. Худякова. В: Тихонов И. Л. (отв. ред.). *Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 157—172.
- Кузьминых С. В., Чижевский А. А. 2006. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника. В: Обыденнова Г. Т., Савельев Н. С. (отв. ред.). *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время*. Уфа: Гилем, 162—170.
- Кулешов В. С. 2008. Зограф Александр Николаевич. *БРЭ* 10, 523.
- Лев Д. Н. 1934а. К истории горного дела. ТИАЭ 2. Ленинград.
- Лев Д. Н. 1934б. К вопросу о происхождении древнейших кремневых шахт. *СЭ* (1—2), 123—127.
- Лев Д. Н. 1935. Новые археологические памятники Камчатки. *СЭ* (4—5), 217—224.
- Лев Д. Н. 1936а. Тимоновская палеолитическая стоянка. *ВЗ* (3), 209—213.
- Лев Д. Н. (сост.). 1936б. *Отдел археологии. Подробный путеводитель*. Москва; Ленинград: Музей ИАЭА.
- Лев Д. Н. 1937. Раскопки на Кубани в 1936 г. *ВЗ* (1), 67—68.
- Лев Д. Н. 1938. В. А. Городцов: К 50-летию научной и педагогической деятельности. *ВЗ* (9), 61.
- Лев Д. Н. 1940. Профессор В. А. Городцов: (К 80-летию со дня его рождения). *Природа* (5), 103—108.
- Лепер Р. Х. 1911. Из раскопок в Херсонесе в 1906—1909 гг. *ИАК* 42, 92—107.
- Милюбанд С. Д. 2008. *Востоковеды России (XX — начало XXI века)*. Библиографический словарь. В 2-х кн. Кн. 1: А—М. Москва: Восточная литература.
- Михайлова Е. А. 2004. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель. В: Тишков В. А., Тумаркин Д. Д. (отв. ред.). *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века*. Москва: Наука, 95—136.
- Наши задачи... 1937: Наши задачи в области археологических исследований, в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории. *СА* II, 1—15.
- Никитин В. В. 1991. *Медно-каменный век Марийского края (середина III — начало II тысячелетия до н. э.)*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Николаенко Т. Д. 2008. *Археологическая карта России: Нижегородская область*. Ч. 2. Москва: ИА РАН.
- Никольский В. К. 1950. *Детство человечества*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Гос. изд-во культ.-просвет. лит.
- Никольский Г. В. 1937. К познанию ихтиофауны р. Кубани. *БМОИП, Новая серия, Отделение биологии* 46 (2), 121—125.
- Окаменевшие мозги... 1927: *Окаменевшие мозги (?) людей ледникового периода: Одинцовские находки*. Сб. ст. Вологда: Северный печатник.
- Окладников А. П. 1936. Каменные рыбы. *СА* I, 215—245.
- Окладников А. П. 1940. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. (Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш). *СА* VI, 5—19.
- Оконникова Т. И. 2006. Страницы научной биографии Н. А. Прокошева (по материалам Научного архива ИИМК РАН). В: Морозов В. М. (отв. ред.). *Пятые Берсовские чтения: к 100-летию Е. М. Берс*. Екатеринбург: Квадрат, 44—47.
- Платонова Н. И. 1995. Г. А. Бонч-Осмоловский. Этапы творческой биографии. В: Тихонов И. Л. (отв. ред.). *Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 121—144.
- Платонова Н. И. 1996. Председатели ГАИМК — Николай Яковлевич Марр и Фёдор Васильевич Кипарисов. *АИ* 33, 50—54.
- Платонова Н. И. 2006. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива). *АВ* 12, 301—315.
- Платонова Н. И. 2010. *История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века*. Санкт-Петербург: Нестор-История. [Плешивенко А. Г. (сост.)]. 2011. *И жизнь, и слезы, и любовь...* Запорожье: ООО «ЛИПС» ЛПД.
- Покровский М. В. 1935. Могильник станицы Пашковской (близ г. Краснодара). *ПИДО* (5—6), 150.
- Покровский М. В. 1936. Пашковский могильник № 1. *СА* I, 159—169.
- Покровский М. В. 1937. Городища и могильники Среднего Прикубанья. *ТКГПИ* 6 (1), 3—38.
- Поликарпович К. М. 1937. Первая находка мустьерской эпохи в БССР. *СА* III, 197—199.
- Попов В. А. 2004. Дмитрий Алексеевич Ольдерогге: шеф отечественной африканистики. В: Тишков В. А., Тумаркин Д. Д. (отв. ред.). *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века*. Москва: Наука, 450—474.
- Попова Т. Б. 1953. Керамика Мелекесских курганов. *ТГИМ* 22, 53—62.
- Попова Т. Б. 1966. Датировка и культурная принадлежность Старшего и Младшего Волосовских могильников. *ТГИМ* 40, 42—48.
- Праслов Н. Д. 2001—2002. Павел Иосифович Борисковский: основные вехи жизни и творчества. *Stratum plus* (1), 9—13.
- Равдоникас В. И. 1930. За марксистскую историю материальной культуры. *ИГАИМК* 7, 3—4.
- Равдоникас В. И. 1939. *История первобытного общества*. Ч. 1. Ленинград: ЛГУ.
- Рапопорт Ю. А., Семенов Ю. И. 2004. Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки. В: Тишков В. А., Тумаркин Д. Д. (отв. ред.). *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века*. Москва: Наука, 184—232.
- Рерих Н. К. 1907. Фигурные поделки из кремня. *ЗОРСАРАО* VII (2), 242—243.
- Решетов А. М. 1994а. Репрессированная этнография: люди и судьбы. Ч. 1. *Кунсткамера. Этнографические тетради* 4, 185—221.
- Решетов А. М. 1994б. Репрессированная этнография: люди и судьбы. Ч. 2. *Кунсткамера. Этнографические тетради* 5—6, 342—368.
- Решетов А. М. 2004. Дмитрий Константинович Зеленин: классик русской этнографии. В: Тишков В. А., Тумаркин Д. Д. (отв. ред.). *Выдающиеся отече-*

- ственные этнологи и антропологи XX века. Москва: Наука, 137—183.
- Сафонов И. Е. 2002. Подготовка В. А. Городцовым второго тома серии «Археология». В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Археология в российских университетах*. Воронеж: ВГУ, 62—70.
- Селиванов В. И. 1936. XV Пленум ГАИМК [в феврале 1935 г.]. СЭ (2), 129—130.
- Серебровский П. В. 1934. *Происхождение домашних животных*. Прил. к журналу «Вестник знания». Кн. 10. Ленинград: Лен. обл. изд-во.
- Серебровский П. В. 1935. *История животного мира СССР. Краткий очерк*. Ленинград: Лен. обл. изд-во.
- Сергин В. Я. 1987. *Структура Мезинского палеолитического поселения*. Москва: Наука.
- Сирина А. А. 1999. Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри. В: Тумаркин Д. Д. (сост. и отв. ред.). *Репрессированные этнографы 1*. Москва: Восточная литература, 57—80.
- Смирнов А. П. 1969. М. В. Городцов: [Некролог]. СА (4), 320.
- Смирнов А. С. 2011. *Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века)*. Москва: ИА РАН.
- Список трудов... 1940: [Б. а.] 1940. Список трудов В. А. Городцова: (Дополнение к списку, составленному Н. Ф. Колесниковым и опубликованному в «Трудах Секции археологии [и искусствоведения] РАНИОН». Т. IV. М., 1928). КСИИМК V, 83—84.
- Спицын А. А. 1906. Зауральские древние городища. ЗОРСА VIII (1), 212—226.
- Станюкович Т. В. 2003. Музейные работники в годы блокады (по материалам архива ЛО ИЭ и АН СССР). В: Мельникова А. С. (отв. ред.). *Из истории Кунсткамеры. 1941—1945*. Санкт-Петербург: МАЭ, 68—74.
- Студзицкая С. В. 1976. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб. ИИС 21, 74—89.
- Тихонов Б. Г., Бадер О. Н. 1967. А. В. Збруева: [Некролог]. КСИИМК 112, 3—7.
- Тихонов И. Л. 2003. *Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Третьяков В. П. 1990. *Волосовские племена в Европейской части СССР в III—II тысячелетиях до н. э.* Ленинград: ЛОИА.
- Трофимов Б. А., Дуброво И. А., Дмитриева Е. Л. 2001. Вера Исааковна Громова (1891—1973). В: Россолимо О. Л. (отв. ред.). *Московские териологи*. Москва: Зоологический музей МГУ, 142—147.
- Трусова С. А. 1940. III конференция по изучению палеолита. КСИИМК III, 44—52.
- Тункина И. В. 2004. Эпизод к биографии В. А. Городцова: 1938 год. В: Столяр А. Д. (отв. ред.). *Невский археолого-историографический сборник*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 184—192.
- Тункина И. В. (сост.). 2008. *Биографический словарь-указатель*. В: Тункина И. В. (отв. ред.). Бузескул В. П. *Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века*. Москва: Индрик, 477—831.
- Уваров А. С. 1881. *Археология России. Т. I. Каменный период*. Москва: Синодальная типография.
- Формозов А. А. 1961. *Очерки по истории русской археологии*. Москва: Изд-во АН СССР.
- Формозов А. А. 1970. О. А. Кривцова-Гракова [1895—1970. Некролог]. СА (4), 322—323.
- Формозов А. А. 1983. *Начало изучения каменного века в России: Первые книги*. Москва: Наука.
- Формозов А. А. 2006. *Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки*. 2-е изд., доп. Москва: Знак.
- Фосс М. Е. 1952. *Древнейшая история Севера Европейской части СССР*. МИА 29.
- Хайкин В. 1937. Рец.: Лев Д. Н. К истории горного дела. Л., 1934. 34 с. ТИАЭ 2. *История техники* 6, 251.
- Хачатурова (Ярковая) Е. А. 1999. Памяти Никиты Владимировича Анфимова (1909—1998). РА (4), 247—252.
- Чубур А. А. 2009. *Очарованный древностью. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики*. Минск: Белорусская наука.
- Шаревская Б. И. 1954. Владимир Капитонович Никольский [1894—1953. Некролог]. СЭ (1), 169—170.
- Шовкопляс И. Г. 1965. *Мезинская стоянка*. Киев: Наукова думка.
- Щелинский В. Е. 2009. Ильская стоянка на Кубани. Уникальный памятник среднего палеолита на территории России. В: Макаров Н. А. (отв. ред.). *Археологические открытия 1992—2004 гг. Европейская Россия*. Москва: ИА РАН, 23—34.
- Courby F. 1922. *Les vases grecs à reliefs*. Paris.
- Hillebrand J. 1910. Bericht über die Ausgrabungen in der Szeletahöhle im Jahre 1909. *Földtani Közlöny* 40, 681—692.
- Hillebrand J. 1928. Über eine neue Aurignacien-Lanzenspitze “à base fendue” aus dem ungarländischen Paläolithikum. *Eiszeit und Urgeschichte* 5, 99—103.
- Klusemann K. 1924. Die Entwicklung der Eisengewinnung in Afrika und Europa. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien* 54, 120—140.
- Zahn R. 1909. Hellenistische Reliefgefäße aus Südrussland. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts* 23, 45—77.

References

- Alpatov, V. M., Skakov, A. Yu. 2012. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 20, 202 (in Russian).
- Anfimov, N. V. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 297—298 (in Russian).
- Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR. 1919—1956 gg. (Archaeological expeditions of the State Academy for the history of material culture and the Institute of Archaeology of USSR Academy of Sciences. 1919-1956) Ukazatel' (A guide)*. 1962. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Bader, O. N. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 330—331 (in Russian).
- Bakhtina, V. A. 2000. *Fol'kloristicheskaia shkola brat'ev Sokolovykh: Dostoinstvo i prevratnosti nauchnogo znaniia (Folkloristic school of Sokolov brothers: dignity and vicissitudes of scientific knowledge)*. Moscow: Nasledie (in Russian).
- Belozerova, I. V. 2010. In *Chelovek i drevnosti: pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928—2009) (Man and antiquities: to the memory of Aleksandr Aleksandrovich*

№1. 2014

- Formozov (1928—2009)). Moscow: Grif i K°, 690—702 (in Russian).
- Belozerova, I. V., Belotserkovskaya, I. V., Kaverzneva, E. D. et al. (eds.). 2003. *Vasilii Alekseevich Gorodtsov i Gosudarstvennyi Istoricheski muzei (Vasilii Alekseevich Gorodtsov and the State Historical Museum)*. Moscow: GIM (in Russian).
- Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2010. In *Problemy izucheniia i sokhraneniia arkhelogicheskogo nasledii Tsentral'noi Rossii (Problems of research and preservation of the archaeological heritage of Central Russia)*. Ryazan: RI-AMZ, 15—29 (in Russian).
- Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 154—165 (in Russian).
- Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2011. In *Rossiiskii arkhelogicheskii ezhegodnik (Russian archaeological annual)* (1), 472—510 (in Russian).
- Belyaeva, V. I. 2002. *Paleoliticheskaia stoianka Pushkari (Paleolithic site Pushkari)*. Saint Petersburg: SPbGU.
- Berezin, N. I. 1936. In *Trudy Instituta antropologii i etnografii AN SSSR (Proceedings of the Institute of anthropology and ethnography of the Academy of Sciences of USSR)* 12: 1, 3—74 (in Russian).
- Bernshtam, A. N., Bibikov, S. N. 1941. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the Study of Material Culture)* IX, 121—123 (in Russian).
- Bers, E. M. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 21, 182—243 (in Russian).
- Bobrinsky, A. A. 1910. In *Izvestiia arkhelogicheskoi komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 35, 48—60 (in Russian).
- Bogolyubsky, S. N. 1940. In *Problemy proiskhozhdeniia, evoliutsii porodoobrazovaniia domashnikh zhivotnykh (Problems of descent, evolution and breed formation of domestic animals)*. Vol.1. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 53—61 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1935. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 160—166 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I., Lioubin, V. P. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 318—319 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I., Okladnikov, A. P. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 298—299 (in Russian).
- Bryusov, A. Ya. 1928. In *Trudy sektsii arkhologii Instituta arkhologii i iskusstvovedeniia Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Works of the department for archaeology of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian association of institutes for research in social sciences)* 3, 3—8 (in Russian).
- Bryusov, A. Ya. 1940. *Istoriia drevnei Karelii (History of ancient Karelia)*. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) IX. Moscow: Izdanie GIM (in Russian).
- Burov, G. M. 1982. *Medno-bronzovyi vek Ul'ianovskogo Povolzh'ia. Putevoditel' po arkhelogicheskim pamiatnikam (Copper-bronze age of Ulyanovsk Volga region. A guide through archaeological sites)*. Ulyanovsk: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Bykovsky S. N. [1930]. *Avtobiografiia (Autobiography)*. Sankt-Peterburgskii filial arkhiva Rossiiskoi Akademii nauk (Saint Petersburg branch of the archive of Russian Academy of Sciences). F. 4. Inv. 4. D. 4683.
- Bykovsky, S. N. 1934. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 3—27 (in Russian).
- Vavilov, N. I. 1939. In *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva (Reports of all-Union geographic society)* 5, 758—759 (in Russian).
- Vavilov, N. I., Bukinich, D. D. 1959. *Zemledel'cheskii Afganistan (Agricultural Afghanistan)*. Moscow: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Vasiliev, S. A. 2008. *Drevneishee proshloe chelovechestva: poisk rossiiskikh uchenykh (The Earliest History of the Humankind: search by Russian scientists)*. Saint Petersburg: IIMK (in Russian).
- Vasilkov, Ya. V., Sorokina, M. Yu. (eds.). 2003. *Liudi i sud'by. Bibliograficheskii slovar' repressirovannykh vostokovedov — zhertv politicheskogo terrora v sovetskii period (1917—1991) (People and destinies. Bibliographical dictionary of repressed orientologists – victims of political terror in the Soviet period (1917—1991))*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Veselovsky, N. I. 1915. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 32 (1), 408—444 (in Russian).
- Voevodsky, M. V. 1952. In *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific writings of the Moscow State university)* 158, 101—132 (in Russian).
- Voevodsky, M. V., Boriskovsky, P. I. 1937. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* III, 77—99 (in Russian).
- Gavrilov, K. N. 2007. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 9, 659 (in Russian).
- Gavrilov, K. N., Kuzminykh, S. V., Tikhonov, I. L. 2007. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 9, 712—713 (in Russian).
- Gavrilov, K. N., Tikhonov, I. L. 2008. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 10, 229 (in Russian).
- Gavriluk A. G., Naumov A. M. 2008. In *Cheliabinskaia oblast': Entsiklopediia (Chelyabinsk Oblast: Encyclopedia)*. Vol.2. Chelyabinsk: Kamennyi poias, 608—609 (in Russian).
- Gagen-Torn, G. Yu. 1999. In *Repressirovannye etnografy (Repressed ethnographs)* 1. Moscow: Vostochnaia literatura, 308—341 (in Russian).
- Gaidukov, P. G. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 136—142 (in Russian).
- Gerasimova, M. M. 2004. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka (Eminent national ethnologists and anthropologists of the 20th century)*. Moscow: Nauka, 292—330 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1897. In *Arkheologicheskie izvestiia i zametki Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva (Archaeological reports and notes of the Moscow Archaeological society)* V (12), 385—390 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1898. In *Arkheologicheskie izvestiia i zametki Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva (Archaeological reports and notes of the Moscow Archaeological Society)* VI (11—12), 370—371 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1904. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society)* 20 (2), 29—39 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 12th Archaeological meeting)* I, 226—340 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1907. In *Trudy XIII Arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 13th Archaeological meeting)* I, 211—285 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1911. In *Trudy XIV Arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 14th Archaeological meeting)* III, 93—161 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1914. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society)* 24, 40—216 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1923. *Arkheologiya (Archaeology)*. Vol. 1. Kamennyi period (Stone age). Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1925. *Tablitsy po arkhelogicheskoi klassifikatsii (Tables on archaeological classification)*. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1926. In *Trudy Vladimirskego gosudarstvennogo muzeia (Proceedings of the Vladimir State Museum)* 2, 3—20 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1926. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 1, 7—36 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1926. In *Khochu vse znat' (I want to know everything)* (6), 244—245 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1930. *Rezultaty arkhelogicheskikh issledovaniia*

- Troitse-Pelenitskogo gorodishcha-kholmishcha v 1926 g. (Results of the archaeological investigations of the Troitse-Pelenitskoe fortified hill-settlement in 1926)* Issledovaniia i materialy Sredne-Okskogo muzeia (Investigations and materials of the Sredne-Okskii muzeum) 5. Ryazan: Sredne-Okskii muzei (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1934. In *Vestnik Akademii nauk SSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of USSR)* (1), 61—66 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1934. *Starshee Kashirskoe gorodishche (rezul'taty arkhelogicheskikh issledovaniy v 1925—1926 gg.) (The Starshee Kashirskoe fortified settlement (results of the archaeological investigations in 1925—1926))*. Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) 85. Leningrad: GAIMK (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1935. In *Trudy Instituta antropologii, etnografii i arkhologii AN SSSR (Proceedings of the Institute of Anthropology, Ethnography and Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 1 (3), 3—35 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1935. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 63—85 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1935. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 71—76 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1936. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* I, 105—113 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1936. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* I, 171—186 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1937. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* II, 113—150 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1940. In *Biulleten' Komissii po izucheniiu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period)* 6—7, 89—92 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1941. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 2, 7—25 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 2012. *Dnevnik (1928—1944) (Diaries (1928—1944))*. Book 1. 1928—1935. Moscow: ID Triumf print (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 2012. *Dnevnik (1928—1944) (Diaries (1928—1944))*. Book 2. 1936—1944. Moscow: ID Triumf print (in Russian).
- Goriunov, E. A. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 268—273 (in Russian).
- Gromova, V. I. 1937. In *Doklady AN SSSR. Novaia seriia (Proceedings of the Academy of Sciences. New series)* 16 (6), 351—352 (in Russian).
- Dmitrieva, E. L., Trofimov, B. A. 2001. In *Moskovskie teriologi (Moscow mammalogists)*. Moscow: Zoologicheskii muzei MGU, 23—28 (in Russian).
- Dmitrievskaya, A. V. 1937. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* IV, 289—299 (in Russian).
- Dubova, N. A. 2004. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka (Eminent national ethnologists and anthropologists of the 20th century)*. Moscow: Nauka, 261—291 (in Russian).
- Efimenko P. P. 1934. *Dorodovoe obshchestvo: ocherki po istorii pervobytno-kommunisticheskogo obshchestva (Pre-class society: essays on the history of the prehistoric-communist society)*. Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-politicheskoe izdatel'stvo.
- Zamyatmin, S. N. 1937. *Paleolit Abkhazii (Paleolithic of Abkhazia)*. Trudy Instituta abkhazskoi kul'tury (Works of the Institute for Abkhazian culture) X. Sukhumi: Institut abkhazskoi kul'tury (in Russian).
- Zamyatmin, S. N. 1937. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XII, 57—76 (in Russian).
- Zamyatmin, S. N. 1948. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* X, 85—123 (in Russian).
- Zamyatmin, S. N. 1950. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XII, 213—216 (in Russian).
- Zbrueva, A. V. 1953. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific writings of the Perm State University)* IX (3), 190—191 (in Russian).
- Ivanov, A. A., Kalikhman, A. D., Kalikhman, T. P. 2008. *B. E. Petri v istorii Saianskogo perekrestka (B. E. Petri in the history of the Sayan crossroads)*. Irkutsk: Ottisk (in Russian).
- Ivanov, D. D. 1938. *Istoriia doklassovogo obshchestva v sovetskoj literature 1937 g. (Opyt bibliograficheskogo obzora i analiza) (The history of the pre-class society in the Soviet literature of 1937 (An attempt of bibliographical review and analysis))*. Moscow: FBON (in Russian).
- Iessen, A. A. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 120, 7—237 (in Russian).
- Iessen, A. A. 1936. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 302—305 (in Russian).
- Illarionov, V. T. 1941. *Iskopaemyi chelovek v istoriografii paleolita SSSR (The fossil man in the historiography of USSR Paleolithic)*. Gorky: GGPI (in Russian).
- Illarionov, V. T. 1947. *Opyt istoriografii paleolita SSSR (A review of USSR Paleolithic historiography)*. P.2. *Obzor issledovaniy paleoliticheskogo perioda nauchnymi uchrezhdeniiami i obshchestvami SSSR (Review of Paleolithic research carried out by scientific institutions and societies of USSR)*. Gorky: Gor'kovskoe oblastnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1996. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 33, 58—62 (in Russian).
- Kiseleva, E. V. 2006. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 5, 616—617 (in Russian).
- Kitova, L. Iu. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 166—173 (in Russian).
- Kliuchneva, I. N. 2010. In *Problemy izucheniia i sokhraneniia arkhelogicheskogo nasledii Tsentral'noi Rossii (Problems of research and preservation of the archaeological heritage of Central Russia)*. Ryazan: RIAMZ, 86—89 (in Russian).
- Kozlov, S. Ya. 2004. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka (Eminent national ethnologists and anthropologists of the 20th century)*. Moscow: Nauka, 397—449 (in Russian).
- Kolesnikov, I. F. 1928. In *Trudy sektsii arkhologii Instituta arkhologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Works of the department for archaeology of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian association of institutes for research in social sciences)* 4, 9—20 (in Russian).
- Kolosov, Yu. G. 1972. *Shaitan-Koba — must'ers'ka stoinka v Krimu (Shajtan-Koba — a Mousterian site in Crimea)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Korolkova, L. V. 2004. In *Nevskii arkhelogo-istoriograficheskii sbornik (Nevsky archaeological and historiographical bulletin)*. Saint Petersburg: SPbGU, 118—125 (in Russian).
- Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2006. In *Tverskoi arkhelogicheskii sbornik (Tver archaeological compilation)* 6 (I), 7—12 (in Russian).
- Krivtsova-Grakova, O. A. 1947. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XVII, 59—172 (in Russian).
- Krupnov, E. I. 1938. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 236—238 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2006. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 4, 265 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2007. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 7, 611 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Belozero, I. V. 2012. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 189, 22—34 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Belozero, I. V. 2012. In *Evrasiiskii arkhelogo-istoriograficheskii sbornik (Eurasian archaeological and historiographical compilation)*. Saint Petersburg: SPA RAN; Krasnoarsk: KGPU, 131—152 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Starostin, P. N. 1995. In *Sankt-Peterburg i otechestvennaia arkhelologiia. Istoriograficheskie ocherki (Saint Petersburg and national archaeology. Historiographical essays)*. Saint Petersburg: SPbGU, 157—172 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2006. In *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (South-*

№1. 2014

- ern Ural and adjacent territories in Scythian and Sarmatian time). Ufa: Gilem, 162—170 (in Russian).
- Kuleshov, V. S. 2008. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 10, 523 (in Russian).
- Lev, D. N. 1934. *K istorii gornogo dela (To the history of mining)*. In *Trudy Instituta antropologii i etnografii AN SSSR (Proceedings of the Institute of anthropology and ethnography of the Academy of Sciences of USSR)* 2. Leningrad (in Russian).
- Lev, D. N. 1934. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (1—2), 123—127 (in Russian).
- Lev, D. N. 1935. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (4—5), 217—224 (in Russian).
- Lev, D. N. 1936. In *Vestnik znaniia (Bulletin of knowledge)* (3), 209—213 (in Russian).
- Lev, D. N. 1936. *Otdel arkhologii. Podrobnyi putevoditel' (Department of archaeology. A detailed guide)*. Moscow; Leningrad: Muzei IAEA (in Russian).
- Lev, D. N. 1937. In *Vestnik znaniia (Bulletin of knowledge)* (1), 67—68 (in Russian).
- Lev, D. N. 1938. In *Vestnik znaniia (Bulletin of knowledge)* (9), 61 (in Russian).
- Lev, D. N. 1940. In *Priroda (Nature)* (5), 103—108 (in Russian).
- Leper, R. Ch. 1911. In *Izvestiia arkhologicheskoi komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 42, 92—107 (in Russian).
- Miliband, S. D. 2008. *Vostokovedy Rossii (XX — nachalo XXI veka). Biobibliograficheskii slovar' (Russian orientalist (20th — early 21st century)). Biobibliograficheskii slovar'.* (A biobibliographical dictionary). Book 1: A—M. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Mikhailova, E. A. 2004. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka (Eminent national ethnologists and anthropologists of the 20th century)*. Moscow: Nauka, 95—136 (in Russian).
- Nashi zadachi... (Our tasks...) 1937. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* II, 1—15 (in Russian).
- Nikitin, V. V. 1991. *Medno-kamennyi vek Mariiskogo kraia (serecina III — nachalo II tysiacheletii do n. e.) (The Copper and Stone Age of Mari region (middle of 3rd — early 2nd millennia BC))*. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Nikolaenko, T. D. 2008. *Arkheologicheskaja karta Rossii: Nizhegorodskaja oblast' (Archaeological map of Russia: Nizhnii Novgorod region)*. P. 2. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Nikolsky, V. K. 1950. *Detstvo chelovechestva (Childhood of mankind)*. 2nd ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo (in Russian).
- Nikolsky, G. V. 1937. In *Biulleten' Moskovskogo Obshchestva ispytatelei prirody. Novaia seriia, Otdelenie biologii (Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Department of Biology)* 46 (2), 121—125 (in Russian).
- Okamenevschie mozgi (?) liudei lednikovogo perioda: Odintsovskie nakhodki (Petritified brains (?) of the Stone Age people: the Odintsovo finds). 1927. Vologda: Severnyi pechatnik (in Russian).
- Okladnikov, A. P. 1936. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* I, 215—245 (in Russian).
- Okladnikov, A. P. 1940. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* VI, 5—19 (in Russian).
- Okonnikova, T. I. 2006. In *Piatye Bersovskie chteniia: k 100-letiiu E. M. Bers (Fifth Bersov readings)*. Ekaterinburg: Kvadrat, 44—47 (in Russian).
- Platonova, N. I. 1995. In *Sankt-Peterburg i otechestvennaia arkhologiia. Istoriograficheskie ocherki (Saint Petersburg and national archaeology. Historiographical essays)*. Saint Petersburg: SPbGU, 121—144 (in Russian).
- Platonova, N. I. 1996. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 33, 50—54 (in Russian).
- Platonova, N. I. 2006. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological news)* 12, 301—315 (in Russian).
- Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkhologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX — pervaja tret' XX veka (History of archaeological thought in Russia. Second half of the XIX — first third of XX century)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Pleshivenko, A. G. (ed.). 2011. *I zhizn', i slezy, i liubov'... (The fire, and tears, and love alive...)*. Zaporozh'e: OOO «LIPS» LTD (in Russian).
- Pokrovsky, M. V. 1935. In *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (Problems of history of precapitalist societies)* (5—6), 150 (in Russian).
- Pokrovsky, M. V. 1936. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* I, 159—169 (in Russian).
- Pokrovsky, M. V. 1937. In *Trudy Krasnodarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (Works of Krasnodar State Pedagogical University)* 6 (1), 3—38 (in Russian).
- Polikarpovich, K. M. 1937. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* III, 197—199 (in Russian).
- Popov, V. A. 2004. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka (Eminent national ethnologists and anthropologists of the 20th century)*. Moscow: Nauka, 450—474 (in Russian).
- Popova, T. B. 1953. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 22, 53—62 (in Russian).
- Popova, T. B. 1966. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 40, 42—48 (in Russian).
- Praslov, N. D. 2001—2002. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 9—13 (in Russian).
- Ravdonikas, V. I. 1930. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 7, 3—4 (in Russian).
- Ravdonikas, V. I. 1939. *Istoriia pervobytnogo obshchestva (History of prehistoric society)*. P. 1. Leningrad: LGU (in Russian).
- Rapport, Yu. A., Semenov, Yu. I. 2004. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka (Eminent national ethnologists and anthropologists of the 20th century)*. Moscow: Nauka, 184—232 (in Russian).
- Roerich, N. K. 1907. In *Zapiski Otdeleniia russkoi i slavianskoi arkhologii Imperatorskogo Russkogo arkhologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* VII (2), 242—243 (in Russian).
- Reshetov, A. M. 1994. In *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi (Kunstkamera. Ethnographical notebooks)* 4, 185—221 (in Russian).
- Reshetov, A. M. 1994. In *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi (Kunstkamera. Ethnographical notebooks)* 5—6, 342—368 (in Russian).
- Reshetov, A. M. 2004. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka (Eminent national ethnologists and anthropologists of the 20th century)*. Moscow: Nauka, 137—183 (in Russian).
- Safonov, I. E. 2002. In *Arkheologiia v rossiiskikh universitetakh (Archaeology in Russian universities)*. Voronezh: VGU, 62—70 (in Russian).
- Selivanov, V. I. 1936. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 129—130 (in Russian).
- Serebrovsky, P. V. 1934. *Proiskhozhdenie domashnikh zhivotnykh (Origin of domestic animals)*. Leningrad: Leningradskoe oblastnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Serebrovsky, P. V. 1935. *Istoriia zhivotnogo mira SSSR. Kratkii ocherk (History of the animal world of USSR. A short review)*. Leningrad: Leningradskoe oblastnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Sergin, V. Ya. 1987. *Struktura Mezinskogo paleoliticheskogo poseleniia (The structure of Mezin Paleolithic settlement)*. Moscow: Nauka.
- Sirina, A. A. 1999. In *Repressirovannye etnografy (Repressed ethnographs)* 1. Moscow: Vostochnaia literatura, 57—80 (in Russian).
- Smimov, A. P. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 320 (in Russian).
- Smimov, A. S. 2011. *Vlast' i organizatsiia arkhologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii (ocherki institucional'noi istorii nauki XIX — nachala XX veka) (The Government and the organization of archaeological science in Russia (essays into institutional history of science in 19th — early 20th century))*. Moscow: IA RAN.

- [Authorless]. Spisok trudov (List of works). 1940. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the Study of Material Culture)* V, 83—84.
- Spitsyn, A. A. 1906. In *Zapiski Otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* VIII (1), 212—226 (in Russian).
- Stanyukovich, T. V. 2003. In *Iz istorii Kunstkamery. 1941—1945 (From the history of Kunstkamera. 1941—1945)*. Saint Petersburg: MAE, 68—74 (in Russian).
- Studitskaya, S. V. 1976. In *Iz istorii Sibiri (From the history of Siberia)* 21, 74—89 (in Russian).
- Tikhonov, B. G., Bader, O. N. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 112, 3—7 (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 2003. *Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki (Archaeology in the University of Saint Petersburg. Historiographical essays)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Tretyakov, V. P. 1990. *Volosovskie plemena v Evropeiskoi chasti SSSR v III—II tysiacheletiiakh do n. e. (Volosov tribes in the European part of USSR in the IIIrd – IInd millennia BC)*. Leningrad: LOIA (in Russian).
- Trofimov, B. A., Dubrovo, I. A., Dmitrieva, E. L. 2001. In *Moskovskie teriologi (Moscow mammalogists)*. Moscow: Zoologicheskii muzei MGU, 142—147 (in Russian).
- Trusova, S. A. 1940. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the Study of Material Culture)* III, 44—52 (in Russian).
- Tunkina, I. V. 2004. In *Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik (Nevsky archaeological and historiographical bulletin)*. Saint Petersburg: SPbGU, 184—192 (in Russian).
- Tunkina, I. V. 2008. In *Buzeskul V. P. Vseobshchaia istoriia i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka (World history and its representatives in Russia in XIX and early XX century)*. Moscow: Indrik, 477—831 (in Russian).
- Uvarov, A. S. 1881. *Arkheologiya Rossii (Archaeology of Russia)*. Vol. I. *Kamennyi period (Stone Age)*. Moscow: Sinodal'naia tipografiia (in Russian).
- Formozov, A. A. 1961. *Ocherki po istorii russkoi arkheologii (Essays into the history of Russian archaeology)*. Moscow: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Formozov, A. A. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 322—323 (in Russian).
- Formozov, A. A. 1983. *Nachalo izucheniia kamennogo veka v Rossii: Pervye knigi (Beginning of Stone Age studies in Russia: First books)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Formozov, A. A. 2006. *Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki (Russian archaeologists in the totalitarian period: historiographical essays)*. 2nd ed. Moscow: Znack (in Russian).
- Foss, M. E. 1952. *Drevneishaia istoriia Severa Evropeiskoi chasti SSSR (The most ancient history of the North of European part of USSR)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 29 (in Russian).
- Khaikin, V. 1937. In *Trudy Instituta antropologii i etnografii AN SSSR (Proceedings of the Institute of anthropology and ethnography of the Academy of Sciences of USSR)* 2. *Istoriia tekhniki (History of technology)* 6, 251 (in Russian).
- Khachaturova (Yarkovaya), E. A. 1999. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 247—252 (in Russian).
- Chubur, A. A. 2009. *Ocharovannyi drevnost'iu. Konstantin Mikhailovich Polikarpovich: zhizn', otkrytiia, ucheniki (Delighted by antiquity. Konstantin Mikhailovich Polikarpovich: life, discoveries, students)*. Minsk: Belorusskaia nauka (in Russian).
- Sharevskaya, B. I. 1954. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 169—170 (in Russian).
- Shovkoplyas, I. G. 1965. *Mezinskaia stoianka (Mezin site)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Shchelinsky, V. E. 2009. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1992—2004 gg. Evropeiskaia Rossiia (Archaeological researches 1992—2004. European Russia)*. Moscow, 23—34 (in Russian).
- Courby F. 1922. *Les vases grecs à reliefs*. Paris.
- Hillebrand J. 1910. Bericht über die Ausgrabungen in der Szeletahöhle im Jahre 1909. *Földtani Közlöny* 40, 681—692.
- Hillebrand J. 1928. Über eine neue Aurignacien-Lanzenspitze “à base fendue” aus dem ungarländischen Paläolithikum. *Eiszeit und Urgeschichte* 5, 99—103.
- Klusemann K. 1924. Die Entwicklung der Eisengewinnung in Afrika und Europa. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien* 54, 120—140.
- Zahn R. 1909. Hellenistische Reliefgefäße aus Südrussland. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts* 23, 45—77.

Статья поступила в номер 13 января 2014 г.

Sergei Kuzminykh (Moscow, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Sergei Kuzminykh (Moscow, Russia). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, Academia de Științe a Rusiei.

Кузьминых Сергей Владимирович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Irina Belozero (Moscow, Russia). State History Museum².

Irina Belozero (Moscow, Russia). Muzeul Istoric de Stat.

Белозёрова Ирина Валентиновна (Москва, Россия). Государственный исторический музей.

E-mail: irina.belozero@yandex.ru

Addresses: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russia; ² Red Square, 1, Moscow, 109012, Russia

Археологическое образование

Archaeological Education
Educația arheologică

Е. Ю. Гиря, В. В. Цыбрий, А. В. Цыбрий

Опыт организации и проведения экспериментально-трассологических школ-семинаров на базе этно-археологического парка

Keywords: archaeology, experiment, traceology, teaching, summer schools, ethnographic-archaeological park.

Cuvinte cheie: arheologie, experiment, traseologie, educație, școli de vară, parc etnografico-arheologic.

Ключевые слова: археология, эксперимент, трассология, преподавание, школы-семинары, этно-археологический парк.

E. Yu. Giryа, A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy

Experience of Organizing and Conducting Experimental-Traceological Schools-Seminars in Ethno-Archaeological Parks

The paper presents and discusses the results of the experimental-traceological schools-seminars, conducted in 2012—2013 at the “Lost World” Ethnographic-Archaeological Park (Rostov Oblast of Russia). A special emphasis is laid on the high efficiency of modern technologies of macro and micro images demonstration. The possibility of simultaneous and joint (for many spectators) observations and discussions of what is seen under the microscope is one of the most important factors, permitting to take the methods of traceology teaching to a higher level.

E. Yu. Giryа, A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy

Despre o tentativă de organizare și realizare a școlilor de vară experimental-traseologice în baza unui parc etno-arheologic

Articolul prezintă rezultatele activității școlilor-seminare experimental-traseologice, organizate în anii 2012—2013 în parcul etnografico-arheologic „O lume pierdută” (regiunea Rostov, Rusia). Un accent special se pune pe eficiența înaltă a utilizării tehnologiilor moderne de prezentare a macro- și microimajinilor. Posibilitatea de a observa și discuta simultan (pentru mai mulți cercetători) imaginea de sub microscop reprezintă unul din factorii principali, care permit aducerea metodologiei de predare la un nou nivel.

Е. Ю. Гиря, В. В. Цыбрий, А. В. Цыбрий

Опыт организации и проведения экспериментально-трассологических школ-семинаров на базе этно-археологического парка

В статье обсуждаются результаты работы экспериментально-трассологических школ-семинаров, проведенных в 2012—2013 годах на базе этнографо-археологического центра «Затерянный мир» в Ростовской области. Показана высокая эффективность использования современных технологий демонстрации макро- и микроизображений. Возможность одновременного совместного (для многих исследователей) наблюдения и обсуждения видимых под микроскопом изображений является одним из решающих факторов, позволяющих вывести методику преподавания на новый уровень.

Экспериментально-трассологические исследования в археологии немислимы без постановки физических модельных экспериментов, воспроизводящих с различной степенью детализации древние процессы или явления, следы которых были обнаружены в археологических источниках. Большая часть таких экспериментов требует их проведения в полевых условиях, поэтому обычно этому виду археологической деятельности посвящаются специальные экспериментально-трассологические экспедиции, традиции проведения которых в нашей стране были заложены основателем экспериментально-трассологической методики С. А. Семёновым в конце 50-х — начале 60-х годов прошлого столетия (экспедиции в Ленинградской области, в Литве, на Кавказе). Одним из основных условий успешного про-

логической деятельности посвящаются специальные экспериментально-трассологические экспедиции, традиции проведения которых в нашей стране были заложены основателем экспериментально-трассологической методики С. А. Семёновым в конце 50-х — начале 60-х годов прошлого столетия (экспедиции в Ленинградской области, в Литве, на Кавказе). Одним из основных условий успешного про-

ведения таких экспедиций является близость источников сырья (чаще всего — каменного). Выполнив экспериментальные программы в поле, трасологи затем, вернувшись из экспедиции, анализировали полученные результаты в лабораторных условиях.

По мере формирования экспериментально-трасологической школы С. А. Семёнова, расширения спектра задач исследований и пополнения рядов трасологов новыми кадрами появилась необходимость совмещения полевой и лабораторной фазы работ в одном месте, что было реализовано в экспериментально-трасологических экспедициях Г. Ф. Коробковой, проводившихся летом в помещениях школы хутора Станюнай (Литва, Швенчёнский район) и на базе различных пионерских лагерей в Молдавии. Выбор места проведения работ диктовался в основном необходимостью размещения микроскопов в чистых, сухих и электрифицированных помещениях. Сырьё в виде кремня, обсидиана, медной руды, рогов, костей и шкур животных доставлялось в места проведения работ силами специальных экспедиций из порою весьма отдалённых районов — Туркмении, Казахстана, Кавказа, Урала и Донбасса.

Организация первых полевых школ Г. Ф. Коробковой в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, специально посвящённых обучению экспериментально-трасологическим методам исследований, требовала вывоза в поле и размещения в нормальных эксплуатационных условиях большого количества оптических приборов, достаточного для обеспечения нормальной работы группы слушателей численностью не менее 10—15 человек. Вопрос выбора оптимальных места и времени проведения школы был очень важен. Основной проблемой, как и прежде, являлось решение вопроса обеспечения сырья, а также безопасного размещения и использования значительного числа оптических приборов.

В данной статье мы предлагаем к обсуждению базовые элементы организации экспериментально-трасологических школ-семинаров, проводимых на основе использования современных технологий наблюдения, обработки и демонстрации макро- и микроизображений, позволяющих, как мы полагаем, вывести методику преподавания на новый уровень и снять целый ряд проблем, с трудом решавшихся ранее.

В конце сентября 2013 года закончились занятия Международной экспериментально-трасологической школы-семинара ИИМК РАН, которые уже второй год проводились

на базе Этно-Археологического комплекса «Затерянный мир». Школы-семинары обоих сезонов были организованы Институтом истории материальной культуры РАН при поддержке Донского археологического общества. Они проводились на средства, выделенные Президиумом РАН и дирекцией ИИМК РАН.

По нашему общему мнению, результаты сотрудничества Донского археологического общества, Этно-Археологического комплекса «Затерянный мир» и экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН показывают, что данный центр исторической реконструкции является оптимальной площадкой для проведения практически любых экспериментальных работ, связанных с археологией. Собственно говоря, комплекс был задуман и функционирует как проект натуральных археологических реконструкций — так называемая «Археологическая деревня»¹. Это в совокупности с имеющейся производственной и бытовой инфраструктурой позволило создать необходимые условия для полноценной научно-исследовательской деятельности. Здесь стало возможным проведение экспериментов любой степени сложности.

Важнейшим условием для экспериментально-трасологических исследований и лекционной деятельности является наличие чистых закрытых помещений для размещения точных оптических приборов и лекционных залов. Редкая возможность сочетать полевую (экспериментальную) и лабораторную (аналитическую) фазы работы, безусловно, существенно повышает эффективность и потенциал школы.

Научная работа органически вписывается в ежедневно насыщенную экскурсионную практику музея исторической реконструкции. Возможность наблюдать «живой» процесс реальных экспериментально-археологических исследований, здесь и сейчас производимых специалистами, непосредственное общение с исследователями, приехавшими на Дон из разных стран, вызывают большой интерес у посетителей комплекса. «Эффект соучастия», личный опыт «науки всерьёз» — это именно та форма популяризации научных знаний, которая всегда будет привлекательна как для широких слоев населения, так и для волонтеров любого возраста. Для части молодежи это еще и увлекательный урок профориен-

¹ Выражаем искреннюю признательность канд. ист. наук, профессору В. Я. Кияшко, благодаря которому стало возможным создание комплекса, за всемерную поддержку научных археологических проектов.

Рис. 1. Участники Международной школы-семинара 2012 года на фоне реконструкции неолитического жилища (Этно-Археологический комплекс «Затерянный мир»).

Fig. 1. Participants of 2012 International School-Seminar against the background of a Neolithic dwelling (reconstruction, the "Lost World" Ethnographic-Archaeological Park).

тации, пример выбора интересного жизненного пути. Сказанное подтверждается также опытом работы в отечественных и зарубежных археологических центрах, аналогичных «Затерянному миру».

Важными показателями эффективности работы школы являются расширяющаяся география ее участников и растущий тематический спектр научных программ.

В 2012 г. в работе школы приняли участие научные сотрудники, аспиранты и студенты из археологических институтов и университетов России и Украины (табл. 1; рис. 1), а в 2013 году также из Белоруссии (табл. 2; рис. 2).

В ходе работы школ-семинаров широко использовались современные средства наблюдения и анализа микро- и макроследов. Без тени преувеличения можно констатировать, что возможность одновременного совместного (для многих исследователей) наблюдения и обсуждения видимых под микроскопом изображений является одним из решающих условий проведения трасологических дискуссий. Вместо изложения впечатлений о «заочно виденном» в микроскоп каждым участником, дискуссия строится на обсуждении непосредственно демонстрируемого и всем визуаль-

но доступного материала. Возможность такой демонстрации обеспечивалась благодаря комплексу современного оборудования, состоящего в сочетании:

- оптических приборов, позволяющих вести микро- и макронаблюдение;
- цифровых фотокамер с возможностью работы в режиме LiveView (Live view, live preview) — предпросмотра в реальном времени;
- мультимедийного проектора, позволяющего проецировать увеличенное изображение, видимое в окуляре оптического прибора, на большой настенный экран.

Вместо последовательного осмотра несколькими специалистами конкретного объекта через окуляры одного микроскопа (рис. 3) и неизбежной в таких случаях подстройки фокуса и базы глаз (индивидуальных для каждого), достигается возможность непосредственного коллективного наблюдения увеличенного изображения исследуемого предмета многими людьми одновременно (рис. 4). Преимущества данного способа наблюдения и обсуждения следов не требуют особых пояснений — таким образом достигается не только значительная экономия времени, но и весьма существенно упрощается

Таблица 1.

Участники Международной экспериментально-трасологической школы-семинара ИИМК РАН 2012 г.

№	Ф.И.О.	Страна, город, организация, должность	Сфера научных интересов
1	Александрова Олеся Игоревна	Россия, г. Москва. ИА РАН, старший лаборант-исследователь, аспирант; РГНФ, ведущий специалист.	Трасология, мезолит Северного Кавказа. Спелеология.
2	Вальков Иван Александрович	Россия, г. Барнаул. АлтГУ, студент 3 курс.	Трасология, бронзовый век.
3	Гиря Евгений Юрьевич	Россия, г. Санкт-Петербург. ИИМК РАН, с. н. с.	Трасология и технология древних индустрий.
4	Долбунова Екатерина Владимировна	Россия, г. Санкт-Петербург. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, м. н. с.	Технология изготовления керамики, подводная археология, ландшафтная археология.
5	Дорофеева Наталья Алексеевна	Россия, г. Владивосток. ИИАЭ ДВО РАН, м. н. с.	Трасология каменных орудий эпохи неолита и ранней бронзы.
6	Загородняя Ольга Николаевна	Украина, г. Алчевск. ДонГТУ, ассистент; ИА НАНУ, соискатель.	Трасология зернистых и кристаллических пород. Орудия металлопроизводства эпохи бронзы.
7	Захаринов Андрей Петрович	Россия, г. Ростов-на-Дону. Зав. отделом научной реконструкции ЭАК «ЗМ».	Техника производства каменного века, археологическая реконструкция. Мустье.
8	Костылева Анна Андреевна	Россия, г. Санкт-Петербург. СПбГУ, студентка 6 курс.	Трасология кости и рога. Неолит.
9	Кулькова Марианна Алексеевна	Россия, г. Санкт-Петербург. РГПУ им. А. И. Герцена, доцент кафедры геологии и геоэкологии.	Состав и технология изготовления керамики.
10	Лозовская Ольга Владимировна	Россия, г. Санкт-Петербург. ИИМК РАН, с. н. с.	Стоянка Замостье 2, мезолит — ранний неолит лесной зоны Европейской России.
11	Лозовский Владимир Михайлович	Россия, г. Сергиев Посад. Сергиево-Посадский музей-заповедник, с. н. с.	Стоянка Замостье 2, мезолит — ранний неолит лесной зоны Европейской России.
12	Мазуркевич Андрей Николаевич	Россия, г. Санкт-Петербург. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, с. н. с., главный хранитель ОАВЕиС.	Технология изготовления керамики, подводная археология, ландшафтная археология, ГИС-технологии.
13	Павленок Галина Дмитриевна	Россия, г. Новосибирск. ИАЭТ СО РАН, ст. лаборант, аспирант 1 года обучения.	Микропластинчатые индустрии финального плейстоцена Западного Забайкалья.
14	Родионов Антон Михайлович	Россия, г. Воронеж. ВГПУ, аспирант.	Технология расщепления кремня в верхнем палеолите, трасология.
15	Степанова Ксения Николаевна	Россия, г. Санкт-Петербург. ИИМК РАН, аспирант.	Трасология зернистых и кристаллических пород. Ранняя пора верхнего палеолита.
16	Фёдорова Дарья Николаевна	Россия, г. Санкт-Петербург. ИИМК РАН, аспирант.	Трасология каменных орудий (преимущественно кварц). Эпоха раннего металла. Фотография.
17	Цыбрий Андрей Витальевич	Россия, г. Ростов-на-Дону. РРОО «ДАО», н. с.	Техника производства каменного века, археологическая реконструкция. Неолит.
18	Цыбрий Виктор Витальевич	Россия, г. Ростов-на-Дону. РРОО «ДАО», Председатель правления.	Техника производства каменного века, археологическая реконструкция. Неолит.
19	Цыбрий Татьяна Владимировна	Россия, г. Ростов-на-Дону. РРОО «ДАО», н. с.	Техника производства эпохи бронзы, археологическая реконструкция.

Рис. 2. Участники Международной школы-семинара 2013 года на фоне площадки для проведения экспериментов (Этно-Археологический комплекс «Затерянный мир»).

Fig. 2. Participants of 2013 International School-Seminar against the background of the area where the experiments were carried out (the "Lost World" Ethnographic-Archaeological Park).

Таблица 2.

Участники Международной экспериментально-трасологической школы-семинара ИИМК РАН 2013 г.

№	Ф.И.О.	Страна, город, организация, должность	Сфера научных интересов
1	Ахметгалева Наталья Борисовна	Россия, г. Курчатов. ОБУК «Курчатовский государственный краеведческий музей», заведующая отделом археологии.	Древнейшие костяные индустрии Восточной Европы: технология обработки и функциональный анализ.
2	Ахметова Екатерина Александровна	Россия, г. Уфа. НИЦ «Наследие», н. с.	Неолит-энеолит Южного Урала, населения горно-лесной зоны, реставрация металлических предметов.
3	Вальков Иван Александрович	Россия, г. Барнаул. АлтГУ, студент. 4 курс.	Трасология, бронзовый век.
4	Гиря Евгений Юрьевич	Россия, г. Санкт-Петербург. ИИМК РАН, с. н. с.	Экспериментально-трасологические исследования в археологии.
5	Гриб Владимир Валерьевич	Республика Беларусь, г. Минск. Белорусский Государственный университет, аспирант.	Технология расщепления кремня в мезолите-неолите. Кремневое метательное вооружение неолитического населения Беларуси.
6	Грицюта Оксана Александровна	Украина, г. Одесса. Одесский национальный политехнический университет, преподаватель.	Трасология, палеолит Северного Причерноморья.
7	Долбунова Екатерина Владимировна	Россия, г. Санкт-Петербург. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, м. н. с.	Технология изготовления керамики, подводная археология, ландшафтная археология.
8	Загородняя Ольга Николаевна	Украина, г. Алчевск. ДонГТУ, ассистент; ИА НАНУ, соискатель.	Трасология зернистых и кристаллических пород. Орудия металлопроизводства эпохи бронзы.
9	Коваль Юрий Георгиевич	Украина, г. Донецк. Донецкий областной краеведческий музей, с. н. с.	Археологическая реконструкция.

Таблица 2 (окончание).

№	Ф.И.О.	Страна, город, организация, должность	Сфера научных интересов
10	Кострова Ольга	Россия, Мурманская обл., пгт Умба. МАУК МНИ «Петроглифы Канозера», н.с.	Петроглифы, неолит.
11	Костылева Анна Андреевна	Россия, г. Санкт-Петербург. СПбГУ, к.и.н., выпускница кафедры археологии.	Трасология кости и рога. Неолит Ловатско-Двинского междуречья.
12	Лозовская Ольга Владимировна	Россия, г. Санкт-Петербург. ИИМК РАН, н.с.	Стоянка Замостье 2, мезолит — ранний неолит лесной зоны Европейской России.
13	Лозовский Владимир Михайлович	Россия, г. Сергиев Посад. Сергиево-Посадский музей-заповедник, н.с.	Стоянка Замостье 2, мезолит — ранний неолит лесной зоны Европейской России.
14	Мазуркевич Андрей Николаевич	Россия, г. Санкт-Петербург. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, с.н.с., главный хранитель ОАВЕиС.	Технология изготовления керамики, подводная археология, ландшафтная археология, ГИС-технологии.
15	Орленко Алексей Викторович	Россия, г. Ростов на-Дону. НП «Южархеология», н.с.	Техника обработки кремня. Верхний палеолит.
16	Панковский Валентин Борисович	Украина, г. Киев. Институт археологии НАН Украины, н.с.	Костно-роговые индустрии эпохи палеометаллов.
17	Полковникова Мария Эдуардовна	Россия, г. Санкт-Петербург. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, м.н.с.	Технология изготовления керамики, анализ каменных индустрий эпохи мезолита-неолита.
18	Родионов Антон Михайлович	Россия, г. Воронеж. ВГПУ, аспирант.	Технология расщепления кремня в верхнем палеолите, трасология.
19	Румянцев Михаил Михайлович	Россия, г. Уфа. ООО НИЦ «Наследие», н.с.	Трасология, палеолит Южного Урала.
20	Скочина Светлана Николаевна	Россия, г. Тюмень. Институт проблем освоения Севера СО РАН, ст.н.с.	Трасология, каменные, костяные и керамические орудия, неолит Западной Сибири.
21	Сорокун Андрей Анатольевич	Украина, г. Киев. Государственный научный центр охраны культурного наследия от техногенных катастроф; Государственная администрация Зоны отчуждения Украины, н.с.	Неолит лесостепного междуречья Днестра и Буга.
22	Степанова Ксения Николаевна	Россия, г. Санкт-Петербург. ИИМК РАН, аспирант.	Трасология зернистых и кристаллических пород.
23	Фёдорова Дарья Николаевна	Россия, г. Санкт-Петербург. ИИМК РАН, аспирант.	Трасологический и технологический анализ каменных орудий мезолита — раннего металла.
24	Храмцова Анастасия Андреевна	Россия, г. Санкт-Петербург. СПбГУ, студентка 3-го курса кафедры археологии.	Неолит-энеолит Прикамья, каменная индустрия гаринско-борской культуры.
25	Цыбрий Андрей Витальевич	Россия, г. Ростов на-Дону. РРОО «ДАО», н.с., специалист по позднему каменному веку.	Техника производства каменного века, археологическая реконструкция, неолит.
26	Цыбрий Виктор Витальевич	Россия, г. Ростов на-Дону. РРОО «ДАО», Председатель правления.	Техника производства каменного века, археологическая реконструкция, неолит.

восприятие изображения следов. Кроме того, меняется сам ход дискуссии, она приобретает принципиально новое качество — эксплицитность, поскольку на большом экране гораздо легче указать, какие именно признаки объекта имеет в виду тот или иной участник обсуждения в данный момент. Таким образом, обсуждение рассматриваемых коллективно следов становится более предметным, более интересным и одновременно более профессиональным (рис. 5; 6).

Трёхлетний опыт использования данного способа демонстрации трасологических объектов для коллективного обсуждения показал свою высокую эффективность. Помимо работ в «Затерянном мире», он с успехом был применён в ходе проведения Международной экспериментально-трасологической школы в университете г. Тренто (Италия) в 2012 году.

Участники школы-семинара были также ознакомлены с особенностями примене-

№1. 2014

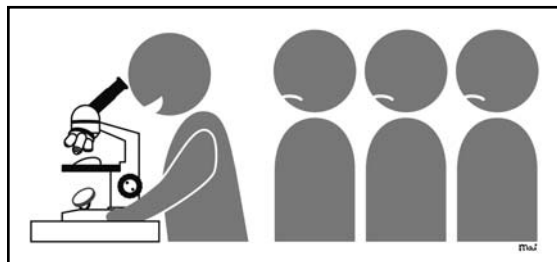

Рис. 3. Схема, иллюстрирующая ограниченные возможности коллективного анализа и обсуждения микроследов на одном конкретном предмете. Рисунок Май Кимура.

Fig. 3. Scheme, showing the limitedness of the old way of collective observation and discussion of use-wear traces. Drawing by Mai Kimura.

ния специальных компьютерных программ, предназначенных для обработки цифровых изображений, в ходе экспериментально-трасологических исследований. Отдельные занятия были посвящены программам Helicon Focus, EOS Utility и Altami Studio.

Программа Helicon Focus — (продукт компании Helicon Soft Ltd., Украина, heliconphotosoft@gmail.com), позволяет получать микро- и макроизображения с практически не ограниченной по глубине резкостью. Сфокусированное (резкое) изображение создается из нескольких (или многих) частично сфокусированных. Программа специально разработана для обработки фотографий, сделанных при помощи микроскопа, и для макрофотографии. Кроме того, при помощи Helicon Focus можно создавать трехмерные модели участков микро- и/или макрорельефа объектов.

Altami Studio (разработка фирмы «Альтами», Россия, mail@altami.ru) — программное обеспечение, специально разработанное для работы с микроскопами. Оно предназначено для управления цифровыми камерами, осуществления микроизмерений и автоматического анализа изображений. Оно позволяет, не прерывая работы, решать задачи по наблюдению, масштабированию, измерению и фиксации любых типов макро- и микроследов. В качестве подарка от фирмы-производителя, все участники школы-семинара получают личные бесплатные лицензии на пользование данным программным продуктом.

Программное обеспечение EOS Utility — это стандартный набор программ для получения и обработки цифровых изображений, наиболее удобный инструмент для работы в режиме предпросмотра в реаль-

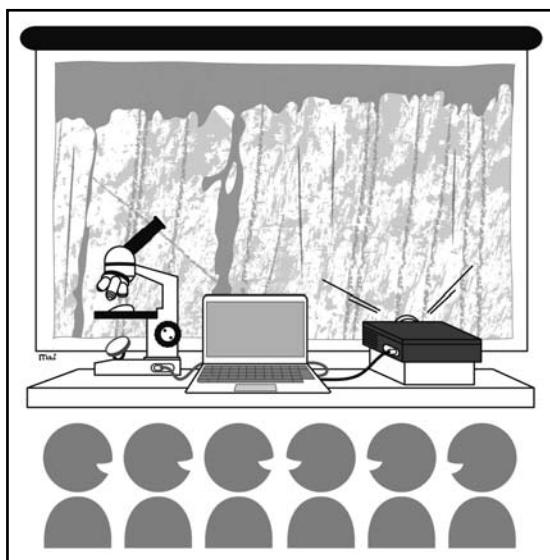

Рис. 4. Схема, иллюстрирующая преимущества непосредственного коллективного наблюдения и обсуждения увеличенного изображения исследуемых микроследов многими людьми одновременно. Рисунок Май Кимура.

Fig. 4. Scheme, showing the advantages of simultaneous joint observation and discussion of use-wear traces. Drawing by Mai Kimura.

ном времени (LiveView) с камерами фирмы Canon.

В ходе работы школ-семинаров использовалось следующее оборудование:

— фото камеры Canon 5D, 40D и 1000D с объективами Canon EF-S 60 mm Macro и Canon MP-E65 mm Macro;

— установка для мультифокусной съемки нашей собственной конструкции, представляющая собой закрепленную на штативе фотокамеру с микрометрическим фокусирующим механизмом (в режиме «live view shooting») в сочетании с объективом Canon MP-E65 mm Macro. Данная установка позволяет получать высококачественные снимки при увеличениях, сопоставимых с максимальными у бинокулярных микроскопов. Фокусировка изображения производится вручную при наблюдении через экран компьютера в режиме реального времени.

При использовании объектива Canon EF-S 60 mm Macro с ультразвуковым двигателем (USM — Ultra Sonic Motor) все функции фотокамеры, включая наиболее важную в данном случае — наведение на резкость, можно контролировать через компьютер;

— микроскопы МБС-9, использовались для предварительного осмотра изучаемых образцов;

Рис. 5. Коллективный анализ микро-макроследов во время занятий Международной школы-семинара в 2012 году.

Fig. 5. Collective analysis of use wear traces during one of the classes of the International School-Seminar in 2012.

— лабораторные светодиодные, стекловолоконные с галогенным источником света и люминесцентные осветители;

— металлографический микроскоп фирмы Olympus с системой прямого, проходящего через объектив освещения и возможностью наблюдения при увеличениях X25, X50, X100, X200 и X500;

— мультимедиа проектор фирмы BenQ SP920.

Участники школы ознакомились на практике с недостатками и преимуществами различных способов выделения (акцентирования) рельефа следов на поверхности артефактов (подкраска экспериментальных костяных орудий марганцовкой и напыление оксида магния). Особое внимание было уделено вопросам чистки исследуемых археологических и экспериментальных образцов.

Отдельные занятия были посвящены различным методикам копирования макро- и микроследов с применением разных слепочных масс (силиконы С и А типов) и ацетатной плёнки.

В 2012 году в ходе работы семинара был прочитан курс лекций «Экспериментально-трасологические исследования в археологии»:

— о теоретических основах формирования доказательной базы при исследовании следов;

— о методике проведения археологических экспериментов;

— о методах экспериментального изучения технологии пластинчатых индустрий;

— о результатах изучения способов рыбной ловли в мезолите Европы;

— о современных методах исследования древних керамических производств;

— об особенностях изучения следов обработки на деревянных изделиях.

Слушатели ознакомились с результатами работ по таким темам, как «Рыболовство в мезолите Европы» (В. М. Лозовский, ИИМК РАН), «Особенности исследования древнейшей керамики» (А. Н. Мазуркевич, Гос. Эрмитаж), «Трасология и технология производства деревянных, роговых и костяных мезолитических орудий по материалам стоянки Замостье» (О. В. Лозовская, ИИМК РАН). Состоялось также их обсуждение.

В 2013 году, наряду с основным курсом лекций, в ходе семинара был прослушан и обсуждён 21 доклад (табл. 3).

Основной темой школы-семинара 2013 г. было обсуждение следов обработки и следов

Рис. 6. Сравнение микро-макроследов на бивневом орудии после напыления оксида магния и без него во время занятий Международной экспериментально-трасологической школы-семинара в 2013 году.

Fig. 6. Comparison of macro- and microtraces on an ivory tool as seen with and without dusting with magnesium oxide. International School-Seminar, 2013.

использования на орудиях из твёрдых органических материалов (кость, рог, бивень, зубы). Работы, связанные с расщеплением кремня, в 2013 году были в основном ограничены экспериментами с твёрдыми органическими материалами.

Большая часть экспериментов производилась с использованием костяного сырья. Были использованы части четырех современных скелетов лошадей. С помощью металлических (стальных и бронзовых) и каменных (кремнёвых, обсидиановых и кварцевых) орудий из боковых стенок диафизов трубчатых костей оформлялись рабочие части орудий одинаковой (теслообразной) формы. Полученные орудия использовались в различных работах: копании грунта, обработке шкур животных, лощении кожи и керамики, долблении и рубке дерева и т.п. Отдельные эксперименты такого же рода производились с использованием бивневых (бивень мамонта) орудий. Основной целью этой серии экспериментов было получение эталонной коллекции изделий с аналогичными рабочими участками, но различными следами обработки и использования.

Следы обработки кости различными материалами и следы использования костяных орудий в различных по кинематике и качествам обрабатываемых материалов функциях стали предметом основных дискуссий школы-семинара. Все виды следов рассматривались, анализировались и обсуждались при различных уровнях увеличения: от макро 1 к 1 до пятисоткратного (с применением металлографического микроскопа). В ходе обсуждения были рассмотрены вопросы важности и правомерности привлечения конкретных признаков износа для получения наиболее точных выводов о способах обработки и/или использования костяных изделий.

Несмотря на неизбежную в подобных случаях различную степень компетентности участников, аргументы, высказанные в результате коллективной дискуссии, позволили прийти к пониманию искусственности, непродуктивности и даже деструктивности разделения трасологических исследований в археологии на школы или направления, применяющие «низкие» (малые) или «высокие» (большие) увеличения. Оставив в стороне вопросы обеспечения желаемыми оптическими приборами, безусловно, можно считать справедливым положение о том, что размер и форма самих диагностически значимых следов — вот что определяет и всегда будет определять способы их исследования.

На семинаре были обсуждены примеры не часто встречаемых следов естественного происхождения, имитирующих признаки искусственного износа или обработки. Большой интерес вызвали презентации артефактов со следами, интерпретация которых пока не ясна, либо слишком неоднозначна. Единственным путём разрешения подобных проблемных ситуаций были признаны накопление большего количества новых наблюдений и более тщательные исследования археологических контекстов артефактов подобного вида.

В 2012 году все слушатели школы приняли участие в «слепом тесте» по определению следов неутилитарного износа и износа от залегания в культурном слое на кремнёвых изделиях. В среднем количество верных определений превысило 87%, при этом два стажера-исследователя сумели дать правильные определения всем 100% экспериментальных орудий. Предполагалось произвести подобное испытание и в ходе работы школы-семинара 2013 года (на этот раз — по проверке правильности определения следов на костяных изделиях). Однако, ввиду недостатка времени,

Таблица 3.

Доклады, прочитанные на Международной экспериментально-трасологической школе-семинаре ИИМК РАН в 2013 г.

№	Ф.И.О.	Тема
1	Гиря Е. Ю.	Цели и задачи археологических исследований. Археология — единственная научная дисциплина, исследующая поведение человека в прошлом по следам и материальным остаткам.
2	Гиря Е. Ю.	Теория и методология экспериментально-трасологических исследований (I часть). Следы как вид археологического источника.
3	Гиря Е. Ю.	Теория и методология экспериментально-трасологических исследований (II часть). Формальная типология, морфология, морфография и морфометрия.
4	Гиря Е. Ю.	Технические средства экспериментально-трасологических исследований. Средства наблюдения, фиксации и анализа следов использования и следов обработки.
5	Гиря Е. Ю.	Современные способы фотофиксации и морфометрии в экспериментально-трасологических исследованиях. Цифровая фотография, наблюдение, измерение и анализ следов в режиме «реального времени» с помощью программного обеспечения: EOS Utility, Helicon Focus и Altami Studio.
6	Ахметова Е. А., Румянцев М. М.	Костяные изделия из верхних слоев в пещере Байсланташ, горное течение реки Белой.
7	Ахметгалеева Н. Б.	Нетипичные следы использования костяных изделий типичных форм по материалам палеолитических стоянок Восточной Европы.
8	Гиря Е. Ю.	Современные способы подготовки трасологических образцов к анализу и фотофиксации. Способы копирования макро- и микроследов использования и обработки.
9	Вальков И. А.	Астрагалы со следами использования с памятников ранней бронзы Верхней Оби
10	Гиря Е. Ю.	Бивень мамонта, рог оленя: свойства и способы обработки.
11	Гиря Е. Ю.	Теория и методология экспериментально-трасологических исследований (III часть). Следы естественного происхождения в сравнении с искусственными следами. Следы обработки, следы использования и неутилитарный износ. Способы определения и критерии различия.
12	Костылева А. А.	Изделия из кости и рога неолитических торфяниковых памятников Ловатско-Двинского междуречья. Данные первых экспериментов, технология изготовления и использование орудий.
13	Лозовский В. М.	Экспериментально-трасологическое изучение каменных и костяных орудий из раскопок стоянки Замостье 2.
14	Лозовская О. В.	Экспериментально-трасологические исследования костяных и роговых орудий для обработки дерева (по материалам стоянки Замостье 2).
15	Гиря Е. Ю.	Морфологические особенности продуктов расщепления, полученных с помощью различных техник скола по экспериментальным и археологическим данным.
16	Гиря Е. Ю.	Методология постановки и проведения экспериментов, направленных на исследование археологических источников. Различия между натурным и модельным экспериментом. Функции эксперимента в археологии. Слепой тест.
17	Гриб В. В.	Шлифованный кремнёвый кинжал и другие артефакты из каменных индустрий неолита Северной Беларуси.
18	Загородняя О. Н.	Орудия из кости в металлопроизводстве ПБВ.
19	Панковский В. Б.	1) Зубчатые скорняжные разбивальники эпохи поздней бронзы. 2) О т. н. «спицах» бронзового века.
20	Скочина С. Н.	Орудия из кости и рога в материалах неолитического поселения Мергень 6.
21	Загородняя О. Н., Панковский В. Б.	«Псевдошпатели» позднего бронзового века.

сделать это не удалось. По всей видимости, следовало несколько сократить и упростить программу экспериментов.

Благодаря возможности одновременного совместного (для многих исследователей) наблюдения видимых под микроскопом следов, в ходе работы школы неоднократно проводились «стихийные» коллективные «слепые тесты». То есть, попросту говоря,

слушатели поочередно выдвигали свои предположения по поводу следов, демонстрируемых на экране в данный момент. Не имея достаточного количества микроскопов и иных оптических приборов, мы полагаем, что данный способ проведения «слепого теста» может быть использован в будущем в качестве основного. В ходе такой проверки участники анализа могут коллективно рассматривать

Рис. 7. Занятия со школьниками старших классов на площадке для расщепления камня в Этно-Археологическом комплексе «Затерянный мир».

Fig. 7. Class for senior schoolchildren. The "Lost World" Ethnographic-Archaeological Park, 2013.

и обсуждать предложенные к определению следы, выбирая необходимые для них типы освещения и степень увеличения. При этом результаты анализа должны фиксироваться каждым индивидуально. Такой способ проведения слепого теста, безусловно, обеспечит значительную экономию рабочего времени, а главное, поможет начинающим исследователям быстрее определяться в своём выборе наиболее диагностически значимых признаков при анализе как археологических, так и экспериментальных материалов.

Кремнёвое сырьё для работ школы-семинара 2012 и 2013 годов было собрано на севере Донецкой области старшим научным сотрудником Донецкого областного краеведческого музея Ю.Г. Ковалем, а также работниками «Затерянного мира» на территории Ростовской области. Кремень каменноугольного возраста был собран в Зарайском районе Московской области и доставлен в «Затерянный мир» А.М. Родионовым. Работы, связанные с расщеплением камня, состояли в проведении ряда специальных занятий, посвящённых ознакомлению с основными инструментами и способами первичного отбора сырья, объяснению технологических требований, знание которых необходимо для производства различных видов изделий,

демонстрации этих процессов и обучении участников семинара основным приёмам работы, позволяющим в дальнейшем самостоятельно продолжить совершенствование приобретенных навыков. Большая часть теоретических, практических и демонстрационных занятий была проведена аспирантом Воронежского государственного педагогического университета А.М. Родионовым. Были проведены показательные занятия по моделированию практически всего спектра технологий расщепления камня: производство бифасов, производство отщепов определённых форм, производство пластин с помощью ударных техник скола (прямым ударом и с помощью посредника), производство тонких бифасов и завершающее их ретуширование отжимом, ручной отжим пластинок и усиленный отжим крупных пластин с помощью рычажного устройства.

Все участники школ-семинаров имели возможность выполнения личных экспериментальных программ. По нашему глубокому убеждению, основанному на многолетнем опыте работы с молодыми исследователями, помощь участникам школ-семинаров в выполнении их персональных проектов, связанных с поисками наиболее достоверных путей интерпретации следов обработки, использо-

вания и/или неутилитарного износа, является одним из наиболее эффективных инструментов процесса обучения трасологической методике. Были проведены серии экспериментов по моделированию следов от закрепления каменных орудий в рукоятях, чистке рыбы костяными и каменными орудиями, изготовлению костяных гарпунов, использованию костяных орудий в процессах керамического производства и т.д. В 2012 году, в порядке персональной программы, был проведён целый ряд экспериментов по моделированию износа кремнёвых изделий от нахождения в культурном слое.

Отдельное внимание было уделено исследованию следов износа на орудиях из кварца и кварцита, в том числе на орудиях, связанных с выполнением петроглифов. В 2013 году В. Б. Панковский и О. Н. Загородняя провели экспериментальное моделирование достаточно сложных процессов, связанных с об-

работкой овчин: мездрение стамеской из бычьего ребра; разбивка овчины на зазубренном эпифизе лопаточной кости; стрижка шерсти бронзовыми и кремнёвыми ножами с помощью подставок из ребер. Результаты работ были представлены на обсуждение в виде докладов.

Несмотря на то, что, как обычно, не все планы удалось реализовать, есть все основания считать работу Международной экспериментально-трасологической школы ИИМК РАН 2012—2013 годов вполне успешной. Просчеты и ошибки, допущенные в эти годы, послужат полезным уроком, они, безусловно, будут учтены как при планировании, так и в процессе проведения будущих экспериментально-трасологических собраний самых различных форм. В конечном счете, самое ценное — это опыт, полученный каждым из участников в результате работы, учебы и общения с коллегами (рис. 7).

Статья поступила в номер 28 октября 2013 г.

Evgeny Girya (Saint Petersburg, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Evgeny Girya (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Гиря Евгений Юрьевич (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: kostionki@narod.ru

Andrei Tsybriy (Rostov-on-Don, Russia). Candidate of Historical Sciences. The Don Archaeological Society².

Andrei Tsybriy (Rostov-pe-Don, Rusia). Candidat în științe istorice. Societatea pentru arheologia Donului.

Цыбрий Андрей Витальевич (Ростов-на-Дону, Россия). Кандидат исторических наук. Донское археологическое общество.

E-mail: tsybriya@mail.ru

Victor Tsybriy (Rostov-on-Don, Russia). Candidate of Historical Sciences. The Don Archaeological Society³.

Victor Tsybriy (Rostov-pe-Don, Rusia). Candidat în științe istorice. Societatea pentru arheologia Donului.

Цыбрий Виктор Витальевич (Ростов-на-Дону, Россия). Кандидат исторических наук. Донское археологическое общество.

E-mail: rostspec@mail.ru

Социальные реконструкции

Social Reconstructions
Reconstrucții sociale

Л. Б. Вишняцкий

Вооруженное насилие в палеолите

Keywords: Palaeolithic, Mesolithic, armed violence, embedded projectiles.

Cuvinte cheie: paleolitic, mezolitic, violență armată, vârfuri în oase.

Ключевые слова: палеолит, мезолит, вооруженное насилие, наконечники в костях.

L. B. Vishnyatsky

Armed Violence in the Palaeolithic

The paper deals with the question of the existence and intensity of armed violence at different stages of the Palaeolithic. The first two sections provide a review and analysis of the osteological and representational evidence relevant to the question. The third section considers the problem of changes in the frequency of violence and how, or whether, it can be assessed. With this purpose in mind, the author compiles data on the age and character of all the Palaeolithic and Mesolithic human and animal bones with embedded projectiles, which are available in the literature (tabl. 1 and 2). It turns out that while for the time prior to ~ 15 ka only animal bones with imbedded projectiles are known in the Old World (10 bones of 10 animals from 9 sites in Western and Eastern Europe, Western Asia and Siberia), the subsequent period shows a sharp increase in the number of human bones of the kind, which became nearly as numerous (29 bones of 27 persons from 17 sites) as the animal ones. Given that the quantity of excavated faunal remains is several orders of magnitude greater than the quantity of paleoanthropological finds, the parity in the numbers of projectile-pierced remains may signify some important changes in the dynamics of violence (and social life in general) at the end of the Palaeolithic.

L. B. Vishnyatsky

Conflicte armate în paleolitic

În prezentul articol sunt analizate existența și intensitatea violenței armate la diferite etape ale paleoliticului. În primele două compartimente ale studiului sunt trecute în revistă datele relevante paleoantropologice și artistice. În cel de-al treilea compartiment sunt evaluate schimbările în intensitatea violenței armate în baza materialelor fosile. Au fost colectate și prezentate (tabelul 1 și 2) toate informațiile aflate la dispoziția autorului privind descoperirile de oase de oameni și animale cu fragmente de vârfuri din piatră sau os înfipte în structura osoasă, de pe siturile paleolitice și mezolitice. Din datele prezentate rezultă, că toate descoperirile de acest tip cu vechimea de peste 15000 ani sunt oase de animale (10 oase de la 10 indivizi de pe 9 situri). Dimpotrivă, după limita de 15000 ani proporția se schimbă brusc și numărul de oase umane cu fragmente de arme înfipte în structura osoasă (29 oase de la 27 indivizi de pe 17 situri) devine aproape comparabil cu cantitatea de descoperiri similare pe oase de animale. Având în vedere că numărul de resturi faunistice este de câteva ori mai mare decât cel al descoperirilor antropologice, o asemenea paritate poate reflecta schimbări esențiale în dinamica violenței armate (și în viața comunităților, la general) de la sfârșitul paleoliticului.

Л. Б. Вишняцкий

Вооруженное насилие в палеолите

Статья посвящена вопросу о существовании и интенсивности вооруженного насилия на разных стадиях палеолита. В первых двух разделах даны обзор и анализ палеоантропологических и изобразительных данных, имеющих отношение к этой теме. В третьем разделе рассматривается проблема оценки изменений в интенсивности вооруженного насилия по ископаемым материалам. Собраны и представлены (табл. 1 и 2) все доступные сведения о находках на памятниках палеолита и мезолита костей людей и животных с застрявшими в них фрагментами каменных или костяных наконечников. Показано, что все находки такого рода возрастом старше 15 тыс. лет — это кости животных (10 костей 10 особей с 9 памятников). Напротив, после 15 тыс. лет соотношение резко меняется, и число находок человеческих костей с вонзившимися в них обломками оружия (29 костей 27 индивидов с 17 памятников) почти сравнивается с числом аналогичных находок костей животных. Учитывая, что количество раскопанных фаунистических остатков на несколько порядков превышает количество антропологических находок, такое равенство может свидетельствовать о важных изменениях в динамике вооруженного насилия (и жизни общества в целом) в конце палеолита.

Russian Foundation for Humanities. "Realization of principles of concrete historical approach in Paleolithic studies", no 12-01-00345a ■ Fundația rusă pentru studii umanitare. „Realizarea principiilor abordării concret-istorice în cercetarea paleoliticului”, nr. 12-01-00345a ■ Российский гуманитарный научный фонд. «Реализация принципов конкретно-исторического подхода в палеолитоведении», № 12-01-00345a.

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© Л. Б. Вишняцкий, 2014.

Вооруженное насилие в палеолите

Насилие с применением оружия, безусловно, имеет очень длительную историю. Вероятно, оно появилось тогда же, когда появилось само оружие. Конечно, это совсем не обязательно была война. Для подавляющего большинства древнейших археологически засвидетельствованных актов использования человеком оружия против другого человека совершенно невозможно установить их социальный контекст, т. е. определить, имели ли в том или ином случае место санкционированные обществом организованные боевые действия между политически автономными группами (собственно война), или же межличностные «разборки» (драка, поединок, просто выстрел или удар «из-за угла»), или ритуальное убийство, или, наконец, казнь. В тексте этой статьи сам термин «война» встречается редко, речь в ней идет о вооруженном насилии как таковом, какие бы формы оно ни принимало.

Понятно, что о распространении, характере и формах вооруженного насилия в бесписьменные эпохи приходится судить, главным образом, на основании археологических, палеоантропологических и этнографических данных. Долгое время ведущую роль здесь играли именно последние — наиболее богатые и, казалось бы, наглядные, — однако с конца прошлого столетия их надежность все чаще ставится под сомнение, а на первый план постепенно выходят ископаемые материалы, пусть и гораздо менее «красноречивые», но зато оставленные обществами, которые еще не могли испытать воздействия цивилизации. Кроме того, источниковедческий потенциал этнографии в данной области почти исчерпан — возможности для получения новых данных или для проверки старых становятся, по понятным причинам, все более и более ограниченными, тогда как массив археологических и палеоантропологических фактов, напротив, растет сейчас едва ли не в геометрической прогрессии, и залежей их хватит еще на многие и многие поколения исследователей.

Отражением переориентации на археологические материалы стало, в частности, появление в последние десятилетия довольно большого числа публикаций, в том числе весьма солидных по объему сборников, посвященных вооруженному насилию в каменном веке. Раньше таких исследований почти не было (если не считать работ о каннибализме, ко-

торый вовсе не обязательно связан с насилием). То есть статей и книг о первобытной войне, насилии и агрессии вышло очень много (есть и прекрасный обзор на русском языке: Шнирельман 1994), но излагались и обсуждались в них преимущественно, а иногда и исключительно этнографические данные, так что речь шла обычно о теоретических вопросах, о войне у ранних земледельцев, о насилии у бродячих охотников-собираателей и т. д., но не о войне в неолите или насилии в палеолите (хотя термины эти, конечно, иногда упоминались). Впрочем, специальных работ о насилии в палеолите и сейчас почти нет, исключая старую сводку М. Роупер (Roper 1969) и несколько статей, посвященных описанию и анализу ряда конкретных палеоантропологических находок (см. ниже), но зато по неолиту и мезолиту литературы уже довольно много (Behrens 1978; Underhill 1989; Vencl 1984; 1999; Аникович, Тимофеев 1998; Christensen 2004; Guilaine, Zammit 2005; Roksandic 2004; 2006; Bar-Yosef 2010; LeBlanc 2010; Schulting, Fibiger 2012 и т. д.).

Конечно, интерпретация ископаемых, т. е. антропологических и археологических, свидетельств вооруженного насилия сопряжена с рядом серьезных трудностей, которые не возникают при работе с «живыми» данными этнографов. Особенно ощутимы эти трудности, когда речь идет о палеолите — эпохе, для которой неизвестны (или, во всяком случае, не могут быть идентифицированы) ни специализированные, предназначенные специально для убийства себе подобных, виды оружия, ни укрепленные поселения, ни погребения воинов, ни массовые захоронения жертв боевых действий или репрессий. Все, что есть в распоряжении исследователей, — это немногочисленные человеческие кости со следами повреждений явно или предположительно насильственного происхождения, а также еще более скудные и очень трудные для истолкования изобразительные сюжеты, в которых при желании и достаточно развитом воображении можно усмотреть сцены схваток и убийств. Обобщению и анализу данных такого рода и посвящена эта статья. В ней сначала дается краткий обзор материалов, могущих пролить свет на вопрос о вооруженном насилии в палеолите, а затем предпринимается попытка найти способ для хотя бы очень приблизительной и общей оценки динамики этого явления на заключительных стадиях рассматриваемой эпохи.

Палеоантропологические данные

Хотя большинство переломов, отверстий, вмятин, царапин и иных механических нарушений, наблюдаемых на человеческих скелетах или изолированных костях палеолитического возраста, имеет посмертное происхождение — либо естественное (геологические процессы, деятельность животных-падальщиков), либо антропогенное (различные ритуальные манипуляции с останками умерших, некрофагия, неосторожность при раскопках или обработке коллекций), — отдельные повреждения с большой степенью вероятности могут быть интерпретированы как прижизненные. Среди них преобладают бытовые и охотничьи травмы, а также дефекты, появившиеся вследствие различных заболеваний, но встречаются и раны, которые можно приписать воздействию ударного или метательного оружия. Некоторые из таких ран трудно, а иногда и невозможно объяснить иначе, однако для большей их части подобное истолкование является лишь одним из нескольких допустимых. Последнее относится едва ли не ко всем случаям, описанным для ранних гоминид (плиоцен, ранний и средний плейстоцен), к большинству случаев, известных для неандертальцев и их современников (конец среднего и первые две трети позднего плейстоцена), и ко многим ранениям, зафиксированным на костях *Homo sapiens* эпохи верхнего палеолита (последняя треть позднего плейстоцена).

Ранние гоминиды

На скелетных остатках ранних гоминид достоверных следов боевого травматизма нет. Полностью исключить вероятность того, что к появлению каких-то из повреждений на костях австралопитеков или *Homo erectus* приложили руки их собратья, нельзя, но и доказать это ни для одной из конкретных находок невозможно. Некоторые повреждения на костях австралопитеков, рассматривавшиеся когда-то Р. Дартом и многими другими авторами как свидетельства насилия с применением орудий (сводку см., напр.: Roper 1969), оставлены, по-видимому, зубами хищных животных и иными естественными агентами. Спорным является и вопрос о происхождении вмятин, отверстий и трещин на черепаках китайских и яванских гоминид конца нижнего и первой половины среднего плейстоцена из Чжоукоудяня (Weidenreich 1943), с место-

нахождения Гунванлин (Caspari 1997), из пещеры Хулу (Shang, Trinkaus 2008) и ряда других пунктов. Точно установить природу этих повреждений пока не удалось — они могут быть, а могут и не быть связаны с насилием. Сторонниками первого варианта решения вопроса предложена захватывающая воображение гипотеза, согласно которой *Homo erectus* Восточной Азии частенько вступали друг с другом в схватки и при этом били противников по голове дубинками, чем якобы и объясняется то обстоятельство, что стенки черепной коробки у представителей данного вида толще, чем у большинства других гоминид (Boaz, Ciochon 2004; 2004a: 81—88, 170—171).

Повреждения, похожие некоторыми своими особенностями на раны, есть и на костях гоминид второй половины среднего плейстоцена — с местонахождения Чепрано в Италии, из пещеры Сима де лос Уэсос в Испании, грота Зуттиех в Израиле и т.д. Наиболее интригующая из находок такого рода, известных для рассматриваемого периода, происходит из Китая. Вмятина от сильного удара тупым предметом идентифицирована в результате нового исследования черепа Мапа 1 (Wu et al. 2011), найденного еще в 1958 г. близ одноименной деревни в провинции Гуандун на юге страны, в одной из пещер отдельно стоящей горы Львиная голова. Возраст черепа, представленного фрагментами нескольких костей, по фауне и термoluminesцентным датам определяется в рамках от конца среднего до начала позднего плейстоцена, примерно от 240 до 130 тыс. л. н. Принадлежал он человеку, видимо, мужского пола (согласно ранним описаниям) на четвертом-шестом десятке лет, таксономическое положение которого остается спорным, как и для всех восточноазиатских гоминид близкого возраста. До недавнего времени их объединяли под маловероятным названием «поздние архаичные люди» (*late archaic humans*), и отчасти эта традиция сохраняется поныне. Вмятина в форме сегмента длиной 14 мм и глубиной до 1,5 мм расположена на чешуе лобной кости примерно в 4 см выше бокового края правой орбиты, а на поверхности эндокрана ей соответствует выпуклость.

По мнению авторов описания, рана, скорее всего, была нанесена человеком. Она зажила, но, по-видимому, на какое-то время получивший ее индивид оказался недееспособным. Расположение раны справа позволяет предполагать, что, если ее нанес человек, то не прямым ударом (если он не был левшой), а, например, бросив камень или какой-то иной предмет.

Еще одна теоретически возможная версия, которую авторы описания не рассматривают, но которая хорошо согласуется с локализацией раны на правой стороне, — это нанесение обладателем данного черепа травмы самому себе в ходе какого-то ритуала, например, оплакивания. Во многих обществах существовали и существуют обычаи, предписывающие выражать скорбь самоистязанием. В частности, они были широко распространены среди аборигенов многих областей Австралии (Берндт, Берндт 1981: 367, 369, 371). Раны, нанесившиеся ими себе в ходе погребальных ритуалов, например, ударами дубинкой, камнями и иными предметами по голове, могли оставлять на костях, и прежде всего на передней части черепа, следы, которые подчас очень трудно отличить от боевых увечий (Webb 1995: 202, 205). Сколь ни маловероятным кажется такой сценарий применительно к гоминидам среднего плейстоцена, его все же следует иметь в виду при интерпретации ран, подобных той, что зафиксирована на черепе Мапа 1.

**Неандертальцы и ранние
(доверхнепалеолитические)
*Homo sapiens***

Большинство механических повреждений, выявленных на костях гоминид этой группы (сводку см., напр.: Wu et al. 2011: table S2), тоже не поддается однозначному истолкованию. Например, углубления явно искусственного происхождения на левом бедре и на подвздошной кости скелета Схул IX (ранний *Homo sapiens*), которые на протяжении более чем полувека со времени их описания (McCown, Keith 1939: 74—75) рассматривали как результат ударов деревянным копьем и использовали в качестве главной иллюстрации вооруженного насилия в среднем палеолите, теперь интерпретируют как посмертные. Их появление по-прежнему объясняют ударом, но не копьем, а, скорее, киркой в ходе раскопок (Churchill et al. 2009: 175—176). Не установлена точно природа травм на черепе Кафзех 11 (Tillier 1999) и ряде других скелетных остатков ранних *Homo sapiens*.

По неандертальцам данных больше, и природа повреждений в некоторых случаях, как будто, понятней. Вообще, если судить по наиболее полно сохранившимся скелетам, то напрашивается вывод, что ни один неандерталец, проживший более 30 лет, не избежал серьезных травм, а некоторые получали их с незавидной регулярностью. От последствий сильных ударов и падений не раз приходилось

оправляться человеку из грота Фельдгофер (повреждены плечевая и затылочная кости), его собратьям из Шанидара (Шанидар 1 — лобная, скуловая и плечевая кости, ключица, стопа) и Кебары (Кебара 2 — пятый грудной позвонок, запястье), обычным делом были переломы ребер (Ля Шапель, Шанидар 4), рук (Крапина 180, Ля Кина 5), ног (Табун 1, Ферраси 2) и иные несчастия (см., напр.: Estebrook 2009). Среди таких травм имеются и раны, почти наверняка нанесенные колющими предметами. Это проникающие ранения грудной клетки и головы, зафиксированные, соответственно, на скелете Шанидар 3 (Trinkaus, Zimmerman 1982; Churchill et al. 2009; Franciscus, Holliday 2013: 66) и на черепе из Сен-Сезар (Zollikofer et al. 2002). Их обычно рассматривают сейчас как древнейшие достоверные свидетельства вооруженного насилия, хотя, строго говоря, в подобных случаях никогда нельзя полностью исключить вероятность того, что рана не связана с агрессией, а является следствием неосторожного обращения с оружием или несчастного случая на охоте.

Судя по некоторым особенностям отметины (паза) на пораженном ударом девятом левом ребре неандертальца из Шанидара, рана была нанесена лёгким метательным оружием дальнего действия, вроде дротика, оснащённым каменным наконечником (Churchill et al. 2009). Поскольку считается, что сами неандертальцы таким оружием не обладали, высказывалось предположение, что в данном случае мы можем иметь дело со свидетельством межвидового конфликта с *Homo sapiens*. На самом деле, однако, если данная рана действительно была нанесена дротиком, то это, скорее, должно рассматриваться как свидетельство наличия метательного вооружения у местных неандертальцев, поскольку никаких следов присутствия в Загросе (и в западной части Азии в целом) в соответствующий период людей современного анатомического типа пока не выявлено.

В связи с темой «межвидового конфликта» вспоминается старая гипотеза Г. Клаача, который полагал, что доказательством войны между неандертальцами и современными людьми являются находки из Крапины. «Пока что, — писал он, — это единственное место, где были обнаружены кости обоих типов людей ледникового периода, причём состояние этих костей позволяет сделать вывод, что здесь произошла битва за овладение пещерой» (Klaatsch 1920: 325). Однако уже современникам Клаача было ясно, что нарисованная им картина во мно-

гом фантастична, а спустя всего несколько лет она стала казаться и вовсе невероятной. «В настоящее время никто уже не думает серьезно о “сражении при Крапине”, где гориллоидные западные неандертальцы и пришедшие с востока орангоидные ориньякские люди (т.е. *Homo sapiens*) сражались и победители пожирали побеждённых»¹ — заметил по этому поводу не без иронии Г. Вейнерт. Если каннибализм в Крапине и имел место, подчеркнул он далее, то и съеденные, и те, кто их ел, были неандертальцами (Вейнерт 1935: 231).

Действительно, сегодня мы знаем, что неандертальцы, чьи кости обнаружены в Крапине, жили задолго — за десятки тысяч лет — до того, как в Европе появились первые *Homo sapiens*. Были ли они каннибалами — неизвестно, а если и были, как их сородичи из пещер Муля-Герси во Франции (Defleur et al. 1999) и Эль-Сидрон в Испании (Rosas et al. 2006), то из этого еще не следует, что они враждовали между собой и убивали друг друга. Во всяком случае, в двух только что названных случаях, где факт каннибализма считается установленным, доказать его связь с насилием невозможно. Он мог быть просто частью погребального ритуала. Сколько-нибудь надежно идентифицируемых следов поражения оружием на костях из Крапины нет, и некоторые исследователи считают, что вообще почти все наблюдаемые на них повреждения возникли под воздействием естественных факторов, таких, как давление пещерных отложений, скальные обвалы или, например, обглаживание человеческих останков животными падальщиками (Orschiedt 2008). Другие придерживаются противоположного мнения, указывая, в частности, на то, что «как количество, так и распределение травм на лобных, теменных и затылочных костях из Крапины вписываются в картину, характерную для тех групп охотников-собирателей, где межличностное насилие является, как кажется, главной причиной черепных травм» (Estabrook, Frayer 2013: 85).

Homo sapiens верхнего палеолита

Для этой группы количество достоверных палеоантропологических свидетельств вооруженного насилия намного больше, чем для предыдущей, но в подавляющем своем большинстве они относятся к финалу рассматри-

ваемой эпохи, ко времени позднее последнего ледникового максимума (после 18 тыс. л.н.). К этому же времени относятся и все известные в палеолите человеческие кости с застрявшими в них каменными или костяными наконечниками (см. табл. 1). Для предшествующего периода данные скудней, а надежно идентифицируемые следы ран от оружия единичны.

В 2009 г. следы раны, нанесенной, почти наверняка, оружием, были выявлены на первом грудном позвонке мужчины из знаменитого погребения в Сунгире (см. Trinkaus, Buzhilova 2012), обнаруженного еще в 1964 г. Погребение традиционно относили к средней поре верхнего палеолита, что подтверждала и большая серия радиоуглеродных дат от 20 до 28 тыс. л.н. (кал 24—32), но последние датировки, выполненные с применением усовершенствованной методики очистки образцов, предполагают древность от 32,5 до 38 тыс. л.н. кал. (Nalawade-Chavan et al. 2014). Возраст погребенного, скорее всего, около или немногим более 50 лет. Повреждение локализуется в области левой передне-боковой части позвонка и представляет собой несквозное отверстие длиной 10 мм, шириной 1—2 мм и глубиной до 6 мм, оставленное проникшим в костную ткань остроконечным тонким предметом. По хорошо аргументированному мнению авторов публикации, появление данного повреждения после погребения или тем более раскопок исключено, а после смерти в ходе погребального обряда крайне маловероятно. Положение отверстия, предполагающее, что причинивший рану предмет прошел через нижнюю часть шеи (над левой ключицей), и отсутствие каких бы то ни было следов заживания говорят о том, что рана, скорее всего, оказалась смертельной (причем смерть последовала незамедлительно). Нанесена она была, видимо, копьем или ножом и может с большой долей вероятности рассматриваться как результат акта насилия, хотя нельзя полностью исключить версию самоубийства или просто случайности. В качестве возможных контекстов акта насилия рассматриваются межгрупповое столкновение (война), внутригрупповой конфликт, ритуальное убийство и казнь. Наиболее правдоподобными авторы считают вторую версию (внутригрупповой конфликт) и версию случайности. От смертельной раны, нанесенной колющим предметом в область таза, и последующего сильного кровотечения мог умереть и подросток, скелет которого обозначают как Сунгирь 2 (Buzhilova 2005).

Для ранней и средней поры верхнего палеолита западной и центральной Европы (ори-

¹ Клаач полагал, что разные формы людей произошли от разных форм человекообразных обезьян.

ньяк, граветт и синхронные им индустрии), а также для современных им культур внеевропейских регионов явных свидетельств боевого травматизма нет. М. Бреннан (Brennan 1991), проанализировавшая останки 209 людей среднего и верхнего палеолита юго-западной Франции, пришла к выводу, что следов ранений на их костях совсем немного, а те, которые есть, можно с равной долей вероятности объяснить как насилием, так и несчастными случаями. В пользу второго из этих двух возможных объяснений говорит полное отсутствие в изученной выборке повреждений от парирования ударов, а также ран на левой стороне головы.

По-разному можно объяснить и повреждения на костях из Дольни Вестониц в Чехии. Б. Клима предположил, что двое индивидов из тройного погребения, найденного на этом памятнике, встретили насильственную смерть, отметив также в этой связи и три заживших раны на лобной кости мужчины из одиночного погребения, открытого в 1987 г. (Klíma 1988: 835). Впоследствии в изложении некоторых авторов эта гипотеза приобрела вид доказанного и притом раздутого факта (см., напр.: Boesch 2009: 141²). Напротив, Д. Анри-Гамбье, проанализировавшая эти материалы, пришла к заключению, что травматизм в данном случае вполне мог иметь бытового характер, и что вообще раны, нанесенные оружием, на граветтских костях отсутствуют или редки (Henry-Gambier 2008: 170).

Еще одним памятником, который часто фигурирует в литературе в связи с темой вооруженного насилия в палеолите, является Машицкая пещера в южной Польше. Здесь в хорошо сохранившемся культурном слое среднего мадлена наряду с каменными и многочисленными костяными орудиями найдено около 50 фрагментов как минимум 16 человеческих черепов, залегавших среди костей животных. На них были идентифицированы следы резания, скобления и даже скальпирования, что исследователи стоянки сочли достаточным основанием для того, чтобы говорить

не только о «каннибализме, ориентированном в основном на поедание мозга» (Kosłowski, Sachse-Kosłowska 1993: 170)³, но и об уничтожении обитателей пещеры врагами. То обстоятельство, что наряду с местным на памятнике представлен днестровский и вольнский кремль, позволило «разоблачить» вероятного агрессора — людей молодовской культуры или восточного граветта, «которые могли не слишком благосклонно смотреть на пришельцев с далекого запада» (Kosłowski, Sachse-Kosłowska 1993: 170). Сейчас материалы Машицкой пещеры пересматриваются, и, как пишет П. Петтит со ссылкой на устное сообщение Й. Оршидта, судя по первым результатам, их интерпретация может измениться (Pettitt 2011: 273).

Если материалы Машицкой пещеры и других мадленских или синхронных мадлену памятников допускают разные интерпретации, то для последующего периода, т. е. для финала позднего палеолита, имеются очевидные и неопровержимые свидетельства вооруженного насилия. Это, прежде всего, скелетные остатки людей с застрявшими в них фрагментами оружия. Такие находки были сделаны в Европе (Сан Теодоро, Грот Детей, возможно, Монфор), Африке (Джебел Сахаба) и на Ближнем Востоке (Кебара). О них еще будет говориться ниже (см. табл. 1). Кроме того, именно с этого или чуть более раннего времени в погребениях начинают встречаться, иногда в довольно большом числе, каменные и костяные наконечники, которые, судя по их положению среди костей (между ребер, в тазу, внутри черепа), в момент захоронения могли находиться в теле (в мягких тканях) погребаемых. Древнейшая из получивших признание находок такого рода, скелет с местонахождения Вади Куббанья в Египте (Wendorf, Schild 1986), имеет возраст около 21 тыс. л. н., но в основном они относятся к финальному палеолиту (после примерно 15 тыс. л. н.) и послепалеолитическому времени. Конечно, далеко не всегда можно доказать, что эти вещи не являлись просто частью погребального инвентаря, хотя такое предположение не очень хорошо увязывается, например, с их частым присутствием в женских и детских захоронениях.

Разумеется, встречаются на костях завершающей стадии палеолита и менее «красноречивые», предположительные свидетель-

² На этой же странице своей в целом очень интересной книги К. Бёш сообщает читателю, что в Гримальди, в погребении возрастом древнее 24 тыс. л. н., найден скелет ребенка с застрявшим в позвоночнике наконечником. Это, конечно, недоразумение. У одного из младенцев, похороненных в Гроде Детей в Гримальди, в позвонке действительно застряло кремневое острие, но захоронение это относится не к граветту (хотя граветтские погребения в гроте тоже есть), а к эпиграветту, т. е. к самому концу позднего палеолита (см. табл. 1).

³ Для мадлена известны и другие случаи вероятного каннибализма (Bello et al. 2011).

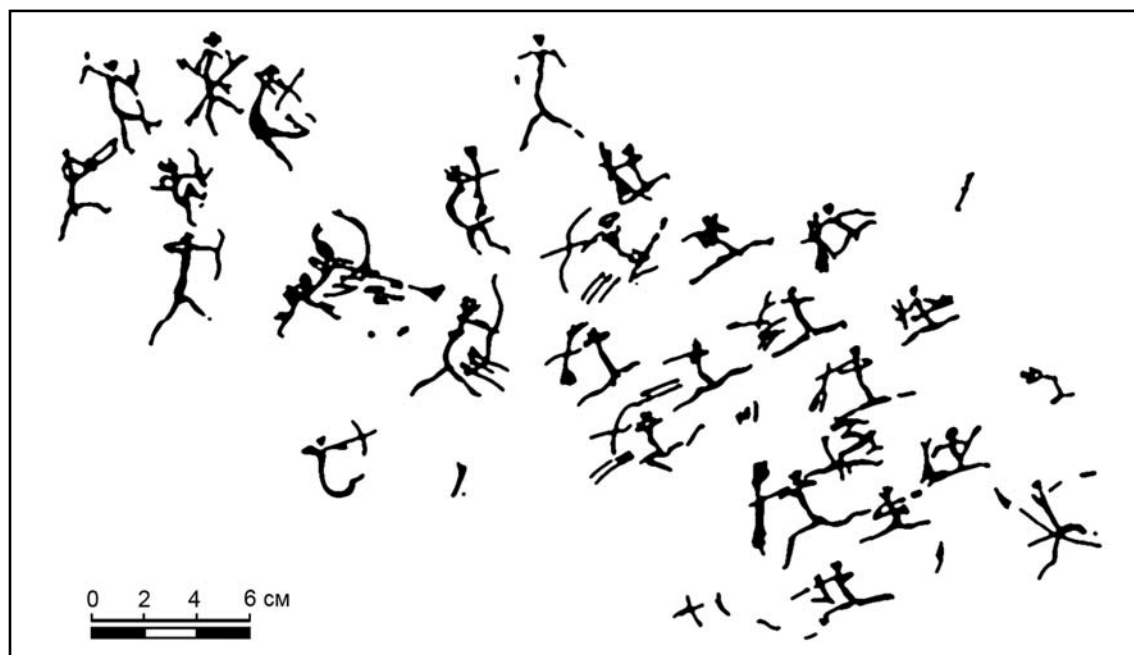

Рис. 1. Сцена битвы. Неолит (?). Наскальное искусство Испанского Леванта (по Nash 2005: fig. 1c).

Fig. 1. Battle scene. Neolithic (?). Rock art of the Spanish Levant (from Nash 2005: fig. 1c).

ства вооруженного насилия, подобные тем, что описаны выше для более ранних эпох. Например, в могиле XII финальнопалеолитического некрополя в пещере Тафоральт (Марокко, 11—12 тыс. л.н., иберо-маврская культура) на черепах 2 из 5 погребенных зафиксированы повреждения в виде глубоких вмятин и трещин от удара или давления небольшим тупым предметом (галькой, концом палки и т.д.). На черепе ребенка 3—4 лет они локализируются на лобной и правой теменной костях, а на черепе мужчины зрелого (возможно, близкого к преклонному) возраста — над левой глазницей и в правой верхней части лобной кости (близ сочленения ее с теменной и височной костями). Следов заживления нет. Были ли эти повреждения нанесены уже после смерти в процессе осуществления с трупами неких ритуальных действий (следов таких действий много и на этих, и на других костях из Тафоральт), или же они представляют собой результат насилия и явились причиной смерти, точно не установлено, но последний вариант вполне вероятен (Belcastro et al. 2010).

Завершая краткий обзор палеоантропологических свидетельств вооруженного насилия в верхнем палеолите, можно еще отметить, что половозрастной состав ряда двойных и тройных погребений граветтского (Дольни Вестоницы, Барма Гранде, Сунгирь и др.) и более позднего (Грот Детей) возрас-

та, вкупе с анатомическими особенностями захороненных в них людей, наводит многих исследователей на мысль о том, что эти люди (или, по крайней мере, некоторые из них) были умерщвлены в ходе жертвоприношений (Бужилова 2004; 2005: 86; Formicola 2007; Taylor 2002: 213). Эта гипотеза сама по себе очень интересна, хотя и труднодоказуема⁴. К числу европейских материалов, обычно используемых для ее обоснования, можно добавить еще довольно необычный скелет, найденный на памятнике Вади Матаха на юге Иордании и относящийся к периоду геометрического кебарана (16,5—17,5 кал. тыс. л.н.). Его обозначают как F-81. Принадлежит он мужчине 35—55 лет, необычайно маленького для данной эпохи и данного региона роста (155 см), но физически хорошо развитому. Он лежал лицом вниз, а руки и ноги находились за спиной в таком положении, как если бы при погребении они были связаны (руки привязаны к загнутым назад ногам). Других погребений в такой позе для эппалеолита Ближнего Востока неизвестно. Костяк сопровождает

⁴ Критикуя ее, Д. Анри-Гамбье, в частности, замечает (со ссылкой на исследование А. Тестара), что по этнографическим данным жертвоприношения фиксируются только в обществах с достаточно развитой социальной иерархией (Henry-Gambier 2008: 182). Утверждать существование таковой в позднем палеолите достаточных оснований нет.

Рис. 2. Сцена казни. Неолит (?). Наскальное искусство Испанского Леванта (по Nash 2005: fig. 3).

Fig. 2. Execution. Neolithic (?). Rock art of the Spanish Levant (after Nash 2005: fig. 3).

ла дырявая каменная чаша (у таза) и длинная кремневая пластина. Рядом находились также фрагменты детского скелета, т. е. захоронение можно считать парным. Скелет F-81 представлен почти целиком, череп хорошо сохранился, но на лобной кости имеется крупное овальное отверстие, которое «могло быть результатом перимортальной модификации» (Stock et al. 2005).

Изобразительные данные

Древнейшими достоверными изображениями актов вооруженного насилия — войны (рис. 1) и казней (рис. 2) — долгое время считались сцены, представленные в наскальном искусстве испанского Леванта, которые многие датировали мезолитом. Предполагалось даже, что они могут отражать конфликты между людьми разных рас (Beltrán 1982: 48—51; Nash 2005: 82). Однако давно замеченное сходство между изображениями животных на скалах, с одной стороны, и на керамике с пещерной стоянки Кова дель Ор, с другой, а также результаты абсолютного датирования оксалатных корок на некоторых панелях (Ruiz et al. 2006) почти не оставляют сомнений в том, что левантийское наскальное искусство вообще и батальные сцены, в частности, относятся к неолиту (López-Montalvo 2011: 19). Частично, по мнению некоторых исследователей, они могут датироваться и еще более поздним временем — энеолитом и даже бронзовым веком (Hernández Pérez et al. 1995: 282—284, по Monk 1997: 25). Возможно, древнейшими из известных в настоящее время сцен во-

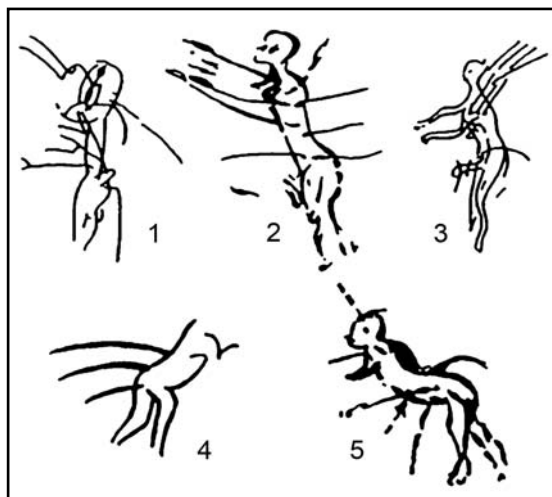

Рис. 3. Антропоморфные фигуры, нарисованные палеолитическими художниками на стенах пещер и иногда интерпретируемые как изображения людей, пораженных оружием (по Dams 1984). 1 — Пальиччи (Италия); 2 — Пеш-Мерль (Франция); 3 — Су-Гран-Лак (Франция); 4, 5 — Куньяк (Франция).

Fig. 3. Anthropomorphs depicted by Palaeolithic artists on cave walls and sometimes interpreted as representations of armed violence (modified from Dams 1984). 1 — Paglicci (Italy); 2 — Pech Merle (France); 3 — Sous-Grand-Lac (France); 4, 5 — Cougnac (France).

оруженного насилия являются рисунки сражающихся людей из северной Австралии, для которых постулируется возраст около 10 тл (Taçon, Chippindale 1994).

Что касается палеолитического искусства, то сцены вооруженных схваток в нем неизвестны, а абсолютно все сцены, в которых те или иные авторы усматривают изображения пораженных копьями или стрелами людей

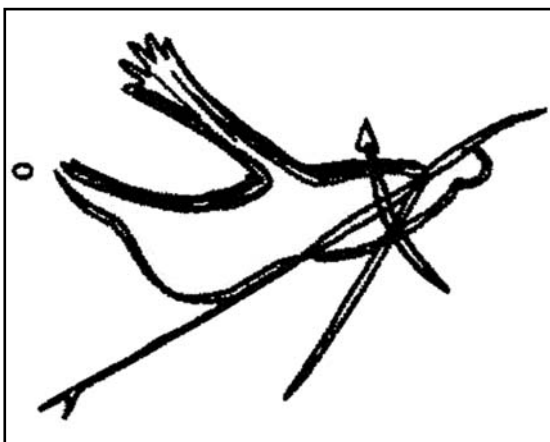

Рис. 4. Антропоморфная фигура (или тюлень?) из пещеры Коске в несколько вольной прорисовке Р. Гатри (Guthrie 2005: 182).

Fig. 4. Anthropomorph (or a seal?) from Cosquer in an artistic drawing made by R. Guthrie (Guthrie 2005: 182).

№1. 2014

Рис. 5. Су-Гран-Лак. Та же фигура, что на рис. 3: 3, но вместе с контекстом (по Delluc, Delluc 1971: 249, fig. 3).

Fig. 5. Sous-Grand-Lac. Same figure as in fig. 3: 3, here shown in context (from Delluc, Delluc 1971: 249, fig. 3).

(рис. 3), с легкостью допускают и иные интерпретации. Например, часто упоминаемая в связи с темой насилия «падающая» антропоморфная фигура из пещеры Коске (рис. 4), свидетельствующая, по мнению Ж. Клотта и Ж. Куртена, о том, что «убийство и смертная казнь уже играли определенную роль и в идеологии, и в обычаях тех дней» (Clottes, Courtin 1994: 155), может на самом деле представлять собой изображение тюленя, которые имеются в Коске в большом количестве. О возможности такого «прочтения» упоминают и авторы цитированной работы.

В пещерах Пеш Мерль и Куньяк есть три изображения, где линии подходят вплотную к человекоподобным фигурам или проходят сквозь них (рис. 3: 2, 4, 5). Иногда эти линии рассматривают как стрелы, а изображения в целом — как сцены вооруженных конфликтов. Леруа-Гуран считал их изображениями людей, пронзенных стрелами (Leroi-Gourhan 1968: 323—325). Очевидно, однако, что такая интерпретация этих сцен не является ни бесспорной, ни единственно возможной, и большинство описывающих их авторов избегают употреблять термин «стрелы», отдавая пред-

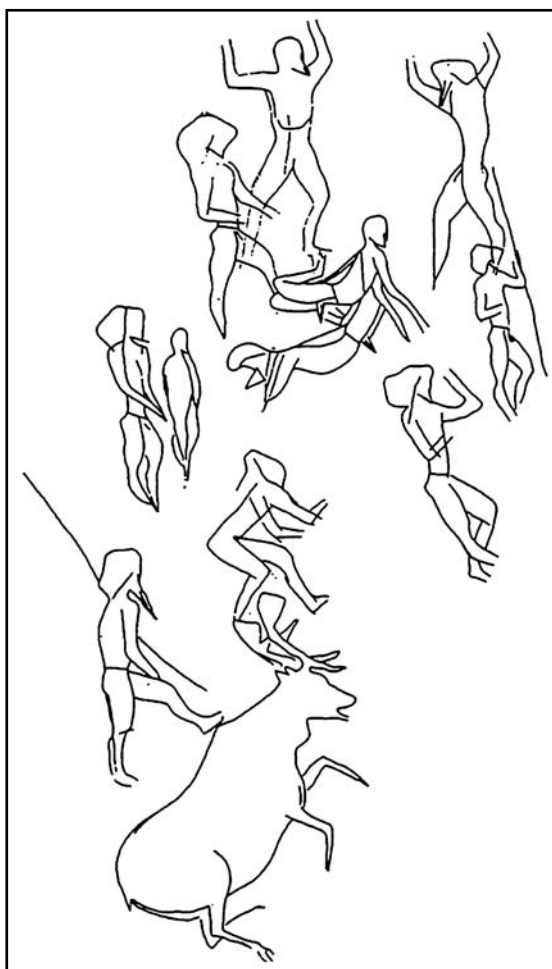

Рис. 6. Загадочная сцена из сицилийской пещеры Аддаура (по Mezzena 1976: 63, fig. 1).

Fig. 6. Enigmatic scene from Addaura cave in Sicily (from Mezzena 1976: 63, fig. 1).

почтение более нейтральным определениям (см., напр.: Bahn, Vertut 1988: 152—153; Guthrie 2005: 182—183, 422). Это в равной степени относится и к подобным же рисункам из Пальиччи (рис. 3: 1), Су-Гран-Лак (ср. рис. 3: 3 и рис. 5), Гурдана, Бедейяка и еще ряда пещерных памятников западной Европы.

Особняком стоит изображение из сицилийской пещеры Аддаура (рис. 6), относящееся либо к самому концу палеолита, либо к мезолиту. Его иногда трактуют как сцену убийства или жертвоприношения (жертвы — две фигуры в центре). Согласно другим трактовкам, это может быть сцена инициации, гомосексуального полового акта, шаманского ритуала и т. д. (Mezzena 1976).

Р. Гатри обратил внимание на отсутствие среди изображавшихся палеолитическими художниками предметов щитов, которые широко представлены в наскальном искусстве более поздних эпох (в том числе в рисунках буш-

менов Южной Африки, аборигенов Австралии и американских индейцев). Он придает этому большое значение, и, видимо, не напрасно. Рассуждения Гатри на этот счет стоит процитировать полностью: «Судя по тому, как часто мы находим военные сцены в постпалеолитическом искусстве, войны и битвы были для людей племенных обществ захватывающей темой. В палеолитическом же искусстве отсутствуют не только батальные сцены, но и еще кое-что — в нем нет изображений щитов! В отличие от копья, щит является вещью, специализированной для особого использования. Его единственное назначение — защита, отражение нападений со стороны людей. (...) Учитывая преобладание тестостероновой тематики в палеолитическом искусстве, мы можем быть уверены, что, если бы у людей этой эпохи были щиты, то, скорее всего, были бы и их изображения. Но их нет. Почему? Наиболее экономичное (*parsimonious*) объяснение состоит в том, что их отсутствие в искусстве отражает отсутствие самих этих предметов в палеолитической жизни. Если смертоносное насилие имело место в основном на индивидуальном уровне, внутри групп, и притом, возможно, редко, то щит был бесполезен, а ношение его слишком обременительно» (Guthrie 2005: 422).

Разумеется, отсутствие в иконографии палеолита достоверных изображений вооруженных конфликтов и иных сцен насилия не означает, что в жизни людей этого времени такие явления тоже отсутствовали. Популярность батальных сцен в искусстве вовсе не обязательно отражает степень воинственности общества. Например, судя по некоторым палеоантропологическим данным, вооруженные столкновения в неолите Италии были более частым (или масштабным) явлением, чем в энеолите (Robb 1997), тогда как оружие и воины встречаются в посленеолитической иконографии гораздо чаще. Таким образом, в данном случае, как, вероятно, и в некоторых других, «воспевание насилия» могло находиться, по выражению Л. Уолкера, «в обратной пропорциональном отношении с его частотой» (Walker 2001: 587).

Острия в костях

В той же статье, цитатой из которой заканчивается предыдущий раздел, Л. Уолкер делает замечание, напрямую связанное с темой этого раздела. «Мы знаем, — пишет он, — что на протяжении преистории многие люди приняли смерть от рук других людей, но име-

ющиеся материалы почти всегда недостаточны даже для грубой оценки того, как частота подобных актов насилия варьировала во времени и пространстве» (Walker 2001: 584). Уолкер говорит о преистории в целом, но вряд ли следует специально доказывать, что особенно ограничены возможности такой оценки для эпохи палеолита. Дело здесь не только в относительной скудости материалов, могущих быть привлеченными для решения рассматриваемой проблемы, и не только в гораздо худшей, по сравнению с более поздними периодами, их сохранности, но и в характере орудий, которые на протяжении большей части палеолита могли использоваться в качестве оружия. От удара камнем или палицей — неважно, брошенными или зажатыми в руке атакующего — на пораженном участке скелета остаются следы, которые гораздо труднее отличить от бытовых травм или постсмертных повреждений, чем следы ран, нанесенных колющим оружием, оснащенным острыми каменными или костяными наконечниками (копья, дротики, стрелы, кинжалы). Такое оружие, судя по археологическим данным, появляется не раньше второй половины среднего палеолита, а возможно, лишь в конце среднепалеолитической эпохи. Это значит, что вероятность выявления достоверных следов вооруженного насилия для предшествующих миллионов лет нашей истории очень мала, и что оценивать роль этого явления в жизни гоминид плиоцена, раннего и среднего плейстоцена и впредь в основном придется на основе отдаленных аналогий (привлекая данные приматологии, этологии и т.д.) и отвлеченных рассуждений, а не путем сопоставления фактов.

Для позднего плейстоцена, и особенно его заключительного отрезка, ситуация несколько иная. В это время уже существует и постепенно получает все большее распространение ударное и метательное оружие с каменными и костяными наконечниками. Последние, попадая в кость, если и не застревают в ней, то оставляют повреждения, происхождение которых часто можно установить с высокой степенью надежности. По этномедицинским данным, собранным в 70-е и 80-е годы прошлого века на Новой Гвинее, примерно каждая десятая стрела, попавшая в тело человека, оставляет след на костях (остальные поражают только мягкие ткани: Van Gurp et al. 1990). Согласно результатам экспериментов, проводившихся уже в нашем столетии (кости животных поражали стрелами с кремневыми наконечниками), при попадании в све-

жую кость почти в половине случаев наконечники или, точнее, их обломки застревают в ней, хотя нередко они настолько малы, что обнаружить их невооруженным глазом трудно (Smith et al. 2007: 546). Следовательно, можно ожидать, что появление метательного оружия с прочными острыми наконечниками отразится в появлении костяков с вонзившимися в них фрагментами каменных или костяных острий. Как уже говорилось выше, это действительно произошло: для финала позднего палеолита такие находки известны в Европе, Северной Африке и Западной Азии. Но почему они неизвестны для предшествующего периода? Это может объясняться просто случайностью, т.е. малой репрезентативностью имеющихся материалов и недостаточной их исследованностью, это может объясняться также массовым распространением более эффективного вооружения, т.е. сменой копье-металки луком, либо же, наконец, это может означать, что 15—16 тыс. л.н. в жизни части человеческих обществ произошли какие-то изменения, повлекшие рост числа вооруженных конфликтов.

Первую версию ответа на поставленный вопрос рассматривать бесполезно: время, как говорится, покажет. Вторую версию позволяют оценить две следующие группы фактов. Во-первых, хотя в отдельных районах лук мог появиться еще в середине верхнего палеолита и даже раньше, повсеместное его распространение приходится именно на финал этой эпохи. Во-вторых, сравнение результатов поражения мишеней одинакового размера с одинаковых расстояний посредством лука и копье-металки современными спортсменами показало, что первый вид оружия дает гораздо большую точность и кучность стрельбы, причем разница в его пользу растет по мере увеличения расстояния до цели. (Bettinger 2013: 119—121). Кроме того, скорость стрельбы лучников намного выше. Копье-металка же «не только медленнее: бросок с ее помощью, подобный теннисной подаче, почти наверняка вспугивает дичь, так что повторный бросок становится бесполезен, тогда как гораздо более тихий лук часто позволяет сделать второй и даже третий и четвертый выстрел» (Bettinger 2013: 121). Таким образом, вторая версия в свете имеющихся археологических и экспериментальных данных кажется вполне правдоподобной. Она, однако, совсем не противоречит третьей. Есть ли способ как-то проверить третью версию? Ответ на этот вопрос можно получить, сопоставив данные, приведенные в таблицах 1 и 2.

В таблице 1 сведена имеющаяся в литературе информация о находках в Старом Свете человеческих костей с вонзившимися в них фрагментами наконечников. В таблице 2 представлена информация по аналогичным находкам костей животных. Для увеличения размера выборок в обе таблицы включены не только палеолитические, но и мезолитические объекты такого рода. Какие-то находки, возможно, были упущены из виду (особенно это вероятно для костей животных), но вряд ли таких пробелов много. При составлении таблиц использовались данные из более ранних сводок (Cordier 1990; Vencl 1991; Нужный 2008), сопоставлявшиеся, когда это было возможно, с первоисточниками и дополненные, естественно, новыми сведениями, опубликованными в последние годы.

При сравнении таблиц обращают на себя внимание, прежде всего, два обстоятельства. Во-первых, это полное отсутствие человеческих костей с вонзившимися в них наконечниками в период ранее 15 тыс. л.н.⁵, при относительной многочисленности таких костей животных (как минимум 10 костей от 10 особей с 9 памятников западной и восточной Европы, западной Азии и Сибири). Во-вторых, это резкое изменение количественного соотношения двух групп находок в период после 15 тыс. л.н., т.е. в конце позднего палеолита и в мезолите: 29 костей 27 индивидов с 17 памятников против 56 костей (32 из них с одного памятника) 20 с лишним особей с 18 памятников. Приблизительное равенство цифр в данном случае поразительно. Не может же быть, чтобы в конце палеолита люди вдруг стали охотиться на себе подобных так же, как на животных! Конечно, отчасти столь странная картина может объясняться тем, что антропологические материалы изучают обычно гораздо тщательнее, чем фаунистические. Часть засевших в костях животных обломков оружия наверняка осталась незамеченной (особенно в коллекциях из старых раскопок). Однако крайне маловероятно, что дело лишь в этом. Ведь общее количество раскопанных на палеолитических и мезолитических стоянках костей

⁵ Р. Гатри пишет о плохо сохранившемся черепе из Voil-Blu, Франция, «вероятно, ориньякского возраста, с маленьким кремнем, вонзившимся в височную кость» (Guthrie 2005: 422), но это, скорее всего, недоумение. Ни других упоминаний о такой находке, ни даже упоминаний об ориньякском памятнике с таким названием найти не удалось.

Таблица 1.

**Находки костей палеолитических и мезолитических людей
с вонзившимися в них наконечниками на археологических памятниках
Старого Света**

Памятник	Датировка (культурная или абсолютная)	Возраст и пол	Орудие	Локализация и характер раны	Источник
Кебара, Израиль	ранний натуф, 14,5— 13 тыс. л.н.	зрелый мужчина	обломок сег- мента (рис. 7)	Вошел спереди снизу или слева, через сердце или легкое, вонзился на не- сколько мм в 7-й или 8-й грудной позвонок; рана смертельная	Bosquentin, Bar-Yosef 2004
Сан Теодоро, Сицилия, Италия	эпиграветт, 14—13 тыс. л.н.	взрослая женщина (?)	дистальный конец острия с притуплен- ным краем	Вошел на глубину до 5 мм в край правой подвздош- ной кости; рана не смер- тельная	Bachechi et al. 1997
Грот Детей в Гримальди, Италия	эпиграветт, 13 тыс. л.н.	ребенок (2—3 года)	кремневое острие	В одном из грудных по- звонок; рана, вероятно, смертельная	Henry- Gambier 2005
Монфор, Франция	Мадлен или азиль	молодой индивид	кварцитовая пластина треугольных очертаний	Вошла через легкое спереди слева, чуть сверху вниз, пробила тело груд- ного позвонка и проникла на 2—3 мм в спинномоз- говой канал; рана смер- тельная	Bégouën et al. 1922
Джебел Сахаба, Судан	каданская культура, 14—13 тыс. л.н.*	взрослый мужчина	2 каменных обломка без ретуши	Оба в задней (Wendorf 1968: 967) или боковой Wendorf 1968: 990) поверх- ности левой подвздошной кости	Wendorf 1968: 967, 990
там же	то же	взрослая женщина	каменный обломок без ретуши	В задней поверхности 1-го грудного (Wendorf 1968: 967) или в нейральной дуге 1-го поясничного (Wendorf 1968: 990) позвонка	Wendorf 1968: 967, 990
там же	то же	пожилой мужчина	каменный обломок без ретуши	Один в грудном позвон- ке**, второй вошел слева в лобковый симфиз	Wendorf 1968: 973—974, 990
там же	то же	молодая женщина	отщеп с при- тупленным краем	В правом 4-м ребре близ позвонка	Wendorf 1968: 978
там же	то же	молодая женщина	каменный осколок	В нейральной дуге грудно- го позвонка	Wendorf 1968: 981, 990
Эль Башир, Алжир	иберо-мавр (Balout 1958: 116) или капсий (Venc1 1991: 220)	младенец	каменное острие с при- тупленным краем	Пробило насквозь ви- сочную кость (на 0,5 см внутри); рана не смертель- ная (следы нарастания кости вокруг раны)	Balout 1958
Колумната, Алжир	капсий	женщина	наконеч- ник стрелы с кремневым вкладышем (пластинка)	В первом поясничном по- звонке	Venc1 1991
Сарай-Нахар- Рай, Индия	ранний мезолит	взрослый мужчина	пластинка с притуплен- ным краем	В 7-м правом ребре	Sharma 1973
Васильев- ка 3, Украина	мезолит 10 тыс. л.н.	взрослый мужчина	обломок кремневого острия с при- тупленным краем	Вошел сзади в 12-е левое ребро на глубину 1 см	Телегин 1961
там же	то же	взрослый мужчина	обломок кремневого острия с при- тупленным краем	Вошел сзади справа и чуть сверху в правый отросток 2-го поясничного позвонка	Телегин 1961

Таблица 1 (окончание)

Памятник	Датировка (культурная или абсолютная)	Возраст и пол	Орудие	Локализация и характер раны	Источник
там же	то же	взрослый мужчина	обломок костяного наконечника с 2 кремневы- ми вкладыша- ми (рис. 8)	Вошел справа и чуть сзади в губчатое тело верхнего поясничного позвонка, рас- кололся вдоль и поперек	Телегин 1961
Волошское, Украина	мезолит	взрослый	пластинка с притуплен- ным краем	В атланте	Даниленко 1955
Власац, Сербия	мезолит, ~ 9,5— 8,5 тыс. л.н.	молодой мужчина	обломок костяного наконечни- ка стрелы или дротика (рис. 9)	Вошел сзади сбоку в левую подвздошную кость и про- бил ее; рана смертельная (смерть наступила не сразу)	Roksandic 2006: 172—173; Roksandic et al. 2006: 342
Скела Кладо- вей, Румыния	мезолит, 9,5— 8,5 тыс. л.н.	взрослый мужчина	обломок костяного наконечника стрелы	Вошел спереди слева и вонзился на 4,1 см в суставную головку левого бедрца	Boroneanț, Nicolaeescu- Ploșor 1990; Roksandic 2006; Bonsall 2008
там же	то же	взрослый индивид	костяной наконечник стрелы	Вошел спереди справа в правое большое крыло сфеноида, проник на 4 см во внутреннюю полость черепца; рана смертельная	Boroneanț, Nicolaeescu- Ploșor 1990
там же	то же	взрослый мужчина	костяной наконечник стрелы	Вошел спереди справа в тело грудного позвонка	Boroneanț, Nicolaeescu- Ploșor 1990
там же	то же	взрослый мужчина	обломок костяного наконечника стрелы	Вошел спереди сбоку в тело позвонка	Boroneanț, Nicolaeescu- Ploșor 1990
Тевьек, Бретань, Франция	мезолит, 8 тыс. л.н.	взрослый мужчина	два кремне- вых острия	В 6-м и 11-м грудных по- звонках	Cordier 1990: 468—469
Моита до Се- бастьяо, Португалия	мезолит	взрослый мужчина	обломок пла- стинки	В пяточной кости	Jackes 2004: 23
Лотагам, Кения	LSA, 9 тыс. л.н.	?	пластинка с притуплен- ным краем из лавы	Вошла вертикально между 2-й и 3-й клиновидными костями стопы	Robbins, Lynch 1978
Богebakкен, Дания	эртебелле, фаза Дирхольм I, 6,3—5,8 тыс. л.н.	молодой мужчина	трапециевид- ное острие	В трубчатой кости (вероят- но, бедренной)	Vencl 1991
там же	то же	молодой мужчина	костяной на- конечник	Между 2-м и 3-м шейными позвонками	Vencl 1991
Скатехольм, Швеция	мезолит, 6,3— 5,9 тыс. л.н.	мужчина	поперечно- усеченный каменный наконечник	В тазу	Vencl 1991

Примечания к таблице:

* Р.Б. Фергюсон (Ferguson 2013: 117) ставит под сомнение плейстоценовый возраст погребений в Джебел Сахаба на том основании, что для них якобы нет прямых дат. Он пишет, что, возможно, они относятся к концу каданской культуры (7 тыс. л.н.) и не являются такими древними (11—12 тыс. л.н.), как полагали исследователи памятника на основании археологических аналогий. Однако на самом деле одна дата есть, и она даже древнее, чем предполагалось: 13740 ± 600 (Pta-116) (Judd 2004: 5).

** По другим данным, последний шейный позвонок (Anderson 1968: 997).

Таблица 2.

Находки костей плейстоценовых и раннеголоценовых животных с вонзившимися в них палеолитическими и мезолитическими наконечниками на археологических памятниках Старого Света*

Место находки	Возраст	Животное	Орудие	Локализация раны	Источник
Умм-эль-Тлель, Сирия	мустье, > 50 тыс. л.н.	осел	леваллуазское острие	позвонок	Voëda et al. 1999
Комб-Буиссон, Франция	ориньяк	крупное животное (бык или лошадь?)	осколок костяного наконечника (?)	неопределимая кость	по Cordier 1990
Холе Фельс, Германия	ранний граветт, 29 тыс. л.н.	пещерный или бурый медведь	острие кремневого наконечника	поперечный отросток грудного позвонка	Münzel, Conard 2004
Янская стоянка, Россия	29—27 тыс. л.н.	мамонт	кончик алевроитового наконечника	правая лопатка	Nikolskiy, Pitulko 2013
там же	то же	мамонт	2 алевроитовых фрагмента, между ними тонкая бивневая щепка	правая лопатка	Nikolskiy, Pitulko 2013
Костенки 1, Россия	костенковская, 23 тыс. л.н.	мамонт	обломок кремневого наконечника	ребро	Праслов 1995
Комб Соньер, Франция	солютре, 19 тыс. л.н.	лошадь	кремневый наконечник	лопатка	Pétillon, Letourneax 2003: 180; Letourneax, Pétillon 2008: 2860, tabl. 12
Кокорево 1, Россия	кокоревская > 15 тыс. л.н.	зубр	острие рогового наконечника с пазом и обломком микропластинки в нем	лопатка	Абрамова, Гречкина 1985
Ла Гарма, Испания	мадлен, 16,5 тыс. л.н.	лошадь	кремневый обломок	нижняя челюсть	Arias Gabal et al. 2005: 128, 139
Эйзи де Тайак, Франция	мадлен	северный олень	фрагмент кремневого наконечника	позвонок (поясничный?)	по Cordier 1990
Шуссенкеле, Германия	мадлен, 15—14 тыс. л.н.	северный олень	каменный артефакт	лопатка	Letourneax, Pétillon 2008: 2860, tabl. 12
Бишон, Швейцария	12—11 тыс. л.н.	бурый медведь	фрагмент(ы) кремневого наконечника	шейный позвонок	Morel 1998
Слотценг, Дания	гамбургская или фердермессер, 14 тыс. л.н.	северный олень	кремневый наконечник типа Havelte point	шейный позвонок	Noe-Nygaard et al. 2007: 85
Мейендорф, Германия	гамбургская, 12,5 тыс. л.н.	северный олень	фрагменты кремневых наконечников и осколки	В 6 костях	Bratlund 1996: 23
Штельмор, Германия	гамбургская, 12 тыс. л.н.	северный олень	фрагменты кремневых наконечников и осколки	в 5 костях	Bratlund 1996: 23
Штельмор, Германия	аренбургская, 11—10 тыс. л.н.	северный олень	фрагменты кремневых наконечников и осколки	В >27 костях	Bratlund 1996: 23

Таблица 2 (окончание).

Место находки	Возраст	Животное	Орудие	Локализация раны	Источник
Луговское, Россия	14 тыс. л.н.	мамонт	фрагменты кварцитовых вкладышей	позвонок	Зенин и др. 2006
Кесслерлох, Германия	мадлен, 14 тыс. л.н.	северный олень	кремневый вкладыш	нижняя челюсть	Napierala et al. 2010
Монфор, Франция	азиль	олень	кремневая пластина	позвонок	Bégouën et al. 1922
Швенинген, Германия	тарденуаз (по типу острия)	зубр	острие с притупленным краем	таз	по Cordier 1990: 471
Маглелинг, Дания	мезолит, суббореальный период	благородный олень	трапециевидный наконечник стрелы	ребро	Noe-Nygaard 1974
там же	то же	благородный олень	3 мелких кремневых осколка	ребро	Noe-Nygaard 1974
Рингкlostер, Дания	эртебелле, атлантический период, 6,5—5,5 тыс. л.н.	благородный олень	осколки кремневого наконечника	поясничный позвонок	Noe-Nygaard 1974
Аамозе, Дания	конгемозе, >7 тыс. л.н.	лось	трапеция или ромб	ребро	по Нужный 2008: 252
Аргус, Дания	конгемозе	благородный олень	подромбовидный микролит	кость (?)	по Нужный 2008: 150
Конгемозе, Дания	конгемозе, атлантический период, 8,5—6,5 тыс. л.н.	благородный олень	асимметричный наконечник стрелы	головка левой плечевой кости	Noe-Nygaard 1974: 224
Альдерсо, Дания	бореальный период, 9,5—8,5 тыс. л.н.	кабан	кремневые осколки	череп и локтевой сустав	Noe-Nygaard 1974
Хенрикс-хольм, Дания	эртебелле, атлантический период	лебедь	трапециевидный наконечник стрелы	плечевая кость	Noe-Nygaard 1974
Свенstrup, Дания	мезолит	благородный олень	мелкий кремневый осколок	ребро	Noe-Nygaard 1974
Виг, Дания	мезолит, пребореальный период > 9 тыс. л.н.	зубр	2 кремня	2 ребра	Noe-Nygaard 1974

Примечания к таблице:

* В таблицу не включено несколько находок, сделанных в основном еще в XIX в., датировка или достоверность которых вызывает сомнения (Рормонд, Бёруэлл, Паултон). Не включена в нее и информация о находках в Ля Кина (мустье) костей оленя (локтевая и позвонок) и тура (фаланга) с застрявшими в них фрагментами кремневых (Martin 1907: 307; 1934: 183—184) и даже костяного (Martin 1934: 183—184) острий. О последнем сообщается, что он вошел слева в позвонок оленя, «кажется, он проник довольно глубоко, примерно на сантиметр, и наружу выступает также на один сантиметр. Положение раны заставляет полагать, что была перерезана брюшная аорта, возникло обильное кровотечение, и быстро последовала смерть животного» (Henri-Martin 1934: 184).

животных на несколько порядков превышает количество костей человеческих: в первом случае счет идет на миллионы, во втором — на тысячи. Кроме того, животные, в отличие от людей, были объектом постоянного промысла, и значительная часть их костей, находимых при раскопках, заведомо представляет собой остатки дичи, добытой с помощью стрел и дротиков, оснащенных каменными и костяными наконечниками.

Делать какие-то определенные и далеко идущие выводы из приведенных данных было бы, наверно, преждевременно. Будущие полевые и камеральные (тщательное изучение старых коллекций) исследования еще могут существенным образом изменить наблюдаемую сейчас картину. Пока же позволено лишь осторожно предположить, что отмеченное выше изменение относительной частоты находок костей людей и животных

Рис. 7. Кебара, ранний натуф. Грудной позвонок человека с застрявшим в нем обломком кремневого орудия (по Bosquentin, Bar-Yosef 2004: 21, fig. 2).

Fig. 7. Kebara. Early natufian. Human thoracic vertebra with an embedded flint fragment (from Bosquentin, Bar-Yosef 2004: 21, fig. 2).

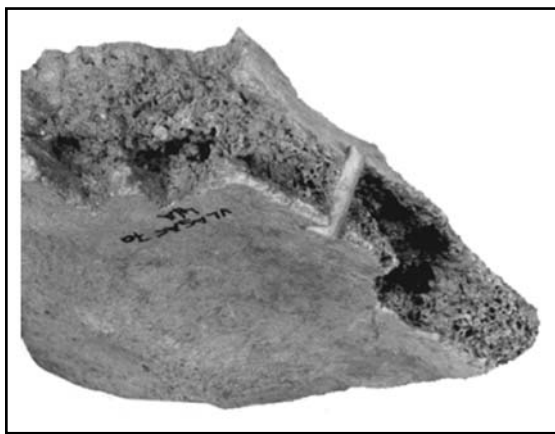

Рис. 9. Власац 4а. Мезолит. Часть подвздошной кости, пробитая костяным наконечником стрелы (по Rocsandic 2004: 66, fig. 15).

Fig. 9. Vlasac 4a. Mesolithic. Part of an ilium embedded into which is a bone point fragment (from Rocsandic 2004: 66, fig. 15).

с вонзившимися в них фрагментами наконечников может быть отражением учащения вооруженных конфликтов и/или изменения их формы начиная с финала позднего палеолита. Такое предположение хорошо согласует-

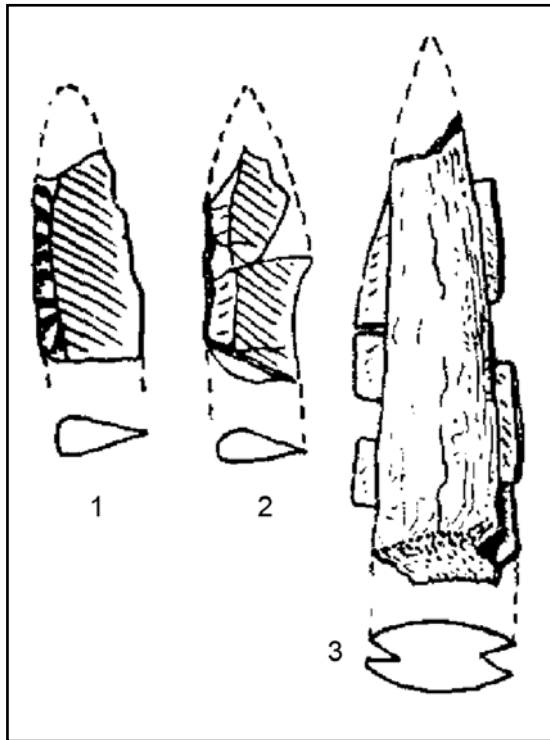

Рис. 8. Обломки кремневых пластин (наконечники стрел?) с притупленным краем (1, 2) и костяного наконечника (копья?) с кремневыми вкладышами (3), найденных в ребре (1) и поясничных позвонках (2, 3) мужских скелетов из могильника Васильевка 3 (по Телегин 1961: 9, рис. 5).

Fig. 8. Vasilievka 3. Early Mesolithic. Fragments of backed flint blades (arrowheads?) (1, 2) and a bone point with flint armatures (3). Found in a rib (1) and lumbar vertebrae (2, 3) of male skeletons (from Telegin 1961: 9, рис. 5).

ся с теоретическими представлениями о социальных трансформациях, имевших место в период так называемой «революции широкого спектра» и в последующее время, когда вынужденный переход к усиленной эксплуатации «низкоранговых» ресурсов во многих регионах должен был повлечь за собой ужесточение территориального поведения и укрепить узы, связывавшие первобытные сообщества с определенными местностями (см., напр.: Вишняцкий 2005: 274—275). Более жесткое территориальное поведение, с одной стороны, и рост численности и плотности населения, с другой, неизбежно вели как к укрупнению и сегментации человеческих сообществ, усложнению их внутренней структуры, так и к усложнению взаимоотношений между разными группами и внутри групп. Конфликты и вооруженные столкновения могли в таких условиях участиться и приобрести более жесткий характер, чем раньше.

Литература

- Аникивич М.В., Тимофеев В.И. 1998. Вооружение и вооруженные конфликты в каменном веке. В: *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Санкт-Петербург: ГЭ, 16—20.
- Берндт Р.М., Берндт К.Х. 1981. *Мир первых австралийцев*. Москва: Наука.
- Бужилова А.Н. 2004. К вопросу о семантике коллективных захоронений в эпоху палеолита. В: Бутовская М.Л. (ред.). *Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований*. Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 21—35.
- Бужилова А.П. 2005. *Ното сариенс: История болезни*. Москва: Языки славянской культуры.
- Вишняцкий Л.Б. 2005. *Введение в преисторию*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Вейнерт Г. 1935. *Происхождение человечества*. Москва; Ленинград: Государственное издательство биологической и медицинской литературы. (Пер. с нем. изд. 1932 г.).
- Даниленко В.Н. 1955. Волошский эпипалеолитический могильник. *Советская этнография* 3, 56—61.
- Зенин и др. 2006: Зенин В.И., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М.-Х. 2006. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское. *Археология, этнография и антропология Евразии* 1, 41—53.
- Нужний Д.Ю. 2008. *Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців*. Київ: КНТ.
- Праслов Н.Д. 1995. Мамонт в жизни палеолитического человека. *Цитология* 37, 634—635.
- Телегін Д.Я. 1961. Василівський третій некрополь в Надпоріжжі. *Археологія* 13, 3—19.
- Шнирельман В.А. 1994. У истоков войны и мира. В: *Война и мир в ранней истории человечества*. Т. 1. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 9—176.
- Anderson J.E. Late Paleolithic skeletal remains from Nubia. In: F. Wendorf (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Dallas: Fort Burgwin Research Center & Southern Methodist University Press, 996—1040.
- Arias Cabal et al. 2005: Arias Cabal P., Ontañón Peredo R., Álvarez Fernández E., Aparicio M. T., Chauvin A., Clemente Conte I., Cueto Rapado M., González Urquijo J.E., Ibáñez Estévez J.J., Tapia Sagarna J., Teira Mayolini L.C. 2005. La estructura Magdaleniense de La Garma A. Aproximación a la organización espacial de un hábitat paleolítico. En: Ferreira Bicho N. (ed.). *O Paleolítico. Actas do IV Congresso de arqueologia peninsular*. Faro: Universidade do Algarve, 123—141.
- Bachechi et al. 1997: Bachechi L., Fabbri P.-F., Mallegni F. 1997. An arrow-caused lesion in a Late Upper Palaeolithic human pelvis. *CAN* 38, 135—140.
- Bahn P.G., Vertut J. 1988. *Images of the Ice Age*. New York: Facts on File.
- Balout L. 1958. *Algérie préhistorique*. Paris: A. M. G.
- Bar-Yosef O. 2010. Warfare in Levantine Early Neolithic. A hypothesis to be considered. *Neo-Lithics* (1), 6—10.
- Bartosiewicz L., Gál E. 2008. Symptoms of aggression on animal bones from archaeological sites. *Animal welfare, etología és tartástechnológia* 4, 3—25.
- Bello et al. 2011: Bello S.M., Parfitt S.A., Stringer C.B. 2011. Earliest directly-dated human skull-cups. *PLoS ONE* 6 (2): e17026. doi:10.1371/journal.pone.0017026
- Bocquentin F., Bar-Yosef O. 2004. Early Natufian remains: evidence for physical conflict from Mt. Carmel, Israel. *JHE* 47, 19—23.
- Bégouën et al. 1922: Bégouën H., Cugulière, Miquel H. 1922. Vertèbre humaine traversée par une lame en quartzite. *Revue anthropologique* 32, 230—2.
- Behrens H.W. 1978. Der Kampf in der Steinzeit (Ein Diskussionsbeitrag vom Aspekt des Prähistorikers. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien* 108, 1—7.
- Belcastro et al. 2010: Belcastro M.G., Condemi S., Mariotti V. 2010. Funerary practices of the Iberomaurusian population of Taforalta (Tafoughalt, Morocco, 11—12,000 BP): the case of Grave XII. *JHE* 58, 522—532.
- Beltrán A. 1982. *Rock Art of the Spanish Levant. The Imprint of Man*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bettinger R.L. 2013. Effects of the bow on social organization in Western North America. *Evolutionary Anthropology* 22, 118—123.
- Boaz N.T., Ciochon R.L. 2004. Headstrong hominids. *Natural History* 113 (1), 28—34.
- Boaz N.T., Ciochon R.L. 2004a. *Dragon Bone Hill: An Ice-Age Saga of Homo erectus*. New York: Oxford University Press.
- Boëda et al. 1999: Boëda E., Geneste J.M., Griggo C., Mercier N., Muhesen S., Reyss J.L., Taha A., Valladas H. 1999. A Levallois point embedded in the vertebra of a wild ass (*Equus africanus*): hafting, projectiles and Mousterian hunting weapons. *Antiquity* 73, 394—402.
- Boesch C. 2009. *The Real Chimpanzee. Sex Strategies in the Forest*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bökönyi S. 1984. *Animal Husbandry and Hunting in Tâc-Gorsium. The Vertebrate Fauna of a Roman Town*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Boroneanț V., Nicolaescu-Plopșor D. 1990. Lésions traumatiques violentes datant de l'Épipaléolithique tardif du sud-ouest de la Roumanie. *Anthropologie* 28, 55—65.
- Bratlund B. 1996. Hunting strategies in the Late Glacial on Northern Europe: A survey of the faunal evidence. *Journal of World Prehistory* 10, 1—48.
- Brennan M.U. 1991. *Health and Disease in the Middle and Upper Paleolithic of Southwestern France: A Bioarchaeological Study*. Unpublished Ph.D. dissertation. New York University.
- Buzhilova A.P. 2005. The environment and health condition of the Upper Palaeolithic Sunghir people of Russia. *Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science* 24, 413—418.
- Caspari R. 1997. Evidence of pathology on the frontal bone from Gongwangling. *AJPA* 102, 565—568.
- Christensen J. 2004. Warfare in the European Neolithic. *Acta Archaeologica* 75, 129—156.
- Churchill et al. 2009: Churchill S.E., Franciscus R.G., McKean-Peraza H.A., Daniel J.A., Warren B.R. 2009. Shanidar 3 Neandertal rib puncture wound and Paleolithic weaponry. *JHE* 57, 163—178.
- Clottes J., Courtin J. 1994. *La Grotte Cosquer*. Paris: Éditions du Seuil.
- Cordier G. 1990. Blessures préhistoriques animales et humaines avec armes ou projectiles conservés. *Bulletin de la Société préhistorique française* 87, 462—482.

- Dams L. 1984. *Les peintures rupestres du Levant espagnol*. Paris: Picard.
- Defleur et al. 1999: Defleur A., White T., Valensi P., Sli-mak L., Crégur-Bonnoure É. 1999. Neanderthal cannibalism at Moula-Guercy, Ardèche, France. *Science* 286, 128—131.
- Delluc B., Delluc G. 1971. La grotte ornée de Sous-Grand-Lac (Dordogne). *Gallia préhistoire* 14, 245—252.
- Estabrook V.H. 2009. *Sampling biases and new ways of addressing the significance of trauma in Neandertals*. Unpublished Ph.D. dissertation. The University of Michigan.
- Estabrook W.H., Frayer D.W. 2013. Trauma in the Krapina Neandertals: Violence in the Middle Paleolithic? In: C. Knüsel, M. Smith (eds.). *The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict*. London: Routledge, 67—89.
- Ferguson R.B. 2013. Pinkers's List. Exaggerating prehistoric war morality. In: D.P. Fry (ed.). *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford: Oxford University Press, 112—131
- Formicola V. 2007. From the Sunghir children to the Romito dwarf. Aspects of the Upper Paleolithic funerary landscape. *CAn* 48, 446—453.
- Franciscus R. G., Holliday T.W. 2013. Crossroads of the Old World: Late hominin evolution in Western Asia. In: Smith F.H., Ahern J.C.M. (eds.). *The Origins of Modern Humans: Biology Reconsidered*. Hoboken: Wiley, 45—88.
- Guilaine J., Zammit J. 2005. *The Origins of War. Violence in Prehistory*. Malden: Blackwell.
- Guthrie R.D. 2005. *The Nature of Paleolithic Art*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Henry-Gambier D. 2005. Évolution des pratiques funéraires en Italie au Paléolithique supérieur. In: Vialou D., Renault-Mikosky J., Pathou-Mathis M. (eds.). *Comportements des hommes du Paléolithique moyen et supérieur en Europe: territoires et milieux*. Liège: ERAUL 111, 213—29.
- Henry-Gambier D. 2008. Comportement de populations d'Europe au Gravettien: pratiques funéraires et interprétations. *Paleo* 20, 165—204.
- Hernández Pérez et al. 1995: Hernández Pérez M.S., Marse P.F.I., Ferrer E.C. 1995. *Arte rupestre en Alicante*. Alicante: Fundación Banco Exterior.
- Jackes M.K. 2004. *Osteological evidence for Mesolithic and Neolithic violence: Problems of interpretation*. In: Roksandic M. (ed.). *Violent Interactions in the Mesolithic: Evidence and Meaning*. BAR IS 1237. Oxford: Archaeopress, 23—39.
- Judd M. 2004. News from the British Museum. *British Association for Biological Anthropology and Osteoarchaeology Annual Review* 5, 5.
- Klaatsch H. 1920. *Der Werdegang der Menschheit und die Entstehung der Kultur*. Berlin: Deutsches Verlagshaus Bong und Co.
- Klima B. 1988. A triple burial from the Upper Paleolithic of Dolni Věstonice, Czechoslovakia. *JHE* 16, 831—835.
- Kosłowski S.K., Sachse-Kosłowska E. 1993. Maszycka Cave: a Magdalenian site in Southern Poland. *Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 40, 115—205.
- LeBlanc S. 2010. Early Neolithic warfare in the Near East and its broader implications. *Neo-Lithics* (1), 40—49.
- Leroi-Gourhan A. 1968. *The art of prehistoric man in Western Europe*. London: Thames & Hudson.
- Letourneux C., Pétilion J.-M. 2008. Hunting lesions caused by osseous projectile points: experimental results and archaeological implications. *JAS* 35, 2849—2862.
- López-Montalvo E. 2011. Violence et mort dans l'art rupestre du Levant: groupes humains et territoire. Dans: Baray L., Honegger M., Dias-Meirinho M.H. (dir.). *L'armement et l'image du guerrier dans les sociétés anciennes: de l'objet à la tombe*. Dijon: Éditions universitaires de Dijon, 19—42.
- Martin H. 1907. *Recherches sur l'évolution du Moustérien dans le gisement de la Quina*. Tome 1. Paris: Schleicher.
- Martin H. 1934. Pathologie osseuse préhistorique. Blessure par arme de jet sur une vertèbre de renne. *Compte-rendu de la 58e session de l'Association française pour l'avancement des sciences*. Rabat, 183—184.
- McCown T.D., Keith A. 1939. *The Stone Age of Mount Carmel*. Vol. 2. *The Fossil Human Remains from the Levalloiso-Mousterian*. Oxford: Clarendon.
- Mezzena F. 1976. Nuova interpretazione delle incisioni parietali paleolitiche della Grotta Addaura a Palermo. *Rivista di scienze preistoriche* 31, 61—85.
- Monk S.J. 1997. Conflict and competition in Spanish prehistory: the role of warfare in societal development from the late fourth to third millennium BC. *Journal of Mediterranean Archaeology* 10 (1), 3—32.
- Morel P. 1998. La grotte du Bichon (La Chaux-de-Fonds, canton de Neuchâtel, Suisse). Dans: *Les derniers chasseurs-cueilleurs du massif jurassien et de ses marges*. Lons-le-Saunier: Centre jurassien du patrimoine, 88—93.
- Münzel S.C., Conard N.J. 2004. Cave bear hunting in the Hohle Fels, a cave site in the Ach Valley, Swabian Jura. *Revue de Paléobiologie* 23 (2): x-xx.
- Napierala et al. 2010: Napierala H., Höneisen M., Trautmann M. 2010. «Stirb an einem anderen Tag» — Schussverletzung eines Rentiers vom Magdalénienfundplatz Kesslerloch bei Thayngen (Kt. Schaffhausen). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 40, 457—466.
- Nash J. 2005. Assessing rank and warfare-strategy in prehistoric hunter-gatherer society: a study of representational warrior figures in rock-art from the Spanish Levant, southeastern Spain. In: Pearson M.P., Thorpe I.J.N. (eds.). *Warfare, Violence and Slavery in Prehistory*. Proceedings of a Prehistoric Society Conference at Sheffield University. (BAR IS 1374). Oxford: Archaeopress, 75—87.
- Nikolskiy P., Pitulko V. 2013. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting. *JAS* 40, 4189—4197.
- Noe-Nygaard N. 1974. Mesolithic hunting in Denmark illustrated by bone injuries caused by human weapons. *JAS* 1, 217—248.
- Noe-Nygaard et al. 2007: Noe-Nygaard N., Milan J., Hede M.U., Holm J. 2007. A reindeer track from a drill core, and lake basin development of the Late Glacial Lille Slotseng kettle-hole basin, South-East Jylland, Denmark. *Bulletin of the Geological Society of Denmark* 55, 85—95.
- Orschiedt J. 2008. Der Fall Krapina — neue Ergebnisse zur Frage van Kannibalismus beim Neandertaler. *Quartär* 55, 63—81.
- Pétilion J.-M., Letourneux C. 2003. Au retour de la chasse... Observations expérimentales concernant les impacts sur le gibier, la récupération et la maintenance des projectiles dans le Magdalénien supérieur d'Isturitz (Pyrénées-Atlantiques). *Préhistoire Anthropologie*

№1. 2014

- Méditerranéennes* 12, 173—188.
- Pettitt P. 2011. *The Palaeolithic Origins of Human Burial*. London; New York: Routledge.
- Robb J. 2007. *The Early Mediterranean Village. Agency, Material Culture, and Social Change in Neolithic Italy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Robbins L.H., Lynch B.M. 1978. New evidence on the use of microliths from the Lake Turkana Basin, East Africa. *CAn* 19, 619—620.
- Roksandic M. 2004. Contextualizing the evidence of violent death in the Mesolithic: burials associated with victims of violence in the Iron Gates Gorge. In: Roksandic M. (ed.). *Evidence and Meaning of Violent Interactions in Mesolithic Europe*. (BAR IS 1237). Oxford: Archaeopress, 53—74.
- Roksandic M. 2006. Violence in the Mesolithic. *Documenta Praehistorica* 33, 165—182.
- Roksandic et al. 2006: Roksandic M., Djurić M., Rakočević Z., Seguin K. 2006. Interpersonal violence at Lepenski Vir Mesolithic/Neolithic complex of the Iron Gates Gorge (Serbia-Romania). *AJPA* 129, 339—348.
- Roper M.K. 1969. A survey of the evidence for intrahuman killing in the Pleistocene. *CAn* 10, 427—59.
- Rosas et al. 2006: Rosas A., Martínez-Maza C., Bastir M., García-Taberner A., Lalueza-Fox C., Huguet R., Ortiz J.E., Julià R., Soler V., Torres T. de, Martínez E., Cañaveras J.C., Sánchez-Moral S., Cuezva S., Lario J., Santamaría D., Rasilla M. de la, Fortea J. 2006. Paleobiology and comparative morphology of a late Neandertal sample from El Sidron, Asturias, Spain. *PNAS* 103, 19266—19271.
- Ruiz et al. 2006: Ruiz J.F., Mas M., Hernanz A., Rowe M.W., Steelman K.L., Gavira J.M. 2006. First radiocarbon dating of oxalate crusts over Spanish prehistoric rock art. *International Newsletter on Rock Art* 46, 1—5.
- Schulting R.J., Fibiger L. (eds.). 2012. *Sticks, Stones, and Broken Bones. Neolithic Violence in a European Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Shang H., Trinkaus E. 2008. An ectocranial lesion on the Middle Pleistocene human cranium from Hulu Cave, Nanjing, China. *AJPA* 135, 431—437.
- Sharma G.R. 1973. Mesolithic lake cultures in the Gan-ga valley, India. *PPS* 39, 129—146.
- Smith et al. 2007: Smith M.J., Brickley M.B., Leach S.L. Experimental evidence for lithic projectile injuries: improving identification of an under-recognised phenomenon. *JAS* 34, 540—543.
- Stock et al. 2005: Stock J.T., Pfeiffer S.K., Chazan M., Janetsky J. 2005. F-81 skeleton from Wadi Mataha, Jordan, and its bearing on human variability in the Epipaleolithic of the Levant. *AJPA* 128, 453—465.
- Таçon P., Chippindale C. 1994. Australia's ancient warriors: changing depictions of fighting in the rock art of Arnhem Land, N.T. *Cambridge Archaeological Journal* 4, 211—248.
- Taylor T. 2002. *The Buried Soul: How Humanity Invented Death*. Boston, MA: Beacon Press.
- Tillier A.-M. 1999. *Les enfants Moustériens de Qafzeh: Interpretation phylogénétique et paléoaurologique*. Paris: CNRS.
- Trinkaus E., Zimmerman M.R. 1982. Trauma among the Shanidar Neandertals. *AJPA* 57, 61—76.
- Underhill A.P. 1989. Warfare during the Chinese Neolithic: A review of the evidence. In: Tkaczuk D.C., Vivian B.C. (eds.). *Cultures in Conflict: Current Archaeological Perspectives*. Calgary: University of Calgary Archaeological Association, 229—240.
- Van Gurp et al. 1990: Van Gurp G., Hutchinson T.J., Alto W.A. 1990. Arrow wound management in Papua New Guinea. *The Journal of Trauma* 30, 183—188.
- Vencl S. 1984. War and warfare in archaeology. *Journal of Anthropological Archaeology* 3, 116—132.
- Vencl S. 1991. Interprétation des blessures causées par les armes au Mésolithique. *L'Anthropologie* 95, 219—228.
- Vencl S. 1999. Stone Age warfare. In: Carman J., Harding A. (eds.). *Ancient Warfare: Archaeological Perspectives*. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 57—72.
- Walker P.L. 2001. A bioarchaeological perspective on the history of violence. *ARA* 30, 573—596.
- Webb S. 1995. *Palaeopathology of aboriginal Australians. Health and disease across a hunter-gatherer continent*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weidenreich F. 1943. *The skull of Sinanthropus pekinensis. A comparative study on a primitive hominid skull*. Paleontologia Sinica New Series D 10, iii-484.
- Wendorf F. 1968. Site 117: A Nubian Final Paleolithic graveyard near Jebel Sahaba, Sudan. In: Wendorf F. (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Dallas: Fort Burgwin Research Center & Southern Methodist University Press, 954—995.
- Wendorf F., Schild R. 1986. *The Wadi Kubbania Skeleton: A Late Paleolithic Burial from Southern Egypt*. Dallas: Southern Methodist University Press.
- Wu et al. 2011: Wu X.-J., Schepartz L.A., Liu W., Trinkaus E. 2011. Antemortem trauma and survival in the late Middle Pleistocene human cranium from Maba, South China. *PNAS* 108 (49), 19558—19662.
- Zollikofer et al. 2002: Zollikofer C.P.E., Ponce de Leon M.S., Vandermeersch B., Lévêque F. 2002. Evidence for interpersonal violence in the St. Cesaire Neanderthal. *PNAS* 99, 6444—6448.

References

- Anikovich, M. V., Timofeev, V. I. 1998. In *Voennaia arkhelogiia. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspektive (Archaeology of war and warfare in historical and social perspective)*. Saint Petersburg: State Hermitage, 16—20 (in Russian).
- Berndt, R. M., Berndt, K. Kh. 1981. *Mir pervykh avstraliitsev (The world of the first Australians)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Buzhilova, A. N. 2004. In *Etologiia cheloveka i smezhnye discipliny. Sovremennye metody issledovaniia (Ethnology of the man and adjacent disciplines: modern research methods)*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 21—35 (in Russian).
- Buzhilova, A. P. 2005. *Homo sapiens: Istoriia bolezni (Homo sapiens: A history of the illness)*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury (in Russian).
- Vishnyatsky, L. B. 2005. *Vvedenie v preistoriiu (Introduction to Pre-History)*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
- Weinert, H. 1935. *Proiskhozhdenie chelovechestva (Ursprung der Menschheit)*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo biologicheskoi i meditsinskoi literatury (in Russian).
- Danilenko, V. N. 1955. In *Sovetskaiia etnografiia (Soviet Ethnography)* 3. Moscow: Nauka, 56—61 (in Russian).
- Zenin, V. I., Leshchinsky, S. V., Zolotarev, K. V., Grutes, P. M., Nado, M.-Kh. 2006. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)* (1), 41—53 (in Russian).
- Nuzhnyj, D. Yu. 2008. *Rozytok mykrolitychnoi tekhniky*

- v kam'yanomu vitsi (*Development of the Microlithic Technique in the Stone Age*). Kiev: KNT (in Ukrainian).
- Praslov, N. D. 1995. In *Tsitologiia (Cytology)* 37, 634—635 (in Russian).
- Telegin, D. Ya. 1961. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 13, 3—19 (in Ukrainian).
- Shnirelman, V. A. 1994. In *Voina i mir v rannei istorii chelovechestva (War and peace in the early history of mankind)*. Vol. 1. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography or N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, 9—176 (in Russian).
- Anderson, J.E. Late Paleolithic skeletal remains from Nubia. In: F. Wendorf (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Dallas: Fort Burgwin Research Center & Southern Methodist University Press, 996—1040.
- Arias Cabal, P., Ontañón Peredo, R., Álvarez Fernández, E., Aparicio, M.T., Chauvin, A., Clemente Conte, I., Cueto Rapado, M., González Urquijo, J.E., Ibáñez Estévez, J.J., Tapia Sagarna, J., Teira Mayolini, L.C. 2005. La estructura Magdaleniense de La Garma A. Aproximación a la organización espacial de un hábitat paleolítico. En: Ferreira Bicho N. (ed.). *O Paleolítico. Actas do IV Congresso de arqueologia peninsular*. Faro: Universidade do Algarve, 123—141.
- Bachechi, L., Fabbri, P.-F., Mallegni, F. 1997. An arrow-caused lesion in a Late Upper Palaeolithic human pelvis. *CAn* 38, 135—140.
- Bahn, P.G., Vertut, J. 1988. *Images of the Ice Age*. New York: Facts on File.
- Balout, L. 1958. *Algérie préhistorique*. Paris: A.M.G.
- Bar-Yosef, O. 2010. Warfare in Levantine Early Neolithic. A hypothesis to be considered. *Neo-Lithics* 1/10, 6—10.
- Bartosiewicz, L., Gál, E. 2008. Symptoms of aggression on animal bones from archaeological sites. *Animal welfare, etología és tartástechnológia* 4, 3—25.
- Bello, S.M., Parfitt, S.A., Stringer, C.B. 2011. Earliest directly-dated human skull-cups. *PLoS ONE* 6 (2): e17026. doi:10.1371/journal.pone.0017026
- Bocquentin, F., Bar-Yosef, O. 2004. Early Natufian remains: evidence for physical conflict from Mt. Carmel, Israel. *JHE* 47, 19—23.
- Bégouën, H., Cugulière Miquel, H. 1922. Vertèbre humaine traversée par une lame en quartzite. *Revue anthropologique* 32, 230—2.
- Behrens, H.W. 1978. Der Kampf in der Steinzeit (Ein Diskussionsbeitrag vom Aspekt des Prähistorikers. *Mitteilungen der Anthropologischen Gessellschaft in Wien* 108, 1—7.
- Belcastro, M.G., Condemni, S., Mariotti, V. 2010. Funerary practices of the Iberomausian population of Tafoualt (Tafoughalt, Morocco, 11—12,000 BP): the case of Grave XII. *JHE* 58, 522—532.
- Beltrán, A. 1982. *Rock Art of the Spanish Levant. The Imprint of Man*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bettinger, R.L. 2013. Effects of the bow on social organization in Western North America. *Evolutionary Anthropology* 22, 118—123.
- Boaz, N.T., Ciochon, R.L. 2004. Headstrong hominids. *Natural History* 113 (1), 28—34.
- Boaz, N.T., Ciochon, R.L. 2004a. *Dragon Bone Hill: An Ice-Age Saga of Homo erectus*. New York: Oxford University Press.
- Boëda, E., Geneste, J.M., Griggo, C., Mercier, N., Muhesen, S., Reyss, J.L., Taha, A., Valladas, H. 1999. A Levallois point embedded in the vertebra of a wild ass (*Equus africanus*): hafting, projectiles and Mousterian hunting weapons. *Antiquity* 73, 394—402.
- Boesch, C. 2009. *The Real Chimpanzee. Sex Strategies in the Forest*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bökönyi, S. 1984. *Animal Husbandry and Hunting in TÁC-Gorsium. The Vertebrate Fauna of a Roman Town*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Boroneanț, V., Nicolaescu-Plopșor, D. 1990. Lésions traumatiques violentes datant de l'Épipaléolithique tardif du sud-ouest de la Roumanie. *Anthropologie* 28, 55—65.
- Bratlund, B. 1996. Hunting strategies in the Late Glacial on Northern Europe: A survey of the faunal evidence. *Journal of World Prehistory* 10, 1—48.
- Brennan, M.U. 1991. *Health and Disease in the Middle and Upper Paleolithic of Southwestern France: A Bioarcheological Study*. Unpublished Ph.D. dissertation. New York University.
- Buzhilova, A.P. 2005. The environment and health condition of the Upper Palaeolithic Sunghir people of Russia. *Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science* 24, 413—418.
- Caspari, R. 1997. Evidence of pathology on the frontal bone from Gongwangling. *AJPA* 102, 565—568.
- Christensen, J. 2004. Warfare in the European Neolithic. *Acta Archaeologica* 75, 129—156.
- Churchill, S.E., Franciscus, R.G., McKean-Peraza, H.A., Daniel, J.A., Warren, B.R. 2009. Shanidar 3 Neandertal rib puncture wound and Paleolithic weaponry. *JHE* 57, 163—178.
- Clottes, J., Courtin, J. 1994. *La Grotte Cosquer*. Paris: Éditions du Seuil.
- Cordier, G. 1990. Blessures préhistoriques animales et humaines avec armes ou projectiles conservés. *Bulletin de la Société préhistorique française* 87, 462—482.
- Dams, L. 1984. *Les peintures rupestres du Levant espagnol*. Paris: Picard.
- Defleur, A., White, T., Valensi, P., Slimak, L., Crégur-Bonnoure, É. 1999. Neanderthal cannibalism at Moula-Guercy, Ardèche, France. *Science* 286, 128—131.
- Delluc, B., Delluc, G. 1971. La grotte ornée de Sous-Grand-Lac (Dordogne). *Gallia préhistoire* 14, 245—252.
- Estabrook, V.H. 2009. *Sampling biases and new ways of addressing the significance of trauma in Neandertals*. Unpublished Ph.D. dissertation. The University of Michigan.
- Estabrook, W.H., Frayer, D.W. 2013. Trauma in the Krapina Neandertals: Violence in the Middle Paleolithic? In: C. Knüsel, M. Smith (eds.). *The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict*. London: Routledge, 67—89.
- Ferguson, R.B. 2013. Pinkers's List. Exaggerating prehistoric war morality. In: D.P. Fry (ed.). *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford: Oxford University Press, 112—131.
- Formicola, V. 2007. From the Sunghir children to the Romito dwarf. Aspects of the Upper Paleolithic funerary landscape. *CAn* 48, 446—453.
- Franciscus, R.G., Holliday, T.W. 2013. Crossroads of the Old World: Late hominin evolution in Western Asia. In: Smith F.H., Ahern J.C.M. (eds.). *The Origins of Modern Humans: Biology Reconsidered*. Hoboken: Wiley, 45—88.
- Guilaine, J., Zammit, J. 2005. *The Origins of War. Violence in Prehistory*. Malden: Blackwell.
- Guthrie, R.D. 2005. *The Nature of Paleolithic Art*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Henry-Gambier, D. 2005. Évolution des pratiques funéraires en Italie au Paléolithique supérieur. In: Vialou D., Renault-Mikosky J., Pathou-Mathis M. (eds.). *Comportements des hommes du Paléolithique moyen et supérieur en Europe: territoires et milieux*. Liège: ERAUL 111, 213—29.
- Henry-Gambier, D. 2008. Comportement de populations d'Europe au Gravettien: pratiques funéraires et interprétations. *Paleo* 20, 165—204.
- Hernández Pérez, M.S., Marsset, P.F.I., Ferrer, E.C. 1995. *Arte rupestre en Alicante*. Alicante: Fundación Banco Exterior.
- Jacks, M.K. 2004. *Osteological evidence for Mesolithic and Neolithic violence: Problems of interpretation*. In: Roksandic M. (ed.). *Violent Interactions in the Mesolithic: Evidence and Meaning*. BAR IS 1237. Oxford: Archaeopress, 23—39.
- Judd, M. 2004. News from the British Museum. *British Association for Biological Anthropology and Osteoarchaeology Annual Review* 5, 5.

№1. 2014

- Klaatsch, H. 1920. *Der Werdegang der Menschheit und die Entstehung der Kultur*. Berlin: Deutsches Verlagshaus Bong und Co.
- Klima, B. 1988. A triple burial from the Upper Paleolithic of Dolní Věstonice, Czechoslovakia. *JHE* 16, 831—835.
- Koslowski, S.K., Sachse-Koslowska, E. 1993. Maszycka Cave: a Magdalenian site in Southern Poland. *Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 40, 115—205.
- LeBlanc, S. 2010. Early Neolithic warfare in the Near East and its broader implications. *Neo-Lithics* 1/10, 40—49.
- Leroi-Gourhan, A. 1968. *The art of prehistoric man in Western Europe*. London: Thames & Hudson.
- Letourneux, C., Pétilion, J.-M. 2008. Hunting lesions caused by osseous projectile points: experimental results and archaeological implications. *JAS* 35, 2849—2862.
- López-Montalvo, E. 2011. Violence et mort dans l'art rupestre du Levant: groupes humains et territoire. Dans: Baray L., Honegger M., Dias-Meirinho M.H. (dir.). *L'armement et l'image du guerrier dans les sociétés anciennes: de l'objet à la tombe*. Dijon: Éditions universitaires de Dijon, 19—42.
- Martin, H. 1907. *Recherches sur l'évolution du Moustérien dans le gisement de la Quina*. Tome 1. Paris: Schleicher.
- Martin, H. 1934. Pathologie osseuse préhistorique. Blessure par arme de jet sur une vertèbre de renne. *Compte-rendu de la 58e session de l'Association française pour l'avancement des sciences*. Rabat, 183—184.
- McCown, T.D., Keith, A. 1939. *The Stone Age of Mount Carmel*. Vol. 2. *The Fossil Human Remains from the Levallois-Mousterian*. Oxford: Clarendon.
- Mezzena, F. 1976. Nuova interpretazione delle incisioni parietali paleolitiche della Grotta Addaura a Palermo. *Rivista di scienze preistoriche* 31, 61—85.
- Monk, S.J. 1997. Conflict and competition in Spanish prehistory: the role of warfare in societal development from the late fourth to third millennium BC. *Journal of Mediterranean Archaeology* 10 (1), 3—32.
- Morel, P. 1998. La grotte du Bichon (La Chaux-de-Fonds, canton de Neuchâtel, Suisse). Dans: *Les derniers chasseurs-cueilleurs du massif jurassien et de ses marges*. Lons-le-Saunier: Centre jurassien du patrimoine, 88—93.
- Münzel, S.C., Conard N.J. 2004. Cave bear hunting in the Hohle Fels, a cave site in the Ach Valley, Swabian Jura. *Revue de Paléobiologie* 23 (2): x-xx.
- Napierala, H., Höneisen, M., Trautmann, M. 2010. «Stirb an einem anderen Tag» — Schussverletzung eines Rentiers vom Magdalénienfundplatz Kesslerloch bei Thayngen (Kt. Schaffhausen). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 40, 457—466.
- Nash, J. 2005. Assessing rank and warfare-strategy in prehistoric hunter-gatherer society: a study of representational warrior figures in rock-art from the Spanish Levant, southeastern Spain. In: Pearson M.P., Thorpe I.J.N. (eds.). *Warfare, Violence and Slavery in Prehistory*. Proceedings of a Prehistoric Society Conference at Sheffield University. (BAR IS 1374). Oxford: Archaeopress, 75—87.
- Nikolskiy, P., Pitulko, V. 2013. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting. *JAS* 40, 4189—4197.
- Noe-Nygaard, N. 1974. Mesolithic hunting in Denmark illustrated by bone injuries caused by human weapons. *JAS* 1, 217—248.
- Noe-Nygaard, N., Milan, J., Hede, M.U., Holm, J. 2007. A reindeer track from a drill core, and lake basin development of the Late Glacial Lille Slotseng kettle-hole basin, South-East Jylland, Denmark. *Bulletin of the Geological Society of Denmark* 55, 85—95.
- Orschiedt, J. 2008. Der Fall Krapina — neue Ergebnisse zur Frage van Kannibalismus beim Neandertaler. *Quartär* 55, 63—81.
- Pétilion, J.-M., Letourneux, C. 2003. Au retour de la chasse... Observations expérimentales concernant les impacts sur le gibier, la récupération et la maintenance des projectiles dans le Magdalénien supérieur d'Isturitz (Pyrénées-Atlantiques). *Préhistoire Anthropologie Méditerranéennes* 12, 173—188.
- Pettitt, P. 2011. *The Palaeolithic Origins of Human Burial*. London; New York: Routledge.
- Robb, J. 2007. *The Early Mediterranean Village. Agency, Material Culture, and Social Change in Neolithic Italy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Robbins, L.H., Lynch, B.M. 1978. New evidence on the use of microliths from the Lake Turkana Basin, East Africa. *CAN* 19, 619—620.
- Roksandic, M. 2004. Contextualizing the evidence of violent death in the Mesolithic: burials associated with victims of violence in the Iron Gates Gorge. In: Roksandic M. (ed.). *Evidence and Meaning of Violent Interactions in Mesolithic Europe*. (BAR IS 1237). Oxford: Archaeopress, 53—74.
- Roksandic, M. 2006. Violence in the Mesolithic. *Documenta Praehistorica* 33, 165—182.
- Roksandic, M., Djurić, M., Rakočević, Z., Seguin, K. 2006. Interpersonal violence at Lepenski Vir Mesolithic/Neolithic complex of the Iron Gates Gorge (Serbia-Romania). *AJPA* 129, 339—348.
- Roper, M.K. 1969. A survey of the evidence for intrahuman killing in the Pleistocene. *CAN* 10, 427—59.
- Rosas, A., Martínez-Maza, C., Bastir, M., García-Taberner, A., Lalueza-Fox, C., Huguet, R., Ortiz, J.E., Julià, R., Soler, V., Torres, T. de, Martínez, E., Cañaveras, J.C., Sánchez-Moral, S., Cuezva, S., Lario, J., Santamaría, D., Rasiña, M. de la, Fortea, J. 2006. Paleobiology and comparative morphology of a late Neandertal sample from El Sidron, Asturias, Spain. *PNAS* 103, 19266—19271.
- Ruiz, J.F., Mas, M., Hernanz, A., Rowe, M.W., Steelman, K.L., Gavira, J.M. 2006. First radiocarbon dating of oxalate crusts over Spanish prehistoric rock art. *International Newsletter on Rock Art* 46, 1—5.
- Schulting, R.J., Fibiger, L. (eds.). 2012. *Sticks, Stones, and Broken Bones. Neolithic Violence in a European Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Shang, H., Trinkaus, E. 2008. An ectocranial lesion on the Middle Pleistocene human cranium from Hulu Cave, Nanjing, China. *AJPA* 135, 431—437.
- Sharma, G.R. 1973. Mesolithic lake cultures in the Ganga valley, India. *PPS* 39, 129—146.
- Smith, M.J., Brickley, M.B., Leach, S.L. Experimental evidence for lithic projectile injuries: improving identification of an under-recognised phenomenon. *JAS* 34, 540—543.
- Stock, J.T., Pfeiffer, S.K., Chazan, M., Janetsky, J. 2005. F-81 skeleton from Wadi Mataha, Jordan, and its bearing on human variability in the Epipaleolithic of the Levant. *AJPA* 128, 453—465.
- Taçon, P., Chippindale, C. 1994. Australia's ancient warriors: changing depictions of fighting in the rock art of Arnhem Land, N.T. *Cambridge Archaeological Journal* 4, 211—248.
- Taylor, T. 2002. *The Buried Soul: How Humanity Invented Death*. Boston, MA: Beacon Press.
- Tillier, A.-M. 1999. *Les enfants Moustériens de Qafzeh: Interprétation phylogénétique et paléoaurologique*. Paris: CNRS.
- Trinkaus, E., Zimmerman, M.R. 1982. Trauma among the Shanidar Neandertals. *AJPA* 57, 61—76.
- Underhill, A.P. 1989. Warfare during the Chinese Neolithic: A review of the evidence. In: Tkaczuk, D.C., Vivian, B.C. (eds.). *Cultures in Conflict: Current Archaeological Perspectives*. Calgary: University of Calgary Archaeological Association, 229—240.
- Van Gorp, G., Hutchinson, T.J., Alto, W.A. 1990. Arrow wound management in Papua New Guinea. *The Journal of Trauma* 30, 183—188.
- Vencl, S. 1984. War and warfare in archaeology. *Journal of Anthropological Archaeology* 3, 116—132.
- Vencl, S. 1991. Interprétation des blessures causées par les armes au Mésolithique. *L'Anthropologie* 95, 219—228.
- Vencl, S. 1999. Stone Age warfare. In: Carman, J., Harding, A.

- (eds.). *Ancient Warfare: Archaeological Perspectives*. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 57—72.
- Walker, P. L. 2001. A bioarchaeological perspective on the history of violence. *ARA* 30, 573—596.
- Webb, S. 1995. *Palaeopathology of aboriginal Australians. Health and disease across a hunter-gatherer continent*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weidenreich, F. 1943. *The skull of Sinanthropus pekinensis. A comparative study on a primitive hominid skull*. *Paleontologia Sinica New Series D* 10, iii-484.
- Wendorf, F. 1968. Site 117: A Nubian Final Paleolithic graveyard near Jebel Sahaba, Sudan. In: Wendorf F. (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Dallas: Fort Burgwin Research Center & Southern Methodist University Press, 954—995.
- Wendorf, F., Schild, R. 1986. *The Wadi Kubbania Skeleton: A Late Paleolithic Burial from Southern Egypt*. Dallas: Southern Methodist University Press.
- Wu, X.-J., Schepartz, L.A., Liu, W., Trinkaus, E. 2011. Antemortem trauma and survival in the late Middle Pleistocene human cranium from Maba, South China. *PNAS* 108 (49), 19558—19662.
- Zollikofer, C.P.E., Ponce de Leon, M.S., Vandermeersch, B., Lévêque, F. 2002. Evidence for interpersonal violence in the St. Césaire Neanderthal. *PNAS* 99, 6444—6448.

Статья поступила в номер 31 сентября 2013 г.

Leonid Vishnyatsky (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Leonid Vishnyatsky (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Вишняцкий Леонид Борисович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: lvishn@yandex.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russia

Homo armatus:
продолжение дискуссии

Homo Armatus: A Continuation of the Discussion
Homo armatus: continuarea discuției

П. В. Пучков, А. М. Буровский

Sapienti sat...

(Ответ на «Ex ungue leonem» В. В. Питулько)

Keywords: Pleistocene megafauna extinctions, landscape transformation, insects-xerophiles, mammoth, hunting, overkill, "sitzkrieg".

Cuvinte cheie: extincții de megafaună din pleistocen, transformări ale peisajului, insecte xerofile, vânat, supravânat, „sitzkrieg”.

Ключевые слова: вымирания плейстоценовой мегафауны, перестройка ландшафтов, ксерофильные насекомые, мамонт, охота, перепромысел, «зитцкриг».

P. V. Putshkov, A. M. Burovsky

Sapienti sat... (Answer to "Ex ungue leonem" by V. V. Pitulko)

This article continues the previous discussion (Буровский, Пучков 2013; Питулько 2013). It shows that the objections raised by V.V. Pitulko (2013) against humans as a prime cause of Pleistocene megafauna extinction are rather biased and untenable. Contrary to his view, there were no rigorous agreement in spatio-temporal ranges of woolly mammoths and "true xerophilous" insect species: there were no such insects at all in considerable parts of mammoth range. Therefore, climate changes that caused contraction of the areas of these insects have nothing to do with the extinction of the mammoth. Mammoths lived not only in dry tundra-steppes but in many other landscapes as well. The human settlement of Siberia was a long-term multiple stage and oscillating process. Hence, hunting pressure of humans grew up gradually, and even mammoths of North Siberia were not a naïve prey quite early in the Wurm. This is why the overkill of mammoths here (as well as in Northern Eurasia as a whole) proceeded in the way of slow "sitzkrieg" and not in the rapid "blitzkrieg" way. A temporal gap between the "last" mammoths and the "first" humans on Taimyr and Wrangel island are imaginary due to incompleteness of the geological record. Inability of climate-driven "natural causes" to drive Pleistocene megafauna to extinctions without replacement is evidenced by the absence/rarity of such extinctions during numerous pre-Wurm climatic oscillations.

P. V. Putshkov, A. M. Burovsky

Sapienti sat... (răspuns la articolul „Ex ungue leonem” al lui V. V. Pitulko)

Articolul continuă discuția, lansată recent (vezi Буровский, Пучков 2013; Питулько 2013). Se demonstrează, că obiecțiile lui V.V. Pitulko la ideea privind rolul crucial al oamenilor în extincțiile megafaunei din pleistocen nu sunt substanțiale, fiind și puțin întemeiate. Astfel, „insectele, cu adevărat xerofile” urmăreau mamuții nu totdeauna și nu în toate locurile. Creșterea umidității climei, care a redus arealul de circulație a acestor insecte în pleistocen, nu putea avea același efect asupra mamuților, care locuiau nu doar în stepele de tundră uscate, ci și în diverse alte medii. Popularea de către oameni a Siberiei de Nord-Est a fost un proces îndelungat, oscilatoriu, care a decurs în mai multe faze, impactul oamenilor asupra megafaunei crescând treptat. Astfel, supravânatul mamuților aici (ca și peste tot în Paleoarctic) nu a decurs după modelul „blitzkrieg”, ci a unui „sitzkrieg” lent. Lacunele cronologice dintre „ultimii” mamuți și „primii” oameni în Taimîr și pe insula Vranghel se explică prin fragmentarea datelor din secvența fosilă. Caracterul secundar al impactului „cauzelor naturale”, generate de climă, asupra extincției indispensabile a megafaunei din pleistocen rezultă din lipsa/raritatea acestor extincții în timpul oscilațiilor climaterice din perioada pre-Wurm.

П. В. Пучков, А. М. Буровский

Sapienti sat... (Ответ на «Ex ungue leonem» В. В. Питулько)

Статья является продолжением дискуссии (см. Буровский, Пучков 2013; Питулько 2013). Показано, что возражения В.В. Питулько (2013) против идеи о ведущей роли людей в вымираниях плейстоценовой мегафауны несостоятельны. Так, «истинно ксерофильные насекомые» сопровождали мамонтов далеко не всегда и не везде. Увлажнение климата, сузившее ареалы этих насекомых в голоцене, не могло погубить мамонтов, живших не только в сухих тундростепях, но и во многих других средах. Заселение людьми Северо-Востока Сибири было долгим, многофазным и колебательным процессом, отчего мощь воздействия людей на мегафауну увеличивалась постепенно. Поэтому перепромысел мамонтов здесь (как везде в Палеарктике) протекал не по типу «блицкрига», а по типу медленного «зитцкрига». Разрывы между временами «последних» мамонтов и «первых» людей на Таймыре и о. Врангеля объясняются неполнотой ископаемой летописи. Второстепенность роли климатообусловленных «естественных причин» в некомпенсированных вымираниях плейстоценовой мегафауны следует из отсутствия/редкости таких вымираний в довурмские колебания климата.

*Чтоб в душе моей бесплодной возрастить Христову розу,
Ты туда для удобрения всыпал брани и навозу.
Каждый следует методе, им изученной где-либо:
Я бранить тебя не буду, я скажу тебе спасибо.*

Генрих Гейне

Мы признательны В. В. Питулько за критику нашей статьи (Буровский, Пучков 2013). С рядом его замечаний согласны. Но, при всём к нему уважении, не согласны с обвинениями нас в «новоязе», «амикошонстве», бездоказательности, незнании истории вопроса, отрицании роли климата в жизни людей и животных, пренебрежении сходством судьбы мамонтов и сухолюбивых насекомых, игнорировании фактов. А также — в намеренном искажении данных «в расчёте на неосведомлённость собеседника», использовании «псевдоданных», пропаганде алармизма и прочих грехах (Питулько 2013: 270—278). Дозволенный объём ответа не позволяет аргументировано отвести все несправедливые обвинения. Остановимся кратко лишь на некоторых.

1. Являются ли наша терминология «новоязом», а стиль — «амикошонством»? Согласно В. В. Питулько, нами «использован своеобразный “новояз”... неуместный в научном произведении», наш стиль — «напор и амикошонство», редкие в научных трудах, но характерные «для алармистских и креационистских сочинений... адресованных... плохо осведомлённой аудитории» (Питулько 2013: 270).

Наш «новояз» сводится к шести необщепринятым терминам, чётко объяснённым в начале статьи (Буровский, Пучков 2013: 168) и помогающим её пониманию. Мы используем слово «климатисты», оппонент — 14-членное определение «сторонников климатической, а точнее, многофакторной гипотезы, признающей за климатическими изменениями главнейшую внешнюю управляющую функцию» (Питулько 2013: 270). Дело вкуса...

С кем это мы «бесцеремонно фамильярны» и к кому набиваемся в «друзья-свины» (=amisochons)? Ведь таково обычное понимание слова «амикошонство» (Словарь... 1949: 41).

2. Касательно нашего фактажа оппонент беспощаден: «Взамен фактов, авторы обрушивают на голову читателя водопад ссылок, цитат и чужих мнений. Практически весь скудный объём доказательной базы, который мог бы подкрепить взгляды сторонников гипотезы перепромысла, приведён в работах, активно цитируемых на страницах обзора» (Питулько 2013: 270).

Мы приводим ссылки не «взамен фактов», а вместе с фактами, подкрепляя их ссылками на публикации, где эти факты изложены. Другое дело, что мы и В. В. Питулько считаем ключевыми разные группы фактов, неодинаково их интерпретируем. Время покажет, кто ближе к истине...

3. Непреднамеренная дезинформация от П. В. Пучкова и от В. В. Питулько. В. В. Питулько отметил: «Сведения о десятках костей мамонтов с вонзившимися в них каменными наконечниками, приводимые Буровским и Пучковым, не соответствуют действительности, поскольку в работе, откуда они якобы почерпнуты (Surovell, Waguespack 2008), речь идёт о находках более или менее анатомически целых костяков хоботных, в ассоциации с которыми встречены наконечники кловис. Если бы авторы прочли статью целиком, а не её краткое содержание или только заголовок, то ошибки удалось бы избежать» (Питулько 2013: 275).

Да, П. В. Пучков ошибся, истолковав выражения типа «the eight Clovis points scattered throughout the body of the nearby mammoth» (Surovell, Waguespack 2009: 87) как указания на наконечники в костях. Он приносит извинения читателям и благодарит В. В. Питулько за исправление ненамеренной дезинформации: наконечники не вонзились в кости, а лежали среди костей скелетов, на месте сгнивших мяса, связок и потрохов. К счастью, этот недосмотр на суть дела не влияет: мы не исказили смысла работ американских археологов, считающих ряд американских стоянок местами убоя хоботных. Кстати, статья, в которой мы, по словам оппонента, «прочли... только заголовок» (Питулько 2013: 275), у нас ни в тексте, ни в списке литературы не упомянута: на тот момент мы ею не располагали.

С другой стороны, мы с удивлением прочли у оппонента, будто Н. Оуэн-Смит (Owen-Smith 1987) и один из нас (Пучков 1991; 1992а; 1992б; 1993а; 1993б; 2006) «в качестве причин вымирания» плейстоценовой мегафауны указывают «трансформацию среды обитания, связанную с глобальными изменениями климата» (Никольский, Питулько 2013: 134). На самом деле в этих работах аргументируется мысль о сугубой второстепенности роли климата в этих вымираниях и говорится о пагубных для мегафауны трансформациях

№1. 2014

среды в силу угасания гигантских фитофагов по вине древнего человека. Кроме того, оппонент (там же) отнёс к сторонникам вымирания этой мегафауны от «истребления/вытеснения животных человеком» ярых противников этой идеи (Wroe et al. 2004; Wroe, Field 2006). То есть, В. В. Питулько поменял смысл девяти работ на противоположный. Дезинформация налицо, пусть даже «ошибка в цитировании... носит технический характер», как объяснил нам казус в личном письме высокоуважаемый оппонент...

4. Ниспроверяем ли мы «концепцию тундростепных ценозов»? Согласно оппоненту, наше «ниспровержение концепции тундростепных ценозов как субстрата для обитания мамонтовой фауны» не содержит «ни одного аргумента, который можно было бы рассматривать как попытку опровержения, однако в дальнейшем упоминание данной гипотезы носит уничижительный характер, как доказательно опровергнутой и отброшенной за ненадобностью» (Питулько 2013: 271).

Мы не «ниспроверяем» эту концепцию полностью и нигде не утверждаем, что мамонты **вовсе** не жили в тундростепях. Мы лишь показываем, что мамонты жили **не только** в тундростепи и вымерли не потому, что она исчезла. Оппонент ухитрился «не заметить» таких аргументов, как приспособленность хоботных к хождению по вязкой почве, несостоятельности идеи, будто снеговой покров больше затруднял движение мамонтов, чем меньших копытных, абсурдности идей о намокании шерсти мамонтов и их меньшей стойкости к гнусу, чем у тонкокожих оленей. «Не заметил» он и того, что спектр климатов и ландшафтов (включая лесостепные и даже лесные), в которых жил мамонт, а также фаун, членом которых он был, не помещается в прокрустово ложе концепции тундростепи в любом из её вариантов. Не учёл оппонент и переживания мамонтами межледниковий, и отсутствия в ряде случаев совпадения вымирания мамонтов с деградацией тундростепей. Обо всём этом сказано либо в обсуждаемой им работе (Буровский, Пучков 2013: 171—172, 205—206, 208—217), либо в наших предыдущих работах, на которые в ней даны ссылки.

5. Боимся ли мы «приращения объёма информации»? Оппонент заявил, что мы не следим «за приращением объёма информации в области четвертичной геологии и палеогеографии», ибо «эти малопонятные данные мешают» нам «развивать концепцию доисторического перепромысла» (Питулько 2013: 271). То есть, он винит нас в игно-

рировании «малопонятных» данных, хотя сам проигнорировал ряд вполне понятных, но неудобных климатистам сведений о морфологии, экологии, географии, средах обитания мамонтов (см. пункты 4, 6).

Показательно, что В. В. Питулько не дезавуировал действительно важные для проблемы вюрмских вымираний палеогеографические факты. Это — близкая степень похолодания в позднеерисский и поздневюрмский плейстоцены, большее отступление океана в риссе, чем в вюрме, большее общее наступление океана и большая степень потепления и/или увлажнения климата Европы и Сибири в ресс-вюрме (ээм, казанцево), чем в голоцене. Насколько нам известно, «приращение объёма... информации» только уточняет и подтверждает несовместимость сих фактов с идеями климатистов. Если это происходит не сразу, то по мере утряски и проверки сенсационных новостей.

В частности, это касается неподтвердившейся инсинуации с «галопирующим» («flickering») климатом межледниковий (напр. Sher 1995), якобы резко отличным от «аномально стабильного» климата голоцена (Пучков 2001; Putshkov 2003). Такого рода подход — пример того, как климатисты выхватывают из «информации в области четвертичной геологии и палеогеографии» (Питулько 2013: 271) как раз «малопонятные» (в смысле — непроверенные и/или не относящиеся к проблеме вымираний мегафауны) «данные» для запутывания и без того сложной проблемы. Другой пример такого подхода — «*энтномологический аргумент*» уважаемого оппонента.

6. Чему учат жуки применительно к мамонтам? Согласно В. В. Питулько, «первопричина вымирания мамонтов — «трофоклиматический стресс» от сокращения «числа/площади местообитаний, продуктивности ландшафтов, их видоизменения. Для Арктической Сибири данный вывод бесспорен», ибо численность мамонтов там колебалась синхронно таковой «ксерофильной фауны насекомых». Оппоненту «понятно, что колебания численности насекомых никак не связаны с деятельностью человека, а только с климатом, через обусловленные им изменения растительных сообществ» (Питулько 2013: 271).

Да, есть положительная зависимость между частотой встречаемости остатков мамонтов в вюрме ряда районов Арктической Сибири и таковой суходобивых жуков в разрезе Мамонтовая Хаята на п-ве Быковском. Да, выпадение мамонтов из геологической летописи

тут в основном совпадает с замещением «тундростепей» сообществами тайги или тундры (Sher et al. 2005; Kuzmina, Sher 2006; Nikol'skiy et al. 2011; Никольский, Питулько 2013). Но правомерно ли признавать только эти факты, отменяя другие, указующие на необязательность связи мамонтов с условиями, необходимыми для сухолюбивых букашек?

Даже «для Арктической Сибири... вывод» об одинаковой влагобязности мамонтов и «ксерофильных насекомых» отнюдь не «бесспорен». Юрибейский мамонт жил на Гыдане после окончательного исчезновения тундростепи около 10—9,6 тыс. л. н. (здесь и далее некалиброванное радиоуглеродное время) в переувлажнённой среде, в окружении жуков и почвенных клещей влажных и мокрых стадий. Остатков степных видов с ним не найдено вообще (Киселёв и др. 1982), а присутствие (не доминирование!) пилюльщика *Morychus viridis* сухости среды не доказывает: в плейстоцене этот жук жил и во влажных средах (Кузьмина, Пономаренко 2001: 282). В кишечнике сего мамонта обнаружены не сухо-, а влаголюбивые растения южных тундр и лесотундр (Горлова 1982; Евсеев и др. 1982; Украинцева 1982). Это лишает смысла заверения (напр., Kuzmina, Sher 2006: 1817), что последние мамонты выпасались только «на изолированных клочках наиболее ксерофильных злаково-разнотравных сообществ на наилучше дренированных участках», «служивших... убежищами для... насекомых»-ксерофилов. У этого мамонта мощный слой подкожного жира и нет патологий (Евсеев и др. 1982; Дуброво 1982), то есть, он не страдал от питания не степным кормом. Почти нет сухолюбивых жуков и в ассоциации с Магаданским (Киргилжским) мамонтёнком (Киселёв и др. 1982), а также — с костями последних (около 10 тыс. л. н.) мамонтов в Луговском (Ханты-Мансийский округ), живших в лесотундрах (Зиновьев 2008).

Эти случаи не единичны. Даже на северо-востоке Сибири (далее — СВ Сибири) истинно ксерофильные насекомые (*sensu* Kuzmina in Sher et al. 2005: 541) не всегда доминируют в пробах «мамонтовых энтомофаун». *Есть тут и пробы без истинных ксерофилов*, как часть образцов из Крестовки, Большой Чукочей, Уткинского Камня, Молотковского Камня, Аччыгай-Аллахи, Ледового и Мамонтового Обрывов на Майне (Киселёв 1981: 49—61, 66—71, 77—79, 82—84, 91—93). Ещё обычнее преобладание мезо- и гигрофилов над ксерофилами в «мамонтовых» энтомофаунах Западной Сибири (Zinovyev 2011; Vorodin

et al. 2013). До Белоруссии даже в самые сухие фазы вюрма доходили немногие истинные ксерофилы (Назаров 1984). В Швейцарии, Германии, Франции, Нидерландах, Британии они вовсе не выявлены (Соор 1968; 2000; 2007 et al.; Elias 1994; Bos et al. 2004). Вюрмский климат запада Европы был в целом суше и континентальнее здешнего нынешнего, но не более либо менее континентален, чем теперь во внутренних частях востока Сибири. Судя по остаткам растений и насекомых, мамонты запада Европы в риссе и вюрме жили в разных вариантах мезо- и гигрофитных лугов, тундр, лесотундр, открытых лесов, редколесий (Scott 2001; Симакова и др. 2008). Так, в Нидервинингене близ Цюриха найдены остатки мамонтов, шерстистых носорогов, лошадей и бизонов, живших около 45 тыс. л. н. в редкостойной заболоченной тайге из елей, лиственниц, берёз, жимолости, перемежавшейся с заболоченными же высоко- и низкотравными лугами (Furrer et al. 2007). Остатки жуков, сопровождающие кости этих мамонтов, естественно, тоже принадлежат холодо-влаголюбивым видам, живущим теперь либо в Альпах выше места находки, либо в зонах тайги и/или тундр севера Европы, Сибири, Канады; среди них — ни единого степного жука! (Соор 2007).

Ни один истинный ксерофил «мамонтовых энтомофаун» СВ Сибири (см. Киселёв 1981; Sher et al. 2005; и др.) не населял большей части огромного ареала мамонта (Пучков 2013). А среди мезо- и гигрофильных насекомых таких видов хватает (Пучков 2014). С другой стороны, степные ксерофилы сибирских мамонтовых энтомофаун теперь не только теплятся на крохотных клочках азональных степей в пределах тайги и тундры, но и процветают в обширных степях и лесостепях Забайкалья, Даурии, Маньчжурии, Монголии, востока Казахстана (Киселёв 1981; Кузьмина, Пономаренко 2001; Алфимов и др. 2003). Этот регион всегда пребывал в зоне сухого континентального климата с его малоснежностью, твёрдостью грунтов, степной растительностью. Поэтому «ксерофильная фауна насекомых» тут и теперь доминирует, благодаря удалённости от «трансгрессии полярного бассейна», столь пагубной для таких насекомых в «Арктической Сибири» (Питулько, 2013: 271). Если эта трансгрессия и «трофоклиматический стресс» от неё впрямь убили северных мамонтов (там же), то почему мамонты и носороги сухих степей/лесостепей Алтая, Забайкалья, Даурии, Маньчжурии, Монголии, Казахстана, где в принципе не могло быть сего

«трофоклиматического стресса», не выжили наравне с «ксерофильными насекомыми»?

Неверно и то, что «колебания численности насекомых никак не связаны с деятельностью человека, а только с климатом» (Питулько 2013: 271). Теперь люди, меняя среду, радикально меняют и энтомофауну огромных пространств. Изменения численности слонов по вине человека, замещение диких растительноядных скотом, радикально меняющие растительность (примеры и первоисточники см. у Putshkov 1997; Буровский, Пучков 2013), столь же решительно меняют и сообщества насекомых. Выпадение мамонтов со спутниками из экосистем не могло не повлиять на ареалы разных видов насекомых и клещей и, особенно, на их соотношение в сообществах. Ведь выпас мамонтов и их спутников разреживал древостой, разрушал покров мхов и лишайников, тормозил накопление растительного детрита, что сушило почвы и меняло их прочие характеристики. Всё это отражалось на растительности и насекомых (Пучков 1989а: 42; 1989б: 25; 2013; 2014; Zinovyev 2011, Зиновьев 2008). Если первопричина вымирания мамонтов — люди, то и замещение на значительной части Евразии пастбищных экосистем детритными, и сопутствующие изменения среди насекомых тоже, отчасти, следствие человеческой деятельности.

7. Пригодна ли Арктическая Сибирь для проверки концепции первобытного перепромысла? Оппонент пишет: «В отличие от многих иных регионов, мамонтовая фауна существовала в арктической области Сибири совместно с людьми» недолго, «что позволяет проверить» здесь «гипотезу “блицкрига” (быстрого истребления фауны, находящейся в оптимальных условиях, вскоре после первого контакта с человеком)» (Никольский, Питулько 2013: 136, 144, 146; Nikolskiy et al. 2011).

Однако «блицкрига» и не могло быть на СВ Сибири. Здешные мамонты даже 30 тыс. л. н. не были совершенно «наивной» к человеку добычей. Ведь юг Сибири люди заняли в среднем палеолите, если не раньше, а их отдельные группы не могли не проникать эпизодически много северней постоянного ареала. По крайней мере, это следует из современных представлений о динамике северной границы ареала людей в верхнем палеолите (Веерпорте 2008: 500—502). Повторявшиеся вторжения, даже не приводившие к заселению территорий, позволяли мамонтам узнать двуногого врага, научиться бояться его даже вне его постоянного ареала. И северные мамонты в ходе

сезонных миграций попадали в земли, уже занятые людьми. Поэтому и до эпохи археологически видимого присутствия человека на СВ Сибири среди здешних мамонтов были особи, знакомые с людьми. Их опыт пригодился, когда люди прочно заняли регион: неопытные особи учились у опытных избегать человека. Вот почему «появление человека на севере Сибири... документированное Янской стоянкой... не отразилось на» численности мамонтов (цит. по Никольский, Питулько 2013: 144), а вовсе не потому, что «мамонт как охотничья добыча не играл преобладающей роли» (там же). Кстати, последний вердикт опровергнут самим оппонентом с соавторами, установившими широкое использование людьми мамонтов в палеолите СВ Сибири (Basilyan et al. 2011) и обнаружившими прямые доказательства тогдашних охот на гигантов (Nikolskiy, Pitulko 2013).

8. Исключают ли перепромысел мамонтов разрывы во времени «последних» мамонтов и «первых» людей в регионе? Отвергая наш вывод о ведущей роли человека в вымирании мамонтов, оппонент заявляет, что на о. Врангеля мамонты вымерли около 3500 лет назад, а первые следы людей тут на 200—300 лет моложе. Что мамонты с о-вов Прибылова «умерли в одиночестве, не дождавшись людей, поскольку не установлено посещение островов человеком ранее XVIII столетия». Что «для Таймыра нет свидетельств пребывания там человека ранее 6000 л. н.», а мамонты угасти тут на «3500 лет» раньше (Питулько 2013: 271—272).

О негодности этих аргументов, оппонент знает не хуже нас. В другой статье он пишет, что на Таймыре, о-вах Врангеля, Прибылова и Новосибирских «последние мамонты и первые люди оставили скудные свидетельства» в ископаемой летописи, отчего вероятно, что разрывы во времени — кажущиеся (Pitulko, Nikolskiy 2012: 36). Честно ли требовать от нас веры тому, чему сам оппонент не доверяет?

9. О других темах. Оспаривая ведущую роль людей в вымираниях американской и австралийской мегафаун, оппонент некорректно сравнивает по способности выдержать человеческий пресс малоплодовитых хоботных и гигантских ленивцев с плодовитыми выжившими копытными. Обвиняя нас в «спекуляции цифрами, отражающими количество убитых древними людьми животных» (Питулько 2013: 274), он нарочито игнорирует неполноту гео- и археологической «летописи». Безосновательно сводя нашу кон-

цепцию только к перепромыслу, он игнорирует те косвенные антропогенные эффекты, которым мы придаём решающее значение в вымирании ряда животных. Неоправданно и огульное игнорирование им «современных данных по исчезнувшим, исчезающим, редким и прочим видам животных», а также по островным вымираниям (Питулько 2013: 271—274).

10. О верности оппонента фактам и... его тихом отступничестве от климатистской доктрины. Оценивая нашу точку зрения, оппонент резюмирует: «Совершенно ясно, что это вопрос веры... Люди имеют право верить, во что хотят... в перепромысел... в глобальное потепление или в зелёных человечков... Нильс Бор в этой связи в ответ на вопрос... верит ли он в Бога, ответил, что в рабочее время он — атеист и придерживается фактов. Я тоже придерживаюсь фактов и по сей причине не нуж-

даюсь в гипотезе перепромысла» (Питулько 2013: 278). Однако, заявив о своей приверженности фактам, он умолчал, что и среди фактов многие недостойны его внимания и учёту не подлежат. В частности, как показано выше, он признаёт одни «мамонтовые энтомофауны», а не другие, и «в упор» не замечает свидетельств жизни мамонтов вне тундростепей.

Однако другие факты, противоречащие климатизму, оппонент не только учёл, но даже открыл (сооткрыл) сам. В результате, учёный, «не нуждающийся в гипотезе перепромысла», возымел нужду в гипотезе причастности человека к угасанию последних мамонтов Северо-Востока Сибири. Выходит, В. В. Питулько отступил от стопроцентного климатизма основателей тундростепной парадигмы. «Упрямство» фактов рано или поздно вынуждает «поступаться принципами» всех настоящих учёных... *Sic transit gloria ideae...*

Литература

- Алфимов А. В., Берман Д. И., Шер А. В. 2003. Тундростепные группировки насекомых и реконструкция климата позднего плейстоцена низовий Колымы. *Зоологический журнал* 82 (2), 281—300.
- Буровский А. М., Пучков П. В. 2013. Вымирания плейстоценовой мегафауны и их следствия: рукотворный или «чисто природный» процесс? *Stratum plus* (1), 167—268.
- Веерпорте А. 2008. Географический ареал человека современного типа: динамика северной границы ареала человека при переходе от плейстоцена к голоцену. В: Маркова А. К., Кольфсхотен Т. ван (ред.). *Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24—8 тыс. л. н.)*. Москва: КМК, 489—518.
- Горлова Р. Н. 1982. Растительные макроостатки в желудочно-кишечном тракте Юрибейского мамонта. В: Соколов В. Е. (отв. ред.). *Юрибейский мамонт*. Москва: Наука, 37—43.
- Дуброво И. А. 1982. Морфология скелета Юрибейского мамонта. В: Соколов В. Е. (отв. ред.). *Юрибейский мамонт*. Москва: Наука, 53—99.
- Евсеев и др. 1982: Евсеев В. П., Дуброво И. А., Ренгартен Н. В., Стремяков А. Я. 1982. Местонахождение Юрибейского мамонта: геология, тафономия, палеогеография. В: Соколов В. Е. (отв. ред.). *Юрибейский мамонт*. Москва: Наука, 5—19.
- Зиновьев Е. В. 2008. Первые данные о фауне насекомых позднечетвертичного нахождения Луговское (среднее Приобье). В: Косинцев П. А. (ред.). *Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое*. Екатеринбург; Челябинск: ООО «ЦИКР “Рифей”», 199—201.
- Киселёв С. В. 1981. *Позднечетвертичные жесткокрылые северо-восточной Сибири*. Москва: Наука.
- Киселёв С. В., Друк А. Я., Криволицкий Д. А. 1982. О фауне жуков и панцирных клещей из захоронений мамонтов. В: Соколов В. Е. (отв. ред.). *Юрибейский мамонт*. Москва: Наука, 44—53.
- Кузьмина С. А., Пономаренко А. Г. 2001. Палеозоологические данные об условиях обитания мамонтов. В: Розанов А. Ю. (ред.). *Мамонт и его окружение: 200 лет изучения*. Москва: Геос, 279—286.
- Назаров В. И. 1984. *Реконструкция ландшафтов Белоруссии по палеозоологическим данным (антропоген)*. Москва: Наука.
- Никольский П. А., Питулько В. В. 2013. Зависимость численности мамонтов от климата в связи с проблемой их вымирания (по массовому радиоуглеродному датированию остатков мамонтов из Арктической Сибири). *Stratum plus* (1), 133—165.
- Питулько В. В. 2013. *Ex ungue leonem cognoscimus...* (комментарий к работе А. М. Буровского и П. В. Пучкова «Вымирания плейстоценовой мегафауны и их следствия: рукотворный или «чисто природный» процесс?»). *Stratum plus* (1), 269—280.
- Пучков П. В. 1989а. *Некомпенсированные вымирания в плейстоцене*. Ч. 1. *Предполагаемый механизм кризиса*. Киев: Препр. АН УССР. Ин-т зоологии.
- Пучков П. В. 1989б. *Некомпенсированные вымирания в плейстоцене*. Ч. 2. *Региональные аспекты*. Киев: Препр. АН УССР. Ин-т зоологии.
- Пучков П. В. 2001. Почему мамонты не вымирали в межледниковья? В: Розанов А. Ю. (отв. ред.). *Мамонт и его окружение: 200 лет изучения*. Москва: Геос, 253—261.
- Пучков П. В. 2013. Всегда ли сопровождали мамонтов жуки-криоксерофилы? В: VIII з'їзд ГО «Українське ентомологічне товариство». Тезиси докладов. Киев: Изд-во НУБіП України, 133—134.
- Пучков П. В. 2014. Спасут ли «тундростепные» насекомые «тундростепную» парадигму вымирания мамонтов? *Український Ентомологічний журнал*, в печати.
- Симакова и др. 2008: Симакова А. Н., Пузаченко А. Ю., Бохнке Ш. 2008. Растительность Европы в конце плейстоцена—раннем голоцене (24—8 тыс. л. н.). В: Маркова А. К., Кольфсхотен Т. ван (ред.). *Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24—8 тыс. л. н.)*. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 315—455.
- Словарь... 1949: Лёхин И. В., Петров Ф. Н. (ред.). 1949. *Словарь иностранных слов*. Москва: Государственное издательство иностранных и нацио-

№1. 2014

- нальных словарей.
- Украинцева В. В. 1982. Природная среда и условия гибели мамонта в верхнем течении реки Юрибей. В: Соколов В. Е. (отв. ред.). *Юрибейский мамонт*. Москва: Наука, 19—29.
- Basilyan et al. 2011: Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V. 2011. Woolly mammoth mass accumulation next to the Palaeolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity. *JAS* 38, 2461—2474.
- Borodin et al. 2013: Borodin A., Markova E., Zinovyev E., Strukova T., Fominykh M., Zykov S. 2013. Quaternary Rodent and Insect Faunas of the Urals and Western Siberia: Connection between Europe and Asia. *QI* 284, 132—150.
- Bos et al. 2004: Bos J. A. A., Dickson J. H., Coop J. R., Jardine W. G. 2004. Flora, Fauna and Climate of Scotland during the Weichselian Middle Pleniglacial — Palynological, Macrofossil and Coleopteran Investigations. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology* 204, 65—100.
- Coope R. G. 1968. An Insect Fauna from Mid-Weichselian Deposits at Brandon, Warwickshire. *Philosophical Transactions of the Royal Society London Ser. B* 254, 425—456.
- Coope G. R. 2000. Middle Devensian (Weichselian) Coleopteran Assemblages from Earith, Cambridgeshire (UK) and their bearing on the Interpretation of the 'Full Glacial' floras and faunas. *Journal of Quaternary Sciences* 15 (8), 779—778.
- Coope G. R. 2007. Coleoptera from the 2003 excavations of the mammoth skeleton at Niederweningen, Switzerland. *QI* 164/165, 130—138.
- Elias S. A. 1994. *Quaternary insects and their environments*. Washington; London: Smithsonian Institution Press.
- Furrer et al. 2007: Furrer H., Graf H. R., Maeder A. 2007. The mammoth site of Niederweningen, Switzerland. *QI* 164/165, 85—97.
- Kuzmina S., Sher A. 2006. Some features of the Holocene Insect Faunas of North-Eastern Siberia. *QSR* 25: 1790—1820.
- Nikolskiy et al. 2011: Nikolskiy P. A., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V. 2011. Last straw versus Blitzkrieg overkill: climate-driven changes in the Arctic Siberia mammoth population and the late Pleistocene extinction problem. *QSR* 30, 2309—2328.
- Nikolskiy P., Pitulko V. 2013. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting. *JAS* 40 (12), 4189—4197.
- (doi: 10.1016/j.jas.2013.05.020)
- Owen-Smith N. 1987. Pleistocene extinctions: the pivotal role of megaherbivores. *Paleobiology* 13 (3), 351—362.
- Pitulko V. V., Nikolskiy P. A. 2012. The extinction of the woolly mammoth and the archeological record in Northeastern Asia. *World Archaeology* 44 (1), 21—42.
- Putshkov P. V. 1997. *Were the mammoths killed by the warming? (Testing of the climatic versions of Würm extinctions)*. Kyiv: The Schmalhausen Institute of Zoology. (Supplement 4 to B3).
- Putshkov P. V. 2003. The impact of mammoths in their biome: clash of two paradigms. *DEINSEA (Jaarbericht Natuurmuseum Rotterdam)* 9, 365—379.
- Scott K. 2001. Late Middle Pleistocene Mammoths and Elephants of the Thames Valley, Oxfordshire. In: Cavaretta G. et al. *The World of elephants. Proceedings of the 1st International Congress*. Rome: "La Sapienza", 247—254.
- Sher A. V. 1995. Late-Quaternary extinctions of large mammals in Northern Eurasia: a new look at the Siberian contribution. In: B. Huntley et al. (eds.). *Past and future rapid environmental changes*. Berlin: Springer, 319—339.
- Sher et al. 2005: Sher A. V., Kuzmina S., Kuznetsova T. V., Sulerzhitsky L. D. 2005. New insights into the Weichselian environment and climate of East Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants and mammals. *QSR* 30, 533—569.
- Surovell T. A., Waguespack N. M. 2008. How many elephant kills are 14? Clovis mammoth and mastodon kills in context. *QI* 191 (1), 82—97.
- Surovell T. A., Waguespack N. M. 2009. Human prey choice in the Late Pleistocene and its relation to Megafaunal extinctions. In: Haynes G. (ed.). *American Megafaunal extinctions at the end of the Pleistocene*. New York: Springer, 77—105.
- Wroe et al. 2004: Wroe S., Field J., Fullagar R., Jermin L. S. 2004. Megafaunal extinction in the late Quaternary and the global overkill hypothesis. *Alcheringa* 28, 291—331.
- Wroe S., Field J. 2006. A review of the evidence for a human role in the extinction of Australian Megafauna and the alternative interpretation. *QSR* 25 (21—22), 2692—2703.
- Zinovyev E. V. 2011. Sub-fossil beetle assemblages associated with the "mammoth fauna" in the Late Pleistocene localities of the Ural Mountains and West Siberia. *Zookeys* 100, 149—169.

References

- Alfimov, A. V., Berman, D. I., Sher, A. V. 2003. In *Zoologicheskii zhurnal (Journal of Zoology)* 82 (2), 281—300 (in Russian).
- Burovsky, A. M., Putshkov, P. V. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 167—268 (in Russian).
- Veerporte, A. 2008. In *Evolutsiia ekosistem Evropy pri perekhode ot pleistotsena k golotsenu (24—8 tys. l. n.) (The Evolution of Europe's Ecosystems on the Transition from Pleistocene to Holocene (24—8 Thousand Years BP))*. Moscow: KMK, 489—518 (in Russian).
- Gorlova, R. N. 1982. In *Iuribeiskii mamont (The mammoth from Yuribei)*. Moscow: Nauka, 37—43 (in Russian).
- Dubrovo, I. A. 1982. In *Iuribeiskii mamont (The mammoth from Yuribei)*. Moscow: Nauka, 53—99 (in Russian).
- Evseev, V. P., Dubrovo, I. A., Rengarten, N. V., Stremyakov, A. Ya. 1982. In *Iuribeiskii mamont (The mammoth from Yuribei)*. Moscow: Nauka, 5—19 (in Russian).
- Zinovyev, E. V. 2008. In *Fauna i flora Severnoi Evrazii v pozdnem kainozoe (The fauna and flora of Northern Eurasia in Late Cenozoic)*. Ekaterinburg; Chelyabinsk: OOO «TsIKR "Rifei"», 199—201 (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1981. *Pozdnekainozoiskie zhestkokrylye severovostochnoi Sibiri (Late Cenozoic coleoptera of North-Eastern Siberia)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kiselev, S. V., Druk, A. Ya., Krivolutsky, D. A. 1982. In *Iuribeiskii mamont (The mammoth from Yuribei)*. Moscow: Nauka, 44—53 (in Russian).
- Kuzmina, S. A., Ponomarenko, A. G. 2001. In *Mamont i ego okruzhenie: 200 let izuchenii (The Mammoth and its Milieu: 200 Years of Research)*. Moscow: Geos, 279—286 (in Russian).
- Nazarov, V. I. 1984. *Rekonstruktsiia landshaftov Belorussii po paleontologicheskim dannym (antropogen) (Reconstruction of Belarus landscapes basing on paleontological data (Anthropogene))*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Nikolskiy, P. A., Pitulko, V. V. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 133—165 (in Russian).
- Pitulko, V. V. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 269—280 (in Russian).
- Putshkov, P. V. 1989a. *Nekompensirovannye vymiraniia v pleistotsene (Uncompensated Extinctions in Pleistocene)*. P. 1.

- Predpolagaemyi mekhanizm krizisa (The Supposed Mechanism of Crisis)*. Kiev: Prepr. AN USSR. Institut zoologii (in Russian).
- Putshkov, P. V. 1989b. *Nekompensirovannye vymiraniia v pleistotsene (Uncompensated Extinctions in Pleistocene)*. P. 2. *Regional'nye aspekty (Regional Aspects)*. Kiev: Prepr. AN USSR, Institut zoologii (in Russian).
- Putshkov, P. V. 2001. In *Mamont i ego okruzenie: 200 let izucheniia (The Mammoth and its Milieu: 200 Years of Research)*. Moscow: Geos, 253—261 (in Russian).
- Putshkov, P. V. 2013. In *VIII z'їzd HO «Ukrains'ke entomohichne tovarystvo» (8th reunion of the "Ukrainian entomological society")*. Kyev: NUBiP Ukrainy, 133—134 (in Russian).
- Putshkov, P. V. 2014. In *Ukrains'kyj Entomohichnyj zhurnal (Ukrainian Entomological Journal)*, in print (in Russian).
- Simakova, A. N., Puzachenko, A. Yu., Bokhnke, Sh. 2008. In *Evolutsiia ekosistem Evropy pri perekhode ot pleistotsena k golotsenu (24—8 tys. l. n.) (The Evolution of Europe's Ecosystems on the Transition from Pleistocene to Holocene (24—8 Thousand Years BP))*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniĭ KMK, 315—455 (in Russian).
- Lekhin, I. V., Petrov, F. N. (eds.). 1949. *Slovar' inostrannykh slov (Dictionary of foreign words)*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei (in Russian).
- Ukrainseva, V. V. 1982. In *Iuribeiskii mamont (The mammoth from Yuribe)*. Moscow: Nauka, 19—29 (in Russian).
- Basilyan, A. E., Anisimov, M. A., Nikolskiy, P. A., Pitulko, V. V. 2011. Woolly mammoth mass accumulation next to the Palaeolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity. *JAS* 38, 2461—2474.
- Borodin, A., Markova, E., Zinovyev, E., Strukova, T., Fominikh, M., Zykov, S. 2013. Quaternary Rodent and Insect Faunas of the Urals and Western Siberia: Connection between Europe and Asia. *QI* 284, 132—150.
- Bos, J.A.A., Dickson, J.H., Coop, J.R., Jardine, W.G. 2004. Flora, Fauna and Climate of Scotland during the Weichselian Middle Pleniglacial — Palynological, Macrofossil and Coleopteran Investigations. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology* 204, 65—100.
- Coope, R.G. 1968. An Insect Fauna from Mid-Weichselian Deposits at Brandon, Warwickshire. *Philosophical Transactions of the Royal Society London Ser. B* 254, 425—456.
- Coope, G.R. 2000. Middle Devensian (Weichselian) Coleopteran Assemblages from Earith, Cambridgeshire (UK) and their bearing on the Interpretation of the 'Full Glacial' floras and faunas. *Journal of Quaternary Sciences* 15 (8), 779—778.
- Coope, G.R. 2007. Coleoptera from the 2003 excavations of the mammoth skeleton at Niederweningen, Switzerland. *QI* 164/165, 130—138.
- Elias, S.A. 1994. *Quaternary insects and their environments*. Washington; London: Smithsonian Institution Press.
- Furrer, H., Graf, H.R., Maeder, A. 2007. The mammoth site of Niederweningen, Switzerland. *QI* 164/165, 85—97.
- Kuzmina, S., Sher, A. 2006. Some features of the Holocene Insect Faunas of North-Eastern Siberia. *QSR* 25: 1790—1820.
- Nikolskiy, P.A., Sulerzhitsky, L.D., Pitulko, V.V. 2011. Last straw versus Blitzkrieg overkill: climate-driven changes in the Arctic Siberia mammoth population and the late Pleistocene extinction problem. *QSR* 30, 2309—2328.
- Nikolskiy, P., Pitulko, V. 2013. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting. *JAS* 40 (12), 4189—4197. (doi: 10.1016/j.jas.2013.05.020).
- Owen-Smith, N. 1987. Pleistocene extinctions: the pivotal role of megaherbivores. *Paleobiology* 13 (3), 351—362.
- Pitulko, V.V., Nikolskiy, P.A. 2012. The extinction of the woolly mammoth and the archeological record in Northeastern Asia. *World Archaeology* 44 (1), 21—42.
- Putshkov, P.V. 1997. *Were the mammoths killed by the warming? (Testing of the climatic versions of Würm extinctions)*. Kyiv: The Schmalhausen Institute of Zoology. (Supplement 4 to B3).
- Putshkov, P.V. 2003. The impact of mammoths in their biome: clash of two paradigms. *DEINSEA (Jaarbericht Natuurmuseum Rotterdam)* 9, 365—379.
- Scott, K. 2001. Late Middle Pleistocene Mammoths and Elephants of the Thames Valley, Oxfordshire. In: Cavaretta G. et al. *The World of elephants. Proceedings of the 1st International Congress*. Rome: "La Sapienza", 247—254.
- Sher, A.V. 1995. Late-Quaternary extinctions of large mammals in Northern Eurasia: a new look at the Siberian contribution. In: B. Huntley et al. (eds.). *Past and future rapid environmental changes*. Berlin: Springer, 319—339.
- Sher, A.V., Kuzmina, S., Kuznetsova, T.V., Sulerzhitsky, L.D. 2005. New insights into the Weichselian environment and climate of East Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants and mammals. *QSR* 30, 533—569.
- Surovell, T.A., Waguespack, N.M. 2008. How many elephant kills are 14? Clovis mammoth and mastodon kills in context. *QI* 191 (1), 82—97.
- Surovell, T.A., Waguespack, N.M. 2009. Human prey choice in the Late Pleistocene and its relation to Megafaunal extinctions. In: Haynes G. (ed.). *American Megafaunal extinctions at the end of the Pleistocene*. New York: Springer, 77—105.
- Wroe, S., Field, J., Fullagar, R., Jermin, L.S. 2004. Megafaunal extinction in the late Quaternary and the global overkill hypothesis. *Alcheringa* 28, 291—331.
- Wroe, S., Field, J. 2006. A review of the evidence for a human role in the extinction of Australian Megafauna and the alternative interpretation. *QSR* 25 (21—22), 2692—2703.
- Zinovyev, E.V. 2011. Sub-fossil beetle assemblages associated with the "mammoth fauna" in the Late Pleistocene localities of the Ural Mountains and West Siberia. *Zookeys* 100, 149—169.

Статья поступила в номер 25 ноября 2013 г.

Pavel Putshkov (Kiev, Ukraine). Candidate of Biological Sciences. I.I. Schmalhausen Zoology Institute of National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Pavel Putshkov (Kiev, Ucraina). Candidat în științe biologice. Institutul de zoologie „I.I. Schmalhausen” al Academiei de Științe a Ucrainei.

Пучков Павел Васильевич (Kiev, Ukraina). Кандидат биологических наук. Институт зоологии им. И.И. Шмальгаузена Национальной Академии наук Украины.

E-mail: redivion@mail.ru

Andrey Burovsky (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Philosophical Sciences. Federal State Unitar Organisation "Geological Expertise"².

Andrey Burovsky (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe filosofice. Întreprinderea federală unitară de stat „Expertiza geologică”.

Буровский Андрей Михайлович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор философских наук. Федеральное государственное унитарное предприятие «Геолэкспертиза».

E-mail: burovsky@mail.ru

Addresses: ¹ Bogdan Khmelnytsky St., 15, Kiev, 01601, Ukraine; ² Bolshaya Gruzinskaya St., 2, Moscow, 123242, Russia

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк.
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АИ	— Археологические изыскания. Санкт-Петербург.
АИЗ	— Археологические известия и заметки МАО. Москва.
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АК	— Археологическая комиссия.
АКККМ	— Архив Красноярского краевого краеведческого музея.
АН БССР	— Академия наук Белорусской ССР.
АН СССР	— Академия наук СССР.
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР.
АОН	— Академия общественных наук при ЦК КПСС. Москва.
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АС	— Археологический съезд.
БКИЧП	— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. Москва.
БМОИП	— Бюллетень Московского общества испытателей природы. Москва.
БРЭ	— Большая Российская энциклопедия. Москва.
БСЭ	— Большая Советская энциклопедия. Москва.
ВА	— Вопросы антропологии. Москва.
ВАН	— Вестник Академии наук СССР. Москва.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва; Ленинград.
ВЗ	— Вестник знания. Ленинград.
ВОКС	— Всесоюзное общество культурных связей с заграницей. Москва.
ВСОРГО	— Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества. Иркутск.
ВЦИК	— Всероссийский Центральный исполнительный комитет. Москва.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры. Ленинград.
ГАИС	— Государственная академия искусствознания. Ленинград.
ГГПИ	— Горьковский государственный педагогический институт. Горький / Нижний Новгород.
ГИИИ	— Государственный институт истории искусств. Санкт-Петербург / Ленинград.
ГИИМ	— Государственный Исторический музей. Москва.
ГИН	— Геологический институт АН СССР. Москва.
Главлеском	— Главный комитет лесного хозяйства РСФСР.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.
Госиздат	— Государственное издательство РСФСР. Москва; Ленинград.
ГубОНО	— Губернский отдел народного образования.
ГУС	— Государственный Ученый совет НКП РСФСР.
ДА	— Донская археология. Ростов-на-Дону.
ДАН	— Доклады АН СССР. Москва.
ДВГИ ДВО РАН	— Дальневосточный геологический институт, Дальневосточное отделение РАН
ДНЦ	— Дагестанский научный центр РАН. Махачкала.
ДТМАО	— Древности. Труды Московского археологического общества. Москва.
ЗИН	— Зоологический институт Российской Академии наук. Ленинград / Санкт-Петербург.
ЗІФ	— Записки Историчного факультету Одеського державного університету ім. І.І. Мечникова. Одеса.
ЗНУ	— Записки Новороссийского университета. Одесса.
ЗООО	— Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ЗОРСА РАО	— Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. Санкт-Петербург.
ИА НАНУ	— Институт археологии НАНУ. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии РАН. Москва.
ИАИ	— Институт археологии и искусствознания РАНИОН. Москва.
ИАК	— Известия Археологической комиссии. Санкт-Петербург / Петроград.
ИАЭ	— Институт археологии и этнографии АН СССР. Ленинград.
ИАЭА	— Институт антропологии, этнографии и археологии АН СССР. Ленинград.
ИВ	— Институт востоковедения АН СССР / РАН. Москва.
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества. Москва.
ИГАИМК	— Известия ГАИМК. Ленинград.
ИГН	— Институт географии РАН. Москва.
ИГПУ	— Иркутский государственный педагогический университет. Иркутск.
ИГУ	— Иркутский государственный университет. Иркутск.

ИЗК СО РАН	— Институт земной коры СО РАН. Иркутск.
ИИ	— Институт истории.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург.
ИИС	— Из истории Сибири. Томск.
ИПИИ	— Институт по изучению народов СССР АН СССР. Ленинград.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР. Москва.
ИЯ	— Институт языкознания АН СССР. Москва.
КГПУ	— Красноярский государственный педагогический институт. Красноярск.
ҚДУ	— Кам'яна доба України. Київ.
КИПС	— Комиссия АН СССР по изучению племенного состава России и сопредельных стран. Ленинград.
КИЧП	— Комиссия по изучению четвертичного периода. Москва.
КККМ	— Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск.
КОДЖ	— Комиссия по изучению домашних животных АН СССР. Москва.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Киев.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии СССР. Москва; Ленинград.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР / РАН. Москва; Ленинград.
КСУ	— Комиссия содействия ученым при СНК СССР. Ленинград.
КУ	— Казанский университет. Казань.
КУАК	— Курская ученая архивная комиссия. Курск.
КУБУ	— Комиссия по улучшению быта ученых при СНК СССР. Ленинград.
ЛГИ	— Ленинградский географический институт. Ленинград.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛИЛИ	— Ленинградский историко-лингвистический институт. Ленинград.
ЛИФЛИ	— Ленинградский институт истории, философии и лингвистики. Ленинград.
ЛО ИИ	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Ленинград.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Ленинград.
ЛОИВ	— Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Ленинград.
ЛОИЭ	— Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР. Ленинград.
ЛОИЯМ	— Ленинградское отделение Института языка и мышления АН СССР. Ленинград.
МА МГУ	— Музей антропологии МГУ. Москва.
МАИ	— Московский археологический институт. Москва.
МАИЧПР	— Международная ассоциация по изучению четвертичного периода. Москва.
МАО	— Московское археологическое общество. Москва.
МАЗ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР / РАН. Ленинград / Санкт-Петербург.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИФЛИ	— Московский институт философии, литературы и истории. Москва.
ММНК	— Материалы Международной научной конференции.
МОГАИМК	— Московское отделение ГАИМК. Москва.
МОИИМК	— Московское отделение ИИМК. Москва.
МОПИ	— Московский областной педагогический институт. Москва.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
Наркомфин	— Народный комиссариат финансов РСФСР.
НИИ	— Научно-исследовательский институт.
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКП	— Народный комиссариат просвещения РСФСР
ОАМ НАНУ	— Одесский археологический музей НАНУ. Одесса.
ОДРИМ	— Общество друзей Российского Исторического музея. Москва.
ОИРИМ	— Отчеты Императорского Российского Исторического музея. Москва.
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Москва.
ПАИ	— Петербургский (Петроградский) археологический институт.
ПИАН	— Палеонтологический институт АН СССР. Москва.
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ. Ленинград.
ПУ	— Петербургский (Петроградский) университет.
РА ИИМК	— Рукописный архив ИИМК. Санкт-Петербург.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАИМК	— Российская Академия истории материальной культуры. Ленинград.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНИОН	— Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
РАО	— Императорское Русское археологическое общество. Санкт-Петербург.
РИМ	— Российский Исторический музей. Москва.
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная армия.
РКП(б)	— Российская коммунистическая партия (большевиков).
РОНБФ	— Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии. Хельсинки.

№1. 2014

РСДРП	— Российская социал-демократическая рабочая партия.
СА	— Советская археология. Москва; Ленинград.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СО РАН	— Сибирское отделение РАН.
СПА РАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
ССПК	— Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
СЭ	— Советская этнография. Москва; Ленинград.
ТАС	— Тверской археологический сборник. Тверь.
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТГПИ	— Труды Краснодарского государственного педагогического института. Краснодар.
ТЗИН	— Труды Зоологического института АН СССР. Ленинград.
ТИАЭ	— Труды Института антропологии и этнографии АН СССР. Москва; Ленинград.
ТИАЭА	— Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР. Москва; Ленинград.
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР. Москва.
ТСА ИАИ РАНИОН	— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Москва.
ТУ	— Томский университет. Томск.
УЗ ЛГУ	— Ученые записки ЛГУ. Ленинград.
УЗ МГУ	— Ученые записки МГУ. Москва.
УЗ ПГУ	— Ученые записки Пермского государственного университета. Харьков; Пермь.
ФБОН	— Фундаментальная библиотека по общественным наукам АН СССР. Москва.
ФОН	— Факультет общественных наук.
ХВЗ	— Хочу всё знать. Москва.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦГРМ	— Центральные государственные реставрационные мастерские. Москва.
ЦЕКУБУ	— Центральная комиссия по улучшению быта учёных при СНК СССР. Ленинград.
Центржилсоюз	— Общесоюзный центр жилищно-строительной и жилищно-арендной кооперации РСФСР.
Центросоюз	— Центральный союз потребительский обществ.
ЦК ВКП(б)	— Центральный комитет Всероссийской коммунистической партии (большевиков).
ЦНИГРИ	— Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт цветных и благородных металлов. Москва.
ЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия.
ЭОРМ	— Этнографический отдел Русского музея. Санкт-Петербург.
ЯИ	— Яфетический институт АН СССР. Ленинград.
AJPA	— American Journal of Physical Anthropology. New York.
BAI	— Bibliotheca Archaeologica Iassensis. Iași.
BAM	— Bibliotheca Archaeologica Moldaviae. Iași.
BAR IS	— British Archaeological Reports International Series.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.
CAn	— Current Anthropology. Chicago.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
INQUA	— International Union for Quaternary Research.
JAA	— Journal of Anthropological Archaeology. New York.
JAS	— Journal of Archaeological Sciences. New York.
JHE	— Journal of Human Evolution. London.
JWP	— Journal of the World Prehistory. New York.
PNAS	— Proceedings of the National Academy of Sciences USA. New York.
QI	— Quaternary International. Oxford; New York.
QSR	— Quaternary Science Reviews. Oxford; New York.
SA	— Scientific American. New York.
SIRR	— Smithsonian Institution Research Reports. Washington.
SP / Stratum plus	— Stratum plus. Археология и культурная антропология. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест.
VA	— Vita Antiqua. Київ.

